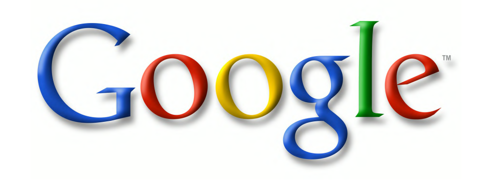

SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE
The gift of
Eugene Schuyler
Consular Agent
at Birmingham,
6 Oct. 1879.

Въ типографіи М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1872.

Стр.

I.—АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ.—Семейная исторія.—Часть третья.—I-X.— **П. Альминскаго** . . . 437

II.—СТРАННИКИ ИЛИ БѢГУНЫ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ. — II. Распространеніе секты. — **А. И. Розова** . . . 519

III.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Что-то ждетъ! — II. Обновленіе. — III. Ш—ѣ.—IV. Предчувствіе смерти.—V. Послѣдній лучъ. — **П. М. Ковалевскаго** . . . 543

IV.—ИСТОРІЯ БИСМАРКА въ связи съ исторіею его страны.—I-VII. — **Л. А. Полонскаго** . . . 548

V.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. — Историческіе очерки. — VI. Славянофильство.—Продолженіе. — **А. Н. Пыпина** . . . 618

VI.—ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.—Изъ Гейбеля.—Перев. **Е. Щ—ной**. . . . 679

VII.—ШУСТЁНОКЪ.—Разсказъ изъ народной жизни.—I-III. — **О. Парвова** . . . 684

VIII.—ХРОНИКА.—Планъ сельско-хозяйственной школы.—**И. Стебута** . . . 718

IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вопросъ о начальномъ обученіи.—Новыя предположенія по наблюденію за нимъ и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ.—Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій.—Роль земства и значеніе инспекціи.—Вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина.—Статистика потребленія спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей.—Собираніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.—Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей".—Что такое Сцилла и Харибда?" . . . 737

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кризисъ во Франціи.—Посланіе президента.—Запросъ Шангарнье. — Коммиссія Кердреля. — Національныя несогласія въ Австріи.—Взглядъ на сеймы.—Случай въ Тиролѣ.—Сеймъ прусскій.—Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта . . . 775

XI.—ЗАМѢТКА О СОСТОЯНІИ МОРСКИХЪ СИЛЪ ВЪ ГЕРМАНІИ. — Bourelly, Marine militaire de l'Allemagne.—**П—чъ** . . . 797

XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ АѲИНЪ.—Парламентская жизнь въ Греціи.—**В. М—овъ** . . . 803

XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Оппозиція палаты господъ и ея реформа. — **К.** . . . 832

XIV.—ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Результаты американскаго протекціонизма.—Cobden Club Essays, second series . . . 854

XV.—НОВЫЯ КНИГИ.—La science des religions, par Em. Burnouf. — L'Internationale remplacée, par un publiciste en retraite. — Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by John Tyndall . . . 872

XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній: о двухъ вакансіяхъ кандидатовъ-педагоговъ по русскому языку . . . 880

XVII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы" въ 1872 г. 882

XVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1872 годъ . . . 891

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1873 г. прилагается особо.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

Семейная исторія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

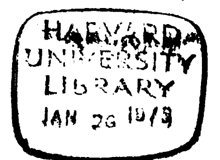
I *).

О внезапной смерти предсѣдателя палаты въ городѣ ходили разные толки; — какъ будто ужасно мудрено умереть человѣку, особенно въ семьдесятъ лѣтъ! Хотя покойникъ велъ жизнь правильную, никогда не лечился, т.-е. не приглашалъ медика, но за то самъ употреблялъ домашнія, секретныя средства противъ всѣхъ недуговъ;—въ тѣ времена была въ сильномъ ходу мысль объ отысканіи универсальнаго средства, всеобщей панацеи. Въ кабинетѣ Міроносцева постоянно скрывалось нѣсколько стклянокъ съ настоями разной дряни, — и онъ ежедневно употреблялъ извѣстный тогда «эликсиръ долгой жизни» доктора Ерница.

Еще съ весны старикъ жаловался на неодолимую сонливость: гдѣ ни присядетъ—тамъ и заснетъ; при этомъ ѣлъ необыкновенно много. Нашли его мертваго на полу; какъ видно, передъ тѣмъ онъ лежалъ на софѣ, и почувствовавъ, что дѣло плохо, хотѣлъ встать, — упалъ и ползкомъ уже пробовалъ добраться до письменнаго стола, да такъ и не доползъ;—даже крику никто не слыхалъ; люди были въ саду, цвѣтникъ пололи. Петръ Иванычъ, въ качествѣ близкаго человѣка и депутата отъ палаты, обнаружилъ чрезвычайную расторопность и предусмотрительность: все имущество и бумаги умершаго были аккуратно опечатаны, къ дому

---

*) См. выше: ноябрь, 98 стр.

приставлены благонадежные охранители отъ палаты и полиціи. Вообще вокругъ покойника учредилась какая-то «имущественная» тревога, — точно вора поймали и обыскиваютъ. Каждый приходившій, даже совсѣмъ посторонній человѣкъ, считалъ обязанностью подать совѣтъ, или сдѣлать замѣчаніе на счетъ лучшаго способа охраненія добра; одинъ только полковникъ Шпицъ, глядя на мертвое лицо, подвязанное чернымъ платкомъ, чтобъ не отваливался подбородокъ,—меланхолически произнесъ: «жаль!— такъ вотъ оно! — Значитъ, отъ земли взятъ и въ землю...» Однако и онъ не досказалъ чувствительно-философической сентенціи, а почесавъ лобъ, обратился къ вахмистру съ приказаніями о нарядѣ на-завтра конвоя въ печальную процессію. «Да чтобъ новые мундиры надѣли, слышишь? — Слушаю, вашескародіе. — Да, непремѣнно новые... каски и вальтрапы тоже послѣдняго срока;— ужъ пусть его!» —Послѣднее восклицаніе вырвалось у полковника такъ добродушно, какъ будто онъ рѣшился сдѣлать покойнику великое удовольствіе,—пусть-де въ послѣдній разъ полюбуется новыми касками и вальтрапами,—попрекать потомъ не станетъ...

Алексѣй Слободинъ оставался совершенно чуждымъ всему переполоху, поднявшемуся въ домѣ по случаю кончины «старой каретной лошади»;—даже глупый испугъ Личарды, прибѣжавшаго къ нему съ извѣстіемъ, что «стараго барина потрошить хотятъ»,— вызвалъ на лицѣ его легкую, сомнительную улыбку;—ну что-жъ, потрошить, такъ потрошить... ничего любопытнаго они тамъ не отыщутъ... Онъ сказался больнымъ и не пошелъ на похороны. И въ этомъ случаѣ онъ поступилъ едвали не разсудительнѣе всѣхъ тѣхъ, кто въ знойный іюльскій день версты три шагалъ за гробомъ, незаключавшемъ въ себѣ никакой утраты—ни общественной, ни личной,—и освѣдомлялся только, гдѣ потомъ будетъ приготовленъ обѣдъ и въ какихъ размѣрахъ приведется помянуть покойника... Тѣмъ болѣе, что это оказалась мечта пустая — никакого обѣда не было.

Прошелъ извѣстный срокъ, собралась цѣлая коммиссія для осмотра бумагъ и приведенія въ извѣстность имущества покойнаго предсѣдателя. Нельзя отказать этой коммиссіи въ усердіи и даже въ любознательности: были обшарены всѣ комоды, шкафы, сундуки, столы; — добыты и пересчитаны всѣ бумаги, письма, замѣтки;—тутъ былъ и рецептъ отъ почечуя, и какое-то удивительное заклинаніе: «да найдется пропадшее,—яко вода сія колеблется, тако у виноватаго да поколеблются мысли, и внутренняя храмина устыдится, и міръ, воздвизаемый бурею духовъ, да обратится на украдшаго, и корабль его сердечный да извержетъ

изъ себя похищенное...» И счеты бѣлья, отданнаго прачкѣ; — и «проэктъ облегчительнаго увеличенія и неукоснительнаго взиманія податей и сборовъ»; — и выписка «о вѣрнѣйшемъ распознаваніи сокровенныхъ свойствъ женской натуры»; — и хронологія знатнѣйшихъ событій; — и лаконическая замѣтка: «Воспрянь!» — которой смыслъ показался весьма загадочнымъ... Словомъ, выворотили всю подкладку житейскихъ дѣлъ покойника. Мало-мальски живое воображеніе могло бы мигомъ по этимъ даннымъ создать во весь ростъ фигуру старца, его наклонности, вкусы и всю исторію его холостой жизни; но коммиссія совсѣмъ не того искала.

Наконецъ, кто-то испустилъ радостное «а-а!» — Въ клеенчатой сумочкѣ найдены заемныя письма и росписки разныхъ лицъ; — стали считать, оказалось ихъ на 1528 рублей съ копѣйками... Тутъ же лежала бумажка, испещренная совершенно-непонятными цифрами, довольно крупными, но увы! — голыми цифрами, — а какой мудрецъ раскуситъ, что̀ онѣ означаютъ? — И затѣмъ никакихъ актовъ, никакого завѣщанія, никакихъ домашнихъ распоряженій...

Петра Иваныча бросало то въ жаръ, то въ ознобъ... Полиціймейстеръ, милый человѣкъ, предложилъ съѣздить за Вульфомъ, авось онъ разъяснитъ; — и черезъ полчаса любезно привезъ на своихъ дрожкахъ требуемаго субъекта.

— Давно бы такъ, господа! — потирая руки съ довольнымъ видомъ представился Вульфъ. — Благороднѣйшій Ѳедоръ Ѳедорычъ... вѣдь это былъ рѣдкой души человѣкъ! — Удостоивалъ меня... можно сказать, за друга почиталъ... Я все знаю: дѣла его подъ конецъ были въ очень плохомъ положеніи: деньги распустилъ по рукамъ, никто не платитъ, — а покойникъ былъ деликатнѣйшей души...

— Ну, да вѣдь тутъ оказывается и денегъ-то не Богъ-знаетъ какой капиталъ, — скептически замѣтилъ полковникъ Шпицъ. А вотъ говорятъ, что вы его деньги раздавали взаймы и документы брали на имя вашей жены, — это какъ?

— Кто это говоритъ! — Ахъ, господинъ полковникъ, знаете, что я вамъ скажу? Вы можетъ быть этого еще не знаете? Покойникъ даже долженъ остался...

— Какъ, долженъ? — Кому долженъ? — закричали всѣ.

— Моей супругѣ, — спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Вульфъ. — Она послѣднія крохи собрала и отдала ему четыре тысячи, — и безъ всякаго документа... Обѣщалъ покойникъ выдать закладную на этотъ домъ, да такъ-все, сегодня да завтра, — и

остались мы съ пустыми руками... Знаете, всякому непріятно думать о смертномъ часѣ—и напоминать объ этомъ не деликатно даже...

— Та-акъ!—Хорошо, но куда же дѣвалъ онъ деньги?

— А ужъ это намъ неизвѣстно. Могу ли я знать, кому онъ ихъ далъ, или *подаровалъ*!—Его была воля. Это вотъ Петръ Иванычъ не знаетъ ли;—извѣстно, что въ послѣднее время покойникъ безвыходно у нихъ находился.

Всѣ глаза обратились на Петра Иваныча; одинъ полицій-мейстеръ, кашлянувъ въ кулакъ, сурово смотрѣлъ въ окно.

Петръ Иванычъ вскипѣлъ; онъ никакъ не ожидалъ такого дьявольскаго изворота.

— Дѣйствительно, господа, Ѳедоръ Ѳедорычъ былъ въ моемъ домѣ какъ родной. Онъ мой начальникъ и благодѣтель; но денежныхъ дѣлъ я съ нимъ никогда не имѣлъ. Извѣстно же мнѣ изъ его разговоровъ, что у него должно быть состоянія не меньше, какъ на двадцать тысячъ ассигнаціями. Господинъ Вульфъ имѣлъ полную довѣренность... всему городу извѣстно, чѣмъ онъ занимается... а я... наконецъ, моя репутація, господа... ей-Богу, я ничего даже не понимаю... Онъ совсѣмъ растерялся; элементъ чиновничьей трусости и обезличенія до того глубоко сидѣлъ въ его натурѣ, что вдругъ поборолъ въ немъ и негодованіе человѣка, оскорбленнаго гнуснымъ подозрѣніемъ, и сознаніе, что онъ находится въ кругу людей себѣ равныхъ... Примѣтивъ, что онъ опѣшилъ, члены коммиссіи немедленно приняли тонъ грозныхъ судей и начальниковъ.

Всякій русскій человѣкъ сильно любитъ сыграть роль начальника, или подчиненнаго, и безъ явной грубости не умѣетъ выказать свою независимость. Это давно извѣстно. Если кого постигала необходимость (а кого же она не постигаетъ!) зайти по дѣлу не только въ сердитую контору квартальнаго надзирателя, а даже въ какую-нибудь самую смирную контору—почтовую чтó ли, или кредитную,—тотъ непремѣнно рисковалъ встрѣтить грозный взглядъ и повелительный голосъ, дескать: «Ага, голубчикъ, попался ты намъ!»—И самъ пришедшій тоже почувствуетъ припадокъ подчиненности, съёжится—не прикажите казнить, а дозвольте слово молвить. Такъ по крайней мѣрѣ было въ тѣ давнопрошедшія времена, къ которымъ относится наше повѣствованіе. Теперь мы знаемъ, что народился новый типъ неуклоннаго, но очаровательнаго служителя публичныхъ интересовъ,—и мы должны сугубо радоваться, какъ тому, что старый типъ исчезъ безвозвратно, такъ и тому, что онъ далъ громадный контингентъ бсо-

бей, изъ которыхъ уже легко выбрать функціонеровъ, направляющихъ, надзирающихъ и рѣшающихъ, по самоновѣйшимъ инструкціямъ. Съ другой стороны, мы видимъ простого гражданина, который гдѣ угодно, съ достоинствомъ, но безъ грубости, умѣетъ потребовать себѣ рюмку водки.

Коммиссія увлеклась и стала производить строжайшее слѣдствіе. На вопросъ, почему вамъ извѣстно, что у старика было двадцать тысячъ,—Петръ Иванычъ ничего опредѣлительнаго не отвѣтилъ: «Да, такъ, слышалъ между прочимъ». Въ головѣ его пробѣжало молніей: дѣтей у меня четверо,—ну, а четырежды пять двадцать,—это всякому школьнику извѣстно...

Вульфъ безпрестанно твердилъ, что документы онъ совершалъ аккуратно, въ порядкѣ и хвастливо распространялся, что черезъ его руки прошли, можетъ быть, милліоны: у почтеннѣйшаго Кириллы Егорыча, господина Косолапова, случалось брать деньги не только безъ росписки, даже безъ счета—и кромѣ деликатнѣйшей благодарности за хлопоты онъ, Вульфъ, рѣшительно ничего не видалъ. А тутъ приходится еще свое терять...

Дѣло нисколько не разъяснялось.

— Да что-жъ намъ, господа, разбиваться!—отрезвилъ полиціймейстеръ товарищей. Такъ ли, сякъ ли,—не все-ли намъ равно?—Вотъ только слѣдуетъ актецъ составить, а тамъ ужъ не наше дѣло. Съ этимъ всѣ согласились, и засѣданіе кончилось мирно. При выходѣ, Петръ Иванычъ ненавистно взглянулъ на Вульфа и прошипѣлъ:

— Это низкое воровство.

— Что вамъ угодно? — любезно откликнулся деликатный факторъ.

— Тутъ дѣло нечисто, господинъ Вульфъ. Я этого такъ не оставлю, знайте!—и понизивъ голосъ прибавилъ:—Еще съ вашей женой мы посчитаемся за безъименные пасквили...

— Я васъ не понимаю,—и прошу не обижать честныхъ людей, г. Слободинъ. Да и не обидите — руки коротки... Андрей Андреичъ, Андрей Андреичъ! закричалъ онъ, догоняя полиціймейстера;—намъ по дорогѣ, довезите. И фамильярно вскочивъ въ полиціймейстерскіе дрожки, умчался.

— Эге, такъ вотъ оно что!—рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ,—сказалъ Петръ Иванычъ, поглядѣвъ имъ вслѣдъ — и понялъ, что капиталы Міроносцева для него окончательно потеряны...

Пришелъ домой онъ туча-тучей. Анна Дмитріевна, знавшая, по какому случаю было собраніе властей въ домѣ покойника,

взглянувъ изкоса въ лицо мужа, поняла, что дѣло неладно, а спросить боялась. Она даже ходила на цыпочкахъ и говорила вполголоса, словно въ домѣ больной лежитъ. И не то чтобъ она была опечалена несбывшимися надеждами, а чувствовала потребность рабыни успокоить, ублажить разстроеннаго господина.

«Можетъ быть оно и къ лучшему—шевелилось въ ея сознаніи—при неудачахъ-то люди только и вспоминаютъ Бога; а то гордыня одолѣваетъ». И шопотомъ мѣнялась съ бабенькой своими мыслями и примѣтами.

Алексѣю не нужно было ни о чемъ разсказывать; онъ видѣлъ все и понималъ совершенно ясно. Но въ противоположность матери, имъ овладѣла шумливая, нервная веселость; цѣлый день онъ бѣгалъ съ Алёнушкой, хохотавшей какъ колокольчикъ,—заставлялъ Стультуса продѣлывать разныя штуки и нечаянно разбилъ окно. Отецъ выскочилъ изъ кабинета, прикрикнулъ-было рѣзко, запальчиво, но вдругъ запнулся... Онъ встрѣтилъ такой спокойный, такой ясный взглядъ сына, что ему стыдно стало не только за свою запальчивость, но за всего себя стыдно... Затворивъ тихонько дверь, онъ скрылся.

И шагая изъ угла въ уголъ по кабинету, Петръ Иванычъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этого взгляда, совершенно разстроившаго послѣдовательное теченіе его мыслей. Ужъ онъ-было отчетливо и зрѣло обдумалъ, какъ притянуть этого Вульфа и, если не удастся отобрать у него деньги, то упечь его куда слѣдуетъ, добраться и до жены его,—словомъ, преслѣдовать настойчиво, не брезгуя никакимъ оружіемъ;—и вдругъ этотъ взглядъ!... Да откуда онъ, зачѣмъ?—И какая въ немъ страшная сила?—А вѣдь *онъ* становится удивительно похожъ на мать... Она вотъ точно также на меня посмотрѣла, когда я въ первый разъ, у колодца, сказалъ ей: «Ну вотъ, Аннушка, я тебя куплю и поѣдемъ со мной, будемъ жить вмѣстѣ». Да, это былъ тотъ же самый взглядъ... И Петръ Иванычъ попалъ въ строй совершенно новыхъ мыслей, будто послышалась ему забытая, милая пѣсня, что пѣвалась въ молодости—и на душѣ у него потеплѣло...

Эти новыя мысли глядѣли на него сѣрыми, спокойными и ясными глазами Аннушки-Алёши. Ему припомнился послѣдній разговоръ съ сыномъ,—и разговоръ этотъ только теперь сталъ ему понятенъ... «Какой ужасъ, какой ужасъ!—Да вѣдь это разговоръ невозможный, сумасшедшій разговоръ!»—едва не крикнулъ Петръ Иванычъ. «Вѣдь мальчикъ растетъ, все видитъ, разумѣетъ... вотъ онъ, судья-то нашъ самый страшный!»... Но не строгостью

судьи свѣтились эти ясные сѣрые глаза, — они говорили о чемъ-то самомъ простомъ, естественномъ, понятномъ. Спокойствіе ихъ потокомъ полилось въ душу отца и затопило всѣ уродливые призраки, порожденные нелѣпою дѣйствительностью и казавшіеся ему до сихъ поръ чѣмъ-то необходимымъ, неизбѣжнымъ, законнымъ...

— А ну ихъ всѣхъ къ дьяволу!—вдругъ порѣшилъ Петръ Иванычъ. — Что это я въ самомъ дѣлѣ, куда зашелъ? — И передъ нимъ уже все обратилось въ одну огромную нелѣпость: и Кривой переулокъ, и тысячи, сгребленныя Міроносцевымъ всякими путями, собственно для того, чтобы ими воспользовался ловкій мошенникъ, и самъ этотъ пройдоха Вульфъ съ своей знаменитой супругой... Господи! да что же я могу имѣть общаго со всей этой чепухой и грязью?...

Дѣйствительно, Петръ Иванычъ совсѣмъ успокоился, даже повеселѣлъ, сталъ по вечерамъ возиться съ дѣтьми и шутить съ Натальей Лаврентьевной. Сѣрые, спокойные глаза сдѣлали свое дѣло и подернулись блескомъ радости...

Но не такъ легко человѣку развязаться съ рядомъ заблужденій, приросшихъ къ нему органически, захватившихъ его цѣпкими когтями со всѣхъ сторонъ. — Ты, братъ, *нашъ;* всегда былъ нашимъ, такъ отъ своихъ не отплевывайся, это непорядокъ! — Такъ заголосила вокругъ Петра Иваныча вся безотвязная дѣйствительность.

Шлифуя начальническую челюсть, ловкій дантистъ всегда старался во время скучной операціи занять умъ его превосходительства пріятнымъ разговоромъ, для чего изобрѣталъ темы самыя игривыя, преимущественно забавныя происшествія изъ мѣстной жизни и закулисныя дѣлишки обывателей, до чего паціентъ былъ большой охотникъ. Послѣ каждаго визита Вульфа, начальникъ самымъ добродушнѣйшимъ тономъ разсказывалъ окружающимъ, съ какой начинкой вчера ѣли пирогъ у Семена Семеныча; по какой причинѣ прокурорша прогнала отъ себя смазливую горничную; какія мысли насчетъ паденія Рима питаетъ учитель исторіи Кассіевъ... Всѣ такъ ужъ и знали, что сегодня, значитъ, зубы шлифовались.—И такъ, какъ добрый начальникъ разсказывалъ все это больше въ шутку, безъ малѣйшаго ехидства и желчи (печенью онъ не страдалъ), то слушатели рѣзво улыбались, приговаривая: и какъ это вашеству все извѣстно? удивительно даже! — А онъ, какъ пѣтушекъ, нахохливался и хихикалъ — «да-съ; нельзя-съ; обязанъ-съ!»

Понятно, что исторія о пропавшихъ капиталахъ «старой каретной лошади» была у всѣхъ на языкѣ. Вульфъ очень осторожно передавалъ начальнику городскіе слухи, выставлялъ себя жертвою собственнаго неблагоразумія и всегдашней готовности услужить знатнымъ господамъ, и между прочимъ вставлялъ, что совѣтникъ Слободинъ въ непродолжительномъ времени должно быть купитъ себѣ имѣньице душъ въ триста и заживетъ припѣваючи.—Полиціймейстеръ то же въ свою очередь имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ начальствомъ,—и въ концѣ концовъ вышло такъ, что услужливый Вульфъ оказался совершенно чистъ и правъ, даже сожалѣнія достоинъ, а Слободинъ, если не причисленъ къ деннымъ грабителямъ, по недостатку уликъ, то все же пріобрѣлъ репутацію ловкача, съумѣвшаго обработать дѣло и схоронить концы въ воду. Нерѣшительныя, робкія предположенія стали несомнѣнною истиной, какъ только голосъ сверху произнесъ, что это непремѣнно такъ, иначе и быть не можетъ!

Молчаніе Петра Иваныча, неумѣнье его отгрызаться истолковано было въ его же невыгоду,—и вотъ какъ городскіе слухи пріобрѣли всю осязаемость неопровержимаго факта.

Петръ Иванычъ ходилъ повѣся голову, какъ въ самомъ дѣлѣ виноватый; онъ сознавалъ несправедливость къ нему общества, съ которымъ всегда старался жить въ ладахъ; но до коренныхъ причинъ этой несправедливости, лежавшихъ долею въ немъ самомъ, а долею—и притомъ весьма значительною—въ томъ обществѣ, котораго онъ былъ покорнѣйшимъ слугою,—Петръ Иванычъ никакъ не могъ додуматься. Онъ былъ человѣкъ мелкій, рядовой, а въ тридцатыхъ годахъ и самые передовые люди не помышляли объ анализѣ общественныхъ отношеній. По своему личному характеру Слободинъ и не годился ни для какой борьбы; заявить открытый протестъ въ немъ не хватало храбрости, да и кому заявлять; съ кѣмъ вѣдаться?—Вѣдь кругомъ дѣйствительно все свои люди и притомъ люди вовсе незлые, даже пріятели... Прекратить съ ними всѣ сношенія, стать особнякомъ,—для этого опять-таки нужно нѣчто такое, чего не обрѣталось въ натурѣ добраго Петра Иваныча, выправленной долговременной службой.—Да и какъ обойтись безъ нужныхъ людей человѣку маленькому, который меньше всего зависитъ отъ самого себя, и которому всякій можетъ шутя подставить ногу такъ, что послѣ ужъ никогда не встанешь.

Сердечной нашей Аннѣ Дмитріевнѣ тоже досталась во всѣхъ этихъ сплетняхъ роль весьма некрасивая: но ведя жизнь въ четырехъ стѣнахъ, она и понятія не имѣла о томъ, что говорится

промежъ господъ; а Петръ Иванычъ всякій день чувствовалъ, что отношенія къ нему сослуживцевъ и знакомыхъ измѣнялись, и перемѣна эта была какого-то страннаго характера: благородные взяточники, тащившіе тихонько, а потому пользовавшіеся уваженіемъ общества, какъ люди основательные, теперь стали глядѣть на Слободина подозрительно, словно боясь заразиться его ужасными правилами, а безшабашные практики, открыто исповѣдывавшіе культъ серебрянаго и даже ассигнаціоннаго рубля, тѣ почти съ объятіями встрѣчали любезнѣйшаго Петра Иваныча, умалчивая о щекотливой матеріи, нѣжно смотрѣли ему въ глаза и сочувственно пожимали руки, а за глазами приговаривали: каковъ нашъ Петръ-то Иванычъ? — Ай да молодца!—Трудно сказать, отъ которой категоріи отношеній больше тошнило Петра Иваныча... Онъ видѣлъ, что при такой обстановкѣ ему долго не устоять, и ждалъ бѣды со всѣхъ сторонъ, не зная хорошенько противъ кого и противъ чего ему придется обороняться.

II.

Мѣсяца черезъ два пріѣхалъ новый предсѣдатель палаты на мѣсто Міроносцева. Это былъ чиновникъ изъ получившихъ коллежскаго ассессора на Кавказѣ, и принадлежавшій къ той особенной породѣ начальниковъ, которую можно бы, пожалуй, назвать штыкъ-юнкерскою, если бы это названіе не противорѣчило, радикальнѣйшимъ образомъ, понятію о чинахъ гражданскихъ вообще.

Такіе господа, ѣдучи во ввѣренную часть, всю дорогу твердятъ: я очищу, я переберу, я вымуштрую! — а пріѣхавши на мѣсто, ничего не очищаютъ, переборка ограничивается перенесеніемъ присутствія въ другую, болѣе удобную комнату, — и только къ муштрованію приступаютъ немедленно и безъ пардона, особливо, если нужна ваканція для своего человѣка. Такой орелъ дѣйствуетъ съ налёта, больше по вдохновенію; гонитъ фаворитовъ *прежняго* и создаетъ новыхъ, собственныхъ; реформы проводитъ до самаго дна, такъ что ни за какія благополучія не найметъ прислуги, которая была у прежняго, и даже бакалейные товары приказываетъ забирать отнюдь не въ той лавкѣ, гдѣ забиралъ предмѣстникъ; — словомъ, производитъ во всѣхъ отношеніяхъ спасительный кавардакъ. Ужъ одного того, что Петръ Иванычъ былъ фаворитъ покойнаго, оказывалось достаточно для произнесенія стереотипной фразы: «мы вмѣстѣ съ вами служить

не можемъ»,—а тутъ еще прилелась и необходимость очистить вакансію для своего человѣчка, и неблаговидная исторія о капиталахъ Міроносцева—и роковая фраза была произнесена не безъ зрѣло-обдуманной твердости. Петръ Иванычъ выслушалъ ее спокойно, съ достоинствомъ, и въ тотъ же день подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Придя домой, онъ весело разсказалъ женѣ эту новость, какъ будто получилъ какое-то неожиданное повышеніе, и передъ знакомыми старался казаться равнодушнѣе обыкновеннаго. Опять крупная ошибка: хоть Слободинъ сталъ уважать себя за это равнодушіе и презрѣніе къ напрасному гоненію, но онъ забылъ, что въ искусственномъ мірѣ дикихъ отношеній, всякое натуральное побужденіе есть ошибка, и разъ потерявши практическій балансъ, остается только падать глубже и ушибаться больнѣе.

Поведеніе Слободина стали объяснять очень просто: обезпечилъ-молъ себя человѣкъ, такъ что-жъ ему печалиться!

Его веселую бодрость понималъ и раздѣлялъ одинъ только Алексѣй; онъ видѣлъ, что отецъ человѣкъ живой, способный переломить свою распущенность, не закиснуть въ привычкахъ халатной жизни, а главное—способный бодро смотрѣть впередъ.

— Не пропадемъ!—твердилъ Петръ Иванычъ.—Здѣсь мнѣ все такъ опротивѣло, что не только искать, а сейчасъ предлагай какое угодно мѣсто, не возьму. Поѣдемъ въ Петербургъ.

— И, Боже сохрани!—этакую даль тащиться... А какъ же съ домомъ-то?—испугалась не на шутку Анна Дмитріевна.

— Продадимъ. Это послѣднее дѣло... А вотъ я замѣчаю, Алексѣю сильно хочется въ Петербургъ,—вишь какъ встрепенулся, словно живой водой его спрыснули...

— Я радъ за васъ, папенька,—вы не унываете... Разумѣется, не пропадемъ. Впрочемъ, еслибы и очень плохо намъ пришлось, такъ вѣрно вы вспомните, что дѣдушка Дмитрій Логинычъ вамъ говорилъ...

— Неужели ты помнишь!

— Я-то все помню... Мнѣ не мѣшало бы даже поучиться забывать... Петръ Иванычъ какъ будто не обратилъ вниманія на эти слова.

— Эхъ, братъ, не дай Богъ дойти до того, чтобы упасть на шею дѣдушкѣ!... А вотъ съ сестрой списаться слѣдуетъ.

— Съ какой сестрой!—У васъ есть сестра?

— Не грибомъ же я на свѣтъ родился! Семья тоже была большая. Какъ обыкновенно бываетъ съ бѣдными людьми—генеалогія наша теряется во мракѣ неизвѣстности, и сами мы растe-

рялись по бѣлу-свѣту, даже не знаемъ, гдѣ кто обрѣтается и сколько въ живыхъ осталось;—сестра мнѣ ближе, потому что выросла при мнѣ и замужъ я ее выдалъ за одного офицера, Акима Антоныча Ермолина; правда, онъ изъ сдаточныхъ, да человѣкъ оказался хорошій, трезвый. Взялъ Палашу въ одномъ холстинковомъ платьѣ, ну, да и самъ въ то время со всѣмъ хозяйствомъ укладывался на одномъ вьюкѣ, а теперь дослужился майорскаго чина, въ военномъ поселеніи служитъ подъ Новгородомъ и хорошо живетъ, хозяйственно. Писали они какъ-то, что пріятно бы свидѣться, просили даже изъ васъ кого-нибудь отдать имъ на воспитаніе. Люди достаточные и бездѣтные—скучаютъ... Я уже и подумывалъ-было Алёнушку имъ...

— Мою Алёнушку?—Эхъ, папенька, папенька!

— Шучу, шучу.—Ужъ если придется, такъ лучше Колю, военный будетъ.

— Развѣ Колю... только опять, эти чужіе достатки,—Богъ съ ними,—съ горечью замѣтилъ Алексѣй.

— Конечно, конечно... я такъ только, къ слову... замялся отецъ. А по пути заѣдемъ къ нимъ, нельзя же!—Хорошіе они люди; будутъ рады. Можетъ быть и на счетъ мѣста, что-нибудь присовѣтуютъ. Петру Иванычу улыбалась мысль о Петербургѣ, и онъ дѣятельно принялся приводить дѣла свои въ порядокъ. Анна Дмитріевна затужила и не разъ всплакнула въ компаніи съ Натальей Лаврентьевной, обсуждая нерадостныя дѣла свои.

— Извѣстно, безъ должности никакъ человѣку невозможно, что уже и говорить!—должность наша кормилица. Ну, поищи тутъ; нѣшто у казны одна только палата и есть?—Чиновниковъ смотри сколько—видимо-невидимо по всякимъ частямъ; ужли-жъ мѣста не найдется! А то, статочное ли дѣло, чтó затѣялъ—въ Петербургъ?!—Вишь, не видали насъ тамъ, этакихъ-то!... Стала я это ночесь ему говорить, такъ онъ куды!—Ты, говоритъ, Анушка, должна бы еще утверждать меня въ этомъ намѣреніи, а не отговаривать. Потому, останься я здѣсь—и самъ пропаду, и васъ всѣхъ несчастными подѣлаю. Здѣсь намъ не житье; и народъ же какой гнусный,—послушай-ка какую мерзость про насъ распустили... Ну, это точно, Лаврентьевна, что народъ здѣсь подлый, хочь и господа, а гораздо безсовѣстнѣе всякаго послѣдняго мужика. И все это Петръ Иванычъ правильно говоритъ, и не съ моимъ умомъ ему перечить; только одно меня убиваетъ: какъ же съ домомъ-то?—Все заводили, облаживали себѣ гнѣздо, да вдругъ взять и продать? А деньги что!—терпѣть я ихъ не могу, этихъ денегъ.

— Отъ нихъ всякое зло на землѣ,—внушительно вставила

старуха. Это ты хорошо, мать моя; вѣдь писано, что на томъ свѣтѣ этими самыми деньгами—растопятъ, да и будутъ глотку заливать корыстолюбцамъ-то. Ну, а тебя Господь уберегъ, этому грѣху не причастна.

— Этого во мнѣ отродясь не было, чтобы къ деньгамъ, а то ли дѣло домикъ! Мнѣ такъ думается, что это самъ Отецъ милосердный повелѣлъ, чтобы у всякаго человѣка на свѣтѣ былъ свой домъ, свое гнѣздо, да лоскутъ землицы... Оттого оно намъ такъ и мило... Деньги—соблазнъ; опять же вышли онѣ—и нѣтъ ничего, — а домикъ все остается, пріютъ костямъ на старость. И что еще мнѣ представляется, Лаврентьевна, — помнишь ты, какъ я разбивалась, когда мы выѣзжали изъ вашихъ мѣстовъ?— Ну вотъ хоть ты что хочешь, а мнѣ тогда словно голосъ какой неотступный сказалъ: не свить вамъ гнѣзда николи; мыкаться вамъ по бѣлу-свѣту безъ надежнаго пристанища! Вотъ оно и сбывается—много ли здѣсь пожили, мѣста не согрѣли... Такъ ужъ оно теперь и пойдетъ!...

— Такъ-то такъ!—Ну, пущай одинъ ѣдетъ; дому не продавайте,—оставайся съ дѣтьми и живи въ немъ.

— Прикидывали мы и этакъ-то,—все не выходитъ. Получитъ Петръ Иванычъ въ Питерѣ, али гдѣ въ иномъ мѣстѣ, должность, сюда ужъ не вернется; все равно надо будетъ продать. А другое дѣло, какъ я тутъ безъ мужа останусь? — Да ни за какія сокровища! — Оно недаромъ и въ законѣ сказано: Богъ соединилъ— человѣкъ не разлучаетъ... Да я безъ него только два мѣсяца прожила тогда,—помнишь?—и то натерпѣлась такой муки, что и до гробовой доски, кажись, не забуду... Нѣтъ, какъ можно!— Ужъ стало судьба наша такая цыганская, все съ мѣста на мѣсто;—надо покориться.

— Да, не выходитъ, не выходитъ. Ну, я очень довольна, что видѣла васъ во всякомъ благополучіи. Ужъ болѣ мнѣ не приведется... По крайности, въ смертный часъ, покуда пятаки на глаза не положатъ, все буду видѣть васъ, мои родимые, вотъ какъ теперича—домъ чаша полная, и во всякомъ удовольствіи да добромъ здоровьи. — Вотъ только Ва́нюшка-то у васъ хилъ, ненадеженъ.

Анна Дмитріевна вздохнула,—такъ вздохнула, какъ можетъ вздохнуть только скорбящая мать, которая никогда, никому не смѣла повѣрить своего великаго горя-несчастія, которой въ простотѣ души кажется, что даже эта быстро-угасающая жизнь ея ребенка есть видимое наказаніе за ея же глубоко-схороненный грѣхъ... А тутъ же, рядомъ съ этимъ горемъ встаютъ еще

другія мысли, которыя она считала уже прямо дьявольскимъ наважденіемъ, такъ въ разрѣзъ онѣ становятся со всею тою правдою, что люди споконъ вѣка установили... «Да еще полно грѣхъ ли это? — И чѣмъ тутъ виноватъ младенецъ?» — Но кудажъ ей, бѣдной крестьянкѣ, справиться съ такими вопросами, — не подъ силу; — она умѣла только страдать; этого умѣнья не занимать-стать женщинѣ, да еще русской женщинѣ...

Разговоръ перервался. Прилежнѣе принялась Анна Дмитріевна за иголку, но руки дрожали; уронивъ работу, она закрыла лицо; а старушка, молча и совершенно прищуривъ глаза, глядѣла на нее долго, пристально.

— Ахъ, мать, погляжу я на тебя, такъ ужъ лучше бы Господь прибралъ его поскорѣй, право-ну!

Анна Дмитріевна подняла на нее глаза; еще мгновеніе и она высказала бы передъ старухой все, что столько лѣтъ давило ея совѣсть.

— Не говори ты мнѣ, Христа - ради! — Не натружай ты своей бѣлой груди! — остановила ее старуха. Ужли-жъ ты меня за глупую несмыслёну почитаешь? — Семой десятокъ изживастало все смѣкаю... А ты это напрасно, голубица моя, надрываешься; Богъ-то лучше знаетъ, чья душа правая, чья виноватая, — и можетъ, ужъ давно тебѣ все отпущено за доброту за твою, такъ-то!..

И полегче стало бѣдной женщинѣ; и подумала она: а еще бы легче стало, кабы вотъ этакъ же душевно могла я слово перемолвить съ Петромъ Иванычемъ... Такъ вотъ нѣтъ же, смѣлости во мнѣ не хватаетъ. Не будь онъ баринъ — иное дѣло; а то вѣдь его милостью только и живешь. Кажись, и барыней стала, а все-то ты при мнѣ — доля моя крестьянская!..

III.

Пришла зима, да такая ранняя, снѣжная; мятели замело съ самой Казанской. Петръ Иванычъ исподоволь, понемногу продавалъ свое хозяйство — дрожки, сани, лошадей уже съ двора свели; и на счетъ дома совсѣмъ-было поладилъ съ однимъ купцомъ очень выгодно, такъ что по первопутью располагалъ выѣхать, чтобы напрасно тутъ безъ дѣла и безъ мѣста не проѣдаться; но планы его были разстроены самымъ неожиданнымъ и непріятнымъ образомъ. — Прежде всего захворала Катерина; такая здоровая, работящая и ко всему привычная женщина вдругъ слегла

ни съ того, ни съ сего. Ходила она на рѣку бѣлье полоскать, да простудилась должно быть; день былъ морозный;—а къ вечеру поднялась такая сиверка, что едва домой она дотащилась; въ ту же ночь бабу совсѣмъ свалило. Всѣ стали въ тупикъ, что́ съ ней: диви бы съ непривычки, а то весь свой вѣкъ и лѣто и зиму на рѣку съ бѣльемъ ходила—и ничего; а теперь знать не въ добрый часъ вышла, или кто сглазилъ. — Внутри словно пожаръ загорѣлся, глаза страшные, бредитъ и никого не узнаетъ. Утромъ сказали барынѣ; та велѣла баню истопить; таскали несчастную, парили и медомъ съ рѣдькой вытирали,—ничто не помогаетъ. Ужъ Наталья Лаврентьевна пробовала съ молитвой спрыскивать съ уголька, и святой водой поила, а бабѣ все хуже и хуже. Алексѣй настаивалъ съ самаго начала, чтобы послали за докторомъ, такъ не хотѣли его слушать; Финогенъ даже разсмѣялся: какой нашему брату дохтуръ!

Однако видятъ, что домашнія средства не дѣйствуютъ, дѣлать нечего — позвали доктора; осмотрѣвъ больную, онъ поморщился и только посовѣтывалъ свезти ее поскорѣе въ больницу, даже лекарства никакого не прописалъ. Какъ услыхалъ Финогенъ про больницу, махнулъ рукой и съ горечью свиснулъ: фю, вошпиталь — ну, значитъ шабашъ! — Сейчасъ же пошелъ повалился барину въ ноги. — «Отецъ родной, Петръ Иванычъ, дозволь, чтобы не тащить въ больницу; ужъ коли бабѣ помирать, такъ пущай лучше она дома христіанскую смерть приметъ; а можетъ еще и отлежится». — Но не отлежалась бѣдная Катерина — снесли ее на погостъ.

Несмотря на сильный морозъ, Алексѣй пошелъ съ бабенькой провожать покойницу. Старушка большимъ грѣхомъ считала не пойти, да и охотница была, — а Алексѣй самъ вызвался; онъ еще никого не хоронилъ изъ близкихъ и впервые участвовалъ въ печальномъ обрядѣ, который произвелъ на него глубокое, цѣльное впечатлѣніе.

Его поразило серьезное, нерасплывчатое горе простыхъ людей; собралась небольшая кучка дворовыхъ сосѣдскихъ женщинъ, пріятельницъ Катерины, знакомая мѣщанка-калашница; какой-то отставной солдатъ и палатскій вахтеръ съ медалями то же пришли отдать послѣднюю честь. Никто не плакалъ, а между тѣмъ на лицахъ не было и равнодушія тупой обрядности: всякій подходилъ къ гробу, и крестился, и свѣчку ставилъ спокойно, будто одно только сознавая твердо, что дѣлаетъ очень важное и необходимое дѣло; всякій, казалось, думалъ, что вотъ-де, какіе мы ни на есть, а все же люди; какъ живемъ — этого никто не видитъ,

а помираемъ все равно такъ же, какъ и прочіе... Финогенъ глядѣлъ почти сердито, какъ-то вкось упирая неподвижный взглядъ и безпрестанно чесалъ грудь. Яковъ сталъ поближе къ гробу матери и переводилъ одинаковый, испуганный взглядъ съ ея лица на ризу священника, съ паникадила на желтенькую копѣечную свѣчку, оплывавшую въ рукѣ его. Передъ тѣмъ какъ заколачивать крышку и отдать послѣднее цѣлованіе, Финогенъ слегка закряхтѣлъ и началъ проворно, учащенно креститься, а сына прошибла крупная слеза. Когда же окончательно зарыли могилу, Финогенъ крѣпко ударилъ о-полы рукавицами и потужилъ: эхъ-ма, сгорѣла баба! — такъ вотъ ни за грошъ сгорѣла; — была и нѣтъ; — поди ищи теперь гдѣ она!..

— Это вы не сумлѣвайтесь, дяденька, — тонкимъ голоскомъ замѣтилъ отставной солдатъ; — всякое дыханіе — значитъ покуль оно дышетъ; а разъ — хлопъ! — паръ изъ его вышелъ и кончено! — Одно слово смерть, тутъ разговаривать много нечего...

— Слава те Христосъ, что парнишко-то остался возрастный, негораздо скучать будетъ за маткой, — утѣшала калашница.

— А все же мать: она и обмоетъ, она и обошьетъ, она и кусокъ лишній припрячетъ, да въ ротъ сунетъ. Какъ можно!

— Да ужъ знамо дѣло, другой матери не наживешь! — калякали бабы.

Побрелъ этотъ темный народъ съ кладбища, продолжая калякать ужъ не о покойницѣ, а о своихъ ежедневныхъ нуждишкахъ, только въ тонѣ рѣчей удержалась и звенѣла все одна какая-то жалобная нота... Финогенъ съ господами кавалерами направился въ первый попавшійся на дорогѣ кабакъ.

— Вишь, песъ какой! — заворчала бабенька, примѣтивъ исчезновеніе Финогена. — Имъ бы только винища нажраться! — Ты смотри, Яшка, не пойди по отцу, — баловства-то въ тебѣ много всякаго, а удерживать теперича некому, — пропадешь ты!

Алексѣю сильно хотѣлось утѣшить Личарду, молчавшаго всю дорогу и соображавшаго что-то очень мудреное, но онъ не находилъ ни одного пригоднаго слова.

Эти похороны сильно расхолодили юношеское представленіе о смерти: вмѣсто торжественно-страшнаго, раздирающаго душу явленія, Алексѣй увидалъ очень простой обыденный фактъ: изъ рядовъ живущихъ вычеркивается одинъ человѣкъ, съ которымъ тутъ же сводятся короткіе житейскіе счеты, — ряды смыкаются и идутъ своей дорогой, кто на будничную поденьщину, кто въ кабакъ. И такъ повторяется сегодня, завтра, каждый день, милліоны случаевъ. Къ чему же тутъ парадная обстановка, плачъ,

стоны, отчаяніе? — Это показалось Алексѣю малодушіемъ богатыхъ и избалованныхъ людей; воображаютъ они, что застрахованы отъ смерти, и всякій разъ передъ свѣжей могилой подымаютъ такую суматоху, точно весь міръ рушится... а вотъ простой народъ знаетъ, что онъ ни отъ чего незастрахованъ, потому въ немъ больше твердости, выносливости, — а горе во всякомъ званіи все горе — «другой матери не наживешь!»

Не успѣли схоронить Катерину, какъ пришлось заказывать другой гробикъ. — Давно уже погасавшая жизнь маленькаго Вани — наконецъ совсѣмъ погасла.

— Ужъ какъ пойдутъ въ домѣ несчастія, такъ и конца имъ нѣтъ! Видно Господь посѣтилъ насъ... И пойдетъ теперь у насъ все такъ: отбудешь одно горе, иди встрѣчай другое... Чуетъ мое сердечушко, что прошли наши красные дни, и чѣмъ дальше, тѣмъ все будетъ тяжеле! — плакала Анна Дмитріевна, обряжая атласными ленточками голубой гробикъ своего ребенка.

IV.

Съ продажей дома Петръ Иванычъ встрѣтилъ большія затрудненія: купецъ, съ которымъ было совсѣмъ полажено, отказался, потому единственно, что хозяйка его не захотѣла, — испугалась, провѣдавъ, что въ домѣ было два покойника, стало быть, домъ несчастный.

— Да меня въ тотъ домъ, гдѣ покойникъ лежалъ, и канатомъ не затащишь, а не то что доброй волей, да еще за свои денежки! — упиралась толстая, животолюбивая купчиха и никакихъ резоновъ не слушала. — Пришлось искать другого покупщика — и наконецъ, только въ апрѣлѣ дѣло порѣшено съ коммиссаріатскимъ чиновникомъ за двѣ тысячи семьсотъ, и расходы по купчей пополамъ.

А тутъ еще другія хлопоты: Финогенъ, сильно запивавшій послѣ смерти жены, сталъ никуда негоденъ; вѣчно сидитъ въ кабакѣ, пропилъ всѣ женины вещи и на себѣ оставилъ только дырявый полушубокъ. Увѣщанія и угрозы не имѣли надъ нимъ никакой силы. — Бился-бился съ нимъ баринъ, видитъ, что толку нѣтъ, — пропалъ человѣкъ.

— Какъ же я тебя, дьявола этакого, съ собой въ дорогу возьму! — Какая отъ тебя помощь? — Подумай ты, аспидъ, что ты со мной дѣлаешь! — И такое ли теперь время, чтобъ пьянствовать?

— Власть ваша, а я что жъ?—Мнѣ теперича только одно... И вдругъ повалился въ ноги:—Петръ Иванычъ, отецъ родной отпусти ты меня!..

— Какъ, отпусти?!

— Какъ хочешь, кормилецъ, — по пачпорту али такъ какъ оставь тута. Какой ужъ я тебѣ слуга! — душу-то чорту никакъ заложилъ. Мнѣ одинъ ходъ—либо острогъ, либо петля... Оставь, а то неровенъ часъ — я и съ дороги убѣгу, какая тебѣ корысть? А ты положь какой хошь оброкъ — я съ моимъ великимъ удовольствіемъ представлю.

— Какой ты можешь оброкъ добыть, каторжный! — Кто тебя возьметъ?

— Это точно, никто не возьметъ, Петръ Иванычъ. Тутъ одно — коли Господь помилуетъ, може эта порча и пройдетъ у меня, потому здѣсь есть такія бабы, что выпользовать могутъ. Опять же будемъ такъ говорить по-божьи, — вѣдь ты нашъ отецъ, мало мы тебѣ служили, рабы вѣрные? — Коли мало, ну мой Яшутка тебѣ отслужитъ. Я ему, шельмецу, накрѣпко закажу и чуть что—лупи его! Даромъ что мое дѣтище, а я тебя объ этомъ прошу слезно, бей до смерти!.. Онъ, подлецъ, долженъ свое отслужить, а ужъ я куды! — Отпусти родимецъ, заставь за себя вѣчно Бога молить...

Валяется въ ногахъ и твердитъ одно «отпусти» — что съ нимъ дѣлать? — Баринъ увидѣлъ, что предъ такой покорной съ виду, но въ сущности непреклонной волей человѣка, и его барская власть ничего не сдѣлаетъ, то-есть, пожалуй, при помощи разнообразныхъ полицейскихъ мѣръ все сломить можно, но Петръ Иванычъ не былъ способенъ на деревянное, безполезное тиранство.

Выправилъ онъ ему паспортъ, поручилъ надзору Предтечинскаго священника и не положилъ никакого оброка—пусть прежде отъ запоя вылечится, а тамъ посмотримъ.

Наталья Лаврентьевна выѣхала на Ѳоминой недѣлѣ съ попутчиками. Разставанье съ нею было глубоко-трогательно: кромѣ маленькихъ дѣтей, всѣ сознавали, что разстаются съ доброю старушкой навсегда, и хоть въ утѣшеніе себѣ приговаривали: «Богъ дастъ, еще увидимся!» — однако эта фраза произносилась какъ-то не твердо, не рѣшительно; немного шаговъ осталось бабенькѣ до той минуты, когда мѣдные пятаки надавятъ на застывшіе, ничего неотражающіе зрачки.

— Смотрите же, пишите, радуйте меня, мои внучоночки милые! Дастъ Бо́гъ, пока еще глаза видятъ, натку́ вамъ холста на рубашечки, своего домашняго; пришлю въ Питеръ. Тамъ

можетъ и лучше полотно есть, да не такое добротное. Станете носить—бабеньку поминать.

Это было послѣднимъ завѣщаніемъ старухи.

Новый владѣлецъ хотя и позволилъ Слободинымъ остаться въ домѣ до выѣзда, но какъ это былъ человѣкъ давно и съ замираніемъ сердца мечтавшій о благопріобрѣтенной собственности, то благополучіе, котораго онъ теперь достигъ, не давало ему покоя; раза по четыре на день онъ прибѣгалъ въ домъ, ходилъ по комнатамъ, обозрѣвалъ все снова, постукивалъ въ стѣны, въ печи, соображалъ что-то ужасно глубокомысленное, а самъ весь сіялъ. Безпрестанное появленіе этого счастливца было не только назойливо, но даже оскорбительно; придетъ, извиняется такъ приторно, проситъ не безпокоиться, а самъ точно выживаетъ. Слободины и не мѣшкали бы, да встрѣтилось одно очень важное обстоятельство.

Петра Иваныча озарила счастливая мысль добыть рекомендательное письмо къ какому-нибудь сильному въ Петербургѣ лицу отъ князя Хвалынцова. Князь держалъ себя чрезвычайно гордо, ни въ какія губернскія дрязги не вмѣшивался, и слылъ вообще за человѣка добраго и благороднаго. Хотя Слободинъ былъ нѣсколько извѣстенъ князю, даже разъ, по порученію Міроносцева, составлялъ для него какую-то дѣловую записку, но теперь долго обдумывалъ этотъ шагъ и — куда кривая не вынесетъ — рѣшился ѣхать прямо къ князю въ деревню, объяснить все откровенно и просить милостиваго ходатайства. Мысль эту онъ скрылъ отъ домашнихъ и въ одну ночь уѣхалъ въ перекладной, не сказавъ куда. Проѣздилъ онъ съ недѣлю, потому что князь выѣзжалъ въ другое имѣніе, пришлось его дожидаться. Но не напрасно протрясся Петръ Иванычъ верстъ болѣе сотни, и воротясь домой, съ восторгомъ разсказывалъ о пріемѣ, котораго удостоился.

— Во всѣ подробности вошелъ, то-есть до послѣдней мелочи обо всемъ полюбопытствовалъ. Объясненія мои выслушалъ благосклонно, потомъ улыбнулся этакъ особенно и сказалъ сквозь зубы одно только слово—«дррянь!»—но, батюшки мои, какъ онъ сказалъ это слово! — Всѣ наши городскіе, кабы услышали, обратились бы въ прахъ отъ одного этого слова... просто уничтожилъ! Вельможа — и больше ничего! Велѣлъ мнѣ явиться на другой день въ 10-ть часовъ утра. Вышелъ я отъ него, думаю — ну, дѣло мое въ шляпѣ! вдругъ ужъ на крыльцѣ догоняетъ меня ливрейный оффиціантъ — «его сіятельство просятъ васъ къ обѣденному столу». — А въ которомъ часу? — Садится за столъ въ 8-мь часовъ.—Какъ, въ 8-мь вечера?—Да-съ; а вы такъ минутъ

за 15-ть пожалуйте, сударь, во фракахъ-съ». — Нечего вамъ и разсказывать о великолѣпіи!—Когда ужъ всѣ собрались, выходитъ князь тоже во фракѣ, потомъ сама княгиня, дѣти, гувернантка, воспитанница, — представь только, Аннушка, разодѣты какъ на балъ! А и гостей-то никого не было, все свои — два англичанина, какіе-то механики, французъ-докторъ и я многогрѣшный, вотъ и вся публика. Подвелъ меня князь къ самой княгинѣ, «вотъ, говоритъ, въ Петербургъ ѣдетъ.» — А! отозвалась она,—вашъ сынъ учился танцовать вмѣстѣ съ нашими.—Видишь, Алёша, про тебя вспомнила!—А мы, говоритъ, Анатоля ужъ въ корпусъ отвезли; зайдите къ нему, онъ очень будетъ радъ. Кстати, я попрошу васъ передать ему маленькій пакетъ, если это не затруднитъ... Совсѣмъ очаровала меня своей благосклонностью!— Ну, только это все постороннее, слушай дѣло. — На другой день являюсь; провели меня въ садикъ, боскетъ у нихъ называется; сидитъ князь подъ деревцомъ въ бѣломъ сюртукѣ и бољшой соломенной шляпѣ, облокотясь на трость, въ размышленіе погруженъ. Какъ примѣтилъ меня, кивнулъ головою: очень радъ, говоритъ, и прежде всего спасибо за то, что обратились ко мнѣ прямо, какъ всякій честный человѣкъ долженъ обращаться къ честному человѣку. Вотъ вамъ письмо барону Эггерсу; я пишу, что знаю васъ за хорошаго чиновника; а главное, что вы не взяточникъ, понимаете вы меня? — И онъ такъ проницательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я началъ-было что-то говорить, ужъ не помню, онъ остановилъ: «Все это прекрасно, но поймите это хорошенько—вы не-взя-то-чникъ. Вы можете гордиться тѣмъ, что я это говорю вамъ такъ прямо. Отдайте письмо барону, онъ найдетъ какъ тамъ возможно будетъ лучше примѣнить къ дѣлу ваши способности и вашу честность. Можете быть покойны. Прощайте, любезный, желаю вамъ всего хорошаго...» Выросъ я, Аннушка, выросъ, въ собственныхъ глазахъ выросъ! Бояться намъ теперь нечего, все пойдетъ отлично!—твердилъ восторженно Петръ Иванычъ.—Вотъ оно, это письмо... возблагодаримъ Бога, не всякому такое счастье!...

Восторженность его сообщилась и окружающимъ. Фигура стараго князя, почтившаго честность и безкорыстіе въ маленькомъ чиновникѣ, показалась Алексѣю великолѣпною, колоссальною... Ему только смѣшно было вообразить себѣ, какъ онъ встрѣтится съ князькомъ Анатолемъ.

— А я безъ тебя не рѣшилась продать корову-то: какъ же можно, даютъ всего десять рублей, съ чѣмъ это сообразно!

— Э, матушка, полно тебѣ копѣйки-то выгадывать, Богъ съ

ними!—И Петръ Иванычъ заторопилъ жену; продавали все оставшееся за безцѣнокъ, лишь бы поскорѣе отдѣлаться и выѣхать.

Алексѣй получилъ изъ гимназіи свидѣтельство объ окончаніи 6-го класса при «похвальномъ поведеніи».—Онъ позаботился только объ участи Стультуса, котораго пристроилъ наилучшимъ образомъ, отдавъ кухаркѣ госпожи Бѣлкиной, Аринѣ. Да и для Арины, казалось, болѣе дорогого подарка быть не могло; ужъ она его ласкала-ласкала, чуть не со слезами, приговаривая: «ахъ ты Стульта! отслужилъ ты, Стульта, дружку мому покойничку, мотри и мнѣ служи также!»—Собака, узнавъ знакомую, когда-то кормившую ее и ея хозяина, съ визгомъ и лаемъ бросалась на плечи Аринѣ.

Лука пришелъ проститься съ крестной маменькой, но какъ будто только для соблюденія приличія: онъ держалъ себя принужденно, словно кругомъ виноватый передъ всѣми, а на Алёшу даже не смѣлъ глазъ поднять.

Вечеромъ накрапывалъ дождичекъ—добрый знакъ для отъѣзжающихъ — когда пузатый, тяжело-нагруженный тарантасъ вывезъ шажкомъ за черту города Слободинское гнѣздо.

V.

Всѣми безспорно признано могучее образовательное вліяніе путешествій; многіе считаютъ путешествіе необходимѣйшею частью полнаго, солиднаго образованія. Мы, русскіе, не имѣемъ на этотъ предметъ никакихъ *своихъ* установившихся убѣжденій: шататься мы любимъ, особенно на чужбинѣ. Со временъ Петра Великаго въ Европѣ объявились русскіе путешественники, то въ видѣ «любопытныхъ скиѳовъ», пришедшихъ «внимать аѳинскому софисту», то съ гигіеническими цѣлями, а чаще всего въ простой и популярной формѣ праздныхъ, гуляющихъ людей, которые спѣшатъ промотать въ чужихъ краяхъ и лишнія деньги, и лишнюю глупость, накопившуюся въ домашней скукѣ — и то благо! Очень недавно мы сдѣлали открытіе, что можно путешествовать и по своему отечеству, но это открытіе на первыхъ порахъ привело любознательныхъ пѣшеходовъ въ контору станового пристава. А чтобы ввести близкое знакомство съ родиной въ систему воспитанія, то объ этакомъ баловствѣ намъ въ то время и подумать еще было некогда...

Изъ нашей совершенно-правдивой хроники читатель, конечно, усмотрѣлъ, подъ какими непредвидѣнными и безалаберными слу-

чайностями проходило развитіе Алексѣя Слободина. Въ немъ все было такъ, какъ «Богъ дастъ», а между тѣмъ нѣкоторыя случайности являлись необыкновенно счастливо и, быть можетъ, тѣмъ сильнѣе вліяли на обработку характера и складъ міровоззрѣнія юноши, что въ нихъ не было никакой преднамѣренности. Къ такимъ счастливымъ случайностямъ нужно отнести эти безконечные переѣзды на долгихъ изъ одного конца Россіи въ другой; тутъ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу и съ русской бѣдною природой, и съ русской своеобычной жизнью, которая копошится вдали отъ городовъ и большихъ дорогъ, по глухимъ проселкамъ.

Въ первый переѣздъ изъ родного городка въ губернію Алёша былъ слишкомъ малъ, и притомъ зимняя дорога не даетъ ни достаточно матеріаловъ для наблюденій, ни даже возможности наблюдать встрѣченное. Ужъ какія тутъ наблюденія, когда кругомъ трещатъ тридцати-градусные морозы; все живое бѣжитъ и прячется подъ теплую крышу; въ каждой избѣ люди ютятся вмѣстѣ съ телятами; кругомъ все бѣло, неподвижно, мертво, — и самъ путникъ завертывается съ головой въ шубу, чтобы не отморозить своего любопытствующаго носа?... Та дорога для Алексѣя слилась въ одномъ цѣльномъ и яркомъ представленіи о встрѣчѣ съ дѣдушкой въ его просторной, теплой избѣ, оклеенной лубочными картинками, да о веселомъ празднованіи зимняго Миколы въ большомъ многолюдномъ селѣ.

Теперь дорога представляла рядъ картинъ живыхъ, своеобразныхъ, полныхъ смысла и занимательности для шестнадцатилѣтняго юноши, жаждущаго впечатлѣній, и котораго всѣ симпатіи тянули въ ту сторону, гдѣ снуютъ интересы, печали и радости простой жизни. Ѣхать предстояло до Петербурга болѣе двухъ тысячъ верстъ; до Москвы тянулись почти мѣсяцъ. Прежде всего, какъ ни экономничалъ Петръ Иванычъ, а на другой день дороги пришлось принанять еще пару лошадей съ повозкой, ямщикъ взялся везти самоувѣренно, да вдругъ и отказался:—чижалò! его чорта не выволокешь! Да и сидѣть въ тарантасѣ пятерымъ оказалось тѣсно и душно. Въ повозку перебрались мальчики и тотчасъ же подружились съ ямщикомъ, молодымъ татариномъ Абдулкой. Абдулка этотъ оказался превеселый малый и яростный защитникъ своей татарской честности. Русскій ямщикъ Назаръ, везшій тарантасъ, степенный, даже мрачный мужикъ, кривой и какъ-будто съ рваными ноздрями, — онъ увѣрялъ, что это отъ оспы,—былъ лѣнивъ до гадости, ужасно жалѣлъ своихъ пѣгихъ лошадокъ и готовъ былъ придраться ко всему, чтобы остановиться на кормёжку черезъ каждыя двадцать верстъ. Абдулка своихъ

не жалѣлъ и иной разъ пускалъ крупной рысью, чтобы обогнать Назара и раньше прибыть на ночлегъ. Ужъ и ругалъ же его кривой за эти штуки—«ахъ ты татарва проклятая! чего ты ёрничаешь-то? Тебѣ, извѣстно, коней не жаль, потому, коли загонишь, сейчасъ прирѣзалъ и сожралъ,—тебѣ все равно, окаянному!»

Замѣтно было, что Назару не нравилось, что съ нимъ везетъ Абдулка, а не кто-нибудь другой по его рекомендаціи. Абдулка не обижался и смѣясь приговаривалъ: «нашъ татаръ честна душа: онъ вина не пьетъ и обмануть не жалаетъ. А русъ хитрый человѣкъ, — съ русъ шалтай-болтай, а ножъ за пазухой хватай».

— Ахъ ты бритая башка! Ножъ, ножъ... а кто проѣзжихъ по лѣсамъ грабитъ, кто чемоданы подрѣзываетъ, кто? Небось мало вашего брата плетьми-то жарятъ!

— Да, знакомъ, ты вѣрно на разбой гулялъ, носъ порвалъ, совсѣмъ кривой сталъ!—смѣялся Абдулка.

— Елгай ты, елгай! Казань-то зачѣмъ проспалъ?—въ свою очередь острилъ Назаръ и замахивался кнутовищемъ на татарина. Оба они разражались смѣхомъ послѣ такихъ обоюдныхъ шутокъ.

Сидя на передкѣ, Абдулъ часто оборачивался, съ доброй дружеской улыбкой глядѣлъ на барчуковъ и подмигивалъ ободрительно.

— Въ Моску гайда, въ Моску! небойсь! татаръ добрый человѣкъ, въ Моску повезетъ. Ты, бачка, не вѣрь Назаръ; Назаръ варнакъ, собака. Мы живемъ честно.

Путникамъ случилось проѣзжать цѣлыя волости татарскихъ селеній, и Абдулъ дѣйствительно лѣзъ изъ кожи, стараясь доказать господамъ, какой добрый и честный народъ татары. По стараніямъ Абдула, останавливались Слободины всегда у старшины, у муллы, или у какого-нибудь зажиточнаго старика; постоялые дворы въ то время не были еще извѣстны въ дальнихъ татарскихъ деревняхъ; избы свѣтлыя, чистыя, широкія лавки устланы коврами домашняго издѣлія; угощеніе предлагалось роскошное — сотовый медъ, пшеничный хлѣбъ, вареная курица,— и Боже сохрани, чтобы хозяинъ или хозяйка взяли деньги съ дорожныхъ людей. Правда, это было еще въ предѣлахъ С—кой губерніи, и старшины могли знать, что ѣдетъ такой важный бояръ, совѣтникъ Слободинъ, но едва ли одни эти соображенія имѣли рѣшительное вліяніе на гостепріимство татаръ. Алексѣй не могъ не замѣтить, что татары гораздо богаче и живутъ гораздо лучше русскихъ, и совсѣмъ нѣтъ въ ихъ лексиконѣ словъ: барщина, помѣщикъ, господскій дворъ,—а капуданъ-исправникъ понимается,

какъ свой человѣкъ — не то начальникъ, не то подчиненный, — не разберешь, только совсѣмъ не страшный...

Абдулъ водилъ дѣтей по деревнѣ, показывалъ мечеть; и онъ, и мулла были чрезвычайно довольны, что старшій барчукъ, Алексѣй Петровъ (такъ звалъ его Абдулка) обнаружилъ серьезное уваженіе къ мѣсту ихъ молитвы, гдѣ по коврамъ разбросаны четки, кругомъ безмолвіе, полумракъ, бѣдная простота, — все располагаетъ къ самоуглубленію, къ созерцанію своей души въ ожиданіи Магометова рая.

Сѣдоки въ повозкѣ ѣхали дружно и весело, часто затягивали пѣсню, или хохотали, когда Абдулка разсказывалъ что-нибудь смѣшное. Ни одной рѣчонки не пропускали они, чтобы не выкупаться и потомъ, какъ сумасшедшіе, догоняли степенно-ползущій тарантасъ. На ночлегахъ располагались вмѣстѣ, обыкновенно на дворѣ, на свѣжемъ только-что скошенномъ сѣнѣ. Часто, для сокращенія пути, Назаръ, поспоривъ съ Абдулкой, своенравно сворачивалъ съ большой дороги; неизвѣстно, насколько сокращалась ѣзда, потому что тутъ дороги были все не мѣренныя, но за то повозки ныряли по такимъ проселкамъ, куда, казалось, нога человѣческая не заходила: переѣзжали въ бродъ черезъ какіе-то ручьи, заросшіе осокою, или переправлялись черезъ мостики, дрожащіе всѣми своими покривившимися жердочками; заѣзжали въ деревнюшки маленькія, пріютившіяся надъ какимъ-нибудь буеракомъ, или на такомъ косогорѣ, что подъѣхать къ нимъ было совсѣмъ неспособно. Обыкновенно съ ночлега поднимались до зари и останавливались часу въ 11-мъ дня; послѣ обѣда, покормивъ и напоивъ лошадей, дѣлали еще небольшую упряжку.

Однажды, выѣхавъ часу въ шестомъ послѣ обѣда, путники запоздали въ лѣсу, а лѣсъ былъ огромный, дремучій лѣсъ, верстъ на сорокъ въ длину. Сперва ѣхали весело; дѣти выскочили и разбѣжались по сторонамъ дороги, на поиски за грибами и ягодой; лошади брели шагомъ, побрякивая бубенцами, фыркая и отмахиваясь отъ слѣпня и овода. Никто и не замѣтилъ, какъ стало смеркаться. Назаръ увѣрялъ, что на половинѣ лѣса встрѣтится поселокъ, гдѣ можно будетъ заночевать; Абдулъ, напротивъ, утверждалъ, что никакого поселка нѣтъ, и дай Богъ къ утру выбраться изъ лѣсу. Безлунная ночь совсѣмъ спустилась и въ лѣсу стала непроглядная темень; только надъ головой видна полоска звѣзднаго неба; лохматыя сосны и ели, чѣмъ дальше, тѣмъ будто все тѣснѣе сдвигаются къ дорогѣ, а взглянуть впередъ, такъ кажется онѣ и путь совсѣмъ загородили, — ѣхать некуда.

Петръ Иванычъ сердитымъ и замѣтно-неспокойнымъ голосомъ попрекалъ Назара, что подъ ночь выѣхали, лучше бы переночевать на той станціи. Назаръ увѣрялъ, что ничего, авось Богъ пронесетъ благополучно.

— А вы вотъ что, сударь, лучше прикажите замолчать энтому татарченку. Чево онъ распѣлся? Развѣ это хорошо къ ночи? Каки-таки у ево пѣсни! Мы тоже знаемъ эти дѣла-то, слыхали про нихъ... Пѣсни!...

— Абдулка, полно тебѣ голосить-то, — тоску наводишь своимъ гнусеньемъ!

— Ничаво, бачка, ничаво!—и Абдулка продолжалъ вытягивать свою унылую татарскую мелодію.

Да на бѣду еще лошадей не только пошибче погнать нельзя, а пришлось еле-еле шагомъ тащиться: песокъ сыпучій по ступицу. Всѣми путниками овладѣла какая-то тоска, пугливость безотчетная и непобѣдимая. Никто не назвалъ причину этого настроенія, а у каждаго слухъ и зрѣніе были такъ чутко насторожены, что, казалось, вспорхни ночная птица въ кустахъ—всѣ обомлѣютъ отъ ужаса. Алексѣю особенно это чувство стало невыносимо; чтобы какъ-нибудь прогнать его, онъ выскочилъ изъ своей повозки и пошелъ о-бокъ тарантаса, разговаривая съ отцомъ о предметахъ, совершенно неподходящихъ къ настоящему положенію. Вдругъ ихъ разговоръ перервалъ Назаръ, разсуждая будто про себя хриплымъ, заспаннымъ голосомъ:

— А лѣтошній годъ, въ этомъ самомъ лѣсу три убивства объявилось. Купцовъ однихъ, къ Макарью ѣхали, — да барыню съ дѣтьми зарѣзали. Дѣти махонькія были, взмолились такъ слышь слезно, на колѣни пали, что хошь бери, только крови нашей христіанской не проливай... Такъ нѣтъ, не помиловалъ—перерѣзалъ всѣхъ до одного.

— Что-жъ, убійцы отысканы?

— Гдѣ тамъ отысканы! По здѣшнимъ мѣстамъ кто ихъ пойдетъ отыскивать? Мѣста глухія. Ямщикъ убѣгъ, спрятался въ кусты; вѣстимо, нашъ братъ самъ испужался, да и чѣмъ онъ виноватъ? Что тутъ подѣлаешь? Потомъ доказывалъ, ну только ничего не доказалъ, потому тутъ скрозь шалятъ и другъ дружку покрываютъ.

— Ну вотъ видишь какой ты, Назаръ!—съ заискивающею кротостью упрекнулъ Петръ Иванычъ:—знавши все это, зачѣмъ же ты ночью-то повезъ насъ? Не грѣхъ ли тебѣ!...

— Оно бы точно, что не слѣдовало, да мнѣ надо къ завтрешнему воскресенью въ Аникино на базаръ поспѣть, безпре-

мѣнно надо. Дальше ужъ я не поѣду, тамъ сдамъ васъ земляку и шабашъ! А заночуй мы—вотъ день и пропалъ, какъ бы я къ базару-то поспѣлъ?

— Ну не подлецъ ли ты послѣ этого! изъ-за того, что ему на базаръ нужно, онъ всѣхъ насъ подъ ножъ везетъ.

— И-ихъ баринъ! Богъ не захочетъ, свинья не съѣстъ.

— Самъ ты свинья! И гдѣ ты пословицу такую слышалъ, въ какихъ мѣстахъ?—Петръ Иванычъ принялъ грозный тонъ.—И по рожѣ-то твоей видно, въ какихъ хорошихъ мѣстахъ ты побывалъ... А раздѣнь, такъ чай на спинѣ-то ремни вырѣзаны...

— Не замай ты меня, баринъ. Я тебѣ ничего худого не сдѣлалъ,—проговорилъ Назаръ уныло и озлобленно.—Ну, ты, чо-ортъ, бойся,—рявкнулъ онъ, ударивъ пристяжную, отскочившую отъ обгорѣлаго пня.

— Вотъ говорилъ, что и поселокъ будетъ, а гдѣ онъ поселокъ?

Но Назаръ уже молчалъ.

Дѣло становилось плоше; оказалось, что самъ Назаръ парень несовсѣмъ изъ благонадежныхъ. Абдулка же, завернувшись въ чепанъ и натянувъ на уши мягкую войлочную шляпу, продолжалъ тянуть свою безконечную, задумчивую пѣсню.

— Пой, пой!—ворчалъ на него Назаръ.—Ты бы ужъ лучше свистъ пустилъ; оно понятнѣй будетъ...

Но свистъ неожиданно раздался сзади... Кто-то нагонялъ нашихъ дорожныхъ; уже слышенъ былъ храпъ усталыхъ лошадей. Петръ Иванычъ велѣлъ остановиться, что́ Назаръ исполнилъ съ неудовольствіемъ, и пошелъ къ лошадинымъ мордамъ.

Въ нагонявшей кибиткѣ оказалось три человѣка; это были купеческіе прикащики, молодые парни, которые сами были очень обрадованы, что столкнулись съ мирными людьми и охотно порѣшили ѣхать вмѣстѣ, не отставая до самой станціи. Съ этой минуты все пошло покойнѣе; изморенные ночною ѣздой и мучительными ощущеніями, всѣ почти заснули; не спалъ одинъ Алексѣй, въ головѣ его все бродили мысли о ночныхъ убійствахъ и разбояхъ, но онъ съ удовольствіемъ сознавалъ, что не струсилъ или по крайней мѣрѣ съумѣлъ одолѣть заныввшее на минуту чувство безпричиннаго страха,—обидное чувство.

Онъ глядѣлъ на синюю, кроткую полоску неба, которая бѣжала куда-то мимо надъ черными верхушками, словно не смѣя заглянуть въ глубину лѣса.—Экая глушь-то какая! Экая дичь!—повторялъ Алексѣй, и чѣмъ пристальнѣе всматривался въ лѣсную темень, чѣмъ глубже вслушивался въ ея гулкій ропотъ, тѣмъ

яснѣе складывалась въ головѣ его фантастическая мысль, что эта лѣсная глушь и есть тотъ самый лихой разбойникъ, который гуляетъ съ кистенемъ и тѣшится поножовщиной... Что человѣкъ тутъ не по своей волѣ становится звѣремъ косматымъ, онъ невольно покоряется, становится рабомъ этого великана и исполняетъ лишь его дикую волю... Нѣтъ, тутъ не чужой чемоданъ всему причиной! а поди-ка вотъ поспорь съ этой стихійной силой, которая и дразнитъ тебя, и пугаетъ, и толкаетъ тебя подъ руку... Чемодану вся цѣна грошъ, и имъ ничего не объяснишь... Тутъ совсѣмъ другое дѣло, — тутъ и виноватаго не найдешь, гдѣ сама природа за одно съ человѣкомъ...

Лошади подвигались медленно, лѣсу какъ-будто и конца-края не было; становилось холодно. Впереди, на дорогѣ Алексѣй примѣтилъ двѣ черныя фигуры,—пни это были, или кусты? Но онѣ вдругъ двинулись; перешли черезъ дорогу и стали къ сторонкѣ, какъ бы не рѣшаясь, въ которую сторону имъ дальше двинуться. Въ рукахъ у нихъ здоровыя дубинки. Еще не поровнявшись съ ними, Назаръ какъ-то особенно-знаменательно крякнулъ и пугнулъ лошадей: «го-го-го, милыя! улепетывай, голубчики!»

Въ тоже время купцы,—видно не всѣ спали,—начали кашлять и заговорили вдругъ въ нѣсколько голосовъ. Темныя фигуры пропали.

— Видалъ, Алексѣй Петровъ?—спросилъ Абдулка, уже проѣхавши шаговъ пятьдесятъ.

— Видѣлъ. А что?

— Ничаво. Счастливъ твой Богъ.

— Да ты что думаешь-то, скажи?

— Подлецъ Назарка; его повѣсить надо, собаку... прошепталъ Абдулка, и затянулъ опять какую-то, по обыкновенію, печальную, но совершенно-дурацкую мелодію.

Солнце поднялось высоко, когда пріѣхали въ Аникино.

Назаръ сдалъ тарантасъ какому-то рыжему Левону, причемъ оказалось, что у него изъ условленной платы перехватило рубля два чистой прибыли въ ущербъ Левону, на что этотъ какъ-то не смѣло ропталъ и за-глаза только ругнулъ Назара каторжникомъ. Петръ Иванычъ готовъ былъ прибавить ему своихъ четыре рубля, — такъ онъ радъ былъ, что избавился отъ Назара. Пока пили чай и отдыхали въ ожиданіи обѣда, Алексѣй пошелъ на базарную площадь села Аникина, гдѣ кипѣла разгульная сельская ярмарка. Онъ ко всему прицѣнялся, прислушивался къ народному говору; узналъ, что въ Аникино особенно много собирается бабъ за покупкой крашенины, между тѣмъ по милости разбой-

ника Гурьки, главнаго коновода набойщиковъ, крашенина вдругъ вздорожала, потому будто бы, что стали класть кубовую краску, а какая она кубовая? линяетъ также, какъ и простая. Для бабъ это было сущее бѣдствіе; многимъ приходилось отказаться отъ покупки и идти домой съ пустыми руками; а Гурька, какъ человѣкъ привилегированный, стоявшій по всему выше лапотниковъ, только подсмѣивался: «Придутъ вдругорядь!»

Встрѣтилъ Алексѣй и Назара, совсѣмъ уже пьянаго, и замѣтилъ, что этотъ человѣкъ съ подозрительными ноздрями пользуется большою популярностью, какъ настоящій кабацкій ярыга. Онъ не столько пьянствовалъ, сколько чванился и навязывалъ свое пьянство цѣлому міру,—и ровно никакого дѣла на ярмаркѣ не имѣлъ, а такъ только бахвальничалъ.

Сомнительная исторія лѣсной встрѣчи такъ и осталась неразъясненною. На постоялый дворъ, гдѣ остановились Слободины, являлось много ямщиковъ,—набивались они везти за-мѣсто Абдула, предлагая даже ему нѣсколько гривенъ могарыча, — все это были, какъ видно, пріятели Левона, но татаринъ не соблазнялся выгодами и объявилъ Алексѣю рѣшительно: «я тебя въ Моску повезу. Абдулъ честна душа, онъ тебя любитъ; не бойсь, Алексѣй Петровъ!»

Чѣмъ ближе къ Москвѣ подвигались наши путники, тѣмъ больше замѣчали въ народѣ бойкости и хлопотливости; населеніе видимо становилось гуще; между мужиками-пахарями втирался и юлилъ плутоватый фабричный; вѣковые безмѣрные лѣса смѣнялись веселыми кудрявыми рощами; города попадались чаще, и не такіе города, которые только и отличаются отъ селеній, что острогомъ да городническимъ правленіемъ, города бѣлокаменные, со множествомъ лавокъ, заведеній, двухъ-этажныхъ домовъ и высокихъ колоколенъ, съ которыхъ звонъ подъ праздничный день гудитъ и разносится на всю окрестность. Два раза переѣзжали Волгу-матушку на паромѣ. Встрѣтился городъ, котораго половина недавно погорѣла; какой-то степенный мѣщанинъ въ синей сибиркѣ обстоятельно объяснилъ Алексѣю, что пожаръ этотъ былъ божьимъ попущеніемъ и, не случись чуда, весь бы городъ до-тла выгорѣлъ. «Во время самаго пожара пришелъ въ трактиръ нашъ юродивый, блаженный Андреюшка и спросилъ рюмку водки. А онъ, надо вамъ сказать, и зиму и лѣто ходитъ босой, въ одной длинной рубашкѣ, и не то что водки, а пищи горячей даже не употребляетъ. Всѣ диву дались—чтó бы это значило? Неслыханно! Говорятъ ему, помолись святъ-человѣкъ, вишь какая бѣда насъ постигаетъ. А онъ, ни слова не сказавши, хлопъ и

выплеснулъ эту самую рюмку водки за окно. Что-жъ бы вы думали? въ тотъ же мигъ пламя словно обезсилѣло, упало и кончено — дальше ужъ не пошло! Вотъ какъ, господинъ честной! Бываютъ чудеса, бываютъ. Извѣстно, безъ святого никакой градъ стоять не можетъ».

А съ Абдулкой Алексѣй очень подружился. Сколько по дорогѣ ни мѣнялось извощиковъ, Абдулка не покидалъ, везъ, какъ сказалъ, до самой Москвы. И что это за расторопный малый оказался: лошадей уберетъ, колеса подмажетъ, да еще господамъ прислужитъ, самоваръ поставитъ, сбѣгаетъ, разыщетъ все что нужно и безъ всякой корысти. Одинъ разъ онъ пожаловался своему Алексѣю Петрову, что Личарда на постояломъ дворѣ укралъ оловянную ложку, и они вдвоемъ его отлично оттузили. Алексѣй съ глубокимъ уныніемъ сталъ замѣчать, что скверныя наклонности одолѣваютъ бѣднаго Личарду, и чуть не со слезами тужилъ, отчего онъ не такой, какъ Абдулка. И самъ Личарда, кажется, чувствовалъ въ себѣ что-то неладное, сталъ задумчивъ, необщителенъ.

Наконецъ, прописавшись и отдавъ *видъ* на исправно-бодрствующей заставѣ, наши путники въѣхали въ Москву, и никѣмъ незамѣченныя, незавидныя повозченки ихъ затерялись въ хаотическомъ движеніи по узкимъ улицамъ и переулкамъ первопрестольной столицы. Остановились Слободины въ какомъ-то подворьи близъ Никитской, изъ котораго пренелѣпымъ образомъ выходило нѣсколько воротъ на разныя улицы. Алексѣй дружески попрощался съ Абдулкой, который вѣроятно во всю жизнь будетъ вспоминать Алексѣя Петрова, полюбившагося ему безотчетно, но не безпричинно.

Въ Москвѣ оставались они только три дня, и, разумѣется, поспѣшили поклониться православнымъ святынямъ; обошли весь Кремль; осмотрѣли царь-пушку, въ жерлѣ которой, по словамъ какого-то старика, мальчонки въ бабки играютъ; видѣли и знаменитый колоколъ, сидѣвшій тогда еще въ землѣ, — и едва не запутались въ полутемныхъ внутреннихъ переходахъ гостиннаго двора.

Алексѣй не удовольствовался этими общими, какъ печатный пряникъ, впечатлѣніями и уходилъ каждый день шляться по улицамъ одинъ, надѣясь на свою необыкновенную память мѣстности. Приглядываясь къ толпѣ онъ замѣтилъ, что это все тѣ же самые типы, тѣ же пріемы, та же повадка, тотъ же покрой платья, — все то же, что онъ видѣлъ до сихъ поръ, проѣхавъ слишкомъ тысячу верстъ. Только тамъ въ разныхъ углахъ оно попадалось отдѣльно, разрозненно, а тутъ скучилось въ огромную плотную

массу. Даже многіе дома имѣли физіономію чисто-губернскую,— деревянные, сѣренькіе, съ цвѣтничкомъ въ палисадникѣ на улицу, съ голубятней во дворѣ и уродливыми львами на покосившихся воротахъ, — «точь-въ-точь тутъ живетъ нашъ старикъ Капириновъ и цѣлый день, слоняясь по комнатамъ, дразнитъ канареекъ».— Только вотъ рѣчь здѣсь иная,—пѣвучая, расплывчатая, немножко прѣсноватая, но звучитъ такъ полно, хорошо, красиво. Все, что видѣлъ Алексѣй, не исключая и пушекъ, изъ которыхъ стрѣлять нельзя,—носило характеръ мирный, домашній, добродушный и на распашку. Такъ, когда по улицамъ прошелъ гусарскій эскадронъ, то всѣ москвичи столько же дивились этому нашествію, сколько и нашъ юноша, съ роду невидавшій ни одного живого гусара.

Искусился Алексѣй и по части коммерціи. Недалеко отъ Иверской присталъ къ нему какой-то бродячій негоціантъ, навязывая купить косыночку, вязанную, какъ онъ увѣрялъ, изъ ангорскаго пуха. Посмотрѣвъ вещицу, Алексѣй подумалъ, купить развѣ въ подарокъ Алёнушкѣ.—Что стóитъ?—Да ужъ такъ съ васъ безъ торга восемь рубликовъ.—Полтинникъ,—вымолвилъ Алексѣй, чтобъ отвязаться, и пошелъ своею дорогой. Продавецъ присталъ и, идя слѣдомъ, началъ сбавлять запросъ необыкновенно быстро.—Ну, хорошо, извольте... господинъ! извольте, для почину только... Но Алексѣй ужъ раздумалъ,—не надо, сказалъ онъ. Негоціантъ освирѣпѣлъ и послалъ ему вслѣдъ залпъ ругательствъ:— ахъ ты стрекулистъ! ахъ ты мазурикъ! и т. п. Провинціалъ сгорѣлъ отъ стыда и столько же проклиналъ свое глупое поведеніе, сколько дивился нахальству уличнаго торгаша, какихъ провинція еще не выдумала. Пошелъ онъ дальше, встрѣчается другой негоціантъ съ тростями и зонтиками. Алексѣй подумалъ: дай куплю тросточку не для франтовства, а поувѣсистѣе — здѣсь пожалуй что и пригодится... но наткнулся на лавочку букиниста, разложившаго свой товаръ у кремлевской стѣны. Сталъ онъ перебирать книги, но книги попадались все малоинтересныя, или уже прочтенныя;—Алексѣя забирала досада: что-жъ это я—переброшу книги, ничего не куплю,—пожалуй и тутъ еще выругаютъ?—Эхъ право, лучше бы добрую палку!... Въ это время подошелъ студентъ и по-пріятельски обратился къ букинисту: «ну, Василій Филиппычъ, достали, что я просилъ»?

— Охъ, сударь, трудновато... Потерпите маленечько. Трудный это товаръ по нынѣшнимъ временамъ, сами знаете!...

— Когда же?

— Да ужъ, батюшка, будьте благонадежны: обѣщано, такъ будетъ.—Студентъ перевелъ прямые, смѣлые глаза на Алексѣя.

— Вотъ они не знаютъ, что выбрать,—продолжалъ букинистъ,— рекомендую имъ «Черную Женщину», «Ивана Выжигина»—изданьица чистенькія...

Студентъ расхохотался звонко, заразительно.

— Ахъ, старый грѣховодникъ! Развѣ можно такъ безсовѣстно развращать юное поколѣніе?—Вотъ кого бы слѣдовало къ моему пріятелю Ш—скому стащить, да въ Крутицкія казармы на покаяніе!... Ха, ха, ха, ха!... Вы какое чтеніе любите?

— Мнѣ бы что поближе къ настоящему дѣлу, то-есть, къ жизни.

— Ага!—И студентъ сталъ перебрасывать какія-то старенькія, сильно зачитанныя книжки, и въ то же время продолжалъ отрывистый разговоръ.

— Вы не здѣшній.

— Я изъ С—кой гимназіи.

— Въ нашъ университетъ пріѣхали?

— Нѣтъ, я проѣздомъ въ Петербургъ.

— Служить?—зорко взглянулъ на него студентъ.—Тамъ все служитъ.

Алексѣй улыбнулся.

— Отчего же?—Кто захочетъ, вездѣ можетъ просто жить и работать.

— Работать, такъ лучше къ намъ.

— Я съ семьей ѣду.

— Жаль.—Ну, вотъ вамъ,—возьмите эти книги, читайте съ толкомъ. Тутъ есть «Литературныя мечтанія» и еще кое-что, какъ вы говорите, поближе къ настоящему дѣлу. Въ добрый часъ!— Повторивъ букинисту о своемъ заказѣ, студентъ повернулся и ушелъ скорой походкой.

У Алексѣя въ рукахъ остались отобранные нумера «Телескопа» и «Московскаго Наблюдателя»; не торгуясь, онъ заплатилъ деньги и побѣжалъ домой съ своей покупкой.

Вечеромъ остался дома, все читалъ «Литературныя мечтанія».

По выѣздѣ изъ Москвы, Алексѣй еще долго думалъ о незнакомомъ студентѣ и очнулся на второй или на третьей станціи,—и тутъ только замѣтилъ, что они ѣдутъ по какому-то совсѣмъ другому государству... И ѣдутъ они ужъ не на долгихъ, а съ двумя подорожными въ карманѣ.

Прямое, ровное шоссе, точно вчера только выметенное;—по сторонамъ, выровненныя по ранжиру, пирамидальныя кучки щебня;

столбы и шлагбаумы, блистающіе рѣзкими полосками свѣжей краски; мосты и мостики съ чугунными рѣшетками въ видѣ военной арматуры, украшенные двуглавымъ орломъ; станціонные дома, выстроенные по одному фасаду, безжизненно-опрятные; станціонные смотрители въ форменныхъ сюртукахъ, чисто выбритые, застегнутые на всѣ пуговицы; путейскіе чины, взимающіе шоссейный сборъ, тоже въ присвоенной имъ формѣ, такіе строгіе, исполнительные. Весь этотъ придорожный персоналъ и даже матеріалъ бодрствуетъ, что называется, на-чеку, точно съ минуты на минуту ожидаетъ проѣзда какого-нибудь важнаго начальника. Наконецъ, и сами проѣзжающіе, попадавшіеся на встрѣчу, были все народъ застегнутый, форменный и спѣшащій сломя голову: то фельдъегерь пролетитъ, вздымая облако пыли и распустивъ по вѣтру капишонъ своей офицерской шинели; то коляска съ бодро-подбоченившимся господиномъ въ военной фуражкѣ, или дормезъ шестерикомъ, съ ловкимъ лакеемъ на козлахъ, съ опущенными сторами и таинственно-важными господами, невыходящими ни на одной станціи. Попадался и мелкій проѣзжающій въ бричкѣ или телѣжкѣ, но и такой проѣзжающій былъ тороплнвъ, озабоченъ и какъ-то мысленно застегнутъ. А то вдругъ затрубитъ рожокъ и съ громомъ провалитъ слонообразный дилижансъ, набитый народомъ.

Все, что втрѣчалось нашимъ путникамъ, было такъ ново, такъ непохоже на оставшееся за ними позади, на томъ безграничномъ пространствѣ, гдѣ и версты-то немѣренныя... Алексѣю невольно припомнились слова студента: «все служитъ»,—онъ оглянулся на себя и братишку—оба были въ старенькихъ нанковыхъ халатикахъ.—«Эге, братъ, тутъ ужъ такъ нельзя, надо переодѣться! замѣтилъ онъ. Халатъ — это тамъ, а здѣсь, братецъ, не то!»—Переодѣлись они въ сюртуки и, выйдя на слѣдующей станціи, встрѣтили отца, тоже переодѣвшагося изъ архалука въ сюртукъ: а вѣдь не сговаривались, стало быть такъ надо!

И показалось Алексѣю, что тамъ назади лежитъ одинъ огромнѣйшій, просторный халатъ, а тутъ на всемъ мундиръ, ловко-пригнанный, въ обтяжку. Опрятно, щеголевато, молодцовато,— а вѣдь жаль, и чортъ знаетъ чего жаль-то!... Ѣхалось привольно, весело, — правда: и въ рѣкѣ выкупаешься, и полемъ пробѣжишь, а въ праздникъ на дневкѣ и въ хороводѣ подурачишься; здѣсь этого никакимъ образомъ невозможно, некогда и стыдно... Здѣсь и глуши такой дикой, затаенной совсѣмъ нѣтъ; и про лѣса такіе неоглядные, дремучіе тутъ не слыхивали; здѣсь кругомъ болото, на кочкахъ торчатъ кустики тощіе; кое-гдѣ клочекъ землицы

для примѣра вспаханъ; все плоско какъ на ладони, убѣжать и спрятаться некуда... Гляди, и Волга-то не та,—Личарда, вѣдь не та!...

— Не та; наша Волга будетъ куды важнѣе! Эта сухожильная.

— То-то же. И гдѣ здѣсь народъ-то настоящій? Вонъ сидитъ на сторонкѣ мужичекъ другой-третій, щебенку бьетъ, и лица-то на немъ человѣческаго непримѣтно. А обозы идутъ стороной; вонъ видишь, по болотинѣ деревянная дорога наброшена; ужъ она сгнила, старая, а все по ней тянутся,—значитъ, тамъ способнѣе, никто въ шею не гонитъ.

— А можетъ сюда и не пущаютъ, потому эта дорога господская, а та черная,—глубокомысленно замѣтилъ Личарда.

Въ такихъ разговорахъ и размышленіяхъ доѣхали до Новгорода, починили тарантасъ въ кузницѣ, приладившей свои горны въ какой-то старой развалинѣ, которую грамотѣи называютъ домомъ Мареы-Посадницы; затѣмъ перемѣнили лошадей и двинулись дальше, свернувъ съ петербургскаго тракта въ сторону—въ объятія милыхъ родственниковъ.

VI.

Ермолины чрезвычайно обрадовались пріѣзду родственниковъ, которыхъ давно поджидали. Въ казенномъ домѣ, гдѣ жилъ майоръ, было все такъ пригнано и размѣрено по вершкамъ, что пріѣзжимъ могла быть отведена одна только комната; пришлось стѣсниться нашимъ провинціаламъ, привыкшимъ къ раскидистому простору; еще больше стѣснилъ ихъ какой-то особенный, безжизненный порядокъ жизни: все въ домѣ дѣлалось словно по артикулу. Вставай и ложись въ извѣстный часъ; чай на столѣ стоитъ ровно 20-ть минутъ, ни раньше, ни позже никто чашки не получитъ; изъ одной комнаты въ другую нельзя перенести стула, несмотря на явную въ немъ надобность; захочется стаканъ воды—иди къ извѣстному столику, гдѣ приросъ графинъ съ водою, и отнюдь не занеси стакана въ другое мѣсто. Всякое нарушеніе порядка ловилось на лету и исправлялось безмолвно, но неуклонно. Прислуживаетъ деньщикъ, всегда одѣтый въ форму изъ солдатскаго сукна; а въ передней постоянно торчитъ вѣстовой, готовый, кажется, по первому мановенію бѣжать на посылки, хоть на край свѣта, и схватить за шиворотъ всякаго, кого прикажутъ. Алёнушкѣ сильно хотѣлось попрыгать, порѣзвиться, но въ комнатахъ ей было какъ-то неловко и боязно развернуться, а выбѣжать некуда: при домѣ небольшой огородъ съ цвѣтничкомъ, но

на калиткѣ виситъ замокъ, — стало надо у кого-нибудь просить ключъ и позволеніе. Во всемъ сказывалось, что тутъ не привычки и потребности создали порядокъ, а наоборотъ — порядокъ командуетъ и потребностями и привычками.

Родственникамъ пришлось знакомиться совершенно на-ново; знакомъ былъ одинъ Петръ Иванычъ, и то лѣтъ двадцать тому назадъ.

Господинъ Ермолинъ былъ плотный, здоровый майоръ съ сѣдою, подъ гребенку выстриженной головою, какъ-то смѣшно подбривавшій верхнюю губу, оставляя на ней, вмѣсто усовъ, узенькія полоски сѣдой щетины, больше похожія на брови, чѣмъ на усы. Ходилъ онъ всегда застегнутый на всѣ крючки и пуговицы; выходя со двора, прицѣплялъ шпагу и въ руки бралъ толстѣйшія замшевыя перчатки, которыя никогда не надѣвалъ, а ловко помахивалъ ими, или грозилъ встрѣчавшимся солдатамъ. Говорилъ онъ основательно, отбивая на словахъ темпъ и своеобразно ломая на русскій ладъ иностранныя слова, относящіяся къ воинской техникѣ; любимымъ словцомъ его было «аккуратъ». Въ разговорѣ часто упоминалъ: «нашъ графъ», «графъ такъ завелъ», «это пошло отъ графа», — полагая (и совершенно основательно), что нѣтъ надобности называть какой это графъ, всякъ его знаетъ. Замѣчательна была его спина, широкая, покладистая, какъ будто нарочито приспособленная къ ношенію ранца, — да и много же тысячъ верстъ пронесла она этотъ ранецъ! да, вѣроятно, была знакома и еще кое-съ-чѣмъ, кромѣ ранца. Представители этого когда-то весьма распространеннаго типа, теперь уже становятся большою рѣдкостью.

Тётушка Пелагея Ивановна была ему совсѣмъ не пара: маленькая, худенькая, сгорбленная, лицо съ кулачокъ, — казалось, она должна бы умереть безъ писка отъ одного прикосновенія медвѣжьей лапы такого увѣсистаго супруга; между тѣмъ она обнаруживала необыкновенную живучесть и неутомимую хлопотливость: вездѣ шныряла, скопидомничала на всякой мелочи и явнымъ образомъ держала силача-мужа въ страхѣ и повиновеніи.

Скопидомство ея распространялось не только на собственное хозяйство, но даже не могло стерпѣть чужой неразсчетливости.

— Ахъ, братецъ, какъ вы много курите! да еще и просыпаете табакъ. — Этакъ у васъ его, я думаю, фунта два въ мѣсяцъ выходитъ.

Дѣтскіе глазенки все это видѣли и принимали къ свѣдѣнію. Алексѣя уже тянуло поскорѣе уѣхать. Разъ онъ былъ свидѣтелемъ такого разговора.

— Напрасно, любезнѣйшій Петръ Иванычъ, напрасно вы домъ продали! А мы такъ вотъ сформировали себѣ домишко въ Новгородѣ и отдали въ наемъ. Нажить трудно, а проживается легко. Какъ есть недвижимость, такъ оно, знаете, покойнѣе кашу жуешь, — проповѣдывалъ майоръ.

— Богъ съ нимъ! — Я не жалѣю... А главное, на какія же средства могъ бы я поѣхать? — Судите, откуда я могъ взять денегъ! — оправдывался Петръ Иванычъ.

— Ужъ будто у васъ кромѣ дома и запасено ничего не было! — Мѣсто занимали хорошее, видное, человѣкъ вы не пьющій, благоразумный...

— Что дѣлать — не умѣлъ-съ, не умѣлъ! Да и какіе у насъ доходы? — Совѣтникъ питейнаго отдѣленія — другое дѣло; — а на моемъ мѣстѣ надо было развѣ грабить, чтобъ пріобрѣсти; — это не съ моимъ характеромъ...

— И видать, что вы смолода шли по ученой части! — Всѣ эти ученые аккуратъ такъ разсуждаютъ. Смолода оно, конечно, извинительно, а въ наши годы ужъ какъ-будто и стыдно такъ разсуждать... Притомъ у васъ семья.

— Я ни въ чемъ себя не упрекаю, Акимъ Антонычъ, — и не унываю, Богъ милостивъ! — Теперь у меня слишкомъ три тысячи ассигнаціями въ карманѣ, можно прожить безбѣдно пока получу мѣсто. Ну, три-четыре мѣсяца, допустимъ полгода... А съ извѣстнымъ вамъ письмомъ навѣрное получу!

— Да, письмо, какъ видно, къ значительной персонѣ; — дай Богъ!

— Нѣтъ ли у васъ хорошихъ людей въ Петербургѣ, чтобъ могли пособить?

— Какъ не быть! — въ нашемъ департаментѣ и въ другихъ — у меня есть добрые пріятели и покровители. Правда, не въ большихъ чинахъ, люди не громкіе, не фонъ-бароны; но что принадлежитъ до дѣлъ, — знаютъ всѣ ходы и подходы; — словомъ, политиканты! Они вамъ сильный сикурсъ могутъ оказать...

И майоръ назвалъ нѣсколько фамилій столоначальниковъ, помощниковъ и еще болѣе мелкой сошки. Ужъ однѣ фамиліи — Черкунецъ, Трынкинъ, Раскепскій, Копіистовъ — не обѣщали ничего грандіознаго, а напоминали больше батальонъ военныхъ кантонистовъ.

Петръ Иванычъ замялъ эту матерію.

— Вотъ думаю похлопотать тамъ насчетъ дѣтей, — нельзя ли какъ-нибудь въ заведеніе на казенный счетъ пристроить.

— Въ кадетскіе корпуса, — самая благородная дорога! — Вотъ

это я одобряю и готовъ помочь изъ всѣхъ силъ. Потому, выкарабкаются на поверхность, — людьми будутъ. — Алёша, хочешь, братъ, въ кадетскій корпусъ? — По твоимъ лѣтамъ надо въ дворянскій полкъ, аккуратъ подойдешь. Чисто, прямо, благородно!— Я думаю, и спишь и видишь, какъ бы по улицѣ въ эполетахъ пройтись?

— Нѣтъ, дядюшка, я совсѣмъ не о томъ думаю, — и въ военную службу идти не желаю.

— Не-же-ла-ешь?! — Майоръ взглянулъ на него, какъ на дурака, или на помѣшаннаго.

— Рѣшительно не желаю. Будто нѣтъ другихъ дорогъ!..

— Ну, братъ, разодолжилъ!—И онъ это такъ хладнокровно?.. Да ты понимаешь ли, что значитъ военный карьеръ?

— Понимаю.

— И такъ равнодушно говоришь: хочу быть штафиркой, рябчикомъ!..

— Вы, дядюшка, забываете, что мой отецъ тоже штафирка...

— Э, любезный, да ты къ тому же еще и вольнодумъ! — Отличился! — А ты не слыхалъ того, что дѣти про отцовъ и вообще про старшихъ разсуждать не смѣютъ?

Дядя впадалъ въ тонъ батальоннаго командира, а отецъ взглянулъ съ дружескимъ упрекомъ: «на что-де ты это трогаешь?»

— Извините, дядюшка, вы меня не поняли.

— Еще лучше! — Я — моего государя штабъ-офицеръ, — Егорья подъ Лейбцыкомъ удостоенъ, и я не могу понять фанаберистаго мальчишку-племянника!?—Чувствительно вамъ, сударь, благодаренъ!.. Алексѣй улыбнулся: онъ вспомнилъ, что и дядька Орловъ тоже подъ Лебцыгомъ получилъ почетную пулю, а Артемьевъ увѣрялъ же, что это въ чехаузѣ крыса ему колѣнко прокусила...

— Отлепортовался, нечего сказать! — Аккуратъ, какъ рекрутъ-малороссіянецъ необтесанный.

— Простите, дядюшка... Алексѣй, зажавъ ротъ платкомъ, чтобы не расхохотаться, вышелъ.

— Ну, онъ у васъ того, — майоръ показалъ на свой жирный лобъ.—Не всѣ дома... жаль! — съ виду такой бравый. Авось, Богъ дастъ, въ Питерѣ отполируется. Вотъ Николаша у васъ совсѣмъ другое — славный мальчуга! Идетъ вчера со мною на батальонный дворъ и говоритъ: «я, дяденька, хочу быть майоромъ, какъ вы, чтобы мнѣ всѣ честь отдавали», — и такъ, знаете, здраво разсуждаетъ. Изъ него будетъ прокъ. Николаша! — Николаша, подь сюда.

Прибѣжалъ Коля.

— Что ты тамъ, гарнадеръ, дѣлалъ?

— У тетеньки варенье ѣлъ.

— Бабничалъ.—А чѣмъ ты быть желаешь, какъ выростешь?

— Майоромъ. — На лѣво-круг-омъ! Маршъ!

— Постой, постой! — Ретузы, гарнадеръ, подтяни; носить по формѣ не умѣешь. — Вотъ такъ, понимаешь? — Дядя поправилъ гарнадеру штанишки, какъ слѣдуетъ, и мальчишка убѣжалъ къ недоѣденному варенью.

— Этотъ совсѣмъ другой канплекцыи! — Его непремѣнно въ корпусъ. Если встрѣтите затрудненіе, я самъ буду просить. Ужли-жъ не уважутъ мою сорокалѣтнюю службу, которую самъ графъ уважалъ! — А выйдетъ въ офицеры, я его обмундирую и поддержу на первыхъ порахъ: да коли будетъ хорошій офицеръ, къ старшимъ почтителенъ — и меня слушаться будетъ, такъ и наслѣдникомъ всего сдѣлаю.

— Полноте, братецъ, — къ чему это? — замѣтилъ Слободинъ, уже проученный по части обѣщаннаго наслѣдства.

— Нѣтъ, даю вамъ слово, какъ благородный офицеръ! — Что сказалъ, свято исполню. Мы съ женой давно объ этомъ трактовали. У меня хоть немного, а слава Богу! — найдется кое-что...

Этотъ разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, а въ спальной между Пелагеей Ивановной и Анной Дмитріевной велась вполголоса такого рода бесѣда:

— Слѣдуетъ, дорогая Анна Дмитріевна, слѣдуетъ вамъ подумать объ этомъ... Дѣти растутъ, нельзя оставлять ихъ на полной волѣ, грѣхъ; — а ужъ лучше казенныхъ заведеніевъ ничего и быть не можетъ. Мы объ этомъ сурьёзно говорили съ Акимъ Антонычемъ. Нашъ генералъ Акимъ Антоныча можно сказать даже очень уважаетъ и все для него сдѣлаетъ; коли что, такъ и выше пойдетъ просить.

— Жалко, Пелагея Ивановна, — все были на глазахъ и вдругъ отдать въ чужіе люди! — Притомъ, тѣ еще махонькія, пусть подростутъ, а Алёшѣ всего одинъ годъ осталось доходить въ гимназію. Впрочемъ, я тутъ ни при чемъ, какъ Петръ Иванычъ.

— И тутъ о томъ же! — чуть не громко сказалъ вошедшій Алексѣй. Это вы все, какъ бы насъ съ рукъ сбыть поскорѣе? — усмѣхнулся онъ. — Вонъ тамъ въ кабинетѣ Колю совсѣмъ ужъ опредѣлили, — остается ему только дать ружье въ руки да ранецъ. А мы съ Алёнушкой въ воины не годимся, — правда, Алё-

тушка, въ кадеты мы вѣдь не пойдемъ? — Онъ взялъ сестрёнку на колѣни.

— Еленочка будетъ институтка, — съ достоинствомъ опредѣлила тетушка; — а вы, господа кавалеры, по корпусамъ, какъ прилично благороднымъ дѣтямъ. Будете офицерами; мундиръ, эполетъ, шляпа съ султаномъ — прелесть! — Нынче всѣ барышни отъ военныхъ съ ума сходятъ.

— И ты, моя Алёнка, съ ума сойдешь отъ эполетъ? — Бѣдненькая дурочка! — Съ грустною усмѣшкой Алексѣй поцѣловалъ дѣвочку. Тётушка замолчала, обидѣлась. Алексѣй вышелъ въ залу, будто догоняя убѣжавшую Алёнушку.

— Чтой-то онъ у васъ... такой странный? — опасливо вопросила тётка.

— Ничего... Онъ у насъ, Пелагея Ивановна, предобрый; такого ангельскаго сердца на рѣдкость! — И, нечего сказать, умница!

— Больно много онъ книжку читаетъ; а въ его годы это очень вредно. Вы замѣтьте, все онъ будто чѣмъ недоволенъ, ходитъ задумчивый... Эй, смотрите за нимъ! — А можетъ — (тетушка понизила голосъ) — не знаетъ ли онъ чего про свое рожденье?..

— Богъ его вѣдаетъ! — разговора такого, кажется, не случалось... а если и знаетъ, какая же въ томъ бѣда, Пелагея Ивановна? — Въ этомъ онъ не виноватъ... И какую же подлую душу надо имѣть, чтобъ рѣшиться попрекнуть!... Насъ онъ любитъ и не обвинитъ — у него не такой характеръ; къ тому же мы съ своей стороны все сдѣлали, что могли... онъ въ законѣ...

— Да, братъ сказывалъ, что все выправлено въ аккуратѣ; все же можетъ его это точитъ?

— Не полагаю я этого, сестрица, потому что онъ простымъ народомъ не гнушается, даже къ простому всему сердце его еще больше лежитъ, — такъ ужъ Богъ ему далъ, а можетъ и моя крестьянская кровь... вѣдь подъ сердцемъ носила... Вотъ коварства, низости онъ не стерпитъ, а то, говоритъ, мы всѣ братья во Христѣ, а кто изъ насъ лучше, такъ это не намъ разобрать, — оно и правда, сестрица!

— Вотъ видите! — Увѣряю васъ, милая, что зачитался, зачитался!..

Алексѣй изъ залы слышалъ этотъ разговоръ... «Матушка, матушка, какая же ты красота душевная въ сравненіи съ этими древяшками, которыя грубыми руками лѣзутъ шарить въ самомъ сокровенномъ и чувствительномъ уголкѣ нашей жизни!..»

Онъ горестно вздохнулъ и вдругъ выпрямился горделиво, повторяя: «красота ты душевная!»

Съ этой минуты онъ сталъ избѣгать семейныхъ разговоровъ и, уединясь куда попало, перечитывалъ свои московскія книжки, въ которыхъ чуть не наизусть зналъ каждую страницу. Часто уходилъ изъ дома, бродилъ по фронту прямой улицы, застроенной однообразными форменными домиками, будто назначенными единственно для удобнаго инспектированья, а не для человѣческаго жилья. Встрѣчавшіеся ему люди, полу-солдаты, полу-мужики, глядѣли какъ-то испуганно, недовѣрчиво и тупо. Точно надъ всѣмъ этимъ поселеніемъ недавно прошла какая-то гроза и обыватели еще не могутъ опомниться отъ испуга, опознать своихъ и чужихъ, свести итоги тому, что уцѣлѣло. Не видно было пестроты и неурядицы жизни обыкновенной, предоставленной самой себѣ; не слышно громкаго галдѣнья и подъ-часъ пьяной руготни, столь обыкновенныхъ въ простонародьи; не затягивалась нигдѣ гульливая пѣсня; разъ, правда, въ воскресенье собралась кучка людей передъ майорской квартирой, стали они въ кружокъ, вышелъ на середину запѣвало и по командѣ «разъ-два-три», затянули пѣсню, никогда неслыханную въ русскихъ деревняхъ. Былъ тутъ и бубенъ, и въ присядку одинъ ловкачъ даже прошелся, но все это дѣлалось «нарочно», безъ того заразительнаго, иногда хватающаго черезъ край веселья, которому весь отдается подгулявшій человѣкъ.

Взмахъ руки — и все замерло. Въ девять часовъ на гауптвахтѣ зарокотала барабанная дробь — и народъ тихо разошелся по своимъ клѣточкамъ. Алексѣй пробовалъ вступить въ разговоры, но слышалъ вездѣ одно: «Слава Богу, живемъ, ваше благородіе! — Чево намъ тужить? — Мы начальниками нашими завсегда довольны». Досаднѣе всего Алексѣю было то, что никакъ онъ не могъ понять, какой смыслъ кроется за этою форменною жизнью! — Вѣдь не можетъ же быть, чтобы люди жили безъ смысла и еще приговаривая: мы завсегда довольны! — Слышалъ онъ, что тутъ были какіе-то «безпорядки», но подробностей никто ему не могъ разсказать.

До майора однако дошло, что племянникъ шатается по улицѣ и вступаетъ въ разговоры съ поселянами; это ему не понравилось, и онъ счелъ родственнымъ долгомъ сдѣлать племяннику внушеніе краткое и мягкое, какъ дѣлаютъ человѣку малоумному, у котораго къ несчастію «не всѣ дома».

— Это нейдетъ, любезный. Съ низшими слѣдуетъ держать себя строже; да и что въ нихъ любопытнаго? — Особенно, какъ

ты изъ ученыхъ, что же можешь отъ нихъ, отъ черни, позаимствовать?—Покажь-ко мнѣ, что ты все читаешь.

Дядя взялъ книгу и по складамъ прочелъ: «Те-ле-скопъ».

— Это что-жъ такое значитъ?—видно, что нибудь-отъ учености?

— Да, такъ себѣ...

— Ты бы лучше что-нибудь забавное взялъ, разсѣялся бы. Постой, гдѣ-то у меня былъ списанъ стишокъ, очень складно сочиненъ. Начинается такъ... Майоръ началъ темписто декламировать:

Трахъ, тарарахъ,
На Валдайскихъ горахъ,
Старый капитанъ
Бьетъ въ барабанъ.

— Не помню, куда засунулъ; отыщу ужо, дамъ тебѣ.

Какъ ни былъ юнъ и неопытенъ Алексѣй, однако одолѣлъ цѣлый рядъ размышленій, по поводу милыхъ родственниковъ.

Еще велика у насъ ходячая сила обычая, что родственникъ, кто бы онъ ни былъ, хоть вдругъ съ неба свалился,—все-таки свой человѣкъ, близкій, который безцеремонно лѣзетъ въ самое нутро нашей жизни. Старшій онъ—такъ требуетъ почтенія и исполненія его совѣтовъ; промотавшійся—заявляетъ претензію на родственный карманъ; богатый—ломается и эксплуатируетъ не только трудъ, но и совѣсть бѣднаго; всего хуже, разумѣется, младшимъ и бѣднымъ. Это наслѣдіе патріархальной жизни; оно въ свое время было необходимо, чтобы сплотить людей въ зачаточныя группы, а теперь производитъ страшный сумбуръ въ житейскихъ отношеніяхъ и плодитъ враговъ, которые—отбрось только родство—были бы или отличнѣйшими пріятелями, или людьми совершенно незнакомыми другъ съ другомъ! Упоминаемъ объ этихъ выводахъ старыхъ и неинтересныхъ для насъ, только какъ объ моментѣ въ развитіи пониманія Алексѣя.

Зная слабый, неустойчивый характеръ отца, онъ боялся, что въ одинъ прекрасный день онъ съ братомъ и съ Алёнушкой включительно, надѣнутъ аммуницію и примутся выдѣлывать артикулъ. Началъ онъ торопить отца выѣздомъ, представляя резоны, важность которыхъ преувеличивалъ до размѣровъ крайней необходимости. И родныхъ-то они видимо обременяютъ, и въ гимназію-то ему пора, и самъ Петръ Иванычъ страшно теряетъ: можетъ быть въ эту минуту мѣсто открылось, кого-нибудь опредѣлятъ, и жди потомъ Богъ знаетъ сколько времени. Іюнь былъ на исходѣ; Петръ Иванычъ рѣшился ѣхать немедленно послѣ

своихъ имянинъ—уѣхать отъ такого дня было бы кровною обидою для родственниковъ. Общимъ совѣтомъ было рѣшено, что Петръ Иванычъ выѣдетъ сперва съ Алёшей, захвативъ съ собою и Личарду: когда въ Петербургѣ осмотрится, устроится, тогда ужъ выпишетъ и жену съ меньшими дѣтьми, которыя пока останутся тутъ.

— Не безпокойтесь за нихъ, братецъ; когда напишете, мы ихъ снарядимъ и отправимъ. Поѣзжайте въ тарантасѣ, имъ не нужно; вѣдь тутъ дележансъ ходитъ, доставитъ аккуратъ!—успокоилъ майоръ.

Въ день выѣзда случилось маленькое происшествіе, взбударажившее однако весь домъ: у майора пропали серебряныя очки, лежавшія всегда на столѣ въ кабинетѣ. Произведенъ почти повальный обыскъ, — ничего не нашли. Кто входилъ въ кабинетъ въ отсутствіе майора? — Этотъ вопросъ предложенъ былъ вѣстовому, стоявшему безотлучно въ передней и въ непритворенную дверь имѣвшему возможность усмотрѣть всякаго входящаго въ умственное святилище начальства.

— Не могу знать, вашескародіе... тутъ писарекъ приходилъ изъ чехауза, Пустопорожневъ, — бумагу принесъ.

— Ну? — нешто онъ входилъ въ кабинетъ?

— Не могу знать... Вѣстовой совсѣмъ растерялся.

— Какъ, не могу знать? — На ту пору зѣнки-то у тебя вылѣзли, что ли? — Отвѣчай! ррр...

— Виноватъ, вашескародіе... Я имъ докладалъ, положьте-молъ бумагу на столъ, а самъ отлучился на куфню.

Майоръ только что пришелъ со двора, а потому замшевыя перчатки играли въ его десницѣ.

— Вотъ тебѣ на куфню! — Вотъ тебѣ на куфню! — И майоръ началъ хлестать перчатками по носу вѣстового, который, держа руки по швамъ, только моргалъ и ворочалъ лицо справа-налѣво, какъ-будто приноравливаясь, чтобы ловчѣе было дѣйствовать майорскимъ перчаткамъ.

— Позвать сюда Пустопорожнева.

Вѣстовой мигомъ исчезъ.

— Впрочемъ, не можетъ быть! — разсуждалъ самъ съ собою уходившійся майоръ; Пустопорожневъ мальчикъ благонадежный... Черезъ его руки идетъ многое и всегда въ аккуратѣ...

Прибѣжалъ запыхавшійся Пустопорожневъ. Это былъ маленькій, плюгавенькій писарекъ съ оловянными глазами. Гладко выбритое лицо его побѣлѣло, точно мѣломъ намазанное, вѣроятно отъ испуга. Взглянувъ на это глупое, подчиненное лицо, майоръ

сконфузился; онъ вдругъ сознялъ нелѣпость своихъ подозрѣній, вспомнилъ, что черезъ письменную работу этого писарька многое плыветъ въ майорскій карманъ, — и всегда въ аккуратѣ...

— Здравствуй, любезный! — Ты приносилъ тутъ бумаги?

— Такъ точно, вашескародіе. Требованіе насчетъ инструмента, какъ изволили приказывать.

— При тебѣ никто не входилъ въ кабинетъ? — Очки мои тамъ лежали.

— Никого не было, вашескародіе; а очки точно лежали на мѣстѣ.

— Ну, ступай домой, любезнѣйшій. Больше ничего. Извини.

Писаревъ вышелъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, и бѣлизна лица пропала.

Алексѣй былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ. Онъ страдалъ невообразимо... какъ-будто самъ былъ похитителемъ проклятыхъ очковъ! — И не столько очки — чортъ съ ними! — а бѣдный, безотвязный вѣстовой рѣзалъ ему грудь нестерпимымъ укоромъ... Онъ судорожно грызъ губы, совсѣмъ въ лицѣ перемѣнился, въ вискахъ какъ молотки стучали.

Онъ догадывался, — нѣтъ, онъ положительно зналъ, чье это дѣло... а высказать то, что онъ зналъ, не хватало силъ: Алексѣй любилъ и щадилъ своего несчастнаго Личарду...

И Петръ Иванычъ, и Анна Дмитріевна были тоже какъ-то сконфужены, переглядывались и очень неловко все совѣтовали поискать хорошенько.

Это приключеніе такъ сильно подѣйствовало на всѣхъ, что самое прощанье даже вышло натянуто, неудачно: всѣ цѣловались, желали всякихъ благъ, а у каждаго въ головѣ шевелились очки... Хозяевамъ жаль, все-таки вещь цѣнная, они же крѣпко скуповаты, а гостямъ досадно, что никакими деньгами нельзя поправить скверность настоящей минуты.

Личарда давно сидѣлъ на козлахъ, поджидая господъ.

Тарантасъ тронулся со двора. Алексѣй съ такою глубокою тоской и съ такимъ злобнымъ укоромъ взглянулъ въ самые зрачки Личардѣ, что тотъ весь вспыхнулъ и торопливо надвинулъ на носъ фуражку.

VII.

Перемѣнивъ послѣдній разъ лошадей на Средней-Рогаткѣ, Слободины увидѣли передъ собою цѣль своего длиннаго путешествія.

Петербургъ во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ представлялъ совсѣмъ не ту панораму, какую мы видимъ теперь, подкатываясь въ вагонѣ Николаевской дороги и врѣзываясь прямо въ многолюдный кварталъ у Знаменья. Правду сказать, эта панорама не была тогда, да и теперь не особенно грандіозна и живописна для путника, пробирающагося среди кочковатой болотины, облегающей нашу сѣверную Пальмиру. Видно впереди что-то громадное, но не выбѣгающее смѣлымъ красивымъ амфитеатромъ, не выставляющее въ яркихъ краскахъ и зелени ни одной своей части, а плотно и ровно осѣвшее на утоптанномъ, спланированномъ пространствѣ. Правильныя массы зданій заслоняютъ другъ друга и сами заслонены красными, дымящимися фабриками, кладбищами, огородами, и завѣшаны дымкой сѣроватаго, непроходящаго тумана, въ которомъ иногда, подъ лучомъ солнца, вспыхиваютъ золотомъ взлетающіе къ небу шпицы. Исакій въ то время не только еще не поднималъ своего купола, но и самый Монферрановскій проектъ хранился въ тайнѣ и не подвергался горячей критикѣ юныхъ русскихъ художниковъ.

Даже окрестности столицы носили тогда другую физіономію какого-то пустыря, неустроеннаго, невоздѣланнаго; по нимъ не свистѣли шныряющіе локомотивы; на Царскосельской линіи только начинали шевелиться сѣрыя толпы землекоповъ; и первое, что бросалось въ глаза подъѣзжающему по московскому тракту, были тріумфальныя ворота, съ которыхъ бронзовые кони рвались улетѣть безъ оглядки въ невѣдомое пространство. Налѣво отъ воротъ угнѣздилось скромное Митрофаньевское кладбище,—едва ли эта встрѣча была особенно ободрительна... Прописавшись на заставѣ, приходилось еще долго ѣхать по шоссе, между пустырями и огородами, до Обводнаго канала; о́-бокъ съ шоссе прогонялись гурты рогатаго скота. Меланхолически и покорно шагали почтенные быки, уроженцы привольнаго юга, словно чувствуя, что несутъ себя на жертву самому неумолимому минотавру — человѣческому желудку. Тутъ же недалеко и послѣдняя ихъ станція, монументальная бойня, откуда уже разойдутся они въ видѣ ростбифовъ, антрекотовъ, филеевъ и прочихъ питательныхъ кусковъ, соразмѣрныхъ не съ аппетитомъ, а съ карманомъ всякаго петер-

буржца; и послѣднимъ ихъ выраженіемъ будетъ та сумма мускульной и мозговой силы, которая изъ Петербурга работаетъ на всю великую Русскую землю...

Пробираясь Обуховскимъ проспектомъ, наши провинціалы высовывались изъ тарантаса и придирались ко всякому мало-мальски замѣтному зданію, чтобы ахнуть и подивиться, но скоро сами замѣтили, что это очень глупо и спрятались въ тарантасъ, приказавъ ямщику везти въ какую-нибудь гостинницу попроще, подешевле. Алексѣй не могъ бы сказать опредѣлительно, о чемъ онъ думаетъ; какіе-то зародыши мыслей пробѣгали въ головѣ, цѣплялись другъ за друга и возбуждали ту неопредѣленную тревогу, которая разрѣшается въ печальное настроеніе духа.

Гостинница недалеко отъ Сѣнной оказалась до того уже проста, что остановиться въ ней не было никакой возможности. Кабакомъ ее назвать было бы слишкомъ вѣжливо.—Какой-то отставной офицеръ хриплымъ басомъ отрекомендовалъ имъ остановиться въ нумерахъ у Амаліи Карловны, кухмистерши.—«Прекраснѣйшая женщина! а главное, у нея все это на благородную ногу и са́мой высокой нравственности»,—прохрипѣлъ офицеръ.

— Гдѣ же это? Мы вѣдь въ первый разъ, не знаемъ.

— Охотно и даже съ моимъ великимъ удовольствіемъ могу препроводить васъ, милостивый государь.

Онъ вскочилъ въ тарантасъ, началъ командовать ямщику и скоро пріѣзжіе очутились въ одной изъ Мѣщанскихъ, въ нумерахъ Амаліи Карловны, похожихъ дѣйствительно не на кабакъ, а на затхлую кладовую съ поломанною мебелью и кисейными занавѣсками паутиннаго цвѣта. Сторговались; они заняли помѣсячно двѣ комнаты и рады были отдохнуть за стаканомъ чая. Только-что они расположились и миловидная чухоночка, Анхенъ, принесла самоваръ, въ дверь просунулась сперва голова, а потомъ со словомъ «извините» пролѣзла и вся фигура отставного офицера.

— Довольны ли вы, милостивый государь?

— Ахъ, извините!—вы такъ скоро ушли, что я не имѣлъ возможности поблагодарить васъ, поручикъ.

— Капитанъ-съ, капитанъ!

И капитанъ, согнувшись въ таліи, какъ-то нерѣшительно остановилъ въ воздухѣ ладонь правой руки, а лѣвою ерошилъ себѣ волосы и глаза опустилъ въ полъ.

— Вы вѣрно, капитанъ, тоже здѣсь стоите?—наивно спросилъ Петръ Иванычъ.

— Кто, я-съ?—капитанъ съ недоумѣніемъ поднялъ на Пе-

тра Иваныча красные глаза, причемъ простертая въ воздухѣ рука отправилась за бортъ сюртука.—Да, я тоже... прежде стоялъ, а теперь тутъ неподалеку. Вотъ ужъ третій годъ, можно сказать, я живу на выѣздѣ. Аха-ха-хъ, забавно это!

— Что такъ?—Не прикажете ли стаканъ чаю?

— Нѣтъ, чувствительно благодаренъ. А я, извольте видѣть, долженъ получить мѣсто, непремѣнно-съ, какъ соотвѣтствующее мнѣ по чину; и все знаете вотъ-вотъ, совсѣмъ, только иди въ главное казначейство, получай прогоны и подъемные... а между тѣмъ просятъ обождать, благороднѣйшимъ образомъ просятъ,— ну, нечего дѣлать!—изъ деликатности одной долженъ согласиться...

— И уже третій годъ?

— Да-съ, на Преполовеніе минуло три года. И добро бы, знаете, какой изъянъ въ формулярѣ, или на счетъ хабензи-гевезенъ, никогда-съ! Къ себѣ я всегда былъ строгъ, чтобъ и ни-ни,— не потерплю! Однако въ послѣднее время, можно сказать, сильно поиздержался. То-да-сё, знаете... Можетъ, вы не вѣрите?—Какъ благородный офицеръ!..

— Вѣрю, вѣрю, помилуйте! Въ три года это натурально.

— Вижу, вижу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ рѣдкой души, а потому прямо скажу: дворянинъ! дай руку помощи такому же дворянину... Простри!—и больше ничего.

— Помилуйте, чѣмъ же я могу? право не знаю... Петръ Иванычъ сконфузился чрезвычайно.

— Ежели синяя ассигнація не будетъ обременительна для благодѣтельнаго сердца... а впрочемъ! пусть какъ совѣсть ваша... Благородный человѣкъ ничѣмъ гнушаться не долженъ, потому, что у насъ только и есть одна святыня—честь, милостивый государь!

Облагодѣтельствованный полтинникомъ, капитанъ вышелъ, разсыпаясь въ самыхъ невозможно-выкроенныхъ фразахъ.

Встрѣча съ такимъ злополучнымъ искателемъ мѣста при самомъ въѣздѣ въ Петербургъ, болѣзненно и суевѣрно повліяла на Петра Иваныча; Алексѣй это замѣтилъ и искалъ чѣмъ бы развлечь отца. Вошла красивая, брызжущая здоровымъ румянцемъ, Анхенъ;—онъ шутливо отрекомендовалъ ей въ женихи Личарду и между прочимъ спросилъ, что за птица капитанъ.

— Э, господинъ, этого не надо пускать! Проситъ деньги и бѣжитъ въ кабакъ. Послѣдній человѣкъ—и все вретъ.

— Ну вотъ видите, папенька!—сказалъ сынъ, какъ бы въ отвѣтъ на невыговоренную мысль отца. — Слушай Личарда, если

капитанъ еще разъ появится, въ шею. Теперь Богъ съ нимъ— вѣдь за услугу получилъ.

Первые дни по пріѣздѣ всегда проходятъ безтолково; Петръ Иванычъ привелъ нѣсколько въ порядокъ свой гардеробъ и, перекрестясь, отправился на первоначальныя развѣдки съ своимъ драгоцѣннымъ письмомъ къ его превосходительству барону Эдуарду Францовичу Эггерсу. Бѣдный совѣтникъ, полагавшій, что громаднѣе зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ трудно себѣ что-нибудь представить, совсѣмъ затерялся въ безконечныхъ переходахъ министерскаго дома съ десятью воротами и двадцатью подъѣздами; а когда наконецъ попалъ во внутренность сей храмины, то проникся благоговѣйнымъ ужасомъ. Перспектива высокихъ свѣтлыхъ залъ съ паркетными полами и лакированными шкафами; гладко-причесанные чиновники, углубленные въ занятія, или ловко порхающіе съ бумажкой въ рукѣ; курьеры и сторожа въ опрятной формѣ; тишина и чистый воздухъ—все это сложилось въ головѣ Слободина въ одну опредѣленную сентенцію: да, тутъ служба благородная!—Разсмѣялся онъ отъ удовольствія, вспомнивъ: «у насъ однихъ пьяныхъ рылъ, грязи да казарменной вони не оберешься».—Однако онъ недалеко проникъ въ эту заповѣдную храмину, въ которой теперь висѣлъ за семью печатями роковой для него вопросъ... курьеръ въ пріемной объяснилъ ему, что баронъ живетъ на дачѣ, на Безбородкиной дачѣ, пріѣзжаетъ сюда по четвергамъ и принимаетъ отъ часу до двухъ.

— Не съѣздить ли мнѣ на дачу представиться? У меня довольно важное письмо отъ князя Хвалынцова.

Курьеръ улыбнулся чисто-департаментскимъ Мефистофелемъ, игнорируя важность какого-то князя Хвалынцова, и вразумительно пояснилъ, что это будетъ напрасно;—«они на дачѣ никого не принимаютъ, а пожалуйте лучше въ четвергъ, оно будетъ и для васъ спокойнѣе и въ порядкѣ».

Къ четвергу Петръ Иванычъ изготовился, затвердилъ много красивыхъ оборотовъ рѣчи, чтобы наперетъ особенно на то, что онъ служилъ по министерству просвѣщенія, значитъ, легко можетъ себя приспособить даже къ высшимъ кабинетнымъ занятіямъ, разумѣется, подъ руководствомъ геніальнаго администратора. Вся эта замысловатая подстройка, увы, пропала даромъ: курьеръ объявилъ кратко и внушительно: — «Нѣтъ, сегодня не пріѣхали. Приходите въ будущій четвергъ».

Чтобы поддержать бодрость духа, Петръ Иванычъ, воротясь домой и снявши новенькій фракъ, пригласилъ сына пойти по-

смотрѣть городъ; тотъ отказался довольно рѣзко, и, пообѣдавъ ежедневными издѣліями своей кухмистерши, они легли спать.

Алексѣй по непонятному капризу еще ни разу не выходилъ изъ квартиры; — успѣю! — повторялъ онъ, зѣвая.

Прошелъ еще одинъ четвергъ,—«не будутъ, нездоровы; вотъ и докладъ весь къ нимъ везу»; — нехотя объявилъ на подъѣздѣ знакомый курьеръ, указывая на толстый портфель, съ которымъ усаживался на казенную зеленую телѣжку.

— Пойдемъ вмѣстѣ въ Пажескій корпусъ, княгинину посылку отнесемъ,—воротясь домой, звалъ Петръ Иванычъ сына. — Нехорошо, что мы такъ долго задерживаемъ, совѣстно.—А въ сущности ему хотѣлось чѣмъ-нибудь наполнить пустоту и безцѣльность времени, образовавшуюся вслѣдствіе недостижимости высокопоставленнаго лица.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы одни идите; мнѣ не хочется.

Пошелъ Петръ Иванычъ съ посылкой и воротился только вечеромъ.

— Ну, что же князёкъ, обрадовался?

— Пустой мальчуганъ! Выскочилъ, повернулся, отдайте говоритъ, швейцару, и былъ таковъ. Словно и не узналъ меня.

— Такъ я и зналъ! Стоило ходить!—съ Личардой бы отослать.

— Ну, Богъ съ нимъ! Прошелъ я оттуда на Невскій проспектъ, погулялъ по аллеямъ. Какое великолѣпіе! Соблазнился, зашелъ въ трактиръ Палкина. Представь себѣ—безподобный обѣдъ, органъ играетъ восхитительно, народа множество! — Потомъ...

— Эге, папенька, да вы никакъ загуляли сегодня!

— Ха, ха — да! пять рублей промоталъ... За то вотъ это не мотовство...

— Что это за бумажки?

— Славныя бумажки! — Иду по Большой-Морской, вижу въ окнѣ выставлены таблицы какія-то и объявленія съ аршинными цыфрами. Остановился, изъ любопытства прочелъ — и не могъ удержаться, зашелъ въ эту контору, взялъ вотъ на наше счастье билеты польской лотереи. Можно выиграть страшный кушъ!—На каждаго изъ нашей семьи взялъ по билету; вотъ твой.

— А можетъ это обманъ.

— Какъ можно! Публичная лотерея, всѣ берутъ. Конторщикъ такой почтенный человѣкъ, разсказалъ мнѣ, что въ прошлый тиражъ одинъ титулярный совѣтникъ выигралъ сто тысячъ злотыхъ. Это, братецъ мой, дѣло вѣрное, надо только счастье— и ты богачъ!

Разсказъ Петра Иваныча дышалъ дѣтскимъ добродушіемъ.

Совершенно нечаянно попалъ онъ въ Палкинскій трактиръ, совершенно нечаянно пообѣдалъ, чтобы не уронить амбиціи, не могъ отказаться отъ бутылки вина, предложенной услужливымъ половымъ; а потомъ ужъ представилась ему жизнь въ розовомъ цвѣтѣ—и съ непоколебимою вѣрою въ счастіе взялъ онъ лотерейные билеты, заплативъ за нихъ порядочную сумму денегъ.

Алексѣй заразился расплывчатымъ оптимизмомъ отца и выпросилъ десять рублей на свои надобности.

Пока Петръ Иванычъ входилъ во вкусъ петербургской жизни, Алексѣй тоже не спалъ и обдѣлывалъ свои, по его мнѣнію, довольно важныя дѣла. Между нимъ и Личардой произошла какая-то бурная сцена, въ концѣ которой Личарда со слезами упалъ на колѣни и вынулъ изъ кармана завернутыя въ тряпочку майорскія очки,—умоляя не говорить барину. Долго Алексѣй смотрѣлъ на эти злополучныя очки, будто ожидая, что́ они скажутъ, и съ горечью призналъ роковую, неотвратимую послѣдовательность человѣческихъ дѣйствій, — а ихъ называютъ свободными!.. Разъ пошатнулся, разъ солгалъ — ну, и шатайся, и лги, сознавая всю отвратительность лжи и шатанья... Людская, ходячая мораль сложилась уже такъ, что не даетъ другого выхода и только того не клеймитъ, кто искуснѣе и до конца съумѣетъ лгать, кто, шатаясь въ сумеркахъ, умѣетъ твердо ходить днемъ, когда на него смотрятъ... Послѣ этого Алексѣю не досадно, а жалко стало смотрѣть на слезы Личарды, слышать его заклятія и увѣренія, въ которыхъ звучала неправда, ложь, быть можетъ безсо́знательная, но все-таки ложь. И чѣмъ же онъ виноватъ?—Однако Алексѣй еще не задавался вопросомъ: а кто же тутъ виноватый? — Этотъ вопросъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, задалъ ему самъ пострадавшій Личарда.

Получивъ отъ отца десять рублей, Алексѣй прежде всего исковеркалъ серебряную оправу очковъ и зашелъ къ первому оптику, заказалъ сдѣлать къ этимъ стекламъ новую оправу, совершенно непохожую на старую; когда очки были готовы, онъ просилъ отца отослать ихъ въ подарокъ дядѣ, замѣсто пропавшихъ, и отъ всякихъ объясненій по этому странному обстоятельству отказался.

— Пойми, Яковъ, больше этого я сдѣлать не могу ни для тебя, ни для кого на свѣтѣ... Не нужно мнѣ никакихъ твоихъ обѣщаній, а только пойми ты *это* хорошенько...

Яковъ молча грызъ ногти и глядѣлъ тупо, думая про себя: отчего не понять?—Да только кабы на все это была моя воля, а то я и не вѣдаю, какъ оно само все дѣлается...

Въ слѣдующій четвергъ недостигаемый сановникъ былъ наконецъ достигнутъ.

Съ трепетомъ ожидалъ Петръ Иванычъ въ пріемной торжественной минуты; обдергивалъ фракъ и нащупывалъ въ боковомъ карманѣ тутъ ли письмо. Въ пріемной было человѣкъ пять-шесть, тоже чающихъ движенія воды, и одинъ молодой франтикъ, чрезвычайно развязный, старавшійся всякими манерами дать знать окружающимъ, что вы-молъ не думайте, господа, я здѣсь такъ, совершенно партикулярнымъ и даже можетъ быть дружескимъ образомъ. Онъ садился развалясь, закидывалъ ногу на ногу, забрасывалъ назадъ гриву, вообще ломался и гримасничалъ.

Дверь распахнулась, вышелъ баронъ. Это былъ высокій, статный мужчина, плотно выстриженный, съ крупными, рѣшительными, немного дубоватыми чертами лица; вокругъ подбородка у него росло что-то, борода не борода и не бакенбарды, а какой-то окладъ черный, густой, прекрасно-содержанный. Онъ былъ въ вицмундирѣ со звѣздой, въ рукахъ держалъ розу, которую безпрестанно нюхалъ. При появленіи его болѣе всѣхъ засѣменилъ развязный молодой человѣкъ и почтительно поклонясь, подалъ барону маленькое, чрезвычайно изящное письмецо.

— Кланяйтесь графинѣ, скажите, что желаніе ея исполнено,— сказалъ сановникъ, пробѣжавъ записку;—а быть у нея въ комитетѣ къ величайшему сожалѣнію не могу.—Да что у нихъ тамъ такое? Экстренное что-нибудь?

— Будутъ обсуждать предполагаемый балъ въ пользу бѣдныхъ—un bal champêtre, votre excellence.

— А!—впрочемъ, постараюсь. — Я буду писать графинѣ. Прощайте.

И юный дамскій курьеръ, получающій непремѣнно чины и награды за свою службу, вылетѣлъ, тряхнувъ еще разъ своей гривой.

Ко всѣмъ «чающимъ» баронъ отнёсся чрезвычайно мягко, успокоительно, всякаго выслушалъ, обнадежилъ и даже пожаловался на то, что онъ не Богъ и незаконнаго законнымъ никакъ сдѣлать не можетъ.

— У васъ что? — обратился онъ къ Слободину.

Назвавъ себя, Петръ Иванычъ подалъ свое драгоцѣнное письмо.

Баронъ, прищурившись и не отнимая цвѣтка отъ носа, долго читалъ посланіе князя Хвалынцова; самая тончайшая улыбка пробѣгала по лицу его; онъ даже испустилъ какое-то коротенькое мычаніе. Все это означало: вотъ чудакъ-то, этотъ князь,—точно

съ того свѣта пишетъ... Къ счастію, Петръ Иванычъ не понималъ этого особеннаго языка.

— Ну, что же князь—все съ фабриками вовится?—Скажите пожалуйста, у него все еще это... а-а... нѣтъ, виноватъ, смѣшалъ, это не у него.—Вообще какъ онъ здоровъ?

— Слава Богу, здоровъ, ваше превосходительство.

Шаловливый геній маленькихъ житейскихъ глупостей, вѣроятно, въ эту минуту пролеталъ мимо и поцѣловалъ въ лобъ и барона и провинціальнаго чиновника.

— Очень радъ-съ; очень радъ. Мы будемъ имѣть васъ въ виду.

Петръ Иванычъ пустилъ-было въ ходъ свои обдуманные обороты рѣчи, но баронъ остановилъ его на третьемъ словѣ.

— Вы мнѣ пожалуйста все это напишите... самую коротенькую записочку.—И обведя кругомъ вопросительнымъ взглядомъ, баронъ сдѣлалъ легкій общій поклонъ и скрылся.

Курьеръ остановилъ уходившаго Слободина и началъ снимать съ него допросъ, кто такой, откуда, и гдѣ остановился, записавъ всѣ эти показанія въ книгу.

— Для чего это, любезнѣйшій, скажите? Его превосходительство такъ изволилъ приказать?

— Да-съ; это у насъ строго. Вдругъ хватится, гдѣ мы станемъ васъ искать?

— Развѣ онъ можетъ и послать за мною?

— Кто-жъ его знаетъ, сударь! Его мысли никто понять не можетъ. А вдругъ,—и Боже сохрани! Онъ у насъ такой: загорѣлось—подай, хоть въ землю заройся!..

Изъ всей этой аудіенціи самымъ утѣшительнымъ фактомъ Петру Иванычу показалась именно послѣдняя штука,—въ книгу внесли, значитъ, дѣло не пустое! Начало есть... а вдругъ пришлетъ, пожалуйте, проситъ... вотъ и шабашъ, и счастливъ человѣкъ, на всю жизнь счастливъ! А ужъ я покажу себя, достойнымъ образомъ покажу! Коли что понадобится, съ азбуки начну учиться!...

Дѣйствительно, Петръ Иванычъ шелъ на службу съ добросовѣстнымъ желаніемъ работать, принести пользу и неустаннымъ трудомъ проложить себѣ дорогу прочную, самостоятельную. Онъ не даромъ выслушивалъ безконечныя разглагольствованія Міроносцева о прожектахъ, клонящихся къ преуспѣянію отечества; и теперь передъ нимъ лежало цѣлое море надеждъ и возможностей...

Придя домой, онъ засталъ сына у окна,—стоитъ, любуется лоскуткомъ лѣтняго неба надъ маленькимъ дворомъ, наполнен-

нымъ грязью и мастеровыми. Пейзажъ не особенно любопытный.

Розовенькая Анхенъ, въ бѣломъ фартучкѣ, торопливо схватила попавшійся подъ руку графинъ и выбѣжала изъ комнаты. Петръ Иванычъ не замѣтилъ, что молодые люди немножко взволнованы и сконфужены,—до того ли ему было!—онъ поспѣшилъ обрадовать сына обстоятельнымъ разсказомъ о своемъ блистательномъ успѣхѣ у барона, даже прикрасилъ немного, но совершенно неумышленно, самъ того не замѣчая, увлекшись своею радостью.

— Завтра напишемъ обо всемъ матери,—то-то рада будетъ!— а теперь ужъ какъ хочешь, братъ,—пойдемъ обѣдать къ Палкину. Надо же тебѣ развлечься, что въ самомъ дѣлѣ дома-то сидѣть,—одурѣешь!

— Очень охотно, папенька... дѣйствительно одурѣешь. Я радъ, что у васъ началось хорошо. Пойдемте, пойдемте!

Прошли они разъ вдоль Невскаго проспекта, тогда еще зеленѣвшаго прекрасными аллеями. Отобѣдали у Палкина подъ звуки модныхъ тогда арій изъ Бронзоваго коня, Цампы, Аскольдовой могилы; послѣ обѣда съѣли мороженаго, купили себѣ по тросточкѣ и не замѣтили сколько выходили, смѣясь и болтая. Послѣ сытнаго обѣда Петръ Иванычъ немного отяжелѣлъ, однако сынъ дотащилъ его до Адмиралтейскаго бульвара; отдохнувъ на скамьѣ, они прошли къ «мѣдному всаднику», который показался Алексѣю самымъ замѣчательнымъ чудомъ чудеснаго Петербурга. Видѣли они стройно-проходившіе отряды разныхъ войскъ, на которые никто не заѣвывался, не такъ какъ въ Москвѣ; видѣли пушки настоящія, изъ которыхъ стрѣляютъ; поглядѣли на насупившіеся равеллины Петропавловской крѣпости, къ стѣнамъ которыхъ никакъ нельзя прилѣпить мирную лавчонку торговца тросточками, или букиниста,—и очень вразумительно поняли, что они не въ Москвѣ.

«Вотъ два счастливыхъ человѣка»:—сказалъ бы про нихъ всякій внимательный наблюдатель.—«Вотъ два глупыхъ провинціала!»—сказалъ бы про нихъ всякій петербуржецъ, если бы только оставалась ему свободная минута наблюдать что-нибудь, кромѣ барометра начальственныхъ мѣропріятій, да своего застарѣлаго гемороя...

Фланируя по Петербургу, они однакожъ не забывали и о дѣлахъ, которыя, какъ имъ по крайней мѣрѣ казалось, шли успѣшно. Отецъ написалъ докладную записку,—не указывая прямо ни на какую клѣточку, существующую въ силу штатовъ и табелей, заявлялъ пламенное желаніе посвятить себя пользамъ службы,

просилъ испытать способности, предоставляя все прочее на благоусмотрѣніе его превосходительства. Записка найдена немного длинною; но объ этомъ ему конечно не сказано, а выражено обычное: «очень радъ; навѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ».—Чего же больше требовать!—Онъ былъ почти что убѣжденъ, что останется на службѣ въ департаментѣ, вслѣдствіе чего представилъ документы сына въ гимназію; — а сынъ закидывалъ глазомъ на Васильевскій островъ въ знаменитое зданіе *двѣнадцати* коллегій.

— А знаешь ли кого я встрѣтилъ? — Ерофея Никифорыча Бурова,—Косолаповскаго главноуправляющаго. Вотъ городокъ-то славный—кого только тутъ не встрѣтишь! — Разсказываетъ, что Кирилла Егорычъ вошелъ въ огромныя дѣла, страхъ какъ развернулъ свое богатство! — Теперь они за границей, въ Италіи, старшая дочь при смерти была больна, такъ для нея.

Алексѣй вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— А Саша здѣсь юнкеромъ въ гусарахъ;— говоритъ, молодецъ какой, чудо! — Обѣщалъ Буровъ-то зайти. А можетъ тебѣ и съ Сашей пріятно было бы встрѣтиться, а?

— Нѣтъ, папенька; искать его я не буду; еще пожалуй также встрѣтитъ, какъ этотъ князекъ... Всѣ они одного поля ягода!

— Къ зимѣ ихъ ждутъ сюда. Буровъ квартиру для нихъ нанялъ великолѣпную, цѣлый бель-этажъ.

— Намъ не слѣдъ къ нимъ идти. Это хорошо было въ С.; а здѣсь роли мѣняются. Тамъ вы были въ ихъ глазахъ все-таки важный чиновникъ, а здѣсь... Мы къ нимъ придемъ въ бель-этажъ, а они можетъ побрезгуютъ и войти-то по грязной лѣстницѣ въ эти каморки. — Какое-жъ это будетъ знакомство? — Вы извините папенька, что я такъ говорю... мнѣ такъ кажется; — вѣдь это я любя васъ и оберегая отъ непріятныхъ щелчковъ...

— А знаешь что? — надо бы намъ подыскать квартирку... Что-жъ такъ-то жить по-свински? — Вотъ мать пріѣдетъ, ну какъ мы тутъ размѣстимся? — Да и дешевле будетъ на квартирѣ-то.

Алексѣя точно холодной водой обдало... Все это совершенно резонно и просто, что говорилъ отецъ. И какъ же это ему въ голову не приходило, что пріѣдетъ мать, что нужно устроиться иначе и непремѣнно перемѣнить квартиру?—И что-жъ въ этомъ особенно-важнаго!—ну, перемѣнить и все тутъ!—Почему-жъ это показалось ему такъ важно и неожиданно?

Вечеромъ, когда щеголеватая и кругленькая, какъ наливное яблочко, Анхенъ подавала чай, Алексѣй, обыкновенно съ нею шутившій и болтавшій всякій вздоръ, вдругъ глянулъ на нее серьёзно, почти сурово. Ему почему-то припомнился передбанникъ Сіонскаго и бабёнка Арина, забѣгавшая къ нему то съ крынкой молочка, то съ горшечкомъ щецъ похлебать, то съ полуштофчикомъ подъ полой своей шугайки... и какъ она убивалась и горевала, когда сторожа увели Андреяшу незнамо куда... и съ какою печальною отрадой приняла она Стультуса, единственное дорогое наслѣдство погибшаго поповича... Окунувшись въ этотъ уже далекій міръ ребяческихъ думъ и первыхъ живыхъ впечатлѣній, мысль Алексѣя вдругъ отряхнулась, воротилась къ настоящей минутѣ и бодрая, ясная подсказала ему: «нѣтъ, это не то!...».

— Да, папенька, непремѣнно нужно найти квартиру и выписать поскорѣе маму съ дѣтьми. Эта трактирная жизнь надоѣла.

Анхенъ въ свою очередь посмотрѣла на него съ укоромъ, печалью, недоумѣніемъ—и выронила изъ рукъ стаканъ, разбившійся въ дребезги.

— Ахъ, Богъ мой!—извините, сейчасъ принесу другой... и убѣжала.

Петръ Иванычъ, лежа съ трубкою на кровати, ничего этого не видѣлъ и заботливо промычалъ: мм-да, нужно, нужно!

— Да поскорѣй; не теряйте времени; это крайняя необходимость.—Пріѣдетъ мама, дѣти,—заживемъ отлично!

Отецъ бѣгалъ по разнымъ частямъ города, отыскивалъ квартиру; шлялся по Апраксинскимъ лавкамъ, прицѣнялся къ мебели и вообще увлекался своею давнишнею наклонностью къ домовитости, но узналъ, что все въ Питерѣ страшно кусается и не безъ огорченія усмотрѣлъ, что придется отказаться отъ многихъ необходимыхъ вещей, сжаться, съузиться въ самомъ крайнемъ. Утѣшалъ онъ себя тѣмъ, что все это вѣдь только на время: получу мѣсто въ провинціи—придется все бросить; а выйдетъ мѣсто здѣсь (и непримѣнно *здѣсь* выйдетъ), тогда... о, тогда мы еще посмотримъ, какъ оно приличнѣе будетъ устроиться!

Пока онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ, въ скромныхъ нумерахъ нѣмецкой кухмистерши разыгрывалась какая-то странная, запутанная исторія.—Разъ вбѣгаетъ къ Алексѣю Анхенъ, разстроенная, обиженная, слезы на глазахъ, каленкоровый чепчикъ на затылкѣ.

— Вы пожалуйста унимайте вашего слугу, господинъ Алексѣй Петровичъ; — говорила чухоночка запинаясь, задыхаясь отъ волненія. — Я этакое обхожденіе потерпѣть не могу, потому — я честная дѣвушка, а онъ мужикъ—лакей. Какъ онъ смѣетъ дѣлать мнѣ грубостей!...

— Успокойтесь, Анхенъ, что такое случилось?

— Вы благородный человѣкъ, съ вамъ я могу разговаривать, а онъ невѣжа, и я ему не позволяю,—буду хозяйкѣ сказывать... это очень стыдно!

— Да въ чемъ дѣло? — Яковъ, поди сюда.

Личарда вошелъ и съ недоброй улыбкой поглядѣлъ на дѣвушку и на барина.

— Вотъ я скажу вамъ теперь въ глаза,— обратясь къ Якову, горячилась Анхенъ,—что я васъ терпѣть не могу.—Не смѣйте ко мнѣ пальцемъ притрогивать.—Вы русская свинья—вотъ вамъ!—и хлопнула дверью.

— Это что такое?—Что вы тамъ заводишь?

— Ничего. Я говорю ей: надо посуду мыть, а она сейчасъ ругаться. Тутъ пора накрывать на столъ, а у нея гдѣ тарелки-то? — Я за нее что ли мыть стану? — Ей добромъ говоришь, а она на тебя все равно какъ на собаку. Обидно вѣдь... Ну, я ее... чуть-чуть дотронулся... эва бѣда! — Барышня петербургская, вотъ что!

— Нехорошо это—она дѣвушка вольная, пойдетъ жаловаться, такъ тебѣ вѣдь достанется. Наконецъ, что это за буйство такое!

Яковъ стоялъ передъ бариномъ совершенно покойно. Алексѣй смѣрилъ его взглядомъ—и, кажется, впервые замѣтилъ, что передъ нимъ стоитъ не мальчишка, а восемнадцатилѣтній парень, здоровый, рослый, съ замѣтнымъ пушкомъ на подбородкѣ и задумчивымъ взглядомъ, который никогда не глядѣлъ прямо, а словно прятался, чтобъ никто не поймалъ его затаеннаго блеска.

Алексѣй не съумѣлъ распечь какъ слѣдуетъ, тонъ его былъ скорѣе удивленный, поучительный, чѣмъ строгій: рѣчь оборвалась какъ-то вдругъ, на полусловѣ—и онъ взялся за книгу. А Яковъ все еще стоялъ передъ нимъ, царапая ногтемъ по-столу; губы его подергивались, казалось, онъ вотъ-вотъ заговоритъ — и скажетъ барину нѣчто необыкновенно-важное... но видно не могъ онъ осилить своей думушки и, почесавъ въ затылкѣ, вышелъ вонъ.

При первомъ случаѣ, наединѣ, Алексѣй остановилъ Анхенъ и взялъ нѣжно за руку.

— Васъ теперь никто не обижаетъ, Анхенъ?

Она молчала.

— Яковъ добрый малый; я объяснилъ ему, какъ это скверно, обижать дѣвушку. Вы пожалуйста извините, не сердитесь...

— Это все черезъ васъ,— прошептала она.

— Можетъ ли быть!? — Я несовсѣмъ понимаю,— слукавилъ Алексѣй,— но это что-то очень странно и глупо...

— А! — бросьте! — Вы отъ насъ на другой квартиру съѣзжаете?

— Такъ нужно, Анхенъ.

Дѣвушка закрыла лицо концами своей косынки и прижалась лбомъ къ его плечу.

— Такъ нужно. Вы мнѣ потомъ спасибо скажете, да и мнѣ весело будетъ встрѣтиться съ вами. Шутка шуткой и должна кончиться. Вы хорошая дѣвушка, не дурачьтесь же,— и дай Богъ, чтобы у васъ всегда были такіе постояльцы и въ квартирѣ и... тутъ! Алексѣй поцѣловалъ ее въ голову.— Ну, полно,— веселѣй же! — всякій за свое дѣло... Сварите-ка мнѣ кофей — и будемъ хохотать.

Анхенъ въ самомъ дѣлѣ ужъ разсмѣялась и, ущипнувъ Алексѣя, побѣжала къ своей работѣ.

— Ну вотъ и прекрасно!... подумалъ онъ, глядя ей вслѣдъ. Да и я тоже чуть не сглупилъ... мимолетная встрѣча съ трактирной служанкой—хоть и очень миленькой чухонкой—есть надъ чѣмъ задумываться!—Пустяки!—Но честные люди должны и дурачиться честно.

Однажды Петръ Иванычъ пошелъ на чай къ Бурову; Алексѣй сидѣлъ у отвореннаго окна, денная жизнь затихала; мастеровые-халатники гдѣ-то далеко наигрывали на гармоникѣ; даже дрожки по мостовой унялись трещать. Вечеръ былъ тихій; окно приходилось надъ воротами и Алексѣй отчетливо слышалъ слѣдующую бесѣду у воротъ:

— Значитъ, шабашъ?—Вы мнѣ скажите только—плюнуть я долженъ на это дѣло, или нѣтъ? — сурово и съ дрожью въ голосѣ говорилъ Личарда.

— Я вамъ сто разъ говорила; вы можете понимать.

— Вѣдь коли вы сумлѣваетесь, такъ я по чести — сейчасъ женюсь на васъ.

— Вы?! — ха-ха-ха! — Очень мнѣ это прикрасно! — Вы кто таковъ?

— Я-то,— я человѣкъ...

— Крѣпостной лакей... очень большой чести мнѣ! ха-ха-ха!— жестокимъ смѣхомъ смѣялась Анхенъ.

— Ну, да вѣдь и ты не важная птица!—Чухна ты!

— Оставьте меня!—пускай бы вы были самъ официръ, я васъ любить не стану никогда.

— Кончено?

— Кончено.

— Прощайте, Ганхенъ. Пойду я вонъ въ тотъ домъ,— видите, красныя занавѣски,— освѣщеніе — значитъ, ждутъ... Тамъ веселѣй и всякому гостю рады. Что въ самъ-дѣлѣ! Получше васъ найдемъ... тамъ есть одна Фидрика, такъ куды вамъ! — Кáкъ пѣсни поетъ—ахти!

— Тьфу!—плюнула Анхенъ съ негодованіемъ.

— Борька! — окликнулъ Личарда портного-халатника. Комъ на хаусъ!

— А гельтъ имѣется? — Отозвался гнусливый голосъ со двора.

— Найдемъ! — Наше вамъ почтеніе-съ,—обратился онъ къ Анхенъ.—Ужъ вы значитъ амуритесь собственно съ господами... Это намъ небезъизвѣстно!—А мы—хамы, своей дорогой пойдемъ... не робѣй только!

И уходя по улицѣ съ Борькой, Личарда запѣлъ подъ гармонику:

Ай вы Сашки-канашки мои!
Размѣняйте вы бумажки мои!

Алексѣй ужаснулся... и этой сердечной драмѣ, которая мучила бѣднаго Якова, и той изумительной быстротѣ петербургскаго уличнаго просвѣщенія, которое въ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль такъ развернуло провинціальнаго парня...

Но откуда-жъ у него деньги? — Какія это деньги?— съ отчаяніемъ спрашивалъ себя Алексѣй.

VIII.

Квартира нанята въ какой-то ротѣ Измайловскаго полка; три чистенькія комнаты, которыя Петръ Иванычъ меблировалъ кое-какъ, довольно сносно. Флигелёкъ деревянный, сухой; жильцовъ во дворѣ мало. Далеко немножко, за то воздухъ чище, чѣмъ во всѣхъ этихъ Мѣщанскихъ. Наняли кухарку и совсѣмъ устроились наши провинціалы. Кажется, всего немного, все про-

стенькое, незатѣйливое и въ обрѣзъ, а Петръ Иванычъ ужаснулся, сколько денегъ вышло на это мизерное устройство, да еще кухмистершѣ заплачено за два съ половиною мѣсяца, да такъ издержано на мелочи туда да сюда, — «Господи! какъ это я такъ обмишулился?—Да чѣмъ же мы жить-то будемъ? Бѣда!» Но объ этой бѣдѣ Петръ Иванычъ рѣшился не сказывать никому изъ домашнихъ; —«ничего—ничего!—вдругъ поправимся, ужъ это мой секретъ, ка́къ поправимся».

Пріѣхала Анна Дмитріевна съ дѣтьми. Рада-радехонька она была, что вырвалась отъ родныхъ: «что это за жизнь, я ужъ и не понимаю! Ровно рестантская казарма». «Опять же эти нравоученія каждый день, ажъ тошнило. И скупы они оба, не приведи Богъ! — кусочки сахара считаютъ», — жаловалась она мужу.

Коля сталъ совсѣмъ военная косточка; привезъ барабанъ — подарокъ дяди — и никому въ домѣ покоя не даетъ. Алексѣй, начавшій ходить въ гимназію, занимался въ свободное время съ младшими дѣтьми, но проку въ этомъ видѣлъ мало и чтобъ отдѣлаться отъ буйнаго мальчугана, совѣтовалъ отдать его въ какую-нибудь частную школу, вѣдь ему ужъ двѣнадцать лѣтъ стукнуло, а еще и читать порядочно не умѣетъ. Но мать привезла отъ дяди очень важное письмо и вела продолжительные разговоры съ мужемъ. И вотъ, бѣдному Петру Иванычу, кромѣ урочныхъ походовъ за справками въ департаментъ, прибавилась еще работа — хлопотать объ опредѣленіи Коли въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

Эти заведенія въ то время «процвѣтали» и попасть въ нихъ, несмотря на ничтожныя требованія при вступительномъ экзаменѣ, было весьма нелегко — всѣ мѣста заняты и кандидатовъ легіонъ. Юныхъ дворянъ везли сотнями со всей Россіи въ эти маршевыя училища, не задаваясь никакими заботами — лишь бы лѣта не вышли, да документы были въ порядкѣ. Наше-молъ дѣло родить ребенка, а тамъ дѣлай изъ него что́ хочешь. Будетъ офицеръ,— чего же лучше! — Это была какая-то кадетская эпидемія, обусловленная отчасти бѣдностью мелкихъ дворянъ, а больше отсутствіемъ запроса на научное образованіе и обезличивающей привычкой къ правительственной опекѣ во всемъ и всюду. Особенно въ Петербургѣ точно мода была въ каждомъ домѣ (даже въ богатомъ и знатномъ) имѣть непремѣнно своего кадета, который является по праздникамъ единственно для того, чтобы наѣсться до отвалу и накуриться до тошноты.

Слободинъ едва добился, что его сына записали кандидатомъ на будущій годъ,—и посиѣшилъ обрадовать этимъ извѣстіемъ почтеннаго майора; но самъ онъ вкушалъ мало радостей... Красивый, густой окладъ вокругъ римской физіономіи величаваго барона ему уже нѣсколько опостылѣлъ... Какъ ни глубоко въѣлось чиновничество въ натуру Петра Иваныча, однако и онъ началъ чувствовать оскорбительный смыслъ этихъ вѣчныхъ: «да, да, помню,—я объ васъ думаю; подождите, надѣйтесь»—и т. д. Но онъ долею изъ самолюбія, долею изъ боязни огорчить людей близкихъ, скрывалъ свои неудачи, и даже изъ разсказовъ его выходило такъ, что всѣ эти проволочки ведутъ къ лучшему:—теперь всѣ мѣста заняты, правда, но вдругъ... выдумаютъ какое-нибудь новое мѣсто и скажутъ: «пожалуйте Петръ Иванычъ, вотъ вамъ—долго ждали, за то теперь добродѣтель ваша награждена какъ слѣдуетъ; видите, что мы объ насъ думали!..»

Пришла зима, а съ зимою всегда приходятъ и лишніе расходы, слишкомъ извѣстные всѣмъ бѣднякамъ; и одежонку теплую нужно поправить, да прикупить, и припасы на рынкѣ вдругъ ни съ того, ни съ сего вздорожаютъ; на зиму запастись кое-чѣмъ надо, не говоря ужъ о дровахъ... Бодрился Петръ Иванычъ и, улыбаясь, приговаривалъ: «ничего, ничего!—вдругъ!..» Но сквозь добродушную его улыбку проглядывала частенько тихая печаль, сознаніе своей безпомощности, безсилія. Ему даже изрѣдка снился отставной капитанъ—первая зловѣщая встрѣча съ петербургскою дѣйствительностью... И проснувшись, онъ открещивался отъ этого тяжелаго кошемара: «Господи, помилуй насъ! За что же мнѣ это?—Нѣтъ, я скорѣе умру, чѣмъ дойти до такого паденія... А дѣти!?—Нѣтъ, Богъ справедливъ, не допуститъ... Роптать грѣшно, перетерпимъ съ покорностью, а тамъ, авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ,—да еще какой праздникъ-то!..»

Такъ легко утѣшали себя старинные люди, потому что плохо знали, что дважды два—четыре, что съ неба ничего не падаетъ, и что самое великое чудо объясняется иногда самыми простыми законами... и т. д.

Отъ Алексѣя не могло скрыться тайное горе, съѣдавшее отца; онъ боялся заговорить, чтобы напрасно не разбередить больную рану, которую залечить не видѣлъ никакой возможности. Занимаясь усердно въ гимназіи, онъ боялся подумать, что не придется ему сидѣть въ университетской аудиторіи, а надѣвъ вицмундиръ, переписывать отношенія, рапорты, «слушали», да «приказали»—и чахнуть отъ всякой ерунды, чтобы добыть мѣд-

ній грошъ на прокормъ голодающей семьи. Приходя изъ гимназіи и находя свой приборъ за готовымъ обѣдомъ, разумѣется, некитрымъ, Алексѣй чувствовалъ припадки угрюмой раздражительности: часто ничего не ѣлъ и съ ненавистью смотрѣлъ, какъ дѣти уплетаютъ по двѣ тарелки каши и жалуются, что мало масла; а знаютъ ли они, что̀ сто̀итъ фунтъ масла и сколько нужно употребить труда — да труда одного мало — сколько нужно имѣть счастья, именно счастья, чтобъ заработать фунтъ масла?—Отецъ за обѣдомъ сидѣлъ задумчивый, словно погруженный въ соображенія, сколько недѣль и дней еще они будутъ обѣдать?.. Одна мать держала покойный, ровный тонъ въ рѣчахъ и поступкахъ, стараясь угодить каждому, расхваливая свою стряпню: «кушайте дѣтушки, кушайте милые на здоровье! Завтра пойду на Сѣнную, куплю творогу да сметанки, ватрушки вамъ сдѣлаю, помните, такія, какъ *дома* у насъ бывали: вы ихъ любили».—И живая Алёнушка весело хлопала въ ладоши.

Анна Дмитріевна любила вспоминать, что̀ и ка̀къ было *дома;* вѣроятно, она уже всѣ слезы выплакала, когда разставалась съ своимъ домомъ и теперь совершенно мирилась съ тѣмъ, что̀ Богъ даетъ. Всякое утро и во всякую погоду она сама ходила на Сѣнную — тамъ привозу больше, потому и дешевле; воротившись съ кулёчкомъ, принималась за стряпню, не для того, чтобы помогать кухаркѣ, а чтобы самой научиться и когда-нибудь отпустить кухарку, какъ совершенно ненужную роскошь. Она не тяготилась работой, даже чувствовала жизнь свою полнѣе, разумнѣе, чѣмъ бывало дома, гдѣ она, по званію барыни, сидѣла почти безъ дѣла и отъ тоски пріискивала себѣ какія-нибудь хлопоты совсѣмъ ненужныя. Познакомилась она съ одной жилицей въ домѣ, вдовой обанкрутившагося часовыхъ дѣлъ мастера и по вечерамъ отводила душу въ бесѣдѣ съ этой доброю старушкой. Бесѣда ихъ наполнялась обоюдными воспоминаніями о прошломъ величіи и утонченными соображеніями, какія статьи въ хозяйствѣ можно совсѣмъ упразднить, а какія сократить и удешевить самымъ незамѣтнымъ образомъ. Изъ всѣхъ роскошей Анна Дмитріевна считала невозможнымъ упразднить кофей, хоть и пополамъ съ цыкоріемъ, потому оно питательно, за обѣдомъ меньше съѣдаютъ, — и рюмку водки для Петра Иваныча передъ обѣдомъ, — это для него лекарственно.

Глядя на мать, Алексѣй твердилъ свое, полюбившееся ему выраженіе: «красота ты, красо̀та душевная!»—и задумалъ онъ помочь этой красотѣ выпутываться изъ копѣечныхъ затрудненій. Благодаря одному товарищу, онъ нашелъ уроки въ домѣ какого-то

статскаго совѣтника, жившаго недалеко тутъ же въ Измайловскомъ полку и обладавшаго множествомъ золотушныхъ ребятишекъ — чахлыхъ продуктовъ петербургскаго климата и худосочія стараго департаментскаго служаки. Когда въ концѣ мѣсяца Алексѣй принесъ матери десятирублевую ассигнацію, Анна Дмитріевна испугалась, глазамъ своимъ не повѣрила.

— Это вамъ на хозяйство, да вотъ еще сапоги себѣ купилъ. Только ради Бога, папенькѣ ни слова не говорите.

— Почему же не сказать о такой радости?

— Видите ли, онъ ужасно легко успокоивается всякимъ вздоромъ; подумаетъ, ну, мы теперь не пропадемъ! и руки сложитъ. А вѣдь это чистая случайность: сегодня есть, а завтра скажутъ, не нужно намъ вашихъ уроковъ — и баста. Развѣ вы не замѣчаете, что онъ, бѣдный, совсѣмъ съ толку сбился... Вонъ эта проклятая польская лотерея сколько денегъ съѣла; — а онъ все ходитъ въ ту контору, читаетъ и перечитываетъ таблицы, замѣчаетъ счастливые нумера, дѣлаетъ какія-то мудреныя выкладки, да на послѣдніе рубли покупаетъ новые билеты. Вѣдь я все это знаю. И какъ купитъ, три дня веселый ходитъ, точно отличное дѣльцо сдѣлалъ. Глядя на него — смѣшно и плакать хочется...

— Да, правда твоя, Алёшинька. Ужъ эта лотарея, чтобъ ей издохнуть — сведетъ его съ ума! — Вижу я, что онъ, нашъ голубчикъ, иногда совсѣмъ словно помутится; ходитъ да шепчетъ что-то, все приговариваетъ: «да, батюшка мой, да, да!» — Инда душа заноетъ... Ужъ кабы Господь вынесъ насъ поскорѣе изъ этого ада кромѣшнаго! — Еще года не прожили, а гдѣ деньги-то! — Намедни я тайкомъ посмотрѣла въ его шкатулкѣ — и ста рублей не наберется... А впереди что? — Горе и горе...

Петръ Иванычъ дѣйствительно помутился: часто ходилъ въ контору Лури, покупалъ и мѣнялъ билеты всевозможныхъ лотерей и начинялъ свою слабую голову всевозможными предразсудками несчастнаго игрочишки: напримѣръ, въ понедѣльникъ низачто не возьметъ билета; если встрѣтитъ попа — даже и не зайдетъ въ контору справиться; полюбилъ цифру 7, и носилъ въ карманѣ рыбью кость изъ головы, имѣющую фигуру креста. Въ департаментъ заходилъ какъ-то неохотно, словно для очистки совѣсти, и отвѣты получалъ тоже такіе, то-есть, какіе даются только для очистки совѣсти. Показалось ему даже, что курьеръ и сторожа встрѣчаютъ его съ обиднымъ сожалѣніемъ, «и этимъ-то я наскучилъ... да и какъ не наскучить? — все одно и то же, никакой перемѣны...» Случилась, правда, одна перемѣна—баронъ

сносилъ свою окладистую растительность и завелъ на подбородкѣ подъ самою нижнею губой какую-то щеточку, — и хотя отъ этого сталъ миловиднѣе, но никакого утѣшенія для Петра Иваныча эта перемѣна не принесла.

Иногда злополучный искатель мѣста, махнувъ рукой на весь свѣтъ, надѣвалъ ситцевый, тепленькій халатъ и по недѣлямъ не выходилъ никуда изъ дома, предаваясь празднымъ размышленіямъ и приговаривая: «да, да, батюшка мой, да, такъ!» — А то садился играть съ Колей въ шашки и серьёзно сердился, кричалъ за всякій неумѣлый ходъ, или ликовалъ побѣду. Глядя на это ребячество, жена скажетъ: «ты бы, Петръ Иванычъ, пошелъ провѣтрился немного, нехорошо! и въ департаментъ можетъ зашелъ бы...». Мужъ обижался и выходилъ изъ себя отъ этихъ совѣтовъ. — «Знаю я, сударыня, что мнѣ дѣлать! — Что вы мнѣ тычете въ глаза департаментъ? — Я безъ васъ знаю, гдѣ стоитъ департаментъ. Бабій умъ вы — и больше ничего! — Вотъ нарочно же не пойду и не пойду!»

Однажды къ нимъ заѣхалъ Косолаповскій управляющій Буровъ. Петръ Иванычъ былъ очень радъ гостю и какъ-то сконфуженъ. Разговоръ разумѣется зашелъ о полученіи мѣста, и Слободинъ умышленно при женѣ и дѣтяхъ распространился о своихъ неудачахъ, какъ-будто желая, чтобы посторонній человѣкъ оправдалъ его передъ ними. Онъ доказывалъ очевиднѣйшимъ образомъ свою невинность; ему давно бы слѣдовало получить мѣсто, ужъ сколько вакансій открывалось, но къ несчастью вѣчно являлся какой-нибудь счастливчикъ, — а онъ все оставался *въ виду;* тогда какъ онъ имѣетъ всѣ права, и честность его доказывается 15-ти-лѣтней службой, на которой онъ ничего не пріобрѣлъ, не такъ какъ другіе грабители. По его резонамъ, выходило точно, что онъ совсѣмъ правъ, а съ нимъ поступаютъ жестоко, безчеловѣчно. Всѣ слушатели его оправдывали, и онъ торжествовалъ свою печальную правоту. Вдругъ серьёзный г. Буровъ сказалъ:

— Что говорить, Петръ Иванычъ! съ вами поступаютъ безбожно. Должны бы дорожить такими людьми, какъ вы, а они вонъ что! — На все это у нихъ свои особенные виды... Однако позвольте мнѣ сказать слово, — вы не обидьтесь, ей-Богу я это изъ одного расположенія къ вамъ, — во многомъ вѣдь вы сами виноваты; непрактично поступили, непрактично! Первое — не слѣдовало ни подъ какимъ видомъ продавать домъ...

Анна Дмитріевна тяжело вздохнула.

— Пусть бы семья тамъ жила; а вамъ пріѣхать сюда одному, да не съ рекомендаціей князя Хвалынцова, вѣдь это только громко

сказать: князь Хвалынцовъ, а здѣсь онъ персона совсѣмъ неинтересная... Вамъ прямо написать бы къ нашему Кириллѣ Егорычу — это было бы дѣло! Вѣдь къ нимъ иной разъ министры съѣзжаются откушать. Ну, да это еще дѣло поправное: Кирилла Егорычъ воротится, зиму они проводятъ въ Римѣ, а по веснѣ, или такъ лѣтомъ непремѣнно пріѣдутъ. Да-съ! — Второе дѣло — вамъ самимъ плошать не слѣдуетъ. Вы приглядитесь, какъ оно дѣлается: здѣсь всякій глядитъ да прицѣливается, ежели кого можно своврнуть и сѣсть на его мѣсто — ладно; ежели опять кто ужъ очень разжирѣлъ, нажился и самъ думаетъ выходить — тоже ладно; наконецъ, ежели кто одержимъ болѣзнію и вотъ-вотъ не сегодня-завтра свезутъ на Смоленское — это самое лучшее... тутъ только подкарауливай! — Лови моментъ: покойника на столъ, а ты съ прошеньицемъ «по титулѣ»... Многіе даже списки ведутъ съ такими разными отмѣтками. Мнѣ одинъ пріятель столоначальникъ всю ихнюю механику открылъ. Этими случаями надо живо пользоваться, такъ чтобъ никто опомниться не успѣлъ. И всякій тебя одобритъ; значитъ — молодецъ! Ловкій практикантъ! — А вы что, — кому тутъ нужна ваша честность и деликатность? — Это нынче одни слова-съ. Да и въ человѣкѣ собственно не нуждаются, — потому на свѣтѣ людей расплодилось очень много, дѣвать некуда!

После этой рѣчи несчастный Петръ Иванычъ оказался кругомъ виноватымъ. — Не умѣлъ я этого, да кажется никогда и не съумѣю! — уныло промолвилъ онъ. — Этакъ-то каверзничать — слуга покорный! — Ужъ пусть будетъ воля Божья... А вотъ это справедливо, что Кирилла Егорычъ все можетъ. — Дай Богъ только ихъ дождаться! — А ужъ вы, добрѣйшій Ерофей Никифорычъ, не откажитесь напомнить обо мнѣ, и если хорошо будетъ принято, — знаете, этакъ къ сердцу принято, — то дайте мнѣ знать.

— Всенепремѣнно! Да вы будьте благонадежны, это только вопросъ времени — и больше ничего. Протяните какъ-нибудь. Вѣдь добрѣе нашего Кириллы Егорыча едвали можетъ найтись человѣкъ; это ангелъ! И все, знаете, этакъ шутя, смѣшкомъ, а глядишь и упрочилъ, да вѣдь кого упрочилъ-то? Перваго встрѣчнаго... Любить, любить, разливать добро вокругъ себя, даже до слабости любить...

И управляющій долго еще распространялся о великодушіи своего могучаго патрона. Петръ Иванычъ совсѣмъ утѣшился, и остальные члены бѣдной семьи тоже увидѣли впереди вѣрное спасеніе въ лицѣ великаго Кириллы Егорыча; г. Буровъ говорилъ такъ твердо, положительно, притомъ у него самого была такая

сытая физіономія, на толстыхъ пальцахъ такіе дорогіе перстни, на жилетѣ такая массивная золотая цѣпь, что возможность пріобрѣсти по милости откупщика упроченное положеніе отнюдь не казалось мечтою,—Слободины ее видѣли близко, они ее ощупывали...

Но Алексѣю ужасно претило отъ системы подкарауливанья покойниковъ... «Дѣйствительно, оно должно быть очень вѣрно,—но вѣдь это омерзительно...» —Онъ былъ сынъ своего времени, стало-быть былъ полонъ идеалистической вѣры въ торжество какой-то искусно-придуманной и красивой правды на землѣ... Человѣку того времени и во снѣ не снился великій законъ борьбы за существованіе, который, какъ законъ, не подлежитъ ни уваженію, ни презрѣнію; его можно только признать, или не признать; омерзительною можетъ быть только та сфера, искусственная, тунеядническая, паразитная, въ которой онъ проявляется безразлично, какъ и во всякой другой сферѣ жизни. Вотъ въ этой-то сферѣ нельзя относиться спокойно, потому что она порождала такіе ненормальные продукты, какъ каверзники и караульщики мертвецовъ—въ одну сторону, и затертые Петры Иванычи въ другую, а сущность ихъ одна и та же.

Тихо и уныло перекатывались дни въ квартиркѣ Измайловскаго полка. Слободинымъ казалось, что они вовсе не въ Петербургѣ живутъ, а въ какомъ-то забытомъ людьми и Богомъ захолустьи. Шумъ и блескъ столицы, безустанное движеніе экипажей, лихорадочная суета промышляющей толпы, громкія событія, горячка удовольствій, процессіи и гулянья, пожары и иллюминаціи, смѣхъ и стоны,—весь этотъ тяжелый пульсъ сотенъ тысячъ жизней гудомъ - гудитъ гдѣ-то *тамъ*, недалеко, но какъ будто въ иномъ мірѣ... А здѣсь безлюдье, пустыри, длинные заборы, грязь по колѣно, даже будка стоитъ довольно далеко; только рокотъ барабановъ, да рѣзкое гоготанье горнистовъ передъ марширующимъ фронтомъ бравыхъ гвардейцевъ напоминали, что тутъ не заштатный городъ Туруханскъ, но и къ этой музыкѣ прислушались.

Заманчивъ и соблазнителенъ былъ тотъ настоящій Петербургъ; молодежь такъ и тянуло туда: Алексѣй заходилъ изъ гимназіи къ Смирдину или Глазунову; Личарда тоже безпрестанно сочинялъ крайнюю необходимость сбѣгать за ваксой къ знакомому сапожнику, или починить сюртукъ даромъ у пріятеля портного, и съ этими важнѣйшими дѣлами онъ часто пропадалъ до глубокой ночи. У всякаго, знать, свое дѣло. Алексѣй однажды тоже не являлся домой цѣлый день, но это былъ случай, выходившій изъ ряду вонъ, имѣвшій не петербургское только, а всероссійское зна-

ченіе. Алексѣй съ товарищемъ попалъ въ толчею тысячеголовой толпы, сновавшей по набережной Мойки между Полицейскимъ и Пѣвческимъ мостами. Толпа росла, на лицахъ была мрачная тревога, на губахъ шевелились одни и тѣ же вопросы и толки: «Живъ?—Скончался?—Пускаютъ?—Нѣтъ?—Жандармовъ привели. Чай и не будутъ пускать. Вонъ Жуковскій... Гдѣ Жуковскій?— Къ государю съ докладомъ. Государь самъ сейчасъ пріѣдетъ».— У подъѣзда одного изъ домовъ толпа была гуще, а говоръ тише, сдержаннѣе—тамъ умиралъ любимый русскій поэтъ... Толпа ловила на лету неразборчивыя вѣсти, расходившіяся отъ подъѣзда; она была просто ошеломлена внезапностью общественной потери и еще не могла сообразить ни ея громадности, ни ея смысла. Она стояла передъ фактомъ, не вѣря въ его очевидность, и если бы изъ окна дома Пущиныхъ кто-нибудь тогда крикнулъ: Пушкинъ живъ! — Пушкинъ сію минуту явится передъ вами! — толпа разразилась бы громкимъ «ура», забывши даже такую бездѣлицу, что мертвые не воскресаютъ...

Алексѣю удалось войти въ домъ, поклониться покойнику; потомъ, во множествѣ другихъ лицъ незнакомыхъ, но разговаривавшихъ, какъ давно знакомые, онъ оставался до поздняго вечера, ожидая какихъ-нибудь опредѣленныхъ извѣстій насчетъ похоронъ. Извѣстій никакихъ не было, и никто не видѣлъ, какъ гробъ поэта выѣхалъ ночью изъ воспѣтаго имъ Петербурга.

Вскорѣ распространились слухи о какихъ-то письмахъ, раскрывающихъ тайну кроваваго дѣла, но достать ихъ Алексѣй не могъ. Досталъ онъ ходившее по рукамъ стихотвореніе: «Погибъ поэтъ, невольникъ чести...», и набожно переписалъ его въ завѣтную тетрадку, заключавшую въ себѣ много разныхъ запрещенныхъ плодовъ русской даровитости, несмотря на опасливыя предупрежденія отца, какъ бы за это въ бѣду не попасть...

Въ мелочной лавочкѣ Измайловскаго полка и о такихъ событіяхъ идетъ шибкая бесѣда; разсказчики врутъ одушевленно и разносятся изъ убогой лавчонки фантастическія легенды о томъ, о чемъ въ Петербургѣ давно уже забыли. Да и тутъ, впрочемъ, скоро все глохнетъ.

Нѣтъ такого глухого уголка, куда бы не проникли горе и полиція... Въ одинъ скверный день въ квартиру Слободиныхъ явился маленькій квартальный съ краснымъ воротникомъ и густѣйшимъ басомъ, который былъ ему какъ-то не по росту и замѣтно женировалъ своего обладателя. Съ квартальнымъ явились два сѣросермяжные тѣлохранителя. Петръ Иванычъ затрясся отъ испуга.

— Извините великодушно,—забасилъ маленькій человѣчекъ; —вы господинъ Слободинъ?

— Я...

— Побезпокоимъ васъ, что дѣлать? наша обязанность такая. Агентъ исполнительной власти зубами развязалъ узелъ пестраго носового платка, въ которомъ завернута была толстая кипа—«дѣлъ къ исполненію», и долго въ ней рылся.

Алексѣй поблѣднѣлъ и въ другой комнатѣ проворно передалъ Алёнушкѣ завѣтную тетрадь, прошептавъ: «отнеси на кухню».

— Что же вамъ угодно?—тономъ покорной невинности вопросилъ Петръ Иванычъ.

— А вотъ сейчасъ-съ,—мучительно медлилъ квартальный.—У васъ имѣется крѣпостной человѣкъ, прозывающійся Яковъ Финогеновъ?

— Да, это мой мальчикъ.

— Будьте великодушны, позвольте мнѣ его видѣть.

— Сдѣлайте одолженіе.

Явился Личарда совсѣмъ посинѣлый. Маленькій квартальный смѣрилъ его взглядомъ, будто завидуя его славному росту и соображая, на что такой ростъ можетъ быть пригоденъ.

— Это ты — Яковъ Финогеновъ?

— Я.

— А у тебя кромѣ этого сюртука, есть еще что-нибудь?

— Чево это? — грубо отозвался Яковъ.

— Экій ты, братецъ, непонятный! — Ну, есть шуба, какія-нибудь вещи?

— Извѣстно, тулупъ есть.

— Надо все осмотрѣть... Тысячу разъ прошу прощенія! — ловко шаркнулъ квартальный и пошелъ на кухню.

Алёнушка прибѣжала оттуда, прижавъ ручонками къ груди тетрадку, которую, казалось, отдала бы только съ жизнію. Братъ ее успокоилъ.

— Ну-съ, намъ придется его взять, — сказалъ квартальный, учинивъ тщательный обыскъ на кухнѣ.—Собирайся, любезный; захвати лишнюю рубаху, верхнее платье и прочее. Можетъ, и нескоро придется домой-то вернуться.

— Трубку и кисетъ можно?

— Можно; бери все, а тамъ ужъ разберутъ, что можно и чего нельзя.—Извините, милостивый государь, законъ!—Онъ опять шаркнулъ и поднялъ плечи выше головы.

Яковъ пошелъ собираться. Петръ Иванычъ пригласилъ квартальнаго сѣсть и робко, партикулярно спросилъ о причинѣ ареста.

— Это секретъ-съ... разумѣется, между благородными людьми, я могу такъ, частнымъ образомъ... Только ради Бога, между нами!.. потому что секретно...

Какъ же это такъ?—подумалъ Алексѣй. Берутъ, вяжутъ, арестуютъ человѣка и не хотятъ сказать за что! Зачѣмъ этотъ секретъ?—Но чинамъ полиціи была внушена одна молчаливость и больше ничего.

— Онъ замѣшанъ-съ въ дѣло о кражѣ вещей у сапожнаго мастера Бассета... проворковалъ квартальный, укротивъ насколько возможно свой басъ.—Это удивительное дѣло-съ! Всѣ мошенники у насъ въ рукахъ, а вещей нѣтъ, точно въ землю ушли. Теперь вотъ пощупаемъ вашего, авось отъ него добьемся чего-нибудь. Еще разъ прошу извиненія! Если я васъ чѣмъ-нибудь обезпокоилъ, то—увы!—мы невиноваты!

И повели бѣднаго Личарду на веревочкѣ въ Нарвскую часть.

— Эхъ, пропалъ парень!—всею грудью вздохнулъ Алексѣй, по нѣкоторымъ даннымъ проникая въ самый темный лабиринтъ внутренней жизни Якова...

Вся семья была въ слезахъ.

IX.

Петръ Иванычъ никуда не выходилъ, расхворался; затаенный, внутренній недугъ исподоволь, но упорно подтачивалъ его силы. Ужъ это былъ не тотъ моложавый совѣтникъ, съ оттѣнкомъ заимствованнаго барства, который весело подтрунивалъ надъ палатскимъ старьемъ и не прочь былъ забѣжать въ Кривой переулокъ; даже это былъ не тотъ глупый провинціалъ, который глазѣлъ на вывѣски и заходилъ къ Палкину;—теперь онъ опустился, сгорбился, лицо пожелтѣло, осунулось, въ волосахъ пробивался пепельный оттѣнокъ, глаза блестѣли тѣмъ пугливымъ синимъ огонькомъ, который жалобно мечется по уголькамъ догорающей печки. Ужъ онъ и въ департаментъ не навѣдывался, даже въ контору Лури его не тянуло. Онъ былъ боленъ, тяжело боленъ, нужно бы полечиться, но можно ли дозволить себѣ такую роскошь, пригласить доктора, когда въ шкатулкѣ всего пятьдесятъ рублей ассигнаціями, а впереди цѣлая вѣчность мучительныхъ ожиданій? Косолаповъ изъ Италіи проѣхалъ въ Одессу и когда водворится въ нанятомъ бель-этажѣ у Гагаринской пристани—неизвѣстно. По убѣдительной просьбѣ больного отца, Алексѣй заходилъ туда ча-

стенько, провѣдать когда ждутъ. Съ невыразимымъ волненіемъ, выроставшимъ до ненависти, смотрѣлъ юноша на рядъ пустыхъ, богато убранныхъ комнатъ, гдѣ скоро будетъ утопать въ роскоши маленькое, смугленькое, дьявольски-красивое существо, которое онъ когда-то властно сжималъ въ своихъ мускулистыхъ рукахъ, и съ которымъ теперь у него ничего нѣтъ общаго... Это, конечно, былъ юношескій бредъ, но въ немъ было столько же дѣйствительной, реальной боли, сколько можетъ испытать человѣкъ, которому вырѣзываютъ гангрену...

— Вѣдь вотъ погибъ же Личарда, поддавшись... нѣтъ! — запнулся Алексѣй, — мы еще не знаемъ, отъ чего онъ погибъ... Боже мой, скоро ли его выпустятъ! Мнѣ онъ все скажетъ, какъ товарищу-брату...

Онъ узналъ дорогу, и въ Нарвскую часть. Дѣло подвигалось убійственно-медленно. Воры на лицо, все халатники-мастеровые, между которыми, впрочемъ, Яковъ игралъ не послѣднюю роль; уликъ множество, а сознанія нѣтъ—и похищенное въ воду кануло. Частный приставъ обѣщалъ Алексѣю ускорить дѣло и, наконецъ, далъ благой совѣтъ, чтобы Петръ Иванычъ лично представился оберъ-полиціймейстеру съ просьбою наказать крѣпостного человѣка келейно при полиціи и отдать ему, какъ его господину, на поруки. Совѣтъ этотъ хотя былъ практиченъ и представлялся приставу самымъ благополучнѣйшимъ исходомъ, но Алексѣй посмотрѣлъ на него, какъ на совѣтъ немедленно выдернуть коренной зубъ, который только занылъ и можетъ прослужить очень долго. Однако дѣлать было нечего, Петръ Иванычъ надѣлъ вицмундиръ, сидѣвшій теперь на немъ, какъ широкій чехолъ, и отправился торчать въ пріемную оберъ-полиціймейстера. Онъ горькимъ опытомъ позналъ, что съ разу ничего на свѣтѣ не дѣлается, а надо походить да постоять въ пріемной, да надоѣсть тому, кого просишь, а пожалуй, кстати и самому себѣ опротивѣть въ плачевной роли просителя такихъ милостей, которыя, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются такими же милостями, какъ, напримѣръ, позволеніе дышать воздухомъ, или черпать изъ Невы воду.

Не будемъ разсказывать подробностей освобожденія Личарды изъ частнаго дома, потому что вѣдь сущность-то дѣла совсѣмъ не въ томъ, какъ кого били, а что́ именно выбили изъ субъекта, подвергнутаго операціи, нисколько неудивительной, признанной тогда всѣми за спасительную панацею...

Воротясь домой, Яковъ старался сразу войти въ колею своихъ лакейскихъ обязанностей, какъ-будто ничего не случилось и

жизнь его въ домѣ не прерывалась. Онъ усердно чистилъ сапоги, мылъ посуду и прибиралъ въ комнатахъ; говорилъ только о дѣлѣ или молчалъ; невозможно было вызвать его на обычное праздно-словіе дворовыхъ людей, сыто похлебавшихъ. На Алексѣя онъ не могъ взглянуть прямо и избѣгалъ остаться съ нимъ глазъ-на глазъ. Все господское семейство будто сговорилось не поднимать ни словомъ, ни намекомъ воспоминаній о печальномъ эпизодѣ. Это была какая-то совсѣмъ естественная, не преднамѣренная деликатность, которая извѣстна только истинно хорошимъ людямъ. Никто не помышлялъ объ исправленіи Личарды, никто не справлялся о томъ, раскаявается онъ, или нѣтъ, — какъ-будто все уврачевать предоставлено было времени и свободному теченію жизни. Личарда — чего никогда въ немъ не замѣчалось — сталъ весьма сочувственно и серьёзно относиться къ стѣсненному положенію своихъ господъ: онъ, кажется, жалѣлъ каждую сухую корку, которую грызъ, заботился, чтобы лишній вершокъ свѣчи не сгорѣлъ, отказался отъ чая и тономъ суроваго наставника выговаривалъ маленькимъ дѣтямъ: «а вы, Николинька, опять панталоны разорвали; гдѣ папенька возьметъ денегъ-то, коли вы такъ все рвать будете?» — «Не давайте, барышня, хлѣба чужимъ собакамъ; ихъ много бѣгаетъ, всѣхъ не накормите, а каждый день полбулки зря пропадаетъ, — вѣдь оно счетъ составитъ».

— Что, папенькѣ скоро мѣсто выйдетъ? — спросилъ онъ Алексѣя нерѣшительно и уставивъ глаза въ полъ.

— Э, не спрашивай лучше! — Ничего и распознать нельзя, что впереди будетъ... Мнѣ все дѣдушкина изба снится, — пѣшкомъ бы туда ушелъ!

— Д-да. Кто бы насъ загналъ сюды, кабы не планида такая вышла? — Человѣкъ думаетъ одно, анъ нѣтъ, врешь! — положено тебѣ такъ, значитъ ужъ какъ ты ни кочевряжься, а по твоему не выйдетъ...

Алексѣй уже не разъ говорилъ съ матерью, чтобы написать къ дѣдушкѣ; отецъ, какъ подслушалъ эти разговоры, ворчалъ цѣлую недѣлю, что онъ этого не позволитъ, что мы совсѣмъ не въ такой крайности, что наконецъ вотъ скоро... онъ не досказалъ, что скоро тиражъ польской лотереи: ему было неловко, даже стыдно сказать это вслухъ, а между тѣмъ мысль, привыкшая работать въ одномъ изломанномъ направленіи, подсказывала свое, нашептывала обольстительную сказку о сотняхъ тысячъ, падающихъ такъ, здорово-живешь. Отвергая намѣреніе Алексѣя обратиться къ дѣдушкѣ, Петръ Иванычъ, однакожъ, самъ тайкомъ написалъ письмецо къ сестрѣ своей Ермолиной, просилъ выру-

чить изъ близкой бѣды. Значитъ, онъ не отвергалъ просьбу о помощи въ принципѣ, а только хотѣлъ обойтись безъ помощи дѣдушки-мужика... За то и былъ же онъ наказанъ отвѣтомъ майора, пересыпаннымъ барабанною дробью нравоучительныхъ сентенцій о самонадѣянности, о пренебреженіи къ маленькимъ людямъ (подразумѣвались департаментскіе кантонисты), о нашей собственной ничтожности передъ вельможами (понимай — передъ барономъ и княземъ Хвалынцовымъ); въ заключеніе, рекомендовалась паче всего бережливость. «А что касается наличности, то въ сей моментъ оной не имѣю, ибо издержался на постройку флигеря, каковый совмѣстно съ домомъ предназначается вашему же сыну Николашѣ, когда помянутый сынъ, а мой племянникъ, произойдя съ отличіемъ кадетскій корпусъ, достигнетъ лестнаго званія офицерскихъ чиновъ и неуклонно будетъ слѣдовать моимъ наставленіямъ, чрезъ сорокалѣтнюю безпорочную службу пріобрѣтеннымъ».

Это письмо доконало Петра Иваныча; — онъ вдругъ утратилъ способность что-нибудь совѣтовать и предпринимать, даже ребенку затруднялся отвѣтить на самый простой вопросъ — можно ли побѣгать по двору?

— Не знаю, дружочекъ, какъ хочешь; хочешь иди, хочешь останься, — я не знаю... Да, да, батюшка мой, я ничего не знаю... твердилъ онъ уже самъ съ собою.—Стала замѣчать Анна Дмитріевна, что и водочка, употребляемая какъ лекарство, что-то очень быстро начала исчезать, словно усыхаетъ, особенно вечеромъ, на сонъ грядущій... Не сказавъ никому ни слова, она стала запирать графинчикъ въ шкафъ. — И это лишеніе не вызвало никакого протеста со стороны Петра Иваныча, куликавшаго секретно, даже не огорчило его. — «Что-жъ, видно такъ нужно; я вѣдь самъ ничего не знаю; да, батюшка мой, — я на все соглашаюсь. Пусть и такъ будетъ, мнѣ все равно!..»

Въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ опять случилось въ семьѣ безпокойство: Яковъ ушелъ со двора и четвертый день домой не возвращается. Составлялось множество различныхъ предположеній; Петръ Иванычъ съ дѣтскою улыбкою утверждалъ, что «нашъ Личарда убѣжалъ... и прекрасно сдѣлалъ! — даже полиціи не нужно давать знать, не нужно! — А то еще поймаютъ... Зачѣмъ это? — Пусть себѣ на здоровье по волѣ гуляетъ...» — Алексѣй, сообразивъ, какъ въ послѣднее время былъ задумчивъ и сосредоточенъ Личарда, задался самыми мрачными предположеніями: Нева глубока, ночи темныя, долго ли бултыхнуть съ

моста въ воду, никто и не замѣтитъ. Быстриной отнесетъ тѣло куда-нибудь на Голодай — и слѣдъ пропалъ!..

На четвертый день отыскался Яковъ; пришелъ съ двумя какими-то мужиками, пьянъ онъ не былъ, хотя отъ него и несло водкой.

Оставивъ спутниковъ на кухнѣ, онъ вошелъ въ комнату и повалился въ ноги передъ господами.

— Батюшка, Петръ Иванычъ!—Матушка, Анна Дмитріевна!— поймавъ ихъ руки, онъ цѣловалъ съ глубокимъ волненіемъ и не могъ долго выговорить ни слова. На эту сцену вошелъ Алексѣй.

— Братъ ты мой родной, Алексѣй Петровичъ! — и обнялъ его.

— Ну, благослови Господи! — Яковъ перекрестился.—Вотъ что я вамъ теперича скажу, родные вы мои! — вы меня выкормили, выростили, кромѣ ласки отъ васъ я ничего не видѣлъ... И коли я погрѣшилъ, такъ никто въ этомъ не причиненъ... это не нашего ума дѣло! — Теперь, какъ я себя понимаю и вашу тоже тѣсноту горькую видючи, желаю одного — служить вѣрой-правдой Богу и государю... вотъ мое желаніе, ужъ не препятствуйте, родимые, — дайте мнѣ это дѣло сдѣлать, — душа его проситъ...

Всѣ глядѣли на него съ тоскливымъ недоумѣніемъ.

— Вотъ эти мужички, что со мной пришли, нанимаютъ некрута. Я съ ними ужъ совсѣмъ поладилъ за три сотни, съ тѣмъ, значитъ, что эти деньги я предоставляю вамъ. Весь я былъ вашъ, стало и эти деньги ваши. А мнѣ особо пятьдесятъ рублей на гулянку дадутъ и шабашъ! — Я очень доволенъ и буду вѣкъ молить за васъ Бога... Ужъ не перечьте вы мому дѣлу душевному...

— Что ты, Яша, Господь съ тобой! — Зачѣмъ это? — Кто тебѣ это внушилъ? — Одумайся! — первая заговорила Анна Дмитріевна.

— Нѣтъ, барыня, ужъ это такъ. Можетъ, я не одну ночь, не одинъ день думалъ... Другого мнѣ конца нѣту... Не погубите меня, пожалѣйте! — Коли не это, такъ я и не знаю, что надъ собой сдѣлаю...

— Какъ это можно, Яша? — Да вѣдь, понимаешь ли ты, что значатъ эти деньги? — Вѣдь это значитъ — продать человѣка, тебя продать въ кабалу для того, чтобы намъ прокормиться два-три мѣсяца...

— Не то это значитъ, Алексѣй Петровичъ, — не то, братикъ ты мой названный! — Это значитъ, что я человѣкомъ хочу быть, не хуже прочихъ. У васъ, при вашей ласкѣ не умѣлъ быть человѣкомъ, — ну, тамъ буду имъ, гдѣ нашего брата па-

лочьемъ балуютъ.—Это мой самый настоящій ходъ.—А деньги плевое дѣло! По всѣмъ правиламъ, онѣ ваши; объ нихъ и рѣчи разводить не стóитъ. Дозвольте, отцы мои,—за это вамъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ Господь воздастъ.

— Ну, нѣтъ, братъ,—объ этомъ надо много подумать,—заговорилъ и Петръ Иванычъ.—Такъ нельзя!—И первое, что намъ деньги не нужны, совсѣмъ не нужны... мы скоро, можетъ быть, будемъ и сами того... А это больше ничего, какъ сбили тебя какіе-нибудь непутные люди, вотъ ты и лѣзешь въ петлю...

— Баринъ!—въ петлю я точно полѣзу, коли вы меня задержите... Это вотъ вамъ крестъ, передъ Богомъ!—Не губите, сдѣлайте божескую милость... Яковъ залился слезами.

— Дай же намъ разсудить, вѣдь это такое дѣло... не сію же минуту!

— Я еще съ тобою поговорю, Яковъ. Ты скажи мужикамъ, чтобы приходили дня черезъ три, а мы тутъ вмѣстѣ потолкуемъ, подумаемъ,—твердо рѣшилъ Алексѣй.

— Да ужъ оно все равно, хучь три дня, али больше, а конецъ одинъ. Вы какъ хотите думайте, а я съ ними порѣшилъ, при свидѣтеляхъ задатокъ взялъ и могарычи запили, ужъ на попятный нельзя!

Петръ Иванычъ невольно проговорилъ:

— Эка упрямая башка!—Точь-въ-точь отецъ; какъ теперь гляжу на него,—заладилъ свое, хоть ты колъ ему на головѣ теши!..

Ложась спать, Алексѣй пригласилъ Личарду расположиться съ нимъ въ одной комнатѣ и проговорили они до свѣта.

Въ этой бесѣдѣ прошла передъ ними вся минувшая жизнь, ожили всѣ впечатлѣнія дѣтства, воспоминанія облеклись въ живыя краски дѣйствительности, болѣе яркія чѣмъ сама дѣйствительность, потому что изъ повседневнаго хлама выдѣлялись только крупныя явленія, рѣзкія черты, предоминирующіе тоны.

Яковъ съ мѣткимъ юморомъ русскаго человѣка отмѣчалъ каждое воспоминаніе, и чѣмъ оно было значительнѣе, чѣмъ тяжелѣй и горестнѣе была пережитая минута, тѣмъ разымчивѣе становилась его веселость, тѣмъ хлестче вырывались выраженія. Особенность русскаго юмора, кажется, въ томъ и заключается, что онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, не любитъ стѣсняться никакими ретроспективными соображеніями,—позади его нѣтъ никакихъ путъ, обуздывающихъ накипѣвшее на сердцѣ слово; отваженъ этотъ юморъ, сложившій тысячи непечатныхъ присловій и безпощадно освистывающій не только парадную на-

пыщенность, мишуру и лицемѣрное міроѣдство, но и безъисходное голодное горе, и глупую, кругомъ обиженную темноту, которую со всѣхъ сторонъ бьютъ и плакать не велятъ...

— А помнишь Милонова-помѣщика, — какъ ловко мы ему краснаго пѣтуха пустили? — Кабы городничій тогда зналъ, по пирогу бы намъ далъ, а ижицу все-таки вписалъ бы, для порядка; потому она это любитъ, — на ней вѣдь не рѣпу сѣять! — повѣствовалъ Личарда. — А какъ чепуху хоронили, попъ все икалъ; читаетъ-читаетъ, да вдругъ «икъ». — Стоитъ тутъ на виду самъ начальникъ, кавалерію развѣсилъ, и знать этимъ обидѣлся: что тотъ икнетъ, а этотъ таково строго на него посмотритъ... Опять какъ же и тому быть, когда изъ души претъ? — Переглядываются они такимъ манеромъ, а причетниковъ смѣхъ разбираетъ, ажно за носы хватаются... Потѣха!

И милы были Якову всѣ эти глупыя подробности невозвратно-минувшаго, которому онъ читалъ теперь послѣднее, надгробное слово. Ужъ не съ кѣмъ будетъ ему поговорить о такихъ вещахъ, которыя чужой, посторонній человѣкъ «и въ жизнь не пойметъ»...

Слушая полувнимательно разсказы Личарды, Алексѣй сурово размышлялъ, какъ они, дружно воровавшіе яблоки въ саду Милонова, потомъ, чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше расходились, и очутилась между ними огромная провалина, черезъ которую невозможно и мостика перекинуть...

— Ну, а скажи пожалуйста, какъ ты съ Анхенъ? — неожиданно спросилъ Алексѣй, и радъ былъ, что ночная темнота скрывала его вспыхнувшее лицо.

— Богъ съ ней! — вздохнулъ Яковъ. — Ты, я вижу, лучше моего все понимаешь, Алёша... Вотъ какъ скажу: потерпѣлъ я, но Богъ меня просвѣтилъ; теперича я ужъ не пропаду... А она своего положенія дождется, это вѣрно! — Ей не миновать... Ты напрасно ее такъ мудрено понимаешь... Опять, конечно, все это могло бы по другому быть. Значитъ, линія не вышла... Эхъ! — Что я? — Крѣпостной мужланъ, неучъ... Алёша, зачѣмъ ты меня грамотѣ не выучилъ?

Алексѣя срѣзалъ этотъ вопросъ. Онъ молчалъ, какъ убитый.

— Были мы съ тобой, какъ братья родные, помнишь? — И все промежъ насъ было согласно. Теперь вотъ — какой ты сталъ и какой я?.. Пущай ты разумомъ противъ меня вышелъ, а все же отыми отъ тебя грамоту — и не тотъ ты человѣкъ. Мало ли ты изъ нее начиталъ? — Помнишь, что Сіонскій сказывалъ? — Я помню... Будь я грамотный, можетъ и изъ меня вышло бы что путное... Тогда бы нипочемъ, что и крѣпостной! — Вы люди

добрые и я бы вамъ вотъ эти самые триста рублевъ другимъ манеромъ представилъ. А теперь что? — Обозвали меня воришкой съизмальства, а чтó я понималъ? — Дѣлать ничего не умѣю; пошелъ бы въ мастерство, только это самая подлая жизнь,—въ солдаты лучше! — Ну вотъ, хучь бы и въ солдаты теперь иду,— а умѣй читать-писать, мнѣ и тутъ бы совсѣмъ другой ходъ былъ... Что-жъ дѣлать, — не догадались мы съ тобой, Алёша! — Такъ тому и быть!..

Слова Личарды, звучавшія не столько упрекомъ, сколько сожалѣніемъ и покорностью, пробили въ головѣ Алексѣя брешь, въ которую толпой хлынули новыя мысли, какъ отчаянные охотники, которые кидаются въ проломъ крѣпости, давя другъ друга въ общей свалкѣ, не разбирая своихъ и чужихъ,—искалѣченные, въ крови и копоти, лишь бы вскочить въ цитадель и прокричать «уру» осипшимъ, нечеловѣческимъ голосомъ...

— Я не догадался... я грѣшенъ передъ тобой, братъ Яковъ... шепталъ Алексѣй и въ то же время думалъ: а отчего-жъ никто не догадался? — Отчего *всѣ* не догадались? — Ужели не было умныхъ людей?.. И онъ ломалъ голову, припоминая все читанное, все слышанное, — но жгучій вопросъ его застывалъ въ безотвѣтной, мертвой, молчаливой пустынѣ... Кто-жъ виноватъ, когда я самъ началъ отвращеніемъ къ наукѣ, когда я самъ считалъ ее дворянскимъ дѣломъ, а вотъ, крѣпостной, окалѣченный человѣкъ говоритъ мнѣ, что это дѣло не дворянское только, а общее, человѣческое... Спасибо ему! Онъ мнѣ далъ слишкомъ много, а я не умѣлъ дать ему ничего... Я у него въ неоплатномъ долгу...

— И что за судьба моя странная!—съ ироніей припомнилъ Алексѣй. — Опять она — опять воровская дорога!.. Почему только она приводитъ меня къ тому, что нужно знать человѣку?—Вѣдь до сихъ поръ все самое важное я получилъ оттуда, снизу... Странная, странная судьба наша!..

Послѣ этой безсонной ночи Алексѣю стало ясно, что Личардѣ другого хода нѣтъ, и удерживать его глупо. — Я бы самъ такъ поступилъ. Только вотъ зачѣмъ тутъ деньги? Какой-то постыдный торгъ... цѣна крови! — Зачѣмъ эти проклятыя деньги?—волновался размышляющій гуманистъ.

— Ничего тутъ постыднаго нѣтъ. Вѣдь служилъ же вамъ я, и мои родители служили, и весь родъ нашъ служитъ, а за нашу послугу денегъ намъ вы не платите, — выходитъ, мы какъ есть всѣ ваши, и деньги эти ваши правильно. Опять же онѣ вамъ теперь до крайности нужны, ну, и возьмите ихъ на здоровье —

и шабашъ объ этомъ!—отвѣчалъ безсознательный реалистъ крѣпостного сословія.

Прошли условленные три дня, а Слободины ничѣмъ не рѣшили своего раздумья о судьбѣ Якова. Мужики навѣдывались съ большимъ беспокойствомъ: они ставили Якова за мѣсто своего меньшого брата, который только-что въ этомъ году женился, и для котораго идти на 25-ть лѣтъ въ солдаты равнялось смерти заживо. Ужъ какъ они ублажали Якова — «да ты не раздумай, паренёкъ, потому что это намъ бѣда!—а мы готовы всякое удовольствіе тебѣ предоставить. Коли ты что недоброе въ мысляхъ держишь, скажи лучше загодя, по чести; а то мы время упустимъ, опосля гдѣ его возьмешь вдругъ, охотничка-то! Ты, родимый, не сумлѣвайся въ насъ; намъ бы поскорѣй сбыть тебя, да и по дворамъ, потому у всякаго тоже свое дѣло ждетъ.

— Я слова не мѣняю, а хотите скорѣй, идите къ господамъ.

Пошли всѣ къ господамъ. — Такъ и такъ, развяжите насъ, кормильцы. Но ни у кого изъ господъ не хватило духа сказать рѣшительное слово; на Алексѣя обратились вопрошающіе взгляды отца и матери. Онъ схватилъ-было фуражку, чтобы убѣжать изъ дома, но спохватился, что вѣдь это дрянное малодушіе... и подойдя къ мужикамъ, сталъ имъ толковать.

— Вамъ, ребята, Яковъ далъ слово, онъ значитъ и хозяинъ своего слова. Притомъ это совсѣмъ не наше дѣло: онъ человѣкъ взрослый; — ни уговаривать, ни принуждать его никто не долженъ:—всякій самъ себѣ голова.

— Это батюшка точно, съ нимъ у насъ слажено; только допрежъ всего ваша власть господская; а у насъ лады были, точно.

— Ну, а коли слажено, и конецъ. Формальности, какія нужно, отецъ мой исполнитъ. Ступайте.

Петръ Иванычъ вздохнулъ легче и съ благодарностью взглянулъ на сына: де-скать, ты снялъ съ меня тяжелое бремя, вѣдь я этого никогда бы не развязалъ такъ рѣшительно. Анна Дмитріевна горько заплакала.

Начались мелкія, скучныя хлопоты, какъ бы поскорѣе окончить печальное дѣло. Петръ Иванычъ ходилъ въ рекрутское присутствіе; Анна Дмитріевна принялась справлять все для Яши, точно сына родного въ рекрутчину снаряжала. Купила ему образокъ, сходила въ церковь, молебенъ отслужила — и какъ будто ей легче стало; потомъ уже съ спокойнымъ сердцемъ принялась готовить для него всякую мелочь, которая можетъ понадобиться въ походѣ на чужедальной сторонушкѣ. Маленькія дѣти и тѣ

стали печальны; не знали какъ и чѣмъ угодить своему Личардѣ; и на всю семью Слободиныхъ точно тяжелое облако налегло.

Сидитъ Анна Дмитріевна за работой, иголка не мелькаетъ такъ быстро, какъ бывало прежде. Подходитъ Алёнушка.

— Мама, Личарда по своей волѣ въ солдаты идетъ?

— Конечно, по своей.

— А зачѣмъ ты плачешь? и Алёша тоже сердитый ходитъ?

— Затѣмъ, что жалко.

— Да, жалко... а вѣдь онъ добрый: мужики ему принесли много-много денегъ, а онъ ихъ всѣ папѣ отдалъ, вотъ какой добрый!—Его къ намъ ужъ не отпустятъ?

— Нѣтъ, угонятъ далеко отъ насъ.

— Ахъ, жалко-жалко!

— Когда меня произведутъ въ офицеры, я непремѣнно въ свой полкъ его возьму,—съ важностью начальника разсудилъ Коля.

Когда Петръ Иванычъ получилъ деньги, принесенныя мужиками, то долго разсѣянно ходилъ съ ними по комнатѣ, будто не зная, куда ихъ положить и совершенно забывъ, на какое употребленіе нужны человѣку деньги. Онъ вспомнилъ объ этомъ на другой день, когда надобно было платить за квартиру и купить сажень дровъ.

Алексѣй былъ правъ, проклиная деньги, замѣшавшіяся въ такое важное дѣло; внутренняя борьба, приведшая Якова къ роковому рѣшенію, никому кромѣ его не была извѣстна и понятна, а затѣмъ оставался голый фактъ: продалъ человѣкъ свою буйную головушку, чтобы спасти господъ отъ голодной смерти... И въ этомъ фактѣ было много горькой правды, отъ которой уйти невозможно...

Не столько по собственному желанію, сколько по общепринятому въ подобныхъ случаяхъ обычаю, Яковъ всякій день гулялъ вмѣстѣ съ своими нанимателями; сидѣлъ въ трактирѣ, заставлялъ играть шарманку, безъ надобности ѣздилъ на лихачахъ-извозчикахъ, все это въ полпьяна, размахивая пестрымъ платкомъ, запѣвая хриплую нелѣпую пѣсню. Скверное это веселье: пьетъ человѣкъ какъ-то нехотя, словно въ душѣ жару подбавляетъ, хохочетъ, пѣсни поетъ, да вдругъ какъ хватитъ по столу и рявкнетъ такое слово, что бѣдные наниматели даже поблѣднѣютъ, какъ бы то-есть онъ не сдѣлалъ чего надъ собой, вѣдь неровенъ часъ!...

Наконецъ, слава Богу, сдали молодца; всѣмъ вышелъ—и ростомъ и дородствомъ. Военный пріемщикъ даже съ чувствомъ

похлопалъ его по плечу, примолвя: вотъ какихъ давайте намъ побольше — гренадеръ!

Въ послѣдній разъ пришелъ къ Слободинымъ уже не ихъ вѣрный Личарда, а Яковъ Финогеновъ, въ сѣрой шинели, — все на немъ уродливо, мѣшкомъ; снялъ фуражку, а лобъ-то забритъ... Этотъ бритый, свинцовый лобъ ужасно тяжело подѣйствовалъ на всѣхъ, и самому Якову казался позорнымъ, тягчайшимъ испытаніемъ. Съ нимъ пришли два старыхъ солдатика,—одного отпустить нельзя.

— Ахъ, Яша, Яковъ, Личарда, Яшинька!—раздалось со всѣхъ сторонъ, когда онъ вошелъ въ комнату такой серьезный и хмѣлю ужъ ни въ одномъ глазѣ.

— Здравія желаю!—отчеканилъ онъ, будто подсмѣиваясь надъ самимъ собою.

— Ну что, братъ, какъ ты? Гдѣ ты теперь?

— Далеко: на Рожкѣ въ Аракчеевскихъ казармахъ стоимъ покуда; послѣ-завтра въ походъ нашу партію погонятъ.

— Какъ же тебѣ тамъ, ничего?—не обижаютъ?

— Ничего-съ,—вздохнулъ рекрутъ.

— Вотъ только чуба-то жаль... вишь какъ оголили!

— Да, оно конфузно... впрочемъ, скоро заростетъ.

Предлагали ему и поѣсть, и чайку выпить, отъ всего отказался. Все съ дѣтьми, а больше всѣхъ съ Алёшей разговаривалъ. Солдаты, сопровождавшіе Якова, ни отъ чего не отказались, всего пожевали и попили, и старались успокоить всѣхъ на счетъ трудностей военной муштровки.—«Это, ваше благородіе, ничего, вы будьте безъ сумлѣнія, потому намъ не въ первой, мы ужъ привыкли и на ихъ, какъ на малыхъ робятъ, смотримъ. Мы тоже чувствуемъ, и сохрани Богъ некрута обидѣть. Не безъ того, чтобы и между нашимъ братомъ не попался какой изверекъ, только мы не такіе... Съ нами, братъ, Финогеновъ, молись Богу—ложись спать!

Анна Дмитріевна благословила его какъ мать, и соблюла эту церемонію съ подобающею строгостью. Всѣ помолились, потомъ Яковъ сталъ на колѣни; она троекратно перекрестила его образкомъ, къ которому онъ приложился; поцѣловалъ у ней руку и принялъ образокъ и просфору.

Алексѣй далъ ему записку съ своимъ адресомъ, обязавъ клятвою прислать извѣстіе изъ полка, въ который онъ окончательно попадетъ, и подарилъ ему на память хорошенькую пѣнковую трубочку. Долго бы оставался Яковъ въ этой родной, теплой семьѣ, онъ совсѣмъ забылъ про Аракчеевскія казармы, да ужъ дядька ему подмигнулъ: «пора, не опоздать бы къ перекличкѣ».

Слободины сидѣли по угламъ, молча, съ красными, опухшими отъ слезъ глазами; даже Петръ Иванычъ прослезился и дѣтски-жалобнымъ голосомъ ронялъ свое обычное: «да, батюшка мой, да, да, такъ!...»

Алексѣй вышелъ за ворота и долго смотрѣлъ вслѣдъ пропадающему навсегда Личардѣ...

X.

Слободины еще не видали въ лицо настоящей петербургской бѣдности, они еще не попали въ ея цѣпкіе когти; только призракъ ея стучался къ нимъ въ дверь, угрожая какимъ-то страшнымъ завтра. Но не все же горе и уныніе—явились и свѣтлые дни. Первый большой и свѣтлый праздникъ былъ для нихъ, когда Алексѣй пришелъ домой съ гимназическимъ аттестатомъ и серебряной медалью.

— Ну, папенька, теперь въ хомутъ меня, да и за работу въ какую-нибудь управу благочинія, неправда ли? — Ходи сынокъ, таскай денежки въ домъ, а не изъ дома,—подсмѣивался сынъ.

— Нѣтъ, братъ, этимъ не шути. Не дай Богъ, чтобъ мы тебѣ загородили своей нуждой дорогу! — Ступай въ университетъ, тамъ свѣтъ. Будешь настоящимъ человѣкомъ, тогда все само собой придетъ. Мы ужъ какъ-нибудь перебьемся; вотъ скоро Кирилла Егорычъ пріѣдетъ, получу мѣсто и все пойдетъ какъ по маслу. — Вѣдь ты можетъ-быть свѣтиломъ науки будешь!... Вонъ оно что́!

— Ого, куда вы метнули! Просто буду скромнымъ учителемъ,—я по филологическому.

— Дѣльно, братъ, дѣльно! Учитель — это самое благороднѣйшее званіе. Это не чиновникъ, нѣ-ѣтъ! Я никогда себѣ не прощу... Эхъ, что и вспоминать! Учитель,—капиталъ въ головѣ, а добра-то сколько всякій день посѣваешь!...

— Да я ужъ и теперь кое-что посѣялъ, не знаю, что выростетъ, можетъ, волчцы, ха-ха!—Двухъ моихъ учениковъ въ гимназію приняли.

— Да, Петръ Иванычъ, ужъ онъ давно мнѣ заработанныя денежки носитъ.

— Вотъ какъ! — и выслушавъ отчетъ о педагогическихъ трудахъ и заработкахъ Алексѣя, растроганный отецъ обнялъ сына какъ-то бережно, осторожно, точно драгоцѣнную и хрупкую вещь, съ которою надо обходиться какъ можно деликатнѣе, чтобъ не помять ее, какъ-нибудь не испортить.

А сынъ подумалъ,—это грошовая радость, вотъ еслибъ Личарда поблагодарилъ меня...

— Ты, голубчикъ, пожалуйста не жалѣй денегъ, экипируй себя прилично, чтобъ не хуже другихъ быть. Не знаю, не написать ли къ дядѣ объ нашей радости?

— Ха, это ему такая же радость, какъ пѣтуху алмазъ. Нѣтъ, ужъ пощадите гривенничекъ-то, онъ пригодится на другое письмо, вотъ на-дняхъ Колю въ корпусъ потребуютъ, это будетъ настоящая майорская радость. О себѣ я лучше къ дѣдушкѣ напишу, деревенскій попъ прочтетъ ему мое посланіе и растолкуетъ все по пальцамъ, тамъ точно будетъ радость. Ведро вина поставитъ, браги наваритъ—пейте православные, наши въ конъ пошли. — Такъ ли маменька?

Анна Дмитріевна вся насквозь сіяла, и, глядя въ лицо сыну, смѣялась, и плакала, и цѣловала его сѣрые глаза, не находя ни одного сколько-нибудь подходящаго слова.

Скоро и Колю потребовали въ корпусъ. Эта вторая радость была сопряжена съ заботами и уже знакомымъ Петру Иванычу торчаньемъ въ разныхъ пріемныхъ, — не такъ какъ первая, которая пришла сама собою, простая и ясная... Не разъ пришлось дѣлать Петру Иванычу солидные походы изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону, гдѣ среди лачужекъ и огородовъ возвышалось громадное зданіе кадетскаго корпуса. Наконецъ-то мальчикъ сданъ на руки военнаго начальства, переодѣтъ въ казенную куртку; въ домѣ стало тише, просторнѣе, однимъ безполезнымъ ртомъ меньше. Коля былъ неглупый мальчикъ, но надоѣдалъ всѣмъ неугомонною шумливостью, деспотизмомъ и совершеннымъ безучастіемъ къ семейному горю. Эта послѣдняя черта бросалась въ глаза особенно Алексѣю; нѣсколько разъ принимался онъ толковать братишкѣ, что положеніе ихъ виситъ на волоскѣ: не дадутъ отцу должности, послѣдняя копѣйка уйдетъ на послѣдній фунтъ хлѣба — и что тогда? — По міру идти... Но Коля все это мимо ушей пропускалъ; побѣжитъ въ припрыжку, разорветъ себѣ локоть, разобьетъ стаканъ, тарелку, совершенно не думая, что это онъ бьетъ по тощему кошельку отца. Иногда онъ даже проговаривался о своихъ блестящихъ надеждахъ, когда будетъ офицеромъ и наслѣдникомъ всего дядинаго богатства,—де-скать, за себя я покоенъ, а вы пропадете, или нѣтъ, какое мнѣ дѣло!— Алёнушка меньше его, а какая стала внимательная и смышленая дѣвочка: ужъ знаетъ почемъ что продается на рынкѣ и все тянется, чтобы поскорѣе вырости, выучиться шить и ходить на Сѣнную вмѣсто мамы, у которой старыя ножки устаютъ.—Зами-

маясь съ дѣтьми уроками, Алексѣй частенько увлекался недобрымъ чувствомъ и вымещалъ на Колѣ накипѣвшую досаду, ставя его въ уголъ, или оставляя безъ чаю. Коля свирѣпѣлъ, огрызался, и между братьями исподоволь установились враждебныя отношенія. Разсудить ихъ было некому: отецъ совершенно пассивенъ и только твердитъ свой унылый припѣвъ—«да, батюшка, да, такъ...», а мать тоже судья плохой и явно пристрастный къ своему Алёшѣ. Обрадовали извѣстіемъ дядю и тотъ немедленно прислалъ письмо, написанное перомъ витіеватаго каптенармуса, и десять рублей, на пряники новому кадету. Коля видѣлъ въ этихъ десяти рубляхъ торжество своихъ надеждъ на блестящую будущность, и настоятельно требовалъ, чтобы деньги непремѣнно были отданы его ротному командиру,—и въ этомъ опять-таки сказалось,—что я-де совсѣмъ особая статья, ничего общаго съ вами не имѣю.

Нѣсколько времени новичка изъ корпуса домой не отпускали, пока не привыкнетъ носить киверъ и тесакъ, и пока не выучится ловко дѣлать фронтъ передъ каждымъ офицеромъ. Анна Дмитріевна путешествовала въ корпусъ, посмотрѣть на сына, приносила ему домашнихъ пирожковъ и яблоковъ. Пирожки и яблоки Коля бралъ, но въ пріемной залѣ сидѣлъ съ матерью какъ на иголкахъ. Анна Дмитріевна была одѣта какъ всегда, не щегольски, конечно, въ простенькомъ драдедамовомъ салопчикѣ, сшитомъ дома, похожимъ и на салопъ и на капотъ; на головѣ капоръ тепленькій, чтобъ въ уши не надуло, время стояло осеннее; въ рукахъ ридикюль. При встрѣчѣ съ дежурнымъ офицеромъ она кланялась вѣжливо и степенно, почти въ поясъ, сѣла на край дивана и все покушалась встать при проходѣ черезъ залу всякаго кадета, всякаго начальника. Сидя съ матерью, Коля слышалъ за дверью хихиканье товарищей и видѣлъ, что они нарочно проходятъ черезъ пріемную, чтобы бросить насмѣшливый взглядъ на посѣтительницу и даже состроить за спиной ея потѣшную гримасу, причемъ хихиканье за дверью раздавалось дружнымъ залпомъ.

— Что это они, надо мной что ли смѣются?—просто и кротко спросила мать.

— Какъ можно, маменька! они не смѣютъ...

— Отчего же? у меня капоръ точно не модный, да что-жъ дѣлать-то? другого взять негдѣ, и этотъ хорошъ для меня старухи.—По уходѣ матери, Коля попробовалъ-было что-то замѣтить насмѣшникамъ, но былъ порядочно вздутъ; признавъ превосходство физической силы и молодечества, онъ подладился къ това-

рищамъ и черезъ часъ за-одно съ ними хохоталъ и поѣдалъ въ компаніи пироги и яблоки.

— Ай да старушка! вкусные пироги печетъ твоя, братъ, старушка. Ты вели ей приносить почаще, веселѣй будетъ,—твердили новичку старые, кривоногіе кадеты.

Не безъ удовольствія дождалась мать, когда отпустили домой сынка въ куцомъ мундирчикѣ, портупеѣ черезъ плечо и въ такомъ тяжеломъ киверѣ, который надолго оставлялъ на лбу багровый рубецъ. Коля ужасно чванился и важничалъ своей военной выправкой, усвоенной имъ скорѣе всѣхъ другихъ новичковъ; вмѣстѣ съ выправкой онъ также чрезвычайно скоро усвоилъ и всѣ понятія, привычки и дикость старыхъ кадетъ, выработанныя въ душной казарменной атмосферѣ. Онъ началъ испытывать на сестрѣ прелести разныхъ штучекъ, отъ которыхъ неизбѣжно вскакивали на головѣ шишки, пріобрѣтались синяки и выступали слезы, но выходило ужасно смѣшно... Алексѣй довольно рѣзко остановилъ его.

— Ты, ундеръ, не слишкомъ тутъ вольничай! Отведемъ въ корпусъ и брать больше не станемъ, да еще ротнаго командира попрошу, чтобъ онъ тебя выдралъ хорошенько.

— Молчи ты, сиволапый мужикъ.

— Что-о?

— Ты мужицкое отродье и не смѣй лѣзть къ дворянину...

— А, вотъ что!—и Алексѣй жестоко выдралъ уши дворянину. Родителей глубоко огорчала эта, какъ они называли, врожденная ненависть братьевъ.

— Я стыжусь, маменька, объяснять вамъ до какой степени это гадкій, безсердечный и развращенный мальчишка. Спросите-ка, на что онъ мѣтилъ, назвавши меня мужицкимъ отродьемъ... Ну, да я его отъучу отъ этихъ дворянскихъ замашекъ!—Кромѣ этой вѣчной войны между сыновьями, родителей печалило и то обстоятельство, что посѣщенія кадета стоили имъ всякій разъ большихъ хлопотъ и расходовъ. Безъ провожатаго его не отпускали; нужно было ходить за нимъ отцу или брату; отправлять назадъ такимъ же порядкомъ. Изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону—не близкій свѣтъ; поздняя осень, грязь, холодъ,—приходится брать извощика, да еще дать кадету узелокъ чего-нибудь съѣстного; эта исторія всегда обходилась не меньше цѣлковаго, а на цѣлковый можно два дня прожить всему семейству. Эти съ виду маленькія, но тяжелыя для бѣдныхъ людей издержки и затрудненія дѣлали посѣщенія кадета очень непріятнымъ долгомъ родительской нѣжности, — жертвою, которая не выкупалась ни-

какимъ разумнымъ удовольствіемъ. Уже подумывали Слободины перебраться поближе къ корпусу, имъ будетъ удобнѣе, да и Алёшѣ не такъ далеко ходить въ университетъ, хотя на это онъ никогда не жаловался,—но случилось такое внезапное, впрочемъ очень обыкновенное событіе, которое разрушило всѣ планы и предположенія бѣднаго Слободинскаго гнѣзда...

Въ концѣ ноября погода стояла ужасная; падалъ снѣгъ съ дождемъ и дулъ свирѣпый порывистый вѣтеръ. Проводивши Колю въ корпусъ, Петръ Иванычъ возвращался пѣшкомъ; на бѣду его въ этотъ вечеръ исакіевскій мостъ развели и онъ болѣе получаса переправлялся черезъ Неву на большомъ ялботѣ. Домой пришелъ насквозь промокшій, продрогшій до костей: легъ въ постель и, несмотря на три стакана чая, не могъ возбудить въ своемъ изношенномъ тѣлѣ испарины. Въ головѣ страшно шумѣло, въ глазахъ ходили желтые круги, всю ночь провелъ онъ въ безпокойномъ бреду. Утромъ однако почувствовалъ себя бодрѣе, одѣлся и вдругъ ему представилась неотложная надобность идти въ городъ.

— Полно, побойся ты Бога, — куда идти въ такую погоду? Вѣдь вечоръ тебѣ было такъ худо, что хоть за докторомъ посылай, а онъ идти!—уговаривала жена.

— Необходимо, необходимо, батюшка мой! Ты не знаешь... Э, да что съ тобой толковать! Говорятъ тебѣ — необходимо.

Въ это утро Петръ Иванычъ вдругъ сталъ капризенъ и даже сварливъ, — чего въ послѣднее время за нимъ не водилось. Накинувъ ватошную шинель, онъ побѣжалъ... Побѣжалъ въ Большую-Морскую, побѣжалъ съ замираніемъ сердца, какъ двадцатилѣтній юноша на любовное свиданіе.

Въ знакомой конторѣ онъ пробылъ недолго; взялъ въ дрожащія руки таблицу послѣдняго лотерейнаго тиража, взглянулъ на первую цифру, и въ глазахъ у него помутилось... Противъ самаго крупнаго выигрыша стоялъ его нумеръ. Онъ протеръ глаза...

— Да, это мой... то самое... только зачѣмъ на концѣ нумера стоитъ цифра 6, а у меня 7... Отчего же тутъ не 7? Должно быть 7, непремѣнно 7... все такъ въ порядкѣ какъ слѣдуетъ, и вдругъ 6?... Это нелѣпо, не можетъ быть! Это вѣрно опечатка...

Онъ спросилъ, — опечатки никакой быть не могло, за вѣрность таблицы ручаются. Дальше ужъ ничего Петръ Иванычъ не помнилъ; кажется, онъ въ конторѣ заплакалъ, а другіе смѣялись, или другіе плакали, а онъ смѣялся... Какъ онъ вышелъ

изъ конторы и сколько времени шелъ, все это для него осталось совершенно неизвѣстно. Только домой прибрелъ онъ въ такомъ видѣ, что жена и дѣти перепугались; разстегнутый, распахнутый, блѣдный, потерялъ гдѣ-то одну калошу и носовой платокъ. Ничего не разсказываетъ, твердитъ только свое: «да, батюшка мой, такъ, такъ!»—но твердитъ это какимъ-то ожесточеннымъ голосомъ. Подумали, что онъ рехнулся, однако нѣтъ — всѣхъ узнаетъ и проситъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Анна Дмитріевна сама раздѣла его и уложила въ постель; онъ повиновался, какъ кроткій ребенокъ.

Къ вечеру ему стало гораздо хуже; онъ стоналъ на весь домъ, такъ что сосѣди присылали спросить, что́ случилось. Алексѣй побѣжалъ за докторомъ.

— Плохо! — сказалъ задумчиво докторъ. — Слѣдовало бы предупредить. — Давно онъ въ такомъ положеніи?

Ему все разсказали обстоятельно.

— Можно поставить на грудь мушку; давать по ложкѣ мадеры или хереса, когда попроситъ пить; легче мокроты будутъ отдѣляться. Больше пока ничего.

Выйдя въ другую комнату, докторъ отвелъ Алексѣя въ сторону.—Вы, молодой человѣкъ, понимаете, что врачъ иногда не въ силахъ ничего сдѣлать. Организмъ плохой, истощенный, — тутъ и маленькая простуда опасна, а такая... ммъ!—Я совѣтую вамъ, не теряя времени, перевезти его въ больницу; все-таки тамъ больше средствъ, покойнѣе и для васъ лучше. Эти стоны и хрипота могутъ усилиться.—Наконецъ, я не могу быть тутъ постоянно, а тамъ дежурный врачъ... Словомъ, вотъ все, что я могу совѣтовать.

— Да что же у него такое, докторъ?

— Видите, это случай довольно опасный; можетъ произойти отекъ легкаго... впрочемъ, трудно сказать. Лучше всего въ больницу.—Докторъ уѣхалъ съ покойною увѣренностью, что ему тутъ дѣлать нечего.

Стоны и хрипѣнье больного становились невыносимѣе; мушка не брала. Онъ проклиналъ мадеру и бормоталъ, зачѣмъ его отравляютъ этой гадостью. Вечеромъ Алексѣй перевезъ отца въ Обуховскую больницу, и хоть былъ не медикъ, а тоже съ рѣзкою увѣренностью сказалъ:—кончено, это все напрасно... Это ужъ начинаются похороны...

Несмотря на полную безнадежность, Алексѣй безъ слезъ, съ желѣзною твердостью, заботился обо всемъ, что могло облегчить страданія умирающаго. Онъ и мать, чередуясь, не покидали его ни на минуту. Анна Дмитріевна поддалась обычной въ этихъ

случаяхъ женской слабости къ соблюденію разныхъ обрядностей, отъ которыхъ умирающему нисколько не легче. Она даже поѣхала за Колей, но всѣ мосты черезъ Неву разведены и переправы нѣтъ. «Знать такъ ему и не суждено проститься съ отцомъ... А вѣдь и захворалъ-то бѣдный мой дружокъ съ того вечера, какъ Колю провожалъ!...» неутѣшно хныкала Анна Дмитріевна.

— Э, маменька, что за нѣжности!—злобно замѣтилъ Алексѣй, выведенный изъ терпѣнія всѣми мелочными заботами матери о соблюденіи внѣшняго декорума вокругъ умирающаго. — Вы уѣзжали, а онъ васъ спросилъ, хотѣлъ сказать что-то, можетъ быть, важное... Теперь безъ сознанія. Посидите, я сбѣгаю домой, провѣдаю Алёнушку, вѣдь она тамъ одна.

Дома Алексѣй нашелъ пакетъ на имя отца,—Буровъ увѣдомлялъ, что «по ходатайству нашего уважаемаго Кирилла Егоровича, его превосходительство, баронъ Эдуардъ Францовичъ Эггерсъ соизволилъ опредѣлить васъ на мѣсто...»

Алексѣй не дочиталъ, — швырнулъ письмо...

Въ дребезжащей извощичьей каретѣ Алексѣй Слободинъ съ матерью и Алёнушкой возвращались съ Митрофаньевскаго кладбища по московскому шоссе. Онъ узнавалъ знакомые предметы, они также непривѣтливо глядѣли, какъ и два года назадъ; а онъ будто снова въѣзжалъ въ Петербургъ изъ дальней дороги, но уже не провинціальнымъ мечтателемъ,—сзади его легла могила отца да солдатская шинель Личарды; впереди какая-то осенняя слякоть, ненастье; а тутъ подлѣ него, на его рукахъ, мать и сестра. Алексѣй сурово задумался...

П. Альминскій.

СТРАННИКИ или БѢГУНЫ

въ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

II. Распространеніе секты.

Первое мѣсто въ ряду послѣдователей основателя секты Евѳимія, принадлежитъ спутницѣ его Иринѣ Ѳедоровой. Ея дѣятельность началась съ Сопѣлокъ. Послѣ смерти «старца Евѳимія», усвоивъ себѣ право наставничества и поселившись въ Сопѣлкахъ, она увлекла въ свою секту прежде всего крестьянина Петра Крайнева, у котораго поселилась на жительство, потомъ крестьянина Якова Яковлева и крестьянку Парасковью Козьмину Курочкину [1]), и всѣхъ ихъ сама же перекрестила въ «странство».

Изъ этихъ первыхъ прозелитовъ особенно полезнымъ дѣятелемъ для секты оказался Крайневъ, — по перекрещенію Севастьянъ. Будучи повышенъ Ириною въ наставники, какъ человѣкъ начитанный и практичный, онъ первый допустилъ уступку со стороны строго-аскетическаго взгляда Евѳимія на странничество. Имъ руководилъ при этомъ самый вѣрный разсчетъ. Онъ видѣлъ, что существованіе секты нисколько не обезпечено со стороны матеріальной, и что званіе странниковъ будетъ вовсе невыгодно и неутѣшительно, если не будетъ страннопріимцевъ; съ другой стороны, видѣлъ и то, что симпатію къ странничеству заявляютъ нерѣдко и люди богатые; но,—чтобы сдѣлаться дѣйствительными странниками, по мысли Евѳимія, поступающіе въ секту должны были разорвать всѣ прежнія связи семейныя и общественныя, слѣдовательно, и разстаться съ имуществомъ, — а это для бога-

---

[1]) Мать извѣстнаго купца Филиппа Курочкина.

таго человѣка всего труднѣе сдѣлать,—между тѣмъ богатый человѣкъ для странниковъ, — чистое пріобрѣтеніе; иначе чѣмъ же бы сталъ жить странникъ, самъ не дѣлая ничего и не имѣя ничего? И вотъ,—въ виду этихъ соображеній Крайневъ рѣшился примирить аскетизмъ Евѳимія съ матеріальнымъ довольствомъ мірской жизни: онъ рѣшилъ, что можно быть «Христовымъ человѣкомъ» и не разлучаясь съ деньгами, только пусть эти деньги кормятъ дѣйствительныхъ странниковъ. Словомъ, онъ ввелъ пристанодержательство. Съ этою цѣлію Крайневъ сталъ крестить и тѣхъ, кто только изъявлялъ желаніе принять странничество, а на жительствѣ оставался въ своемъ домѣ. Между тѣмъ другіе послѣдователи Евѳимія, строгіе приверженцы его аскетическаго взгляда на скитальничество, какъ на единственный путь къ спасенію, требовали отъ всѣхъ вступающихъ въ секту посвященія себя странничеству, и только подъ условіемъ дѣйствительнаго выхода въ странничество допускали перекрещиваніе своихъ адептовъ. (Таково было мнѣніе, напр., Якова Яковлева). Это разногласіе послужило поводомъ къ долгимъ и жаркимъ спорамъ; но, на сторонѣ Крайнева была Ирина, и Крайневъ одержалъ верхъ. Яковъ Яковлевъ не хотѣлъ послѣ этого оставаться въ Сопѣлкахъ, удалился въ Новгородскую губернію, гдѣ и посѣялъ первыя сѣмена страннческаго ученія.

Съ 1812-го года замѣтно особенное оживленіе въ страннической пропагандѣ. Въ этомъ году, Севастьяну Крайневу удалось увлечь одного ярославскаго мѣщанина, Михаила Ѳедорова Чагрина. Крайневъ перекрестилъ его въ странническую секту съ именемъ Мокея, сдѣлалъ наставникомъ и пріобрѣлъ въ немъ умнаго и дѣятельнаго помощника въ своей сектаторской дѣятельности. Теперь всѣ обряды въ сектѣ совершались Севастьяномъ Крайневымъ, Мокеемъ и Егоромъ Егоровымъ, ученикомъ Евѳимія, человѣкомъ, впрочемъ, вовсе не начитаннымъ и потому не пользовавшимся большимъ авторитетомъ. Но за то Чагринъ своимъ умомъ, энергическою дѣятельностію, пріобрѣтшій авторитетъ въ средѣ своего общества и вліяніе на всѣ дѣла секты, на долго остается передовымъ дѣятелемъ-пропагандистомъ.

Въ слѣдующемъ 1813-мъ году, новое, совершенно неожиданное обстоятельство послужило къ распространенію страннческаго ученія: пойманы были въ Устюжскихъ лѣсахъ Новгородской губерніи 29-ть человѣкъ бродягъ-раскольниковъ, скрывавшихся въ кельяхъ и съ ними наставникъ ихъ, старецъ 60-ти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, — безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый, который ушелъ изъ села Сопѣлокъ вслѣдствіе несогласія по вопросу о

крещеніи. Всѣ эти бродяги, рѣшеніемъ комитета министровъ, осуждены были на поселеніе въ Сибирь; нѣкоторые изъ нихъ возвратились въ православную церковь, другіе, менѣе упорные, подвергнуты были легкому наказанію, а самые упорные, въ томъ числѣ и Яковъ Яковлевъ, наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ на каторгу, въ числѣ 10-ти человѣкъ. Проходя чрезъ Ярославль, арестанты нѣсколько дней находились въ тамошнемъ острогѣ. Ярославскіе «странники» имѣли здѣсь свиданіе съ Яковомъ Яковлевымъ, а Ирина Ѳедорова съ Мокеемъ Ѳедоровымъ, даже провожали его до Костромы; дорогой они рѣшали всѣ вопросы о вѣрѣ и особенно о крещеніи. Яковъ Яковлевъ объявилъ, что крещеніе должно быть совершаемо при входѣ въ странство; однакоже призналъ крещеніе Крайнева дѣйствительнымъ, запретивъ только ему и крещенымъ отъ него общаться съ прочими странниками, покуда будутъ жить въ мірѣ. На этомъ и порѣшили вопросъ о крещеніи. Ирина Ѳедорова возвратилась въ любимые Сопѣлки, а Яковъ Яковлевъ продолжалъ путь въ Сибирь, гдѣ не замедлилъ пустить въ ходъ свое ученіе. Около этого же времени прибыли въ село Сопѣлки изъ Костромского уѣзда села Краснаго крестьяне, бѣглые раскольники филипповскаго согласа, Родіонъ Михайловъ, съ отцомъ своимъ Михайломъ Тихоновымъ, Василій Петровъ и другіе, для бесѣды съ сопѣлковцами, и приняли ученіе Евѳимія. Родіонъ Михайловъ съ отцомъ крещены были Мокеемъ Ѳедоровымъ,—первый съ оставленіемъ прежняго имени, а второй названъ Сергіемъ. Но Василій Петровъ, считая ученіе, и особенно крещеніе сопѣлковскихъ старцевъ не во всемъ правымъ, самъ себя окрестилъ, принявъ имя Ивана и завелъ особую паству; и такимъ образомъ, сдѣлался первымъ отщепенцемъ сопѣлковской секты.

Въ 1815-мъ году мы видимъ уже послѣдователей Евѳимія въ Саратовской губерніи. Поводомъ къ этому послужилъ слѣдующій случай: въ этомъ году прибылъ въ Сопѣлки изъ Саратова шубникъ, крестьянинъ Ярославскаго уѣзда деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ. Познакомившись съ сопѣлковцами, онъ сталъ выхвалять имъ всѣ удобства жизни въ Саратовѣ и предложилъ Иринѣ Ѳедоровой, Доминикѣ Андреевой и Родіону Михайлову съ его отцемъ перейти на жительство въ Саратовскіе сады,—они послушали его и переселились въ Саратовскую губернію. Тамъ Ирина Ѳедорова и Доминика нашли пристанище въ саду купца Крюкова; а Родіонъ Михайловъ съ отцемъ укрывались въ буеракахъ у филипповцевъ. Такъ они скрывались восемь лѣтъ. Но осѣдлая и уединенная жизнь, наконецъ, наскучила имъ, и они

снова отправляются странствовать. Поводомъ къ этому послужило для нихъ то обстоятельство, что объ укрывательствѣ ихъ провѣдала саратовская полиція: отецъ Родіона Михайлова — Сергій былъ пойманъ и умеръ въ саратовскомъ острогѣ. Поэтому, Ирина Өедорова съ Родіономъ возвратились въ Ярославль и явились въ свои любимые Сопѣлки, а Доминика съ Симеономъ (шубникомъ) направились въ Астраханскую губернію, гдѣ и поселились на берегу Каспійскаго моря въ камышахъ. Но здѣсь скоро были пойманы и сосланы—одна въ Сибирь на поселеніе, а другой въ Закавказскій край. Года четыре Доминика содержалась въ тобольскомъ острогѣ, пока не была освобождена по ходатайству одного богатаго купца, — послѣ этого снова пустилась бродяжничать; наконецъ, поселилась на жительство въ кельѣ (Томской губерніи), въ Кійской волости, гдѣ уже были заброшены сѣмена сопѣлковскаго ученія сосланными въ Сибирь странниками.

Въ такомъ положеніи находилась пропаганда страннического ученія до двадцатыхъ годовъ; малая паства управлялась наставниками: Севастьяномъ Крайневымъ, Мокеемъ Өедоровымъ и вновь поставленнымъ въ эту должность Родіономъ Михайловымъ.

Съ двадцатыхъ годовъ, въ сектѣ странниковъ замѣчается новое оживленіе и усиленіе; она получаетъ значительное приращеніе въ своихъ членахъ и пріобрѣтаетъ значеніе, и даже вліяніе, между другими толками въ расколѣ. Причина такого движенія въ сектѣ и усиленія ея заключалась въ томъ, что много явилось охотниковъ посвятить себя страннической жизни, и между ними нашлись люди начитанные, ревностные проповѣдники; нашлись даже писатели, которые своими литературными трудами принесли бо́льшую пользу для секты, чѣмъ устные пропагандисты. Съ нихъ-то и начинается эпоха процвѣтанія странничества. Изъ числа перваго рода дѣятелей этого времени, замѣчательнѣйшими являются три брата *Кувшиновы*; изъ числа второго, пропагандистовъ-писателей—первый и главный ересіархъ всего странничества *Никита Семеновъ*. Ярославскіе мѣщане, съ фабрики гг. Яковлевыхъ, Илья, Петръ и Михаилъ Андреевы Кувшиновы, состояли прежде въ числѣ раскольниковъ поповщинской секты; потомъ, избравъ скитальческую жизнь, сами себя окрестили, но впослѣдствіи, присоединившись къ сопѣлковскому толку, они вновь были «исправлены» по обряду страннической секты. Изъ трехъ братьевъ особенно замѣчателенъ, по своей продолжительной и ревностной, на пользу странничества, дѣятельности одинъ *Михаилъ Андреевъ*, — человѣкъ столь же ловкій, какъ и начитанный;

онъ въ продолженіи 25-ти лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ересеначальниковъ, почти главнымъ орудіемъ быстраго развитія сопѣлковскаго толка. Въ 1843-мъ году, онъ былъ пойманъ Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда, въ селѣ Ѳедоровскомъ, вмѣстѣ съ другимъ наставникомъ Иваномъ Кононовымъ и странникомъ Иваномъ Петровымъ, содержался годъ и семь мѣсяцевъ въ корчевскомъ острогѣ, отправленъ былъ въ тверскую духовную консисторію на увѣщаніе, но оттуда бѣжалъ, и возвратившись въ Ярославскую губернію, съ новымъ рвеніемъ принялся за прежнее дѣло. Въ 1851-мъ г. онъ вторично пойманъ былъ въ Ярославлѣ у мѣщанина Петра Ѳедорова Малышева, графомъ Стенбокомъ, содержался въ острогѣ, наконецъ въ 1853-мъ году сосланъ въ Восточную Сибирь на поселеніе.

Въ одно время съ Михаиломъ Андреевымъ поступилъ въ странническій согласъ крестьянинъ Ярославскаго уѣзда деревни Когаева *Алексѣй* (по перекрещенію Василій) *Петровъ*, извѣстный между странниками подъ названіемъ *горбунчика*. Эта личность весьма замѣчательна въ странничествѣ. Онъ самъ себя окрестилъ въ странство и принятъ былъ въ сопѣлковскую секту безъ вторичнаго крещенія съ наложеніемъ лишь шестинедѣльной эпитиміи. Горбунчикъ, хотя не пользовался званіемъ наставника, но по своей начитанности постоянно считался членомъ «главнаго совѣта старцевъ» страннического согласа, имѣвшаго свои засѣданія въ селѣ Сопѣлкахъ, и многихъ совратилъ въ расколъ. Два раза онъ былъ пойманъ — первый въ тридцатыхъ годахъ и уже шелъ по этапу въ Закавказскій край,—во второй, въ 1849-мъ году вмѣстѣ съ наставникомъ Гермогеномъ Кузьминымъ, содержались въ арестантской земскаго суда: но въ оба раза бѣжалъ, благодаря геройству своей любовницы Марьи Васильевой.

Вмѣстѣ съ Михайломъ Андреевымъ и Василіемъ Петровымъ Горбунчикомъ, явились на поприщѣ пропаганды и другія замѣчательныя личности: *Марко* изъ Пошехонья, *Иванъ Іудичъ* изъ Новгородской губерніи, и бѣглый кантонистъ Климентъ Ивановъ. Всѣ они сдѣлались наставниками; Марко впослѣдствіи управлялъ костромскою паствою; Иванъ Іудичъ, проживавшій въ селѣ Сопѣлкахъ у крестьянина Ивана Егорова Панова, сопѣлковскими старцами опредѣленъ былъ въ Москву, гдѣ управлялъ потомъ цѣлою паствою. Онъ былъ бѣглый старикъ, какъ значится въ дѣлѣ, проживавшій на фабрикѣ купцовъ Гучковыхъ. При обыскѣ въ селѣ Сопѣлкахъ, въ 1850-мъ году, было найдено письмо, писанное Иваномъ Іудичемъ изъ Москвы въ 1848-мъ году, въ которомъ онъ называетъ поименно почти всѣхъ современныхъ

маясь съ дѣтьми уроками, Алексѣй частенько увлекался недобрымъ чувствомъ и вымещалъ на Колѣ накипѣвшую досаду, ставя его въ уголъ, или оставляя безъ чаю. Коля свирѣпѣлъ, огрызался, и между братьями исподоволь установились враждебныя отношенія. Разсудить ихъ было некому: отецъ совершенно пассивенъ и только твердитъ свой унылый припѣвъ—«да, батюшка, да, такъ...», а мать тоже судья плохой и явно пристрастный къ своему Алёшѣ.

Обрадовали извѣстіемъ дядю и тотъ немедленно прислалъ письмо, написанное перомъ витіеватаго каптенармуса, и десять рублей, на пряники новому кадету. Коля видѣлъ въ этихъ десяти рубляхъ торжество своихъ надеждъ на блестящую будущность, и настоятельно требовалъ, чтобы деньги непремѣнно были отданы его ротному командиру,—и въ этомъ опять-таки сказалось,—что я-де совсѣмъ особая статья, ничего общаго съ вами не имѣю.

Нѣсколько времени новичка изъ корпуса домой не отпускали, пока не привыкнетъ носить киверъ и тесакъ, и пока не выучится ловко дѣлать фронтъ передъ каждымъ офицеромъ. Анна Дмитріевна путешествовала въ корпусъ, посмотрѣть на сына, приносила ему домашнихъ пирожковъ и яблоковъ. Пирожки и яблоки Коля бралъ, но въ пріемной залѣ сидѣлъ съ матерью какъ на иголкахъ. Анна Дмитріевна была одѣта какъ всегда, не щегольски, конечно, въ простенькомъ драдедамовомъ салопчикѣ, сшитомъ дома, похожимъ и на салопъ и на капотъ; на головѣ капоръ тепленькій, чтобъ въ уши не надуло, время стояло осеннее; въ рукахъ ридикюль. При встрѣчѣ съ дежурнымъ офицеромъ она кланялась вѣжливо и степенно, почти въ поясъ, сѣла на край дивана и все покушалась встать при проходѣ черезъ залу всякаго кадета, всякаго начальника. Сидя съ матерью, Коля слышалъ за дверью хихиканье товарищей и видѣлъ, что они нарочно проходятъ черезъ пріемную, чтобы бросить насмѣшливый взглядъ на посѣтительницу и даже состроить за спиной ея потѣшную гримасу, причемъ хихиканье за дверью раздавалось дружнымъ залпомъ.

— Что это они, надо мной что ли смѣются?—просто и кротко спросила мать.

— Какъ можно, маменька! они не смѣютъ...

— Отчего же? у меня капоръ точно не модный, да что-жъ дѣлать-то? другого взять негдѣ, и этотъ хорошъ для меня старухи.—По уходѣ матери, Коля попробовалъ-было что-то замѣтить насмѣшникамъ, но былъ порядочно вздутъ; признавъ превосходство физической силы и молодечества, онъ подладился къ това-

рищамъ и черезъ часъ за-одно съ ними хохоталъ и поѣдалъ въ компаніи пироги и яблоки.

— Ай да старушка! вкусные пироги печетъ твоя, братъ, старушка. Ты вели ей приносить почаще, веселѣй будетъ,—твердили новичку старые, кривоногіе кадеты.

Не безъ удовольствія дождалась мать, когда отпустили домой сынка въ куцомъ мундирчикѣ, портупеѣ черезъ плечо и въ такомъ тяжеломъ киверѣ, который надолго оставлялъ на лбу багровый рубецъ. Коля ужасно чванился и важничалъ своей военной выправкой, усвоенной имъ скорѣе всѣхъ другихъ новичковъ; вмѣстѣ съ выправкой онъ также чрезвычайно скоро усвоилъ и всѣ понятія, привычки и дикость старыхъ кадетъ, выработанныя въ душной казарменной атмосферѣ. Онъ началъ испытывать на сестрѣ прелести разныхъ штучекъ, отъ которыхъ неизбѣжно вскакивали на головѣ шишки, пріобрѣтались синяки и выступали слезы, но выходило ужасно смѣшно... Алексѣй довольно рѣзко остановилъ его.

— Ты, ундеръ, не слишкомъ тутъ вольничай! Отведемъ въ корпусъ и брать больше не станемъ, да еще ротнаго командира попрошу, чтобъ онъ тебя выдралъ хорошенько.

— Молчи ты, сиволапый мужикъ.

— Что-о?

— Ты мужицкое отродье и не смѣй лѣзть къ дворянину...

— А, вотъ что!—и Алексѣй жестоко выдралъ уши дворянину. Родителей глубоко огорчала эта, какъ они называли, врожденная ненависть братьевъ.

— Я стыжусь, маменька, объяснять вамъ до какой степени это гадкій, безсердечный и развращенный мальчишка. Спросите-ка, на что онъ мѣтилъ, назвавши меня мужицкимъ отродьемъ... Ну, да я его отъучу отъ этихъ дворянскихъ замашекъ!—Кромѣ этой вѣчной войны между сыновьями, родителей печалило и то обстоятельство, что посѣщенія кадета стоили имъ всякій разъ большихъ хлопотъ и расходовъ. Безъ провожатаго его не отпускали; нужно было ходить за нимъ отцу или брату; отправлять назадъ такимъ же порядкомъ. Изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону—не близкій свѣтъ; поздняя осень, грязь, холодъ,—приходится брать извощика, да еще дать кадету узелокъ чего-нибудь съѣстного; эта исторія всегда обходилась не меньше цѣлковаго, а на цѣлковый можно два дня прожить всему семейству. Эти съ виду маленькія, но тяжелыя для бѣдныхъ людей издержки и затрудненія дѣлали посѣщенія кадета очень непріятнымъ долгомъ родительской нѣжности, — жертвою, которая не выкупалась ни-

къ тому же убѣжденію, какъ и Меркурій, и «оказалися одну имѣти ревность о спасеніи и избѣжаніи міра и домовъ и пр.»; эти новые пріятели еще болѣе утвердили рѣшимость Меркурія. Они, какъ видно изъ дѣла, находились уже въ сношеніяхъ съ странниками, приходившими въ Москву для сбора милостыни изъ Архангельской губерніи, Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ, и знали, что «въ тѣхъ мѣстахъ живетъ много пустынниковъ или скитниковъ», туда же вмѣстѣ съ ними они порекомендовали скрыться и Меркурію. Меркурій принялъ ихъ предложеніе, и всѣ трое принялись за приготовленіе: имущество и товаръ они обратили въ деньги, часть которыхъ оставили при себѣ, а прочіе отдали въ вѣрныя руки раскольниковъ-торговцевъ. Покончивъ свои дѣла и распорядившись какъ слѣдуетъ, они тайно отъ всѣхъ оставили Москву, и, чрезъ Владиміръ, Суздаль, село Иваново, Ярославль, Даниловъ монастырь, Вологду и Каргополь направились къ такъназываемому Топь-Озеру, въ Архангельской губерніи, гдѣ находились скитъ и часовня раскольническіе; на островѣ того озера находилась ѳедосѣевская часовня и молельная филипповская; у содержателя этой молельной и пристали наши странники. Онъ далъ имъ особую келью, въ которой поживши нѣсколько времени они снова удалились, — одинъ изъ нихъ, Иванъ Константиновъ, возвратился въ Москву, а Мартынъ Ивановъ и Меркурій Семеновъ отправились еще далѣе верстъ за 80-ть къ одному «славному» иноку. Здѣсь, въ озерѣ, Меркурій «повторилъ себя опять крещеніемъ» и принялъ имя Никиты, въ томъ убѣжденіи, что—такъ какъ вѣра (православная) не права, то и крещеніе не въ крещеніе и проч. Они заявили, что не хотятъ вмѣстѣ съ ними называться ни раскольниками, ни сектаторами, — только въ этомъ, говоритъ Никита, мы и не соглашались съ ними, во всемъ же прочемъ все было согласно и въ нашемъ толкѣ во всемъ держались ученія изложеннаго въ поморскихъ отвѣтахъ и пр. Они назвали себя просто «христіанами», «христовыми людьми». Въ это время единомышленниковъ Никиты было не болѣе тридцати человѣкъ; всѣ они жили при озерахъ, занимались рыболовствомъ и огородничествомъ, собирали въ лѣсу малину, сушили ее, и всѣ излишки изъ добываемыхъ ими продуктовъ сбывали мѣстнымъ жителямъ. Жизнь ихъ была, какъ видно, во всемъ довольная, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и строго-воздержная. Затѣмъ Никита съ своимъ товарищемъ переѣхали на третье мѣсто, верстъ за 80-ть, къ самой шведской границѣ, гдѣ жили, по словамъ Никиты, почти въ совершенномъ уединеніи. Переходя съ мѣста на мѣсто, Никита съ своимъ товарищемъ провели такимъ образомъ въ скитальческой жизни въ

архангельскихъ лѣсахъ около 15-ти лѣтъ. Наконецъ, наслышавшись отъ тамошнихъ скитниковъ, что такіе же келейники живутъ въ лѣсахъ пошехонскихъ, они вознамѣрились отправиться туда. Сначала отправился Мартынъ Ивановъ чрезъ Архангельскъ водой и уже дошелъ до пошехонскихъ лѣсовъ, — но тамъ былъ скоро пойманъ полиціей и отправленъ въ мѣсто жительства. Самъ же Никита отправился зимнимъ путемъ.

Прибывъ въ пошехонскіе лѣса, Никита не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія, какъ онъ самъ говоритъ. Сначала онъ жилъ у разныхъ келейниковъ въ лѣсу; потомъ, познакомившись съ двумя келейницами и въ особенности со старшею сестрою ихъ, дѣвицею Варварою Дмитріевою, которая жила въ деревнѣ и по временамъ только приходила навѣщать ихъ, онъ, по приглашенію этой послѣдней, пришелъ къ ней на жительство въ деревню Голубенки, Романовоборисоглѣбскаго уѣзда шаготской волости. Основавшись такимъ образомъ со стороны внѣшней, матеріальной безопасности, Никита Семеновъ далъ полную и широкую свободу своимъ дарованіямъ и познаніямъ, пріобрѣтеннымъ въ Москвѣ и укрѣпившимся въ тиши лѣсовъ архангельскихъ. Успѣхъ его проповѣди былъ необыкновенный; иначе не могло и быть: человѣкъ умный отъ природы и начитанный, въ тиши уединенной жизни, онъ вполнѣ созрѣлъ для подобной дѣятельности. Быстро разнеслась молва о необыкновенныхъ дарованіяхъ и познаніяхъ новаго проповѣдника; слава его росла съ каждымъ днемъ; ученіе странническое распространялось и утверждалось. Въ деревнѣ Голубенкахъ онъ познакомился, между прочимъ, съ военнымъ дезертиромъ Дмитріемъ Егоровымъ, раскольникомъ филипповскаго согласа, и убѣдилъ его принять странничество; Дмитрій послушалъ его совѣта, и былъ перекрещенъ наставникомъ Михаиломъ Андреевымъ и названъ Василіемъ. Послѣ, когда Никита оставилъ Голубенки, Василій остался здѣсь и, какъ начитанный человѣкъ, скоро прославился и сдѣлался наставникомъ уѣздовъ: Романовоборисоглѣбскаго и Пошехонскаго. Изъ шаготской волости Никита Семеновъ, чрезъ Пошехонскій уѣздъ, перенесъ свою проповѣдь и въ Вологодскую губернію. Здѣсь онъ съ радостію былъ принятъ закоренѣлыми раскольниками домшинской волости. Въ то время въ домшинской волости скрывался отщепенецъ сопѣлковской секты Иванъ Петровъ съ своею паствою. Никита въ короткое время успѣлъ не только переманить почти всѣхъ послѣдователей Ивана Петрова, но и распространилъ свое ученіе на всю окрестную сторону. По званію наставника и по ревности къ пропагандѣ, Никита бывалъ и

въ Ярославлѣ, имѣлъ пристанища у многихъ лицъ, которыхъ онъ всѣхъ поименно перечисляетъ въ своемъ показаніи,—здѣсь были у него свиданія съ прочими наставниками и послѣдователями сопѣлковскаго ученія; бывалъ и въ Сопѣлкахъ,—здѣсь видался съ Василіемъ Горбунчикомъ, Өедоромъ Ивановымъ, Семеномъ Григорьевымъ и др. наставниками. При этихъ свиданіяхъ и составлялись такъ-называемые соборы ихъ для разсужденія о дѣлахъ вѣры, о распространеніи лжеученія; устройство пристаней—«мѣстъ» для бродящей братіи скитальниковъ и проч.; бывалъ и въ Костромской губерніи, въ городѣ Плесѣ, и многихъ другихъ мѣстахъ. Главныя пристани Никиты были: въ Ярославлѣ—у Алексѣя Өедорова Золотарева; а въ Сопѣлкахъ у крестьянъ Аөанасія и Өедора Ивановыхъ. Наконецъ, по прошествіи «лѣтъ десяти съ прибавными годами» своей дѣятельности, Никита побывалъ въ Москвѣ съ каргопольскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковлевымъ Коршуновымъ, и поселился здѣсь сначала на Таганкѣ на такъ-называемомъ «Братскомъ дворѣ», но проживъ здѣсь одно лѣто, онъ переселился на Арбатъ; затѣмъ перешелъ на Преображенское, жилъ за Москвой-рѣкой и въ другихъ мѣстахъ. Изъ Москвы онъ отправился въ Каргополь, но въ Вологдѣ былъ взятъ полиціею, уже давно слѣдившею за нимъ. Это было 7-го декабря 1854 года. Всѣ примѣты Никиты Семенова были извѣстны полиціи; поэтому, лишь только онъ былъ представленъ, какъ уже знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло. При допросѣ Никита Семеновъ сначала назвалъ себя свободнымъ хлѣбопашцемъ Вологодской губерніи, но потомъ сознался, что онъ крестьянинъ Рыбинскаго уѣзда дер. Стрѣлковъ графа Мамонова, Меркурій Семеновъ Киселевъ 50-ти лѣтъ; бѣжалъ изъ вотчины назадъ тому лѣтъ 30-ть и, соединясь съ раскольниками, почерпнулъ отъ нихъ «глубину премудрости и разума», окрестилъ себя самъ, назвавшись Никитою и принялъ обрядъ вѣрованія христіанскаго, бывшій отъ временъ апостольскихъ до Никона патріарха. Сначала жилъ въ Москвѣ, потомъ въ кельяхъ пошехонскихъ лѣсовъ, но большею частію странствовалъ и скитался по разнымъ городамъ и селеніямъ и поэтому признаетъ себя принадлежащимъ къ обществу бѣгуновъ, странниковъ и скитальщиковъ. Къ этому первому показанію Никита Семеновъ подписался такимъ образомъ: «Къ сему показанію я, православный христіанинъ Никита Семеновъ, руку приложилъ, а содержаніе закона великороссійскія настоящаго времени церкве не признаю православною, и съ сущими тоя тайнами, также и лѣтосчисленіе вышеписанное не пріемлю по со-

держанію православныхъ книгъ» (подписалъ полууставомъ и безъ знаковъ препинанія).

По обыску у Никиты Семенова найдено: небольшая икона складная съ изображеніемъ Божіей Матери и Спасителя съ молящимися, распятіе на кости, рѣзное распятіе въ кипарисной кіотѣ, три кипарисные оправленные въ олово крестика, двѣ лѣстовки, печать, серебряные часы, два ножика, бронзовый станокъ для стальнаго пера и карандаша, маленькіе счеты, двѣ памятныя книжки, денегъ 530 руб. сер. и нѣсколько разныхъ писемъ и записокъ. Для узнанія образа мыслей и религіозныхъ убѣжденій Никиты Семенова, поручено было профессору вологодской семинаріи священнику Прокошеву навѣщать его въ тюремномъ зáмкѣ. Чрезъ нѣсколько времени священникъ Прокошевъ доносилъ, что разговаривая съ Семеновымъ онъ убѣдился, что онъ самый закоренѣлый и упорный раскольникъ, много читавшій книгъ духовнаго содержанія, много твореній отеческихъ заучившій на память, а что онъ не простой какой-нибудь раскольникъ, видно изъ того, что на желаніе священника еще навѣстить его, отвѣчалъ: «Пожалуй, я не прочь; мнѣ быть можетъ придется говорить и съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ».

По распоряженію начальника губерніи Никита Семеновъ былъ помѣщенъ въ тюремномъ зáмкѣ такъ, что въ его камеру чрезъ находящееся отверстіе доходило до его слуха все богослуженіе, совершаемое въ церкви; съ тѣмъ вмѣстѣ ему были доставлены и книги духовнаго содержанія. Въ январѣ же 1855 года Никита Семеновъ объявилъ, что сердце его тронуто воспоминаніемъ молодости, проведенной при родителяхъ, которые были православнаго вѣроисповѣданія, и что поступки прошлой его жизни кажутся ему теперь ошибочными, и что онъ не прочь отъ присоединенія къ единовѣрію, а можетъ быть и къ православію, только желаетъ имѣть время для утвержденія себя въ этомъ намѣреніи. Дальнѣйшее увѣщаніе Семенова поручено было священнику тюремной церкви. Не въ долгомъ времени этотъ послѣдній донесъ, что Никита познавъ наконецъ свое заблужденіе и обнаружилъ твердое намѣреніе навсегда быть покорнымъ сыномъ православной церкви; что онъ, ревнуя о благѣ своемъ и другихъ, объявилъ даже готовность содѣйствовать правительству въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ.

Вотъ предложеніе Никиты: «Я съ десяти лѣтъ — говорилъ онъ — поступилъ въ расколъ; когда напитался ученіемъ суевѣровъ и превзошелъ ихъ познаніями, тогда во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ собратія стали обращаться ко мнѣ, какъ опытному и незазор-

ной жизни мужу. Такимъ образомъ, я узналъ много потаенныхъ мѣстъ, гдѣ скрываются раскольники. Мнѣ хочется всѣхъ ихъ обратить къ православной церкви, ибо погибель ихъ погубитъ и меня, какъ наставника ихъ. Если правительство дозволитъ мнѣ, подъ маскою старовѣра, дѣйствовать въ его пользу, то я, надѣясь на помощь Божію, могу въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать то, что правительство при всемъ усиліи не совершитъ и въ 50. Такимъ образомъ, Господь поможетъ мнѣ многихъ обратить, а непреклонныхъ предать въ руки полиціи, которая должна быть при мнѣ. Самыхъ учителей я могу, подъ предлогомъ важнаго дѣла, созвать на соборъ и представить куда слѣдуетъ». То же самое утверждалъ Никита и въ своихъ «*горько-плачевныхъ*» о своемъ заблужденіи письмахъ къ начальнику губерніи. Но ему не удалось обмануть бдительность властей: еще тогда же, какъ Никита писалъ свои письма къ начальнику губерніи, этотъ послѣдній рекомендовалъ ему монастырскую жизнь, на что Никита отвѣчалъ, что онъ поскитался уже довольно и хотѣлъ бы пожить у одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ въ Москвѣ—купчихи 1-й гильдіи Марьи Шапошниковой, принадлежащей къ единовѣрію, на которую, между прочимъ, не показалъ въ своемъ «подробнѣйшемъ исповѣданіи»—былъ ли онъ у нея когда-нибудь во время пребыванія въ Москвѣ...

Между тѣмъ, для полнаго и подробнѣйшаго изслѣдованія дѣла о Никитѣ Семеновѣ наряжена была особая коммиссія и командированъ изъ министерства чиновникъ особыхъ порученій, уже не впервые имѣвшій въ рукахъ дѣла подобнаго рода [1]). Онъ прежде всего удостовѣрился въ подлинности личности Никиты и нашелъ, что это тотъ самый Никита Семеновъ, первенствующій глава странической секты, котораго столько лѣтъ разыскивало правительство; потомъ обратилъ вниманіе на сочиненіе, приписываемое Никитѣ Семенову, подъ заглавіемъ: «Малый образъ ересемъ» самаго враждебнаго содержанія въ отношеніи къ церкви и властямъ. Чтобы довесть Семенова до сознанія въ составленіи этой рукописи, ему предлагали подробные вопросы по каждому предмету сужденій, изложенныхъ въ рукописи противъ раскольниковъ другихъ сектъ и спрашивали точными словами рукописи, не показывая ее самое. Никита Семеновъ отвѣчалъ на все почти тѣми же выраженіями, какія употреблены въ рукописи и приводилъ

---

[1]) Статскій совѣтникъ Синицынъ; онъ въ 1853-мъ г., вмѣстѣ съ другими, былъ командированъ отъ министерства для изслѣдованія современнаго состоянія раскола въ Костромской губерніи.

тѣ же самыя свидѣтельства. Когда всѣ отвѣты его по этому предмету были прочитаны ему и имъ подписаны, Семеновъ, изобличенный тождествомъ мыслей и выраженій, на вопросъ: не писалъ ли онъ чего-либо подобнаго, сознался въ составленіи этой рукописи въ видѣ замѣтокъ, на основаніи замѣтокъ другого странника, попавшихся ему въ руки. При этомъ Никита Семеновъ сознался также, что лѣтъ 30-ть состоялъ въ страннической сектѣ и многимъ подобнымъ себѣ преподавалъ то ученіе по вѣрѣ, какого держался самъ: вначалѣ,—говорилъ онъ,—я буквально слѣдовалъ Евѳимію и училъ въ его духѣ; впослѣдствіи, по нѣкоторымъ догматамъ, измѣнилъ свои мысли и вѣрованія и училъ въ духѣ «Сопѣлковскаго толка» болѣе умѣренно, но въ случаѣ нужды не отрекся бы и крестить; найденные же у него кресты самъ рѣзалъ и частно продавалъ и раздавалъ даромъ. Противъ выраженій заключающихся въ отобранныхъ у него письмахъ,— что онъ «управлялъ церковію» (т.-е. сектою), Никита показалъ, что особаго по выбору братства управленія сектой не имѣлъ, но когда случался гдѣ безпорядокъ или междоусобіе, въ такихъ случаяхъ обращались къ нему съ просьбой о совѣтѣ, или разбирательствѣ, не только первостатейные сектаторы одного съ нимъ толка, но и другихъ, даже нарочно пріѣзжали за нимъ изъ другихъ губерній съ приглашеніемъ «къ разглагольствіямъ на соборахъ о главныхъ предметахъ разногласія». Вообще, при допросѣ Никита Семеновъ обнаружилъ необычайную начитанность, изворотливость, проницательность и громадное знаніе доводовъ не только изъ духовныхъ, но изъ свѣтскихъ писателей, и съ тѣмъ вмѣстѣ холодное спокойствіе насчетъ ожидающей его участи. При отвѣтахъ по предметамъ политическимъ онъ обнаружилъ чрезвычайную осторожность въ объясненіяхъ—о царѣ, о властяхъ, о свободѣ и проч., измѣнялъ ихъ по нѣскольку разъ, несмотря на увѣренія, что при обращеніи его къ церкви опасенія его совершенно напрасны. Все это ясно показывало, что Никита не искренно присоединяется къ православію и не хочетъ выдать своихъ единомышленниковъ, сберегая ихъ на будущее время, когда ему снова удастся убѣжать. Несмотря, однакожъ, на то, когда онъ оффиціально заявилъ свое желаніе—присоединиться къ православію—просьбою къ вологодскому преосвященному, и съ видимымъ усердіемъ посѣщалъ церковь и исповѣдывался, 8-го февраля 1856 года онъ былъ присоединенъ къ св. православной церкви и пріобщенъ; причемъ взята была съ него подписка, въ которой онъ отрекался отъ раскольническаго ученія и обѣщался до самой смерти своей быть въ православной церкви и повино-

ваться ей единой. Послѣ этого дѣло его было рѣшено въ уголовномъ судѣ такъ: онъ назначенъ былъ къ отсылкѣ въ Ярославскую губернію для водворенія въ вотчину графа Мамонова.

Между тѣмъ ни духовная, ни свѣтская власть не довѣряли искренности обращенія Семенова. Духовная консисторія прямо признала необходимымъ имѣть особенное за нимъ наблюденіе, несмотря на присоединеніе его къ церкви; а гражданское начальство, съ своей стороны, заботилось о преграждении ему возможности къ бродяжничеству. Но власть все же колебалась въ виду закона, рѣшившаго дѣло въ пользу Никиты. Новое обстоятельство выручило наконецъ власть. Были пойманы новые бѣглецы, объявившіе себя «изъ братства» Никиты Семенова. По этому случаю Никита былъ задержанъ въ вологодскомъ тюремномъ замкѣ; а между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ: «что послѣ всего, что сдѣлалъ Никита Семеновъ, самое обращеніе его къ православной церкви, послѣ 30-тилѣтняго бродяжничества, скорѣе можно отнесть къ средству избавиться отъ заслуженнаго наказанія, чѣмъ къ чистосердечному раскаянію его въ прежнихъ заблужденіяхъ». И потому онъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) считаетъ совершенно необходимымъ преградить сему преступнику всѣ способы къ побѣгу и къ дальнѣйшему распространенію имъ раскола, а для этого означеннаго крестьянина Меркурія Семенова Киселева заключить въ Соловецкій монастырь, съ подчиненіемъ его тамъ строгому надзору настоятеля. Секретный комитетъ, разсмотрѣвъ такое представленіе министра внутреннихъ дѣлъ, положилъ съ своей стороны:—«Меркурія Киселева отправить въ Соловецкій монастырь не какъ арестанта, но для духовнаго назиданія и вразумленія въ истинахъ православной вѣры, а также для наблюденія, искренно ли онъ раскаялся въ своемъ заблужденіи». Это положеніе 9-го іюля 1856 года было высочайше конфирмовано. 21-го іюля, Никита Семеновъ отправленъ изъ Вологды къ архангельскому военному губернатору, для препровожденія его по назначенію.

Но тѣмъ еще дѣло не кончилось. Отправленный въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, Никита Семеновъ видимо покорился своей участи, и когда усыпилъ этою покорностію своихъ провожатыхъ, воспользовался ихъ оплошностью и того же іюля ночью бѣжалъ изъ повозки. Однакожъ это предпріятіе ему не удалось; хотя онъ и скрылся въ лѣсъ, но скоро были приняты мѣры со стороны полиціи, и онъ снова былъ пойманъ за 40 верстъ отъ мѣста побѣга 28 числа того же мѣсяца, и былъ представленъ въ

Соловецкій монастырь [1]). Но и Соловецкій монастырь не удержалъ Никиту; онъ обманулъ бдительность стражей, изъявивъ желаніе постричься въ монахи,—его выпустили изъ-подъ надзора, и онъ, воспользовавшись свободой, бѣжалъ снова, и уже въ 1866-мъ году опять разъѣзжалъ по Россіи.

Въ то же самое время, когда странническое ученіе вліяніемъ Никиты Семенова распространилось на сѣверѣ, въ Вологодской губерніи и въ пограничныхъ съ Пошехонскимъ уѣздомъ волостяхъ [2]), оно проникло и въ Костромскую губернію. Изъ села Краснаго прибыли въ село Сопѣлки двѣ женщины, Авдотья и Анна, для узнанія въ чемъ заключается ученіе Евѳимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія со старцами, онѣ пригласили къ себѣ въ Костромскую губернію наставника Михаила Андреева, который туда и отправился вмѣстѣ со старцемъ Маркомъ, обращеннымъ въ странничество братьями Ѳедоровыми [3]).

Михайло Андреевъ возвратился въ Ярославль, а Марко остался наставникомъ въ Костромской губерніи. Скоро ученіе Евѳимія стараніемъ Марка быстро распространилось по наполненнымъ раскольниками разныхъ сектъ уѣздамъ: Костромскому, Нерехтскому и Кинешемскому и утвердилось въ нихъ. Тамъ создало оно новыхъ ересеначальниковъ, устроило для странниковъ богатыя «пристани», и, покровительствуемое проживающими въ Кинешемскомъ уѣздѣ, около села Вичуги, богатыми купцами—Кобылевыми, Коноваловыми, Миндусовыми и Разореновыми, не только вкоренилось въ этихъ мѣстахъ, но проложило себѣ дорогу изъ Нерехтскаго уѣзда и во Владимірскую губернію до знаменитаго села Иванова. Изъ наставниковъ болѣе начитанныхъ и вліятельныхъ, какими Костромская губернія снабдила сопѣлковскую секту, слѣдуетъ прежде другихъ назвать бѣглаго кантониста Ивана, по перекрещенію Ѳедора Иванова Кривого, уроженца Костромскаго уѣзда, деревни Шелкова,—по уму и дарованіямъ онъ былъ достойнымъ преемникомъ Никиты Семенова. Въ настоящее время ему должно быть около 55-ти лѣтъ: онъ роста довольно высокаго, лицо рябоватое, худощавое, на одинъ глазъ кривъ, съ малолѣт-

---

[1]) Настоятель монастыря по высочайшему повелѣнію обязанъ былъ доносить каждое полугодіе синоду объ образѣ поведенія Киселева, и о томъ какія будутъ имѣть послѣдствія духовныя назиданія надъ нимъ.

[2]) См. въ дѣлѣ синода донесеніе преосв. Ѳеогноста отъ 16-го ноября 1855-го года за № 6640.

[3]) Объ нихъ подробнѣе см. въ Прав. Обозр. за августъ 1864-го года; тамъ буквально выписано изъ отчета графа Стенбока.

ства въ странствѣ, весьма остороженъ и ловокъ и, при рѣдкой начитанности, обладаетъ даромъ слова.

До открытія коммиссіею слѣдствія о страннической сектѣ, Өедоръ Ивановъ не былъ поставленъ въ «наставники»; но проживая въ селѣ Сопѣлкахъ у крестьянина Осипа Зиновьева, считался главнымъ совѣтникомъ и судьей страннического согласа, даже руководителемъ ярославскихъ наставниковъ. Весною 1850 года онъ съ своими учениками отправился въ Кинешемскій уѣздъ, гдѣ, поселившись на жительство въ деревнѣ Лекинѣ у купца Абрама Петрова Кобылева, открылъ свою пропаганду. Въ продолженіи двухъ лѣтъ Өедоръ Ивановъ успѣлъ пріобрѣсти огромную славу; его имя, по выраженію раскольниковъ, «шибко загремѣло» въ этой сторонѣ. Отъ его вниманія не скрылась и другая обильная почва для его пропаганды—сосѣдніе уѣзды Нижегородской губерніи, Балахнинскій и Семеновскій: онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ бѣглыхъ раскольниковъ поповщинской секты, скрывающихся въ скитахъ Семеновскаго уѣзда — Улангерскомъ, Костромскомъ и другихъ. И его старанія не были напрасны. Разъ, во время пребыванія своего въ Лекинѣ, Өедоръ Ивановъ былъ схваченъ, вмѣстѣ съ мнимою сестрою своею Клавдіею и др. послѣдователями. Это случилось ночью съ 5-го на 6-е августа 1858 года, когда они отправляли свое торжественное богослуженіе, въ домѣ проживающаго тамъ мѣщанина заштатнаго города Плеса, Арсенія Степанова, давно подозрѣваемаго въ передержательствѣ бѣглыхъ.

Вотъ обстоятельства этого дѣла. Когда полицейскій чиновникъ, оцѣпивъ всю деревню Лекино бывшими при немъ людьми, подошелъ къ дому Степанова, тамъ происходило пѣніе, а при входѣ его въ домъ, въ которомъ отправлялось молебствіе, онъ засталъ здѣсь до 20-ти человѣкъ; впереди стоялъ отыскиваемый полиціею Өедоръ Ивановъ, читавшій книгу, лежавшую на налоѣ предъ иконами. Когда чиновникъ вошелъ, то богомоленіе тотчасъ же прекратилось, и вся толпа бросилась вонъ, такъ что чиновникъ успѣлъ захватить только самого Өедора Иванова, дѣвицу Клавдію, она же Александра и Маремьяна, 40-ка лѣтъ, Евстафія Дмитріева, онъ же Василій, изъ крестьянъ деревни Гарей, третій годъ назадъ бѣжавшій изъ военной службы; крестьянскую дѣвицу Марөу Васильеву; Дарью Клементьеву; дѣвицу Наталью Васильеву, она же Устинья, мѣщанку города Плеса, крестьянскую дѣвицу села Вичуги Матрену Васильеву, называвшую себя православною, и хозяина дома Арсенія Степанова. — При слѣдствіи

Ѳедоръ Ивановъ показалъ, что ему 42 года, прежде звали его Иваномъ, фамилія Колесовъ, крестьянинъ Костромскаго уѣзда деревни Шелкова. Вѣры онъ православной, сынъ соборной и апостольской церкви, на исповѣди бываетъ по обыкновеніямъ своихъ единомышленниковъ, исповѣдающихъ свои согрѣшенія другъ другу; святого же причастія они не имѣютъ за сомнѣніе отъ великороссійскихъ пастырей и ихъ священнослуженія. Власть государя императора россійскаго, имѣющаго престолъ наслѣдственный отъ православныя природы Михаила Ѳеодоровича, онъ признаетъ; но сомнѣвается признать его во всемъ благочестивымъ, потому что считаетъ его отступившимъ отъ бывшаго благочестія; законамъ же его тѣмъ, которые не повреждаютъ благочестія въ вѣрѣ, повинуется, и дань ему дать не отрицается, по реченному: «ему же дань—дань, ему же урокъ—урокъ», и проч. Сомнѣнія его въ отношеніи догматовъ великороссійской церкви тѣ же самыя, какія высказаны въ отвѣтахъ поморскихъ. — У единомышленниковъ его, Иванова, чинъ служенія отправляется въ молитвахъ, какъ когда случай позволитъ; молятся они по псалтири и по лѣстовкѣ, по *Iсусовой* молитвѣ, а кто умѣетъ и каноны читаетъ; чинъ ихъ всякій можетъ отправлять, кто только умѣетъ читать, а службѣ всякое мѣсто удобно. Таинствъ его единомышленники всѣхъ 7-ми не имѣютъ, а, по нуждѣ, совершаютъ только два: крещеніе и покаяніе. Кто именно занимается отправленіемъ требъ, по ихъ обряду, ему, Иванову, неизвѣстно, а знаетъ онъ только, что его крестилъ старикъ Михаилъ Андреевъ въ пошехонскихъ лѣсахъ, пойманный впослѣдствіи графомъ Стенбокомъ и сосланный въ Восточную Сибирь. Изъ мѣста жительства онъ, Ивановъ, скрылся года двадцать-четыре тому назадъ и жилъ большею частію одинъ, въ разныхъ мѣстахъ, но въ особенности по мѣстамъ около нижегородскихъ лѣсовъ, а по зимамъ около лѣсовъ пошехонскихъ, но въ какихъ именно деревняхъ сказать не можетъ; занимался же онъ тамъ отчасти молитвою, отчасти чтеніемъ книгъ, а иногда постройкою себѣ кельи... Письма (находящагося въ дѣлѣ коммиссіи о убійствѣ Василья Павлова — изъ полицейскихъ, совершенномъ наставникомъ Иваномъ Ивановымъ Жаровскимъ) къ Никитѣ Семенову онъ никогда не писалъ и человѣка этого не знаетъ. А Никита Семеновъ показывалъ, что онъ нѣсколько разъ видалъ Ѳедора Иванова Кривого и даже считаетъ его за человѣка умнаго и начитаннаго.—Однакожъ, когда сдѣланъ былъ ему вопросъ объ убійствѣ Павлова, онъ замѣтно измѣнился въ лицѣ и былъ встревоженъ, а писавши отвѣты, видимо старался измѣнить почеркъ.

Прочіе, пойманные съ Өедоромъ Ивановымъ показали все въ томъ же духѣ [1]).

Разсмотрѣніе возникшаго дѣла было поручено кинешемскому уѣздному суду, вмѣстѣ съ магистратомъ, а пойманные раскольники были препровождены изъ Кинешмы въ Кострому для увѣщанія въ духовную консисторію, подъ конвоемъ. Нѣкоторые были освобождены. Но на дорогѣ случилось слѣдующее: «9-го декабря 1858-го года, часу въ 4-мъ пополудни этапъ съ помянутыми арестантами, изъ которыхъ мужчины были закованы въ ножные кандалы, а женщины въ наручни, былъ настигнутъ двумя санями, изъ которыхъ однѣ были въ двѣ лошади, а другія въ одну; когда они поровнялись съ этапомъ, то всѣ четыре арестанта бросились въ сани — въ первые мужчины, а во вторые женщины, и тотчасъ же скрылись изъ виду, пользуясь недалекимъ поворотомъ дороги. При чемъ хотя и было сдѣлано по нимъ два выстрѣла конвойными, но безъ успѣха [2])».

Почти въ то же время, какъ ученіе странническое явилось въ Костромской губерніи, оно развилось и въ Тверской. Первымъ проповѣдникомъ здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ Корчевскаго уѣзда деревни Завражья, Степанъ, по перекрещенью, Иванъ Кононовъ; но окончательно странническое ученіе утвердилось въ Тверской губерніи ревностнымъ стараніемъ наставника Ермогена Кузьмина.

Ермогенъ Кузьминъ, дѣйствовалъ систематически, и пріобрѣлъ сначала много пристаней, или «мѣстъ», по выраженію странниковъ, въ Корчевскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ. Когда паства Кузьмина стала увеличиваться, онъ возвратился въ село Сопѣлки и взялъ здѣсь себѣ двухъ помощниковъ: военнаго дезертира Кузьму, по перекрещенью Ивана Абрамова Бурлова, и Ивана Иванова Курносаго, уроженца Кинешемскаго уѣзда, деревни Моисеева.

Между тѣмъ самъ Ермогенъ Кузьминъ продолжалъ свою дѣятельность на пользу секты. Онъ не ограничивался уже для своей пропаганды предѣлами одной Тверской губерніи, а занесъ ее и въ Московскую губернію. Крестьянинъ Дмитровскаго уѣзда (Московской губерніи) села Рогачева Прокоръ Григорьевъ, очень богатый человѣкъ, пригласилъ Кузьмина, какъ человѣка весьма начитаннаго и прославившагося своей проповѣдью, къ себѣ въ домъ для назиданія. Ермогенъ Кузьминъ не отказался отъ такой

---

[1]) См. донес. нач. Костр. губ. отъ 11-го авг. 1858 г. въ дѣлѣ минист. за № 121.

[2]) См. донесеніе нач. Костром. губ. отъ 15-го дек. 1858 г. за № 1777-мъ въ дѣлѣ министерства за № 121.

чести, прибылъ къ Прохору Григорьеву, и тотъ «насладившись» бесѣдою его, не хотѣлъ отпустить отъ себя, выстроилъ ему двѣ кельи, одну у себя въ домѣ, другую въ деревнѣ Каменкахъ, у крестьянки Авдотьи Михайловой. Ермогенъ Кузьминъ оставшись, такимъ образомъ, на жительствѣ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, ввелъ и здѣсь ученіе странническое.

Въ дѣлѣ министерства нѣтъ прямыхъ, положительныхъ свѣдѣній о существованіи сектантовъ странническаго ученія въ другихъ губерніяхъ, но есть указанія, по которымъ съ достовѣрностію можно сказать, что «секта странниковъ» имѣетъ своихъ послѣдователей и въ губерніяхъ: Новгородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и даже въ Самарской. Въ Сибири странническое ученіе введено было наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ и другими послѣдователями этого толка, которые были сосланы въ Сибирь — или какъ бродяги непомнящіе родства, или же за религіозныя ихъ убѣжденія и другія преступленія. По водвореніи такихъ бродягъ-раскольниковъ на поселеніе они опять уходятъ въ странство: клейма вытравливаютъ разными средствами, иногда высасываютъ ртомъ, и, снабдивъ себя фальшивыми видами, возвращаются къ прежнимъ своимъ пристанодержателямъ въ великороссійскія губерніи; этими-то бѣглыми изъ Сибири и устроиваются пристани по дорогѣ отъ Сибири до самаго Ярославля. Тѣ же, которые остаются въ Сибири, поселяются на жительство въ Томской губерніи — въ кельяхъ, устроенныхъ въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухомъ лѣсу, представляющемъ имъ безопасное убѣжище; они отстраиваютъ свои кельи со всѣми возможными удобствами — имѣютъ свои поля, огороды, заводятъ полное хозяйство, не исключая даже лошадей. Странники кормятся подаяніями отъ богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селеній, а лѣтомъ уходятъ на золотые пріиски, гдѣ имъ не отказываютъ въ пособіи. По неимѣнію достаточнаго числа наставниковъ сибирскіе странники часто перекрещиваются сами, почему въ народѣ именуются самокрещенцами или скрытниками, по главному догмату секты, повелѣвающему скрываться; есть и въ самой Сибири ихъ покровители и пристанодержатели. Кромѣ Златоустовскихъ и Топлинскихъ заводовъ, гдѣ странническое ученіе глубоко вкоренилось, ихъ принимаютъ въ Кунгурѣ и особенно въ городѣ Тюмени, Тобольской губерніи, гдѣ это ученіе сильно развилось. Здѣсь особенно замѣчательны были два пристанодержателя: Андрей Семеновъ Рѣшетниковъ и Яковъ Михайловъ Опрокидниковъ. Въ домѣ этого послѣдняго скрывался главный наставникъ сибирскихъ странниковъ, бѣглый казакъ Никита Овчинниковъ.

Никита Овчинниковъ, по перекрещенью Василій Родіоновъ, и другой наставникъ страническаго согласа, Иванъ Кузминъ пріѣзжали въ 1842-мъ году изъ Тюмени въ село Сопѣлки, для совѣщанія съ здѣшними наставниками и для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ касательно вѣры. Жили они въ домѣ крестьянина Ивана Егорова Панова, но засѣданія наставниковъ были большею частію въ домѣ Осипа Зиновьева; на этихъ засѣданіяхъ участвовало до 15-ти ересеначальниковъ, между коими занималъ первое мѣсто главный проповѣдникъ Ѳедоръ Ивановъ Кривой, однако пренія не имѣли успѣха, и послѣ шумныхъ споровъ сибирскіе наставники возвратились въ Тюмень. Черезъ годъ Василій Родіоновъ пріѣзжалъ снова въ Сопѣлки, и здѣсь въ 1844-мъ году пойманъ съ фальшивымъ видомъ; при допросѣ онъ назвался сначала тюменскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Петровымъ Малыхъ, но потомъ объявилъ, что онъ Василій Родіоновъ—бродяга непомнящій родства, и по судебному рѣшенію былъ наказанъ 50-ю ударами плетей, съ заключеніемъ въ арестантскія роты. Во время содержанія въ ярославской арестантской ротѣ, онъ подговорилъ еще двоихъ товарищей и, находясь при работѣ на казенномъ кирпичномъ заводѣ, бѣжалъ вмѣстѣ съ ними, однакожъ былъ пойманъ конвойными и по военному суду, за побѣгъ и буйство, наказанъ шпицрутенами, чрезъ 500 человѣкъ два раза, съ оставленіемъ его въ арестантской ротѣ. Но и оттуда онъ нашелъ средство бѣжать.

Такимъ образомъ «Секта Странниковъ» въ 1850-мъ году, во время ея открытія слѣдственно-судною коммиссіею, по распространенности и по внѣшней своей организаціи находилась въ такомъ состояніи: она обнимала собою губерніи—Ярославскую, Костромскую, Тверскую, Московскую, Вологодскую, Владимірскую, Тобольскую и отчасти другія находящіяся между Ярославлемъ, Архангельскомъ и Сибирью, хотя не во всѣхъ съ одинаковою степенью развитія. Центромъ всего странничества было село Сопѣлки, которое постоянно все болѣе и болѣе пріобрѣтало значенія въ исторіи странничества. Сюда стекались и странники и не странники—одни для разрѣшенія недоумѣній, другіе для изслѣдованія новаго ученія; здѣсь поступали въ секту, перекрещивались, отсюда же выходили и всѣ главные наставники на пропаганду и проч.; къ празднику пасхи въ Сопѣлки сбиралось до 100 и болѣе странниковъ, здѣсь они торжествовали праздникъ по обрядамъ своей секты. Здѣсь—въ Сопѣлкахъ былъ и «верховный судъ и совѣтъ»; въ томъ и другомъ принимали дѣя-

тельное участіе главнѣйшіе сектаторы уже извѣстные намъ: Θедоръ Ивановъ Кривой, Василій Горбунчикъ, Сергѣй Ивановъ— дядя Θедора Иванова, Иванъ, по перекрещенью Андрей Семеновъ Шелковъ, Кузьма, по перекрещенью Иванъ Абрамовъ Бурловъ, Панкратій, по перекрещенью Алексѣй Петровъ Шевелевъ, Θедоръ Ильинъ Клоповъ и многіе другіе, все крестьяне и бѣглые солдаты Ярославской и Костромской губерній.

Всѣми религіозными и административными дѣлами секты заправлялъ, главнымъ образомъ, Никита Семеновъ, которому—по уму и познаніямъ въ раскольнической догматикѣ и вообще знанію литературы русской, духовной и свѣтской — по справедливости принадлежитъ и первое мѣсто между всѣми наставниками секты.

Второе мѣсто занимаетъ въ этой верховной администраціи странниковъ Θедоръ Ивановъ Кривой. Третье мѣсто принадлежитъ помощнику и ученику Никиты Семенова, бѣглому солдату Дмитрію, по перекрещенью Василью Яковлеву.

Число сектаторовъ нельзя опредѣлить и не было опредѣлено изслѣдованіями коммиссіи. Впрочемъ въ одной Ярославской губерніи ихъ насчитывали до 500 человѣкъ, а пристанодержателей 463, во всѣхъ же другихъ губерніяхъ, гдѣ давали пристанища странникамъ пристанодержителей считалось 676. Въ сектѣ странниковъ, какъ въ обществѣ совершенно изолированномъ отъ прочаго народонаселенія государства, найдены были свои иконописцы, литейщики, переписчики, сочинители духовныхъ стиховъ, и даже серьезныхъ произведеній, въ родѣ, напр. «Малый образъ ересей» или «сказаніе объ Антихристѣ, еже есть Петръ I-й», или «Тюменскій странникъ» и др. Не было недостатка и въ женщинахъ начетчицахъ и наставницахъ: вообще секта была вполнѣ организованнымъ, отдѣльнымъ церковно-религіознымъ обществомъ.

Въ наше время послѣдователи страннической секты преимущественно стремятся къ Астрахани. Къ Астрахани стремится чрезвычайно и весь вообще гулевой народъ приволжскихъ губерній: онъ любитъ этотъ городъ и зоветъ его не иначе какъ «Разгуляй городкомъ». Слабость надзора за паспортами въ Астраханскомъ краѣ была даже поводомъ къ составленію народной пословицы, которая особенно употребительна между нижегородскими раскольниками: «коли хочешь въ камыши, такъ паспорта не пиши, а захочешь въ Разгуляй и билетъ не выправляй». Въ этой обѣтованной землѣ бродягъ и безпаспортныхъ пріютился и широко распространился расколъ безпоповщинскій; на буграхъ низовья Волги, на рыболовныхъ ватагахъ Каспійскаго моря живетъ чрезвычайно много раскольниковъ Нижегородской губерніи;

сюда же изъ верховыхъ губерній нижегородцы сплавляютъ и странниковъ. По своему географическому положенію, Нижній-Новгородъ и вся приволжская часть его уѣздовъ представляетъ самое лучше и удобнѣйшее мѣсто для стеченія всякаго сброда людей, въ томъ числѣ и странниковъ, съ цѣлью отправиться отсюда «по большой дорогѣ, по вольному пути» (по Волгѣ) въ камыши астраханскіе. Исключительно одна Нижегородская губернія строитъ для каспійскаго и нижневолжскаго рыболовства лодки, вяжетъ сѣти, прядетъ снасти, дѣлаетъ уды и весь запасъ предметовъ необходимыхъ для рыболовныхъ промысловъ; и все это она ежегодно сплавляетъ къ Астрахани по весеннему половодью Волги. Потому-то для странниковъ и всякихъ бѣгуновъ нѣтъ лучше мѣста собранія, какъ Нижній и его приволжскія окрестности: одни изъ странниковъ приходятъ сюда ко времени ярмарки, а другіе собираются зимою, а весною въ апрѣлѣ или маѣ изъ Чернорѣцкой волости (Балах. уѣзда), изъ Избыльца (Горб. уѣзда), изъ Гнилицъ (Балах. уѣзда), изъ Безводнаго (Ниж. уѣзда) и изъ самаго Нижняго-Новгорода на рыболовныхъ лодкахъ, а также при сплавѣ въ Астрахань унженскаго и ветлужскаго лѣса, отправляются въ свою обѣтованную землю—въ Астрахань, гдѣ водворяются на берегахъ волжскаго низовья, на ватагахъ Каспійскаго моря, уходятъ даже, какъ говорятъ, на низовья Уманя, Эмбы, въ Закавказскій край и даже шатаются будто бы по восточнымъ берегамъ моря и пробираются съ Сальянскихъ промысловъ въ Персію. [1]) Съёмщики водъ каспійскихъ и нижневолжскихъ охотно принимаютъ этотъ беспаспортный сбродъ людей, особенно если сами придерживаются раскола: они принимаютъ бѣгуна къ себѣ, и онъ живетъ вѣкъ свой въ камышахъ или на ватагахъ, ловя рыбу и исправляя другія работы, за что получаетъ отъ хозяина плату хлѣбомъ и другими нужными для него предметами, не оскверняя даже рукъ своихъ деньгами. Здѣсь выгода обоюдная—и съёмщика водъ, и бѣгуна. Первый имѣетъ въ бѣгунѣ хорошаго и вѣрнаго работника, обязаннаго ему своей личной свободой, а бѣгунъ, сверхъ получаемаго хорошаго содержанія, имѣетъ надежный пріютъ подъ кровомъ своего хозяина, который не дастъ его въ обиду полиціи, если бы она вздумала обратить свое вниманіе на бѣглаго. Съем-

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о Нижегор. губ. по этому предмету заимствуемъ изъ отчета бывшаго преосвящ. нижегор. Іереміи за 1854-й годъ и изъ дѣла мин. вн. дѣлъ 1853-го года за № $^{62}/_{571}$, о командированіи въ Нижегор. губ. чиновника особыхъ порученій при министрѣ, г. Мельникова, для приведенія въ извѣстность современнаго положенія раскола въ Нижегор. губ.

щикъ охотнѣе порѣшитъ съ ней дѣло на деньгахъ, нежели выдастъ полезнаго для него работника-бѣгуна.

Такимъ образомъ, Нижегородская губ. представляетъ въ странничествѣ самое лучше сборное мѣсто, средоточіе для всевозможныхъ операцій; въ ярмаркѣ сюда собираются и наставники страннической секты. По собраннымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ 185$^{2}/_{3}$-мъ гг. былъ на нижегородской ярмаркѣ и самъ Ѳедоръ Ивановъ Кривой. Съ нимъ ѣздятъ нѣсколько головщицъ, которыя поютъ по крюкамъ при совершеніи Ѳедоромъ Ивановымъ своихъ обрядовъ.

Лѣтомъ нижегородскіе странники, остающіеся въ губерніи, уходятъ преимущественно въ лѣса Макарьевскаго уѣзда — Гнилицкій и Салавирскій, такъ что лѣтомъ ихъ нельзя видѣть въ домахъ «жиловыхъ христіанъ». Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ Нижегородской губ. было много «дѣйствительныхъ странниковъ»,— здѣсь только изобиліе на «страннопріимцевъ». По теченію Оки и Волги расположены «жиловые христiане» во многихъ мѣстахъ, даже можно сказать, что всѣ эти мѣста исключительно и находятся только по берегамъ этихъ рѣкъ.

Когда слѣдственная коммиссія обнаружила существованіе и въ особенности главный притонъ странниковъ въ селѣ Сопѣлкахъ, и когда дѣйствіями ея сектанты частію были пойманы, а гнѣздо ихъ разрушено, странники разбѣжались въ разныя стороны. Одинъ изъ числа такихъ выходцевъ, по имени Савва, ученикъ Никиты Семенова, явился въ Олонецкую губернію, и положилъ начало странническому ученію въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Онъ явился сюда въ 1852-мъ году и началъ свою пропаганду въ устьвольскомъ приходѣ. Послѣдователи его ученія не замедлили явиться. Они даже выстроили ему, въ 15-ти верстахъ отъ этого прихода, недалеко отъ рѣки Нормы, въ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ болотами, подземную келью: отсюда первымъ притономъ этой секты явился, такимъ образомъ, приходъ устьвольскій, въ которомъ скоро явилось много и «дѣйствительныхъ странниковъ» и «страннопріимцевъ». Потомъ изъ устьвольскаго прихода секта странниковъ постепенно проникала и въ сосѣдніе приходы. Въ этихъ приходахъ до 1857 года считалось главныхъ приверженцевъ страннической секты 51 чел.; но подробно и обстоятельно еще не было открыто настоящаго ихъ числа. Потомъ Савва отправился къ своему учителю въ Вологодскую губернію и проживалъ тамъ до 1857 года; въ эти пять лѣтъ Савва помогалъ въ дѣятельности своему «великому учителю» въ Вологодскомъ уѣздѣ. Прослышавъ, что его здѣсь розыскиваютъ, и что

въ Олонецкой губ. секта начала ослабѣвать, Савва въ декабрѣ мѣсяцѣ 1857 года отправился снова въ Каргопольскій уѣздъ. Здѣсь уже его ждали съ сентября мѣсяца; у крестьянина деревни Филевы, троицкаго прихода, Алексѣя Иванова Друганина, устроенъ былъ для него тайникъ при новыхъ дворовыхъ службахъ. Долго ли прожилъ здѣсь Савва, этого положительно нельзя сказать. Только о цѣли его посѣщенія можно судить по плодамъ, принесеннымъ этимъ посѣщеніемъ. «Къ концу 1857 г.— говорится въ отчетѣ преосвящ. Олонецкаго Аркадія—секта странниковъ усилилась въ епархіи и особенно въ Каргопольскомъ уѣздѣ, ослабѣвшая-было въ первый половинѣ этого года». Послѣ объѣзда, по прошествіи года (1857), ввѣреннаго духовенства, благочинный протоіерей Виноградовъ доставилъ преосвященному довольно подробныя свѣдѣнія [1]) о сектѣ странниковъ тогда, какъ прежде онъ же доносилъ, что «ничего нельзя сказать объ этой сектѣ, есть она или нѣтъ». Изъ такого хода дѣла можно ясно видѣть вліяніе Саввы въ послѣдній его пріѣздъ на быстрое распространеніе и утвержденіе страннического ученія: секта обозначилась теперь настолько, что ее уже можно стало изучать. Въ 1857-мъ году она существовала въ 8-ми приходахъ Каргопольскаго уѣзда, а въ 1859-мъ году уже въ 12-ти, какъ видно изъ вѣдомостей о. благочиннаго. По его словамъ, дѣятельность наставниковъ и самихъ странниковъ начинается здѣсь съ октября и продолжается всю зиму [2]).

Такъ широко распространилось странническое ученіе въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ Россіи. Ему дали пріютъ не только отдаленныя тундры Сибири и лѣса архангельскіе съ древними олонецкими притонами раскола, но и самыя внутреннія губерніи. Его область раскинулась широко, начиная съ Твери, чрезъ Москву, Ярославль и Владиміръ, до Каргополя, и, слѣдуя изъ того же пункта воднымъ путемъ «по Божьей дорогѣ», захватывала Астрахань и камыши прикаспійскіе. Все это огромное пространство снабжено пристанями, «мѣстами», посѣщаемыми не однимъ «христовымъ человѣкомъ», какъ называетъ себя странникъ, но и всякимъ сбродомъ людей, безъ всякихъ религіозныхъ стремленій, толкующихъ «о волѣ», подъ чѣмъ разумѣется житье гдѣ-нибудь, лишь бы «не дома».

[1]) Мы будемъ имѣть случай упомянуть въ своемъ мѣстѣ объ этихъ свѣдѣніяхъ доставленныхъ о. благочиннымъ Виноградовымъ.

[2]) См. въ дѣлѣ синода, въ отчетахъ его за 1858—1859 гг.

А. Розовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЧЕГО-ТО ЖДЕТЪ!

Еще не вѣяло весною
Надъ усыпленною землею.
Слѣды угрюмыхъ непогодъ
Любви обильною рукою
Весна изгладить не идетъ,
И черный лѣсъ чего-то ждетъ!

Чего-то ждетъ весь міръ живущій...
И жаждетъ духъ, какъ міръ тотъ ждущій,
Оцѣпенѣнья сбросить гнетъ,
Въ токъ жизни ринувшись бѣгущій,—
И сердце, полное заботъ,
Какъ черный лѣсъ, чего-то ждетъ!

II.

ОБНОВЛЕНІЕ.

Зноемъ лѣта удручающимъ
Полдень пышетъ надъ землей,
Ароматомъ опьяняющимъ
Обдаетъ въ глуши лѣсной.

Роща темная, сосновая
Млѣетъ въ запахѣ смолы...
Выплываетъ, вся лиловая,
Туча изъ-за знойной мглы...

Чуткой чащей повторенная,
Прокатилася гроза...
Капля брызнула студеная—
Ливня первая слеза.

Закружились вихри пыльные,
И, мгновенія не ждя,
Потекли струи обильныя
Благодатнаго дождя.

Міръ за долгое томленіе,
Міръ за тягостный покой
Получаетъ обновленіе,
Вдругъ полившее рѣкой.

III.

Ш—ъ.

Дитя мое, какъ я тебя люблю!
Я каждый шагъ твой, каждый взглядъ ловлю.
Я трепещу за каждое мгновенье,
За каждый вздохъ твой, свѣтлое творенье!
Мой конченъ день—я вижу край пути.
Вечерній лучъ—послѣдній,—посвѣти!

IV.

ПРЕДЧУВСТВІЕ СМЕРТИ.

Умъ мой утомился, сердце умолкаетъ;
Въ немъ себѣ заранѣ смерть гнѣздо свиваетъ.

Прилетитъ, задуетъ искру ту, что тлѣла,
И погаситъ очи, и остудитъ тѣло...

О, мои пороки, страсти, заблужденья!
Осѣнитъ васъ вѣчный, кроткій миръ забвенья.

Въ томъ, что схоронили, въ томъ, кого не стало,
Смерть все облекаетъ свѣтомъ идеала.

V.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Душа моя нѣжна. Возлюбленная, гдѣ ты!
Румянымъ золотомъ края небесъ одѣты —
Послѣдней роскошью плѣнительнаго дня.
Спѣши далекая, покуда грудь моя
Полна тоской любви, такъ сладостно томящей,
Пока еще дрожитъ тотъ лучъ, едва сквозящій, —
Тотъ въ небѣ и въ душѣ послѣдній свѣта лучъ,
Готовый утонуть въ безбрежномъ морѣ тучъ.

Сентябрь, 1872 г.

П. Ковалевскій.

ИСТОРІЯ БИСМАРКА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЮ ЕГО СТРАНЫ.

I.

Das Junkerthum.

Если разсматривать Бисмарка какъ психологическій типъ, независимо отъ собственной его роли въ исторіи, то прежде всего замѣчается, что этотъ типъ представляетъ чистый мѣстный продуктъ, результатъ племенныхъ, этнографическихъ и историческихъ условій. Волна завоевательнаго германства, потопившая балтійскую славянщину и литовщину, въ теченіе вѣковъ прочно установилась въ этихъ, нѣкогда дремучихъ лѣсахъ, на этихъ безконечныхъ равнинахъ, и вылилась въ своеобразныя формы общественныя, въ типическія фигуры кастъ. На всемъ этомъ прибрежьи и далеко во внутрь материка, на длинной и широкой полосѣ отъ Мекленбурга до Саксоніи и Силезіи, а оттуда чрезъ восточную Пруссію до самаго берега Финскаго залива, германское покореніе и заселеніе совершилось не въ то смутное время, когда многочисленныя племена толпами стремились на Югъ, сталкиваясь и смѣшиваясь между собою, наростая въ разнородныя агломераціи, внезапно исчезая послѣ стремительнаго, разрушительнаго похода. Среди этого хаоса племенъ, какъ-бы безродныхъ, среди этой борьбы почти безъименныхъ народныхъ потоковъ, племенныя физіономіи стирались, мѣнялись, иногда исчезали почти безслѣдно.

Это было какъ-бы таяніе снѣговъ ускоренной весною, въ гористой мѣстности: самые могущественные, самые стремительные потоки не успѣвали вырыть себѣ ложа и установить себѣ въ немъ народную личность. Но не таково было то время, къ которому относится германское покореніе и заселеніе балтійскаго прибрежья. Тутъ колонизація произошла въ то культурное время, когда завоеватели были уже не ордой, не походнымъ лагеремъ, но представителями ясно опредѣлившейся племенной личности, представителями христіанско-германской культуры. Вотъ почему это завоеваніе, какъ и саксонское завоеваніе въ Британіи, получило прежде всего характеръ не только присвоенія себѣ господства въ чужой землѣ, но и борьбы противъ чужой вѣры и чужой народности, — стремленія совершенно истребить туземную вѣру, потому что она представлялась ложною, — туземную, племенную особность, потому что она представлялась низшею. Актерами въ драмѣ этого безусловнаго отрицанія всего туземнаго и этой неумолимой системы полнаго его истребленія являлись: съ одной стороны, пришлые изъ Германіи воины, сопровождавшіе и защищавшіе воинственныхъ проповѣдниковъ христіанства, а за ними постепенный приливъ торговцевъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, которыми завоеватели колонизировали покоренную землю; съ другой—покоряемыя, истребляемыя славянскія, литовскія и финскія племена. Все, что не было истреблено и не бѣжало, все, что покорилось, должно было внезапно превратиться въ христіанъ и постепенно превратиться въ нѣмцевъ. Слѣды прежней вѣры истреблялись мечомъ, слѣды всѣхъ прежнихъ племенныхъ особностей вмѣнялись въ признакъ дикарства, некультурности, низшей породы, служили попрекомъ, поводомъ къ презрѣнію. Между тѣмъ, масса населенія могла по наружности скоро принять вѣру побѣдителей, но прошло долгое время, пока эта масса усвоила себѣ культуру, языкъ и имена побѣдителей. Примѣръ Силезіи и нашихъ остзейскихъ провинцій свидѣтельствуетъ, какъ тяжко, какъ медленно должно было подвигаться это дѣло германизаціи, если оно въ названныхъ сейчасъ мѣстностяхъ и доселѣ совершиться не успѣло.

Такой характеръ завоеванія естественно долженъ былъ сообщиться и отношеніямъ между классами, которые здѣсь сперва представляли двѣ породы. Завоеватель-рыцарь сперва считалъ завоеванныхъ имъ погаными идолопоклонниками, потомъ презрѣнными полудикарями. Франконскій, швабскій рыцарь презиралъ своихъ подданныхъ потому собственно, что они были его слуги. Но насколько болѣе презиралъ своихъ подданныхъ рыцарь сак-

сонскій, мекленбургскій, бранденбургскій, лифляндскій — трудно и опредѣлить; онъ едва считалъ ихъ людьми, и именно ставилъ себѣ въ обязанность передѣлывать ихъ въ людей при помощи оружія. Нѣмецкій колонистъ, ремесленникъ и земледѣлецъ, пришедшій въ эти страны вслѣдъ за рыцаремъ, и тотъ считалъ себя принадлежащимъ къ совсѣмъ иной, высшей породѣ людей, чѣмъ та, къ которой принадлежало туземное покоренное, передѣлываемое населеніе. Между нѣмецкимъ колонистомъ и нѣмецкимъ завоевателемъ, между бюргеромъ и рыцаремъ установилась общность взгляда по отношенію къ массѣ. Это обстоятельство должно было повліять и на характеръ сѣвернаго германства. Традиція долговременной истребительной борьбы, унаслѣдованная привычка считать принесенную съ собой культуру единственнымъ путемъ къ спасенію, все это внесло въ характеръ сѣвернаго германства черту, свойственную вообще насильственной, побѣдоносной пропагандѣ: фанатизмъ самомнѣнія, безусловную увѣренность въ своемъ превосходствѣ, жесткость нрава и нѣкоторую узкость воззрѣнія. Эти саксонскіе завоеватели и колонизаторы прибрежья Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и самой Британіи, эти родичи благороднаго древне-саксонскаго языка, такъ-называемаго Plattdeutsch, языка, изъ котораго создались впервые языки англійскій и голландскій, языка, которымъ говорили и писали рыцари бранденбургскіе, померанскіе и ливонскіе, сами запечатлѣлись своимъ дѣломъ обширнаго завоеванія: оно наложило на нихъ тотъ отпечатокъ высокомѣрія, жесткости, энергіи, самоувѣренности и узкости, который весьма сильно отличаетъ сѣверное германство отъ южнаго.

Но въ самой сильной степени отпечатокъ этотъ сохранился именно на той самой кастѣ, которая непосредственно совершила дѣло военнаго завоеванія, то-есть, на сѣверогерманскомъ дворянствѣ. По мѣрѣ того, какъ туземная масса германизировалась, она растворяла пришлое нѣмецкое бюргерство и земледѣльчество своими элементами. Для нѣмецкаго бюргера, по мѣрѣ того, какъ самъ онъ такимъ образомъ претворялся, исчезала изъ глазъ и та иноплеменная, низшая масса, надъ которою прежде онъ возвышался въ горделивомъ сознаніи, какъ благородная мраморная фигура на пьедесталѣ изъ грубаго песчаника или известняка. У бюргера Митавы есть еще и теперь такой нравственный илотъ, напоминающій ему о нѣмецкомъ превосходствѣ, это — леттъ. У ревельскаго бюргера это — эстъ. Но уже у жителя Данцига, Кёнигсберга, Бреславля пьедесталъ меньше: въ его мѣстахъ нѣмецъ не меньшинство, не драгоцѣнная рѣдкость; лито-

вендъ и славянинъ, въ свою очередь, хотя и слывутъ низшей расой, но уже усвоили себѣ такое развитіе, что разстояніе между ними и нѣмцемъ стало менѣе ощутительно. У жителя же Магдебурга, Шверина, Ростока — иноплеменныхъ «илотовъ» и совсѣмъ въ виду не имѣется. Всѣ иноплеменные элементы тамъ уже втянулись въ германскую народность.

Но для самой касты, непосредственно совершившей завоеваніе, такая перемѣна была менѣе ощутительна. По мѣрѣ того, какъ иноплеменные элементы на земляхъ рыцарства обращались въ нѣмецкую массу, сѣверогерманское рыцарство пріучалось смотрѣть на все не-дворянское такъ, какъ прежде смотрѣло на все не-нѣмецкое. Духъ исключительности, высокомѣрія и суровости унаслѣдовался въ этомъ сословіи отъ временъ истребительнаго завоеванія. Вмѣстѣ съ нимъ унаслѣдовались и энергическіе нравы, страсть къ охотѣ, къ верховой ѣздѣ, повелительныя, суровыя замашки.

Рыцарскія традиціи здѣсь не повели однако къ пренебреженію труда, къ исключительному занятію сперва турнирами и охотою, а потомъ уже только набожностью, галантерейностью и поэзіею, какъ то болѣе или менѣе случилось на югѣ. Совсѣмъ напротивъ; здѣсь было слишкомъ много практической работы, потому что одной данью нельзя было бы и жить, такъ какъ природа была сурова, страна дика и пуста. И до завоеванія она не была богатой, а завоеваніе само по себѣ не создавало цѣнностей. Здѣсь торговля, промыслы не существовали, города не возникали сами собой, какъ въ Италіи. Города надо было строить, и свѣдущихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ выписывать тысячами съ Рейна и изъ Нидерландовъ. Однимъ словомъ, мало было завоевать землю, истребить туземныя племенныя отличія; надо было еще *хозяйничать*, энергически хозяйничать. И вотъ среди такихъ условій, существовавшихъ вѣка, создался тотъ типъ сѣверогерманскаго дворянина, высокомѣрнаго, исключительнаго до нелѣпости въ своихъ унаслѣдованныхъ рыцарскихъ понятіяхъ, а вмѣстѣ богато одареннаго практическимъ здравымъ смысломъ хозяина, энергическаго, работящаго, блюстителя своихъ интересовъ, зорко смотрящаго за всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать выгодную коммерческую сдѣлку. И надо замѣтить, что этотъ практическій трудъ, эти заботы хозяйственнаго устройства нисколько не вели къ тому, чтобы сгладить рѣзкость, черствость, сообщенную этому типу истребительною войной. Напротивъ, къ презрительному высокомѣрію завоевателя и просвѣтителя полудикихъ народовъ, въ немъ, подъ вліяніемъ заботъ хозяйственнаго строительства, при-

соединились еще нѣкоторыя барышническія и эксплуататорскія свойства. Суровость, жестокость нрава нисколько не уменьшились оттого, что къ нимъ прибавились коммерческая проворливость, хозяйственная разсчетливость, а самоувѣренность еще только возросла при такой дѣятельности, въ которой рыцарь являлся творцомъ почти всего существующаго.

Въ подтвержденіе этого очерка нѣтъ нужды указывать на исторію нѣмецкаго завоеванія и колонизаціи собственной Пруссіи и нашихъ балтійскихъ провинцій мечомъ и трудами двухъ германскихъ рыцарскихъ орденовъ; она достаточно у насъ извѣстна большинству. Но и въ самомъ Бранденбургѣ, который сдѣлался ядромъ прусскаго королевства, первоначальный ходъ развитія представляетъ сходныя черты. Натискъ германскихъ завоевателей на славянское населеніе, окончательное покореніе славянъ основателемъ бранденбургскаго маркграфства, въ началѣ XII-го вѣка, выписка цѣлыхъ населеній колонистовъ изъ Германіи, основаніе городовъ, цѣлый рядъ войнъ для покоренія Поморья, постоянная заботливость объ округленіи своихъ владѣній, то помощью оружія, то посредствомъ купли и продажи, — вся исторія бранденбургскихъ курфирстовъ до гогенцоллернскаго дома представляетъ въ большомъ размѣрѣ то самое, что представляла въ частности исторія каждаго отдѣльнаго рыцарскаго дома въ этой странѣ. Да и самъ первый Гогенцоллернъ, владѣвшій бранденбургской маркіею, бургграфъ нюрнбергскій Фридрихъ пріобрѣлъ ее коммерческою сдѣлкой, какъ залогъ по денежной ссудѣ.

И впослѣдствіи, когда бывшее орденское владѣніе, а затѣмъ свѣтское герцогство Пруссія унаслѣдовано было курфирстомъ бранденбургскимъ, въ XVII-мъ столѣтіи, исторія этихъ земель не измѣнила своего характера. Дѣятельность великаго курфирста Фридриха-Вильгельма и короля Фридриха-Вильгельма I-го, постоянно имѣла двойственный характеръ, воинскій и хозяйственный. Постоянно вмѣшиваясь въ войны сосѣдей, они непрерывно «округляли» свои владѣнія. Но этого мало: великій курфирстъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ I-й были отличные хозяева; первый, можно сказать, создалъ дѣйствительное благосостояніе Пруссіи; второй скопилъ большую казну. Не будь этихъ ихъ дѣлъ, никогда Фридрихъ II-й не могъ бы сразу поставить Пруссію на степень первостепенной державы. Между тѣмъ приливъ колонистовъ изъ Германіи и изъ Австріи продолжался; и великій курфирстъ и первые короли всячески поощряли его.

Да и можно ли остановить нашу бѣглую характеристику на этомъ именно времени, то-есть на половинѣ XVIII-го вѣка?

Нѣтъ; слишкомъ извѣстно, что и далѣе исторія Пруссіи шла точно такимъ же образомъ, правительственная дѣятельность въ этой странѣ неуклонно руководилась тѣмъ же двойственнымъ духомъ: воинскими подвигами для «округленія» извнѣ и духомъ рачительнаго, бережливаго и строгаго хозяйства для укрѣпленія внутри. Этотъ правительственный духъ остался и въ современной намъ Пруссіи.

Но тѣ самыя условія, изъ которыхъ возникъ этотъ двойственный духъ въ правителяхъ Бранденбурга и Пруссіи, были общи всему рыцарскому сословію этихъ земель. Мы уже говорили выше, какимъ образомъ естественныя условія развили въ этомъ сословіи духъ отваги, энергіи, самоувѣренности, нетерпимости, высокомѣрія, рѣзкость тона, страсть къ охотѣ и верховой ѣздѣ, однимъ словомъ, тѣ самыя черты, которыя можно наблюдать у потомковъ саксонскихъ же завоевателей другой сѣверной страны — Англіи. Между характеромъ прусскаго «юнкерства» и англійской сельской gentry, дѣйствительно, есть сходство. Но между ними есть и огромная разница. Бамбергеръ, въ своей книгѣ «Monsieur de Bismarck», не нашелъ подходящаго французскаго слова для нѣмецкаго выраженія *Junkerthum, Junker*. Онъ замѣчаетъ, что во французскомъ языкѣ есть только выраженіе «hobereau», которое представляетъ сходное понятіе, но что этому выраженію, означающему сельскаго, засидѣвшагося въ зàмкѣ или мызѣ помѣщика, соотвѣтствуетъ по-нѣмецки болѣе точное названіе *Krautjunker*. Слóва же *Junker*, выражающаго понятіе болѣе общее, понятіе о нравственныхъ особенностяхъ всего дворянства, по-французски нѣтъ. Немудрено, замѣтимъ мы, что подходящаго слова не нашлось въ языкѣ французскомъ. Его не найдете и ни на одномъ языкѣ, потому именно, что слово *Junker* опредѣляетъ мѣстный типъ, котораго нѣтъ въ другихъ странахъ. Слово *Junker* буквально можетъ быть передано по-французски словомъ «cadet»; замѣчательно, что это последнее слово, означавшее младшихъ сыновей дворянскаго дома, обратилось впослѣдствіи въ названіе молодыхъ дворянъ, опредѣляющихся въ военную службу; въ этомъ смыслѣ оно перешло и въ русскій языкъ въ словѣ «кадетъ», и, замѣтимъ, перешло вмѣстѣ и съ нѣмецкимъ словомъ *Junker*, получившимъ у насъ тоже спеціальное значеніе «юнкеръ». Младшіе сыновья дворянскихъ фамилій въ старой Франціи, дѣйствительно, избирали себѣ военную или духовную профессію. Старшіе же носили титулъ своей фамиліи, и оставались или въ зàмкахъ, или получали придворныя званія, а также высшія гражданскія должности прямо, не проходя низшихъ, то-есть безъ *службы*.

Въ Пруссіи же, можно сказать, *всѣ* дворянскія дѣти находились въ этомъ положеніи *младшихъ* сыновей, они всѣ были одинаково cadets или Junker. Дѣло въ томъ, что въ германскомъ дворянствѣ вообще преимущество старѣйшинства въ родѣ было крайне ограничено въ сравненіи съ рыцарствомъ романскимъ, къ которому по своему нормандійскому происхожденію относится и рыцарство великобританское. По романскому геральдическому принципу, титулъ герцога, маркиза, графа, и т. д., можетъ принадлежать въ родѣ только одному лицу; на другое лицо, то-есть, отъ отца къ сыну онъ переходитъ только путемъ наслѣдства, за смертью отца, и притомъ переходитъ только къ одному сыну, то-есть къ старшему. Такимъ образомъ, если въ фамиліи есть нѣсколько титуловъ, предполагающихъ нѣсколько владѣній, то нѣсколько членовъ одной фамиліи могутъ носить титулы, но это будутъ *титулы разные*. Сынъ герцога Аргайлля, англійскаго пэра, носитъ титулъ, но титулъ маркиза Лорнъ, потому что въ числѣ аргайльскихъ владѣній есть лорнская земля, составляющая маркизатъ. Во французскомъ дворянствѣ, если фамилія имѣетъ только одинъ титулъ, то при жизни отца старшій сынъ носитъ титулъ непосредственно ниже отцовскаго титула, съ тѣмъ же именемъ. Такъ, старшій сынъ маркиза Ларошжаклена при жизни отца называется графъ Ларошжакленъ. Всѣ же прочіе члены семейства, неимѣющіе спеціальныхъ титуловъ, уже не носятъ титула по своей фамиліи, а называются Messieurs де-ла-Рошжакленъ. Такъ и въ Англіи, всѣ члены рода Росселей, который имѣетъ титулъ герцоговъ Бедфордъ, кромѣ самого герцога, называются просто гг. Россели. Графъ Россель (Джонъ) составляетъ исключеніе только потому, что королева возвела его самого въ пэры, то-есть создала особый титулъ графа Россель, независимый отъ герцогскаго титула Бедфордовъ. Старшій сынъ графа Росселя носитъ титулъ виконта. Въ настоящее время, все это имѣетъ по преимуществу значеніе только геральдическое, во всѣхъ странахъ романскаго рыцарства, кромѣ впрочемъ Англіи, гдѣ учрежденіе майората существуетъ и доселѣ. Во Франціи его отмѣнила революція; въ Италіи оно еще держится, но не составляетъ общаго правила; въ Испаніи оно отмѣнено въ послѣднюю четверть столѣтія. Но прежде, когда титулу строго соотвѣтствовало владѣніе, а владѣніе оставалось недѣлимымъ, романское дворянство находилось совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ дворянство германское, среди котораго майоратъ имущественный являлся только въ видѣ привилегіи отдѣльныхъ фамилій (какъ онъ есть и у насъ), а майоратъ титула вовсе не существовалъ, такъ

что всѣ сыновья графа Гольца, напримѣръ, уже при жизни отца называются графы Гольцы, хотя бы ихъ было десятеро. Даже незамужнія дочери, при живомъ отцѣ, называются въ Германіи, какъ и у насъ, графинями и т. д., между тѣмъ какъ во Франціи даже дочь герцога Ларошфукò называется m-lle де-Ларошфукò, а въ Англіи хотя дочь герцога Бедфорда и называютъ *lady*, но не по фамиліи, а по крестному ея имени: lady Jane, lady Harriet Russell, и этотъ титулъ придается только «изъ вѣжливости» (out of courtesy) и не утрачивается съ выходомъ дѣвицы замужъ даже за коммонера, несмотря на перемѣну фамиліи.

Итакъ, уже вообще говоря, германское дворянство состоитъ изъ семействъ, которыхъ члены равноправны. Они всѣ — cadets; названіе *Junker* дается слугами безразлично всѣмъ молодымъ дворянчикамъ. Такимъ образомъ, германское дворянство, при равноправности всѣхъ членовъ, неминуемо должно было сдѣлаться крайне многочисленнымъ; на той степени отдаленнаго родства, на которой въ Англіи утрачивается уже и самое понятіе о «благородствѣ происхожденія», такъ что потомокъ одной изъ боковыхъ линій королевскаго дома Стюартовъ дѣлается мясникомъ,—въ Германіи каждый отдаленнѣйшій потомокъ младшей изъ самыхъ боковыхъ линій какого-нибудь графскаго дома, дѣйствительно имѣвшаго могущество въ XV-мъ или XVI-мъ столѣтіяхъ,—все еще графъ, такой же графъ, какъ и его праотецъ. Стало быть, какой бы онъ ни былъ бѣднякъ, онъ не можетъ быть приказчикомъ, ремесленникомъ, мастеромъ: значитъ — *онъ долженъ служить*. Вотъ откуда происходитъ въ Германіи то безчисленное *служилое* дворянство, которое запружаетъ собою іерархію военную и административную. Все это господа съ длиннѣйшими генеалогическими древами, которымъ нѣтъ иной карьеры какъ быть *Lieutenant* или по меньшей мѣрѣ *Auscultator* или *Referendarius*.

Если мы перейдемъ теперь въ частности къ дворянству прусскому, то увидимъ, что сама исторія, сдѣлавъ Пруссію государствомъ милитарнымъ и бюрократическимъ по преимуществу, необходимо придала всему ея дворянству характèръ служилаго сословія, и, поглощая всѣ поколѣнія дворянства, почти въ полномъ его составѣ на службу, должна была неизбѣжно внести и въ самыя свойства прусскаго дворянскаго сословія характеръ бюрократической и въ особенности милитарной дисциплины, послѣдней въ особенности потому именно, что милитаризмъ въ Пруссіи господствовалъ надъ всѣмъ остальнымъ, составлялъ самую сущность правительственнаго духа, самое интимное, такъ-сказать, его содержаніе. Вотъ гдѣ является и то огромное различіе между

англійскимъ *gentry* и прусскимъ *Junkerthum*, которое было оговорено нами выше. Между ними много сходства расоваго, саксонскаго, завоевательнаго родства: имъ общъ духъ самоувѣренности, энергіи, высокомѣрія, исключительности; общи традиціи благороднаго спорта — страсть къ верховой ѣздѣ, оружію, охотѣ. Но сходство между ними останавливается на той чертѣ, на которой остановила его исторія: оно не выходитъ изъ предѣловъ завоеванія, колонизаціи, претворенія туземной расы въ расу саксонскую. Затѣмъ, судьбы ихъ раздѣляются тамъ, гдѣ для англійскаго сквайра началось самостоятельное участіе въ политической жизни, а для прусскаго рыцаря началось настоящее юнкерство, военное и статское, то-есть, почти поголовная *служба* въ чинахъ военныхъ и статскихъ. Какъ политическая жизнь сблизила англійскаго сквайра съ другими сословіями, внушила ему принципъ государственной общины, земщины (commonswealth), однимъ словомъ, общей гражданской солидарности, а стало быть выработала въ немъ высоту взгляда, и умѣрила его кастичное презрѣніе къ прочимъ сословіямъ, отведя ему почетное мѣсто въ тѣхъ же commons, къ которымъ принадлежали города,— такъ дѣятельность служебная, дисциплинарный духъ службы, на которую прусскій «юнкеръ» смотрѣлъ какъ на свою собственность, и въ которой дѣйствительно ему отдавалось безусловное предпочтеніе,— отдалили его отъ прочихъ сословій, еще болѣе замкнули его въ кастическія понятія, сообщили юнкерству духъ не земщины, а именно государственной опричины. Энергическія качества, о которыхъ говорено выше, при этомъ не потерялись, за исключеніемъ одного—весьма важнаго впрочемъ — духа независимости, который стушевался подъ дисциплиною. Прочіе виды энергіи, дѣятельности, самомнѣнія остались, и къ нимъ прибавился еще особенный оттѣнокъ рѣзкости, завзятости, который произошелъ именно отъ сознанія своего привилегированнаго положенія на каждомъ шагу, и затѣмъ уже прямо — отъ крѣпкаго усвоенія духа полковаго манежа и батальоннаго экзерцир-плаца.

Можно сказать, что всеобщая воинская повинность сообщила всѣмъ пруссакамъ, не только дворянамъ, нѣкоторую — не скажемъ грубость тона въ обращеніи,—но нѣкоторую рѣзкость— schroffes Wesen, сравнительно съ другими нѣмцами. Образованная нація не можетъ быть грубою въ томъ смыслѣ, какъ это слово можетъ быть понято въ необразованной націи, то-есть въ смыслѣ brutalité. Но въ дворянствѣ прусскомъ, въ чистыхъ его представителяхъ Junkerthum'а, проявляется еще нѣчто большее, чѣмъ schroffes Wesen, нѣчто такое, что́ прямо можно назвать оттѣн-

комъ нахальства, и даже иногда нахальства самаго худшаго рода, нахальства, истекающаго изъ усвоенія себѣ «оффиціальной благонамѣренности» и изъ сознанія своей привилегированности. Новое время, конечно, значительно изгладило эти шероховатости, но не настолько, чтобы дворянчикъ - поручикъ въ душѣ уже совершенно отказался отъ нѣкотораго пренебреженія, хотя бы къ самымъ свѣтиламъ политическаго міра *неоффиціальнаго*. Сословіе это слишкомъ срослось съ іерархическими понятіями, со службою, съ духомъ дисциплины и исключительности, чтобы слѣды такого духа могли уже исчезнуть въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія живетъ конституціонною жизнью, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ міръ оффиціальный уже самъ признаетъ нѣкоторую силу и авторитеты внѣ самого себя.

Это время еще недавнее, а исторія прусскаго дворянства длинна. Ходъ ея былъ таковъ съ самаго начала, что въ сословіи этомъ долженъ былъ прочно выработаться тотъ духъ, который мы попытались очертить. Намъ остается указать еще на особенное вліяніе въ этомъ отношеніи исторіи позднѣйшей, собственно исторіи прусскаго королевства. Прусское королевство не только продолжало воинскую традицію бранденбургскихъ маркграфовъ и курфирстовъ и нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ, то-есть вело непрерывныя войны, но сдѣлалось, начиная уже отъ Фридриха-Вильгельма I, центромъ, очагомъ воинскаго духа въ Европѣ въ новомъ его воплощеніи, именно въ формѣ «солдатчины». Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не то, что вся Пруссія была доселѣ не чѣмъ инымъ, какъ казармой — нелѣпое мнѣніе, которое не разъ высказывалось нѣкоторыми французскими журналистами. Не надо забывать, что Пруссія, подъ режимомъ своихъ военныхъ королей, все-таки сдѣлалась уже вначалѣ нынѣшняго столѣтія «Intelligenz-Staat» по преимуществу. Мы хотимъ только сказать, что настоящій духъ милитаризма въ смыслѣ какой-то особенной поэзіи, особеннаго обаянія солдатской дисциплины, парада, смотра, зори съ музыкою и безъ музыки, различія погоновъ и лампасовъ по частямъ войскъ, равненія ногъ, локтей и глазъ, — выработался именно въ прусскомъ королевствѣ. Этотъ духъ выработался тамъ — то-есть въ арміи и въ правительствѣ до такой степени и такихъ размѣровъ, что сталъ самою задушевною преокупаціею, самой интимной заботой и любовью. Для уясненія этого читателямъ едва ли нужны примѣры; но приведемъ три примѣра, подходящіе къ предмету нашей статьи. Когда молодой Бисмаркъ въ первый разъ былъ представленъ на придворномъ балѣ принцу Вильгельму, нынѣшнему импе-

ратору, причемъ, разумѣется, было упомянуто о его чинѣ «аускультатора», то принцъ, взглянувъ на эту высокую фигуру, милостиво замѣтилъ: «кажется, юстиція выбираетъ нынче людей по гвардейской мѣркѣ». Когда Бисмаркъ, будучи уже секретаремъ прусскаго посольства при Германскомъ Союзѣ, представлялся тогдашнему принцу прусскому, нынѣшнему императору, въ мундирѣ поручика ландвера съ единственной медалью, принцъ выразилъ посланнику недоумѣніе, удобно ли будетъ (какъ то уже предполагалось) этого ландверскаго *поручика* назначить уполномоченнымъ при Союзѣ. Когда Бисмаркъ, уже будучи министромъ, представилъ королю, также на балѣ, одного изъ своихъ далекихъ родственниковъ, г. фон-Бисмаркъ-Бриста, который ростомъ гораздо ниже «настоящаго» Бисмарка, то король спросилъ, какъ это одинъ изъ Бисмарковъ вышелъ не вровень съ другими. Бисмаркъ настоящій въ шутку отвѣчалъ: «это оттого, что всѣ мои предки служили королямъ въ военной службѣ, а предки моего родственника — въ статской»; но тогда г. фон-Бисмаркъ-Бристъ поспѣшилъ прибавить уже серьезно: «и вотъ почему я, ваше величество, всѣхъ своихъ семерыхъ сыновей опредѣлилъ въ армію».

Этотъ постоянный, задушевнѣйшій изъ всѣхъ помысловъ — мысль даже не о войнѣ, а именно и спеціально — о мундирѣ, со всѣми его аттрибутами и всею поэзіею плац-парада, воцарился въ Пруссіи еще до Фридриха II, и господствуя въ ея арміи и въ правительственныхъ ея кругахъ до послѣдняго времени, необходимо долженъ былъ окрасить собою сословіе служилое по преимуществу, сословіе прусскаго дворянства. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ духъ развился въ той средѣ до такой степени, что извѣстный родъ оружія, даже полкъ такого-то нумера казались истому прусскому дворянину-служакѣ второю, а пожалуй, даже и первою природою. По крайней мѣрѣ, намъ довелось читать высказанное людьми вовсе неограниченными такое убѣжденіе: «я чувствую, что родился уланомъ», и сожалѣніе о переводѣ въ другой полкъ въ такомъ смыслѣ, что человѣкъ какъ-бы заставленъ идти противъ своей природы.

Очеркъ характера сословія, которому принадлежитъ Бисмаркъ, или лучше сказать, изъ котораго онъ *вышелъ*, занялъ у насъ много мѣста, но сдѣлать его было необходимо, для того, чтобы не объяснять въ частности нѣкоторыя такія черты въ Бисмаркѣ, которыя иначе казались бы относящимися къ его личности. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ странны, даже наивны и могутъ представлять его какъ-бы не серьезнымъ человѣкомъ. Напр., это по-

стоянное появленіе дипломата-Бисмарка въ военномъ мундирѣ, хотя онъ собственно состоялъ въ ландверѣ, то-есть былъ статскій. Sr. Excellenz der Herr Lieutenant von Bismarck, какъ его называли во Франкфуртѣ, когда его превосх—во уполномоченный прусскаго королевства появлялся въ мундирѣ поручика, съ единственнымъ орденомъ на груди—медалью «за спасеніе погибавшихъ». Или, позднѣйшее производство министра-президента, основателя новой политической системы—въ генералъ-майоры, а потомъ производство въ самомъ дѣлѣ уже великаго въ исторіи человѣка—въ генералъ-лейтенанты... Наконецъ, въ письмахъ Бисмарка эти неожиданные переходы отъ государственныхъ заботъ къ заботамъ о какой-нибудь любимой лошади — все это на иностранца должно дѣйствовать нѣсколько странно. Но эти странности и многія другія, имъ подобныя, въ Бисмаркѣ не слѣдуетъ принимать за характеристическія черты *его личности*. Сдѣлать предшествующій очеркъ было необходимо уже для того, чтобы отнести эти особенности всецѣло къ той средѣ, изъ которой *вышелъ* Бисмаркъ. Сверхъ того, нельзя говорить о немъ не касаясь Junkerpartei, съ которою онъ нѣкогда былъ тождественъ, а стало быть и сущности того, что называется—das Junkerthum.

II.

Бисмарки.

Въ «Старой мархіи», то-есть въ маркграфствѣ бранденбургскомъ, которое впослѣдствіи превратилось въ королевство Пруссію, есть городокъ Стендаль. Въ лѣтописяхъ этого города неоднократно встрѣчаются имена Бисмарковъ, принимавшихъ участіе въ городскомъ управленіи. Генеалогія князя Бисмарка восходитъ именно къ Руло фон-Бисмарку, старшинѣ и вождю гильдіи или цеха суконщиковъ въ Стендалѣ, жившему въ началѣ XIV-го вѣка. Существованіе Руло фон - Бисмарка исторически достовѣрно; но такъ какъ въ томъ же стендальскомъ округѣ есть еще мѣстечко, которое носитъ прямо имя Бисмарка, то біографы германскаго канцлера не безъ вѣроятности выводятъ имя Бисмарковъ отъ этого мѣстечка. Здѣсь сейчасъ же возникаютъ два вопроса «весьма существенныхъ» въ смыслѣ нобиліарномъ: назвалось ли мѣстечко по имени Бисмарковъ, или родъ Бисмарковъ назвался по имени мѣстечка? Получили ли Бисмарки значеніе оттого собственно, что они участвовали въ городскомъ управленіи

Стендаля, или же они были призваны въ это управленіе потому именно, что уже родъ Бисмарковъ, самъ по себѣ, имѣлъ значеніе? Есть преданіе, что Бисмарки были первоначально богемскіе рыцари, приведенные въ старую мархію Карломъ Великимъ и что здѣсь они построили городокъ Бисмаркъ; но достовѣрность этого преданія ничѣмъ не доказывается. Біографъ канцлера Гезекиль опредѣляетъ первоначальное происхожденіе его рода слѣдующимъ образомъ: городокъ Бисмаркъ, о которомъ въ памятникахъ упоминается въ первый разъ въ 1203-мъ году, назывался въ то время Biscopesmarck (Bischofsmarck), имя впослѣдствіи сократившееся въ Bismarck. Городокъ этотъ принадлежалъ епископамъ гавельбергскимъ, которые построили въ немъ зàмокъ. Родъ Бисмарковъ дѣйствительно ведетъ свое имя оттуда, но только потому что *вышелъ* оттуда, а не потому, что основалъ Бисмаркъ. «Бисмарки—говоритъ Гезекиль,—какъ почти всѣ рыцарскіе роды старой мархіи, были потомки тѣхъ германскихъ воиновъ, которые, подъ предводительствомъ вельфскихъ, асканскихъ и другихъ родовъ князей пріобрѣли славянскую землю, по сю и по ту сторону Эльбы, мечомъ, для христіанства и германской цивилизаціи, и затѣмъ утвердились въ этой землѣ на правѣ ленниковъ». Бисмарки, по предположенію Гезекиля, служили епископамъ въ зàмкѣ Бисмаркъ, управляли имъ, и писались по тогдашнему обыкновенію по мѣсту своей должности — von Bismarck, сохранивъ это прозвище и впослѣдствіи, когда они уже оставили зàмокъ. «Точно также какъ многіе другіе рыцарскіе роды старой мархіи,—прибавляетъ Гезекиль,—родъ Бисмарковъ въ лицѣ нѣсколькихъ его членовъ подвигался впередъ, на востокъ, завоевывая все болѣе и болѣе пространства для христіанско-германской культуры, покоряя вендовъ, или оттѣсняя ихъ къ Одеру». Такимъ образомъ, Бисмарки при началѣ XIV-го вѣка являются людьми рыцарскаго достоинства и въ Пригницѣ и въ Руппинѣ. Историкъ Ридель признавалъ вѣроятнымъ, что *этотъ* рыцарскій родъ Бисмарковъ, то-есть тотъ, который является въ началѣ XIV-го вѣка въ Пригницѣ и Руппинѣ, въ самомъ дѣлѣ происходилъ отъ бургмановъ зàмка Бисмарка, которые, когда епископскій зàмокъ пришелъ въ упадокъ, быть можетъ получили земельный ленъ въ вознагражденіе своего бургманства. Но что касается тѣхъ городскихъ Бисмарковъ, которые оказываются около того же времени въ Стендалѣ и другихъ городахъ мархіи, и отъ которыхъ, безспорно, происходитъ нынѣшній князь Бисмаркъ, то по мнѣнію Риделя, они были просто бюргеры изъ городка Бисмарка.

Гезекилю такое объясненіе не нравится, и онъ съ нѣкоторымъ жаромъ «заступается» за древность рыцарства нынѣшнихъ Бисмарковъ, и доказываетъ невозможность, во всякомъ случаѣ, «завоевать министра-президента для бюргерскаго сословія посредствомъ такого объясненія, такъ какъ все равно несомнѣнно, что съ XIV-го столѣтія предки канцлера были рыцари, а это уже дворянство достаточно древнее». Но тѣмъ не менѣе самъ Гезекиль все-таки считаетъ нужнымъ опровергнуть даже и догадку Риделя, относительно бюргерскаго достоинства стендальскихъ Бисмарковъ до XIV-го в. и дѣлаетъ это довольно убѣдительно. Что Бисмарки въ Стендалѣ являются членами городского сословія уже съ XIII-го в., и что принадлежали они къ гильдіи суконщиковъ и портныхъ (Gewandschneider), это еще вовсе не доказываетъ, что они были бюргерскаго, а не рыцарскаго рода. Есть много примѣровъ, совершенно достовѣрныхъ, что рыцарскіе роды въ Германіи поселялись въ городахъ и принимали участіе въ городскомъ управленіи. Гильдія суконщиковъ въ Стендалѣ была знатнѣйшая, привилегированная и господствующая; Бисмарки, жившіе въ Стендалѣ, принадлежали къ ней потому, что, какъ городскіе жители, они должны были принадлежать къ какой-нибудь гильдіи. Именно въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ подобныхъ примѣровъ въ бранденбургской мархіи было много, и самъ маркграфъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ городскихъ гильдій. «Послѣ этого—замѣчаетъ біографъ,—можно оспоривать родовое дворянство у герцога Веллингтона на томъ только основаніи, что лондонскій портняжный цехъ избралъ его своимъ членомъ». Хотя все это разъясненіе въ сущности забавно по своей цѣли, но оно достаточно убѣдительно, и нѣтъ причины не принять того мнѣнія о происхожденіи Бисмарковъ, которое отстаиваетъ Гезекиль. Надо только помнить, что историческая достовѣрность начинается собственно съ Руло Бисмарка (1309—1338), вождя гильдіи суконщиковъ въ Стендалѣ. Онъ былъ посылаемъ городомъ и ко дворамъ разныхъ князей, въ качествѣ уполномоченнаго, такъ что уже первый достовѣрный предокъ князя Бисмарка былъ дипломатъ. Еще сходство того Бисмарка съ нынѣшнимъ: Руло былъ, повидимому, также противникъ клерикаловъ, и о немъ осталась молва, что онъ умеръ отлученный отъ церкви.

Мы охарактеризовали общими историческими чертами ту среду, изъ которой вышелъ нынѣшній канцлеръ германской имперіи и, стало быть, не имѣемъ нужды проходить ее на отдѣльныхъ примѣрахъ, то-есть излагать жизнь и дѣла его предковъ. Достаточно будетъ сказать, что всѣ они болѣе или менѣе были

страстные любители охоты, многіе изъ нихъ были воинами, многіе дипломатами, однимъ словомъ, постоянно служили сперва курфирстамъ, потомъ королямъ, и въ то же время не оставляли своего хозяйства въ Шёнгаузенѣ, который принадлежитъ Бисмаркамъ съ 1562 года, и въ другихъ своихъ имѣніяхъ. Остановимся только на двухъ-трехъ подробностяхъ. Родовымъ зàмкомъ Бисмарковъ съ XIV-го же вѣка былъ зàмокъ Бургшталль. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ зàмковъ въ мархіи, построенный на южной ея границѣ, для защиты со стороны Магдебурга. Маркграфъ пожаловалъ его Клаусу фон-Бисмарку, вождю аристократической партіи въ Стендалѣ, въ 1345-мъ году, въ качествѣ наслѣдственнаго лена въ прямой мужской линіи, въ награду за его, Клауса, службу. Такимъ образомъ, Бисмарки съ тѣхъ поръ вошли въ разрядъ высшаго дворянства мархіи, и именно той части дворянства, которая, владѣя зàмками, носила титулъ nobiles, между тѣмъ, какъ дворяне, зàмками не владѣвшіе, прозывались только strenui. Въ XIV-мъ вѣкѣ къ разряду этихъ Schlossgesessenen въ старой мархіи принадлежали только Шуленбурги, Альвенслебены, Бартенслебены, Яговы, Кнезебеки и Бисмарки, владѣвшіе Бургшталлемъ. Бургшталль былъ раздольемъ и гордостью для Бисмарковъ, главнымъ образомъ потому, что его окружали обширные, великолѣпные лѣса, въ которыхъ водился всякій звѣрь. Но по этой же причинѣ, черезъ три вѣка пользованія, у нихъ этотъ зàмокъ былъ отнятъ курфирстомъ, который ѣздилъ къ нимъ въ гости, на охоту, такъ часто, что наконецъ насильно понудилъ ихъ, въ 1562-мъ году, обмѣнять замокъ Бургшталль на помѣстье Шёнгаузенъ и Кревезе. Бисмарки, съ великимъ горемъ, должны были согласиться на это, и вотъ Шёнгаузенъ съ тѣхъ поръ сталъ ихъ новымъ родовымъ зàмкомъ.

Въ Клаусѣ (Николаѣ) фон-Бисмаркѣ, первомъ владѣльцѣ Бургшталля, укажемъ еще на двѣ черты—онъ также умеръ отлученный отъ церкви, какъ Руло, а при жизни, будучи совѣтникомъ маркграфа, употреблялъ всѣ усилія на борьбу съ имперскимъ правительствомъ *Габсбурговъ, за самостоятельность Бранденбургіи.* Этотъ предокъ Бисмарка былъ такимъ образомъ партикуляристъ, возстававшій противъ единства германской имперіи, между тѣмъ, какъ нынѣшній основалъ имперское единство, но все-таки оба они работали въ защиту бранденбургскихъ интересовъ и противъ Габсбурговъ. Впрочемъ, противъ Габсбурговъ сражались впослѣдствіи еще двое изъ предковъ Бисмарка. Съ послѣднимъ изъ нихъ, прапрадѣдомъ своимъ Августомъ-Фридрихомъ, который былъ убитъ въ 1742-мъ году въ битвѣ при Хотузицѣ (въ первую силез-

скую войну), нынѣшній Бисмаркъ, говорятъ, имѣетъ замѣчательное сходство въ чертахъ лица и въ фигурѣ. Одинъ изъ дѣдовъ канцлера, Лудольфъ Бисмаркъ, сперва прусскій подполковникъ, закололъ лакея и хотя былъ помилованъ, но нѣсколько разъ обойденъ чиномъ, вслѣдствіе чего перешелъ въ 1732-мъ году въ русскую службу, по протекціи родственника своего Бирона; послѣ паденія Бирона, и Бисмаркъ, по словамъ Гезекиля, былъ сосланъ въ Сибирь, а впослѣдствіи, возвращенный изъ Сибири, былъ произведенъ въ генералы, исполнилъ нѣсколько дипломатическихъ порученій русскаго правительства и умеръ на службѣ въ Полтавѣ.

Отецъ Бисмарка служилъ въ лейбъ-карабинерномъ полку и вышелъ въ отставку ротмистромъ. Жена его, мать канцлера, была урожденная Менкенъ, рода не-дворянскаго, впрочемъ дочь сановника, дѣйствительнаго кабинетъ-совѣтника Менкена, о которомъ знаменитый Штейнъ отзывался какъ о просвѣщенномъ, либеральномъ, деликатномъ и любезномъ человѣкѣ, имѣвшемъ наилучшія намѣренія. Изъ дѣтей отставного ротмистра Карла-Вильгельма-Фердинанда фонъ-Бисмарка и его жены Луизы-Вильгельмины, въ настоящее время находятся въ живыхъ: Бернгардъ, старшій братъ канцлера,—камергеръ живущій въ своихъ помѣстьяхъ, исполняя должность ландрата, въ Помераніи;—Мальвина, сестра ихъ; она моложе канцлера 12-ю годами, замужемъ за камергеромъ и ландратомъ, членомъ прусской палаты господъ, Арнимомъ; къ ней канцлеръ чрезвычайно привязанъ и большее число тѣхъ его писемъ, въ которыхъ высказывается его интимная жизнь, адресованы къ ней; наконецъ — Отто-Эдуардъ-Леопольдъ, князь Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, канцлеръ германской имперіи.

Отто фонъ-Бисмаркъ родился въ Шёнгаузенѣ, 1-го апрѣля 1815-го года. Первые годы жизни онъ провелъ впрочемъ не въ этомъ родовомъ имѣніи, лежащемъ въ Бранденбургіи, а въ Помераніи, въ имѣніяхъ Книпгофѣ и Ярхелинѣ, которыя перешли къ его отцу по наслѣдству отъ одного изъ его дядей. Имѣнія Книпгофъ, Ярхелинъ и Кильцъ составляютъ ленъ, въ качествѣ владѣльца котораго Отто Бисмаркъ впослѣдствіи и до 1868-го года былъ членомъ палаты господъ. Когда по сдѣлкѣ между братьями имѣнія эти перешли къ братьямъ Бисмарка, а у него остался Шёнгаузенъ и купленный имъ Варцинъ, то король назначилъ министра-президента пожизненнымъ членомъ палаты господъ.

Итакъ, первые годы жизни Бисмарка протекли въ Книпгофѣ. Въ 1821-мъ году, его отдали въ извѣстный въ то время пан-

сіонъ профессора Пламанна въ Берлинѣ, на Вильгельмштрассе, гдѣ братъ его Бернгардтъ находился уже ранѣе. Въ этомъ пансіонѣ Бисмаркъ пробылъ шесть лѣтъ, а потомъ, опять вслѣдъ за братомъ, перешелъ въ Untertertia въ фридрихъ-вильгельмскую классическую гимназію. Каникулы мальчики проводили въ Книпгофѣ, но и зимою родители ихъ пріѣзжали на нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинъ, такъ что мальчики жили въ семействѣ и только ходили въ гимназію. Для повторенія уроковъ и вообще для надзора за ходомъ ученья, къ нимъ постоянно приходили на домъ учителя. Одинъ изъ этихъ учителей былъ женевецъ Галлó, другой докторъ филологіи Винкельманнъ, который былъ учитель очень хорошій; но однажды, во время отсутствія родителей изъ Берлина, Винкельманнъ, который жилъ въ домѣ, какъ гувернеръ, исчезъ со всѣми деньгами оставленными на хозяйство. Постоянные домашніе уроки дали Бисмарку возможность основательно научиться французскому и англійскому языкамъ, на которыхъ онъ говоритъ очень хорошо. О воспитаніи умственномъ заботилась особенно мать, которая сама была образованная, свѣтская и практическая женщина. Она старалась съ дѣтства возбудить въ сыновьяхъ честолюбіе и сама съ самаго начала такъ и предназначила: старшему — быть ландратомъ, а меньшому — дипломатомъ; оба они оправдали эти ожиданія матери, а младшій и превзошелъ ихъ, какъ онъ впрочемъ превзошелъ ожиданія не одной Луизы-Вильгельмины фонъ-Бисмаркъ. Имѣніями управляла также мать и много тратила на разнообразныя попытки ввести «раціональное» хозяйство; подъ вліяніемъ этихъ опытовъ, а также и непосильныхъ расходовъ на представительство зимою, въ Берлинѣ, Бисмарки впослѣдствіи разстроили свои дѣла.

Отецъ Бисмарка былъ настоящій прусскій *Junker;* верховая ѣзда и охота — были его страстью и главнымъ его занятіемъ. Онъ хвастался передъ подроставшими сыновьями, что подъ его командой карабинеры — «пять лѣтъ сряду засыпали лошадямъ овесъ въ *четыре* часа утра». Въ жену онъ былъ влюбленъ и находился самъ подъ ея командой. Онъ училъ сыновей ѣздить верхомъ и охотиться. Въ письмѣ, писанномъ въ 1844-мъ году, то-есть за годъ до смерти его отца, къ сестрѣ Мальвинѣ, которая недавно передъ тѣмъ вышла замужъ, Отто Бисмаркъ отчасти характеризуетъ отношенія, бывшія между сыномъ и отцомъ: «...Живу здѣсь съ отцомъ въ чтеніи, куреніи и прогулкѣ, помогаю ему ѣсть миноги, а иногда играемъ съ нимъ комедію, которую онъ изволитъ называть охотой на лисицу, такъ какъ мы впередъ убѣждены, что въ рощѣ нѣтъ ни одного живого существа, кромѣ бабъ сби-

рающихъ хворостъ...; осматриваемъ дважды оранжерею, каждый часъ четыре термометра, переставляемъ стрѣлку барометра, и привели часы, по солнцу, въ такое согласіе, что всѣ они бьютъ вмѣстѣ; Карлъ V-й былъ дуракъ!.. Отцу пиши о мелкихъ подробностяхъ: кто у васъ былъ, чтó вы ѣли, чтó дѣлаютъ лошади и слуги, скрипятъ ли двери, однимъ словомъ — факты и факты; кстати, не называй его «папа», онъ этого терпѣть не можетъ...» Между тѣмъ отецъ страстно любилъ и баловалъ сына; мать была нѣсколько холодна и гораздо строже отца. Мать опасалась, что мальчики будутъ избалованы отцомъ и потому именно рано удалила ихъ изъ дому. Самъ Бисмаркъ впослѣдствіи находилъ, что это повредило ему въ нравственномъ отношеніи. Изъ фридрихъ-вильгельмской гимназіи, Бисмаркъ перешелъ потомъ въ другую, тóже въ Берлинѣ. Въ послѣдніе гимназическіе годы онъ жилъ въ пансіонѣ профессора Превó, а потомъ въ пансіонѣ доктора Боннелля.

Мальчикъ Бисмаркъ могъ скорѣе другого Junker'а избѣгнуть узкости предразсудковъ своей среды, такъ какъ мать его, будучи по рожденію не-дворянкой и испытавъ, вѣроятно, эти предразсудки на самой себѣ, не любила аристократіи. Тѣмъ не менѣе Junker скоро «сказался» въ Бисмаркѣ, а именно въ первомъ же пансіонѣ, куда онъ поступилъ *шести лѣтъ* отъ роду. Въ то время, то-есть въ двадцатыхъ годахъ, въ Германіи процвѣтало грубо-народное направленіе, порожденное войнами съ Франціею. Ненависть къ французамъ—Franzosenhass, Franzosenfresserei, вмѣстѣ съ влюбленностью въ «старинную германскую простоту», въ видѣ контраста и протеста противъ французской «утонченности». А такъ какъ дворянство было само «заражено» французской утонченностью, то тевтоманія, надъ которою такъ безпощадно въ свое время смѣялся Гейне, уже по этому случаю получила демократическое направленіе, которое, впрочемъ, соотвѣтствовало и національному убѣжденію, что освобожденіе Германіи въ 1813-мъ году было дѣломъ *народа*, а не правительствъ. Но такая влюбленность въ старогерманскіе нравы, восхваленіе старогерманской безъискусственности и грубости вмѣщала въ себѣ значительную долю консерватизма, даже реакціи противъ новыхъ «французскихъ» же идей. Однимъ изъ главныхъ средствъ къ возбужденію духа энергіи и къ воспитанію новыхъ поколѣній въ старогерманской крѣпости тѣла, была придумана тевтоманствомъ гимнастика—das Turnen; одинъ изъ вождей тевтонскаго направленія, «старикъ» Янъ, былъ вмѣстѣ основателемъ германскаго Turnwesen. И вотъ такимъ образомъ и впослѣдствіи нѣмецкіе турнферейны сдѣлались однимъ изъ главныхъ центровъ

пропаганды идеи германскаго единства. Отъ всего этого направленія въ конечномъ результатѣ оказалась и весьма реальная польза, хотя первоначальныя преувеличенія его были смѣшны. Въ пансіонѣ Пламанна, куда поступилъ Отто Бисмаркъ, процвѣтало это направленіе, съ его влюбленностью въ грубость, которая представлялась священнымъ народнымъ качествомъ, и съ его педагогическими пріемами въ видѣ пріученія дѣтей къ голоду и холоду, все для воспитанія могучаго поколѣнія будущихъ тевтоновъ. Нѣкоторые изъ учителей у Пламанна, а потомъ и въ фридрихъ-вердерской гимназіи (второй, куда перешелъ Бисмаркъ) относились къ барченку (Junker) съ нѣсколько злорадной строгостью, и у Пламанна къ нему примѣняли теорію объ укрѣпленіи тѣла посредствомъ лишеній съ особенной демократической жесткостью. Вотъ это-то и вызвало въ энергическомъ, самолюбивомъ мальчикѣ внутренній протестъ, вызвало въ немъ то сословное высокомѣріе, которое впослѣдствіи могло только укрѣпиться въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ послѣ окончанія своихъ курсовъ. Бисмаркъ, какъ гимназическій ученикъ, отличался способностями, учился хорошо, хотя не былъ изъ первыхъ учениковъ. Уже въ то время онъ особенно любилъ исторію. На латинскомъ сочиненіи, написанномъ имъ при выпускномъ экзаменѣ изъ гимназіи, въ 1832-мъ году, положена была отмѣтка: oratio est lucida ac latina, sed non satis castigata. Благодаря тому воспитанію, какое онъ получилъ дома, Бисмаркъ съ дѣтства былъ страстный любитель лошадей и собакъ, охоты, и мастеръ во всѣхъ «спортахъ». Онъ—страстный и смѣлый ѣздокъ, хотя и не манежный, отличный пловецъ и фехтовальщикъ,—но чистой гимнастики, которая въ Германіи гораздо болѣе популярна, чѣмъ «спорты», Бисмаркъ никогда терпѣть не могъ, вынеся отвращеніе къ ней изъ перваго съ ней знакомства въ пансіонѣ Пламанна.

Характера онъ уже въ молодости былъ веселаго, открытаго и любезнаго, но въ то же время настойчиваго, неуступчиваго и требовательнаго. Однимъ словомъ, къ нему уже въ юношествѣ вполнѣ примѣнялась одна изъ поговорокъ мѣстныхъ крестьянъ, которые такъ характеризуютъ нравы окрестныхъ имъ помѣщиковъ: «Meinetwegen!» (пожалуй) говоритъ Альвенслебенъ; «Ueber und über!» (слишкомъ много), говоритъ Шуленбургъ; «Noch lange nicht genug!» (далеко еще не довольно), говоритъ Бисмаркъ.

III.

«Бѣшеный» Бисмаркъ.

Въ 1832-мъ году Отто Бисмаркъ поступилъ въ гёттингенскій университетъ. Объ учебныхъ работахъ его въ студенчествѣ біографы говорятъ мало. Тѣмъ болѣе говорятъ они о его дуэляхъ. Въ теченіи трехъ семестровъ въ Гёттингенѣ Бисмаркъ, какъ разсказываютъ, продѣлалъ до двадцати студентскихъ дуэлей, и дрался съ такимъ мастерствомъ, что только разъ былъ легко раненъ въ щеку, на которой рубецъ видѣнъ и теперь. Тогдашняя студентская жизнь пришлась ему по нраву, и онъ навсегда сохранилъ въ своемъ тонѣ нѣсколько «бурщикозный» оттѣнокъ, который проявляется и въ письмахъ его, и даже въ его парламентскихъ рѣчахъ. Анекдоты изъ университетской жизни канцлера мы можемъ, впрочемъ, спокойно оставить въ сторонѣ, такъ какъ въ нихъ является не столько Бисмаркъ, сколько молодцоватый буршъ. Изъ Гёттингена онъ перешелъ въ Берлинъ, гдѣ и сдалъ экзаменъ. Бисмаркъ былъ студентомъ юридическаго факультета, но лекціи слушалъ мало, можно сказать, не слушалъ, а работалъ дома, готовясь къ экзамену, который и былъ, конечно, главной его цѣлью, такъ какъ безъ университетскаго экзамена нельзя было поступить въ государственную службу. Въ берлинскомъ университетѣ Бисмаркъ сошелся со студентомъ графомъ Кейзерлингомъ, который еще недавно (т.-е. впослѣдствіи) былъ попечителемъ дерптскаго округа. Кейзерлингъ научилъ его цѣнить музыку, и Бисмаркъ охотно слушалъ въ особенности Бетховена.

Сдавъ экзаменъ, въ 1835-мъ году, Бисмаркъ опредѣлился на должность «аускультатора» (протоколиста) въ берлинскомъ городскомъ судѣ. Гезекиль ручается за достовѣрность слѣдующаго анекдота: однажды выслушивая показанія какого-то въ высшей степени беззастѣнчиваго берлинца, для занесенія словъ его въ протоколъ, Бисмаркъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и сказалъ ему: «м. г., будьте сдержаннѣе, или я выкину васъ вонъ». На это судья замѣтилъ, Бисмарку, чтобы вопросъ объ удаленіи протоколистъ предоставилъ ему, судьѣ. Тогда Бисмаркъ, при новой наглости со стороны показателя, прикрикнулъ на него: «м. г. будьте сдержаннѣе, или я сейчасъ предоставлю г. судьѣ вышвырнуть васъ вонъ». При этомъ сдѣлаемъ общее замѣчаніе, что весьма значительная часть анекдотовъ, разсказываемыхъ про Бисмарка, имѣетъ такой именно характеръ, т.-е., что въ анекдо-

тахъ Бисмаркъ чаще всего является колотящимъ, пугающимъ или отдѣлывающимъ кого-нибудь. Всѣ нѣмецкіе біографы заботливо повторяютъ эти анекдоты, стало быть мы имѣемъ право предполагать, что они нравятся публикѣ. Это особенность всей саксонской расы, что, несмотря на высокую ея образованность, она высоко цѣнитъ физическую силу; физическая сила и все основанное на ней всегда популярны и въ Англіи и въ Германіи. Такъ, напримѣръ, едва ли большинству читающихъ людей въ Европѣ когда-либо было извѣстно, высокаго или средняго роста былъ Кавуръ, и силенъ ли онъ былъ или слабъ. Но объ атлетическомъ сложеніи Бисмарка всѣмъ извѣстно, потому именно, что земляки его съ особымъ самодовольствомъ любуются молодцоватостью своего героя. Анекдоты, разсказываемые біографами о томъ, какъ Бисмаркъ напугалъ университетскаго педеля огромною собакой, какъ онъ разбилъ бутылку на головѣ какого-то демократическаго оратора въ кофейнѣ, какъ онъ спасъ изъ воды своего конюха и получивъ медаль за спасеніе, отвѣчалъ какому-то иностранному дипломату, на ироническій вопросъ объ этой медали: «мнѣ иногда случается *спасти* жизнь человѣку», и т. д. и т. д., по нашему мнѣнію не столько характеризуютъ Бисмарка, сколько вкусъ его поклонниковъ.

Въ то время, когда Бисмаркъ состоялъ въ должности протоколиста при берлинскомъ городовомъ судѣ, онъ въ первый разъ представленъ былъ ко двору; при этомъ-то случаѣ нынѣшній императоръ, увидавъ такого «молодца» во фракѣ, и сдѣлалъ замѣчаніе, что юстиція стала выбирать себѣ людей по гвардейской мѣркѣ. Достигнувъ въ юстиціи званія «референдарія», Бисмаркъ въ 1836-мъ году перешелъ въ административное вѣдомство, такъ какъ цѣлью его было служить по дипломатической части, а для этого, по прусскому закону, требуется предварительная служба и по судебному и по административному вѣдомствамъ. Онъ опредѣлился въ провинціальное правленіе въ Ахенѣ. Но здѣсь удовольствія скоро отвлекли его отъ службы. Онъ познакомился съ богатыми иностранцами, которые пріѣзжали на-воды, пускался путешествовать съ ними во Францію, на Рейнъ, въ Бельгію, вошелъ въ такіе расходы, которые не соотвѣтствовали средствамъ младшаго сына небогатаго помѣщика, и надѣлалъ долговъ, которые потомъ тяготѣли надъ нимъ, повергли его въ нѣкоторое уныніе, и едва ли не были одной изъ причинъ того кутежа, въ удаленіи отъ свѣта, которому онъ вскорѣ затѣмъ предался.

Изъ Ахена онъ перешелъ на службу въ провинціальное же управленіе въ Потсдамъ, и тогда же, въ 1837-мъ году, опредѣ-

пился волонтеромъ на годъ въ гвардейскій егерскій полкъ, чтобы отбыть повинность; здѣсь онъ жилъ «весело» съ офицерами, но не долго, потому что въ это время дѣла его отца пришли въ полное разстройство. Бернгардтъ и Отто предложили отцу передать имъ въ управленіе тогда же его имѣнія въ Помераніи, и отецъ согласился на это, уѣхавъ самъ въ бранденбургское свое родовое имѣніе Шёнгаузенъ, и прожилъ тамъ до 1845 года. Мать Бисмарка умерла въ Берлинѣ, въ 1839-мъ году. Въ виду разстройства дѣлъ, Отто Бисмаркъ перешелъ изъ гвардейскаго полка въ одинъ изъ армейскихъ егерскихъ батальоновъ, стоявшій въ Грейфсвальдѣ; этотъ полкъ былъ избранъ имъ съ той цѣлью, чтобы слушать лекціи сельскаго хозяйства въ грейфсвальдскомъ университетѣ. Пока братъ его управлялъ имѣніями одинъ, Бисмаркъ дослуживалъ свой годичный срокъ въ полку въ Грейфсвальдѣ; но ученая работа оказалась несовмѣстною съ военнымъ ученьемъ, такъ что въ Грейфсвальдѣ Отто Бисмаркъ возобновилъ свою студенческую жизнь только въ смыслѣ непомѣрнаго кутежа со студентами.

Наконецъ, въ 1839-мъ году, братья стали вдвоемъ заниматься хозяйствомъ; но уже черезъ два года Бернгардтъ былъ избранъ окружнымъ наугардскимъ собраніемъ въ ландраты этого округа, и переселился въ Наугардъ; тогда братья подѣлились такъ, что младшему достался Книпгофъ. Въ это время Отто Бисмарку было двадцать четыре года. Служебная карьера его была прервана; настоящая карьера, которую онъ имѣлъ въ виду, то-есть дипломатическая даже не была начата; имѣніе было разорено; денегъ не было, не было кредита, а были еще личные долги; наконецъ, не было никакой опытности въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, положеніе его было не только не завидно, но почти безвыходно. И, однакожъ, Бисмаркъ изъ него *вышелъ*, вышелъ именно благодаря собственной настойчивости, умѣнью практически взяться за всякое дѣло, благодаря тому уму, который живетъ борьбою съ препятствіями и твердой волѣ. Онъ весь отдался хозяйству и повелъ его съ такимъ благоразуміемъ и дѣятельностью, что оно мало по-малу стало приходить въ порядокъ и имѣніе поправилось. Пока все долженъ былъ дѣлать онъ одинъ, пока у него не было ни денегъ, ни надежныхъ людей, онъ работалъ не глядя на стороны, работалъ такъ, какъ будто ему было суждено быть записнымъ хозяиномъ и больше ничѣмъ. Поѣздки верхомъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, служили ему единственнымъ развлеченіемъ. Но какъ только дѣла стали, что-называется, входить въ колею, и по мѣрѣ того, какъ хозяйство организовалось правиль-

но, пошло само собою, нашлись люди вѣрные,—умъ самого хозяина охлаждался къ этому дѣлу; изъ дѣла улетучивался элементъ борьбы, и затѣмъ оно становилось тѣсно, скучно, пошло для этого Stürmer und Dränger. Даже во всемъ уѣздѣ ему было душно. Поправить имѣніе въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился молодой Бисмаркъ—дѣло весьма трудное, и успѣхъ въ немъ доказываетъ энергію и силу практическаго ума въ человѣкѣ, пожалуй, болѣе, чѣмъ успѣхъ въ какомъ-нибудь второстепенномъ дипломатическомъ маневрѣ. Вообще можно сказать, что кому удалось поправить разоренное имѣніе не изъ постороннихъ средствъ, а средствами самого этого имѣнія, тотъ способенъ управлять людьми. Со стороны Бисмарка успѣхъ этотъ обѣщалъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ достигнутъ человѣкомъ молодымъ, неопытнымъ, и вмѣстѣ подвергшимся уже нѣкоторой неудачѣ въ жизни. Замѣчательно, что хорошіе дипломаты вообще бывали хорошими хозяевами: для примѣра укажемъ на Меттерниха, Пальмерстона и Кавура. Примѣръ Бисмарка, конечно, еще важнѣе. Въ этомъ проявляется не случайное совпаденіе, а сходство свойствъ, требующихся для этихъ отраслей дѣятельности: умѣнье пользоваться обстоятельствами и управлять людьми.

Чѣмъ меньше становилось необходимо ежечасное личное наблюденіе, чѣмъ вѣрнѣе обозначалась дорога къ поправленію дѣлъ, тѣмъ тоскливѣе становилось на душѣ Бисмарка; и вотъ онъ закутилъ наконецъ въ Книпгофѣ такъ, что молва о немъ, какъ о «бѣшеномъ Бисмаркѣ», пошла далеко кругомъ, и самый Kniephof былъ переименованъ сосѣдями въ Kneiphof (Kneipe — питейный домъ). Здѣсь лучше всего привесть подлинныя слова біографа. «Въ сосѣдствѣ ходили удивительные разсказы о ночныхъ попойкахъ въ Книпгофѣ, въ которыхъ никто не могъ сравниться съ бѣшенымъ Бисмаркомъ при осушеніи большого кубка, наполненнаго наполовину шампанскимъ, наполовину—портеромъ. Странныя вещи разсказывались у сосѣдей, особенно въ кружкѣ дамъ, приходившихъ въ ужасъ, и вообще въ Помераніи тутъ высказывалась вся сила народнаго творчества въ созданіи миѳовъ: къ каждой дерзко-безумной продѣлкѣ, дѣйствительно бывшей, присоединялось по дюжинѣ миѳовъ то комическаго, то страшнаго свойства, такъ что наконецъ скромный Книпгофъ или «Кнейпгофъ» прослылъ какимъ-то отверженнымъ мѣстомъ, какъ-будто бы тамъ являлись привидѣнія. Но тамошнія привидѣнія должны были имѣть крѣпкіе нервы; по крайней мѣрѣ — крѣпкіе нервы были необходимы гостямъ Бисмарка, которыхъ, среди тяжелаго сна, подъ бременемъ портера съ шампанскимъ, часто будили

пистолетные выстрѣлы, такъ что, вскакивая, съ просонковъ они видѣли какъ надъ головами ихъ били пули въ потолокъ, и въ мутные глаза ихъ сыпалась штукатурка».

А между тѣмъ, самымъ «веселымъ» изъ тогдашнихъ товарищей Бисмарка бывало иногда скучно у него потому, что онъ по цѣлымъ вечерамъ и ночью съ жаромъ разсуждалъ о политикѣ съ двумя друзьями — фон-Девицомъ и Бюловымъ. Веселая компанія хотя и скучала, но слушала эти рѣчи, потому что относилась къ Бисмарку съ большимъ уваженіемъ. «Онъ импонировалъ всѣмъ намъ—сказалъ одинъ изъ тогдашнихъ товарищей Бисмарка, — и, помнится, въ то время онъ былъ порядочно-либераленъ!» Впрочемъ не одна только веселая компанія въ «Кнейпгофѣ» видѣла въ Бисмаркѣ уже въ то время человѣка недюжиннаго: значительная часть членовъ окружнаго собранія хотѣла баллотировать его въ ландраты, но Бисмаркъ рѣшительно отказался. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что онъ и въ то время совершенно отдался одному кутежу; кутежъ былъ только однимъ изъ проявленій потребности вырваться изъ тѣсной, мелкой сферы дѣятельности; онъ и въ то время много читалъ, особенно историческія книги, и исторію Бисмаркъ знаетъ хорошо, что̀ доказывается многими его парламентскими рѣчами. Ему хотѣлось вырваться изъ книпгофской жизни; онъ побывалъ во Франціи и Англіи, и рѣшился даже во второй разъ поступить на службу въ потсдамское провинціальное правленіе. Но бюрократическія отношенія подчиненнаго къ начальникамъ были ему не по-нраву. Разъ приходитъ онъ къ начальнику, тотъ не замѣчаетъ его присутствія и барабанитъ по стеклу окна, думая дать подчиненному полезный урокъ въ искусствѣ смиреннаго выжиданія. Но Бисмаркъ подходитъ къ другому окну и начинаетъ барабанить дуэтъ съ начальникомъ. Въ другой разъ, начальникъ заставилъ Бисмарка ждать своего выхода изъ кабинета цѣлый часъ, все съ тою же педагогической цѣлью. Появившись наконецъ, онъ спросилъ: «вы зачѣмъ?» — «Пришелъ-было за отпускомъ, но теперь прошу отставки», отвѣчалъ референдарій Бисмаркъ. О дипломатической карьерѣ онъ уже пересталъ думать; ему хотѣлось поселиться въ Шёнгаузенѣ и *тамъ* сдѣлаться ландратомъ; въ такихъ видахъ онъ согласенъ былъ и жениться. Сестра его, Мальвина, съ которою онъ всегда былъ очень друженъ, и съ которою исчезала въ немъ рѣзкость, такъ что шёнгаузенскіе люди говорятъ: онъ говорилъ съ ней какъ съ невѣстой, — въ 1844-мъ году вышла замужъ за его друга Оскара фон-Арнима. Ей въ то время онъ высказывалъ свое намѣреніе жениться, если представится

случай. Кутить, путешествовать, сдѣлаться чиновникомъ или военнымъ, жениться — все было хорошо, лишь бы вырваться изъ одиночества и однообразія жизни въ Книпгофѣ. Въ военную службу Бисмаркъ то же попробовалъ поступить: онъ причислился къ армейскому уланскому полку, но и здѣсь результатомъ была только «веселая жизнь» съ уланами, какъ прежде съ егерями и со студентами; Бисмаркъ не могъ поладить со своимъ полковымъ командиромъ; однимъ словомъ, онъ рѣшительно выбился изъ «подчиненности». Впрочемъ изъ этой кратковременной службы въ уланахъ онъ вынесъ ту пользу, что лучше прежняго ознакомился съ прусскими военными порядками. Изъ писемъ его къ сестрѣ въ тѣ годы надо привесть хоть одно: «Madame! Не безъ усилія сдерживаю свою потребность наполнить цѣлое письмо сельско-хозяйственными жалобами на ночные морозы, болѣзнь скота, скверную брюкву и скверныя дороги, околѣвшихъ ягнятъ, голодающихъ овецъ, недостатокъ соломы, корма, денегъ, картофеля и навозу. Къ тому же Іоганъ за дверью свиститъ столь же упорно, какъ и фальшиво, какой-то подлѣйшій экосѐзъ, а у меня не хватаетъ жестокости велѣть ему замолчать, такъ какъ онъ навѣрное ищетъ въ музыкѣ облегченія своему любовному горю. Идеалъ его сновидѣній недавно отказалъ ему, по уговорамъ родителей, и вышелъ за столяра. Положеніе одинаковое съ моимъ, если не считать столяра, который мнѣ еще предстоитъ въ будущемъ. Надо мнѣ однако, чортъ меня возьми совсѣмъ, жениться; это опять уяснилось мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ отецъ уѣхалъ и я почувствовалъ себя оставленнымъ и одинокимъ, а теплая, мокрая погода наводитъ на меня меланхолію и влюбчивость въ мечтахъ. Тутъ нечего упираться, и кончится тѣмъ, что я все-таки женюсь на **, такъ какъ этого хотятъ всѣ, да оно и натурально, такъ какъ насъ обоихъ никто не взялъ... Когда я подъѣзжалъ къ Ангермюнде, оказалось что волны Гампеля (маленькая рѣчка) отрѣзали меня отъ Книпгофа; я остался ночевать въ Наугардѣ... Одинъ изъ моихъ возовъ, съ 3-мя бочками спирту, былъ снесенъ водою, и я не безъ гордости могу сказать, что въ моей рѣчонкѣ Гампелѣ потонулъ возъ дегтю съ извощикомъ и лошадью. Сверхъ того, въ Голльновѣ разрушились нѣсколько домовъ, повѣсился арестантъ въ исправительномъ заведеніи, вслѣдствіе тѣлеснаго наказанія, а сосѣдъ мой, помѣщикъ *** застрѣлился вслѣдствіе недостатка въ фуражѣ; его три вдовы и одно малолѣтное дитя сокрушаются въ безслезной печали, стоя вокругъ окровавленнаго гроба самоубійцы. Обильное великими событіями время! Надо ожидать, что еще нѣкоторые изъ нашихъ

знакомыхъ сойдутъ со сцены, такъ какъ этотъ годъ дурнымъ урожаемъ, низкими цѣнами и раннею зимой сильно налегаетъ на задолжавшаго помѣщика».

Мы назвали выше трехъ пріятелей Бисмарка. Но другомъ дѣтства его былъ Морицъ фонъ-Бланкенбургъ, также одинъ изъ его сосѣдей въ Помераніи. Въ то время, на которомъ мы остановились, то-есть, когда передъ смертью отца Бисмаркъ жилъ еще въ померанскомъ имѣніи Книпгофѣ, онъ часто бывалъ въ домѣ Бланкенбурга, который также вышелъ въ отставку референдаріемъ и успѣлъ уже жениться. Въ это время у Бланкенбурга бывали майоръ фонъ-Роонъ, впослѣдствіи авторъ военнаго преобразованія, и докторъ Бейтнеръ, который съ 1855 года сталъ главнымъ редакторомъ феодальной «Крестовой Газеты»; самъ хозяинъ, Бланкенбургъ, сдѣлался впослѣдствіи — и остается доселѣ однимъ изъ вождей феодальной партіи въ прусской палатѣ представителей и въ имперскомъ сеймѣ. По смерти отца, въ 1845-мъ году, Отто Бисмаркъ уступилъ брату одно изъ померанскихъ имѣній (Ярхелинъ), а самъ удержалъ Книпгофъ и получилъ Шёнгаузенъ. Тогда онъ переѣхалъ въ Бранденбургъ и поселился въ Шёнгаузенѣ. Въ Бранденбургѣ, какъ и въ Помераніи, земство, несмотря на безпорядочную жизнь молодого Junker'а угадало въ немъ человѣка дѣльнаго; его избрали сперва инспекторомъ шлюзовъ (Deichhauptmann), потомъ членомъ сейма прусской провинціи Саксоніи, и затѣмъ кандидатомъ въ «соединенное собраніе сеймовъ», созванное въ 1847-мъ году въ Берлинѣ, и послужившее началомъ парламентской жизни въ Пруссіи. Должность инспектора шлюзовъ Бисмаркъ принялъ въ томъ практическомъ соображеніи, которое онъ высказываетъ въ письмѣ къ сестрѣ, что хотя должность эта и не приноситъ дохода, но дастъ ему возможность предохранить Шёнгаузенъ отъ наводненій, которыя причиняли ему значительный вредъ. Въ соединенное собраніе сеймовъ (der Vereinigte Landtag) Бисмаркъ попалъ неожиданно, хотя и не случайно. Депутатомъ отъ его округа былъ нѣкто Браухитшъ, а Бисмаркъ былъ избранъ только кандидатомъ для замѣщенія его, въ случаѣ необходимости. Браухитшъ заболѣлъ и Бисмаркъ, занявъ его мѣсто, вступилъ на политическую арену, съ которой болѣе не сходилъ и на которой онъ вскорѣ и открылъ себѣ ту широкую карьеру, къ которой напрасно рвался доселѣ его умъ, какъ то бываетъ со многими талантливыми людьми, съ цѣлыми поколѣніями талантливыхъ людей во всѣхъ странахъ, гдѣ общество лишено политической самодѣятельности. Нельзя, конечно, сказать, что если бы нѣкто Браухитшъ не заболѣлъ въ извѣстное время, то

Германія не имѣла бы своего Бисмарка; но можно утверждать, что не откройся прусскому обществу въ то время политическая самодѣятельность, силы и способности Бисмарка погибли бы для его страны, какъ погибали до того времени даромъ силы и способности не одного человѣка. Если бы не началась въ Пруссіи жизнь парламентская, живительная борьба принциповъ и общественныхъ стремленій, Бисмаркъ остался бы отставнымъ референдаріемъ, помѣщикомъ-кутилой, извѣстнымъ одному околотку, а можетъ быть его страстная, энергическая натура не долго бы и вынесла эту жизнь. Но парламентское поприще открылось, загорѣлась жизнь политическая, и она-то, непосредственно она и произвела Бисмарка. Правда, Бисмаркъ не народный трибунъ, не мыслитель, основывающій школу; онъ прежде и болѣе всего человѣкъ правительства, величіе его исключительно относится къ сферѣ дипломатической. Но кто же далъ коронѣ такого совѣтника, гдѣ проявились первоначально блестящія способности этого дипломата, однимъ словомъ, при какихъ условіяхъ прусская корона могла найти того человѣка, который впослѣдствіи покрылъ ее короной имперскою? Парламентская дѣятельность, въ парламентской борьбѣ, при парламентскихъ условіяхъ! Одинъ изъ біографовъ Бисмарка совершенно справедливо замѣчаетъ, что какъ впослѣдствіи Бисмаркъ горячо ни противодѣйствовалъ парламентскому полновластію, но самъ онъ въ сущности — *парламентскій министръ*, министръ вышедшій не изъ канцелярій, не изъ блестящихъ полковъ, не изъ вліятельныхъ салоновъ бабушекъ и тётушекъ, но именно и исключительно изъ парламентской дѣятельности. Эта дѣятельность положила на немъ пробу силы въ политической борьбѣ, и вотъ, благодаря этой пробѣ, онъ, референдарій въ отставкѣ и поручикъ въ ландверѣ, невѣдомымъ дотолѣ путемъ политической дѣятельности, прошелъ сперва въ посланники, потомъ въ министры и канцлеры и сдѣлался основателемъ германской имперіи.

Но прежде чѣмъ перейти къ періоду политической дѣятельности Бисмарка, слѣдуетъ упомянуть о его женитьбѣ. Съ будущей своей женой онъ познакомился въ домѣ Бланкенбурговъ и сблизился съ ней при поѣздкѣ, на которую г-жа Бланкенбургъ взяла съ собой свою подругу дѣвицу Іоганну фонъ-Путкаммеръ, дочь сосѣдняго помѣщика. Семейство Путкаммеровъ, даже въ такой средѣ какъ померанское дворянство, слыло особенно благочестивымъ, а репутація пріобрѣтенная Бисмаркомъ въ Помераніи уже объяснена выше. Можно представить себѣ ужасъ Путкаммеровъ, когда они получили письмо, въ которомъ «бѣшеный Бисмаркъ»

просилъ руки ихъ дочери и когда дочь, на сдѣланный ей вопросъ, отвѣчала, что любитъ этого человѣка. Старикъ Путкаммеръ впослѣдствіи выражалъ состояніе своихъ чувствъ въ эту минуту такимъ образомъ: «меня какъ будто-хватили обухомъ по головѣ». Мать невѣсты всѣми силами противилась браку до тѣхъ поръ, пока самъ Бисмаркъ, явившись собственной особою, въ глазахъ родителей обнялъ свою возлюбленную. Тогда г-жа фонъ-Путкаммеръ залилась слезами и дала свое согласіе. Надо замѣтить, что вообще въ саксонской расѣ принужденіе къ браку или сопротивленіе браку со стороны родителей болѣе рѣдки, чѣмъ въ другихъ расахъ, особенно въ романской. Бисмаркъ, несмотря на свою репутацію, былъ все-таки *фон*-Бисмаркъ, и слылъ человѣкомъ хотя далеко не примѣрно-нравственнымъ, но дѣльнымъ. Остальное—было дѣло личнаго выбора дочери. Такимъ образомъ, Бисмаркъ и жену можно сказать *завоевалъ* себѣ, какъ онъ завоевалъ себѣ, взялъ съ бою все свое положеніе.

Свадьба происходила въ 1847-мъ году; затѣмъ молодые отправились въ Швейцарію и Италію. Эта поѣздка имѣла тотъ совершенно неожиданный результатъ, что она сблизила Бисмарка лично съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ. Они встрѣтились въ Венеціи; король, когда Бисмаркъ ему представился, пригласилъ его къ столу и, заинтересованный отвѣтами молодого дворянина, вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ, именно о германскихъ дѣлахъ. Бисмаркъ послѣ женитьбы окончательно поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Шёнгаузенъ, тамъ гдѣ родился онъ самъ. Здѣсь же родилось первое его дитя, дочь Марія. Сыновья его: Гербертъ родился въ 1849-мъ году въ Берлинѣ, Вильгельмъ въ 1852-мъ году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Бисмаркъ жилъ въ Шёнгаузенѣ нѣсколько лѣтъ сряду и Шёнгаузенъ считался постояннымъ его мѣстопребываніемъ до тѣхъ поръ, когда онъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ. Впослѣдствіи, онъ, какъ уже было сказано, купилъ Варцинъ, въ Помераніи, вблизи Рейнфельда, имѣнія родителей своей жены, и сталъ проводить свои вакаціи въ Варцинѣ, во-первыхъ, потому, что г-жѣ Бисмаркъ пріятно было жить вблизи отца почти восьмидесятилѣтняго старика фонъ-Путкаммера; во-вторыхъ потому, что Варцинъ окруженъ лѣсами, съ хорошею охотой, между тѣмъ какъ отъ Шёнгаузена лѣсъ удаленъ на цѣлый часъ ходьбы и охоты тамъ теперь почти нѣтъ; наконецъ, еще потому, что почва около Варцина *удобнѣе для верховой ѣзды*.

IV.

Парламентская эра.

Съ открытіемъ соединеннаго собранія сеймовъ въ 1847-мъ году, для Пруссіи наступила новая политическая жизнь; со вступленіемъ въ это собраніе Отто фон-Бисмарка, началась его политическая дѣятельность, которая затѣмъ и до настоящаго времени тѣсно связана съ событіями и въ значительной степени не только отразила въ себѣ эти событія, но и непосредственно вызвала ихъ. Итакъ, здѣсь будетъ умѣстно бросить взглядъ впередъ на тотъ путь, который пройденъ былъ Пруссіею и Германіею съ 1847 года. Для этого лучше всего сдѣлать двѣ выписки изъ сочиненій Эдгара Кинѐ, цитируемыхъ однимъ изъ біографовъ Бисмарка, Бамбергеромъ. Вотъ что говорилъ Эдгаръ Кинѐ о Пруссіи *сорокъ лѣтъ* тому назадъ, о Пруссіи, какъ она была еще до 1847 года, т.-е. до начала парламентской жизни. Политическаго самоуправленія въ Пруссіи въ то время не было. Но если мы скажемъ, что она, какъ государство, управлялась неограниченной властью бюрократіи, то этимъ мы въ сущности не скажемъ ничего, не объяснимъ, почему же въ Пруссіи такое правленіе подготовило великіе результаты, между тѣмъ какъ во Франціи, напримѣръ, при второй имперіи, царство бюрократіи подготовило упадокъ. Стало быть, и въ старомъ, неограниченномъ прусскомъ порядкѣ были нѣкоторыя, весьма важныя особенности. Эти особенности совершенно вѣрно были поняты и указаны Эдгаромъ Кинѐ еще въ 1831-мъ году, то-есть тогда, когда никакіе успѣхи Пруссіи еще не подкупали мнѣніе наблюдателя о ея внутреннемъ порядкѣ. . . . «Прусское правительство, — писалъ Кинѐ, — даетъ нѣмцамъ то, къ чему они наиболѣе стремятся: самодѣятельность, дѣйствительную жизнь, общественное самоуправленіе съ правомъ почина. Деспотизмъ прусскій отличается способностью, подвижностью, предпріимчивостью; *ему недостаетъ только такого человѣка, который узналъ бы его восходящую звѣзду и увѣровалъ въ нее*. Этотъ деспотизмъ живетъ не только невѣжествомъ, но и знаніемъ. Между его народомъ и имъ состоитъ нѣкое безмолвное согласіе отсрочивать до поры свободу, и пока, общей работой, увеличивать наслѣдіе великаго Фридриха. Прусскій деспотизмъ почерпаетъ немалое значеніе и въ общемъ сознаніи, что онъ, именно онъ своей рукой унизилъ Францію и отплатилъ ей за долговременный стыдъ вестфальскаго мира; при Ватерлоо, онъ

именно сломалъ крылья генію Франціи. Единство — вотъ глубокая, безсмѣнная, неизбѣжная мысль, которая одушевляетъ Германію и проникаетъ эту страну по всѣмъ направленіямъ. Религія, право, торговля, свобода, деспотизмъ, все что существуетъ за Рейномъ, указываетъ на *это* рѣшеніе и ведетъ къ нему. Единство германскаго отечества—вотъ мысль, господствующая здѣсь подъ каждой кровлею. Это единство, существующее пока въ мысли, есть не минутное согласіе преходящихъ страстей, но необходимый принципъ самого процесса развитія цивилизаціи на сѣверѣ... Германскій міръ современемъ сдѣлаетъ убійственное нападеніе на древнюю монархію франковъ; онъ выжидаетъ случая и гдѣ же то государство, которое поставлено на-сторожѣ во имя Германіи съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть такой случай? Это—Пруссія, которая въ своемъ поясѣ носитъ ключъ къ нашей территоріи и содержитъ подъ своимъ замкомъ счастіе Франціи...»

Въ 1867-мъ году, когда уже былъ основанъ сѣверогерманскій союзъ, Кинè ссылался на прежнія свои слова и вновь предсказывалъ, что затѣмъ, чтó совершилось, уже ничто не можетъ воспрепятствовать полному осуществленію единства Германіи, и что стараться остановить его совершеніе было бы все равно, что пробовать «задержать ядро вылетѣвшее изъ пушки». И въ этомъ мнѣніи, высказанномъ въ 1867-мъ году, Кинè положительно объявилъ, что со стороны единой Германіи предстоитъ для Франціи опасность ничѣмъ неотразимая, и что единственный исходъ для Франціи въ виду этой опасности было бы—возстановленіе внутренней свободы, возвращеніе себѣ права распоряжаться собственными своими дѣлами. Не лишены интереса и воззрѣнія высказанныя тогда Кинè на тѣ нравственныя послѣдствія, какія истекутъ изъ единства Германіи, которое въ 1867-мъ году онъ считалъ уже дѣломъ рѣшеннымъ: «Мнѣ кажется, что осуществленіе германской имперіи во многомъ приведетъ къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду ея непосредственными учредителями. Они думали, что оно послужитъ въ пользу интересамъ феодальной дворянской партіи; было бы неудивительно, если бы случилось какъ разъ противное. Развитіе всякой національности всегда сопровождалось одновременнымъ возрастаніемъ промышленности, а ростъ промышленности первымъ послѣдствіемъ имѣетъ именно ограниченіе и униженіе аристократіи. Германія не избѣгнетъ примѣненія этого правила, которое доселѣ не имѣло исключеній. Разрозненныя части тевтонскаго цѣлаго сблизятся и сольются; общее богатство умножится, а наслѣдственное вліяніе знатныхъ родовъ утеряется. Окажется,

что юнкерская партія ранила своимъ мечемъ самоё себя. А впрочемъ, я полагаю, что и наложеніе на всю Германію прусскаго деспотизма не искоренитъ въ ней умственныхъ ея стремленій и не остановитъ ея мышленія... Едва ли воинскому духу удастся въ германскихъ странахъ поглотить въ себѣ всѣ силы, какъ то весьма легко происходитъ у народовъ латинскихъ... Военная слава у нѣмцевъ не переходитъ въ фанатизмъ потому, что эту славу все-таки превосходитъ слава творцовъ ихъ реформаціи, ихъ поэтовъ и художниковъ. Лютера, Гёте, Шиллера, Бетховена, никогда они не поставятъ ниже Блюхера. Блескъ мундира, который прельщаетъ другіе народы, по ту сторону Рейна — вовсе не представляетъ дѣйствительно-чарующей силы. Вотъ почему я легко могу вообразить себѣ такую германскую имперію, которая хотя и основана игольчатымъ ружьемъ, но все-таки не воплотится окончательно въ милитаризмѣ. Кромѣ меча есть еще много другихъ силъ. Труднѣе предвидѣть, что выйдетъ изъ неизмѣрной тевтонской гордости, когда ничто уже не будетъ стоять передъ нею на пути, и когда она *съ высоты своихъ новыхъ побѣдъ* усмотритъ въ латинскихъ народахъ карликовъ, стоящихъ у подножія ея твердыни. Опасность для этого огромнаго тѣла можетъ возникнуть именно изъ избытка самодовольства».

Созваніе соединеннаго собранія сеймовъ было уступкой, которую король Фридрихъ-Вильгельмъ IV сдѣлалъ общественнымъ стремленіямъ. То «безмолвное согласіе» между обществомъ и правительствомъ въ Пруссіи, чтобы отсрочивать политическую свободу для совмѣстной работы въ смыслѣ осуществленія общегерманскаго единства, не есть миѳъ; оно проявилось въ войну 1813 года за освобожденіе, когда на этомъ согласіи, можно сказать, даже былъ заключенъ какъ-бы контрактъ между германскимъ народомъ и его правительствами; оно же, оно одно объясняетъ ту легкость, съ какой предпріимчивая и успѣшная прусско-германская политика Бисмарка покорила себѣ съ 1863 года общественное мнѣніе въ Пруссіи, какъ разъ въ то время, когда оно было сильно возбуждено противъ правительства внутреннимъ, конституціоннымъ столкновеніемъ; оно же, съ 1866 года, сказалось въ превращеніи значительной части самой прогрессистской партіи въ палатѣ въ партію *національно*-либеральную, то-есть прежде всего національную, а уже *потомъ* либеральную. Согласіе, которое угадалъ Кинэ въ 1831-мъ году, есть именно основная мысль нынѣшней національно-либеральной партіи; оно уже съ 1870 года и до сихъ поръ производитъ ту преданность, то довѣріе, съ которыми огромное большинство нѣмцевъ относится къ дѣламъ и

предпріятіямъ прусскаго правительства для упроченія единства, именно отсрочивая вопросъ о требованіи отъ этого правительства такихъ политическихъ уступокъ, которыхъ необходимость давно созрѣла въ сознаніи этого народа.

Но въ этомъ согласіи, какъ во всѣхъ умственныхъ фактахъ политической жизни, бывали колебанія; нѣкоторыя изъ этихъ колебаній въ томъ именно и состояли, что обществу какъ-бы наскучало безплодное ожиданіе великой общегерманской роли Пруссіи и оно начинало требовать, чтобы внутреннія уступки болѣе не отсрочивались. Начало сороковыхъ годовъ представило въ Пруссіи именно одно изъ такихъ колебаній, и колебаніе это было такъ значительно, что само правительство, наконецъ, поддалось ему, какъ разъ наканунѣ того новаго толчка, который данъ былъ Франціею въ 1848-мъ году. Источникомъ либеральныхъ движеній въ Германіи послужила несомнѣнно первая французская революція, какъ ни стараются нынѣшніе нѣмецкіе писатели (объ ученыхъ не говоримъ) отнѣкиваться отъ этого умственнаго родника европейской политической современности. Революція 1830 года во Франціи также не прошла безслѣдно для Германіи; въ нѣкоторыхъ государствахъ она вызвала конституціи или борьбу за конституціи; сверхъ того, эта революція 1830 года вдохновила Гейне и вообще оказала вліяніе на нѣмецкую литературу, отразившись въ плеядѣ писателей «Юной Германіи». Наконецъ, французская революція 1848 года имѣла прямымъ отголоскомъ возстанія въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Баденѣ. Мысль о политической свободѣ, навѣянная изъ Франціи, была дѣйствительно какъ-бы отсрочена мыслью національною въ вооруженіи всей Германіи противъ Франціи за независимость въ 1813-мъ году; но изглажена она не была, и даже въ народномъ сознаніи, она отсрочивалась не надолго. Впослѣдствіи, несмотря на разочарованіе въ правительствахъ, которыя подъ сѣнію Австріи, священнаго и германскаго союзовъ вступили рѣшительно на путь реакціи, мысль о политической свободѣ увлекла за собою въ оппозицію и самую національную мысль, мысль о единствѣ Германіи. Вмѣстѣ съ «Was ist des deutschen Vaterland»—нѣмцы пѣли и другіе не менѣе памятные стихи:

Der Gott, der Eisen wachsen liess,
Der wollte keine Knechte...

И этимъ словамъ въ періодъ 1815—1848 придавалось значеніе уже не только въ смыслѣ національной независимости, но и въ смыслѣ народной свободы. Собственно въ Пруссіи, начало сороковыхъ годовъ, освѣщенное отблескомъ революціи 1830 г.,

и умственнымъ движеніемъ гегеліанцевъ и «Юной Германіи» совпало со вступленіемъ на престолъ талантливаго короля, Фридриха-Вильгельма IV. Этотъ король хотя и не отставалъ отъ милитарныхъ традицій и милитарнаго духа Гогенцоллерновъ, но отличался отъ нихъ тѣмъ, что былъ въ душѣ поэтъ и артистъ. Воспитанникъ Ансильона, Шарнгорста, Савиньи, другъ Шинкеля и Рауха, король самъ не могъ безусловно вѣрить во всеспасаемость мертваго бюрократизма, казенщины и военщины; онъ даже былъ склоненъ къ либерализму, но склоненъ скорѣе *по вкусу*, чѣмъ по серьёзному, солидному убѣжденію. Онъ былъ либераленъ такъ какъ могъ быть либераленъ романтикъ, къ тому же романтикъ-Гогенцоллернъ, сидящій на престолѣ. Такимъ образомъ, съ наклонностью къ либерализму, въ его умѣ уживались еще такія наклонности, какъ сочувствіе къ средневѣковымъ формамъ и средневѣковому мистицизму. Онъ быть можетъ и самъ, по своей волѣ, *далъ бы* конституцію, но несомнѣнно, что онъ *далъ* въ Пруссіи всякое покровительство дворянству, въ которомъ любилъ «рыцарство», многіе майораты, далъ нѣсколько прекрасныхъ зданій Берлину, а протестантскому исповѣданію хотѣлъ дать неподвижныя, ортодоксальныя, дисциплинированныя формы, за что былъ прозванъ «лютеранскимъ папою.»

Его вступленіе на престолъ въ 1840-мъ году возбуждало большія надежды, и уже при коронованіи въ Кёнигсбергѣ ему былъ поднесенъ адрессъ о дарованіи народнаго представительства. На этомъ адрессѣ, какъ на пробномъ камнѣ, сказалась въ немъ разница между поэзіею и реальностью, Ideal und Leben: король отклонилъ просьбу о реальномъ, хотя либераломъ въ поэтическомъ смыслѣ все-таки остался. Какъ бы то ни было, со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV-го, для Пруссіи настала однако «новая эра», хотя будущности суждено было опять наименовать «новой эрою» ту минуту, когда Фридрихъ-Вильгельмъ *пересталъ* управлять государствомъ: tempora mutantur et nos mutamur in illis! Онъ далъ амнистію, хотя и не полную, облегчилъ цензурныя постановленія, далъ сословному представительству въ областныхъ сеймахъ нѣкоторое развитіе учрежденіемъ выборныхъ коммиссій и предоставленіемъ гласности работамъ этихъ сеймовъ и т. д. Для дополненія характеристики того короля, при которомъ началъ свою политическую дѣятельность Бисмаркъ, надо еще сказать, что, допуская новыя потребности новаго времени, Фридрихъ-Вильгельмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, зараженъ былъ тѣмъ самымъ духомъ тевтономаніи, который такъ не понравился Бис-

марку, когда онъ встрѣтился съ нимъ въ школѣ, въ видѣ теоріи и практики «укрѣпленія посредствомъ лишеній».

Либеральное движеніе начáла сороковыхъ годовъ въ Пруссіи тѣмъ отличалось отъ позднѣйшихъ такихъ же движеній, что оно охватывало *все* общество; ему поддавалось и само дворянство, котораго интересамъ движеніе это должно было угрожать; но пока оно угрожало только въ теоріи, прусское дворянство не открещивалось отъ либеральнаго духа, въ чемъ какъ-бы слѣдовало примѣру французскаго дворянства до 1789 года. Самъ Гезекиль говоритъ намъ, со словъ собутыльника молодого Бисмарка: «Помнится, онъ въ то время былъ довольно либераленъ». Всѣ были либеральны въ то золотое время,—время и намъ какъ будто знакомое, хотя мы въ немъ и не участвовали. Реакціонерной партіи еще не могло быть потому, что еще никакой «акціи» не произошло; но и консервативной партіи не было.

Она явилась, впрочемъ, очень скоро, какъ только либерализмъ пересталъ быть неопредѣленнымъ всеобщимъ стремленіемъ, а явился въ видѣ точнаго принципа, который потребовалъ логическаго развитія однажды произнесеннаго слова о конституціи. Собраніе соединенныхъ сеймовъ было созвано королевскимъ патентомъ; оно истекало формальнымъ образомъ, конечно, только «изъ свободной королевской воли». Въ дѣйствительности же оно истекало изъ требованій времени, изъ необходимости стряхнуть съ общественной жизни тѣсные узы бюрократизма, изъ возбужденныхъ въ 1813-мъ году надеждъ, изъ всего хода дѣлъ въ Германіи съ того времени; однимъ словомъ, это была уступка со стороны короля, но уступка силѣ обстоятельствъ. Самое обращеніе высшей власти къ представительству показывало, что она должна была внутренно признать существованіе въ государствѣ другой силы, съ помощью которой власть надѣялась сдѣлать то, чего одна сдѣлать не могла. Между тѣмъ конституціонный принципъ, однажды выступивъ на сцену, неизбѣжно долженъ былъ стремиться къ полному своему осуществленію, долженъ былъ начать свое проявленіе съ выясненія того факта, что всѣ отношенія въ государствѣ отнынѣ подлежатъ измѣненію: что представительное начало предполагаетъ *самоуправленіе народа*, что со внесеніемъ его въ жизнь, иниціатива и направленіе этой жизни фактически переходятъ изъ рукъ правительства въ руки общества. Правда, *король* своимъ словомъ далъ бытіе представительству; но это былъ только вопросъ *формы*, а не существа дѣла. Самъ ли народъ овладѣлъ властью, прáвительство ли вручило ее ему—это могло имѣть реальное значеніе при борьбѣ, но не со-

ставляло никакого различія во взглядѣ на самую сущность представительнаго правленія.

Между тѣмъ, какъ только раздались на сеймѣ голоса о правахъ народа, объ обязательности народнаго мнѣнія, о гарантіяхъ для проявленій этого мнѣнія, какъ только голоса эти, слѣдуя одной логикѣ, стали представлять февральскій патентъ только какъ *начало* дальнѣйшихъ преобразованій, а въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній, ссылаться на исторію, на смыслъ народной войны 1813 года, на примѣры парламентскихъ странъ, на современныя потребности — дворяне, прежніе либералы, тотчасъ усмотрѣли, что дѣло касается прямо ихъ интересовъ, потому что интересы прусскаго дворянства всегда были тѣсно связаны, не только съ обаяніемъ королевской власти, но прямо съ бюджетомъ. Англійское дворянство, виги и тори все равно, могло видѣть въ представительствѣ лучшую гарантію своихъ интересовъ. Но дворянство прусское *служилое,* которому землевладѣніе представляло только пріютъ и нѣкоторую опору, а истиннымъ источникомъ служилъ прямо государственный бюджетъ, такъ какъ большинство людей этого сословія не имѣло бы средствъ жить безъ службы—не могло не усмотрѣть явной для себя опасности въ теоріяхъ о переходѣ центра власти въ руки народа. Какъ только оказалось, что дѣло идетъ не о королевскомъ правленіи съ придаткомъ выборнаго совѣта, а о парламентскомъ правленіи, консервативная партія тотчасъ была готова: ее составило дворянство и родственная ему бюрократія. Реальныя партіи и создаются не столько теоріями, сколько интересами.

Эта консервативная партія сперва вовсе не имѣла ораторовъ. Дворяне умѣли гораздо лучше ѣздить верхомъ, чѣмъ развивать въ парламентѣ политическую теорію, подкрѣпленную ссылками на исторію и статистику, между тѣмъ, какъ въ рядахъ либераловъ находились люди, привыкшіе къ каѳедрѣ, и вообще люди, жившіе болѣе умственной жизнью, въ томъ числѣ многіе дворяне, отдавшіе себѣ уже ранѣе отчетъ въ томъ, что̀ значитъ либерализмъ въ дѣйствительности. Бисмаркъ хорошо зналъ исторію; у Бисмарка не было недостатка въ смѣлости; мало того — у него былъ недостатокъ только въ терпѣніи. Онъ не могъ сидѣть неподвижно тамъ, гдѣ происходила борьба. Первой его рѣчью была та рѣчь 17-го мая 1847 года, въ которой онъ коснулся значенія событій 1813 года. Послѣ того, какъ одинъ изъ либеральныхъ ораторовъ не въ первый уже разъ доказывалъ, что права народа исходятъ не изъ милости, а прирождены ему, что права свои на самодѣятельность прусскій народъ заявилъ уже

въ 1813-мъ году, когда онъ своей самодѣятельностью спасъ государство—на трибуну взошелъ молодой человѣкъ, высокаго роста, атлетическаго сложенія, блондинъ, съ густыми, плотно обстриженными волосами на головѣ, окладистою бородой, густыми бровями и блестящими, выпуклыми глазами, скулами довольно замѣтными, носомъ довольно неправильнаго типа, съ физіономіей чисто-прусской: полугерманской, полуславянской, но запечатлѣнной той дрессировкой и вмѣстѣ бойкостью, которыя составляютъ отличительныя черты пруссака отъ остальныхъ нѣмцевъ. Этотъ человѣкъ началъ говорить совершенно безъискуственно, рѣзкимъ, даже непріятнымъ голосомъ, и порою, какъ-бы заикаясь, останавливался, отыскивая подходящее выраженіе; иногда какъ будто дѣлалъ надъ собой усиліе, причемъ въ голосѣ его слышалось нѣчто въ родѣ мимолетнаго рыданія. Сперва эти особенности можно было приписать робости оратора, его непривычкѣ говорить публично. Привычки въ самомъ дѣлѣ не было, но не было и робости; и пріобрѣтя привычку парламентскаго слова, Бисмаркъ впослѣдствіи только отчасти освободился отъ этихъ не-художественныхъ, но вмѣстѣ весьма характеристическихъ особенностей своего краснорѣчія. По мѣрѣ того, какъ говорилъ онъ, сперва поправивъ какой-то отзывъ, относившійся лично къ нему, и перейдя потомъ къ поправкѣ значенія 1813 года,—оказывалось, что человѣкъ этотъ запинается не изъ робости, хорошо знаетъ, что̀ хочетъ сказать и твердо намѣренъ сказать это; оказалось, что безъискуственность его слова есть не слабость, а намѣренная безцеремонность, то-есть сила; что заикается онъ не потому, что отступаетъ передъ точнымъ словомъ, а потому, что ищетъ слова болѣе точнаго, болѣе рѣзкаго, чтобы пустить имъ въ противниковъ, какъ камнемъ, поднятымъ во время внезапнаго перерыва голоса; оказалось, что удары его летятъ прямо въ цѣль, въ самое чувствительное мѣсто. Опершись руками на трибуну и по-временамъ откачиваясь назадъ, потомъ снова наклоняясь впередъ, ораторъ съ этимъ машинальнымъ движеніемъ соединялъ и совершенное однообразіе тона, съ невѣрнымъ удареніемъ, то-есть съ удареніемъ не на тѣхъ словахъ, которыя важнѣе. Эта монотонность, если можно такъ выразиться — музыкальная безцвѣтность рѣчи, рядомъ съ необыкновенной живостью, рѣзкостью смысла тѣхъ словъ, которыми онъ металъ въ своихъ противниковъ, производила впечатлѣніе какой-то машины, которая дѣйствуетъ непреложнымъ образомъ, порой прерывается, по условіямъ своего механизма, но только для того, чтобы дѣйствовать далѣе, все съ тою же непоколебимостью и съ тою же силой, съ монотонностью

звука, но съ разнообразіемъ продукта, всегда отработаннаго чисто, рѣзко, рельефно. «... Утверждаютъ, будто народное движеніе 1813 года имѣло иныя причины и побужденія, кромѣ той причины и того повода, что чужеземцы господствовали въ нашей странѣ...» Реакціонерная тенденція этихъ словъ вызвала цѣлую бурю; Бисмаркъ вынулъ изъ кармана «Шпенерову» газету, комфортабельно облокотился, и сталъ читать. Когда буря стихла, онъ продолжалъ: «Мнѣ кажется, тѣ оказываютъ плохую услугу національной чести, которые доказываютъ, что притѣсненія и униженія, которыя пруссаки терпѣли отъ чужеземнаго насилія, были недостаточны, чтобы вскипятить ихъ кровь и ненавистью къ чужеземцу заглушить всякія иныя чувства». Нѣсколько либеральныхъ ораторовъ опровергали Бисмарка, и въ числѣ ихъ были такіе, которые сами участвовали въ движеніи 1813 года, и оспаривали всякое право Бисмарка объяснять то, чему онъ не былъ свидѣтелемъ. «Факта, что я въ то время не жилъ — возразилъ Бисмаркъ, взойдя на трибуну во второй разъ — я отрицать не могу. Я всегда сожалѣлъ, что мнѣ не было дано участвовать въ томъ возстаніи, но это сожалѣніе нѣсколько уменьшается во мнѣ тѣмъ поученіемъ о смыслѣ тогдашняго движенія, которое я теперь услышалъ. Я до сихъ поръ полагалъ, что рабство, съ которымъ тогда боролись, было наложено извнѣ; теперь мнѣ только-что разъяснили, что это было рабство внутреннее, и я вовсе не благодаренъ за такое поученіе».

Мы не будемъ заниматься ораторской дѣятельностью Бисмарка. Скажемъ только, что главныя особенности его изложенія—точность, доходящая до рѣзкости, самоувѣренность и оригинальность не мысли, но выраженія ея. Главныя же изъ побочныхъ средствъ его—отрицаніе и юморъ, часто переходящій въ сарказмъ. Всѣ эти качества Бисмарка, какъ оратора, отчасти общи ему съ другимъ знаменитымъ дипломатомъ—Пальмерстономъ. Но между содержаніемъ ихъ рѣчей сходства, разумѣется, нѣтъ, а если и есть нѣкоторое, то въ такое сравненіе могутъ идти только нѣкоторыя изъ новѣйшихъ рѣчей Бисмарка, а никакъ не первыя его рѣчи, въ которыхъ высказывалась, въ формѣ рѣзкихъ афоризмовъ, вся политическая философія Шталя, ученіе самой «непроходимой» реакціи, исходившее изъ фикціи о христіанской миссіи государства и безусловности правъ и непогрѣшимости той самой власти, которая, обратившись къ представительству, тѣмъ самымъ уже на фактѣ представила опроверженіе и безусловности своихъ правъ, и непогрѣшимости, и единоспасаемости своей. Съ первой рѣчи Бисмаркъ пріобрѣлъ,

если можно такъ выразиться, рѣшительную непопулярность, и онъ дѣлалъ все, что могъ, для увеличенія ея, во все время своей ораторской дѣятельности, какъ въ первомъ соединенномъ ландтагѣ, такъ и во второмъ, который открылся въ апрѣлѣ 1848 года, то-есть уже послѣ революціонныхъ происшествій въ Берлинѣ. Тотчасъ послѣ этихъ событій, онъ написалъ письмо къ королю съ изложеніемъ своихъ чувствъ вѣрноподданническаго негодованія и сожалѣнія. Письмо это лежало цѣлое лѣто открытымъ на письменномъ столѣ короля, такъ оно ему понравилось. Въ теченіе этого лѣта король нѣсколько разъ призывалъ его въ Санъ-Суси и бесѣдовалъ съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Гезекиль удостовѣряетъ, что при назначеніи впослѣдствіи реакціонернаго министерства Мантёйфеля, голосъ Бисмарка имѣлъ долю вліянія на выборъ именно этого человѣка «для спасенія государства». Послѣ октроированія конституціи, въ декабрѣ 1848 года, Бисмаркъ былъ избранъ въ палату представителей и явился тамъ тѣмъ же запальчивымъ партизаномъ реакціи, но значеніе его уже возрасло вслѣдствіе дѣятельнаго его участія въ сговорахъ феодаловъ внѣ стѣнъ парламента, для организованія крѣпкой реакціонерной партіи; онъ уже былъ въ числѣ ея вождей. Въ то время Бисмаркъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Крестовой газеты». Въ эрфуртскомъ парламентѣ германской «уніи»—этого неудавшагося прототипа позднѣйшаго «сѣверогерманскаго союза»,—Бисмаркъ отстаивалъ прусскій партикуляризмъ. Въ альбомѣ мудреца реакціонеровъ Шталя, есть слѣдующія строки Бисмарка: «Мы хотимъ не единства въ союзѣ (Bundesstaat) во что бы то ни стало, но неприкосновенности во что бы то ни стало прусской короны.—24-го апрѣля 1850 года, *ф.-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ,* депутатъ Бранденбурга».

V.

Франкфуртъ.

Прусская «унія» въ союзѣ оказалась невозможностью, въ виду сопротивленія Австріи; авторъ уніи—Радовицъ, вышелъ въ отставку, и Мантёйфель принялъ отъ него портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. Насталъ день ольмюцкаго соглашенія 1850 года, которымъ Пруссія отреклась отъ своихъ унитарныхъ начинаній, отреклась и отъ защиты кургессенской конституціи, однимъ словомъ, преклонила голову предъ Австріею и повинилась ей; и Бисмаркъ защищалъ въ прусской палатѣ это дѣй-

ствительно горькое униженіе Пруссіи, защищалъ его все съ той же исключительно-реакціонерной точки зрѣнія, что «интересы Пруссіи и Австріи солидарны въ виду революціи». Въ 1851-мъ г., до Бисмарка, находившагося въ Помераніи, дошелъ слухъ, что онъ будетъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ въ Франкфуртъ. Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ и явился къ Мантёйфелю. Кто остановился на мысли о выборѣ на эту должность Бисмарка—Мантёйфель, или самъ король, который «полюбилъ Бисмарка и многаго ожидалъ отъ него».—неизвѣстно. Но неоспоримъ фактъ, что этимъ неожиданнымъ возвышеніемъ Бисмаркъ прежде всего былъ обязанъ именно своей парламентской дѣятельности. Послѣ Ольмюца, Пруссію могъ представлять при союзѣ только надежный реакціонеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ приверженецъ Австріи. Такъ какъ Бисмаркъ достаточно показалъ себя въ первомъ смыслѣ, а въ послѣднее время заявилъ себя и приверженцемъ солидарности интересовъ Пруссіи съ интересами Австріи, то онъ въ этомъ именно смыслѣ и былъ избранъ, чтобы представлять политику Пруссіи при союзѣ. Итакъ, дипломатическую карьеру свою Бисмаркъ началъ именно какъ представитель солидарности прусскихъ интересовъ съ австрійскими! Мантёйфель сказалъ Бисмарку, что онъ долженъ представиться королю и въ то же время спросилъ его, что онъ думаетъ о мѣстѣ уполномоченнаго при союзѣ; Бисмаркъ отвѣчалъ просто и безъ колебанія, что онъ согласенъ принять это мѣсто; такая рѣшительность, говорятъ, даже нѣсколько удивила министра.

Бисмаркъ поѣхалъ въ Санъ-Суси. Когда король сдѣлалъ ему тотъ вопросъ, который былъ предложенъ ему уже Мантёйфелемъ, Бисмаркъ безъ запинки отвѣчалъ: «если вашему величеству угодно испытать меня, то я готовъ на это». Король удивился еще болѣе министра, и едва ли не счелъ столь быструю готовность за легкомысліе; онъ замѣтилъ Бисмарку, что должность эта весьма важная и обставленная большими трудностями. «Ваше величество можете попробовать, гожусь ли я,—отвѣчалъ Бисмаркъ;—если нѣтъ, то вѣдь меня можно отозвать черезъ шесть мѣсяцевъ или хоть раньше». Король назначилъ его въ маѣ 1851 года, для пробы, сперва первымъ секретаремъ посольства при союзѣ, но уже какъ посланника in petto.

Бисмаркъ переѣхалъ во Франкфуртъ всѣмъ домомъ и скоро пріобрѣлъ тамъ вліяніе въ обществѣ дипломатовъ, такъ что многія затрудненія для прусской политики устранялись, благодаря личному вѣсу ея уполномоченнаго въ союзномъ сеймѣ. Теперь странно и вспомнить объ этомъ времени, отъ котораго отдѣляетъ насъ всего двад-

цатилѣтіе, времени, когда успѣхи прусской политики въ Германіи зависѣли болѣе отъ личныхъ качествъ ея представителя, чѣмъ отъ реальнаго ея могущества. Надо впрочемъ замѣтить, что въ этомъ фальшивомъ положеніи, въ этомъ игнорированіи дѣйствительнаго могущества Пруссіи и заключалась вина Австріи, вина, за которую Австрія такъ тяжко поплатилась впослѣдствіи. Если бы австрійская политика хотѣла въ то время сообразоваться сколько-нибудь съ истиннымъ соотношеніемъ силъ, а не руководствоваться единственно своими неумѣрными притязаніями, основанными на слабости не Пруссіи, а ея тогдашняго короля, то она нашла бы въ Бисмаркѣ лучшаго представителя солидарности Пруссіи съ Австріею и даже до нѣкоторой степени подчиненности первой изъ этихъ странъ второй, потому что Бисмаркъ былъ посланъ во Франкфуртъ именно въ угодность Австріи, и воспитанный въ реакціонерномъ благоговѣніи предъ Австріею, намѣренъ былъ угождать ей, опять-таки—до извѣстной степени, конечно. Но политика князя Шварценберга и потомъ графа Буоля-Шауэнштейна не знала никакихъ границъ въ своей требовательности относительно Пруссіи. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру Меттерниха, который, довольствуясь предводительствомъ Австріи въ германскомъ союзѣ, не думалъ стѣснять Пруссію на каждомъ шагу въ германскихъ дѣлахъ, а напротивъ предоставлялъ ей значительный просторъ и вліяніе въ нихъ, особенно въ томъ, что касалось сѣвера Германіи, для Австріи же претендовалъ на высшее, европейское значеніе внѣ Германіи,—политика Шварценберга и Буоля становилась поперегъ каждаго начинанія Пруссіи въ Германіи, какъ-бы надѣясь на неистощимое терпѣніе Пруссіи, или считая въ самомъ дѣлѣ Пруссію слабою. Австрія этой ошибкой сама создала того Бисмарка, который изгналъ ее изъ союза, новаго Бисмарка, непохожаго на Бисмарка—почитателя Австріи, почти такъ какъ Наполеонъ III совершилъ самъ германское единство; ошибка австрійской и французской политики была одна и та же: та и другая приняла личную слабость одного короля Пруссіи за органическую слабость самого прусскаго государства, игнорируя и силу прусскаго военнаго устройства и унитарныя стремленія германскаго народа.

Бисмаркъ жилъ во Франкфуртѣ очень открыто, давалъ обѣды и балы, приглашалъ въ свой домъ художниковъ, сдѣлалъ свой домъ какъ бы центромъ дипломатическаго общества во Франкфуртѣ. Самъ онъ, начавъ день прогулкой верхомъ въ окрестностяхъ города, въ засѣданіяхъ, пріемахъ и визитахъ, послѣ вечерняго чая, часовъ въ 10 садился за письменную работу и пи-

салъ или диктовалъ часовъ до 3 ночи. Часто король призывалъ его въ Берлинъ, и тогда Бисмаркъ на короткое время появлялся въ палатѣ, вынося изъ каждаго такого посѣщенія самыя непріятныя впечатлѣнія относительно парламентаризма вообще, его «щегольства фразами и интригъ», на которыя онъ жалуется въ своихъ тогдашнихъ письмахъ къ женѣ; въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ даже, что пусть бы его лучше назначили въ Константинополь, по крайней мѣрѣ тогда не пришлось бы такъ часто ѣздить въ Берлинъ. Король былъ очень доволенъ своимъ посланникомъ и, говорятъ, уже тогда былъ не прочь сдѣлать его министромъ, но Бисмаркъ самъ не хотѣлъ этого; онъ въ то время желалъ «лѣтъ десять побыть посланникомъ, а уже потомъ лѣтъ десять министромъ» и затѣмъ возвратиться въ Шёнгаузенъ на покой и жить снова помѣщикомъ, въ деревнѣ. Вкусы Бисмарка въ частной жизни вообще подходятъ къ англійскимъ воззрѣніямъ. Со всѣми, или почти со всѣми во Франкфуртѣ онъ былъ хорошъ, особенно сблизился съ нѣкоторыми сѣверогерманскими дипломатами и съ англійскимъ посланникомъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ откупилъ себѣ охоту. Прусскіе солдаты и офицеры, стоявшіе во Франкфуртѣ гарнизономъ, были, конечно, предметомъ всякаго вниманія и любезности со стороны Бисмарка, который всегда былъ пристрастенъ къ военному мундиру и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ непремѣнно являлся въ мундирѣ поручика ландвера. Солдаты называли его: «его превосходительство, поручикъ фон-Бисмаркъ». Вотъ эти послѣдніе вкусы Бисмарка уже ничего англійскаго въ себѣ не имѣютъ; они—чисто прусскіе. Англичанинъ смотритъ на солдатъ и офицеровъ какъ на людей, служащихъ по найму и притомъ на такихъ, которые сообразно роду своей профессіи получаютъ низкую заработную плату; это отчасти объясняется впрочемъ и особенностями военнаго устройства въ Великобританіи. На мундиръ же и вообще на всякія внѣшнія отличія англичанинъ смотритъ, какъ на обязательную одежду платнаго, наемнаго состоянія: освободясь отъ работы, онъ тотчасъ снимаетъ и присвоенную ей куртку и жестянку, чтобы стать джентльменомъ, то-есть независимымъ человѣкомъ.

Съ уполномоченными Австріи Бисмаркъ имѣлъ также отношенія удовлетворительныя въ свѣтской жизни, но не безъ нѣкоторыхъ «шероховатостей» вначалѣ, о которыхъ свидѣтельствуетъ анекдотъ о томъ, какъ графъ Тунъ принялъ его сидя съ сигарою въ зубахъ и какъ Бисмаркъ тоже сѣлъ, попросивъ у него огня и т. п. Но отношенія австрійской политики къ Пруссіи Бисмаркъ нашелъ до такой

степени неудовлетворительными, что изъ приверженца Австріи сталъ превращаться въ ея противника. Эту перемѣну легко объяснить себѣ послѣ всего сказаннаго. Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должно было производить на этого пылкаго, самоувѣреннаго, рѣшительнаго и притомъ въ высшей степени практическаго человѣка, отдававшаго себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ могуществѣ Пруссіи—постоянное затрудненіе со стороны Австріи всѣмъ его даже второстепеннымъ начинаніямъ, вѣчное «подкапываніе почвы» подъ Пруссіею, всегдашнее ожиданіе, что Пруссія и въ томъ, и въ другомъ, и третьемъ дѣлѣ непремѣнно должна уступить и уступитъ. Впрочемъ, этотъ важнѣйшій моментъ въ ходѣ развитія Бисмарка, эту перемѣну кореннюго его политическаго убѣжденія и поворотъ въ ту сторону, изъ которой впослѣдствіи вышли событія 1863 и 1866 гг., лучше всего объяснить словами самого Бисмарка. Съ этою цѣлью мы приведемъ письмо, въ которомъ онъ излагаетъ результаты своей дѣятельности во Франкфуртѣ, написанное имъ уже въ 1859-мъ году, когда онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Письмо его отъ 12-го мая 1859 года къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Шлейницу, писанное въ то время, когда Австрія старалась увлечь и Пруссію въ войну съ Франціею,—весьма важно для документальнаго уясненія двухъ фактовъ: во-первыхъ, что дѣла 1863 и 1866 годовъ Бисмаркъ предпринялъ не наобумъ; что онъ предвидѣлъ возможность и былъ убѣжденъ въ необходимости для Пруссіи той роли, которую онъ далъ ей впослѣдствіи; во-вторыхъ—того факта, когда именно и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ въ Бисмаркѣ созрѣлъ планъ противорѣчившій сочувствію, такъ-сказать «прикрѣпленности» къ Австріи той среды, которая произвела Бисмарка. Итакъ, письмо это необходимо привесть.

«Изъ восьмилѣтней моей должностной дѣятельности вынесъ я, какъ результатъ моего опыта, убѣжденіе, что нынѣ существующіе союзные порядки составляютъ для Пруссіи тяжкую, а въ критическія времена опасную даже для жизни ея цѣпь, не предоставляя намъ за то тѣхъ соотвѣтственныхъ выгодъ, которыя извлекаетъ изъ нихъ Австрія при гораздо бо́льшемъ просторѣ для собственнаго движенія. Обѣ великія державы измѣряются владѣтелями и правительствами государствъ меньшихъ не одинаковой мѣркой; самое опредѣленіе цѣли и законовъ союза видоизмѣняется сообразно съ потребностями австрійской политики. При вашемъ знаніи дѣлъ, я не имѣю нужды доказывать это подробными ссылками на исторію союзной политики съ 1850-го

года и ограничусь тѣмъ, что въ подкрѣпленіе своей мысли сошлюсь на такія статьи, какъ возстановленіе союза, вопросъ о союзномъ флотѣ, таможенные споры, законодательство о торговлѣ, печати и отдѣльныхъ конституціяхъ, вопросъ о союзныхъ крѣпостяхъ Раштаттѣ и Майнцѣ, нёфшательскій и восточный вопросы. *Мы постоянно встрѣчали передъ собой то же самое сплошное большинство и то же всегдашнее притязаніе на уступчивость со стороны Пруссіи.* Въ восточномъ вопросѣ вліяніе Австріи оказалось настолько сильнѣе нашего, что даже согласіе собственныхъ желаній и склонностей союзныхъ правительствъ съ стремленіями Пруссіи могло представить дѣйствію Австріи только такую плотину, которая постепенно отступала назадъ. Почти всѣ члены союза дали намъ въ то время понять или даже открыто заявили, что они не въ состояніи удержать союзъ въ согласіи съ нами, когда Австрія идетъ своимъ особымъ путемъ, хотя и несомнѣнно, что истинные германскіе интересы соотвѣтствуютъ именно нашей, мирной политикѣ; таково было, по крайней мѣрѣ тогда, воззрѣніе почти всѣхъ государей союза. Развѣ же союзные государи стали бы жертвовать до равной степени своими склонностями и интересами потребностямъ *Пруссіи* или хотя бы безопасности ея? Конечно нѣтъ, потому что ихъ привязанность къ Австріи основывается тоже на интересахъ, только ложныхъ, которые указываютъ имъ прочной основою общей ихъ политики, держаться заодно съ Австріею противъ Пруссіи и сдавливать всякое развитіе вліянія и могущества Пруссіи. Выработка союзныхъ отношеній въ смыслѣ главенства Австріи въ союзѣ—вотъ естественная цѣль политики нѣмецкихъ государей и ихъ министровъ; въ духѣ ихъ она можетъ осуществиться не иначе какъ насчетъ Пруссіи и по необходимости будетъ направлена противъ Пруссіи до тѣхъ поръ, пока Пруссія не ограничитъ свою роль той полезной для нихъ задачею, чтобы застраховывать ихъ отъ чрезмѣрнаго, въ свою очередь, преобладанія Австріи, и не согласится съ никогда неустающей любезностью переносить тотъ избытокъ своихъ обязанностей предъ своими правами въ союзѣ, который выражается для нея желаніями большинства. Такая тенденція политики среднихъ государствъ будетъ снова обнаруживаться послѣ каждаго временнаго колебанія, съ упорствомъ магнитной стрѣлки, потому именно, что представляетъ не продуктъ отдѣльныхъ обстоятельствъ или личностей, но естественный и необходимый результатъ условій союза для меньшихъ государствъ. И у насъ нѣтъ никакого средства придти съ нею въ какое-либо

рочное, удовлетворительное соглашеніе *въ предѣлахъ* данныхъ оюзныхъ договоровъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ, девять лѣтъ тому назадъ, союзники аши, подъ руководствомъ Австріи начали извлекать изъ нетроутаго до той поры арсенала основныхъ законовъ союза такіе ринципы, которые нужны для принятой ими системы дѣйствій, ъ тѣхъ поръ какъ тѣ постановленія, которыя могутъ имѣть динственный свой смыслъ только въ согласіи Пруссіи и Австріи, гали эксплуатироваться односторонне, собственно для опеки надъ русскою политикой, мы неизмѣнно должны были ощущать всю ягость того положенія, къ которое мы были поставлены услоіями союза и историческимъ развитіемъ ихъ. Мы могли утѣать себя тѣмъ, что въ мирное время, при правильномъ ходѣ ѣлъ, намъ возможно, посредствомъ искусныхъ пріемовъ, уменьпить зло въ послѣдствіяхъ его, хотя сознавали, что исцѣлить го мы не въ состояніи. Во времена же опасныя — какъ нынѣшнее — естественно, что другая сторона, та, которая польуется всѣми выгодами союзныхъ учрежденій, охотно соглашается ь нами, что случилось многое, чему бы случаться не слѣдовало, о что въ «общемъ интересѣ» настоящая минута совершенно епригодна для переговоровъ о дѣлахъ прошлыхъ и спорахъ внутреннихъ». Но для насъ, если мы упустимъ настоящій слуай, другой быть можетъ не скоро представится, и впослѣдствіи амъ опять придется ограничиться покорностью судьбѣ (Resignaion) въ той мысли, что въ обыкновенное время, при правильномъ одѣ дѣлъ, невозможна никакая перемѣна въ нашемъ положеніи.

«Е. к. в. принцъ-регентъ изволилъ принять такое положеіе, которому безусловно сочувствовали всѣ, кто можетъ судить прусской политикѣ, и не омрачаетъ своего сужденія *страстями артій*. Часть нашихъ союзниковъ стремится сбить насъ съ этого оложенія своими неразумными и фанатическими стремленіями. Когда бамбергскіе государственные люди такъ легко поддаются ервому воинственному кличу неразсудительной и измѣнчивой невной молвы, то при этомъ они, вѣроятно, утѣшаютъ себя задею мыслью о томъ, какъ удобно для маленькаго государства и еремѣнить свой цвѣтъ въ случаѣ нужды. Но когда они при этомъ отятъ воспользоваться союзными учрежденіями для того, чтобы принудить такую державу, какъ Пруссія, броситься въ огонь; огда отъ насъ ожидаютъ, что мы рискнемъ своей кровью и сѣмъ, что имѣемъ, для удовлетворенія политической мудрости потребности въ подвигахъ такихъ правительствъ, которыя безъ ашего покровительства не могли бы и существовать; когда по-

добныя государства хотятъ сами сообщать намъ руководящій импульсъ и средствомъ къ тому избираютъ теорію о союзномъ правѣ, за признаніемъ которой исчезла бы всякая самостоятельность прусской политики,—тогда, по моему мнѣнію, пришло время намъ напомнить себѣ, что вожди, которые ожидаютъ нашего послушанія, служатъ не прусскимъ интересамъ, и что дѣло Германіи, о которомъ они твердятъ, понимается ими въ такомъ смыслѣ, что оно не можетъ быть въ то же время дѣломъ Пруссіи, если только мы не хотимъ отречься отъ самихъ себя.

«Быть можетъ, я зайду слишкомъ далеко, высказывая мнѣніе, что намъ слѣдовало бы хватать каждый законный поводъ, подаваемый намъ союзниками, для того, чтобы осуществить то измѣненіе взаимныхъ нашихъ отношеній, которое необходимо для установленія отношеній правильныхъ, дающихъ прочную возможность совмѣстной жизни Пруссіи съ малыми германскими государствами. *Я думаю,* намъ слѣдовало бы съ готовностью поднять перчатку, и усматривать не бѣду, а шагъ впередъ въ счастливомъ кризисѣ въ такомъ обстоятельствѣ, какъ рѣшеніе франкфуртскаго большинства, въ которомъ мы нашли бы превышеніе имъ власти союза, произвольное искаженіе цѣли союза, нарушеніе союзныхъ трактатовъ. *Чѣмъ недвусмысленнѣе обнаружилось бы такое нарушеніе, тѣмъ было бы лучше.* Не легко будетъ намъ вновь дождаться стеченія въ Австріи, Франціи и Россіи условій столь благопріятныхъ какъ нынѣшнія, для предоставленія намъ возможности улучшить наше положеніе въ Германіи, а члены союза находятся уже теперь на прямомъ пути къ тому, чтобы и безъ всякаго пособія ихъ самомнѣнію съ нашей стороны дать намъ справедливый поводъ. Сама «Крестовая Газета», какъ я вижу изъ воскреснаго нумера, и та становится въ тупикъ въ виду предположенія, что франкфуртское большинство можетъ безъ обиняковъ распоряжаться прусскою арміей. Не безъ безпокойства замѣчалъ я — и не по одной этой газетѣ — какое единодержавіе присвоила себѣ Австрія надъ германской печатью, посредствомъ ловко растянутой сѣти своего вліянія, и какъ она умѣетъ пользоваться этимъ оружіемъ. Безъ него (печати) едва ли такъ-называемое общественное мнѣніе могло бы экзальтироваться нынѣ до такой степени; говорю «такъ-называемое» потому, что дѣйствительная масса населенія никогда не расположена къ войнѣ, развѣ если реальныя бѣдствія тяжкаго утѣсненія раздражили его. Дѣло дошло до того, что теперь едва какая-либо прусская газета осмѣливается сознаться въ прусскомъ патріотизмѣ, и то только подъ покровомъ обще-германскихъ чувствъ. Общее ничто-

жество духа играетъ при этомъ важную роль, а не меньшую и цванцигеры, которыхъ у Австріи всегда хватитъ на такое дѣло. Большинство корреспондентовъ пишутъ изъ-за куска хлѣба, большинство газетъ имѣютъ главной цѣлью доходность, и въ тонѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ и другихъ газетъ опытный читатель легко усматриваетъ, получили ли онѣ вновь субсидію отъ Австріи, или ожидаютъ ея вскорѣ, или добиваются ея посредствомъ угрожающихъ намековъ.

«*Думаю*, что намъ было бы возможно произвесть значительный переворотъ въ общественномъ настроеніи, еслибы мы въ печати ударили въ струну самостоятельной прусской политики, въ виду непомѣрныхъ требованій нашихъ германскихъ союзниковъ. Можетъ быть, во Франкфуртѣ произойдутъ вещи, которыя дали бы намъ къ тому удовлетворительнѣйшій поводъ.

«Въ виду такихъ случайностей, мудрость нашихъ предохранительныхъ военныхъ мѣръ могла бы оправдаться также по отношенію къ другой сторонѣ, и придать нашему положенію болѣе убѣдительности. Тогда прусское самосознаніе отразится звукомъ не менѣе громкимъ, чѣмъ союзно-сеймовое, и, быть можетъ, менѣе безслѣднымъ. Самое же слово *Германія, вмѣсто Пруссіи* (deutsch für preussisch), я увидѣлъ бы на нашемъ знамени съ удовольствіемъ только тогда, когда мы будемъ соединены съ прочими нашими земляками *тѣснѣе и цѣлесообразнѣе*, чѣмъ доселѣ; оно теряетъ свое обаяніе, когда употребляется уже теперь, въ примѣненіи къ союзной кабалѣ (Nexus).

«Опасаюсь, что ваше превосходительство, на это письменное вторженіе мое въ область прежней моей дѣятельности, въ умѣ вашемъ возразите мнѣ: ne sutor ultra crepidam; но я и не имѣлъ намѣренія представить здѣсь оффиціальный докладъ, а только *свидѣтельство эксперта противъ союза*. Я вижу въ нашемъ отношеніи къ союзу такой недостатокъ Пруссіи, который намъ, рано или поздно, придется исцѣлять ferro et igni (sic), если своевременно не воспользуемся благопріятнымъ сезономъ для его леченія. Еслибы сегодня же просто разрушился союзъ и не былъ замѣненъ ничѣмъ, то я думаю, что уже это представило бы такой отрицательный успѣхъ, изъ котораго выработались бы болѣе удовлетворительныя и естественныя отношенія Пруссіи къ ея германскимъ сосѣдямъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы находимся».

Это письмо даетъ полное объясненіе руководящихъ взглядовъ Бисмарка въ его политикѣ, до 1870 года. Уже въ 1859-мъ году, во время итальянской войны, онъ указывалъ первой цѣлью прусской политики—разорвать союзъ, понималъ приведеніе прусской

арміи на военную ногу, котораго прямая цѣль была устрашить Францію, въ такомъ смыслѣ, что та же операція годится для внушенія страха Австріи и союзникамъ, и для преобразованія союза въ интересахъ прусскаго вліянія, даже допускалъ уже мысль о ferro et igne, для этой цѣли, ту самую мысль, которую онъ перевелъ два года послѣ въ коммиссіи второй палаты на нѣмецкій языкъ въ словахъ: Blut und Eisen. Мы уже видѣли, что перемѣна въ Бисмаркѣ произошла во время его пребыванія во Франкфуртѣ; почтеніе и преданность прусскаго феодала къ «императорской Австріи» въ немъ смѣнились негодованіемъ дальновиднаго, практическаго политика, котораго прежде всего возмущало то, что Австрія и ея союзники эксплуатируютъ въ свою пользу Пруссію, которая ихъ сильнѣе, посредствомъ какихъ-то юридическихъ тонкостей и условнаго могущества союзнаго «большинства». Все это съ достаточной ясностью и документальной достовѣрностью представляется приведеннымъ письмомъ, и мы не будемъ приводить въ подкрѣпленіе соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ другихъ писемъ Бисмарка, которыхъ можно найти немало. Но для нѣкотораго объясненія тѣхъ взглядовъ, съ какими Бисмаркъ относился къ Франціи, и которыя онъ провелъ въ 1870-мъ году, мы сдѣлаемъ извлеченіе изъ другого письма его, также изъ Петербурга, отъ 22-го августа 1860 г. (неизвѣстно къ кому): «...Я узнаю, что въ печати предпринятъ противъ меня походъ посредствомъ систематическаго распространенія клеветы, будто я открыто поддерживалъ русско-французскія предположенія, относительно уступки рейнскихъ провинцій взамѣнъ округленія внутри, будто я второй Боррисъ [1]) и т. п. Я заплачу 1,000 фридрихсдоровъ золотомъ тому, кто мнѣ докажетъ, что подобныя русско-французскія предложенія когда-либо были доводимы до моего свѣдѣнія. Во все время проведенное въ Германіи, я никогда не совѣтовалъ ничего иного, какъ *опираться на нашу собственную силу, а въ случаѣ войны и на ту національную силу Германіи, которую бы мы собрали вокругъ себя*. Эти глупыя животныя съ перьями (Federvieh) въ нѣмецкой печати совсѣмъ не замѣчаютъ, что нападая на меня, они работаютъ противъ лучшей части собственныхъ своихъ стремленій. Источникомъ этихъ нападокъ мнѣ указываютъ кобургскій дворъ и одного литератора, который имѣетъ личную ненависть ко мнѣ. Еслибы я былъ австрійскій государственный человѣкъ или германскій государь и въ то же время австрійскій

---

[1]) Ганноверскій министръ, сославшійся однажды на возможность получить помощь внѣ Германіи противъ захватовъ Пруссіи.

реакціонеръ, какъ герцогъ мейнингенскій, то наша «Крестовая Газета» навѣрное приняла бы меня въ этомъ случаѣ подъ защиту... Но я для нея только старый товарищъ по партіи, къ тому же имѣвшій несчастіе выработать себѣ о нѣкоторыхъ близко знакомыхъ мнѣ вещахъ особыя мнѣнія...» Это заявленіе Бисмарка, въ бытность его посланникомъ въ Петербургѣ, въ 1860-мъ году, и еще въ частномъ, необнародованномъ въ то время письмѣ, имѣетъ несомнѣнный вѣсъ. Мнѣніе, что онъ—представитель округленія Пруссіи при помощи Франціи, было впрочемъ гораздо больше, тѣмъ частная клевета, исходившая изъ какого-либо мелкаго источника: начиная съ 1860 года, Бисмаркъ слылъ во всей нѣмецкой печати за представителя союза Пруссіи съ Франціею, и это мнѣніе такъ укоренилось, что впослѣдствіи, какъ извѣстно, всѣ событія 1866, а отчасти и 1870 года, объяснялись какими-то тайными соглашеніями его съ Наполеономъ III-мъ въ Біаррицѣ, которыя если и были, то уже въ самомъ началѣ со стороны Бисмарка были предназначены къ неисполненію, между тѣмъ, какъ вообще думаютъ, что онъ только послѣ неожиданно быстрыхъ и блестящихъ успѣховъ 1866 года отказался отъ исполненія обязательствъ, которыя сперва считалъ серьёзными. Приведенное мѣсто письма важно тѣмъ, что полагаетъ единственной опорою для будущихъ дѣйствій Пруссіи ея собственную силу, совокупно съ національною силой Германіи, которую она должна была вызвать и соединить съ собою.

Будучи прусскимъ посланникомъ при союзѣ, Бисмаркъ получалъ иногда и особенныя дипломатическія порученія въ другіе города. Такъ, въ 1852-мъ году, онъ ѣздилъ въ Вѣну съ порученіемъ, котораго точное содержаніе осталось неизвѣстнымъ, но которое имѣло главной цѣлью найти наконецъ удовлетворительный modus vivendi съ Австріею. Эта цѣль порученія достигнута не была, и на нѣкоторыя требованія, выраженныя австрійскою дипломаціею, Бисмаркъ получилъ въ отвѣтъ по телеграфу—какъ онъ писалъ женѣ — «всего четыре буквы — nein, но отвѣтъ имѣющій большое значеніе». Въ 1853-мъ году, онъ ѣздилъ съ особымъ порученіемъ въ Ганноверъ. Сверхъ того въ теченіе своего служенія во Франкфуртѣ онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Европѣ, начиная съ Италіи до Швеціи, включительно.

Письмо Бисмарка къ Шлейницу, приведенное выше, показываетъ, что у Бисмарка еще во Франкфуртѣ созрѣла полная программа той политики, которою онъ себя прославилъ впослѣдствіи. Союзъ онъ считалъ орудіемъ Австріи для униженія Пруссіи, бременемъ на плечахъ Пруссіи. Въ одномъ изъ писемъ его къ сестрѣ

находится слѣдующее мѣсто касательно союза: «...Привыкаю переносить всѣ оказываемые мнѣ знаки холодности въ сознаніи утомленной и зѣвающей невинности, укрѣплять въ себѣ чувство полнѣйшаго пренебреженія (Wurschtigkeit) ко всему, что здѣсь происходитъ, а если и самъ союзъ въ то же время, постепенно пріобрѣтаетъ пронзительное сознаніе полнаго своего ничтожества, то льщу себя мыслью, что мое посильное содѣйствіе немало способствовало такому его успѣху. Извѣстная пѣсня Гейне: «O Bund, du, Hund, du bist nicht gesund» и т. д. вскорѣ будетъ возведена единогласнымъ рѣшеніемъ въ національную пѣснь сыновъ Германіи». Австрію Бисмаркъ въ то время уже прямо призналъ враждебной силой, съ которой слѣдовало бороться, и такъ какъ онъ не очень скрывалъ такое свое настроеніе, когда наступилъ 1859-й годъ, и прусское правительство стало приводить свою армію на военную ногу на случай, еслибы оказалось необходимымъ поддержать Австрію противъ Франціи и Италіи, то положеніе принятое Бисмаркомъ во Франкфуртѣ, очевидно, находилось въ противорѣчіи съ такими обстоятельствами.

Принцъ-регентъ перевелъ Бисмарка посланникомъ въ Петербургъ, откуда онъ и выражалъ свое несочувствіе выступленію Пруссіи на защиту Австріи. Приведемъ здѣсь другое письмо Бисмарка изъ того времени.

«Петербургъ, 2-го іюля 1859. Полчаса назадъ меня разбудилъ курьеръ извѣстіемъ, что намъ предстоитъ вопросъ: миръ или война? Наша политика увлекается все болѣе и болѣе въ борозду, проведенную австрійскимъ килемъ. При первомъ выстрѣлѣ съ нашей стороны на Рейнѣ война итальянско-австрійская кончится и вмѣсто нея выступитъ прусско-французская война, въ которой Австрія, послѣ того, какъ мы снимемъ бремя съ ея плечъ, будетъ насъ поддерживать или не поддерживать, смотря по тому, какъ укажутъ ей собственные ея интересы. Она навѣрное не допуститъ, чтобы мы сыграли очень блестящую побѣдную роль. Какъ угодно Богу! вѣдь въ сущности все только вопросъ времени; народы и люди, глупость и мудрость, война и миръ, являются и проходятъ какъ волны на морѣ, а остается море. Все земное есть только притворство и фиглярство, и будетъ ли эта маска изъ мяса сорвана лихорадкой или картечью, все равно ей суждено когда-нибудь спасть: тогда между пруссакомъ и австрійцемъ, если только они равны длиною, наступитъ сходство, такъ что трудно будетъ ихъ различить. Глупые и умные то же, когда они опрятно препарированы въ видѣ скелетовъ, довольно похожи другъ на друга; подобнымъ соображеніемъ, конечно, можно от-

дѣлаться отъ специфическаго патріотизма, но вѣдь было бы отъ чего отчаяться, если бы отъ него въ самомъ дѣлѣ зависѣла наша вѣчность». Въ этой запискѣ къ женѣ, набросанной наскоро, послѣ полученія извѣстія въ смыслѣ неблагопріятномъ для его убѣжденій, отражается уныніе неподдѣльное, заставляющее признать, что свои убѣжденія въ политикѣ Бисмаркъ выставлялъ и поддерживалъ не изъ разсчета и не по обязанности только; въ предшествующихъ строкахъ обнаруживается та тоска, то разочарованіе, которые захватываютъ умъ человѣка, когда онъ видитъ неуспѣхъ мысли задушевной, мысли, которой онъ преданъ страстно.

Еще записка изъ Петербурга, къ г-жѣ Бисмаркъ, безъ числа: «До половины четвертаго утромъ писалъ, тогда солнце встало, а я легъ спать; потомъ раньше 9-ти опять за чернила, и такъ еще и сижу; чрезъ полчаса идетъ пароходъ. Три дня къ ряду долженъ былъ бывать въ Царскомъ-Селѣ, на что каждый разъ уходитъ цѣлый день; у императора я обѣдалъ недавно въ платьѣ четырехъ лицъ, такъ какъ не ожидалъ, что придется быть во фракѣ, имѣлъ видъ довольно странный. Здѣсь ко мнѣ очень добры, но въ Берлинѣ интригуютъ Австрія и всѣ любезные союзники, чтобы меня сбыть отсюда, а между тѣмъ я такой скромненькій. На все воля Божья, но мнѣ и въ деревнѣ жить хорошо».

VI.

Петербургъ и Парижъ.

Но опасенія Бисмарка не сбылись, такъ какъ самоувѣренность Австріи и вмѣстѣ недовѣріе ея къ Пруссіи помѣшали ей даже воспользоваться услугою со стороны Пруссіи. Австрія сама отклонила прусскую помощь и предпочла заключить виллафранкскій миръ, лишь бы не давать Пруссіи того преимущества, какое могло возникнуть для нея изъ успѣшнаго участія въ войнѣ съ французами. Между тѣмъ прусская мобилизація 1859 года указала регенту, нынѣшнему императору, на необходимость преобразованія арміи съ продленіемъ срока дѣйствительнаго пребыванія подъ знаменами въ пѣхотѣ до 3-хъ лѣтъ, вмѣсто 2-хъ. Расходы по содержанію большого числа людей производились по волѣ правительства безъ спроса палаты и въ увѣренности, что палата впослѣдствіи утвердитъ сдѣланное превышеніе бюджета; точно такъ и въ настоящее время производится въ Пруссіи преобразованіе артиллеріи. Отсюда, съ 1861 и до 1866 года, въ Пруссіи происходило то явленіе, которое извѣстно подъ именемъ

конституціоннаго столкновенія (Verfassungs-Conflickt). Бисмаркъ съ 1862 года принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ столкновеніи, изобрѣлъ теорію и провелъ практику полнаго обезсиленія конституціи. Но это была уже его министерская дѣятельность. До 1862 года, онъ оставался на дипломатическихъ постахъ, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Парижѣ. Въ біографическомъ очеркѣ Бисмарка нашимъ читателямъ не безъинтересны будутъ нѣкоторыя подробности о его жизни въ Петербургѣ.

Онъ былъ принятъ здѣсь очень хорошо и скоро почувствовалъ себя «на мѣстѣ», почувствовалъ себя даже «привольно», послѣ того какъ онъ избавился отъ франкфуртскихъ Plackereien и занялъ положеніе съ одной стороны не слишкомъ обремененное работой, а съ другой болѣе возвышенное въ сферѣ общеевропейской политики. Изъ Петербурга общая картина европейской политики была ему гораздо виднѣе, чѣмъ изъ Франкфурта, гдѣ онъ заваленъ былъ союзными дрязгами. Онъ нанялъ въ Петербургѣ домъ графини Стенбокъ, на англійской набережной, и перевезъ сюда свое семейство. Затѣмъ, одною изъ первыхъ его заботъ было—научиться по-русски. Онъ взялъ себѣ учителя, и дѣйствительно научился говорить по-русски. Хорошо ли, худо ли—этого мы не знаемъ, но находимъ у Гезекиля свѣдѣніе, что Бисмаркъ произвелъ нѣкоторый эффектъ, когда онъ въ первый разъ заговорилъ по-русски съ нашимъ Государемъ. Пребываніе въ Петербургѣ доставило ему возможность часто предаваться любимому имъ упражненію—охотѣ на дикаго звѣря. Бисмаркъ не разъ зимою лечился охотою отъ простуды, и лечился съ успѣхомъ. Онъ даже завелъ у себя дома медвѣжатъ, которые являлись въ столовую и катались тамъ съ горки. Своихъ петербургскихъ медвѣдей, когда они подросли, онъ подарилъ зоологическимъ садамъ во Франкфуртѣ и въ Кёльнѣ. Въ Петербургѣ у Бисмарка было достаточно времени даже для того, чтобы самому слѣдить за ходомъ воспитанія его дѣтей. Регулярно каждую субботу, они являлись къ нему съ тетрадками и отдавали отчетъ въ пройденномъ; затѣмъ Бисмаркъ дѣлалъ имъ нѣкоторый экзаменъ, при которомъ, какъ сообщаетъ біографъ со словъ управляющаго, обнаруживалось какъ твердо, до самыхъ подробностей, въ умѣ дипломата удержался гимназическій курсъ. Въ числѣ ближайшихъ знакомыхъ, часто посѣщавшихъ Бисмарка въ домѣ Стенбокъ, находились: баронъ Лоэнъ, тогдашній прусскій военный агентъ въ Петербургѣ, капитанъ Эркертъ, состоявшій при посольствѣ Шлёцеръ, князь Крои — пруссаки; графъ Кейзерлингъ—другъ молодости Бисмарка, баронъ Нольде и графъ Икс-

куль. Біографъ неоднократно останавливается на любезности, оказанной Бисмарку всѣмъ петербургскимъ высшимъ кругомъ, на милости къ нему Государя, добрыхъ отношеніяхъ князя Горчакова и особенномъ радушіи, оказанномъ ему у великой княгини Елены Павловны, при дворѣ которой онъ являлся часто.

Объ охотничьихъ похожденіяхъ Бисмарка въ Россіи разсказывается въ видѣ примѣра: «какъ Бисмаркъ самъ-сёмъ поѣхалъ на охоту», разсказъ *русскаго*: «Плохо намъ пришлось, батюшка: идетъ первый медвѣдь, пруссакъ—бацъ, и медвѣдь на-земь; другой медвѣдь идетъ, я выстрѣлилъ и промахнулся, а пруссакъ—бацъ и такъ далѣе; третій медвѣдь» и пр.

Бисмаркъ въ Петербургѣ впервые началъ болѣть, получилъ то нервное разстройство, которымъ страдаетъ и теперь почти каждый годъ. Изъ одного письма его мы узнаемъ такое опредѣленіе этой болѣзни, что она имѣла «ревматическо-гастрическо-нервный характеръ»; началась она ломотою въ членахъ, потомъ перешла въ расширеніе печени, и наконецъ стѣснила дыханіе до такой степени, что больной съ трудомъ переводилъ духъ. Его лечили сперва втираніемъ іода, потомъ, когда оказалось разстройство печени — сильнымъ кровопусканіемъ съ синапизмами по всему тѣлу, «до тѣхъ поръ — пишетъ самъ Бисмаркъ,—пока я уже, едва не отправившись въ лучшій міръ, убѣдилъ наконецъ своихъ врачей, что у меня нервы ослаблены восьмилѣтними, постоянными непріятностями и постояннымъ возбужденіемъ, и что дальнѣйшее кровопусканіе вѣроятно приведетъ меня къ тифу или сумасшествію. Съ недѣлю тому назадъ было всего хуже; но моя хорошая натура взяла свое, какъ только мнѣ прописали въ умѣренномъ количествѣ испанское вино». Болѣзнь эта не осталась и безъ нравственнаго вліянія на Бисмарка: онъ впервые разувѣрился въ своихъ физическихъ силахъ, и многія письма его изъ Петербурга запечатлѣны меланхоліею, которая, впрочемъ часто прерывается неудержимой живостью его ума. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ петербургскихъ писемъ Бисмарка. Начнемъ съ его отзыва о Москвѣ, которую онъ посѣтилъ въ первый годъ своего знакомства съ Россіею (1859): «Этотъ городъ, какъ городъ,—самый красивый и оригинальный изъ всѣхъ (die es gibt); окрестность такъ себѣ, ни хороша, ни дурна, но видъ сверху, изъ Кремля, на этотъ кругозоръ домовъ съ зелеными крышами, садовъ, церквей, башенъ самыхъ странныхъ формъ и цвѣтовъ, зеленыхъ, красныхъ, свѣтлосинихъ, по большей части увѣнчанныхъ наверху колоссальною золотой луковицею, иногда по 5-ти на одной церкви, до 1000 башенъ бу-

детъ навѣрное—представляетъ, когда все это косвенно освѣщено при солнечномъ закатѣ, нѣчто столь прекрасное и вмѣстѣ чуждое (fremdartig Schönes), что этотъ видъ не имѣетъ себѣ равнаго». Изъ петербургскихъ писемъ Бисмарка къ сестрѣ выписываемъ мѣста, характеризующія его тогдашнее настроеніе и образъ жизни.

«... (іюль, 1860). Я чувствую себя какъ старый отставной служака, получающій пенсію, который заключилъ свои счеты съ дѣлами сего міра, или по меньшей мѣрѣ, какъ нѣкогда честолюбивый воинъ, когда онъ достигъ гавани—хорошаго комендантства, и мнѣ представляется, что я здѣсь могъ бы долгіе, счастливые годы брести на встрѣчу своему концу. Ежедневно до 12-ти я занятъ карлсбадскою водою, гуляньемъ, завтракомъ, одѣваньемъ;—отъ 12-ти до 5-ти служба даетъ мнѣ какъ разъ настолько регулярной работы, чтобы не чувствовать себя лишнимъ на свѣтѣ. Обѣдъ нравится мнѣ весьма и особенно то именно, что мнѣ запрещено ѣсть; съ 8-ми до 10-ти я ѣзжу верхомъ, тоже par ordonnance du médecin, а потомъ читаю до 12-ти полученныя газеты и депеши, сопровождая это жеваніемъ госпитальнаго чернослива. *Такъ* я продержусь еще долгое время, предполагая, что мнѣ удастся удержать за собою въ отношеніи нашей политики положеніе наблюдателя-натуралиста».

«...$^{26}/_{14}$-го марта, 1861. Поздравляю тебя съ моимъ днемъ рожденія; но этотъ безкорыстный шагъ не единственная причина такой рѣдкости, какъ собственноручное мое посланіе. Тебѣ извѣстно, что 11-го апрѣля родилась основа моего семейнаго счастія; менѣе извѣстно быть можетъ, что въ прошломъ году я выразилъ удовольствіе по случаю возвращенія этого дня подаркомъ двухъ (sic) брильянтовыхъ серегъ, издѣлія Вагнера, подъ-Липами, и что таковыя у любезной обладательницы недавно пропали, вѣроятно украдены. Для смягченія горести о такой потерѣ, мнѣ бы хотѣлось къ 11-му, съ курьеромъ, или при другой оказіи, получить пару такихъ же украшеній для ушей моей супруги. Вагнеръ, вѣроятно, еще помнитъ, каковы были прежнія и что̀ стоили; чѣмъ болѣе будутъ похожи на тѣ, тѣмъ лучше; въ простой оправѣ, какъ твои, и пожалуй, пусть будутъ нѣсколько подороже прошлогоднихъ; равновѣсія моего бюджета все равно мнѣ не соблюсти, будетъ ли нассивъ ста талерами больше или меньше. Подожду, намного ли отдохнутъ мои финансы, когда, лѣтомъ, я пошлю жену и дѣтей въ Померанію, а лошадей—въ Ингерманландію, на подножный кормъ, на нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ опытъ можетъ показать, какое сбереженіе достижимо этимъ пу-

темъ. Если оно окажется недостаточнымъ, то на будущій годъ я оставлю свой, очень нравящійся мнѣ домъ, и стану на саксонско-баварско-виртембергскую ногу [1]), до тѣхъ поръ, пока увеличатъ жалованье, или отпустятъ меня на праздность частной жизни. Впрочемъ, я подружился съ здѣшней жизнью, нахожу, что зима не такъ страшна, какъ я думалъ, и не желаю никакой перемѣны въ своемъ положеніи, до тѣхъ поръ, когда, съ Божьей волею, усядусь я, наконецъ, въ Шёнгаузенѣ или Рейнфельдѣ на покой, и велю мастерить себѣ гробъ, потихоньку, не спѣша. Амбиція—быть министромъ, въ настоящее время не особенно завлекательна по разнообразнымъ причинамъ, которыя не всѣ пригодны для изложенія на письмѣ; что касается Парижа или Лондона, то тамъ мнѣ пришлось бы жить съ меньшимъ удобствомъ, чѣмъ здѣсь, да и значенія бы я имѣлъ не больше, а ужъ самый переѣздъ—половина смерти. Покровительство 200,000 бродяжничающихъ пруссаковъ, которыхъ 1/3 въ Россіи живетъ, а 2/3 ее посѣщаютъ, доставляетъ мнѣ достаточно занятія, чтобы не скучать; жена и дѣти переносятъ климатъ какъ нельзя лучше; у меня есть нѣкоторое число пріятныхъ знакомыхъ; по временамъ мнѣ случается подстрѣлить медвѣдя или лося—послѣдняго за 290 верстъ отсюда по прелестной санной дорогѣ—а большого свѣта, ежедневное вращеніе въ которомъ рѣшительно безполезно для королевской службы, я избѣгаю, потому что не могу уснуть, когда ложусь поздно. До 11-ти нельзя пріѣхать, большинство пріѣзжаетъ послѣ 12-ти и затѣмъ около 2-хъ отправляются на какой-нибудь вечеръ съ ужиномъ; этого я не могу теперь дѣлать, можетъ быть никогда уже не буду въ состояніи дѣлать, да и не жалуюсь на такое лишеніе, ибо скука раутовъ здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что здѣсь у людей слишкомъ мало общихъ интересовъ и одинаковыхъ условій жизни. Іоганна (г-жа Бисмаркъ) часто выѣзжаетъ и даетъ неизбѣжные отвѣты на вопросы о моемъ здоровьи, служащіе навозомъ для безплодной почвы разговариванія. Я бы желалъ, чтобы Іоганна какъ можно раньше—по экономическимъ причинамъ—отправилась въ Германію, въ Померанію—хотѣлъ я сказать—но она не желаетъ! Туда и я послѣдовалъ бы за ней, какъ только дадутъ отпускъ. Стану пить какой-нибудь источникъ и купаться въ морѣ, чтобы отдѣлаться отъ несносной чувствительности кожи».

«. . . (январь 1862). Ты пишешь, что *** ведетъ про меня въ Берлинѣ нескромныя рѣчи... Если бы я теперь еще

[1]) Т.-е. въ условія жизни посланниковъ этихъ дворовъ.

имѣлъ въ виду сдѣлать карьеру, то дурные слухи не повредили бы. Лѣтъ 8-мь полѣниться и быть потребовательнѣе—это иногда помогаетъ. Но для меня это слишкомъ поздно, и потому я продолжаю доморощеннымъ способомъ исполнять свой долгъ. Со времени моей болѣзни я такъ усталъ нравственно, что у меня исчезла та сила напряженія, которая необходима для дѣятельности подвижной. Года три тому назадъ, изъ меня бы еще вышелъ порядочный (brauchbar) министръ; теперь, когда подумаю объ этомъ, то представляюсь самъ себѣ такъ, какъ долженъ чувствовать себя больной фокусникъ, когда онъ ѣздитъ въ цирке. Еще нѣсколько лѣтъ я долженъ оставаться на службѣ, если выживу ихъ. Чрезъ три года кончится срокъ арендѣ въ Книпгофѣ, чрезъ четыре въ Шёнгаузенѣ; до тѣхъ поръ мнѣ негдѣ бы и жить, еслибы я оставилъ службу . . . Іоганнѣ хотѣлось бы въ Парижъ (посланницей), потому что климатъ для дѣтей тамъ лучше. Но все это подъ Богомъ, болѣзни и прочее и мѣстность ничего не значитъ . . . Впрочемъ, я былъ бы неблагодарнымъ Богу, если бы былъ недоволенъ здѣшнимъ своимъ положеніемъ и желалъ перемѣны. Министерская должность меня просто пугаетъ, какъ холодная ванна».

Посланникомъ въ Петербургѣ Бисмаркъ пробылъ съ 1859 по 1862-й годъ; въ теченіе этого времени болѣзнь нѣсколько разъ заставляла его уѣзжать въ отпускъ, домой. Сверхъ того, онъ сопровождалъ Государя въ 1859-мъ году на свиданіе съ регентомъ прусскимъ въ Бреславлѣ, а въ 1861-мъ году былъ съ прусскимъ королемъ въ Баденъ-Баденѣ и въ октябрѣ того же года присутствовалъ на коронаціи Вильгельма I въ Кёнигсбергѣ. Разскажемъ здѣсь объ одномъ дипломатическомъ *промахѣ* Бисмарка, упомянутомъ въ его перепискѣ изъ Петербурга. Ему не хотѣлось ѣхать въ Бреславль и онъ надѣялся избавиться отъ этой поѣздки, донеся въ Берлинъ, что русскія разстоянія едвали допускаютъ соблюденіе обычая, чтобы при свиданіи сосѣднихъ монарховъ близъ границы посланникъ выѣзжалъ на встрѣчу своему государю (т.-е. изъ Петербурга въ Бреславль). Написавъ это въ Берлинъ, Бисмаркъ, когда ему *въ Петербургѣ* сдѣлано было приглашеніе ѣхать въ Бреславль, отвѣчалъ на приглашеніе уклончиво, то-есть отказался; вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ изъ Берлина приказаніе ѣхать въ Бреславль и, нечего дѣлать — поѣхалъ, хотя это и было неловко послѣ того, какъ онъ отклонилъ *мѣстное* приглашеніе. Пребываніе Бисмарка въ Петербургѣ имѣло немаловажное значеніе какъ для него, такъ и для Пруссіи. Для него—судьба, предназначавшая ему совершить совершенный

переворотъ въ устройствѣ Германіи и въ европейскомъ равновѣсіи, какъ бы нарочно предоставила ему случай постепенно ознакомиться самымъ основательнымъ образомъ съ дѣлами и людьми сперва во Франкфуртѣ, потомъ въ Петербургѣ, наконецъ въ Парижѣ. Для Пруссіи трехлѣтнее пребываніе Бисмарка въ Петербургѣ было важно потому, что послѣ событій восточной войны и замѣны гр. Нессельроде княземъ Горчаковымъ, въ Петербургѣ долженъ былъ найти сочувствіе такой прусскій посланникъ, который слылъ и былъ въ дѣйствительности рѣшительнымъ противникомъ Австріи; а между тѣмъ личныя свойства Бисмарка, его удальство, соединенное съ практической дѣловитостью и прежде всего — его, въ самомъ дѣлѣ, откровенная манера вести дѣла могли не только способствовать къ поддержанію тѣсныхъ отношеній между Россіею и Пруссіею (это пожалуй, было бы и безъ Бисмарка), но и внушить *здѣсь* довѣріе къ намѣреніямъ и планамъ Бисмарка, когда онъ сдѣлался министромъ-президентомъ, сталъ руководителемъ прусской политики. Все это могло влiять на положеніе, изъ котораго не выходила Россія въ 1863-мъ — 1864-мъ годахъ, во время войны Пруссіи съ Даніей и въ 1870-мъ году, во время войны съ Франціей. О 1866-мъ годѣ нечего и говорить; сама крымская война предопредѣлила полный нейтралитетъ Россіи въ событіяхъ того года.

Въ началѣ 1862 года, Бисмаркъ оставался нѣкоторое время въ неизвѣстности, что съ нимъ сдѣлаютъ. Онъ зналъ, что король желалъ уже тогда поставить его во главѣ прусскаго министерства и самъ не отказывался отъ этой чести, но нѣсколько побаивался ея, и—искренно или нѣтъ, другой вопросъ—высказывался въ своей перепискѣ скорѣе въ пользу посланническаго поста, въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Произведенный при коронаціи въ майоры ландвера, Бисмаркъ въ одинъ прекрасный майскій день 1862 года ѣздилъ верхомъ по Берлину, въ майорскомъ мундирѣ, и сойдя съ лошади неожиданно узналъ о послѣдовавшемъ своемъ назначеніи въ Парижъ. Пріѣхавъ туда, онъ еще и оттуда писалъ женѣ, что положеніе его въ Парижѣ до тѣхъ поръ не окончательно, пока не будетъ замѣщена должность министра-президента въ Берлинѣ. Уже послѣ аудіенціи своей у Наполеона III, онъ писалъ ей, что вѣроятно скоро будетъ призванъ по телеграфу въ Берлинъ, причемъ, упоминая объ интригахъ противъ своего назначенія первымъ министромъ, замѣчалъ: «еслибъ мои враги знали, какое благодѣяніе они окажутъ мнѣ своею побѣдой, то пожалуй изъ злости стали бы интриговать въ смыслѣ моего назначенія въ Берлинѣ. Я никакъ не менѣе твоего чувствую анти-

патію (Abneigung) къ Вильгельмсштрассе, и пока не буду убѣжденъ, что такъ *должно* быть, не поѣду. Но оставить короля въ затруднительномъ положеніи, отговариваясь болѣзнью, я считаю трусостью и невѣрностью (Feigheit und Untreue)». Пріѣхавъ въ Парижъ въ началѣ лѣта, Бисмаркъ отправился вскорѣ сперва въ Трувилль, потомъ на югъ Франціи, къ самимъ Пиренеямъ, даже до Санъ-Себастіана. Въ письмахъ его съ этой поѣздки, просвѣчиваетъ прежняя бойкость, живость; видать, что мысль о болѣзни перестала его тревожить и онъ снова пріобрѣлъ самоувѣренность. Изъ Бордо, напр., онъ пишетъ: «Вчера совершилъ прелестный объѣздъ по всему Медоку — въ Лафиттъ, Мутонъ, Пишонъ, Ларозъ, Латуръ, Маргò, С.-Жюльенъ, Броннъ, Армейльякъ; эти и другіе вина пилъ въ первобытно-чистомъ говорѣ кельтовъ. У насъ въ тѣни — 30°, на солнцѣ 55°, но съ добрымъ виномъ въ желудкѣ это непримѣтно». Эти письма написаны живымъ фельетоннымъ языкомъ и обнаруживаютъ въ Бисмаркѣ — котораго французы считаютъ raide — натуру прямо противоположную этой квалификаціи: впечатлительность къ красотамъ природы, живость, даже нѣкоторую поэзію, но поэзію не германскую, а именно прусскую, которую можно всегда снять къ опредѣленному часу, перейдя отъ нея непосредственно къ провѣркѣ счетовъ и перепискѣ о дѣлахъ.

На этой же поѣздкѣ Бисмаркъ встрѣтился съ Наполеономъ III въ Біаррицѣ. Какіе между ними были въ это время разговоры излишне было бы отгадывать, а слѣдовъ ихъ въ его домашней перепискѣ, конечно, нѣтъ. Единственное письмо его изъ Біаррица разсказываетъ, какъ онъ ѣхалъ въ дилижансѣ съ хорошенькими испанками и старался объяснить имъ на итальянскомъ языкѣ, что онъ одобряетъ ихъ внѣшность. Гезекиль, съ своей стороны, не выдаетъ тайны, если она ему сколько-нибудь и извѣстна. Другой біографъ Бисмарка, Бамбергеръ, замѣчаетъ о свиданіи въ Біаррицѣ, что интимность отношеній и важность переговоровъ доказываются уже тѣмъ, что когда Бисмаркъ вслѣдъ затѣмъ былъ призванъ въ Берлинъ и назначенъ первымъ министромъ, то онъ все-таки счелъ долгомъ съѣздить еще разъ къ Наполеону III, чтобы откланяться, и «безъ сомнѣнія и съ тѣмъ, чтобы еще разъ окончательно объясниться». Какъ бы то ни было, то-есть были ли, не были ли тайныя соглашенія, несомнѣнно, что Бисмаркъ разгадалъ Наполеона III, а Наполеонъ III не разгадалъ Бисмарка. Вотъ существенное различіе между этими политиками, которые въ нѣкоторыхъ чертахъ представляютъ и сходство, не внѣшнее конечно, но по принципу. Внѣшняго сход-

ства между вялымъ и молчаливымъ Sédentaire, какъ его ловко прозвалъ Э. Жирарденъ, и бойкимъ, разговорчивымъ, даже словоохотливымъ авторомъ всѣхъ этихъ «желѣзо и огонь», «желѣзо и кровь», иногда даже напрасно высказывающимся Бисмаркомъ— нѣтъ. Третій біографъ Бисмарка, Рёсслеръ, указываетъ на сходство между Наполеономъ III и Бисмаркомъ въ томъ принципѣ, что каждый изъ нихъ умѣлъ воспользоваться народною идеею— Наполеонъ идеею демократизма, Бисмаркъ—національнаго единства. Рёсслеръ указываетъ на сходство и между Наполеономъ III, Бисмаркомъ и Кавуромъ, говоря, что всѣ трое представляются разрушителями вѣнскихъ трактатовъ, но что изъ этихъ разрушителей самымъ разрушительнымъ былъ Бисмаркъ, съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Сверхъ того, вообще при этихъ сравненіяхъ надо помнить, что Наполеонъ III лично не предложилъ вновь и не представлялъ никакого своего принципа: онъ былъ только контрафакторъ «наполеоновскихъ идей». Пріемъ Бисмарка былъ похожъ на пріемъ Наполеона I, какъ по подчиненію народной идеи величію военнаго могущества, такъ и потому именно, что Бисмаркъ вызвалъ въ Германіи народную войну противъ Франціи, такъ какъ нѣкогда Наполеонъ обратилъ народную войну революціи на самозащиту, въ завоевательныя войны противъ Германіи. Между Бисмаркомъ и Кавуромъ, какъ дипломатами, есть большое сходство; оба разгадали Наполеона III, оба воспользовались имъ въ значительной степени далѣе его воли. При этомъ нужно Кавуру отдать то преимущество, что онъ разгадалъ сфинкса *первый*. Но общее политическое значеніе Кавура и Бисмарка представляетъ гораздо болѣе различій, чѣмъ сходства. Что касается собственно осуществленія національнаго единства, то дѣло Кавура было труднѣе, положеніе его было гораздо болѣе стѣснено, средства меньше. Средства у Бисмарка были безъ всякаго сравненія больше и положеніе его гораздо благопріятнѣе, наконецъ — путь виднѣе и прямѣе; но за то же и результаты, которыхъ онъ достигъ, имѣютъ болѣе всемірное значеніе.

VII.

Министерство.

Въ Авиньонѣ Бисмаркъ получилъ извѣстіе о назначеніи его министромъ иностранныхъ дѣлъ, и тотчасъ отправился въ Берлинъ. Бисмаркъ вступалъ во главу управленія въ весьма трудное время. Столкновеніе правительства съ палатою депутатовъ дошло уже до конституціоннаго кризиса. Теперь легко говорить, что прусскому правительству нечего было опасаться послѣдствій своего упорства по вопросу о преобразованіи арміи; что правительство въ Пруссіи слишкомъ сильно, чтобы оно могло опасаться серьёзныхъ послѣдствій своего упорства. Это легко говорить *теперь;* но десять лѣтъ тому назадъ нельзя было съ достовѣрностью судить о томъ, располагала ли палата въ Пруссіи дѣйствительной силой или нѣтъ: въ виду не имѣлось другого опыта, кромѣ опыта 1848 года, а этотъ былъ вовсе не успокоительнаго свойства. Между тѣмъ, король намѣренъ былъ преобразованіе арміи осуществить во что бы то ни стало, производить соотвѣтственные расходы безъ согласія палаты и не отступать передъ ея требованіями и ея отказами въ утвержденіи бюджета. Отнять конституцію, которой онъ самъ присягалъ,—надо сказать къ чести Вильгельма I-го, — у него никогда и въ мысляхъ не было. Но надо сказать и то, что, благодаря искаженіямъ, внесеннымъ предшественникомъ этого короля въ прусскую конституцію, можно было управлять страною безъ бюджета и не нарушая конституціи, такъ какъ конституція не требовала ежегоднаго согласія палаты на взиманіе податей однажды установленныхъ.

Король назначилъ первымъ министромъ Бисмарка потому, что намѣренъ былъ упорно держаться своего проекта и заставить палату уступить, а не уступать самому ей. Въ этомъ смыслѣ, смѣна либеральнаго министерства и назначеніе министерства бюрократическо-феодальнаго, съ Бисмаркомъ во главѣ, и было понято въ прусскомъ обществѣ. Bismarck—das ist der Staatsstreich!—провозгласила одна газета. Государственнаго переворота король Вильгельмъ, повторяемъ, дѣлать не хотѣлъ; но прибавляемъ отъ себя — и не имѣлъ нужды дѣлать именно потому, что государственный переворотъ уже былъ сдѣланъ предшественникомъ Вильгельма I-го. Конституцію, которую тотъ исказилъ незаконно, собственной властью, не было затѣмъ и нужды отмѣнять; она была

безсильна благодаря своимъ «пробѣламъ», знаменитымъ «Lücken in der Verfassung»,—пробѣламъ, которые въ ней въ самомъ дѣлѣ находятся и могли быть возведены Бисмаркомъ впослѣдствіи въ цѣлую государственную теорію, которая въ одно и то же время заключала въ себѣ политическій абсурдъ и не нарушала положительнаго прусскаго права, потому собственно, что право это уже было право преднамѣренно искаженное.

Это была теорія о необходимости для юридической силы законодательнаго акта *единогласія трехъ самостоятельныхъ факторовъ* власти: короны, палаты господъ и палаты депутатовъ. Эта теорія была теорія liberum veto, повторенная изъ польской исторіи, только иначе примѣненная, теорія анархіи. Она никогда и не осуществилась въ Пруссіи; какъ въ Англіи рѣшающее значеніе имѣетъ въ дѣйствительности одна изъ трехъ властей—палата общинъ, такъ въ Пруссіи рѣшающее значеніе оставила за собой одна власть, именно корона. Равновѣсія трехъ факторовъ, то-есть анархіи, не было, но было въ дѣйствительности полновластіе короны, обращеніе представительнаго правленія въ миѳъ. Мы не намѣрены слѣдить здѣсь за перипетіями той борьбы Бисмарка съ палатою депутатовъ, которая привела къ такому результату; чтобы напомнить о характерѣ этой борьбы довольно и сказаннаго. Повторимъ только, что такой исходъ ея, который, какъ намъ теперь кажется, былъ очевидно-неизбѣжнымъ съ самаго начала, вовсе не былъ еще очевиденъ въ 1862-мъ году, и самъ Бисмаркъ сознавалъ рискованность дѣла, когда говорилъ: «можно представить себѣ такой родъ смерти, который и *хуже казни*»; или — «смерть на эшафотѣ, по обстоятельствамъ, бываетъ столь же почетна, какъ смерть на полѣ битвы!»

Королю, въ его борьбѣ съ палатой была дорога, конечно, не изобрѣтательность Бисмарка въ его софизмахъ о «равновѣсіи факторовъ», не надменное, вызывающее отношеніе его къ палатѣ, даже не сильное, саркастическое его слово, а та самоувѣренность, бодрость и свѣжесть, съ какою его поддерживалъ въ этой борьбѣ новый его помощникъ. Когда, въ 1862-мъ году, одна русская дама поздравляла короля съ его бодрымъ, здоровымъ видомъ, Вильгельмъ указалъ ей на Бисмарка и сказалъ: «voilà mon médecin». Знаменитое изреченіе Бисмарка: «великіе вопросы времени рѣшаются не рѣчами и постановленіями большинства, но желѣзомъ и кровью» — было произнесено уже въ сентябрѣ 1862 года. У Гезекиля находимъ интересное свѣдѣніе, что когда Бисмаркъ поѣхалъ, въ октябрѣ того же года, въ Па-

рижъ прощаться (и объясниться еще разъ) съ Наполеономъ III-мъ, то тотъ выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ Бисмарка въ борьбѣ съ палатой и даже напомнилъ ему примѣръ Полиньяка въ 1830-мъ году. Новое доказательство, что Бисмаркъ имѣетъ гораздо болѣе практическаго генія какъ политикъ, чѣмъ Наполеонъ III-й: Наполеонъ ошибся въ отношеніи Бисмарка, а Бисмаркъ впослѣдствіи не ошибся въ отношеніи къ Наполеону III-му.

Во внѣшней политикѣ, которая послужила Бисмарку средствомъ превзойти, одолѣть и внутренній кризисъ, взгляды его, какъ уже показано выше, давно установились, сплотились въ весьма опредѣленную систему дѣйствій, въ настоящую программу. И вотъ, 24-го января 1863 года, Бисмаркъ разослалъ посланникамъ Пруссіи знаменитую циркулярную депешу, въ которой излагалъ устное сообщеніе, сдѣланное имъ передъ тѣмъ австрійскому послу, графу Кàрольи. За недостаткомъ мѣста, мы не приведемъ ея цѣликомъ, какъ то было бы лучше всего сдѣлать, потому что она, вмѣстѣ съ цитированнымъ выше письмомъ его къ Шлейницу, содержитъ полную программу политики Бисмарка, а никто не можетъ изложить его политики яснѣе, опредѣлительнѣе, чѣмъ онъ излагалъ ее самъ. Но въ этомъ циркулярѣ объясняется, что Бисмаркъ сдѣлалъ австрійскому послу слѣдующія сообщенія: «что отношенія Пруссіи къ Австріи должны неизбѣжно сдѣлаться *лучше* или *хуже*, чѣмъ были»; что если улучшенія не послѣдуетъ, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Пруссія, при случаѣ, «вступитъ въ союзъ съ какимъ-либо противникомъ Австріи»; что самъ Бисмаркъ, въ такомъ предположеніи, никогда «не будетъ совѣтовать королю остаться нейтральнымъ», и что если Австрія не полагаетъ предѣловъ терпѣнію Пруссіи, въ виду затрудненій, представляемыхъ ей въ союзѣ, никакого предѣла въ томъ только предположеніи, что Пруссія всегда нуждается въ ея помощи, то Пруссія «докажетъ ей ошибочность такого предположенія *на дѣлѣ*, если словамъ и желаніямъ ея не придаютъ значенія». Смыслъ этого сообщенія, изложеннаго въ циркулярѣ Бисмарка, слѣдуетъ дополнить выпискою изъ отчета о томъ же разговорѣ, представленнаго графомъ Кàрольи австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Рехбергу. Въ этомъ отчетѣ, 18-го февраля 1863 года, находится слѣдующее мѣсто: «въ заключеніе, онъ (Бисмаркъ) буквально поставилъ намъ альтернативу: или устраниться отъ Германіи (aus Deutschland zurückzuziehen) и *перенесть центръ тяжести нашей монархіи въ Офенъ*, или увидѣть Пруссію, при первомъ случаѣ европейскаго конфликта, въ ряду нашихъ противниковъ».

Объясненіе это произошло въ то время, когда Австрія, лишившись вліянія своего на Италію, тѣмъ болѣе хотѣла подчинить себѣ Германію и выступала со своимъ проектомъ преобразованія союза, съ учрежденіемъ въ немъ «собранія делегатовъ» отъ сеймовъ отдѣльныхъ государствъ, собственно для обсужденія вопросовъ гражданскаго законодательства, и притомъ только съ совѣщательнымъ голосомъ. Въ смыслѣ уступки либерализму, такая уступка была ничтожна, но Австрія и ходила съ нея просто только какъ съ «козыря» противъ унитарныхъ стремленій Пруссіи. Пруссія «била» эту карту, другою, той же масти; противъ козырной двойки пустила тройку — «созваніе дѣйствительнаго германскаго парламента при союзѣ». Это была мысль Бисмарка. Въ одномъ изъ писемъ его, писанныхъ еще въ Петербургѣ, онъ говоритъ, что не понимаетъ почему такъ опасаются самаго имени парламента. Но и съ его стороны такое предложеніе было не что иное, какъ дипломатическій маневръ, такъ, какъ онъ самъ у себя дома отрицалъ парламентское правленіе, знать не хотѣлъ палаты, конфисковалъ газеты одну за другою, преслѣдовалъ и чиновниковъ и даже судей за либерализмъ, перемѣщеніемъ ихъ массами изъ хорошихъ мѣстностей въ далекія, менѣе удобныя для жизни. Игра въ либерализмъ, посредствомъ какого-то аукціона либеральныхъ надбавокъ для преобразованія союза, со стороны тѣхъ правительствъ, изъ которыхъ одно дома дѣлало все, что сейчасъ сказано, а другое держало Венгрію на военномъ положеніи, силою собирая подати, во взиманіи которыхъ отказалъ сеймъ — представляла высокій комизмъ.

Вотъ эта внутренняя фальшь, это очевидное самопротиворѣчіе либерально-преобразовательныхъ заявленій Пруссіи и ея національно-объединительныхъ плановъ съ реакціоннымъ образомъ дѣйствій прусскаго правительства внутри страны, лишали кредита и всѣ его заявленія; ложность совокупности ихъ была столь очевидна, что Австрія не придала никакой вѣры *и самымъ угрозамъ* Бисмарка, между тѣмъ, какъ онѣ-то были вполнѣ искренни. Иначе невозможно было бы объяснить ослѣпленіе Австріи въ виду того, что Бисмаркъ высказалъ ей такъ прямо и ясно о своихъ намѣреніяхъ.

Борьба по поводу проекта преобразованія союза привела къ конгрессу германскихъ государей, созванному Австріею; на этотъ конгрессъ они явились всѣ, кромѣ короля прусскаго, который такимъ образомъ и оказался въ полномъ уединеніи. Это заявленіе формальной силы Австріи и слабости Пруссіи въ союзѣ, это формальное пораженіе прусской дипломатіи было послѣднимъ торжествомъ Австріи. Оно представило уже такое напряженіе, за ко-

торымъ, по всей вѣроятности, вскорѣ же послѣдовала бы война, а въ войнѣ дѣло рѣшилось бы въ пользу того, на чьей сторонѣ была сила реальная. Но случайное обстоятельство, именно смерть датскаго короля Фридриха VII (въ ноябрѣ 1863 г.) отсрочило войну между Пруссіею и Австріею и заставило кризисъ пройти сперва окольнымъ путемъ союза, «братства по оружію» между ними; на этомъ пути выигралъ Бисмаркъ, а Австрія проиграла.

Что распря между двумя великими державами Германіи, прежде чѣмъ разразиться, прошла путемъ военнаго союза ихъ и общей побѣды надъ Даніею, это было весьма выгодно для Пруссіи, совершенно невыгодно для Австріи. Бисмаркъ уже этимъ дѣломъ, которое было предпринято имъ, далъ такое удовлетвореніе національному чувству Германіи, что, можно сказать, завоевалъ себѣ довѣріе большинства нѣмцевъ и въ дѣйствительности, въ сознаніи прусскаго народа, побѣдилъ прусскую палату депутатовъ. Затѣмъ, на войну съ Австріею онъ могъ выступить уже не только опираясь на реальное превосходство прусской арміи, но и на сочувствіе прусскаго народа. Между тѣмъ, Австрія, войдя въ сѣти Бисмарка, приступивъ къ занятію Гольштейна вмѣстѣ съ Пруссіею самовольно, безъ согласія союза, и впослѣдствіи прямо нарушивъ постановленія союзнаго сейма, устраненіемъ союзныхъ коммиссаровъ и союзныхъ войскъ изъ занятой области, тѣмъ самымъ стала сообщницей Пруссіи въ разрушеніи германскаго союза, представила своими дѣйствіями отрицаніе именно того своего внѣшняго могущества противъ Пруссіи, которое представлялось солидарностью Австріи съ большинствомъ союза, однимъ словомъ, на дѣлѣ сама разрушила то обаяніе, которому придавала такое значеніе, когда собирала вокругъ себя германскихъ государей на конгрессъ безъ участія и противъ воли Пруссіи, выставляя ея одиночество. Теперь одинокими оказались и Австрія и Пруссія, вмѣстѣ отдалившіяся отъ союза, одинокимъ оказался и союзъ, оставленный, дискредитированный обѣими своими великими державами.

Что Бисмарку удалось увлечь Австрію съ собой въ это дѣло, опасеніемъ предоставить его одной Пруссіи — это было дѣломъ можно сказать геніальнаго соображенія, такъ-какъ мы уже показали, что самъ онъ давно былъ убѣжденъ въ неизбѣжности современемъ расправы съ самой Австріею и изгнанія ея изъ Германіи— въ Офенъ. Въ этомъ именно дѣлѣ, то-есть въ увлеченіи Австріи на столь бѣдственный для нея путь совмѣстнаго дѣйствія съ Пруссіею противъ Даніи, вопреки союза, дипломатическій геній Бисмарка представляется въ полномъ блескѣ. Здѣсь было его собственное творчество. Въ событіяхъ же 1866 и 1870 годовъ, го-

раздо болѣе блестящихъ по своимъ успѣхамъ, роль Бисмарка была уже предопредѣлена имъ впередъ: ему оставалось только твердо держаться ея, исполнить свою программу вполнѣ, отстоявъ неуклонное исполненіе ея и противъ тѣхъ придворныхъ вліяній, которыя могли мѣшать ему (напр., настоять на лишеніи престоловъ короля ганноверскаго и гессенскаго курфирста). Изложивъ въ бѣгломъ очеркѣ, какъ возникла программа Бисмарка и какимъ образомъ онъ, по позднѣйшему своему выраженію, «подсадилъ Пруссію въ сѣдло, съ тѣмъ, что скакать она уже будетъ сама» (выраженіе это примѣнено имъ было впрочемъ къ дальнѣйшей будущности Германіи)—мы считаемъ излишнимъ распространяться здѣсь о томъ, какимъ образомъ Пруссія въ дѣйствительности «проскакала» съ изумительной быстротою тотъ великій путь, который отдѣляетъ 1871-й годъ отъ 1863-го. Событія 1866 и 1870 годовъ еще свѣжи въ памяти большинства читателей, и намъ остается въ заключеніе этой статьи вновь обратиться исключительно къ тѣмъ подробностямъ, которыя нужны для личной характеристики Бисмарка.

Вслѣдъ за шлезвигъ-гольштейнскимъ походомъ, Бисмаркъ былъ пожалованъ графомъ и назначенъ отдѣльнымъ министромъ вновь пріобрѣтеннаго (откупленнаго у Австріи за деньги) герцогства лауэнбургскаго. Графъ Бисмаркъ ничего не прибавилъ въ своемъ щитѣ къ тому трилистнику, который избрали его предки, только подписалъ къ нему девизъ in Trinitate robur, не особенно удачный, какъ всѣ новѣйшія геральдическія измышленія; если бы вмѣсто Trinitate, стояло — unitate, то девизъ, въ самомъ дѣлѣ, означалъ бы дѣятельность избравшаго его.

Послѣ датской войны, когда Бисмаркъ заключилъ въ Гаштейнѣ трактатъ о совокупномъ владѣніи Австріи и Пруссіи эльбскими герцогствами, въ Гаштейнѣ же было снято фотографическое изображеніе Бисмарка *вмѣстѣ съ пѣвицею Луккою*; это сближеніе, на одной картинкѣ, произвело въ Берлинѣ нѣкоторый скандалъ, такъ что одинъ пріятель формально обратился къ нему за разъясненіемъ этого обстоятельства. Отвѣтъ Бисмарка не разъясняетъ ровно ничего, такъ какъ въ немъ находятся слѣдующія фразы, довольно курьезныя, если ихъ сопоставить: «благодареніе Богу, если бы у меня на душѣ не было иныхъ грѣховъ, кромѣ тѣхъ, которые извѣстны свѣту... О фотографіи съ Луккой (die Luccaphotographie) вы бы судили менѣе строго, если бы знали, вслѣдствіе какихъ случайностей она возникла. Впрочемъ, нынѣшняя госпожа фон-Раденъ, хотя и пѣвица — дама, которой столь же мало,

какъ и самому мнѣ, приписывали когда-либо незаконныя связи. Тѣмъ не менѣе, если бы я предвидѣлъ соблазнъ, который усмотрѣли въ этомъ многіе дорогіе мнѣ друзья, — я отступилъ бы изъ круга того стекла, которое было направлено на насъ».

Съ зимы 1865 года, Бисмаркъ опять сталъ заболѣвать; 7-го мая 1866 года, онъ, послѣ довольно продолжительной болѣзни, въ первый разъ пошелъ во дворецъ съ докладомъ къ королю. Надо замѣтить эту чисто-берлинскую особенность: министры и генералы часто ходятъ во дворецъ пѣшкомъ; иногда «Подъ-Липами» встрѣчаешь одного за другимъ, или попарно, цѣлую вереницу генераловъ и офицеровъ въ полной формѣ, которые *идутъ* къ пріему или возвращаются пѣшкомъ съ пріема у короля или наслѣдника. Бисмаркъ шелъ «Подъ-Липами» по средней аллеѣ, изъ дворца, гдѣ живетъ король, къ Вильгельмсштрассе, гдѣ находится домъ министра иностранныхъ дѣлъ. Когда онъ поровнялся съ домомъ русскаго посольства, то услыхалъ близко позади себя два выстрѣла, одинъ за другимъ. Одна изъ пуль, какъ потомъ оказалось, скользнула ему по боку. Обернувшись, онъ увидѣлъ молодого человѣка, который еще разъ поднималъ на него револьверъ. Бисмаркъ тотчасъ бросился къ нему и схватилъ его одной рукой за руку, державшую пистолетъ, а другой — за горло. Но молодой человѣкъ успѣлъ еще разъ выстрѣлить ему въ правое плечо; пуля, впрочемъ, только задѣла плечо косвенно; потомъ убійца быстро перенялъ пистолетъ лѣвою рукой и выстрѣлилъ въ упоръ еще два раза; отъ одной пули Бисмаркъ уклонился, другая попала ему въ ребро и не сломала кость, но согнула ее, такъ что Бисмаркъ почувствовалъ слабость отъ сотрясенія, отдавшагося въ позвоночномъ столбѣ и подумалъ въ то мгновеніе, что пуля сдѣлала свое дѣло. Но убійцу онъ все-таки не выпустилъ изъ рукъ и передалъ его подоспѣвшей полиціи. Затѣмъ, онъ пѣшкомъ же пришелъ домой, засталъ въ столовой гостей, поздоровался съ ними, прошелъ въ кабинетъ и, написавъ королю нѣсколько строкъ о бывшемъ происшествіи, вышелъ къ обѣду. Черезъ полчаса явился король съ поздравленіемъ. Покусившійся на жизнь Бисмарка былъ пасынокъ извѣстнаго нѣмецкаго эмигранта, Карла Блинда. Онъ отравился въ тюрьмѣ. Самъ Блиндъ, какъ извѣстно, послѣ 1866 года перешелъ въ число почитателей Бисмарка.

При домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Вильгельмсштрассе есть большой садъ. Тамъ-то, въ этомъ саду, просиживали вечера въ началѣ іюня 1866 года — Мольтке, Роонъ и

Бисмаркъ, въ бесѣдѣ о предстоявшихъ важныхъ событіяхъ. Самъ Бисмаркъ былъ непоколебимо-твердъ въ своей мысли о необходимости войны. Одно безпокоило его—рѣшится-ли въ послѣднюю минуту король. И вотъ въ тотъ день, когда рѣшеніе это было принято, онъ вечеромъ, ожидая еще письменнаго отвѣта отъ короля, въ томительномъ безпокойствѣ и сильномъ напряженіи нервовъ, ходилъ взадъ и впередъ по своему саду. Тамъ же, то-есть, въ то время какъ онъ ходилъ по саду, думая свою думу, Бисмарку пришла мысль ускорить на двадцать-четыре часа выступленіе войскъ, противъ впередъ условленнаго росписанія; онъ тотчасъ сообщилъ эту мысль запискою къ Мольтке, и отдано было по телеграфу приказаніе—выступить сутками ранѣе, чѣмъ было назначено въ секретныхъ маршрутахъ. Каково однако и то военное устройство, при которомъ можно дѣлать такіе сюрпризы, не опасаясь застать что-либо неприготовленнымъ или перепутать всѣ разсчеты?

Извѣстіе о первой побѣдѣ пришло въ Берлинъ 29-го іюня, и это былъ день перваго изъ тѣхъ народныхъ побѣдныхъ праздниковъ, которыхъ съ тѣхъ поръ было столько въ Берлинѣ. Массы двинулись къ дворцу, съ лютеровымъ гимномъ: Ein' feste Burg ist unser Gott [1]), потомъ къ дому Бисмарка. Бисмаркъ на громкіе призывы, появился въ окнѣ и произнесъ нѣсколько словъ. Театральный эффектъ этой сцены еще усилился, когда слова эти были покрыты сильнымъ ударомъ грома, а безчисленныя массы народа были озарены молніею. «Салютъ съ неба»!—громко крикнулъ Бисмаркъ.

На слѣдующій же день, онъ вмѣстѣ съ королемъ, Рооном и Мольтке, отправился на самый театръ военныхъ дѣйствій. Въ сраженіяхъ онъ неотступно сопровождалъ короля. Въ битвѣ при Садовѣ, когда король не безъ трепета ожидалъ приближенія арміи наслѣднаго принца, Бисмаркъ, по свидѣтельству Гезекиля, первый открылъ въ зрительную трубу линіи второй арміи, которыя другимъ представлялись просто грядами на полѣ. Въ другой битвѣ король очутился подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, направленнымъ на кавалерію. Бисмаркъ, ѣхавшій позади его, сказалъ: «какъ майоръ, я не имѣю права давать совѣтовъ вашему величеству, но какъ министръ-президентъ, прошу васъ не искать очевидной опасности». Впрочемъ это «изреченіе» слишкомъ красно, чтобы его можно было произнесть въ такую ми-

1) Хоралъ въ „Гугенотахъ".

уту. Такія изреченія «редактируются» впослѣдствіи, въ родѣ «гвардія умираетъ, но не сдается», Камбронна. Но нѣчто въ этомъ родѣ Бисмаркъ сказалъ, такъ какъ въ одномъ изъ его писемъ къ женѣ есть свѣдѣніе, что онъ долженъ былъ рѣшительно остановить короля. Во время похода и до самаго заключенія прелиминарныхъ условій въ Никольсбургѣ, Бисмаркъ не чувствовалъ своей болѣзни. Но какъ только напряженіе прекратилось, она возвратилась, такъ что на торжественномъ вступленіи въ Берлинъ Бисмаркъ едва держался въ сѣдлѣ, хотя и ѣхалъ тріумфаторомъ.

Послѣ войны 1866 года, Бисмаркъ былъ прямо произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ 7-го кирасирскаго полка ландвера. Послѣ войны 1870—1871 года, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Канцлеръ сѣверогерманскаго союза въ 1867-мъ году, въ 1871-мъ году, онъ былъ переименованъ имперскимъ канцлеромъ, и пожалованъ княземъ. Послѣ болѣзни 1866 года, Бисмаркъ опять сильно заболѣлъ въ 1868-мъ году, и только-что сталъ поправляться, какъ упалъ съ лошадью. Съ тѣхъ поръ Бисмарку предписана всякая осторожность и продолжительный отдыхъ въ каждомъ году. Но 1870—1871-й годъ не очень позволилъ ему соблюсти это требованіе врачей. За то теперь онъ удалился въ Варцинъ на цѣлые полгода. Онъ, между прочимъ, сильно страдаетъ безсонницею, и въ безсонныя ночи постоянно гуляетъ по парку въ Варцинѣ. Въ Берлинѣ, Бисмаркъ живетъ, разумѣется, открыто. Онъ даетъ рауты и балы, и хотя многія моды усвоили его имя, но единственное, чтó именно имъ самимъ введено было въ моду, это національный напитокъ нѣмцевъ — пиво. На вечерахъ у Бисмарка сервируется между прочимъ холодное пиво, въ серебряныхъ вазахъ. Но лично Бисмаркъ и теперь предпочитаетъ пиву вино, и рейнскому вину — вино французское, красное бордó, въ чемъ опять вкусъ его оказывается англійскій.

Домъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ — одноэтажный; прежде *въ одномъ этажѣ* помѣщался и министръ, и министерство (не похоже на обычаи, существующіе въ нѣкоторыхъ иныхъ странахъ). Теперь, управленіе переведено въ другое зданіе, но и для канцлера одноэтажный домъ оказывается тѣснымъ. Такъ какъ въ этой оффиціальной квартирѣ не было картинъ, то Бисмаркъ перевезъ туда свои фамильные портреты изъ Шёнгаузена. Кабинетъ или рабочая комната канцлера меблирована просто: посрединѣ ея стоитъ двусторонній письменный столъ, съ каждой стороны стола кресло. Въ углу близъ камина длинное кресло,

въ которомъ можно наполовину лежать; передъ нимъ львиная шкура. На стѣнахъ портреты — великаго курфирста, короля Фридриха II-го и Вильгельма I-го. Изъ кабинета дверь ведетъ въ спальню; подлѣ этой двери висятъ часы съ кукушкою, которая кричитъ каждую четверть часа, «напоминая посѣтителю настойчиво и слишкомъ ясно—говоритъ Гезекиль, что—хозяину время дорого. Разсказываютъ даже,—прибавляетъ онъ,—разныя исторіи о сильномъ вліяніи, какое кукушка эта оказала на разнаго рода судьбы».

Бисмаркъ въ Берлинѣ садится за завтракъ въ 10-ть часовъ, окончивъ свой туалетъ, и облачившись въ военный сертукъ. За завтракомъ онъ вскрываетъ письма, телеграммы и пробѣгаетъ утреннія газеты; затѣмъ онъ слушаетъ доклады подчиненныхъ ему директоровъ, на часъ выѣзжаетъ верхомъ въ Тиргартенъ, и потомъ отправляется самъ съ докладомъ къ императору. Около 5-ти часовъ онъ возвращается домой и обѣдаетъ съ семействомъ и, обыкновенно, съ нѣсколькими друзьями. За столомъ онъ строгъ относительно порядка и часто напоминаетъ сыновьямъ «держаться прямо». Послѣ обѣда, онъ остается короткое время въ гостиной у жены, пьетъ кофе, куритъ и читаетъ «Сѣверогерманскую» и «Новую Прусскую» (Крестовую) газеты. Потомъ, онъ уходитъ въ кабинетъ и принимаетъ посланниковъ или отправляется въ совѣтъ министровъ, затѣмъ работаетъ одинъ. Часамъ къ 12-ти, онъ опять выходитъ въ гостинную жены и бываетъ радъ, находя тамъ общество.

Мѣсяцы отдыха Бисмаркъ, какъ извѣстно, проводитъ въ Варцинѣ. Лѣтомъ онъ тамъ часто ходитъ на охоту пѣшкомъ съ сыновьями, и ѣздитъ съ ними верхомъ. Отправляясь на дальнюю прогулку, онъ любитъ сперва опредѣлить дороги на планѣ; вообще очень любитъ географическія карты и планы мѣстностей. Замѣтимъ, что въ подробнѣйшей біографіи Гезекиля мы ни разу не встрѣтили упоминовенія о какой-либо книгѣ, прочтенной Бисмаркомъ послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ Шёнгаузена. Въ многочисленныхъ письмахъ его, гдѣ описываются всевозможныя впечатлѣнія, мы нашли упомянутою только книгу Варнгагена фон-Энзе, которой прусскому дипломату не прочесть было невозможно; больше—ни одной, и никогда не находили ссылки на какого-либо автора. Онъ охотно вдается иногда въ подробности, но всѣ подробности его—фактическія: «Kurz—Thatsachen, facta», какъ онъ самъ нѣкогда, не безъ ироніи, опредѣлялъ эпистолярный вкусъ своего отца. Дѣлая это замѣчаніе, мы припоминаемъ слова одного изъ новѣйшихъ англійскихъ беллетристовъ: «Паль-

мерстонъ, послѣ двадцатипятилѣтняго возраста, не прочелъ ни одной книги во всю свою остальную жизнь». Бисмаркъ — типъ чисто-практическаго человѣка, но практичность его не есть сухость, отсутствіе впечатлительности. Всѣ его письма показываютъ противное, а также и многія его изреченія, которыя вообще картинны, напримѣръ: «Пруссія—это шерстяная фуфайка, которую надѣть непріятно, но въ которой тепло и полезно ходить, когда къ ней привыкнешь»; это утѣшеніе было имъ высказано депутаціи изъ одной присоединенной провинціи. Или его опредѣленіе нѣмецкаго духа партикуляризма и индивидуализма: «Каждый нѣмецъ охотнѣе всего держалъ бы для себя одного своего собственнаго короля, еслибы имѣлъ на то средства». Въ Берлинѣ есть улица Бисмаркштрассе: она соединяетъ Роонштрассе съ Мольткештрассе. Въ Познани, въ силу указа изъ королевскаго кабинета, община, состоящая изъ селеній Карсш, Бобры, Буды и Зверхославъ, въ плешненскомъ округѣ, получила общее имя «Бисмарксдорфъ». Почеркъ Бисмарка, судя по литографированному письму его къ женѣ, которое появилось сперва во французской газетѣ «Figaro» [1]), а потомъ въ нѣмецкой «Illustrirte Zeitung», замѣчателенъ: огромныя буквы, тѣсно связанныя, но очерченныя чрезвычайно твердо, показываютъ, что авторъ и перо держитъ очень крѣпко въ рукѣ, когда пишетъ. Это письмо его къ женѣ 3-го сентября 1870 года, писанное тотчасъ послѣ битвы при Седанѣ; оно чисто-фактично, не отражаетъ никакого увлеченія, не содержитъ никакой похвальбы, ни одного восклицанія, и на пяти длинныхъ страницахъ (не почтоваго, а оффиціальнаго формата) только одну помарку. Бисмаркъ самъ разсказывалъ разъ на вечерѣ у себя, что утромъ 2-го сентября, когда онъ сидѣлъ съ Наполеономъ въ узкой комнатѣ въ Седанѣ, въ ожиданіи приготовленій къ отъѣзду бывшаго императора, онъ (Бисмаркъ) чувствовалъ себя такъ, «какъ чувствуетъ себя молодой человѣкъ въ котильонѣ съ такой дамой, которой онъ не умѣетъ ничего сказать и которой никто отъ него не беретъ». Впрочемъ, это чувство нѣкоторой застѣнчивости передъ побѣжденнымъ, дѣлающее честь Бисмарку, нисколько не повліяло на его неумолимость въ переговорахъ какъ съ имперіей, такъ и съ республикой. Въ своихъ переговорахъ въ Седанѣ съ французскими генералами о сдачѣ, Бисмаркъ, какъ разсказываетъ генералъ Вимпфенъ, даже прочелъ имъ нѣкоторую мораль, а на аргументъ ихъ, что смягченіемъ условій можно устранить бо́льшее раздраженіе французовъ противъ побѣдителя, Бисмаркъ отвѣчалъ

[1]) Оно было перехвачено французами во время вылазки.

тѣмъ неумолимо-практическимъ соображеніемъ, въ силу котораго онъ потомъ такъ сильно настаивалъ на отдѣленіи Эльзаса отъ Франціи: «Французы не могутъ ненавидѣть насъ болѣе, чѣмъ уже ненавидятъ насъ теперь». Но несговорчивость германскаго канцлера не всегда проявлялась въ формѣ столь рѣзкой. Когда Бисмаркъ велъ переговоры о финансовомъ вознагражденіи со стороны Франціи, онъ призвалъ, въ качествѣ эксперта, извѣстнаго банкира Блейхрёдера, еврея. Разсказываютъ, что Ж. Фавръ, возражая противъ баснословной суммы пяти мильярдовъ, между прочимъ будто бы сказалъ: «подумайте, какая это сумма; вѣдь одному человѣку не сосчитать бы ее въ деньгахъ съ самаго Рождества Христова до сихъ поръ». «О, не безпокойтесь,—будто бы отвѣчалъ Бисмаркъ;—я привезъ вотъ этого эксперта: онъ считаетъ съ сотворенія міра».

Л. Полонскій.

ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

VI *).

Славянофильство.

(Продолженіе).

Историческая теорія славянофиловъ, какъ и естественно ожидать, была тѣсно связана съ теоріей теологической. Какъ въ чисто-догматическомъ смыслѣ, верховная истина принадлежитъ православно-славянскому міру, а ложь—міру западному, такъ и въ жизни исторической православно-славянскій міръ, и въ частности русскій народъ, представляетъ истинное выраженіе христіанскихъ началъ общества и государства, а міръ западный—ихъ извращеніе.

Въ такомъ смыслѣ вопросъ поставленъ былъ еще братьями Кирѣевскими. Далѣе, эту теорію повторилъ Д. Валуевъ; потомъ развивалъ ее, историко-юридическими соображеніями, славянофильскій полемистъ М... З... К..., въ спорѣ съ г. Кавелинымъ о роли и значеніи личности въ исторіи русскаго общества; наконецъ, всего ярче высказывалъ ее К. Аксаковъ. У послѣдняго

*) См. выше: 1871, май 233; сент. 301; дек. 455; 1872, май 145; нояб., 47 стр.

историческая теорія славянофильства получила наиболѣе полную обработку.

Относительно мнѣній Кирѣевскаго, достаточно напомнить его слова о древней русской жизни, въ статьѣ о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи [1]). Вотъ его основныя положенія:

«Обширная русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ *единства вѣрованія* въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единосмысленно разливался свѣтъ сознанія и науки (?) во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе...

«Потому, этотъ русскій бытъ (бытъ, уцѣлѣвшій и теперь въ народѣ) и эта, прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи, драгоцѣнны для насъ, особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена словенскія...»

Надежду на будущее процвѣтаніе славянскаго народа даютъ, впрочемъ, не какія-нибудь племенныя особенности,—эти особенности могутъ только ускорить или замедлить развитіе;—свойство плода зависитъ отъ свойства самого сѣмени, т.-е. восточнаго, византійскаго христіанства. Оно измѣнило нравственныя понятія русскаго человѣка, и все общественное устройство древней Руси должно было принять направленіе христіанское.

Древняя русская церковь твердо опредѣлила границы между собою и мірскимъ государствомъ, не смѣшивалась съ его интересами, стояла надъ нимъ какъ высшій идеалъ,—и никогда не искала формальнаго господства надъ правительственной властью. Русь была нравственно «святая Русь», и не похожа была въ этомъ на «священную римскую имперію».

---

[1]) Сочин., т. II, стр. 259 и слѣд.

Далѣе. «*Духовное вліяніе церкви* на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое препятствіе историческое не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. *Не искаженная завоеваніемъ*, русская земля, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ, въ постоянной враждѣ, устроивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ, другого, ни истекающей оттуда *политической и нравственной борьбы*... Она не знала и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія, и дружина земская,—всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинакою потребностію общаго блага...

«Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытового преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были, въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе *внутренней*, чѣмъ внѣшней *правды*, предпочитая очевидность существенной справедливости—буквальному смыслу формы; святость преданія—логическому выводу; нравственность требованія—внѣшней пользѣ... Внутренняя справедливость брала въ древне-русскомъ правѣ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію...

«Въ древней Россіи, внутренняя цѣльность самосознанія, къ которой самые обычаи направляли русскаго человѣка, отражалась и на формахъ его жизни семейной, гдѣ законъ постояннаго, ежеминутнаго самоотверженія былъ не геройскимъ исключеніемъ, но дѣломъ общей и обыкновенной обязанности...

«При такомъ устройствѣ нравовъ, простота жизни и простота нуждъ была не слѣдствіемъ недостатка средствъ, и не слѣдствіемъ неразвитія образованности, но требовалась самымъ характеромъ основнаго просвѣщенія. На Западѣ роскошь была не противорѣчіе, но законное слѣдствіе раздробленныхъ стрем-

леній общества и человѣка; она была, можно сказать, въ самой натурѣ искусственной образованности... Русскій человѣкъ, больше золотой парчи придворнаго, уважалъ лохмотья юродиваго. Роскошь проникала въ Россію, но какъ зараза отъ сосѣдей. Въ ней извинялись; ей поддавались какъ пороку, всегда чувствуя ея незаконность, не только религіозную, но и нравственную и общественную», и т. д. [1]).

Таковы были представленія Кирѣевскаго о русской старинѣ [2]). Въ томъ же основномъ смыслѣ, о характерѣ старой русской исторіи говорилъ славянофильскій полемистъ, писавшій подъ буквами М... З... К..., которыя скрывали одно изъ главнѣйшихъ именъ славянофильской школы [3]).

По формѣ статьи, состоящей почти только изъ возраженій, въ ней нѣтъ послѣдовательнаго изложенія собственнаго взгляда автора, но въ ней высказано нѣсколько руководящихъ положеній, въ которыхъ уже заключаются отличительныя особенности славянофильской исторической теоріи. Авторъ статьи, оспаривая теорію г. Кавелина о родовомъ бытѣ и развитіи личности въ древней Россіи, уже заявляетъ теорію общиннаго быта, и древнюю Русь изображаетъ въ идеальныхъ чертахъ общества, построеннаго на истинно-христіанскихъ началахъ.

Вотъ главныя положенія, выставленныя здѣсь славянофильскимъ полемистомъ:

Отвергая мнѣнія г. Кавелина о силѣ родового начала въ древнемъ русскомъ бытѣ, и слабости общиннаго, авторъ находитъ, что, слѣдя за развитіемъ государства, г. Кавелинъ упустилъ изъ виду русскую *землю*, что напротивъ—«общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ...

«Не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, клонилось къ упадку, а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общин-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи Кирѣевскаго укажемъ еще страницы (т. II, 275—277), гдѣ онъ собираетъ найденныя имъ особенности древней Россіи и отличія просвѣщенія русскаго отъ западно-европейскаго.

[2]) Статья, изъ которой мы приводимъ выписки, появилась въ 1852 г. Самыя мнѣнія, конечно, были заявлены Кирѣевскимъ въ своемъ кругѣ гораздо раньше.

[3]) „Москвитянинъ", 1847 г., ч. II, стр. 135—174 (въ статьѣ „о мнѣніяхъ „Современника" историческихъ и литературныхъ"), по поводу статьи г. Кавелина о юридическомъ бытѣ древней Россіи.

ное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе въ земскихъ думахъ. Древнеславянское, общинное начало, освященное и оправданное началомъ духовнаго общенія, внесеннымъ въ него церковью, безпрестанно расширялось и крѣпло...

«Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ, и позднѣе епархіальномъ; наконецъ, единая, обнимающая всю Россію государственная община, послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознанной каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ, и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ (—противный взглядъ утверждалъ, что общественное устройство древней Руси было слабо, именно по недостатку развитія личности—); но онъ *предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе*.

«Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое (напр. княжескіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче городовое и князь. Вѣче земское, или дума, и царь.

«Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности.

«Положимъ, взаимныя отношенія князей опредѣлялись родовымъ началомъ; но чтó такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ? Почему община не можетъ обойтись безъ него?...

«Князь былъ для нея не только военачальникъ; и въ предпочтеніи одного князя другому видны слѣды не патріархальнаго, до-варяжскаго быта старѣйшинъ, а болѣе возвышеннаго, христіанскаго понятія о призваніи личной власти, о нравственныхъ обязанностяхъ свободнаго лица...»

Въ древней Руси христіанство привилось гораздо ближе и сильнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у германцевъ, хотя послѣдніе и могли быть лучше къ нему приготовлены: «по свидѣтельству исторіи, которое изъ двухъ племенъ, германское или славяно-русское, приняло христіанство добровольнѣе, ближе къ сердцу? которое

прониклось имъ глубже и принесло ему въ жертву болѣе народныхъ предразсудковъ и безнравственныхъ обычаевъ?... Если сравнить весь бытъ Кіевской Руси въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ и современный бытъ любого изъ германскихъ племенъ, въ которомъ изъ нихъ вліяніе новаго ученія окажется наиболѣе ощутительнымъ?» — Кіевская Русь вообще представляется автору въ свѣтломъ, привлекательномъ видѣ сравнительно съ послѣдующими временами (и это справедливо). При этомъ сравненіи съ позднѣйшей Русью, авторъ дѣлаетъ такое признаніе: «Въ Кіевскомъ періодѣ не было вовсе ни тѣсной исключительности, ни суроваго невѣжества позднѣйшихъ временъ [1]). Это не значитъ, — торопится прибавить авторъ, — чтобы исторія пошла назадъ; явились иныя потребности, иныя цѣли, которыхъ необходимо было достигнуть во что бы ни стало; теченіе жизни стѣснилось и за то пошло быстрѣе по одному направленію; но Кіевская Русь остается какимъ-то блистательнымъ прологомъ къ нашей исторіи».

Замѣтимъ еще мнѣніе о вѣчѣ. Писатели, принимавшіе теорію родового быта, очень справедливо видѣли въ вѣчѣ только весьма несовершенную форму общественнаго устройства, такъ какъ въ немъ не было никакихъ точныхъ опредѣленій;—славянофилы находили, что, напротивъ, это и была форма наилучшая. На мнѣніе г. Кавелина, что дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно,— славянофильскій критикъ замѣчаетъ:

«Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его (то-есть общиннаго начала), нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его — вынести и спасти единство. Отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: снидошася вси въ любовь. Способъ рѣшенія единогласный, отличаемый авторомъ (г. Кавелинымъ) отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и баллотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему. Съ предубѣжденіемъ автора въ пользу формальной правильности противъ внутренняго согласія и живого единства, нельзя понять ни общины, ни русской исторіи, ни вообще какого бы то ни было историческаго проявленія идеи народа».

---

[1]) Впослѣдствіи К. Аксаковъ совершенно отвергалъ присутствіе этихъ недостатковъ и въ позднѣйшей эпохѣ.

Въ заключеніе своей критики, М... З... К... выставлялъ свои общія положенія; — по его собственнымъ словамъ, онѣ наполовину имѣли видъ гипотезъ, еще не были (хотя могли быть) доказаны тогда,—но славянофильская точка зрѣнія выражена въ нихъ очень рѣшительно. Гипотезы шли прямо наперекоръ тѣмъ взглядамъ, которыхъ держались послѣдователи родовой теоріи, и представляли свой особый взглядъ на развитіе «личности». Замѣтимъ, что подъ выраженіемъ «развитіе личности», для обѣихъ сторонъ вообще, подразумѣвалось стремленіе личности къ сознательной дѣятельности въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ, — стремленіе къ умственной и политической свободѣ.

По теоріи и гипотезамъ М... З... К..., развитіе личности шло вовсе не по тѣмъ ступенямъ, какія предполагалъ его противникъ; что развитіе германскаго начала личности (какъ оно принималось въ тогдашнихъ философско-историческихъ и философско-юридическихъ понятіяхъ) само по себѣ не можетъ привести къ предполагаемому результату, то-есть къ нормальному устройству свободнаго общества; что «это начало (идея человѣка, или точнѣе — *идея народа*) явилось не какъ естественный плодъ развитія личности, но какъ прямое ему противодѣйствіе и проникло въ сознаніе передовыхъ мыслителей западной Европы изъ сферы *религіи*»; что западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы — требованіе *общины* (авторъ разумѣлъ новѣйшія, соціальныя движенія), и что это требованіе «совпадаетъ съ нашей субстанціей», что «въ оправданіе формулы мы приносимъ быть», и что въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западной [1]).

Эта общая мысль дополняется, въ теоріи М... З... К..., слѣдующими положеніями, опредѣляющими историческое развитіе русскаго быта. Общинный бытъ славянъ основанъ былъ вовсе не на отсутствіи личности (противники утверждали, что въ старой русской жизни личность поглощалась родомъ, и старая община, какъ напримѣръ новгородская вѣчевая община, пала именно оттого, что въ ней бродилъ только неопредѣленный элементъ общественнаго союза, не подкрѣпленный развитіемъ личности), а на *свободномъ* и сознательномъ ея *отреченіи отъ своего полновластія;*

[1]) Это — почти та самая точка зрѣнія, которой потомъ держался Герценъ, и въ этомъ было его „славянофильство“. Такова его брошюра: „Старый міръ и Россія“ и друг. Но за этимъ вопросомъ собственно сельской общины (въ ея широкомъ политическомъ развитіи), онъ опять совершенно расходился съ славянофилами во всѣхъ подробностяхъ своихъ мнѣній.

христіанство внесло въ національный славянскій бытъ сознаніе и *свободу* (?), и община, принявши въ себя начало общенія духовнаго, стала «какъ-бы свѣтскою, историческою стороною церкви». Задача нашей внутренней исторіи опредѣляется именно какъ просвѣтлѣніе народнаго общиннаго начала началомъ общинно-церковнымъ; а исторія внѣшняя имѣла цѣлью основать политическую независимость этого начала не только для Россіи, но и для цѣлаго славянства созданіемъ крѣпкой политической формы, которая «не исчерпываетъ общиннаго начала, но и не противорѣчитъ ему».

Теорія М... З... К..., набросанная въ его статьѣ только въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, очевидно стояла на одной общей почвѣ со взглядами Кирѣевскаго. Собственно въ литературѣ, статья М... З... К... въ первый разъ выставляла основныя ученія славянофильства объ историческомъ ходѣ русской жизни и его внутреннемъ смыслѣ,—выставляла ихъ въ строгомъ логическомъ построеніи. Очевидно, что приведенные сейчасъ тезисы славянофильскаго полемиста заключали въ себѣ цѣлую законченную систему, и, какъ увидимъ далѣе, историческія мнѣнія славянофильства были главнымъ образомъ развитіемъ этой системы.

Программа была дана; но самъ авторъ считалъ ее наполовину гипотезой. И дѣйствительно, если уже дѣло ставилось на почву научнаго изслѣдованія, а не однихъ идеалистическихъ стремленій, то программа требовала доказательствъ, и гипотезамъ не было мѣста. Въ виду мнѣній противной стороны, нужно было доказывать все, начиная съ чисто-теоретическихъ положеній о развитіи идеи человѣка или идеи народа и до историческихъ заключеній о значеніи русской общины. Такъ, была еще чистой гипотезой мысль, что нашъ *бытъ* представляетъ уже разрѣшеніе вопроса, то-есть, примиреніе начала личности и начала объективной нормы, или нормальный, объединяющій всѣ интересы общественный союзъ. Такъ, гипотезой было и то положеніе, что общинный бытъ славянъ основанъ былъ не на отсутствіи личности, и что христіанство внесло въ него сознаніе и свободу. Нужно было доказывать и предполагаемыя достоинства старой вѣчевой общины, которыя возбуждали сомнѣніе не только неопредѣленностью отправленій этой общины, но и ея дальнѣйшей судьбой, въ которой она не могла выдержать исторической пробы, и т. д. Впослѣдствіи, эти вопросы и дѣйствительно поднимались въ спорахъ двухъ сторонъ, вызывая самыя несходныя рѣшенія; и тема, выставленная славянофилами, вовсе не доказана ими и до сихъ поръ... Особенное вниманіе этотъ вопросъ возбудилъ снова въ пору кресть-

янской реформы; бытовая крестьянская община встрѣтила горячихъ защитниковъ и внѣ славянофильскаго лагеря; но эти защитники, отдавая всю справедливость славянофильскому взгляду на бытовую общину, не находили возможнымъ согласиться съ цѣлой теоріей,— ни съ славянофильскимъ обобщеніемъ этого начала на всю національную жизнь, ни съ его теологическими примѣсями, ни съ историческими заключеніями... Въ сороковыхъ годахъ, славянофильская тема казалась еще менѣе убѣдительна. Общее указаніе на значеніе общиннаго быта въ древнемъ русскомъ быту было справедливо, и составляетъ заслугу славянофильскихъ историковъ, какъ и ихъ указаніе на современную сельскую общину; но ихъ противники справедливо отвергали преувеличенія, на которыхъ выстроена была вся идеальная теорія русской исторіи. Картина древняго общиннаго быта, нарисованная славянофилами, могла быть очень обольстительна, — но гдѣ доказательства, что такова была дѣйствительно жизнь древней Руси; гдѣ доказательства той «свободы», того «сознанія», той «любви», которыя приписывала ей славянофильская теорія,—была ли община дѣйствительно такимъ всепроникающимъ принципомъ, или, напротивъ, не уцѣлѣла ли она просто какъ одна изъ тѣхъ формъ быта, тѣхъ обычаевъ, которые могли сохраниться лишь потому, что не мѣшали государственному развитію и ни въ чемъ не сталкивались съ требованіями времени, напримѣръ, съ развитіемъ велико-княжества, стремленіями московскаго самодержавія, съ реформой Петра, и т. п.? Какъ, при великомъ предполагаемомъ значеніи этого принципа и предполагаемомъ непрерывномъ его вліяніи, русская жизнь стараго времени могла дойти до такого восточнаго деспотизма въ управленіи и до такой бѣдности умственнаго образованія, какіе несомнѣнно отличали московскую Русь?

Словомъ, теорія крайне нуждалась въ историческихъ доказательствахъ. Эту задачу въ особенности взялъ на себя К. Аксаковъ.

Онъ не вдругъ сталъ защитникомъ этой теоріи. Его диссертація о Ломоносовѣ написана еще подъ другими вліяніями; онъ былъ тогда чистымъ гегельянцемъ, держался обычныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи и смотрѣлъ на эпоху Петра, какъ на переходъ отъ исключительной національности къ общечеловѣческой цивилизаціи. Но уже вскорѣ въ мнѣніяхъ К. Аксакова произошла радикальная перемѣна. Въ то же время, когда появилась его диссертація (1846), онъ является участникомъ «Московскихъ Сборниковъ», гдѣ его статьи, подписанныя псевдонимомъ «Имрекъ», были уже славянофильской критикой тогдашней

литературы. Впослѣдствіи, Аксаковъ окончательно остановился на принятой имъ точкѣ зрѣнія, и сталъ горячимъ ея проповѣдникомъ. Его давнишній народный патріотизмъ нашелъ въ славянофильствѣ самую сочувственную для него формулу: народъ сталъ его господствующей идеей—таковы его стихотворенія, его критическія статьи, публицистика, историческіе труды...

Не входя въ подробности историческихъ трудовъ К. Аксакова, мы укажемъ на оцѣнку ихъ, сдѣланную г. Костомаровымъ [1]), но которая впрочемъ требуетъ оговорокъ. Въ томъ, что г. Костомаровъ считаетъ заслугою К. Аксакова, не все принадлежало ему. Такъ самое основное изъ его положеній—объ общинномъ началѣ въ древней русской жизни—было еще ранѣе заявлено славянофильской школой, и какъ мы сейчасъ видѣли въ статьѣ М... З... К..., заявлено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Общинная идея была принята К. Аксаковымъ готовая, и ему принадлежитъ только дальнѣйшее ея развитіе, и можно прибавить, доведеніе ея до крайности. Дѣйствительно, Аксаковъ развивалъ эту идею въ томъ самомъ направленіи, какъ она была высказана до него; въ первоначальной постановкѣ ея уже заключались существенныя черты его взгляда, напр. опредѣленіе характера общины, значеніе древнихъ вѣчъ и земскихъ соборовъ, значеніе царской власти и т. п. Что касается «русскаго воззрѣнія», которому г. Костомаровъ приписываетъ столь высокую цѣну трудовъ К. Аксакова, относительно его существуетъ, ка-

---

[1]) „Труды Аксакова останутся навсегда знаменательными для науки русской исторіи,—говоритъ г. Костомаровъ. Онъ опровергъ теорію родового быта, на которой хотѣли построить русскую исторію; онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ русской исторіи—общинное, вѣчевое, которое прежде наукою оставлено было въ тѣни; онъ возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни, и вмѣсто чуждыхъ, наносныхъ взглядовъ поискать своихъ, народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Ивана Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому и ясному уразумѣнію его эпохи; наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ русской исторіи—идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и издѣвались, и безъ котораго неосуществима плодотворность научной дѣятельности въ сферѣ русской исторіи, ибо никакія событія непонятны, если мы не знаемъ воззрѣнія, образовавшагося у того народа, который творилъ эти событія и участвовалъ въ нихъ“. Но г. Костомаровъ находитъ также ошибки и преувеличенія въ мнѣніяхъ Аксакова, происходившія отъ идеализма, отличающаго послѣдователей этой школы. Таковы сужденія Аксакова о земскихъ соборахъ, о правѣ кормленія и т. п. Самъ г. Костомаровъ находитъ, что „русское воззрѣніе“ Аксакова бывало не совсѣмъ вѣрно, что московскій патріотизмъ заставлялъ его видѣть въ древней Руси такія совершенства, какихъ она вовсе не имѣла, какъ, напр., свободу торговыхъ сношеній, вѣротерпимость и т. п. (О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи. Спб. 1861).

ляется, нѣкоторое недоразумѣніе. Для новѣйшихъ историковъ, и не принадлежавшихъ вовсе къ славянофильскому лагерю, была вообще ясна необходимость изученія бытовыхъ явленій; это сознаніе вообще являлось въ русской исторической и этнографической наукѣ, какъ результатъ ея собственной зрѣлости, а также и какъ результатъ вліяній цѣлой европейской науки. Нисколько не отвергая того, что писатели славянофильской школы дѣятельно участвовали въ выработкѣ этого сознанія, было бы исторически невѣрно приписать это сознаніе имъ однимъ, считать ихъ особенными выразителями этого сознанія. Не трудно было бы провѣрить научную заслугу обоихъ литературныхъ направленій, обративъ вниманіе на самые результаты, добытые ихъ новѣйшимъ историческимъ изученіемъ. Едва ли можно оспаривать, что наибольшая сумма этихъ результатовъ добыта была не тенденціозными работами въ славянофильскомъ духѣ, а именно работами болѣе безпристрастнаго, ученаго характера, чисто-научными изслѣдованіями, не только свободными отъ славянофильской тенденціи, но даже прямо ей враждебными...

У К. Аксакова общія, болѣе или менѣе неопредѣленныя положенія Кирѣевскихъ, коротко высказанные тезисы М... З... К..., являются въ болѣе обработанной формѣ, съ объясненіями и подробностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти положенія, получивъ свою ясную опредѣленность, доводили основную идею до ея крайнихъ предѣловъ. Личный характеръ дѣлалъ то, что для Аксакова его идеи стали какъ будто исторической религіей.

Въ особенности характеристичны тѣ статьи его по русской исторіи, которыя въ первый разъ напечатаны въ начатомъ (и, къ сожалѣнію, съ 1861 года остановившемся на 1-мъ томѣ) собраніи его сочиненій. Эти статьи (писанныя около 1850 года) еще не были вполнѣ обработаны для печати и являются въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны авторомъ подъ всѣмъ вліяніемъ его чувства, несдерживаемыя тѣми посторонними соображеніями, которыми писатель долженъ иногда невольно руководиться, приступая къ печати [1]). Мнѣнія Аксакова исходятъ изъ слѣдующихъ основаній, въ которыхъ мы найдемъ уже знакомую славянофильскую теорію.

«Россія — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, ко-

[1]) Если мы не ошибаемся въ своемъ предположеніи, то надобно сожалѣть, что вѣроятно цензурныя соображенія не дозволили издателямъ напечатать этихъ статей въ полномъ составѣ; см., напр., стр. 15—16.

торые вздумают прилагать къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней [1]). Но такъ мало знаетъ Россію наше просвѣщенное общество, что такого рода сужденіе слышишь часто.—Помилуйте,—говорятъ многіе—неужели вы думаете, что Россія идетъ какимъ-то своимъ путемъ?—На это *отвѣтъ простой*: нельзя не думать того, *что̀ знаешь*, что̀ таково на самомъ дѣлѣ...

«Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится (отъ западной) съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути, русскій и западно-европейскій, до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крюкъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ къ западной [2]).

«Всѣ европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ. Власть явилась тамъ непріязненною и вооруженною, и *насильственно* утвердилась у покоренныхъ народовъ...

«Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а *добровольнымъ призваніемъ* власти. Поэтому, не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласія народнаго...

«Итакъ, въ основаніи государства западнаго: *насиліе, рабство* и *вражда*. Въ основаніи государства русскаго: *добровольность, свобода* и *миръ*. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западною Европою, и опредѣляютъ исторію той и другой.

«Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, *никогда* не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя признанную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ

---

1) Нужно слѣдовательно „русское воззрѣніе". Но большинство, почти всѣ противники, которыхъ упрекаетъ далѣе Аксаковъ, если прилагали къ нашей исторіи европейскія воззрѣнія, то̀ въ томъ же смыслѣ какъ онъ самъ — напримѣръ, употребляя извѣстные пріемы новѣйшей исторической критики, выработанные не нами, и которыми пользовался и самъ славянофильскій историкъ. Теорія родового быта—одно изъ главнѣйшихъ преступленій г. Соловьева въ глазахъ славянофиловъ — хотя бы она и была ошибочна, не дѣлаетъ же въ самомъ дѣлѣ взглядовъ г. Соловьева нѣмецкими, а это искренно думалъ К. Аксаковъ.

2) Петровская реформа.

только раба съ другой стороны, который также унижается передъ новымъ идоломъ бунта, какъ передъ старымъ идоломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ.

«Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. *Страшно* въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе: но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что *по заслугамъ* (!!) дался и истинный и ложный путь вѣры,—первый Руси, второй Западу.

«Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, идѣже духъ Господень» [1]).

Очевидно, что это опредѣленіе основаній русской исторіи было развитіемъ общей славянофильской мысли, которую мы видѣли у Кирѣевскихъ и М... З... К... Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, до какой рѣшительности доходила теорія. Но теорія все-таки оставалась теоріей и, за отдѣльными исключеніями, фактическое доказательство ея мало подвинулось впередъ. Такъ, относительно положенія о добровольномъ призваніи и принятіи власти, высказаннаго еще Петромъ Кирѣевскимъ, г. Погодинъ тогда же приводилъ факты, показывавшіе, что добровольность, въ остальной русской землѣ, которую стали занимать варяги, была очень сомнительная: новая власть, «желанная», «защитная» по словамъ Аксакова, распространялась рядомъ «воеваній», «примученій» и т. п. Возраженіе не было опровергнуто, но К. Аксаковъ продолжалъ идеализировать «добровольное призваніе», и возвелъ его въ цѣлый возвышенный фактъ народнаго духа... Можно было бы уступить славянофиламъ извѣстное различіе въ основаніи русскаго и западнаго государства, — но это различіе никакъ не давало права для славянофильскаго вывода о совершенной противоположности Запада и Востока.

Эту противоположность, кажется, никто изъ славянофиловъ не изображалъ такими смѣлыми контрастами, какъ Аксаковъ: несчастный Западъ онъ осуждаетъ на рабство, и свободу отдаетъ одному Востоку — это странное злоупотребленіе словомъ «свобода» встрѣчается нерѣдко въ его историческихъ разсужденіяхъ.

Далѣе, теологическій принципъ славянофильства повторяется и здѣсь съ тѣмъ же господствующимъ значеніемъ... Окончивъ свой очеркъ древней русской жизни, Аксаковъ предвидѣлъ воз-

---

[1]) Полн. Собр. соч. К. Аксакова, I, стр. 7—9.

раженіе. «Намъ скажутъ: неужто же было полное блаженство? Конечно, нѣтъ. На землѣ нельзя найти совершеннаго положенія, но можно найти совершенныя начала. Нѣтъ *ни въ одномъ* обществѣ *истиннаго христіанства*, но христіанство истинно, и христіанство есть единый истинный путь. Слѣдовательно, этимъ единымъ истиннымъ путемъ и надобно идти. *Вся сила* въ томъ, что̀ человѣкъ призналъ за законъ, за начало. Въ основу русской жизни легли истинныя начала, съ чѣмъ, *я думаю*, нельзя не согласиться», и проч. [1]). Передъ тѣмъ, онъ же рѣшилъ, что Западу «по заслугамъ» данъ былъ ложный путь, а намъ—истинный путь вѣры. Когда же успѣли оказать эти заслуги и Западъ, и русскій народъ? И какія онѣ были?

Историческія основанія этого заключенія опять не совсѣмъ достаточны. Выше мы упоминали объ общихъ явленіяхъ восточной и западной религіозности, которыя не укладываются въ славянофильскую мѣрку; также произвольно славянофильская теорія истолковываетъ и факты русской исторіи. Русская древность представляется Аксакову въ самомъ радужномъ цвѣтѣ. Русскіе славяне, еще язычники, впередъ уже готовы были къ христіанскому благочестію и добродѣтели. Аксаковъ утверждаетъ, что русскій народъ искони обнаруживалъ наклонность къ воспріятію истинныхъ началъ. Въ статьѣ о язычествѣ древнихъ славянъ, Аксаковъ старается доказать, что еще при язычествѣ славяне жили «въ чаяніи христіанства» [2]).—«Язычество русскаго славянина было *самое чистое язычество*, было, при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно, вѣрованіе темное, неясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины». «Когда вспомнишь, какъ крестился русскій народъ, невольно умиляешься душою. Русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу. Въ его душѣ не было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной лжи», и т. д.

Нечего говорить, что это была чистая теорія. Миѳологическія изслѣдованія, уже начатыя въ то время, когда писалъ Аксаковъ, показывали, что русская языческая миѳологія не представляла никакихъ подобныхъ особенностей и имѣла, напротивъ, чрезвычайно много общаго съ цѣлой индо-европейской миѳологіей, особливо германской и литовской,—что главнѣйшая разница рус-

---

1) Стр. 15.

2) Стр. 311 и слѣд.

ской миѳологіи съ другими была та, что она не успѣла пройти всѣхъ ступеней развитія, уже пройденныхъ язычествомъ другихъ племенъ, когда была застигнута введеніемъ христіанства. Поэтому — отсутствіе жрецовъ и выработаннаго языческаго поклоненія. Съ другой стороны, введеніе христіанства не было такъ мирно и безмятежно, какъ изображаетъ Аксаковъ. Какъ ни скупа наша лѣтопись на фактическія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, въ ней сохранилось воспоминаніе объ упорствѣ язычества въ разныхъ краяхъ древней Руси. Исторія народной поэзіи и преданій свидѣтельствуетъ о множествѣ «языческихъ воспоминаній», и писатель даже такого поздняго времени, какъ XIV-е столѣтіе, черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ «озаренія», съ негодованіемъ говоритъ о «двоевѣріи» народа.

Въ другой статьѣ объ основныхъ чертахъ русской исторіи, Аксаковъ указываетъ отличительную особенность русскаго народа и его исторіи—въ христіанской простотѣ и смиреніи. «Русская исторія,—говоритъ онъ,—въ сравненіи съ исторіей запада Европы отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ (?). Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея—и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольского драматизма страстей. Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры. Не отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кроткое явленіе! Народъ русскій, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы человѣчества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ, и тутъ же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно бóльшая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какой сто-

роны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на русскій народъ и его исторію»... ¹)

Настоящее является Аксакову наградой этого смиренія:—«И Господь возвеличилъ смиренную Русь. Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдями и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она повалила ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ²) ея владѣнія, седьмая часть земного шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ *невыносимое* знойное лѣто и *невыносимая* вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной—и снѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то *тайномъ ужасѣ*, смотритъ она на это страшное, полное жизни, тѣло,—души котораго понять не можетъ»... ³)

Тема нашего смиренія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ краснорѣчія Шевырева, и слѣдовательно новый пунктъ соприкосновенія славянофильства съ тенденціями «Москвитянина». Извѣстно, какъ Шевыревъ довелъ до совершенной и смѣшной нелѣпости это восхваленіе русскаго смиренія ⁴). Едва ли надо говорить, что эти притязанія на христіанскую добродѣтель плохо мирились и съ историческими фактами. Россія стала громаднымъ государствомъ едва ли вслѣдствіе смиренія: ея завоеванія съ XV-го вѣка не были особенно смиренны, а о XVIII-мъ столѣтіи и говорить нечего. Это послѣднее столѣтіе всего больше отличалось цѣнными и далеко не смиренными завоеваніями, и на этотъ разъ Аксаковъ, повидимому, ничего не имѣетъ противъ «петербургскаго періода», вообще столь ему непріятнаго. О томъ, насколько обнаруживала смиренія наша внутренняя исторія, мы упомянемъ дальше. Относительно новѣйшаго настроенія русскаго общества и самихъ славянофиловъ, противники должны были, наконецъ, замѣтить имъ, что ихъ смиреніе такъ высокомѣрно, что

---

¹) Стр. 18.

²) Нынѣ—въ двухъ.

³) Стр. 20—21.

⁴) Въ свое время особенно знаменита была тирада о смиреніи и простотѣ русскаго человѣка, въ „Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“ (М. 1852). Шевыревъ восхищается, какъ не жаденъ русскій человѣкъ, не завистливъ: летаетъ вокругъ него птица,—онъ не бьетъ ея; плаваетъ кругомъ рыба, онъ не ловитъ ея, и довольствуется скудною, и часто нездоровою пищею“, и т. п.

ничѣмъ не уступаетъ самой непохвальной западной гордости; и напоминали имъ стихотвореніе Хомякова, гдѣ говорится, что —

«Онъ (Богъ)—съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ».

То, что̀ говоритъ К. Аксаковъ о фразѣ, красивомъ эффектѣ, яркомъ нарядѣ, которые будто бы такъ любитъ Западъ («Западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразой и эффектомъ»), конечно, очень странно. Есть дѣйствительно случаи, гдѣ непріятно поражаетъ фраза въ западной литературѣ и жизни, напр. французской; но неужели это вся исторія Запада? Древняя русская жизнь, да и новая, была, конечно, проще; но эта простота была только слѣдствіемъ немудренаго патріархальнаго быта, какой въ свое время бывалъ и во всей Европѣ, а вовсе не какой-нибудь особенной врожденной добродѣтели. Съ другой стороны, «красивый эффектъ» западной жизни былъ естественнымъ спутникомъ цивилизаціи, утонченной формой нравовъ и общежитія; наконецъ, онъ бывалъ естественнымъ пріемомъ, манерой національнаго темперамента, напр., темперамента южныхъ племенъ, вообще несравненно болѣе живого, подвижнаго, впечатлительнаго, чѣмъ нашъ сѣверный темпераментъ: англичанинъ также могъ бы похвалиться своей степенностью передъ испанцемъ, французомъ или итальянцемъ. Наконецъ, въ «яркомъ нарядѣ» точно также нѣтъ никакой бѣды, какъ въ томъ «комфортѣ», который послужилъ обвиненіемъ противъ Запада у Д. Валуева.

Изображеніе награды, доставшейся Россіи за ея смиреніе, напоминаетъ хвастливый патріотизмъ временъ, предшествовавшихъ крымской войнѣ... Славянофилы, какъ и масса общества, послѣ этой войны и даже прежде ея окончанія, убѣждались въ фальшивости этого тона [1]).

Въ опредѣленіи внутреннихъ отношеній древней Руси, центральнымъ положеніемъ К. Аксакова является мысль о двойственности земли и государства,—которая кажется г. Костомарову «великою идеею».

«Народъ призываетъ власть добровольно, призываетъ ее въ лицѣ князя-монарха, какъ въ лучшемъ ея выраженіи, и становится съ нею въ *пріязненныя* отношенія. Это—союзъ народа съ властію»,—или союзъ Земли и Государства.

«Земля, какъ выражаетъ это слово,—неопредѣленное и мирное состояніе народа. Земля призвала себѣ Государство на за-

---

1) См. напр. стихотвореніе Хомякова „Россія", 1854 г. (въ „Стих." 1861, стр. 122—128), и позднѣйшую публицистику „Русской Бесѣды".

щиту, огражденіе; прежде всего отъ враговъ внѣшнихъ, потомъ и отъ враговъ внутреннихъ. Отношеніе Земли и Государства легло въ основаніе русской исторіи. Въ первыя времена Россія управлялась цѣлымъ родомъ, совокупностью князей въ отдѣльныхъ княжествахъ, и въ каждомъ княжествѣ повторялись тѣ же самыя отношенія. Князей стало много, они сами спорили между собою, и между князьями возможенъ былъ выборъ: поэтому они часто перемѣщались...

«Наконецъ, время княжихъ междоусобій прошло. Явился великій князь и потомъ царь московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній. Подобно тому, какъ князь собиралъ вѣче, царь созывалъ земскую думу или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣніе. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа... Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы...

«Во все время русской исторіи народъ русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Если и были смуты, то онѣ состояли въ вопросѣ о личной законности государя: о Борисѣ, Лжедимитріѣ и Шуйскомъ. Но никогда не раздавался голосъ въ народѣ:—не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо царя.—Напротивъ, въ 1612-мъ году, одолѣвъ враговъ своихъ и будучи безъ государя, вновь громко и единогласно призвалъ народъ царя...

«Любопытно, хотя вкратцѣ, взглянуть на этотъ бытъ, на эти незыблемыя, неизмѣнныя отношенія между властію и народомъ, отношенія свободныя, разумныя, не рабскія, и потому обезпеченныя отъ всякой революціи.

«Государево и земское дѣло—вотъ слова, которыя слышались изъ устъ народа, вотъ слова, которыя слышались изъ устъ государя; какъ часто встрѣчаемъ ихъ въ древнихъ, и отъ государя, и отъ народа идущихъ грамотахъ...»

И затѣмъ Аксаковъ дѣлаетъ краткій очеркъ земли,—народа, съ его общиннымъ бытомъ, и государства, съ его правительственной дѣятельностью. Въ этой жизни не было ни западной аристократіи, ни западной демократіи. «Вся Россія была подъ двумя властями—*Земли* и *Государства*, раздѣлялась на два отдѣла—на людей *земскихъ* и людей *служилыхъ*».

«Что̀ же соединяло эти два отдѣла, что̀ составляло неразрывную связь между ними?.. Вѣра и жизнь; вотъ почему всякій чиновникъ, начиная отъ боярина, былъ свой человѣкъ народу; вотъ почему, переходя изъ земскихъ людей въ служилые, онъ не становился чуждымъ Землѣ. Выше всѣхъ этихъ раздѣленій было единство вѣры и единство жизни, быта, соединявшее Россію въ одно цѣлое. Вѣрою и жизнію само государство становилось земскимъ».

Въ началѣ этого изложенія, Аксаковъ, изображая отношенія между народомъ и призванной имъ властью, ставшія потомъ отношеніями Земли и Государства, восхваляя ихъ «свободное соглашеніе»,—предвидитъ возраженіе и отвѣчаетъ на него:

«Но нѣтъ никакого обезпеченія, скажутъ намъ; или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. *Гарантія* нужна! — *Гарантія* не нужна! *Гарантія* есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощію зла. Вся сила въ *идеалѣ*. Да и что̀ значатъ условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище есть въ Россіи, потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ» [1]).

Итакъ, мы имѣемъ картину древне-русскаго устройства и вмѣстѣ — идеалъ.

Славянофилы часто упрекали своихъ противниковъ, что они принимаютъ европейскія теоріи чуждыя русской жизни и прямо строятъ на нихъ русскую исторію. Въ настоящемъ случаѣ, славянофилы дѣлаютъ въ сущности то же. Взглядъ К. Аксакова есть тоже готовая теорія, созданная прежде всего его горячимъ чувствомъ и приложенная имъ къ русской исторіи раньше, чѣмъ разработка послѣдней давала бы право вывести подобную теорію. Не скажемъ, чтобы она была совершенно произвольна, — нѣтъ; нѣкоторыя частности ея можно основывать на фактическихъ данныхъ,—но далеко не всѣ, и цѣлый составъ этой теоріи остается произволенъ. Побужденіемъ къ построенію этой теоріи служило весьма похвальное сочувствіе къ народу; оно̀ украсило его исторію всѣми идеальными качествами, которыхъ желало бы народу въ дѣйствительности; способъ изложенія взятъ былъ и са-

---

[1]) Стр. 9—14. К. Аксаковъ вообще не разъ возвращается къ этой темѣ; но она достаточно рельефно высказана и въ приведенныхъ нами цитатахъ, и другихъ мы приводить не будемъ.

ними славянофилами (какъ они упрекали въ томъ своихъ противниковъ) изъ пріемовъ той же самой западной науки, которая передъ тѣмъ именно занята была созданіемъ философіи исторіи, стремилась осмыслить исторію народовъ отвлеченными нравственно-общественными началами, указать особыя идеальныя задачи, поставленныя судьбою или Провидѣніемъ каждому изъ народовъ въ его историческомъ бытіи... Но въ то время, какъ противники славянофильства все-таки больше старались держаться фактической почвы, Аксаковъ бросился въ идеализмъ, напоминающій философскую романтику двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Весь характеръ его исторической теоріи свидѣтельствуетъ о силѣ увлекавшаго его чувства больше, чѣмъ о глубинѣ историческаго пониманія. Приступая съ готовымъ энтузіазмомъ къ изученію старины, Аксакову довольно было нѣсколькихъ фактовъ, поразившихъ его возбужденное чувство, чтобы возвести ихъ въ историческій принципъ; онъ идеализируетъ ихъ.

Аксаковъ вѣрно замѣчаетъ присутствіе двухъ элементовъ стараго русскаго быта — элементъ Земли и Государства, элементъ общиннаго самоуправленія и правительственной централизаціи. Но его выводы слишкомъ поспѣшны; въ своемъ народно-патріотическомъ увлеченіи онъ уже рисуетъ русскій бытъ стараго времени, какъ осуществленіе нравственнаго идеала, какъ истинное христіанское государство. Для него шелъ вопросъ уже не столько о строгой, всесторонней критикѣ замѣченныхъ имъ фактовъ, сколько о томъ, чтобы подобрать скорѣе ихъ логическую связь, закруглить ихъ въ систему. Но уже въ то время, когда писалъ Аксаковъ, историческая наука относилась очень недовѣрчиво къ подобному смѣлому идеализму и искала болѣе реальнаго объясненія исторіи— въ изученіи условій природныхъ, этнографическихъ, экономическихъ, въ изученіи отношеній народа къ цѣлому движенію цивилизаціи и т. п. Въ этомъ отношеніи теорія Аксакова запаздывала на цѣлый періодъ развитія науки. — Она не выдерживала критики и въ ближайшемъ смыслѣ. Отношенія «Земли» и «Государства» не были такъ мягки и пріязненны, какъ изображаетъ Аксаковъ. Начиная съ ихъ первой связи,—которая (какъ выше упомянуто) вовсе не была столь идиллическая,—и до послѣдняго времени, исторія этихъ отношеній, быть можетъ, есть скорѣе наоборотъ — исторія постоянной борьбы, чѣмъ исторія любовнаго, «свободнаго соглашенія». Древняя община, вѣче, земская дума — тѣсно связанныя Аксаковымъ въ его теоріи—не были такъ связаны въ самой жизни. Г. Костомаровъ приводилъ возраженія, которыя дѣлали очень сомнительнымъ изображеніе земскихъ думъ

и соборовъ въ теоріи Аксакова. Исторія московскаго самодержавія вообще не подходитъ подъ эту теорію: Государство развивалось вовсе не параллельно и неравномѣрно съ Землей, и Земля еще въ московскомъ періодѣ осталась—назади, или внизу. Мнѣніе земскаго собора было не обязательно для власти, слѣдовательно могло быть приведено къ нулю. Земля наконецъ бѣжала отъ Государства — въ казачество, въ расколъ; Государство прикрѣпило крестьянъ и положило основаніе крѣпостному праву.

Аксаковъ рѣшительно возстаетъ противъ «гарантіи», то-есть противъ конституціонной гарантіи, которой европейскія государства утверждали свои отношенія земли и государства, представителей народа и центральной власти. Гарантія противна Аксакову, какъ свидѣтельство недовѣрія. Но, если и правда, что гарантія не всегда была дѣйствительной опорой противъ захватовъ той или другой стороны, то она все-таки была заявленіемъ *права*, и есть страны, гдѣ гарантія имѣла издавна очень дѣйствительную силу, какъ въ Англіи... Въ государствѣ, которое идеализировалъ Аксаковъ, гарантіи въ сущности нечего было бы и ограждать.

Далѣе, Аксаковъ вѣрно указываетъ единство быта въ старой Россіи, неразрывную связь, которую полагали между различными слоями народа вѣра и жизнь, или однообразіе понятій и нравовъ. Можно справедливо увлекаться подобнымъ единствомъ, если оно существовало, и противополагать его, какъ идеалъ, тому разладу, который дѣлитъ высшіе классы отъ массы націи, дѣлаетъ ихъ даже совершенно чуждыми народу паразитами. Все это прекрасно,—говоря вообще,—но въ данномъ случаѣ есть историческія обстоятельства, которыя заставляютъ очень ограничить заключеніе Аксакова. Подобное единство быта, чтобы стать завиднымъ идеаломъ, требуетъ одной, существенно важной оговорки.

Аксаковъ безусловно восхищается единствомъ быта, которое находитъ въ древней Руси, но факты показываютъ ясно, что старый русскій бытъ могъ сохранить свое единство только потому, что это былъ слишкомъ непосредственный и патріархальный бытъ, такъ-сказать, нетронутый никакой рефлексіей. Основа его міровоззрѣнія была миѳическо-религіозная; ея не касались еще никакіе запросы критической мысли; образованіе было такъ незначительно, что высшіе классы почти ничѣмъ не отличались отъ низшихъ; характеръ того образованія былъ тотъ самый, какимъ до сихъ поръ отличаются «начетчики» православные и раскольничьи въ простомъ народѣ; такіе начетчики бывали одинаково во всѣхъ классахъ народа, и ихъ міровоззрѣніе было сходно, потому что основывалось на одинаковомъ чтеніи и оди-

наковой тѣснотѣ умственнаго горизонта во всемъ, чтò было внѣ этого чтенія; преданіе было поэтому всесильно. Того же рода единство было въ нравахъ: Россія, отдѣленная событіями своей исторіи отъ остального міра, впала въ крайнюю національную и религіозную исключительность, которая, конечно, самымъ могущественнымъ образомъ противодѣйствовала всякому нововведенію и помогала сохраненію старины. Въ этой исключительности прожиты были цѣлые вѣка...

Но, очевидно, что этотъ порядокъ вещей не могъ удержаться въ народѣ, которому предстояла бы болѣе широкая политическая жизнь. Еслибы этотъ порядокъ сохранялся неизмѣнно, онъ приводилъ бы къ застою и національному паденію; это была бы остановка въ развитіи, какую представляла Византія, Китай или Турція; если же въ народныхъ силахъ задатки развитія были, оно неизбѣжно должно было столкнуться съ традиціей такъ или иначе. И эти столкновенія дѣйствительно бывали. Уже древняя русская жизнь произвела цѣлый рядъ ересей, въ которыхъ — среди ихъ заблужденій—нельзя не видѣть стремленія развить традицію, или, отвергнувъ ее, найти болѣе широкое содержаніе. Тотъ или другой видъ отрицанія долженъ былъ составить необходимую ступень въ дальнѣйшемъ движеніи. Болѣе высокая степень образованности, бóльшее количество свѣдѣній о природѣ, о человѣческой исторіи, однимъ словомъ, знакомство съ тѣмъ, чтò уже въ тѣ времена было пріобрѣтено образованностью европейской,—неизбѣжно ограничивали и подрывали бы старую традицію во всемъ томъ, чтó въ ней не соотвѣтствовало новому научному содержанію. Это произошло бы, еслибъ и не было реформы Петра, или еслибы она не употребляла своихъ суровыхъ и насильственныхъ средствъ. Славянофилы утверждали (какъ увидимъ), что Россія и до Петра заимствовала отъ Запада «все хорошее» [1]), сохраняя однако свою сущность,—но на дѣлѣ заимствовалось тогда далеко не все, чтó было нужно, и вообще очень немного, и только по этой причинѣ и старина могла спокойно сохраняться: заимствованнаго «хорошаго» было слишкомъ мало, чтобы затронуть ее.— Такимъ образомъ, традиціонное воззрѣніе древней Руси не могло бы уцѣлѣть при бóльшей степени образованія, и слѣдовательно единство понятій удержаться не могло: высшіе классы, которымъ естественно доставалась въ первое время бóльшая или вся доля образованности, именно поэтому (а вовсе не по существу самой образованности) должны были отдалиться отъ народа. Это было

---

1) Соч. Аксакова, стр. 43.

безъ сомнѣнія прискорбно, но при *существовавшемъ уже различіи* въ матеріальномъ и юридическомъ положеніи сословій, было неизбѣжно.

Это вовсе не значило также, чтобы такое раздѣленіе стало роковымъ и неисправимымъ. Матеріальное и юридическое положеніе низшихъ сословій уже измѣняется къ лучшему; рядомъ съ общественной равноправностью открывается возможность большаго успѣха образованности и въ народной массѣ. Стремленія лучшихъ людей современнаго общества идутъ именно къ тому, чтобы возстановить старое единство или, лучше сказать, основать новое — не изгнаніемъ и отверженіемъ западной образованности и не возстановленіемъ старины и *ея* единства, а просто расширеніемъ образованности въ самомъ народѣ.

Паденіе старыхъ обычаевъ было такимъ образомъ естественно. Замѣтимъ кромѣ того, что старые обычаи, относясь къ различнымъ сторонамъ жизни, могутъ имѣть и весьма различную цѣнность: или чисто бытовую, какъ извѣстная обстановка частной жизни, или болѣе высокую цѣнность общественно-политическую, какъ выраженіе извѣстнаго политическаго права. Обычаевъ послѣдняго рода имѣла много, напримѣръ, Англія; и утрата такихъ обычаевъ (если бы ихъ не замѣняли другіе, лучшіе) была бы дѣйствительно вредомъ, потерей и упадкомъ для національной жизни. Не оправдывая петровскаго истребленія старыхъ обычаевъ, должно признать однако, что обычаевъ этого второго разряда едва ли русская жизнь потеряла много при реформѣ. Наконецъ, въ судьбѣ обычая играетъ роль и еще одно обстоятельство—расширеніе самаго государства: сохраненіе стараго обычая въ высшихъ классахъ, начиная съ двора, было удобно въ тѣсныхъ условіяхъ московскаго быта; оно было труднѣе въ петровскомъ государствѣ, которое по необходимости сближалось съ Европой, начинало распространяться на страны западной цивилизаціи и принимало въ себя множество новыхъ элементовъ, ассимиляція которыхъ (если государство къ ней стремилось) не могла обойтись безъ той или другой уступки и съ его стороны. А славянофилы также, какъ другіе, гордятся этими завоеваніями и пріобрѣтеніями новой Россіи...

Очень естественно, что при своемъ общемъ взглядѣ на древнюю Русь, Аксаковъ вообще относился къ явленіямъ ея жизни съ крайнимъ оптимизмомъ. Примѣровъ можно привести очень много. Нравы славянъ кажутся ему самыми кроткими нравами, язычество русскихъ славянъ—самымъ чистымъ язычествомъ, что бы ни говорила лѣтопись о «звѣринскихъ» обычаяхъ нѣкоторыхъ

племенъ, о способѣ дѣйствій самихъ князей, что́ бы ни говорила «Русская Правда» о кровавой мести и т. п. Тѣ же нравы онъ находитъ въ поэзіи былинъ, и если ему встрѣчаются случаи, не свидѣтельствующіе объ особенной кротости, напр., нѣкоторые не особенно человѣколюбивые подвиги богатырей, у Аксакова готово наивно-казуистическое объясненіе [1]). Мнѣній его въ этомъ случаѣ не смущаютъ никакіе факты грубости нравовъ, которыхъ къ сожалѣнію древняя Русь представляетъ немало.

Аксакову хочется доказать, что древній народный взглядъ уже заключалъ въ себѣ тѣ принципы разумности и свободы, которые у противниковъ славянофильства считались пріобрѣтеніемъ и заслугой европейскаго просвѣщенія. Оспаривая въ этомъ смыслѣ мнѣнія г. Соловьева (въ разборѣ VII-го тома его Исторіи), онъ указываетъ на первомъ планѣ идею Земли, осуществленную въ земскихъ соборахъ. Далѣе, онъ утверждаетъ, что древняя Русь выразила также свой взглядъ на свободу международныхъ отношеній и торговли, и ссылается при этомъ на слова московскихъ пословъ шведамъ: «Сотворилъ Богъ человѣка *самовластна* и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать: тамъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ поморскихъ и нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, землею и моремъ задержки и неволи чинить не пригоже». Аксаковъ ссылается также на подобныя выраженія въ грамотѣ царя Θеодора къ Елизаветѣ по поводу того, что англійская торговая компанія не пропускала въ Россію кораблей другихъ, къ компаніи не принадлежавшихъ, и иностранныхъ купцовъ. Далѣе, Аксаковъ утверждаетъ, что Россія высказывала «извѣстный, признанный и другими за нею взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдовать свою вѣру»,—по поводу того, что англичанамъ предоставлено было жить у насъ «въ своей вѣрѣ». «Въ приведенныхъ нами примѣрахъ,—говоритъ Аксаковъ,—достаточно, кажется, высказывается высокій взглядъ (?) русскаго народа. Это—

[1]) „Такая строгая казнь,—говоритъ онъ по поводу „ученія“ Марины Добрынею, состоявшаго въ томъ, что Добрыня рубитъ ей руку, ногу и голову съ языкомъ,—совершенная съ полнымъ спокойствіемъ Добрынею, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости. Это *обычай* всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишенъ злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія. Гдѣ постоянно играютъ палицы, копья и стрѣлы, тамъ главное дѣло подвигъ, а жизнь становится дѣломъ второстепеннымъ, и большого уваженія къ ней не оказывается“, и т. д. (стр. 344). Но что́ же такое обычай, какъ не результатъ и сводъ частныхъ личныхъ ощущеній?

русское воззрѣніе, которое въ то же время есть истинное, общечеловѣческое» [1]).

Относительно всего этого г. Костомаровъ замѣчалъ уже преувеличенія Аксакова. Въ самомъ дѣлѣ, земскіе соборы, именно за отсутствіемъ «гарантіи», были весьма непрочнымъ учрежденіемъ; это были послѣднія воспоминанія вѣчевого устройства, нетронутыя властью только потому, что при господствѣ тогдашняго патріархальнаго деспотизма это учрежденіе не могло повести ни къ какому ущербу для царской власти. Потому-то вскорѣ оно и могло такъ легко выйти совершенно изъ употребленія. Мнимый взглядъ древней Россіи на свободу международныхъ сношеній не оправдывался нисколько ея собственной практикой. Московскіе дипломаты, у которыхъ не было недостатка въ хитромъ лукавствѣ, могли ссылаться на «самовластіе» человѣка, на его волю ѣхать сухимъ и водянымъ путемъ гдѣ ни захочетъ,—когда такъ нужно было по ихъ интересамъ; но очень извѣстно, что для самихъ русскихъ купцовъ эта воля была крайне стѣснена: отправиться, хотя бы для торговли, въ чужое государство было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Точно также не оправдывается фактами мнимый взглядъ древней Руси на свободу исповѣданій. Дѣйствительно, иностранцамъ позволяли жить «въ своей вѣрѣ», но тѣмъ и кончалась вся терпимость: это не мѣшало русскимъ считать вѣру западныхъ христіанъ, католиковъ и протестантовъ, поганою, какъ они считали поганымъ магометанство или язычество; нечего и говорить о томъ, что для русскаго было немыслимо перейти изъ православія въ какое-нибудь другое христіанское исповѣданіе. Словомъ, для того, чтобы стать дѣйствительно «истиннымъ» и «обще-человѣческимъ», русскому воззрѣнію недоставало очень многаго.

К. Аксаковъ до такой степени ослѣпленъ въ этомъ отношеніи, что смѣло утверждаетъ, будто древняя Русь даже нисколько не знала національной исключительности. Приведя слова Нестора, что у всякаго языческаго народа свой обычай, «мы же, христіане, законъ имамы единъ, елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся»,—Аксаковъ восклицаетъ: «вотъ когда (и вотъ какъ ясно, глубоко и истинно) уже перейдены были границы той исключительной національности, въ которой пребывали мы, *по мнѣнію Запада* [2]), до начала прошедшаго столѣтія, и *которой*

---

[1]) Сочин., стр. 250—258.

[2]) Въ этомъ Западѣ Аксаковъ, вѣроятно, считалъ и русскихъ историковъ, которые держались этого мнимо-западнаго мнѣнія.

у насъ никогда не бывало» [1]). Онъ возвращается къ той же мысли въ другомъ мѣстѣ, отказываясь отъ противоположнаго мнѣнія, которое было высказано имъ прежде, въ диссертаціи о Ломоносовѣ. «Напрасно говорили (я самъ напечаталъ это нѣкогда), что Петръ возсталъ противъ исключительной русской національности. Исключительности въ Россіи не было вовсе; все полезное принималось и до Петра, только это не мѣшало русскимъ оставаться русскими». Повторивъ опять цитату изъ Нестора [2]), Аксаковъ говоритъ: «Христіанская вѣра—вотъ союзъ человѣческій, вотъ союзъ нашъ. Всѣ христіане—братья. Это истинное пониманіе христіанской вѣры есть основаніе всей нашей исторіи» и проч. [3]).

Не говоря о томъ, что приведенное мѣсто изъ Нестора не допускаетъ такого тенденціознаго толкованія, заключая только самое общее противоположеніе христіанства другимъ, не-христіанскимъ вѣрамъ,—должно повторить опять, что старая русская исторія слишкомъ часто свидѣтельствуетъ о національной и религіозной исключительности, чтобы противъ нея можно было спорить серьезно. Быть можетъ, кіевскій періодъ, — вообще весьма непохожій на послѣдующія эпохи,— еще представлялъ нѣкоторые факты въ пользу мнѣнія Аксакова, но чѣмъ дальше въ московскій періодъ, тѣмъ исключительность становится суровѣе и нетерпимѣе.

Такимъ образомъ, въ понятіяхъ К. Аксакова древняя Россія была идеальное, истинно-христіанское государство, и если жизнь ея не была полное блаженство, по свойственнымъ человѣчеству слабостямъ, то обладала истинными началами и шла по истинному пути. Если этотъ путь не былъ совершенъ до конца, въ этомъ виновата была реформа.

Выше упомянуто, что сначала Аксаковъ имѣлъ о реформѣ иное понятіе, то самое, которое вообще господствовало въ литературѣ и которое поддерживалось противниками славянофильства. Такъ, въ своей диссертаціи о Ломоносовѣ онъ понимаетъ реформу, какъ необходимый историческій моментъ русской жизни, какъ отрицаніе національной исключительности и воспринятіе общечеловѣческаго развитія. Теперь онъ думалъ совершенно противное. Теперь онъ считалъ реформу не иначе, какъ за *измѣну* власти передъ народомъ, ей никогда не измѣнявшимъ [4]).

---

[1]) Стр. 20.

[2]) Онъ замѣчаетъ, что „это важное указаніе принадлежитъ Ю. Ѳ. Самарину“.

[3]) Стр. 42.

[4]) Сочин., стр. 10, *конецъ* 15-й и *начало* 16-й, стр. 40.

Петръ совершенно извратилъ ходъ русской жизни. Переворотъ, имъ произведенный, былъ самый важный изъ всѣхъ переворотовъ въ русской исторіи, потому, что онъ коснулся самыхъ корней родного дерева. Въ самомъ дѣлѣ: «Изъ *могучей* земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнію, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу *земную*, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада—путь ложный и опасный». Благодареніе Богу, что только одна часть Руси оставила путь смиренія,—но эта часть сильна и богата, и отъ нея зависитъ другая, «не измѣнившая вѣрѣ и землѣ родной»... Историки (какъ г. Соловьевъ) говорятъ, что Петръ былъ только продолжателемъ, что заимствованія отъ иностранцевъ дѣлались и прежде. Дѣйствительно, заимствованія дѣлались и прежде: при истинно-христіанскомъ взглядѣ русскаго народа на другіе народы (объ этомъ взглядѣ было сейчасъ говорено), русскому народу, по словамъ Аксакова, естественно было принимать «все хорошее»: такъ при Димитріѣ Донскомъ принято огнестрѣльное оружіе (вещь очень хорошая для истинно-христіанскаго народа), при Іоаннѣ IV—книгопечатаніе, при Ѳеодорѣ—даже внутреннее военное устройство. Но Петръ все-таки былъ не продолжателемъ: прежде брали полезное, не заимствуя чужой жизни, а Петръ сталъ принимать все, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую иностранную жизнь, перемѣнялъ на иностранный ладъ всю систему управленія, образъ жизни, одежду, самый языкъ,—такъ, что «даже самое полезное, что принимали въ Россіи и до Петра, непремѣнно стало не свободнымъ заимствованіемъ, а рабскимъ подражаніемъ». Къ этому присоединилось насиліе, вслѣдствіе котораго реформа стала настоящимъ переворотомъ, *революціей*.

Въ другомъ мѣстѣ (въ разборѣ І-го тома Исторіи г. Соловьева) Аксаковъ предлагаетъ свое дѣленіе русской исторіи на періоды по столицамъ (кіевскій періодъ, владимірскій, московскій, петербургскій) и слѣдующимъ образомъ характеризуетъ послѣдній, петербургскій періодъ. «Государство совершаетъ переворотъ, разрываетъ союзъ съ Землею и подчиняетъ ее себѣ, начиная новый порядокъ вещей. Оно спѣшитъ построить новую столицу, *свою*, не имѣющую ничего общаго съ Россіею, никакихъ русскихъ воспоминаній. Измѣняя землѣ русской, народу, государство измѣняетъ и народности, образуется по примѣру Запада, гдѣ наиболѣе развилась государственность, и вводитъ подражательность чужимъ краямъ, западной Европѣ. Гоненіе на *все* (?)

русское. Люди государственные, люди служилые, переходятъ на сторону государства. Народъ, собственно простой народъ, остается при прежнихъ началахъ. Переворотъ сопровождается насиліемъ. Впослѣдствіи, переобразованные верхніе классы дѣйствуютъ соблазномъ разврата, выгодъ и преимуществъ на простой народъ; отъ него по одиночкѣ отстаютъ и переходятъ на враждебную сторону, но весь народъ, въ цѣломъ, остается тотъ же. Россія раздѣлилась на двое и на двѣ столицы. Съ одной стороны, государство съ своей иностранной столицей Санкт-Петербургомъ; съ другой стороны, земля, народъ, съ своей русской столицей Москвой». Затѣмъ, дальнѣйшія отношенія Государства и Земли опредѣляются такъ: «Нашествіе Наполеона на Государство и Землю русскую. Государство, въ смятеніи, обращается къ Землѣ и къ Москвѣ, и проситъ о помощи. Москва принимаетъ ударъ. Москва и Земля спасаютъ и себя и Государство. Несмотря на то, полный плѣнъ нравственный, подъ игомъ Запада, верхнихъ классовъ, примыкающихъ къ Государству. Наконецъ, наступаетъ борьба. Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія... Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; *вся* (?) дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы,—и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается... Главное, существенное дѣло — нравственная духовная свобода. Она возникаетъ» [1]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ, кажется, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, высказанъ славянофильскій взглядъ на реформу. «Петербургскій періодъ» былъ предметомъ оживленныхъ споровъ между славянофилами и ихъ противниками, и послѣдніе собрали много опроверженій страннаго историческаго взгляда. Должно, впрочемъ, сказать, что защитники реформы съ своей стороны не были свободны отъ преувеличеній: восхваляя реформу, они доводили до крайности защиту государственности, и существенная заслуга славянофильства была въ томъ, что, выставляя крайность противоположную, они заставили противниковъ ограничить свой панегирикъ реформы и внимательнѣе всмотрѣться въ ея достоинства и недостатки.

Тѣмъ не менѣе, славянофильскій взглядъ, въ его рѣшительной формѣ у Аксакова, безъ сомнѣнія, не выдерживаетъ критики. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Аксаковъ строитъ произвольную систему, которая далеко не оправдывается фактами. Прежде всего, совершенно невѣроятной должна показаться съ

[1]) Сочин., стр. 23, 41—43, 49—50.

исторической точки зрѣнія такая необыкновенная «измѣна», какою Аксаковъ считаетъ петровскую реформу. Измѣна народности вовсе не такая легкая вещь, въ особенности для такого множества людей, которые пошли вслѣдъ за реформой. Петръ и его послѣдователи дѣйствительно отказались отъ многихъ обычаевъ, но русская народность не исчерпывалась, конечно, этими обычаями; иначе, это была бы слишкомъ ограниченная и жалкая народность. Другіе, напротивъ, думали, и справедливо, что Петръ нѐ только не измѣнялъ русской народности, но былъ однимъ изъ лучшихъ ея выраженій и раскрылъ новыя ея стороны, которыя не находили себѣ мѣста въ прежнемъ порядкѣ вещей... Многія его мѣры были насильственны, и во многихъ онъ не можетъ быть оправданъ; но другія крутыя нарушенія старины были неизбѣжно связаны съ самымъ свойствомъ его дѣла. Это дѣло былъ дѣйствительно переворотъ, революція, но эта революція, во-первыхъ, была необходима по всему ходу предшествующей исторіи, и подобные перевороты вообще не бываютъ чисто личнымъ дѣломъ одного человѣка; во-вторыхъ, революція произведена была самимъ представителемъ той власти, съ которой Земля вошла въ «свободное соглашеніе», которой предоставила полномочія, неограниченныя никакой «гарантіей», и которая по этому самому уже задолго передъ тѣмъ стала «самодержавной». Намъ кажется, что Аксаковъ нѐ имѣлъ историческихъ основаній говорить объ «измѣнѣ».

Далѣе, состояніе до-петровской Россіи вовсе не было таково, какъ изображаетъ Аксаковъ. Онъ говоритъ о могуществѣ древней Россіи, основанномъ на «вѣрѣ» и «смиреніи», и о томъ, что Петръ стремился къ могуществу «земному»,— точно въ самомъ дѣлѣ русскіе были какими-то новозавѣтными израильтянами или московское царство было царство небесное. Искренность и убѣжденіе Аксакова стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія; у него эти слова были, конечно, простодушнымъ увлеченіемъ, у другого они показались бы несноснымъ фарисействомъ... Русь была благочестива, спора нѣтъ; но странно изображать ее народомъ, предназначеннымъ для цѣлей только «не-земныхъ». Если же говорить о ней съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія, то и благочестіе ея имѣло свои, и немалые недостатки, и могущество ея было очень условное: Петръ вó-время укрѣпилъ ея матеріальныя силы, потому что иначе ей грозила серьёзная опасность отъ ея европейскаго сосѣдства. Ошибочно также и то, что Россія и до Петра заимствовала у Европы все хорошее: напротивъ, какъ мы уже замѣчали, хорошее приходило въ очень небольшомъ количе-

ствѣ и очень поздно. Такъ довольно поздно принято огнестрѣльное оружіе; только черезъ сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія Гуттенберга начали у насъ печатать книги, и т. д. Идя тѣмъ же шагомъ, старая Русь въ сто лѣтъ едва ли бы успѣла сдѣлать то, что сдѣлано было въ одно царствованіе Петра, и эта медленность, при быстромъ развитіи самой Европы, не могла не представлять большой опасности...

Болѣе умѣренные изъ славянофиловъ смотрѣли мягче на реформу, и хотя не одобряли насильственнаго нарушенія обычаевъ, перемѣны столицы и т. д., но, собственно говоря, были довольны тѣмъ политическимъ могуществомъ, которое основано было Петромъ Великимъ. Самъ К. Аксаковъ съ удовольствіемъ указываетъ это внѣшнее могущество Россіи, которое считалъ «наградой за ея смиреніе». Славянофилы считали это могущество даже необходимымъ, для того, чтобы Россія, одна изъ славянскихъ племенъ создавшая сильное государство, могла спасти славянское начало. Противники славянофильства были, какъ замѣчено, не только убѣждены въ необходимости и естественности реформы, но полагали, что истинная русская народность и есть та самая, которая приняла въ себя реформу.

Прошло еще немного времени съ тѣхъ поръ, какъ велись споры о петербургскомъ періодѣ, и въ постановкѣ вопроса, если не ошибаемся, произошла значительная перемѣна, и не въ пользу славянофильской точки зрѣнія. Теперь уже мало такихъ безусловныхъ защитниковъ реформы, какіе были въ сороковыхъ годахъ; но, съ другой стороны, едва ли кто рѣшится теперь также безусловно осуждать реформу, какъ осуждалъ Аксаковъ. Двѣ крайности сводятъ свои счеты, и главное, что̀ служило къ ихъ взаимному ограниченію и извѣстному примиренію, было ближайшее изученіе эпохи. Исторія нашего XVIII-го столѣтія сдѣлала большой (конечно, относительно) успѣхъ съ того времени, когда писалъ Аксаковъ, и, къ удивленію, даже историки, склонные къ славянофильству или совсѣмъ славянофилы (назовемъ г. Бартенева, г. Ламанскаго и др.), начинаютъ находить во многихъ дѣятеляхъ XVIII-го вѣка столько русскихъ добродѣтелей, что онѣ уже не вязались съ прежней славянофильской характеристикой «петербургскаго періода». Чѣмъ больше наши историки знакомятся съ событіями временъ Петра и съ самой его личностью, тѣмъ больше открываютъ въ самомъ Петрѣ чисто русскую, высоко-талантливую, свободную и часто необузданную натуру съ ея достоинствами и недостатками. Между прочимъ, начинаютъ

видѣть, что Петръ вовсе не былъ и такимъ врагомъ русскихъ обычаевъ, и, напротивъ, самъ нерѣдко обнаруживалъ любовь къ нимъ [1]). Стали измѣняться и понятія о цѣломъ XVIII-мъ вѣкѣ. Симпатіи XVI-го и XVII-го вѣка, которыя такъ сильны у Аксакова и славянофиловъ вообще, повидимому, начинають совсѣмъ выдыхаться, и писатели новѣйшаго славянофильскаго оттѣнка какъ будто начинають искать «добраго стараго времени» ближе, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ «кроткомъ» царствованіи Елизаветы, въ «мудромъ» и «славномъ» правленіи Екатерины. Словомъ, ближайшее изученіе исторіи, принявъ и переработавъ нѣкоторыя возраженія славянофильства противъ прежнихъ мнѣній, отвергаетъ, однако, самую теорію, и приводитъ къ новому взгляду, который едва ли не остается ближе къ прежнимъ взглядамъ—не славянофиловъ, а ихъ противниковъ.

Въ послѣдней цитатѣ Аксакова мы видѣли, какъ онъ понималъ возникновеніе и смыслъ самого славянофильства. Это было возрожденіе истинныхъ русскихъ началъ, исправленіе измѣны, совершенной при Петрѣ, начало новаго господства «внутренней правды». Это возрожденіе Аксаковъ представляетъ исходящимъ отъ той же Москвы, которая въ лучшую эпоху была государственнымъ и нравственнымъ центромъ Россіи.

Это объясненіе источника и начала самого славянофильства совершенно совпадало съ мнѣніями всѣхъ послѣдователей школы, точно также, какъ предоставленіе рѣшающей роли — Москвѣ. Славянофилы съ давнихъ поръ старались присвоить своему направленію это московское происхожденіе. Имъ также давно отвѣчали, что названіе невѣрно, потому что въ той же Москвѣ, рядомъ съ славянофильствомъ, развивалось и совершенно противоположное направленіе, что въ Москвѣ же издавались журналы, проповѣдывавшіе «западныя» теоріи, что Москвѣ, наравнѣ съ Петербургомъ, принадлежали лучшіе представители школы, ставившей совершенно иначе вопросъ русскаго просвѣщенія.

Это пристрастіе къ Москвѣ было понятно. Если въ старыя времена Москва была палладіумомъ истинныхъ русскихъ началъ, теоретически слѣдовало, что и теперь изъ нея должно исходить ихъ возрожденіе. Съ любовью къ Москвѣ естественно связывается вражда къ Петербургу. Ненавистный Петербургъ есть городъ нѣ-

---

[1]) См., напримѣръ, Записки Неплюева.

менцкій, оторванный отъ настоящей Россіи и чужой для нея; это—плодъ и сѣдалище измѣны.

Это особенное пристрастіе къ Москвѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выдаетъ слабую сторону славянофильства. Едва ли можно сомнѣваться, что славянофильство есть московскій партикуляризмъ, который оно хотѣло распространить на общія основанія русской жизни. Большинство славянофиловъ прежней эпохи были москвичи, обжившіеся въ Москвѣ, и ревниво оберегавшіе ея достоинство отъ притязаній новой столицы. Москва дѣйствительно во многомъ не похожа на Петербургъ; тамъ цѣлы были пенаты старой русской жизни, которые продолжали привлекать народное благочестіе; жизнь и нравы были болѣе свободны, или распущенно-лѣнивы, чѣмъ въ административномъ и слишкомъ военномъ Петербургѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, первопрестольная столица во многихъ отношеніяхъ стала городомъ провинціальнымъ, и этого не могли вынести московскіе патріоты. Съ ихъ отвлеченной склонностью къ старинѣ, которой Москва оставалась во многомъ представительницей, соединялось ревнивое желаніе поддержать достоинство Москвы, которой пришлось «главой склониться» передъ новой столицей. Оставалось отвергать всячески Петербургъ.

Но, при хладнокровномъ разборѣ дѣла, не трудно видѣть, что притязанія московскаго партикуляризма не имѣютъ достаточнаго основанія. Самъ Аксаковъ, вздумавши дѣлить исторію Россіи по столицамъ, нашелъ, что, въ теченіе этой исторіи, Россія имѣла не меньше *четырехъ* столицъ (хотя послѣднюю онъ и считалъ измѣннической и незаконной). И эти столицы дѣйствительно имѣли свое значеніе: каждое передвиженіе столицы означало, что происходило извѣстное передвиженіе самого національнаго центра тяжести. Но странно, что Аксаковъ, объясняя, почему столица перешла изъ Кіева на сѣверъ (во Владиміръ), а потомъ болѣе на западъ (въ Москву), не могъ объяснить, почему она подвинулась еще на сѣверо-западъ, въ Петербургъ,—между тѣмъ какъ и для этого послѣдняго были свои причины въ исторической логикѣ. Правда, по частнымъ условіямъ мѣстность была неудачная,—климатъ Петербурга тяжелый и вредный; столица была поставлена въ то время на самомъ краю государства,—но для новаго петровскаго государства нужно было имѣть столицу ближе къ западу, для цѣлей государственной защиты и цѣлей образованія; нужна была и близость къ морю для развитія несуществовавшей прежде морской силы. Эти ближайшія основанія въ свое время имѣли достаточную убѣдительность. Но перенесеніе столицы имѣло и болѣе глубокій національный смыслъ. Говорятъ,

что Петръ долженъ былъ оставить Москву, которая олицетворяла собой старую національно-исключительную традицію, и основать новую столицу, гдѣ бы его дѣла не останавливали воспоминанія московскаго царства. И дѣйствительно, времена московскаго царства проходили, и для національной жизни наступалъ новый періодъ. Какъ въ прежнемъ развитіи, кіевскій, владимірскій и московскій періодъ представляли особый оттѣнокъ національной жизни, и, напримѣръ, въ московское время самая національность русская имѣла уже иной характеръ, чѣмъ въ періодъ кіевскій, такъ и въ «петербургскій періодъ» само національное цѣлое измѣнялось. Новое громадное развитіе государства вводило новыя національныя стихіи, начинался процессъ новой политической и національной ассимиляціи, и въ результатѣ образовался новый національный типъ, которому странно было бы и невозможно навязывать исключительно московскій чеканъ. Въ петербургскій періодъ государство пріобрѣло южный край нынѣшней Россіи, юго-западныя и сѣверо-западныя русско-польскія провинціи, остзейскій край, Польшу и т. д. Въ національный составъ вступали элементы, присутствіе которыхъ не могло на немъ не отразиться; почти всѣ изъ этихъ новыхъ элементовъ естественнѣе примыкали къ Петербургу, чѣмъ примыкали бы къ Москвѣ съ прежнимъ ея исключительнымъ характеромъ: типъ собственно великорусскій, какъ типъ все-таки мѣстный, въ новомъ періодѣ переставалъ быть исключительной основой государства, и Петербургъ представлялъ собой сліяніе частныхъ народностей въ болѣе широкое національное, общерусское цѣлое.

Странно говорить о томъ, что исторія «петербургскаго періода», принесшая указанную перемѣну въ національномъ бытіи, не была только личнымъ дѣломъ Петра и слѣдствіемъ его произвола. Геніальная личность можетъ многое, но не все. Обвиненія Аксакова противъ Петра и «петербургскаго періода» доходятъ до ребяческаго упорства и совершеннаго непониманія исторіи. Если Аксаковъ и другіе славянофилы съ нѣкоторой гордостью называли свое направленіе московскимъ; то гордость ихъ была заблужденіемъ, потому что эта характеристика и означала именно односторонность школы. Чтобы быть истинно народнимъ и русскимъ, направленію не нужно было быть непремѣнно и исключительно московскимъ; напротивъ, въ истинно-народномъ направленіи московскій элементъ могъ и долженъ былъ войти только какъ одна изъ его составныхъ частей: это былъ старый *мѣстный* элементъ, историческая роль котораго была уже исполнена,

и въ новой исторіи русской національности онъ могъ занять только относительное мѣсто [1]).

Въ томъ литературномъ періодѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, еще не успѣли высказаться послѣдствія этой московской односторонности. Но въ новѣйшее время, когда представилось больше случаевъ примѣненія теоріи къ дѣйствительной жизни, эта односторонность не замедлила обнаружиться: таково было отношеніе «московскаго» направленія къ украинофильству, гдѣ первое отнеслось недружелюбно къ движенію, имѣвшему такой же народный смыслъ, но уже не московскій. Славянофильство встрѣтилось съ украинофильствомъ не какъ истинно-русское *народное* направленіе, — которое должно бы съ радостью привѣтствовать эти признаки мѣстнаго народнаго оживленія, каковы бы ни были его частныя видоизмѣненія,—а чисто какъ московскій исключительный партикуляризмъ. Печальнымъ образомъ славянофильству пришлось говорить въ одинъ голосъ съ «Моск. Вѣдомостями». А чтó такое были «Моск. Вѣдомости»—это извѣстно... Произошли недоразумѣнія и въ отношеніяхъ къ славянству: оказалось, что это послѣднее понимало свои связи съ русскимъ народомъ не совсѣмъ такъ, какъ хотѣли бы московскіе славянофилы; оно вовсе не думало, что его, славянская, народность можетъ спастись только обращаясь въ московскую народность... Оказались недоразумѣнія и въ толкованіи внутреннихъ вопросовъ. Древне-московская окраска славянофильскихъ мнѣній, самыхъ народолюбивыхъ и свободо-любивыхъ, дѣлала то, что этимъ мнѣніямъ все-таки нельзя было сочувствовать вполнѣ: въ нихъ оставались черты, не только ослаблявшія ихъ дѣйствіе, но и вредившія самой ихъ сущности...

Какая же была та программа, по которой славянофилы располагали примѣнять свои начала?

До-сихъ-поръ мы имѣли дѣло почти только съ чисто-теоретическими соображеніями. Славянофильство, разсматривая современное состояніе просвѣщенія и изучая русскую древность, приходило къ убѣжденію о противоположности или чрезвычайномъ различіи началъ быта и просвѣщенія на Востокѣ и на Западѣ,

---

[1]) Аксаковъ утверждаетъ, что въ новѣйшемъ (которое онъ считаетъ славянофильскимъ) возрожденіи русской мысли *вся* дѣятельность идетъ въ Москвѣ и изъ Москвы. Напротивъ, съ XVIII-го вѣка и до сей минуты лучшіе дѣятели русской мысли являлись положительно изъ всѣхъ концовъ Россіи, а многіе изъ нихъ не имѣли никогда ни малѣйшаго отношенія собственно къ Москвѣ: Ломоносовъ, Державинъ, Крыловъ, Кольцовъ, Гоголь; Пушкинъ гораздо больше связанъ съ Петербургомъ, и т. п.

и о необходимости для Россіи возвратиться къ истиннымъ началамъ ея древняго просвѣщенія. Этотъ теоретическій и историческій выводъ былъ существеннымъ результатомъ славянофильской дѣятельности въ описываемомъ періодѣ. За этой задачей славянофилы еще не успѣли развить подробностей своего взгляда въ частныхъ примѣненіяхъ; съ другой стороны, при тогдашнемъ положеніи литературы, они могли встрѣтить къ этому и внѣшнія препятствія. Такимъ образомъ болѣе ясная программа ихъ мнѣній опредѣляется только впослѣдствіи. Поэтому, ограничиваясь по возможности только описываемымъ періодомъ, мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ ихъ общественно-практическихъ мнѣній.

Какъ скоро рѣшена была необходимость возвращенія къ старымъ русскимъ началамъ, являлся вопросъ: какимъ образомъ можетъ быть совершено это возвращеніе? Славянофилы отвѣчали на этотъ вопросъ болѣе или менѣе сходно, хотя очень неопредѣленно. Кирѣевскій чувствовалъ серьёзность и трудность вопроса, и не одинъ разъ къ нему возвращается. Въ своей статьѣ 1845 года, онъ разбираетъ два существовавшія мнѣнія о томъ, какъ можетъ быть доставлена зрѣлость и значительность нашей литературѣ, или вообще нашей образованности. Одни думали, говоритъ онъ, что «полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ современемъ пересоздать всего русскаго человѣка, какъ оно пересоздало нѣкоторыхъ пишущихъ и не-пишущихъ литераторовъ», что «развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ должно измѣнить нашъ коренной образъ мыслей, переиначить наши нравы, наши обычаи, наши убѣжденія, *изгладить нашу особенность* (?) и такимъ образомъ сдѣлать насъ европейски-просвѣщенными». Предполагается, конечно, что это было мнѣніе западной партіи. «Стоитъ-ли опровергать такое мнѣніе?» спрашиваетъ Кирѣевскій, и возражаетъ, что особенность умственной жизни народа уничтожить невозможно, какъ невозможно и замѣнить литературными понятіями коренныя убѣжденія народа, — или, еслибъ это было возможно, это означало бы уничтоженіе самого народа. Притомъ, «мысль, вмѣсто началъ нашей образованности ввести у насъ начала образованности европейской, уже и потому уничтожаетъ сама себя, что въ конечномъ развитіи просвѣщенія европейскаго *нѣтъ начала господствующаго*. Одно противорѣчитъ другому, взаимно уничтожаясь». Если есть въ западной образованности нѣсколько живыхъ истинъ, то эти истины не европейскія, потому что онѣ противорѣчатъ всѣмъ результатамъ европейской образованности,—это сохранившіеся остатки христіанскихъ истинъ, и потому принадлежатъ болѣе *намъ*, чѣмъ Западу,

потому, что мы приняли христіанство въ его *чистѣйшемъ видѣ*. Поклонники Запада можетъ быть и не подозрѣваютъ этихъ нашихъ началъ, смѣшивая въ нашемъ просвѣщеніи существенное съ случайнымъ, собственное съ искаженіями чужихъ вліяній: татарскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и проч. Наконецъ, европейскія начала, привитыя къ нашей жизни, способны произвести на этой чуждой имъ почвѣ только жалкую каррикатуру просвѣщенія: это было бы послѣднее дѣло. Кирѣевскій указываетъ затѣмъ другое мнѣніе, противоположное безотчетному поклоненію передъ Западомъ и столько же одностороннее, хотя гораздо меньше распространенное: оно состоитъ въ столь же безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины, и въ той мысли, что европейское просвѣщеніе когда-нибудь изгладится изъ нашей памяти развитіемъ нашей особенной образованности. Это послѣднее мнѣніе Кирѣевскій находитъ болѣе логическимъ потому, что оно основывается на уваженіи къ нашей старинной образованности, на сознаніи ея противорѣчія съ западнымъ просвѣщеніемъ и несостоятельности этого послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, Кирѣевскій не соглашается и съ этимъ вторымъ мнѣніемъ, потому, говоритъ онъ, что прошедшія формы нашей образованности были все-таки частныя, преходящія формы, а слѣдовательно невозвратимы больше; далѣе потому, что мы уже не можемъ забыть разъ пріобрѣтенной западной образованности, и еслибъ забыли, то когда-нибудь должны были бы возвратиться къ ней еще разъ, и наконецъ потому, что это мнѣніе «отрѣзываетъ насъ отъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ умственнаго бытія человѣка», такъ какъ западная образованность все-таки наслѣдовала всѣ плоды прежней умственной жизни человѣчества.— Собственный взглядъ Кирѣевскаго заключается въ томъ, что мы, не отвергая результатовъ западнаго просвѣщенія, должны *подчинять* его истинному началу нашей жизни. Онъ объясняетъ это такимъ силлогизмомъ: «Если европейское просвѣщеніе въ самомъ дѣлѣ ложное, если дѣйствительно противорѣчитъ началу истинной образованности, то начало это, какъ истинное, должно не оставлять этого противорѣчія въ умѣ человѣка, а напротивъ, принять его въ себя, оцѣнить, поставить въ свои границы, и подчинивъ такимъ образомъ собственному превосходству, сообщить ему свой истинный смыслъ. Предполагаемая ложность этого просвѣщенія нисколько не противорѣчитъ возможности его подчиненія истинѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ бы, конечно,

тотъ, чтобы *развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить* весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія» [1]).

Такъ характеризуетъ Кирѣевскій положеніе вопроса въ нашей литературѣ. Насколько вѣрно опредѣлялъ онъ существующія мнѣнія? Первое изъ указанныхъ имъ мнѣній есть, конечно, мнѣніе тогдашнихъ «западниковъ», второе — мнѣніе «Маяка». Это послѣднее онъ находитъ «болѣе логическимъ» — потому что Кирѣевскаго соединяло съ «Маякомъ» общее уваженіе къ старинѣ и убѣжденіе въ ложности западнаго просвѣщенія. Но надо припомнить себѣ мнѣнія этого полудикаго журнала, — который въ своемъ «логическомъ» уваженіи къ старинѣ дошелъ до того, что буквально пропагандировалъ вѣру въ вѣдьмъ и домовыхъ,— чтобы подивиться, какъ могъ Кирѣевскій говорить о немъ серьёзно. Мнѣнія «западниковъ» переданы не совсѣмъ вѣрно, — потому что едвали кто-нибудь изъ нихъ говорилъ, будто «развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ» должно «изгладить нашу особенность». Не можемъ рѣшительно припомнить, чтобы кто-нибудь высказывалъ столь радикальную мысль,—хотя, конечно, многіе говорили, что образованіе должно измѣнить многое въ нашихъ понятіяхъ, въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, — именно то, что исходитъ отъ недостатка образованія, въ родѣ, напр., господствующаго донынѣ множества суевѣрій, не индифферентныхъ, но часто положительно вредныхъ, грубыхъ обычаевъ, и т. п., существующихъ даже въ тѣхъ классахъ, которые по матеріальному положенію могли бы имѣть средства къ образованію и смягченію нравовъ. Если западники говорили о пріобрѣтеніи идей и стремленій «обще-человѣческихъ», то, конечно, никому изъ нихъ не приходило въ голову, что это должно «изгладить нашу особенность». Славянофилы вообще нерѣдко преувеличивали мнѣнія своихъ противниковъ, къ выгодамъ своей полемики, которая потомъ и гордилась опроверженіемъ заблужденій, — въ которыхъ обличаемые противники иногда нисколько не были виноваты. Впослѣдствіи, эти опроверженія между прочимъ послужили особой заслугой славянофильства, въ глазахъ его дальнѣйшихъ послѣдователей...

Естественно, что мнѣніе Кирѣевскаго о русской литературѣ было невысокое. «Произведенія нашей словесности—говоритъ онъ— какъ отраженія европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ, кромѣ интереса статистическаго, какъ пока-

---

[1]) Сочин. Кирѣевскаго, т. II, стр. 35—39, 331.

занія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ. Для насъ самихъ они любопытны какъ дополненіе, какъ объясненіе, какъ усвоеніе чужихъ явленій; но и для насъ самихъ, при всеобщемъ распространеніи знанія иностранныхъ языковъ, наши подражанія остаются всегда нѣсколько ниже и слабѣе своихъ подлинниковъ». Наши подражательныя упражненія почти даже вредны,—потому что, оставаясь безплодны для просвѣщенія общечеловѣческаго, «отдѣляютъ насъ отъ внутренняго источника отечественнаго просвѣщенія». Онъ дѣлаетъ впрочемъ исключеніе—для сильныхъ талантовъ: «Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, хотя бы слѣдовали чужому вліянію, хотя бы пролагали свой особенный путь, всегда будутъ дѣйствовать сильно, могуществомъ своего личнаго дарованія, независимо отъ избраннаго ими направленія» [1]).

Это невысокое мнѣніе о русской литературѣ было справедливо вообще, потому что литература была дѣйствительно бѣдна. Таково было давно и мнѣніе противной стороны (Бѣлинскаго «Литературныя мечтанія», 1834), но послѣдняя отдавала себѣ болѣе вѣрный отчетъ о причинахъ бѣдности литературы. Дѣйствительно, русская литература, въ наибольшей долѣ своей, состояла изъ ученическихъ упражненій, но нѣсколько литературныхъ поколѣній и были для нея необходимой школой, чтобы ознакомиться, хотя въ общихъ чертахъ, съ содержаніемъ далеко опередившихъ ее европейскихъ литературъ. Необходимость школы не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ только въ томъ, насколько эта школа была успѣшна, оставалась ли литература на одномъ мѣстѣ или все-таки подвигалась впередъ? Безпристрастная историческая критика показываетъ, что движеніе было, что—въ существовавшихъ условіяхъ это движеніе было правильное и здоровое, какъ и свидѣтельствовалъ результатъ, — въ концѣ движенія явились писатели, какъ Пушкинъ и особенно Гоголь. Въ періодъ самаго сильнаго подражанія, въ чужихъ заимствованныхъ формахъ, сказывалось однако и чисто-русское содержаніе, и въ немъ больше и больше созрѣвала національная, самостоятельная мысль;—присутствія ея славянофилы не замѣчали, потому что чистой національностью считали національность своего теоретическаго изобрѣтенія. Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Озеровъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Кольцовъ, Гоголь—въ этомъ рядѣ писателей только упрямое пристрастіе не захочетъ видѣть постепеннаго развитія общественныхъ понятій и націо-

---

[1]) Стр. 33.

нальнаго (хотя вовсе не славянофильскаго) сознанія. Наконецъ, передъ Гоголемъ преклонились и сами славянофилы.

Итакъ, Кирѣевскій полагалъ, что для возвращенія и водворенія истинной образованности мы дожны *подчинить* европейское просвѣщеніе древнимъ началамъ нашей жизни, истинному греко-славянскому духу. Задача «подчиненія» казалась Кирѣевскому даже очень простою... Его мысль раздѣляли и другіе последователи школы.

Въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года, Константинъ Аксаковъ помѣстилъ (подъ псевдонимомъ «Имрекъ») нѣсколько критическихъ статей, предметомъ которыхъ послужили разныя произведенія «петербургской» литературы.

Приступая къ разбору повѣсти кн. Одоевскаго «Сиротинка», Аксаковъ замѣчаетъ: «Всегда съ невольнымъ горькимъ чувствомъ и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лицо отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ снисходительно заговоритъ о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящемъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стóитъ только снизойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшими до его слуха чрезъ переднюю и гостинную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая подделка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть кн. Одоевскаго...» [1]). Эта повѣсть, описывающая, какъ сирота Настя, взятая изъ деревни барыней, и получивши образованіе въ столичномъ пріютѣ, возвращается въ деревню и распространяетъ въ ней цивилизацію, — дѣйствительно въ такомъ родѣ, и Аксаковъ вѣрно выставляетъ всю фальшивость того отношенія къ народу, которое обнаруживаетъ здѣсь кн. Одоевскій. Конецъ, какъ и начало разбора, опять приходитъ къ славянофильской темѣ: «Сколько людей, именно въ наше время, именно въ нашей землѣ, такихъ, которые оторвались отъ народа, отъ естественной тяжести союза съ нимъ, умѣряющей и утверж-

---

1) „Моск. Сборн.“, Крит., стр. 4.

дающей шаги человѣка, дающей ему дѣйствительность, и пошли летать и носиться, полные гордости и снисхожденія, — такихъ людей, которые, будучи одѣты въ европейское платье и заглянувъ въ европейскія книги, выучившись болтать на чужомъ языкѣ и приходить, какъ слѣдуетъ, въ заемный восторгъ отъ итальянской оперы, подходятъ съ указкою къ бѣдному необразованному народу и хотятъ чертить путь его народной и внутренней и внѣшней жизни. Хотя бы они поглотили въ самомъ дѣлѣ всю европейскую мудрость, но если они оторваны отъ народа и хотятъ оставаться въ этой оторванности, въ этомъ попугайномъ развитіи, если они свысока смотрятъ на него, — они ничтожны».

По поводу поэмы г. Майкова «Двѣ судьбы», Аксаковъ такъ объясняетъ страшную апатію, господствующую въ образованномъ русскомъ обществѣ, и на которую жалуется герой поэмы. «Что въ нашемъ поколѣніи есть апатія — это правда; но понятна тому причина. Такою апатіею и блѣдностію, такимъ жалкимъ эгоизмомъ — съ одной стороны животнымъ и безчувственнымъ, съ другой — идеальнымъ, сухимъ, иногда тоже довольнымъ красивою своею позою, иногда, у болѣе живыхъ людей, возмущаемымъ чрезъ сомнѣніе, вопросъ, желаніе чего-то лучшаго, — этою апатіею и эгоизмомъ казнятся люди русскіе за презрѣніе въ народной жизни, за оторванность отъ русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Спѣсивое невѣжество противополагаютъ они всей древней, всей остальной, и прежней, и нынѣшней Руси, — гордость учениковъ, ставящихъ себя, въ свою очередь, въ учители. Мы похожи на растенія, обнажившія отъ почвы свои корни: мы сохнемъ и вянемъ. Но насъ спасаетъ глубокая сущность русскаго народа, — тотъ виноватъ самъ, кто не обратится къ ней...» [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 40 — 41. Эти взгляды Аксакова повторяетъ г. Костомаровъ (въ указанной брошюрѣ, стр. 4—6), объясняя, что реформа, собственно говоря, произвела у насъ двѣ народности: одна была старая, другая новая, — „народность Евгенія Онѣгина", оторванная отъ народа съ своимъ легкимъ, пустымъ и безплоднымъ образованіемъ. „Извѣстно, до чего доживается наконецъ Евгеній Онѣгинъ, — говоритъ г. Костомаровъ. Убійственная тоска, доходящая почти до сумасшествія, снѣдаетъ его; еще юный, здоровый, полный силъ, неудовлетворенной жажды дѣятельности, безъ сознанія путей, куда бы можно обратить эту дѣятельность, Онѣгинъ завидуетъ тульскому засѣдателю, страдающему параличемъ. Почти до такого же состоянія дошла и русская мысль (?), и съ нею русская наука. И хотѣла-было она обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили ей уважать то, что сдѣлалось достояніемъ черни; да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда, презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными глазами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню".

Положеніе нашей образованности, вообще довольно печальное по его внѣшнимъ условіямъ, было бы дѣйствительно еще печальнѣе, еслибы оно было таково, какъ описываетъ К. Аксаковъ, т.-е., если бы къ его внѣшнимъ тягостямъ присоединился еще тяжелый грѣхъ такого полнаго забвенія о народѣ и непониманія его. Къ счастію, это было не совсѣмъ такъ, и обвиненіе, бросаемое славянофилами, справедливое относительно однихъ сторонъ этой образованности и однихъ ея представителей, глубоко несправедливо относительно другихъ. Жизнь и литература со временъ Петра, представляли въ средѣ «образованнаго» общества нѣсколько различныхъ теченій, — смѣшивать которыя было бы противно самымъ элементарнымъ требованіямъ исторіи. Были дѣйствительно и есть до сихъ поръ люди, къ которымъ были вполнѣ приложимы обвиненія Аксакова,—люди, оторвавшіеся отъ народа, относившіеся къ нему съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, люди, нахватавшіе вершковъ познаній и внѣшняго лоска европейской моды, и нравственно совершенно ничтожные. Это было въ особенности — почти исключительно—богатое барство, избалованное, лѣнивое и испорченное. Но и въ средѣ этого барства были люди, которымъ вѣроятно и славянофильская нетерпимость не откажетъ въ заслугахъ національному нравственному интересу,—люди, задававшіе себѣ вопросы о томъ просвѣщеніи, благодаря которому могла только возникнуть и самая мысль объ обращеніи къ народу, и благодаря которому явились первыя средства историческаго изученія (назовемъ хоть Шувалова, Бецкаго, Румянцева и т. д.). У этихъ людей были, безъ сомнѣнія, недостатки вѣка, сословія, недостатки личные, но несправедливо было бы отвергать у нихъ общественныя стремленія, заслуживающія похвалы. Мы упоминали выше, что въ настоящее время историки, съ славянофильскимъ оттѣнкомъ, начинаютъ все больше и больше отыскивать въ XVIII-мъ столѣтіи «русскихъ людей», именно въ той средѣ «петербургскаго періода», которую поголовно осуждалъ Аксаковъ. Дѣйствительно, отрываясь отъ народа характеромъ своего образованія, быта и нравовъ, люди этой среды умѣли понимать другіе національные интересы, напримѣръ, интересы внѣшней политики; этимъ оторваннымъ отъ народа людямъ, между прочимъ, принадлежитъ своя заслуга въ дѣлѣ внѣшняго распространенія и усиленія государства. И если въ этой, самой отдаленной отъ народа, самой избалованной и эгоистической средѣ «петербургскаго періода» была возможность подобныхъ явленій, то надобно думать, что вина оторванности отъ народа лежала не въ однихъ условіяхъ образованности, а въ обстоятельствахъ иного рода, и

болѣе сложныхъ... Но внѣ испорченнаго барства, между людьми практически связанными съ народомъ, и въ литературѣ странно не видѣть той связи съ народомъ, которую такъ рѣшительно отвергаютъ славянофилы. Въ среднемъ образованномъ классѣ и даже въ высшемъ старые нравы были гораздо сильнѣе, чѣмъ думалъ К. Аксаковъ; мы убѣждаемся въ этомъ постоянно, перечитывая записки людей XVIII-го вѣка; эти нравы были сильны даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія... Не видѣть связи съ народомъ въ литературѣ также было бы совершенно ошибочно: неужели былъ чуждъ народу Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ въ XVIII-мъ столѣтіи? Писатели, еще съ XVIII-го вѣка начавшіе говорить о свободѣ и облегченіи для народа, умѣвшіе говорить народнымъ языкомъ; люди нашего столѣтія,—положимъ мечтатели, но стремившіеся къ тому же освобожденію, и всѣмъ рисковавшіе для своихъ идей,—только съ крайней несправедливостью могутъ быть названы чуждыми народу и отнесенными въ категорію «народности Евгенія Онѣгина». Должно замѣтить притомъ, что «Онѣгинъ», котораго такъ часто принимаютъ за полный типъ своего поколѣнія, на дѣлѣ вовсе не есть полный и законченный характеръ; если современники высказывали такое мнѣніе объ Онѣгинѣ, то они дополняли въ своемъ воображеніи черты, недосказанныя писателемъ, объясняя разочарованіе и всеобщее сомнѣніе Онѣгина тѣмъ подавленнымъ состояніемъ общества, которое живо чувствовалось лучшими людьми. Вообще Онѣгина понимали серьезнѣе и глубже, чѣмъ сколько слѣдовало изъ его изображенія у Пушкина [1]). Объ этомъ забываютъ тѣ, кто повторяетъ теперь мнѣніе объ Онѣгинѣ, какъ типѣ цѣлаго поколѣнія. Если рядомъ съ Онѣгинымъ поставить Чацкаго, то это одно объяснитъ, что содержаніе разочарованности было въ обществѣ гораздо серьезнѣе, чѣмъ сколько умѣлъ выразить Пушкинъ въ своемъ героѣ. Взятый какъ онъ есть, Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ даетъ невысокое понятіе о представляемомъ имъ поколѣніи; и если онъ совершенно вѣренъ, какъ частный типъ, то не все поколѣніе было таково, и обратившись къ двадцатымъ годамъ, о которыхъ здѣсь должна идти рѣчь, мы найдемъ цѣлый кругъ людей, которыхъ невозможно обвинить въ мелкомъ, балованномъ разочарованіи, и которыхъ напротивъ отличалъ искренній, благородный, хотя и мечтательный энтузіазмъ. Что же было въ основѣ этого энтузіазма, какъ не чувство народнаго блага и освобожденія?

---

[1]) Отсюда между прочимъ продолжительныя хлопоты нашей эстетической критики съ объясненіемъ этого „типа“.

Правда, въ сравненіи съ массой общества этотъ кругъ былъ не великъ; но это вовсе не причина забывать его въ исторіи общества—потому что онъ оставилъ за собой нравственное вліяніе; къ сожалѣнію, и до сихъ поръ, говоря о лучшихъ стремленіяхъ общества, мы должны понимать кругъ людей, все еще весьма не обширный. Но самая масса, конечно, никогда не страдала ни онѣгинскимъ, ни какимъ другимъ разочарованіемъ.

Истинная причина разочарованія, апатіи,—въ которыхъ Аксаковъ видѣлъ казнь за оторванность отъ народа,—состояла вовсе не въ этой оторванности, а именно въ томъ, что для лучшихъ людей, горячо желавшихъ служить общественному и народному благу, въ существовавшихъ условіяхъ не представлялось никакой возможности осуществить своего желанія. Самое желаніе внушалось естественнымъ патріотическимъ чувствомъ, подъ вліяніемъ идей, развитыхъ европейскимъ образованіемъ, и причина разочарованія лежала именно въ сознаніи, что достиженіе цѣли невозможно, и отсюда слѣдовалъ разрывъ не съ народомъ, а съ существующими формами общественнаго быта и выросшими изъ нихъ нравами, съ бюрократическимъ и другимъ гнетомъ, которые не давали никакого исхода этимъ зарождавшимся стремленіямъ. Такъ (если ограничиться однимъ, довольно простымъ и яснымъ примѣромъ), давнишней цѣлью, къ которой стремилась мыслящая часть общества, было освобожденіе крестьянъ. Самая идея, истекавшая изъ желанія народнаго блага и чувства человѣческаго достоинства, развивалась безъ сомнѣнія подъ сильнымъ вліяніемъ освободительной философіи прошлаго столѣтія; эта идея не свидѣтельствовала о нравственной оторванности отъ народа, но въ концѣ концовъ легко могла привести къ разочарованію и апатіи,—потому что при условіяхъ, существовавшихъ до самаго нашего времени, служеніе этой идеѣ было неосуществимо. И гдѣ же были всѣ препятствія къ ея осуществленію? Конечно, въ господствовавшихъ учрежденіяхъ и созданныхъ ими нравахъ: съ ними и разрываетъ та часть общественнаго мнѣнія, которая представляла прогрессивное развитіе.

Приведенный примѣръ есть только одинъ частный случай изъ цѣлаго ряда подобныхъ противорѣчій. Это столкновеніе понятій, сообщенныхъ всѣмъ развитіемъ нашей образованности, съ данными формами жизни, и составляло причину разлада, наполнявшаго существованіе Онѣгиныхъ (въ указанномъ выше смыслѣ), Чацкихъ, «лишнихъ людей» и т. д. Въ этомъ смыслѣ разочарованіе, по нашему мнѣнію, могло бы овладѣть и славянофиломъ,

для котораго дѣятельность, въ смыслѣ своихъ идей, также бывала и бываетъ не весьма удобна...

«Но они относились къ народу все-таки свысока, они не проникались *его* началами, и ихъ представленія о народѣ, занятыя отъ Запада, были отвлеченныя, лишенныя жизненнаго значенія»,—такъ могутъ возразить славянофилы. Нечего спорить, что въ частныхъ мнѣніяхъ могли быть ошибки, какъ были онѣ и въ славянофильскомъ патріотизмѣ;—но если возраженіе сводится къ вопросу, почему эти люди не были славянофилами, то отвѣтъ на это простой,—потому, что они иначе смотрѣли на исторію, не имѣли охоты къ мистическимъ теоріямъ, считая ихъ безплодными, и имѣли въ виду тѣ прямыя препятствія народному развитію, которыя были на лицо и оказывали вредъ въ самый настоящій моментъ народной жизни. Они чувствовали (славянофилы это забыли), что ихъ собственныя идеи были дѣломъ образованности, и потому интересъ образованности стоялъ для нихъ на первомъ планѣ. Не задаваясь отвлеченными системами, они думали, что какъ для высшихъ, такъ и для низшихъ классовъ есть одинаковые общіе интересы—извѣстное общественное освобожденіе и образованіе. Не принимая на себя рѣшать судьбы человѣчества чистыми русскими началами, они думали, что образованіе, состоящее въ усвоеніи научныхъ результатовъ, не только не можетъ стоять въ какомъ-нибудь противорѣчіи съ народной сущностью, но что оно даже совершенно необходимо для того, чтобы эта сущность могла должнымъ образомъ опредѣлиться.

Самому критику «Московскаго Сборника» случилось встрѣтить и признать явленіе, которое не совсѣмъ походило на его теорію. Въ своихъ обличеніяхъ петербургской литературы, Аксаковъ язвительно нападалъ на г. Тургенева, за его первыя стихотворныя пьесы, и ставилъ его въ рядъ «пошлыхъ» (ipsa verba Аксакова) «петербургскихъ литераторовъ». Но въ то самое время, когда Аксаковъ печаталъ свои приговоры, явился «Хорь и Калинычъ», первый изъ «Разсказовъ Охотника». Аксаковъ замѣтилъ «превосходный» разсказъ и оговорилъ его въ особомъ примѣчаніи: «Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила!.. онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, ко-

гда онъ заговорилъ о другомъ» и пр. [1]). Спрашивается, какъ могло совершиться подобное превращеніе, откуда могло явиться это «сочувствіе» къ народу у «петербургскаго литератора», совсѣмъ отпѣтаго? Первыя пьесы г. Тургенева могли быть плохи, но, сколько извѣстно, въ промежутокъ между ними и «Записками Охотника» съ авторомъ не произошло никакой метаморфозы,—онъ оставался и тогда, и послѣ, человѣкомъ того же круга, тѣхъ же убѣжденій, того же направленія, по мнѣнію Аксакова совершенно пустого, оторваннаго отъ народа: какимъ же образомъ именно въ средѣ этого оторваннаго направленія могло явиться столь прекрасное сочувствіе къ народу, могло явиться произведеніе, приведшее въ такой восторгъ славянофильскаго критика? Понятно, что одно «прикосновеніе къ народу» не могло дать таланта (оно никакъ не дало его многимъ и въ томъ числѣ многимъ славянофильскимъ писателямъ и поэтамъ, хватавшимся за народъ): человѣкъ пустой, или съ превратными идеями, обращаясь къ народу, конечно, и здѣсь обнаружилъ бы пустоту своихъ понятій,—какъ славянофильскій критикъ показывалъ это на авторѣ «Сиротинки». Слѣдуетъ думать, что Аксаковъ не совсѣмъ вѣрно понималъ осуждаемое имъ направленіе, что за отдѣльными недостатками его писателей онъ не видѣлъ его настоящихъ воззрѣній, его отношенія къ народу, и т. д. Славянофильскому критику трудно было сознаться, что возможность уразумѣнія и вѣрнаго изображенія народной жизни существуетъ и внѣ славянофильской школы, въ томъ самомъ направленіи, которое казалось этой школѣ безнадежно ложнымъ, вреднымъ, отступническимъ...

Литературныя мнѣнія Хомякова въ своей сущности сходны съ тѣмъ, что̀ мы видимъ у Кирѣевскаго и Аксакова; онъ настаиваетъ на тѣхъ же главныхъ темахъ, это—ложность господствующихъ литературно-общественныхъ взглядовъ, безсиліе нашего просвѣщенія, оторваннаго отъ народа, необходимость единства съ народомъ и народной точки зрѣнія. Было бы слишкомъ длинно собирать въ одно цѣлое эти мнѣнія, разбросанныя въ различныхъ статьяхъ Хомякова, печатанныхъ въ «Москвитянинѣ», «Московскихъ Сборникахъ», потомъ въ «Бесѣдѣ» и др., тѣмъ больше, что Хомяковъ, писатель безъ сомнѣнія остроумный и съ обширной образованностью, въ своихъ разсужденіяхъ любилъ трактовать de omni re scibili, и его отдѣльныя мнѣнія трудно

[1]) „Моск. Сборн." 1847, Крит., стр. 38—39.

выбирать изъ цѣлой связи его рѣчи [1]). Онъ постоянно возвращается къ одной темѣ, съ новыми подробностями, съ различныхъ сторонъ; избѣгая положительнаго, догматическаго изложенія (кромѣ его теологическихъ статей), касается всевозможныхъ частностей, бросаетъ мысли, задаетъ вопросы и т. д. Мнѣнія Хомякова были въ особенности пародоксальны, и иногда онъ ставилъ въ затрудненіе самую школу,—какъ, напр., въ своихъ возраженіяхъ на мнѣнія Кирѣевскаго о древней Руси.

Хомяковъ вообще обвиняетъ нашу образованность въ недостаткѣ національнаго сознанія, безъ котораго она и не имѣетъ силы. Западная образованность, перешедши къ намъ, отторгалась отъ жизни, которая ее произвела, и съ другой стороны не имѣла корней и у насъ. «Въ такомъ-то видѣ представлялось до сихъ поръ у насъ просвѣщеніе и общество, принявшее его въ себя; оба носили на себѣ какой-то характеръ колоніальный, характеръ безжизненнаго сиротства, въ которомъ всѣ лучшія требованія души невольно уступаютъ мѣсто эгоистическому самодовольству и эгоистической разсчетливости». Наше отношеніе къ Европѣ есть робкое поклоненіе; мы «добродушно признаемъ просвѣщеніемъ всякое явленіе западнаго міра, всякую новую систему и оттѣнокъ системы,... всякій плодъ досуга нѣмецкихъ философовъ и французскихъ портныхъ», не осмѣливаемся даже робко спросить у Запада: все ли то правда, что́ онъ говоритъ, и все ли прекрасно, что́ онъ дѣлаетъ? Мнѣніе иностранцевъ о Россіи опредѣляется именно собственнымъ нашимъ преклоненіемъ передъ ними: «Наша сила внушаетъ зависть; собственное признаніе въ нашемъ духовномъ и умственномъ безсиліи лишаетъ насъ уваженія,—вотъ причина всѣхъ отзывовъ Запада о насъ».

Эти и подобныя разсужденія славянофиловъ вообще сильно преувеличены. Они могутъ быть вѣрны развѣ только относительно той части высшаго барства, о которой мы упоминали, которая, получая французское воспитаніе и пользуясь большими готовыми

[1]) Одинъ современникъ, давно знавшій Хомякова, отдавая должную похвалу его благородному и кроткому характеру, замѣчаетъ: ... „Хомяковъ былъ неумолимый (вѣроятно, неутомимый) спорщикъ, какихъ трудно найти. Не было предмета, о чемъ бы не вступалъ онъ въ словопреніе и, при необыкновенной памяти, будучи чрезвычайно начитанъ, всегда имѣлъ верхъ во всякомъ спорѣ (авторъ разсказываетъ о временахъ турецкой войны, 1828 г., когда Хомяковъ служилъ въ военной службѣ, гусаромъ, и когда они встрѣчались въ обществѣ военныхъ). Такъ велико было его искусство въ діалектикѣ, что одинъ и тотъ же предметъ могъ онъ защищать съ двухъ противуположныхъ сторонъ, и бѣлое дѣлалось у него чернымъ, а черное—бѣлымъ“... (Знакомство съ русскими поэтами, Кіевъ, 1871, стр. 15).

доходами, дѣйствительно отрывалась отъ народа и поклонялась французскимъ портнымъ. Но противъ этихъ людей напрасно было, конечно, тратить аргументы. Въ остальной части общества поклоненіе Западу едва ли имѣло такіе размѣры, тѣмъ болѣе, что громадное большинство такъ-называемаго общества издавна и до сихъ поръ состояло изъ людей, «нѣсколько беззаботныхъ на счетъ литературы». Но что въ людяхъ, болѣе заботившихся о литературѣ, западная образованность, научная и практическая, поселяла къ себѣ уваженіе, это было совершенно естественно, и смотрѣть на нее свысока едва ли прилично было бы людямъ, или народу, которые еще не успѣли оказать ей дѣйствительнаго соперничества. Для иностранцевъ «собственное признаніе» наше было бы пожалуй и вовсе не нужно: они и безъ него могли бы достаточно судить о нашихъ духовныхъ и умственныхъ силахъ. Причина отзывовъ Запада о насъ заключалась конечно въ томъ, что онъ (въ одну эпоху) опасался нашей силы, его тѣснившей, и въ томъ, что онъ видѣлъ у насъ только ограниченную степень образованности; но Хомяковъ забылъ еще одно обстоятельство, не внушавшее къ намъ особеннаго уваженія: Западъ видѣлъ въ насъ общество мало развитое въ гражданскомъ отношеніи...

Славянофиламъ казалось, что стóитъ нашему обществу, «пишущимъ и не-пишущимъ литераторамъ», принять излагаемыя ими народныя начала, и все будетъ пріобрѣтено, и самостоятельная мысль, и роль въ человѣчествѣ, и уваженіе иностранцевъ, и т. д. Скоро сказка сказывается, но умственная самостоятельность достигается не такъ легко: чтобы стать независимо отъ западной цивилизаціи и выше ея, чтобы «подчинить западное просвѣщеніе нашимъ началамъ», какъ требовалъ Кирѣевскій, — нужно сначала пріобрѣсти необходимую силу, воспринять и переработать содержаніе западнаго просвѣщенія, придать ему собственные вклады. А это не такъ просто; почеркомъ пера нельзя раздѣлаться съ многовѣковымъ развитіемъ; никакой, самый благородный, впрочемъ, патріотическій энтузіазмъ не замѣнитъ умственной работы; легко сказать — «подчинить» западное просвѣщеніе,—но если оно не захочетъ подчиняться? Сила чувства заставляла славянофиловъ думать, что это возможно, что они сами въ силахъ совершить эту задачу,—но чувствомъ не рѣшается вопросъ науки, который и есть вопросъ просвѣщенія.

Хомяковъ, вѣроятно наиболѣе самонадѣянный изъ славянофильскихъ писателей, думалъ, что уже настоящее время (сороковые года) должно бы быть временемъ нашей самобытности. Онъ даже указываетъ задачи науки, которыя мы могли бы рѣ-

щить лучше другихъ народовъ,—напримѣръ, въ исторіи. Историкъ всегда зависитъ отъ самой жизни народа, которому принадлежитъ; оттого въ понятіяхъ національнаго историка является необходимая односторонность, какъ слѣдствіе особеннаго склада національныхъ воззрѣній. Сдѣланное однимъ народомъ дополняется и улучшается другимъ, и мы въ особенности могли и должны были пополнить труды нашихъ европейскихъ братьевъ: «намъ возможнѣе даже, чѣмъ западнымъ писателямъ (по крайней мѣрѣ по части историческихъ наукъ) обобщеніе вопросовъ, выводы изъ частныхъ изслѣдованій и живое пониманіе минувшихъ событій». Но мы, по умственной лѣни и непониманію нашей собственной національной высоты, до сихъ поръ еще не уразумѣли этой своей задачи. И Хомяковъ приводитъ образчики вопросовъ и ихъ рѣшенія, которое могло бы быть нами сдѣлано. «Я не скажу, разрѣшили ли мы, но подняли ли хоть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми полна судьба человѣчества? Догадались ли мы, что до сихъ поръ исторія не представляетъ ничего кромѣ хаоса происшествій, связанныхъ кое-какъ на живую нитку непонятною случайностью? Поняли ли мы, или хоть намекнули, чтó такое народъ—единственный и постоянный дѣйствователь исторіи... Самыя важныя явленія въ жизни человѣчества и великихъ народовъ, управлявшихъ его судьбами, остались незамѣченными. *Такъ,* напр., критика историческая не замѣтила, что при переходѣ просвѣщенія съ Востока на Западъ, не все было чистымъ барышомъ, и что несмотря на великія усовершенствованія въ художествѣ, въ наукѣ и въ народномъ бытѣ—многое утратилось, или обмелѣло въ мысляхъ и познаніяхъ человѣческихъ, особенно при переходѣ изъ Эллады въ Римъ и отъ Рима къ романизированнымъ племенамъ Запада. Такъ не обратили еще вниманія на разноначальность просвѣщенія въ древней Элладѣ... Такъ, раздѣленіе имперіи на двѣ половины, уже появляющееся въ Дуумвиратѣ (мнимомъ тріумвиратѣ) послѣ перваго кесаря, потомъ яснѣе выразившееся послѣ Діоклетьяна и при преемникахъ Константина, и оставившее неизгладимыя черты въ духовной исторіи человѣчества отдѣленіемъ Востока отъ Запада, является постоянно дѣломъ грубой случайности, между тѣмъ какъ, очевидно, оно происходило отъ древнихъ началъ (отъ разницы между просвѣщеніемъ эллинскимъ и римскимъ) и было неизбѣжнымъ и великимъ ихъ послѣдствіемъ...», и проч. [1]). Вотъ цѣлый рядъ задачъ, будто бы нетронутыхъ западной наукой, и на которыя мы должны были отвѣчать. Къ сожалѣнію, требова-

[1]) Сочин. Хомякова I, стр. 38—39.

тельный судья западной науки ошибался относительно ея положенія. Могло быть, что упомянутые историческіе недосмотры онъ нашелъ въ какомъ-нибудь устарѣломъ учебникѣ, но приписывать ихъ цѣлой европейской наукѣ была чистая напраслина. Въ отвѣтъ Хомякову уже было указано, что мнимыя задачи, нетронутыя западной наукой, составляютъ въ ней вещь очень извѣстную, другія—давно стали общимъ мѣстомъ, напримѣръ, что понятіе о народѣ, какъ живомъ лицѣ, представляющемъ въ своей жизни развитіе какого-нибудь нравственнаго и умственнаго начала, повторялось безпрестанно со временъ Гегеля; что съ тѣхъ поръ, какъ стали изучать греческихъ классиковъ, всѣмъ извѣстно, что греки въ наукѣ и поэзіи были выше римлянъ, что Гомеръ выше Виргилія и т. п., а то, что латинскіе классики выше средневѣковыхъ писателей, было извѣстно даже въ средніе вѣка; что раздѣленіе римской имперіи на восточную и западную давно объяснялось различіемъ греческой и римской цивилизаціи, и т. д. [1]). Такъ легко брались вожди славянофильства за преобразованіе западной науки, — и такъ легко было надѣлать здѣсь грубыхъ ошибокъ.

Въ другой статьѣ, перебирая тѣ же вѣчные вопросы, Хомяковъ высказываетъ увѣренность во всемірномъ призваніи русской земли, но замѣчаетъ, что вопросъ—какъ она можетъ исполнить это призваніе и какіе органы можетъ найти для этого теперь въ частной дѣятельности—что этотъ вопросъ порождаетъ невольное и справедливое сомнѣніе. Сомнѣніе возбуждалось въ немъ положеніемъ русскаго общества, слишкомъ забывшаго свою національную сущность, и потому немогущаго дѣйствовать въ истинно-народномъ духѣ. «Только тотъ можетъ выразить для другихъ свои начала духовныя,—говоритъ Хомяковъ,—кто ихъ уразумѣлъ для самого себя; только стройный и цѣльный организмъ духовный можетъ передать крѣпость и стройность другимъ организмамъ, разслабленнымъ и разъединеннымъ. Мысль и жизнь народная можетъ быть выражена и проявлена только тѣми, кто вполнѣ живетъ и мыслитъ этою мыслію и жизнію. Таковы ли мы съ нашимъ просвѣщеніемъ?» И Хомяковъ объясняетъ необходимость согласія двухъ силъ, составляющихъ правильное и разумное движеніе общества: силы жизни, принадлежащей всему составу общества и его прошедшему, и разумной силы личностей, которая не можетъ ничего создать сама, но постоянно присуща общему развитію и не даетъ ему впадать въ мертвую одно-

[1]) „Современникъ", 1856, № 6, крит., стр. 6—7.

сторонность. Обѣ силы необходимы; но вторая должна быть связана съ первой живою и любящею вѣрою. Иначе—слѣдуетъ разрывъ и борьба.

Это—связь историческаго преданія, бытоваго обычая, и разумной свободы личности. Хомяковъ находилъ ихъ правильное согласіе въ древнѣйшей Руси; свобода личности не была стѣснена и связывалась съ силой жизни; стихія народная не враждовала съ обще-человѣческой (кіевскія и новгородскія связи съ Западомъ, заимствованіе поэзіи, искусствъ и т. п.). Иное положеніе вещей начинается позднѣе; кажется, съ Флорентинскаго собора возникаетъ подозрительность и вражда къ западной мысли. «Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія: *иначе и быть не могло*. Нравственно-низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни...» Но ихъ направленіе было не совсѣмъ неправо: это было «требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ». Представителемъ этого требованія явился потомъ Петръ. Его направленіе «не было совершенно неправо» [1]), но оно сдѣлалось неправымъ въ своемъ торжествѣ. «Нечего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы (то-есть нравственно-низкія души) бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они могли, такъ-сказать, расплясаться въ русскій постъ: та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и *лучшихъ;* окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ». Такъ произошелъ разрывъ, о которомъ сказано выше. Хомяковъ сравниваетъ этотъ разрывъ съ подобнымъ разрывомъ преданія и личности въ Англіи, съ тою разницей, что у насъ этотъ разрывъ произошелъ вслѣдствіе «историческихъ случайностей», а въ Англіи отъ неполноты и ложности ея духовныхъ законовъ.

Отношеніе воспитаннаго Петромъ общества къ народу Хомяковъ изображаетъ чертами не менѣе рѣзкими, чѣмъ Аксаковъ. «Отрицаніе *всего* русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ ме-

---

[1]) По К. Аксакову, оно было совершенно неправо, потому что было „измѣной“.

лочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни—доходило (въ новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи) до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то страсть, какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежатъ болѣе первому періоду нашей европеизаціи, чѣмъ послѣднему; но послѣдній, при большемъ безстрастіи, заключаетъ въ себѣ большее презрѣніе и полнѣйшее отрицаніе *всего* народнаго»[1]. Это обнаруживается именно въ отверженіи обычая. Значеніе обычая не довольно оцѣнено: «Обычай есть законъ; но онъ отличается отъ закона тѣмъ, что законъ является чѣмъ-то внѣшнимъ, случайно примѣшивающимся къ жизни, а обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, въ совѣсть и мысль всѣхъ его членовъ», и т. д.[2]). Петръ убивалъ обычаи, и мы отвергаемъ и не понимаемъ ихъ.

Такимъ образомъ, «сила жизни» (или сила преданія, обычая) и «разумная сила личности» составляютъ историческое движеніе; достоинство этого движенія опредѣляется отношеніемъ этихъ силъ. Самъ Хомяковъ, при всей наклонности къ преданію, находитъ требованіе личности несовсѣмъ неправымъ, объясняя, что требованіе личности было требованіе разумной мысли, стѣсненной деспотизмомъ обычая и мѣстныхъ стихій. Рядомъ съ этимъ онъ уже готовъ съ обвиненіемъ, что всего скорѣе отрываются отъ преданія «нравственно-низкія души», — хотя вслѣдъ затѣмъ оказывается, что при Петрѣ «доля правды» увлекала и «лучшихъ» людей. Это опять — безконечный споръ о реформѣ.

Но гдѣ же мѣрка отношеній преданія и разума, чѣмъ опредѣляется «доля правды», и какимъ образомъ нашъ разрывъ преданія и разумной мысли совершился вслѣдствіе «историческихъ случайностей»? Никакой случайности не было въ фактѣ реформы, который составляетъ главнѣйшее основаніе этого разрыва. Реформа, безъ сомнѣнія, имѣла свои преувеличенія и непривлекательныя крайности, но «доля правды», въ ней заключавшаяся, была очень значительна: только это и дало успѣхъ дѣлу. К. Аксаковъ прямо понималъ реформу какъ переворотъ, какъ революцію, и это было справедливо. Этотъ характеръ явленія казался Аксакову его осужденіемъ, какъ и Хомякову; но хотя переворотъ, революція не могутъ назваться спокойнымъ развитіемъ

---

[1]) Сочин., I, стр. 152—156.

[2]) Тамъ же, стр. 164.

жизни, они никакъ однако не дѣлаются оттого случайностью и произволомъ лица (какъ Петръ) или общества. Въ теченіе развитія, переворотъ имѣетъ также свое мѣсто, но только какъ быстрый крайній порывъ, вынуждаемый противоположной крайностью и застоемъ предшествующаго періода. Какъ насильственный переворотъ, реформа не обошлась безъ крайностей, но для правильнаго историческаго пониманія явленія надо предположить, что основаніе ихъ было въ свойствахъ быта временъ московскихъ, какъ это дѣйствительно и было. На эту тему уже давно представляемо было немало объясненій. Въ свое время, и сами славянофилы соглашались [1]), что въ обвиненіяхъ противъ реформы многое относилось собственно не къ ней, а къ ея дальнѣйшимъ послѣдствіямъ,—послѣдствія часто были плохи: движеніе, данное Петромъ, замедлилось; дѣятельность послѣдователей была ограничения, посредственна,—и въ этомъ замедленіи и ограниченности не сказывалась ли именно реакція старой умственной лѣни и московскаго застоя?

Особеннымъ, нагляднымъ признакомъ внутренняго разрыва въ русской жизни Хомяковъ считаетъ упадокъ обычая и приводитъ въ образецъ Англію, общественная жизнь которой такъ сильна благодаря этой вѣрности силѣ обычая, «внутренняго закона». Хомяковъ съ прискорбіемъ говоритъ объ «убитыхъ» обычаяхъ, — какъ-будто въ самомъ дѣлѣ петровская реформа была одно безсмысленное истребленіе старыхъ обычаевъ. Обычаи по неизбѣжному закону падали и смѣнялись другими въ теченіе всей исторіи: обычаи язычества смѣнялись обычаями полу-языческими, двоевѣрными, наконецъ, болѣе христіанскими; обычаи патріархальной непосредственности смѣнялись обычаями болѣе сложнаго позднѣйшаго быта; обычаи древнѣйшей Руси смѣнились обычаями московскими, и исторія записала насильственное водвореніе этихъ послѣднихъ въ другихъ краяхъ Руси, — такъ что еще можно было бы спросить, — когда народный обычай потерялъ больше: во времена ли московской централизаціи, или во времена Петра? Обычаи бываютъ разнаго смысла и важности, — обычай самоуправленія важнѣе обычая «березки» на Троицынъ день,—и эпоха московская едва-ли не больше истребила обычаевъ старой народной самобытности и свободы, чѣмъ эпоха Петра. Таково было паденіе обычаевъ вѣчевыхъ, отъ которыхъ земскія думы остались только слабымъ отголоскомъ. Сравненіе съ Англіей въ этомъ случаѣ едва-ли справедливо:

[1]) Статья М... З... К..., въ „Москвитянинѣ“.

Англія сильна была именно тѣмъ, что вмѣстѣ со многими странными бытовыми обычаями, сберегала и обычаи политической свободы, которые и послужили для нея гарантіей противъ деспотизма власти; у насъ, обычаи подобнаго рода исчезли, кажется, совсѣмъ еще до Петра. Противнаго славянофилы еще не доказали [1]). Въ нашей старинѣ Петръ уже нашелъ готовой ту силу центральной власти, которая дала ему возможность исполнять свои планы...

Въ послѣднія десятилѣтія, и съ сороковыхъ годовъ особенно, началось у насъ болѣе внимательное изученіе народности и старины. Это изученіе, развивавшееся естественно и постоянно пріобрѣтавшее больше и больше научной правильности и точности, могло служить пріятнымъ признакомъ сознательнаго обращенія и интереса къ народу. Но Хомякову и это не нравится. «Правда, — говоритъ онъ, — съ нѣкотораго времени многіе стали хлопотать о томъ, чтобы собрать и обнародовать обычаи народные. Такія собранія представятъ для временъ грядущихъ любопытное *печатное кладбище убитыхъ обычаевъ.* Очевидно (?), это ученая прихоть, нисколько не свидѣтельствующая объ уваженіи. Конечно, неуваженіе можетъ оправдываться совершеннымъ невѣдѣніемъ; но, съ другой стороны, совершенное невѣдѣніе не могло бы существовать безъ совершеннаго неуваженія»... [2]) Съ славянофильской точки зрѣнія желалось вѣроятно непосредственное возстановленіе обычая, сантиментальное подчиненіе ему, а не эта этнографическая и историческая критика. Хомяковъ самъ такъ и дѣлалъ; онъ хотѣлъ тотчасъ и непосредственно слиться съ народомъ—соблюденіемъ обычая: онъ, говорятъ, строго соблюдалъ посты, надѣлъ кафтанъ и мурмолку. Не трудно видѣть, что этими средствами Хомяковъ мало помогалъ народному дѣлу...

Въ славянофильской критикѣ современнаго характера нашей образованности, у Хомякова, какъ и другихъ, оставалось неясно одно, весьма существенное обстоятельство. Это—ихъ отношеніе къ оффиціальной народности. Они были недовольны современной образованностью, разрывомъ съ народными началами; но чего собственно они хотѣли? Чѣмъ думали исправить неправившееся имъ отношеніе общества къ народу? Въ чемъ видѣли

---

[1]) Ссылки Хомякова на Англію въ наше время все больше и больше теряютъ силы, потому что и здѣсь сила времени все больше и больше стѣсняетъ область стараго обычая. Такъ, напр., начинаютъ падать исключительные нравы Оксфорда и Кембриджа, которыми Хомяковъ такъ восхищается.

[2]) Стр. 166.

практическую помѣху своимъ желаніямъ? Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что ихъ мнѣній нельзя смѣшивать съ казеннымъ, такъ сказать, патріотизмомъ извѣстнаго разряда писателей и съ оффиціальной народностью, но тѣмъ не менѣе трудно сказать, къ какимъ именно сторонамъ тогдашней жизни относилось ихъ недовольство, и черезъ кого должны были дѣйствовать впредь внушаемыя ими начала. Среди своего недовольства они были въ извѣстнаго рода союзѣ съ писателями «Москвитянина» и въ борьбѣ съ противниками, представлявшими либеральное направленіе, насколько оно было тогда возможно. Ихъ указанія на свою програму оставались слишкомъ общи и неопредѣленны. Въ самыхъ основаніяхъ ихъ теоріи было уже неисполнимое требованіе — отказаться, въ одно прекрасное утро, отъ «разсудочной» образованности и подчинить ее извѣстному догматическому условію. Въ общественномъ вопросѣ было поставлено ими столь же мудреное требованіе—повидимому, нужно было, чтобы общество (или государство?), измѣнившее землѣ, въ одно прекрасное утро, возвратилось къ древнимъ началамъ жизни и основало свое устройство на одной «любви». Когда это начало «любви», какъ основы государства, было проповѣдуемо славянофилами, Хомяковъ кажется серьёзно огорчился, что противники не оказали должнаго вниманія этой идеѣ[1]), и нашли въ ней нѣчто такъ-сказать пастушеское и наивно-мечтательное. Дѣйствительно, нельзя было сказать иного о политической теоріи «любви», «свободы въ единствѣ» и «единства въ свободѣ». Если бы даже согласиться съ тѣмъ, что таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ принципъ древней русской жизни, то онъ уже давно уступилъ свое мѣсто другимъ, менѣе нѣжнымъ политическимъ принципамъ, и въ настоящее время, — какъ это ни прискорбно, — можетъ быть справедливо отнесенъ въ область пасторальной поэзіи. Замѣтимъ, что славянофилы старательно отдѣляли свой принципъ любви отъ того движенія, которое начинало появляться въ нашемъ обществѣ, какъ интересъ къ народному быту и ясная (хотя высказываемая только отдаленными намеками) мысль о необходимости освобожденія крестьянъ. Этотъ интересъ,—который обнаруживался въ противномъ имъ лагерѣ, они считали только модой (какъ начавшееся изученіе народнаго быта ученой прихотью), потому что подозрѣвали въ немъ иностранное происхожденіе, слѣдствіе вліянія западной образованности. Это дѣйствительно не была идиллическая любовь или мистическое чувство, а начинавшееся реальное пони-

---

[1]) Стр. 159 и слѣд.

маніе общественной справедливости и необходимости государственной...

Къ кому же именно должно было относиться это требованіе любви? Повидимому, требованіе обращалось главнымъ образомъ къ обществу, къ образованнымъ классамъ. Но что же могло бы сдѣлать наше общество? Заявить свою любовь къ народу такъ, какъ это дѣлалъ Хомяковъ въ своей «наружности» и «домашнихъ отношеніяхъ»? Противники не сочли этого дѣломъ серьёзнымъ, — и это раздражало Хомякова до неблаговидной брани, (стр. 173), — но къ сожалѣнію нельзя и теперь не видѣть, что сохраненіе внѣшней обрядности и маскарадное переодѣванье нѣсколькихъ лицъ въ русское платье, было бы очень жалкимъ оружіемъ въ пользу народа [1]), — это и хотѣли сказать тѣ «печатныя нападенія» (на мурмолку и кафтанъ), на которыя сердится Хомяковъ. Можно ли было сдѣлать что-нибудь серьёзное подобнымъ средствомъ? Сомнительно. Самое переодѣванье доставалось не совсѣмъ просто.

Противники славянофиловъ, нераздѣлявшіе вовсе ихъ философско-религіозныхъ воззрѣній, столь же мало раздѣляли ихъ общественныя воззрѣнія. Интересъ къ народу былъ у тѣхъ и другихъ; но онъ былъ различенъ по всему своему характеру. Вмѣсто чувства здѣсь преобладала «разсудочная мысль», и эта мысль довольно скоро пришла къ тому понятію, что для удовлетворенія этому интересу должно не отказываться отъ образованности, а расширять ее, не налагать на себя аскетическаго (и безплоднаго) самоотрицанія, а бороться съ тѣми практически дѣйствовавшими условіями, которыя дѣлаютъ состояніе народа приниженнымъ и самый народъ безсильнымъ. Не обольщаясь надеждами на мистическое возрожденіе государства въ смыслѣ древнихъ началъ, они видѣли, что въ государствѣ немыслима пасторальная поэзія и что лучшее будущее возможно только съ измѣненіемъ извѣстныхъ нравовъ и учрежденій, словомъ, съ политическимъ развитіемъ самого общества. Такъ одной изъ ближайшихъ цѣлей было для нихъ освобожденіе крестьянъ, какъ первый шагъ политической самостоятельности. Только при извѣстныхъ учрежденіяхъ, извѣстныхъ общественныхъ правахъ, если угодно, гарантіяхъ, возможно то возвышеніе народа, котораго славянофилы хотѣли достигать проповѣдью чувства. Еслибы когда-нибудь достигнута была цѣль

[1]) Не всѣ и славянофилы могли, напр., переодѣться; это было возможно для людей независимыхъ; но если бы человѣкъ, находящійся на службѣ, явился въ русскомъ платьѣ въ какую-нибудь канцелярію или министерство, его, конечно, просто исключили бы изъ службы, и т. д.

ихъ силы. Не совсѣмъ вѣрно, но очень сильно оно затрогивало чувствительную струну времени. Славянофильское пониманіе народа было преувеличенное, но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно было заслугой; со стороны славянофиловъ было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни, придавать ему такое значеніе, о которомъ не помышляла господствовавшая оффиціальная народность, возвышать и превозносить этотъ «черный» народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, чтó стояло надъ низшими классами, когда считалось, что онъ годится только служить рабочей силой и толпой для парадныхъ празднествъ оффиціальной жизни. Славянофилы указывали обществу его оторванность отъ народа, ничтожество его въ этомъ раздѣленіи отъ истиннаго основанія національной жизни, на необходимость союза, который одинъ дастъ обществу нравственную силу и дастъ его образованію дѣйствительную плодотворность. Славянофилы указывали исторической наукѣ мало тронутую ею задачу — раскрыть внутреннія основы народнаго характера, которыя одни могутъ пролить истинный свѣтъ на историческую судьбу народа и государства.

Эти стороны славянофильскаго ученія составляютъ лучшую и достойную уваженія его заслугу. Его положительныя, догматическія истолкованія народности очень часто были ошибочны,— самое основаніе ихъ системы, теологическій принципъ, поставлено было исключительно и невѣрно; но за этими ошибками осталось сильное нравственное впечатлѣніе, возбужденіе чувства.

Заслуга не была поэтому такъ универсальна, какъ утверждаютъ ихъ послѣдователи и почитатели. Интересъ къ народности — въ различныхъ отношеніяхъ — не былъ исключительной принадлежностью ихъ школы, и издавна развивался въ литературѣ. Славянофилы съ своей стороны усилили его своимъ восторженнымъ чувствомъ, сдѣлали довольно много частныхъ разъясненій,—но вовсе не были такими преобразователями нашей внутренней жизни, какъ имъ самимъ казалось и какъ утверждаютъ ихъ новѣйшіе ученики.

Мы видѣли, въ одной изъ предыдущихъ главъ, что въ исторической и этнографической наукѣ народный интересъ былъ тѣсно связанъ съ предыдущими изученіями и составлялъ ихъ естественное развитіе и продолженіе. Славянофилы работали здѣсь на ряду съ другими, и именно на ряду съ писателями враждебной имъ школы. Въ историческомъ изученіи они имѣли ту заслугу, что

умѣряли исключительность историковъ государственности и немало способствовали объясненію народной стороны историческихъ событій. Но цѣлая историческая теорія ихъ не была, и, вѣроятно, никогда не будетъ принята ни наукой, ни мнѣніями общества. Въ изученіи народнаго быта, старины, народной поэзіи они также сдѣлали многое въ изученіи матеріала и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, но задумавъ примѣнять къ этнографическимъ фактамъ, и напримѣръ къ объясненію древней народной поэзіи, свой методъ идеалистическихъ истолкованій, они впадали въ ошибки, исправлять которыя приходилось ихъ противникамъ, — тѣмъ самымъ, кого они осуждали за подчиненіе «нѣмецкой наукѣ».

Въ литературѣ художественной, движеніе въ смыслѣ народности совершалось опять независимо отъ славянофильства и еще до его возникновенія. Этотъ интересъ къ народному не имѣлъ въ себѣ ничего романтическаго и, напротивъ, отличался несомнѣннымъ стремленіемъ къ реальному изображенію дѣйствительности и тѣмъ пріобрѣлъ, наконецъ, яркій общественный смыслъ. Таковы были произведенія Гоголя. «Ревизоръ», «Повѣсти», «Мертвыя Души» не имѣли въ себѣ тѣни славянофильской тенденціи, и напротивъ, когда Гоголь впослѣдствіи сблизился съ представителями школы и, кажется, съ ея идеями, онъ отрекся отъ своихъ прежнихъ сочиненій. Выше было указано, какъ г. Тургеневъ, писатель вовсе не славянофильской школы, привелъ въ восторгъ К. Аксакова, который только-что успѣлъ произнести надъ нимъ уничтожающій приговоръ. Славянофильскія тенденціи, напротивъ, до сихъ поръ не произвели ни одного писателя, который бы получилъ вліятельное значеніе въ литературѣ, далъ ей новое направленіе и т. п. [1]).

Общественныя воззрѣнія славянофиловъ, въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, высказывались почти только общими заявленіями о ложности нашего образованія и необходимости связи съ народомъ. Въ своей личной жизни они старались объ этой связи, раздѣляли народное благочестіе и входили въ его интересы (споры Хомякова съ раскольниками, благочестіе Ивана Кирѣевскаго), уважали обычаи (Хомяковъ, К. Аксаковъ и др. надѣли народный костюмъ), были горячими поклонниками Москвы (предполагая, что въ ней заключенъ палладіумъ прошедшаго и будущаго Россіи), относились съ величайшимъ уваженіемъ къ

---

[1]) Славянофилы придавали великое, господствующее значеніе произведеніямъ С. Т. Аксакова. Онѣ, конечно, замѣчательно талантливы,—но, посвященныя воспоминаніямъ, имѣютъ свое спеціальное значеніе. До сихъ поръ онѣ и дѣйствительно остаются одинокимъ явленіемъ.

произведеніямъ народной мысли и поэзіи (таковы труды и странствованія Петра Кирѣевскаго для собиранія пѣсенъ); они извѣстны были какъ противники крѣпостного права, съ тѣхъ поръ еще были приверженцами сельской общины, и т. д. Славянофильская тенденція имѣла, безъ сомнѣнія, высокую нравственную цѣну относительно массы общества, какъ стараніе пробудить въ немъ какое-нибудь нравственное сознаніе; она имѣла цѣну и для литературы, для той части общества, гдѣ шло уже извѣстное броженіе понятій, какъ требованіе бóльшаго вниманія къ народному быту, бóльшаго уваженія къ собственнымъ понятіямъ и желаніямъ народа,—на который дѣйствительно всего чаще смотрѣли съ извѣстной долей самодовольнаго снисхожденія,—но дальше и не простиралась здѣсь роль и вліяніе славянофильства. Славянофилы вѣрно указывали на отчужденіе общества отъ народа, но невѣрно объясняли его причины и средства достигнуть сближенія. Наше просвѣщеніе грѣшило не тѣмъ, что ложны были его принципы, а тѣмъ, что оно было слишкомъ ограниченно, и по своему распространенію въ обществѣ, и по объему его содержанія,—и эта ограниченность дѣйствія, конечно, была виной не самогó просвѣщенія, и не общества,—виноваты были просто внѣшнія стѣсненія, отъ которыхъ оно само едва существовало: отсутствіе школъ, удаленіе изъ нихъ народа (особенно крѣпостного крестьянства), по высшимъ соображеніямъ бюрократіи, чрезмѣрная и подозрительная опека. Самобытности просвѣщенія надо было достигать не отверженіемъ этой скудной образованности, а сколько можно бóльшимъ распространеніемъ ея въ массѣ общества; «западнаго» собственно было въ этомъ обществѣ такъ мало, что смѣшно было приписывать ему столь гибельное вліяніе; причина отчужденія отъ народа въ настоящее время лежала не въ просвѣщеніи, а въ бѣдственномъ состояніи массы, подавленной крѣпостнымъ правомъ, и въ политическомъ безсиліи самого общества. По всѣмъ этимъ предметамъ, славянофилы, къ сожалѣнію, распространили много превратныхъ понятій, которыя (особенно въ послѣднее время) пришлись на-руку разнаго рода дешевымъ народолюбцамъ, которымъ очень удобно было прикрывать собственное ничтожество мнимо-народнымъ либерализмомъ. Заблужденіе славянофиловъ обнаруживалось тѣмъ историческимъ фактомъ, что первое нѣсколько серьезное вліяніе образованія въ нашемъ обществѣ именно создавало глубокія сочувствія къ народу, или инстинктивныя или совершенно сознательныя, въ томъ самомъ обществѣ, которое славянофилы считали окончательно погибшимъ подъ игомъ «Запада», и эти сочувствія высказались въ томъ литературномъ лагерѣ, въ

которомъ славянофилы съ своей точки зрѣнія видѣли главнѣйшихъ враговъ «народнаго начала».

Таково было ихъ положеніе въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Они сдѣлали много своимъ возбуждающимъ энтузіазмомъ, но—по нашему мнѣнію—и немало запутали общественныя понятія, чему впрочемъ помогали и невольныя неясности ихъ ученія, которое въ сущности не высказалось до конца и по сію пору.

Намъ остается упомянуть еще одно обстоятельство. До сихъ поръ мы упоминали о той общественной дѣятельности и мнѣніяхъ славянофиловъ, которыя были извѣстны литературнымъ образомъ. Но они пробовали и болѣе практическую дѣятельность, между прочимъ на службѣ, дѣятельность, и теперь мало извѣстную, а тогда тѣмъ менѣе доступную литературѣ и слѣдовательно не входившую въ оцѣнку ихъ мнѣній тогдашними ихъ противниками. Г. Самаринъ работалъ на службѣ въ Остзейскомъ краѣ—въ томъ духѣ, который можно узнать теперь изъ «Окраинъ Россіи»,—потомъ въ Кіевѣ, при Бибиковѣ, гдѣ его занимало введеніе инвентарныхъ правилъ. Г. Ив. Аксаковъ, состоя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, работалъ по дѣламъ раскольничьимъ—въ томъ духѣ, который можно узнать теперь изъ напечатаннаго недавно отрывка его обширной записки о сектѣ странниковъ. Они показали въ этой дѣятельности столько серьёзнаго убѣжденія и такія просвѣщенныя воззрѣнія, что имъ сочувствовали бы и люди, нераздѣлявшіе ихъ образа мыслей.

Но *эти* воззрѣнія были внушены имъ ихъ новымъ образованіемъ, а не тѣми древне-русскими началами, на которыхъ они хотѣли утверждать свой образъ мыслей. На это заблужденіе славянофиловъ, относительно своихъ мнѣній, мы указывали не разъ. Съ другой стороны, они заблуждались, полагая, что ихъ «русскія» мнѣнія могутъ быть приняты въ той сферѣ, къ которой они обращались. Впослѣдствіи, они, кажется, должны были убѣдиться въ этомъ заблужденіи, но своего опыта повидимому не переработали и до сихъ поръ...

Хомяковъ желалъ пропагандировать православіе въ западной Европѣ; г. Самаринъ, въ изданіи его богословскихъ сочиненій, приводитъ благопріятные отзывы иностранной печати о брошюрахъ Хомякова. Переписка съ Пальмеромъ осталась выраженіемъ этой пропаганды... Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, насколько мыслима была эта пропаганда и планы соединенія англиканства съ нашей церковью, мы удовольствуемся также цитатой изъ иностранной печати,—которая выясняетъ мнѣніе ан-

По волѣ этого закона мчатся годы,
Текутъ столѣтія обычной чередой;
Величьемъ блещутъ или пáдаютъ народы,
И непреложенъ тотъ порядокъ вѣковой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, это — странное, смѣшное заблужденье!
Вотъ мнѣ такъ пѣсня старая давно поетъ,
Что все имѣетъ свой предѣлъ и назначенье —
Понятно, стало быть: чтó жило, тó умретъ.
Все отливается въ извѣстной формѣ ломкой,
И чуть неосторожно съ нею обойдись —
Глядишь: разбилась вся, разсыпалась въ обломки!
Зачѣмъ и почему? ужъ ты рѣшать возьмись
Вопросъ туманный. А мое такое мнѣнье,
Что разрѣшить его едва ли сможешь ты!
Вотъ оттого твое безплодное ученье
Смѣшно... и дерзки кажутся твои мечты.
Ну что за надобность искать и домогаться,
Когда пріятно жизнь тебѣ сложилась самому,
Что такъ иль иначе должна она слагаться?
Какая польза знать все это и кому?

ФАУСТЪ.

Меня вопросъ твой, Мефистофель, удивляетъ:
Ужель не понялъ ты, о чемъ мы говоримъ?
Эпоха новая, знай, къ прошлой прилегаетъ,
И мы на твердой почвѣ прошлаго стоимъ.
Не та ли почва древо жизни возращаетъ,
Не та ли почва крѣпость, мощь ему даетъ,
Его безчисленные корни освѣжаетъ?
На ней оно и зеленѣетъ, и цвѣтетъ!
Окинь ты взоромъ всю картину мірозданья:
Гармоньи стройной вся вселенная полна!
Смотри: вездѣ, во всемъ благое сочетанье,
И вся вселенная для насъ сотворена!
Все въ ней живитъ, покоитъ душу, согрѣваетъ;
Всегда природа намъ даетъ благой совѣтъ.

Она какъ будто насъ сама предотвращаетъ
Примѣромъ мудрымъ отъ несчастій и отъ бѣдъ.
Смѣешься ты, зовешь безплоднымъ то ученье,
Что изъ-подъ гнёта дерзкихъ и кичливыхъ думъ,
Изъ мрака ложныхъ и неясныхъ убѣжденій,
Выводитъ на просторъ пытливый, гордый умъ?..
А только тотъ, кто прошлое вполнѣ познáетъ,
И настоящее тотъ можетъ постигать;
Кто твердо, ясно о минувшемъ разсуждаетъ,
Съумѣетъ тотъ и будущее созидать!

Мефистофель.

Ну, признаюся, Фаустъ — ты краснорѣчиво,
И очень трогательно все растолковалъ!
Жалѣю объ одномъ, мой другъ медоточивый,
Что это все давно я отъ другихъ слыхалъ.
Пустые разговоры, времепровожденье—
Я вижу въ нихъ одинъ печальный результатъ...
Подчасъ примѣры эти и нравоученья
Меня, скажу тебѣ по истинѣ, смѣшатъ!
Вглядись во все, что насъ на свѣтѣ окружаетъ,
Чтó было встарину, подумай, чтó теперь:
Ошибка прошлая отъ новой не спасаетъ,
Чужой намъ промахъ не наука—въ томъ повѣрь!
Ну гдѣ ты нравовъ усмотрѣлъ смягченье?
И почерпнулъ ли властелинъ, или народъ
Изъ прошлаго себѣ примѣръ и поученье,
И поступилъ ли съ прошлымъ кто наоборотъ?
Все тотъ же произволъ царитъ повсюду шаткій,
Все той же силѣ случая подвластенъ свѣтъ,
Въ наукѣ вашей все загадки и загадки...
Давно исторія васъ учатъ древнихъ лѣтъ,
А все по прежнему осталися невѣжды:
Исторія не освѣтила темноты...

Фаустъ.

Души моей едва расцвѣтшія надежды
Зачѣмъ безжалостно такъ разбиваешь ты?

Мефистофель.

Э, ничего—надѣйся... я вѣдь не мѣшаю!
Я только доложить хочу тебѣ одно:
Что свѣтъ, каковъ онъ есть, подробнѣе я знаю,
Чѣмъ ты. Переродиться бы ему давно,
Давно пора... Но этого перерожденья
Придется вамъ пожалуй долго ожидать!
Пока богачъ, и въ роскоши, и въ пресыщеньи,
Дарами жизни будетъ злоупотреблять,
Пока отъ чаши полной, круговой, застольной,
Онъ устъ своихъ не въ силахъ будетъ отвести,
То гдѣ-жъ ему благимъ началамъ добровольно
Себя и лѣнь свою на жертву принести?
А сколько власть чарующаго заключаетъ!
Какимъ она роскошнымъ, радужнымъ лучемъ,
И самый здравый умъ, и чувства ослѣпляетъ:
Тутъ гласъ разсудка, ясность мысли ни причемъ!
Кто высоко поставленъ надъ другими,
Къ словамъ благоразумія тотъ, вѣрь мнѣ, глухъ...
И хоры ангеловъ, совѣтами святыми,
Тревожить не способны задремавшій слухъ!
Къ чему дѣянія размѣривать масштабомъ,
Когда и сила, и могущество въ рукахъ?
Пусть тяготѣетъ мощь надъ беззащитнымъ, слабымъ...
Пусть этотъ слабый разбивается хоть впрахъ!
И такъ велико власти этой обаянье,
Что мыслятъ всѣ: и быть иначе не должно!

Фаустъ.

А что же будетъ, если подгніетъ все зданье,
Да если невзначай вдругъ рухнется оно?

Мефистофель.

Ну что-жъ изъ этого?! поднимутъ шумъ и крики,
Объ истинѣ, о правдѣ рѣчи поведутъ...
Восторженною радостью заблещутъ лики,

Мечтать о будущемъ возвышенно начнутъ.
Проекты, планы будутъ созидаться,
А между тѣмъ... старье, въ блестящей мишурѣ,
Къ господству новому... легонько пробираться
Начнетъ по прежней и завѣтной колеѣ!
А тамъ, что яркою звѣздою путеводной
Считали, то блудящимъ огонькомъ сочтутъ...
И въ новомъ словѣ—плевелы, посѣвъ негодный
Приверженцы преданій старины найдутъ!—
И вотъ все такъ-то свѣтъ, какъ мельница, вертится;
Добру при этомъ трудно, трудно созрѣвать...
И если силѣ ты дерзнешь не подчиниться,
Зафилософствуешь,—дадутъ совѣтъ молчать!

Е. Щ—ина.

ШУСТЁНОКЪ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Мы, жители столицъ, благодаря своему многолюдству и дѣятельности городской полиціи, не имѣемъ и понятія о той опасности, которая ежеминутно грозитъ и лицу и имуществу въ отдаленныхъ селахъ и даже городахъ, не только уѣздныхъ, но иногда и губернскихъ. «Въ отдѣлѣ внутренней почты—такъ говорили еще на-дняхъ «Московскія Вѣдомости»—читатели найдутъ извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода такого-же печальнаго характера, какъ и извѣстія изъ многихъ провинціальныхъ городовъ Россійской имперіи. Рѣчь идетъ о нестерпимомъ разгулѣ лихихъ людей, о воровствахъ, грабежахъ и разбояхъ, совершаемыхъ во множествѣ и съ дерзостью поразительной, совершаемыхъ чуть не на глазахъ народа, среди бѣла дня. Намъ пишутъ объ этомъ изъ такого значительнаго центра, какъ Нижній-Новгородъ; еще горчайшія жалобы слышались за послѣднее время въ печати изъ меньшихъ городовъ, Ельца, напримѣръ, Гжатска и др. Одинъ изъ гжатскихъ корреспондентовъ съ того и начинаетъ, что «Гжатскъ находится *въ осадѣ* у воровъ и мошенниковъ». Размѣры зла—заключаетъ газета — заставляютъ обратить на него серьёзное вниманіе и задуматься о мѣрахъ къ борьбѣ съ нимъ, о мѣрахъ къ его возможному прекращенію. Неужели и предъ этимъ зломъ мы окажемся также беззащитными и безсильными, какъ «отсиживаемся», говоря древнимъ лѣтописнымъ выраженіемъ, отъ холеры, пожаровъ, сибирской язвы и прочихъ золъ? Но вѣдь на бездѣятельность и слабость полиціи едва-ли можно

смотрѣть только какъ на испытаніе, посылаемое свыше, а въ недостаткахъ администраціи и ея упущеніяхъ видѣть одно «попущеніе Божіе?»

Все это справедливо, но нельзя всего ожидать отъ дѣятельности и силы полиціи; нужно также изучить самое зло, такъ сказать, въ лицахъ, и съ этою цѣлью мы взялись за настоящій разсказъ о разбояхъ въ Холмскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ, а эти разбои, — пользуемся выраженіемъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей» — держали цѣлые уѣзды въ осадномъ положеніи съ 1856 до конца 1864 года. Случай доставилъ намъ возможность лично ознакомиться съ условіями мѣстной жизни пострадавшихъ уѣздовъ, и кромѣ того мы воспользовались богатымъ матеріаломъ, какой представили намъ рукописныя воспоминанія И. А. Волкова, чрезъ руки котораго прошли пойманные разбойники.

I.

Въ Холмскомъ уѣздѣ и до сихъ-поръ живетъ ужасная память о томъ, какъ безнаказанно, въ теченіе слишкомъ семи лѣтъ прогуливались по селамъ и городамъ неуловимые Шустёновъ, Степа и Слизкой; о ихъ посѣщеніи можно было узнавать только по кровавымъ слѣдамъ ихъ подвиговъ. Послѣдній изъ нихъ былъ такъ и прозванъ «слизкимъ» за свою удивительную для народа способность ускользать изъ-подъ ареста; сотскіе-крестьяне и полицейскіе чиновники увѣряютъ, что Слизкой былъ до двѣнадцати разъ пойманъ, и каждый разъ благополучно уходилъ. Случалось, что сотскіе, скрутивъ его крѣпко-на-крѣпко веревками, съ угрозами и насмѣшками надъ видимымъ безсиліемъ Слизкого, приводили его въ станъ, сдавали лично становому, тотъ лично запиралъ его въ арестантскую каморку и обставлялъ земскимъ карауломъ, — и все-таки поймавшіе его крестьяне не успѣвали отойти отъ становой квартиры десяти верстъ, какъ ужъ изъ лѣса свисталъ имъ обгонявшій ихъ Слизкой, съ угрозою сжечь деревню своихъ недоброжелателей. Случалось, что угроза этого злодѣя не была одними словами; несчастные крестьяне платились стогами сѣна, ржи и домами, потому что Слизкой нисколько не стѣснялся «подпускать подъ нихъ краснаго пѣтуха». У Слизкого была шайка, которая съ поимкою ихъ атамана разсѣялась и ушла частью въ Сибирь. Спаслись немногіе, и между ними Степа, набравшій вновь шайку.

Степа былъ въ полномъ смыслѣ слова атлетъ. Аршинъ около трехъ роста, могучъ и плечистъ, онъ въ состояніи былъ остановить любую пару лошадей съ экипажемъ, лишь-бы удалось ухватить послѣдній хоть за что-нибудь. Въ шайкѣ его, имѣвшей притоны по большой старорусской дорогѣ въ Холмъ, въ лѣсу и деревняхъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ Шустовъ Егоръ, называемый народомъ просто «Шустёнокъ». Существенная разница въ ихъ характерахъ опредѣлялась—въ Степѣ какимъ-то инстинктивнымъ чувствомъ сострадавія къ бѣднымъ людимъ, которыхъ онъ не только не обижалъ, но напротивъ, самъ проводилъ лѣсомъ верстъ по шести, давалъ денегъ, и отпуская говорилъ, что Степы молъ бояться не слѣдуетъ. Но Шустёнокъ отличался одинаковой ко всѣмъ жестокостью. Изъ безчисленныхъ разсказовъ о великодушныхъ поступкахъ Степы, для примѣра можно привести одинъ случай съ бѣдной старухой, холмской мѣщанкой. Въ небольшомъ перелѣскѣ передъ Поддорьемъ, старуху застигли сумерки. Перетрусившись и безъ того отъ ожидавшей на каждомъ шагу встрѣчи съ разбойниками, она, потерявъ присутствіе духа, спѣшила, удвоивъ шаги, добраться скорѣе до первой деревни. Полная страха, она не видала даже, что её догонялъ какой-то купецъ и подойдя къ ней ласково спросилъ: далеко-ль Богъ несетъ?

— Далеко, батюшка, далеко... въ самый дкно Холомъ... отвѣтила старуха, обрадовавшись, что случился попутчикъ.—А вы далеко-ль?

— Я въ Поддорье... Не спѣши, старушка, пойдемъ вмѣстѣ; вмѣстѣ веселѣе...

— А та батюшка!.. Какъ можно? Ночь на носу, а тутъ дѣло стало такое—лѣсъ!.. Не равёнъ часъ... Дай Богъ въ часъ сказать, а въ худой помолчать... Вѣдь тутъ этотъ разбойникъ-то ходитъ, Степанъ-то... Съисть укоемный!..

— А ты боишься Степана-то?—спросилъ купецъ, посмотрѣвъ съ любопытствомъ на старуху.

— А поди ты не боишься? Какъ его, этакого душегуба, и не бояться... Останную адежёнку доймётъ.

— Ну, не бойся!.. успокоительно ободрилъ ее купецъ.—Ну, что, какъ у васъ въ Холму?.. Купцы-то поди все богачи?..

— Есть батюшка и богачи, есть и бѣдныхъ много... бѣдныхъ-то больше...

— А у тебя есть-ли тамъ домишка, аль такъ въ бобылькахъ?..

— Нѣту родный... одна, вотъ, какъ перстъ... Былъ сынокъ, да лѣтось поѣхалъ въ Питеръ на баркахъ Боборыкинскихъ —

утонулъ сердешный... Купцу показалось, что будто-бы старуха прослезилась.

— Такъ, значитъ, теперь по бѣдности и живешь?... спросилъ онъ.

— Да, родный... Вотъ покуль силы-то хватаетъ, такъ лѣтомъ хожу полоть по купцамъ, а зимой хожу шерсть чешу, да пряжу тку; такъ вотъ и питаюсь.

Заболтавшись путники не замѣтили, какъ вышли изъ лѣса; въ полверстѣ зачернѣлась деревня и кое-гдѣ въ окнахъ сверкнулъ огонь.

— Ну, бабушка, иди съ Богомъ... На-ко возьми на дорогу... Ты странный человѣкъ,—проговорилъ купецъ, подавая старухѣ десятирублевую бумажку.

— Не надо родный!.. Не надо... Не за-что... отнѣкивалась старуха, но купецъ уже былъ за канавой и уходя въ лѣсъ кричалъ ей:

— Возьми, возьми старушка себѣ, — это тебѣ отъ Степы... знай, что Степа не такой душегубъ, чтобъ его бояться всякому... Ежели еще когда Богъ приведетъ встрѣчу, еще не пожалѣю... прощай!.. И съ послѣдними словами Степа скрылся во мракѣ лѣса, оставивъ старуху съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія. Въ каждой деревнѣ старуха разсказывала всѣмъ встрѣчнымъ о щедрости Степы, но въ Холму долго боялась разсказывать, боясь, чтобы отъ ней не потребовалъ Степина подарка исправникъ.

Но съ людьми состоятельными Степа не былъ такъ великодушенъ. Смотря по состоянію попавшагося въ его лапы субъекта, онъ или кругомъ обиралъ его, или оставлялъ столько, сколько считалъ необходимымъ оставить ему на путевыя издержки. Главная система вымогать деньги отъ богатыхъ обывателей той мѣстности, гдѣ ему вздумается на время поселиться, были письма съ требованіемъ выслать извѣстную сумму денегъ на назначенное мѣсто, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, сжечь не только домъ и все имущество намѣченной имъ жертвы, но превратить въ пепелъ цѣлое селеніе. Угрозы эти, также какъ и угрозы Сливкого, не были обыкновеннымъ застращиваньемъ; нѣсколько богатыхъ деревень, множество скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, преданныхъ пламени, и убиваніе лучшихъ лошадей, принадлежавшихъ лицамъ, не исполнившимъ его требованій, — были осязательнымъ доказательствомъ того, что Степа не любилъ шутокъ. Этой звѣрской системой онъ навелъ страшную панику на всю мѣстность, отъ Ефремова до Холма, на пространствѣ шестидесяти верстъ во всѣ стороны отъ большой дороги. Пощада была обѣщана

только тѣмъ деревнямъ, гдѣ онъ думалъ встрѣтить для себя и своей шайки, состоявшей человѣкъ изъ шести-семи, не болѣе, гостепріимный кровъ, и если замѣчалъ малѣйшій признакъ измѣны, мстилъ безпощадно. Это тяжелое положеніе столь ужасной зависимости трехъ-четырехъ волостей отъ разбойника, конечно, не могло оставаться долго терпимо, и между крестьянами стали появляться смѣлые голоса, призывавшіе къ сверженію съ себя разбойницкаго ига. Но у Степы повсемѣстно были свои агенты, которые служили его интересамъ не столько изъ солидарности ихъ убѣжденій съ нимъ, сколько тоже изъ страха потерять все свое достояніе. Благодаря этой системѣ и тому, что обѣ полиціи, старорусская и холмская почему-то благодушно относились къ дѣятельности Степы, видя въ ней только одни шалости, ужасный образъ Степы выросъ въ такого исполина, что именемъ его матери стращали расплакавшихся дѣтей и о похожденіяхъ Степы сложились цѣлыя легенды. Въ лѣсахъ — недалеко отъ большой дороги, часто въ ночное время пылали костры и передъ ними, съ заряженными ружьями, въ дубленыхъ полушубкахъ на разостланныхъ синихъ армякахъ, валялись пьяныя фигуры, зачерпывая прямо изъ боченка чайной чашкой водку и обнося ею другъ друга. Всѣ придорожные кабаки были ихъ всегдашними отелями, и каждый содержатель этихъ отелей былъ непремѣнно агентъ Степы, обязанный развѣдывать и разнюхивать у всякаго проѣзжаго о настроеніи земскихъ властей. Если приносилась вѣсть, обѣщающая какую-нибудь опасность отъ Старой Русы, Степа немедленно перебирался съ друзьями за-границу уѣзда въ Холмскій уѣздъ; если придетъ какая-нибудь непріятная новость въ Новички (дерев. въ 13 вер. отъ Холма), Степа удалялся въ Старорусскій уѣздъ. Такимъ образомъ гулялъ Степа изъ уѣзда въ уѣздъ не одинъ годъ, наводя ужасъ своимъ приближеніемъ на придорожныхъ жителей; но, наконецъ, вывелъ-таки онъ угнетенныхъ крестьянъ изъ долготерпѣнія и порѣшили они, во чтобы то ни стало, живого или мертваго, а непремѣнно доставить его въ судъ. Случай представился скоро; но не скоро могли рѣшиться и найтись смѣльчаки на столь опасное предпріятіе. Степа съ друзьями нерѣдко открыто приходилъ въ излюбленныя имъ деревни, пьянствовалъ съ крестьянами, шутилъ съ бабами и дѣвками и, какъ грубая сила, необузданная никакими приличіями и законами, позволилъ себѣ пошутить слишкомъ обидно съ какою-то красавицей въ присутствіи ея обожателя. Обожатель-крестьянинъ, проглотивъ обиду, затаилъ ее глубоко въ душѣ, давъ слово себѣ отмстить своему обидчику, да такъ, чтобы онъ

уже второй разъ не могъ не только обидѣть его, даже не могъ подумать о мести. Этотъ рѣшительный парень, не жалѣя денегъ, поилъ своихъ друзей, строилъ планы, какъ предать Степу въ руки правосудія, но ничего подходящаго не выходило, потому что Степа былъ несравненно умнѣе и сообразительнѣе ихъ всѣхъ. Видя, что планы взять врага хитростью трудно-выполнимы, онъ сталъ выжидать случая, и на счастье случай этотъ далъ возможность крестьянамъ доставить Степу въ Старую Русу почти при послѣднемъ издыханіи.

Въ отсутствіи Шустенка, Степа, съ прочими молодцами своей шайки, до того запьянствовался, что не слыхалъ, какъ подкрались къ нему мстители съ тяжелыми желѣзными шкворнями. Дѣло случилось въ лѣсу; по обыкновенію былъ разложенъ огонь, шайка, напившись до пьяна, ревѣла во все горло пѣсни; Степа, сидя на армякѣ, едва шевелившимся языкомъ хвалился своею силою. Вдругъ внезапно раздается крикъ десятка голосовъ, и Степа падаетъ, пораженный по шеѣ тяжелымъ желѣзнымъ шкворнемъ. Трусливые сподвижники его, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ, а главное, видя, въ столь неловкомъ положеніи своего предводителя, бросились въ разныя стороны, оставивъ его одного. Степа сгоряча попытался вскочить, размахнуться своими исполинскими кулаками,—но новый ударъ по тому же мѣсту сломилъ его самонадѣянность. Мстители били его сколько хотѣли, связали, уложили въ телѣгу и повезли въ городъ. Какъ на заморскаго звѣря сбѣгался народъ со всѣхъ ближайшихъ къ дорогѣ деревень посмотрѣть на обезоруженнаго злодѣя; но Стена, съ разбитой головой, едва живой, но все-таки гордый сознаніемъ своей прошлой силы надъ этимъ безгласнымъ и тупымъ любопытствующимъ народомъ, не уронилъ своего достоинства; онъ не испустилъ ни одного стона отъ боли и не вымолвилъ ни одного слова о своей пощадѣ...

Чрезъ нѣсколько времени, послѣ столь трагической развязки Степы со своею свободой, была переловлена и вся его шайка, а въ томъ числѣ и Шустенокъ.

Шустенокъ былъ изъ крестьянъ Старорусскаго уѣзда, деревни Перегина, расположенной на Ловати. Въ 1856-мъ году онъ уличенъ былъ судомъ въ пристанодержательствѣ своего закадычнаго друга Степы, и за это былъ сданъ въ солдаты... Но немного наслужилъ молодой солдатъ; ему крѣпко полюбилась жизнь вольная, жизнь Степы съ его товарищами, только не везло Шустенку на этотъ разъ; черезъ двѣ или три недѣли его поймали, избили палками и отправили на службу въ Кострому, въ бата-

льонъ внутренней стражи, впослѣдствіи переименованный въ губернскую воинскую команду. Но могъ ли этотъ внутренній стражъ быть вѣрнымъ и преданнымъ воиномъ, живя въ подневолѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ дисциплиной и видя на каждомъ шагу неисчислимое множество вокругъ себя начальническихъ лицъ?.. И вспомнилась Шустенку жизнь вольная да разгульная въ холмскихъ лѣсахъ; вспомнился богатырь Степанъ, часто видится Перегино, а въ Перегинѣ молодуха-жена... И задумался Егоръ, тосковать началъ, да съ тоски махнулъ рукой на солдатскій бытъ, а чрезъ мѣсяцъ ужъ услыхали его голосъ въ старорусскихъ и холмскихъ лѣсахъ въ подмастерьяхъ у дюжаго Степы. Но опять не долго пришлось пожить ему на волѣ; когда оплошавшій Степа попался, — не спустили и Шустенку; наткнулся снова онъ на полицію; и на этотъ разъ уже не отправляли его на службу, а прямо, безъ всякихъ разговоровъ, порѣшили Шустенка на каторгу.

Не особенно струсилъ Шустенокъ и этого рѣшенія. Отправленный изъ новгородскаго острога въ апрѣлѣ 1864 года съ партіею пересыльныхъ арестантовъ на мѣсто ссылки, онъ сошелся дорогою съ нѣкоторыми польскими инсургентами, слѣдовавшими въ Сибирь и выучась болтать кое-что по-польски, успѣлъ обмануть бдительность своихъ конвойныхъ настолько, что они принимали и его за политическаго преступника, а не за уголовнаго. Такъ дошли они до Нижняго-Новгорода. Здѣсь тюрьма была уже переполнена ссыльными, такъ какъ время былое самое тяжелое для тюремъ, стоящихъ на пути къ Сибири; это — былъ годъ едвали не самой усиленной пересылки на поселеніе польскихъ инсургентовъ. Для партіи Шустенка не нашлось мѣста въ острогѣ, и начальство распорядилось всѣхъ, вновь прибывающихъ политическихъ ссыльныхъ, помѣщать на время въ наскоро-устроенныхъ досчатыхъ баракахъ. Шустенокъ, принятый, благодаря его ловкости, за политическаго преступника, былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ другими въ досчатый баракъ. Къ тому же фигура Шустенка, маленькая, тщедушная, не представляла ничего внушительнаго, и на него смотрѣли многіе, какъ на угнетенную невинность, неспособную ни на какой рѣшительный шагъ. А между тѣмъ, въ безпокойной головѣ каторжника зрѣлъ дерзкій планъ побѣга и дѣло останавливалось только за тѣмъ, что одному ему не хотѣлось бѣжать. Всматриваясь въ товарищей по заключенію, обмѣниваясь кое-какими мыслями съ ними, онъ случайно наткнулся на земляка, бывшаго повѣреннаго по откупамъ, осташковскаго мѣщанина, сосѣда по уѣзду, Ивана Васильева Тиха-

нова. Тихановъ — извѣстный мошенникъ, надоѣвшій Осташковскому, Демянскому и Старорусскому уѣздамъ своими плутовскими продѣлками, шелъ на поселеніе. Это былъ мужчина лѣтъ двадцати-шести, высокаго роста, брюнетъ, хорошо дрессированный жизненною практикой на службѣ откупамъ, и субъектъ съ силою воли. Шустенокъ, познакомясь съ нимъ покороче, не могъ не остановить на немъ своего вниманія и, послѣ недолгихъ переговоровъ, подговорилъ его къ побѣгу. Въ одну темную ночь, они выломали въ барачной стѣнѣ доску и исчезли...

Какъ они ушли, гдѣ пробирались, что терпѣли дорогою и какъ попали опять въ Перегино и въ холмскіе лѣса, мы предоставимъ разсказать объ этомъ ниже самому Шустенку, а теперь обратимся прямо къ послѣдствіямъ ихъ побѣга.

Въ началѣ іюля 1864 года, распространился въ Холмѣ и его окрестностяхъ слухъ, что Шустенокъ съ какимъ-то товарищемъ опять появился въ этихъ краяхъ; многіе увѣряли, что онъ опять гуляетъ со Степой, и что Степа, будто-бы, вопреки оффиціальнымъ извѣстіямъ, остался живъ и невредимъ, а вмѣсто его былъ схваченъ, избитъ и представленъ по ошибкѣ кто-то другой. Конечно, этотъ послѣдній слухъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ пущенъ, можетъ быть, тайными клевретами же разбойниковъ и достигъ той цѣли, которая могла имѣться въ виду у его распространителей. Купцы, крестьяне и все прочее населеніе, имѣющее нужду въ постоянномъ сообщеніи съ Русою, повѣсили головы. Изъ Холма никто не рисковалъ ѣхать въ одиночку по старорусской дорогѣ за двадцать верстъ; каждый старался запастись спутникомъ, такъ какъ слухи о «шалостяхъ» разбойниковъ день-ото-дня все повторялись и оправдывались фактическими свидѣтельствами. Въ деревняхъ стали повторяться часто пожары, во многихъ деревняхъ у зажиточныхъ крестьянъ оказались чуть не каждую ночь поломы въ анбарахъ; на дорогѣ не только одинокому, даже двумъ-тремъ путникамъ нельзя было ручаться, чтобы на нихъ не выставились откуда-нибудь изъ-за пня пара двухстволокъ; а тутъ наступилъ сентябрь съ темными и длинными вечерами, и затѣмъ посыпались со всѣхъ сторонъ въ Холмъ подметныя письма съ четкими адресами на имя богатыхъ купцовъ, отъ которыхъ разбойники требовали денегъ, предлагая выносить ихъ къ извѣстнымъ мѣстамъ, съ угрозою за ослушаніе или, въ крайнемъ случаѣ, за наблюденіе за имѣющими придти взять эти деньги, — сжечь до тла не только всѣ дома и постройки упрямыхъ или

любопытныхъ въ городѣ,—даже принадлежащій имъ лѣсъ, заготовленные костры дровъ, стоги и анбары съ сѣномъ на пустошахъ.

При такомъ, крайне натянутомъ, настроеніи мѣстнаго населенія, холмской полиціи предстояло отличиться не на шутку; но на бѣду холмскихъ жителей, въ это самое время у нихъ не было исправника, слѣдовательно уѣздъ оставался, такъ сказать, безъ надлежащаго хозяина. Это обстоятельство еще болѣе озадачивало туземцевъ; нѣкоторые изъ нихъ желали бы предъявить имѣвшіяся у нихъ письма отъ разбойниковъ, которыми послѣдніе требовали отъ состоятельныхъ купцовъ денегъ. Но на счастье уѣзда, тогдашній псковскій губернаторъ, графъ Паленъ, нынѣшній министръ юстиціи, поручилъ временное исправленіе должности холмскаго исправника одному изъ своихъ чиновниковъ, И. А. Волкову, и дѣло о разбойникахъ приняло болѣе положительный оборотъ. Первый толчокъ къ преслѣдованію Шустенка съ Тихановымъ или Соколовымъ, — подъ этимъ псевдонимомъ скрывался авторъ посланій къ холмичамъ, Тихановъ—былъ данъ холмскимъ купцомъ П. С. Челпановымъ.

Челпановъ, получивъ 7-го сентября, вечеромъ, записку, доставленную ему какимъ-то незнакомымъ крестьяниномъ, назвавшимся Михаиломъ изъ Медова (пригородное село), вначалѣ не обратилъ на нее вниманія, такъ какъ ее подали ему на берегу, гдѣ онъ съ дѣтьми отъ нечего дѣлать «сумерничалъ». Придя домой и развернувъ ее не спѣша, въ мысляхъ, что записка отъ кого-нибудь по обыкновенному въ Холму дровяному дѣлу, онъ былъ пораженъ, увидя весь ужасъ, которымъ стращаютъ его разбойники, если онъ не вынесетъ имъ 50 рублей въ лѣсъ, къ деревнѣ Новичкамъ, непремѣнно 8-го числа. На другой день, рано утромъ, Челпановъ поспѣшилъ съ запискою къ И. А. Волкову, разсказалъ когда и кѣмъ доставлена ему записка и просилъ совѣта, что ему дѣлать?... Записка категорически увѣряла, что «если онъ, Челпановъ, не вынесетъ на перелѣсокъ къ Новичкамъ, 8-го числа, требуемой суммы, то они, Шустовъ и Соколовъ (Тихановъ тожъ), сожгутъ все его сѣно на пустошѣ Ивановкѣ и что ему не будетъ никуда свободнаго проѣзда».

И. А. Волковъ, прочитавъ эту любезную записку и принявъ въ соображеніе уже широко развившуюся дѣятельность столь популярныхъ въ Холму бродягъ, рѣшился, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно же принять мѣры къ поимкѣ злодѣевъ. Нужно было отыскать въ Холму честнаго, ловкаго и знающаго разбойниковъ человѣка, и конечно, за этимъ дѣло не стало, такъ какъ рѣдкій холмичъ, часто ходившій и ѣздившій по старо-

русской дорогѣ, не встрѣчалъ ихъ, или не выслушивалъ сотни разъ описанія ихъ наружности. Роль такого чичероне возложили на холмскаго мѣщанина Никандра Осипова Шеляпина, который уже неоднократно встрѣчался и бесѣдовалъ съ ними, и какъ человѣкъ небогатый, не могъ представлять для Шустенка лакомаго блюда. Шеляпинъ поѣхалъ въ Новички верхомъ, въ половинѣ пятаго вечера, а И. А. Волковъ, съ 20-ю солдатами и ихъ начальникомъ г. Бодашковымъ, отправились часомъ позже. Какъ увидимъ изъ послѣдующаго разсказа, присутствіе военной команды было мѣрою, вынужденной настроеніемъ въ народѣ,—особенно въ тѣхъ деревняхъ, которыхъ держались разбойники,—не выдавать бродягъ, изъ опасенія, чтобы они, въ случаѣ освобожденія ихъ или побѣга, не отмстили имъ пожаромъ или даже и чѣмъ-нибудь худшимъ.

Первыя извѣстія, полученныя отъ Шеляпина, по дорогѣ къ Новичкамъ, были довольно утѣшительны; поимщики узнали отъ него, что Шустенокъ и Соколовъ, съ двумя холмскими мѣщанами, Дьяконовымъ и Примакинымъ, съ сыномъ содержателя постоялаго двора—на 9-й верстѣ отъ Холма и съ крестьяниномъ дер. Новичковъ, Никандромъ Семеновымъ, пьянствуютъ за этимъ дворомъ въ гумнѣ. Немедленно же сдѣлано было распоряженіе, чтобы за версту до постоялаго двора всѣмъ сойти съ лошадей и тихою поступью, осторожно пробраться къ мѣсту пиршества разбойниковъ. Не успѣли выполнить этого распоряженія, какъ на дорогѣ показались собутыльники Шустенка, Дьяконовъ и Примакинъ, которые, конечно, не могли не понять, зачѣмъ тутъ чиновникъ, солдаты и ихъ командиръ. Однако и они не посмѣли сказать, что не видѣли на постояломъ дворѣ разбойниковъ; повторивъ все то, что поимщики уже знали изъ словъ Шеляпина, они увѣряли, что Шустенокъ и Соколовъ уже съ часъ назадъ ушли или въ лѣсъ, или въ Новички, но положительно куда—не знаютъ; знаютъ только, что ихъ уже нѣтъ на постояломъ дворѣ. Тихо, какъ тѣни, пробираясь мимо постоялаго двора въ разсыпную, поимщики услышали вдали лай собаки, на лай послѣдовалъ легкій свистъ изъ окна постоялаго двора, и они не могли не замѣтить, что свисталъ въ отворенное окно сынъ хозяина Антипъ, высунувъ голову въ форточку. Этотъ свистъ и лай, производя значительный шумъ, оглашавшій всю окрестность, являлись существеннымъ препятствіемъ къ наблюденію за разбойниками, которые, какъ показали послѣдствія, въ это же самое время пробирались лѣсомъ къ ночлегу. За постоялымъ дворомъ, обождавъ лошадей и усѣвшись на повозки, всѣ снова поѣхали въ

Новички. Въ Новичкахъ былъ сдѣланъ осмотръ во всѣхъ гумнахъ, сараяхъ, стогахъ и баняхъ съ такою осторожностью и тишиною, что даже не проснулась ни одна собака; затѣмъ, окруживъ конвоемъ домъ Никандра Семенова, произвели въ немъ самый строгій осмотръ; но ни Шустенка, ни Соколова не оказалось.

Послѣ неудачнаго обыска, былъ не менѣе неудаченъ и допросъ. Вся семья твердила въ одно слово, что не только никогда не принимала у себя Шустенка и Соколова,—даже и не слыхивала о нихъ. Подъ шумокъ, во время спроса жены и тещи Никандра Семенова,—конвойные схватили сына его, свѣсившагося за окно, чтобы выскочить на улицу, и какъ объяснилось дѣло, намѣревавшагося, по приказанію отца, сбѣгать къ сосѣду извѣстить его объ угрожавшемъ обыскѣ. Задержавъ на всякій случай подъ арестомъ Семенова, поимщики пошли къ сосѣду, но и здѣсь была та же неудача. Сосѣдъ Семенова, Матвѣй Григорьевъ, видимо струсившій, на допросѣ, отзываясь незнаніемъ Шустенка, между прочимъ, проговаривался, что «это все повадки Никашкины»... Въ задней избѣ его былъ найденъ еще теплый самоваръ, неубранныя чашки и опорожненный полуштофъ; когда на нихъ было обращено вниманіе, то Григорьевъ вдругъ заговорилъ грубо и отрывисто, что онъ ничего не знаетъ и о повадкахъ Никашкиныхъ ничего не говорилъ. Вообще по нравственному настроенію всѣхъ этихъ лицъ было видно, что они и хотѣли бы сказать правду, но чувствовали, что сами подвергались бы за нее жестокой мести разбойниковъ, непопавшихъ еще въ руки правосудія. По заарестованіи Григорьева, всѣ отправились къ третьему сосѣду, Ивану Артемьеву...

Изъ всѣхъ трехъ жителей деревни Новичковъ — Артемьевъ оказался сговорчивѣе всѣхъ; ему, повидимому, надоѣла игра съ Шустенкомъ, отъ посѣщеній котораго онъ не предвидѣлъ въ близкомъ будущемъ для своей деревни ничего утѣшительнаго. Чтобы разомъ положить конецъ всѣмъ непріятностямъ, онъ рѣшился разсказать все, что зналъ о разбойникахъ, и показаніями его вполнѣ подтвердилось предположеніе, что Шустенокъ и Соколовъ въ Новичкахъ—свои люди. Болѣе другихъ былъ близокъ съ разбойниками Никандръ Семеновъ, который съ 7-го сентября безпросыпно пьянствовалъ съ ними, принималъ въ своемъ домѣ во всякое время, угощалъ какъ лучшихъ гостей и вообще давалъ у себя имъ полнѣйшую свободу дѣйствій. Разбойники до такой степени акклиматизировались въ Новичкахъ, что шли туда какъ домой, и не считали за преступленіе стрѣлять изъ своихъ двух-

данными, которыя удалось добыть И. А. Волкову въ этотъ вечеръ посредствомъ слѣдующихъ допросовъ арестованныхъ крестьянъ.

Утромъ 6-го сентября, — показывали крестьяне, — въ деревню Новички явились Шустенокъ и Соколовъ къ Никандру Семенову, какъ къ прежнему знакомому Шустенка. Встрѣча была веселая, и Никандръ, припоминая прошлое удалое житье-бытье Степы съ Шустовымъ, предложилъ разбойникамъ хлѣбъ-соль. Какъ водится у русскихъ хлѣбосоловъ, явилась за столомъ водка, за водкой откровенная бесѣда, изъ которой всѣ увидѣли ясно, что имѣютъ дѣло съ бѣглымъ каторжникомъ и ссыльнымъ. Угостившись въ Новичкахъ, разбойники, вмѣстѣ съ Семеновымъ, пожелали навѣстить прежнія ухожья, побывать въ ближайшихъ окрестностяхъ Холма, но на дорогѣ встрѣтили Антипа Кузьмина, сына содержателя постоялаго двора въ Чекуновѣ, и дальше не пошли. Антипъ затащилъ всѣхъ къ себѣ, угостилъ чайкомъ и съѣздилъ въ городъ за наливкой. Началось пьянство, и, въ пылу похвалокъ своими подвигами, Шустенокъ подалъ мысль, что недурно бы было потребовать съ кого-нибудь въ Холму контрибуцію, за право свободнаго проѣзда холмскихъ жителей по старорусской дорогѣ. А такъ какъ мысль эта была уже не новая и польза испытывалась отъ ея осуществленія множество разъ, то, конечно, нельзя было и ожидать отъ кого-нибудь протеста; Антипка даже подслужился: добылъ изъ божницы бумагу и карандашъ—и письма, подъ редакціей отставного откупного повѣреннаго Тиханова, а въ лѣсной жизни—Соколова, были готовы. Послать письмо къ Томилину догадался самъ Шустенокъ, знавшій чуть не весь Холмъ, а къ Челпанову—надоумилъ обратиться Антипъ, причемъ, на случай неисполненія требованія Челпановымъ, обѣщалъ указать ближайшую тропинку къ его стогамъ... Отправивъ письма, друзья пошли ночевать въ Новички, и, не безпокоя сонныхъ обывателей, устроили себѣ ночлегъ въ лѣсу, въ одонкѣ сѣна. Утромъ, они явились на приглашенный завтракъ къ сосѣду Семенова, Матвѣю Григорьеву, а отъ этого—осчастливили своимъ посѣщеніемъ и третьяго сосѣда, Ивана Артемьева. Но, такъ какъ Артемьевъ оказался поскупѣе другихъ, то разбойникамъ пришлось воспользоваться лишь одною его услугою,—именно, удалось упросить съѣздить за наливкой, на какую потребу и отпустилъ изъ собственнаго кармана Иванъ Васильевичъ Тихановъ три рубля. Угостившись у Артемьева, всѣмъ кагаломъ—и гости, и хозяева—пошли опять къ Матвѣю Григорьеву, опять послали за наливкой, и, напившись, опять же ночевали на прежнемъ ночлегѣ. 8-го сентября, въ Новички пріѣхали холмскіе мѣщане, Дьяконовъ и

Примакинъ, и остановились у Никандра Семенова. Вѣрный своему призванію, Семеновъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Шустенку и посовѣтовалъ отправить съ ними другія письма, не надѣясь, что первыя дойдутъ по адресу. Совѣтъ былъ исполненъ. Познакомясь поближе, случайные посѣтители догадались, что имѣютъ дѣло съ людьми самаго лихого пошиба, струсили, и тутъ же заискивающимъ тономъ запѣли на тему о «четвертухѣ». Примакинъ былъ давно извѣстенъ Шустенку, съ которымъ они видались еще въ Перегинѣ, на родинѣ его, и, слѣдовательно, прикидываться незнайкой было неудобно. Предложеніе испить было принято общимъ голосомъ. Но такъ-какъ Шустеновъ не отчаявался за вѣрную доставку первыхъ писемъ въ Холмъ, въ которыхъ предлагалось доставить деньги восьмого числа къ чекуновскому постоялому двору, то онъ и предложилъ поѣхать покутить поближе къ Холму — въ Чекуново. Здѣсь Антипъ, вѣроятно изъ предосторожности, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ сообщничествѣ съ темными личностями, не пустилъ ни Шустова, ни Соколова въ комнаты, а указалъ имъ мѣсто на травѣ, у самаго гумна. Хвативши на вольномъ воздухѣ не въ мѣру сивухи, холмскіе гости нѣсколько пообсмотрѣлись и сдѣлались общительнѣе съ новыми знакомыми. Здоровая выпивка и новый человѣкъ непремѣнно располагаютъ къ излишней болтовнѣ; а если при этихъ условіяхъ да подвернется подъ руку какая-нибудь для разговора больная тема,—человѣкъ совершенно дурѣетъ, входитъ въ азартъ и не помнитъ, чтó говоритъ. Такъ точно случилось съ Дьяконовымъ и Примакинымъ. Въ ту пору, почти весь Холмъ былъ поголовно вооруженъ противъ тогдашняго городского головы И. Б.; о немъ писали въ газетахъ, доносили, производили слѣдствіе за слѣдствіемъ, но онъ все оставался твердъ, какъ скала, возсѣдая на своихъ финансовыхъ твердыняхъ... Это раздражало почти весь городъ, а въ томъ числѣ и Дьяконова съ Примакинымъ.

— Вы не знаете нашего Б.? — спросилъ Дьяконовъ у Шустенка.

— Какъ не знать... Знаемъ всѣхъ... отвѣтилъ пьяный бродяга.

— Вотъ деньжищъ-то!.. удивленно воскликнулъ собесѣдникъ. — Страсть!..

— Д-да, — промычалъ флегматично Шустеновъ, — у васъ есть по купцамъ деньги...

— Вотъ бы пощупать-то... домекнулъ Дьяконовъ. — А стоило-бъ, потому человѣкъ онъ не мірской—не общественный... А какъ разъ кстати—онъ долженъ скоро здѣсь проѣзжать.

— Увидимъ—не спустимъ; а не увидимъ — въ другой разъ не пропустимъ... А скупъ онъ?

— Кащей!

— Ахъ, штобъ ево!.. Слышь, Соколкъ?

— Слышу.

— А общество-то наше какое бы вамъ спасибо сказало!.. То-есть и вотъ какъ!.. проговорилъ Дьяконовъ, отмѣряя порцію «спасибо» по самое горло.

Шустенокъ съ Соколовымъ намотали себѣ эту болтовню на усъ. Уничтоживъ запасъ водки, Дьяконовъ и Примакинъ отправились въ Холмъ. На дорогѣ имъ попался на-встрѣчу, тутъ-же, у постоялаго двора, прикащикъ головы, холмскій мѣщанинъ Никандръ Шеляпинъ. Остановивъ его, они посовѣтовали не ѣздить ему дальше, предупреждая, что на дорогѣ не совсѣмъ тихо. Но когда Шеляпинъ не обратилъ на ихъ слова вниманія, то Дьяконовъ свиснулъ, и изъ-за куста вышелъ на дорогу Соколовъ. Разспросивъ у Шеляпина, кто онъ и куда ѣдетъ, Соколовъ, уходя обратно въ кусты, посовѣтовалъ прохожему держать себя поскромнѣе, а языкъ—на привязи.

— Коли ты прикащикъ головы, такъ поѣзжай, — да знай, что ты меня не видалъ и я тебя тоже!.. Понимаешь?.. прикрикнулъ онъ грозно на испуганнаго парня. Едва Шеляпинъ тронулъ лошадь, какъ изъ-за другого куста выскочилъ Шустенокъ, и остановивъ его, удостовѣрился самъ, что передъ нимъ дѣйствительно сидитъ на лошади человѣкъ, у котораго нѣтъ за своей душой собственнаго гроша. Повторивъ фразу Соколова и пригрозясь двухстволкой, онъ медленно побрелъ въ кусты. Вечеромъ, не дождавшись отвѣта на письма, всѣ — гости и хозяева, отправились въ Новички, но уже эту ночь не пьянствовали, а смирно пили чай у Матвѣя, затащивъ съ собою дочь содержательницы кабака, на самой границѣ Старорусскаго уѣзда, изъ деревни Яблоновки, Александру. Ночевать отправились на прежнее логовище въ стогъ, но ночью случилась такая оказія, отъ которой даже набрались страха сами разбойники и, выбравшись изъ стога, сочли за лучшее удалиться подальше отъ селенія. Причина, испугавшая ихъ—случившійся пожаръ въ гумнѣ Григорьева, и вслѣдствіе этого крики: «караулъ»... Пожаръ случился отъ поджога уже въ то время, когда, послѣ обыска, новичковскіе домохозяева были отправлены въ городъ, а въ избѣ Никандра Семенова сидѣли солдаты. Не зная этого послѣдняго обстоятельства, на разсвѣтѣ Соколовъ подошелъ тихо къ двору Григорьева, и чтобы вызвать къ своему прибытію вниманіе,

сталъ бросать легкими камнями въ заборъ. Жена Матвѣя, услыша стукъ, поспѣшила къ Соколову и разсказала, что ночью были изъ города поимщики, что Никандръ Семеновъ и ея мужъ заарестованы и уведены въ городъ и что въ Новичкахъ оставлено много солдатъ. Сообразивъ всю опасность своего положенія, Шустенокъ съ товарищемъ, не медля ни минуты, лѣсомъ, только имъ извѣстными тропинками благополучно перебрались въ Старорусскій уѣздъ, избравъ своимъ обычнымъ притономъ яблоновскій кабакъ.

Такъ окончилась попытка этихъ бродягъ, укрѣпить свое гнѣздо въ Холмскомъ, уѣздѣ; но за то они почувствовали себя очень свободными въ Старорусскомъ, — впрочемъ не надолго.

До какой степени были наивны холмскіе купцы, получая отъ Шустенка письма, можно видѣть изъ того воззрѣнія, опираясь на которое купецъ первостатейный, И. И. Томилинъ, не рискнулъ представить въ полицію присланнаго ему письма Шустенкомъ изъ Чекунова. Письмо это принесъ Томилину мѣщанинъ Кособрюховъ и, подавая его, пояснилъ отъ кого оно и съ какимъ требованіемъ.

— Нужно бы, братецъ, отправить тебя въ полицію, но ужъ для праздника — Богъ съ тобой, отвѣтилъ ему добродушный Томилинъ, а между тѣмъ, самъ же задобривалъ Шустенка чайкомъ и сахарцемъ, когда тотъ содержался по Степиному дѣлу и даже не скупился на деньги. Раньше этого случая, Шустенокъ, еще до поимки Степы, вмѣстѣ съ нимъ, уполномочили какъ-то разъ старорусскаго купца Ивана Васильева зайти въ Холму къ Томилину и спросить на ихъ имя 100 руб. Добродушный Иванъ Ивановичъ, вмѣсто того, чтобы отправить этого посла куда слѣдуетъ, хотя пословъ, по пословицѣ «ни казнятъ, ни вѣшаютъ», благодушно только постращалъ его острогомъ.

— Ну, хорошо, братъ, что ты намъ знакомъ,—возразилъ Иванъ Ивановичъ,—а то тебя слѣдовало бы отправить въ *Дерюгино заведеніе*... [1]), т.-е. въ острогъ. Если нужны имъ деньги, то пусть сами придутъ...

Наивность эту можно объяснить лишь тѣмъ, что сто рублей отдать бродягамъ тотчасъ же—жалко; а посла ихъ представить по начальству—опасно; вдругъ бродяги отмстятъ. Держась же середины, можно надѣяться, что какъ-нибудь дѣло и уладится.

---

[1]) Острогъ, строителемъ котораго былъ нѣкто Дерюгинъ.

II.

Деревня Яблоновка, и тотъ знаменитый кабакъ, гдѣ устроили себѣ безопасную берлогу вытѣсненные изъ Холмскаго уѣзда разбойники, расположена недалеко отъ границы уѣзда. Безучастное отношеніе старорусской полиціи къ дѣятельности Шустенка и Соколова, пользовавшихся безнаказанною свободою творить свою волю, поощряло ихъ своеволіе, и дорога отъ Русы до Холма продолжала оставаться большою, но не проѣздною. Жителямъ Холма нисколько не было легче оттого, что Шустенокъ съ товарищемъ оставили ихъ уѣздъ. Развѣ не все равно удовольствіе быть ограбленнымъ, въ Холмскомъ, или въ Старорусскомъ уѣздѣ?..

Сознавая, что дѣло преслѣдованія этихъ безпокойныхъ господъ не кончено и что безопасность пути для проѣзжихъ необезпечена, И. А. Волковъ донесъ графу Палену подробно о положеніи дѣла, просилъ его сдѣлать сношеніе съ новгородскою администраціею, и высказалъ при этомъ полное недовѣріе къ представителямъ старорусской полицейской власти. Благодаря этому представленію Волкова, новгородскій губернаторъ, вслѣдствіе сношенія съ нимъ графа Палена, поручилъ преслѣдованіе разбойниковъ ассессору новгородскаго губернскаго правленія. Дѣйствительно, не представлялось никакой возможности полагаться на такую полицію, которая въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ спокойно созерцала продѣлки бѣглецовъ, у себя подъ окномъ, и не ударила пальцемъ о палецъ для того, чтобы умѣрить разбойническую дѣятельность бродягъ. Мы уже имѣли случай упоминать выше, что даже и знаменитый богатырь Степа захваченъ не по иниціативѣ старорусской полиціи, а просто потому что онъ вывелъ изъ терпѣнія мѣстныхъ крестьянъ. Та же безнаказанность и невниманіе къ появленію Шустенка характеризовали старорусскаго исправника и становыхъ приставовъ теперь. И такое-то положеніе дѣла давало право И. А. Волкову продолжать начатое дѣло въ чужомъ уѣздѣ.

Чрезъ нѣсколько дней онъ получилъ увѣдомленіе, что разбойники держатся въ Яблоновкѣ. Свѣдѣніе это сообщилъ ему полицейскій надзиратель Изборскій, остававшійся въ Новичкахъ и собиравшій достовѣрныя данныя о мѣстѣ пребыванія бѣглецовъ. Дознаніе надзирателя обнаружило, что на 10-е сентября ночью, проѣздомъ изъ Старой Русы, холмскіе мѣщане Никифоръ Кошкинъ и Петръ Савинъ Кляпинъ остановились въ яб-

юновскомъ кабакѣ кормить лошадей. Подъѣзжая къ кабаку, они видѣли въ немъ огонь, но едва постучались въ дверь, мгновенно огонь погасъ, и кабатчица встрѣтила пріѣзжихъ съ недовольнымъ видомъ. Холмичи съ трудомъ упросили ее дозволить выпречь лошадей подъ окномъ, но чтобы войти въ кабакъ нечего было и рѣчей тратить,—хозяйка дѣлала видъ, что не узнаетъ проѣзжихъ. Наконецъ, спустя четверть часа, она ахнула отъ удивленія, увидя Кошкина и поспѣшила отворить ворота. Въѣхавъ во дворъ Кляпинъ не безъ испуга увидѣлъ, что изъ избы вышли двое мужчинъ въ красныхъ рубашкахъ, въ плисовыхъ шароварахъ и суконныхъ сибиркахъ, съ двустволками за плечами, съ ножами и пистолетами за поясомъ, и направились въ хлѣвъ. Убравши лошадь, Кляпинъ вошелъ въ избу, гдѣ уже сидѣлъ Кошкинъ, а хозяйка, не стѣсняясь присутствіемъ посторонних проѣзжихъ, пригласила сюда же Шустенка и его товарища. Они вошли вѣроятно для того, чтобы посмотрѣть кто проѣзжіе.

— Ты Кошкинъ?.. спросилъ одного изъ проѣзжихъ Шустенокъ.

— Кошкинъ... отвѣчалъ холмичъ.

— Ну, вамъ своя дорога, а намъ своя... до свиданія!.. и съ этими словами они вышли вонъ.

Холмичи остались ночевать. Но плохо спалось ночью имъ. Близкое сосѣдство подозрительныхъ лицъ не выходило изъ головы; едва начнетъ одолѣвать котораго-нибудь дремота, какъ вдругъ представляется кустъ, за кустомъ кто-то ворочается,—точно внимательно въ кого-то всматривается, и вдругъ высовываются два ствола длиннаго охотничьяго ружья... Дремота пропадаетъ и начинается разговоръ.

— Дядюшка Микифоръ, ты не спишь?—спрашиваетъ Кляпинъ.

— Нѣтъ... А ты?.. переспрашиваетъ Кошкинъ.

— Не до сна мнѣ!..

— Знаешь, Петруха, поѣдемъ... Ей-Богу лучше будетъ!.. подзываетъ Кошкинъ, боясь повернуться на лавкѣ.

— Я и самъ тожъ думалъ... Да ладно-ль будетъ?.. Здѣсь все-жъ на дорогѣ, да въ жильѣ; а либо и ничево... На бую-то вѣдь хуже;—тамъ вольнѣе,—отвѣтилъ Кляпинъ, прикрывая трусость разумнымъ размышленіемъ, и оба на нѣсколько минутъ умолкали. Не проходило получаса, какъ разговоръ начинался вновь.

— Пётра,—а Пётра!.. Слушай,—Кляпинъ!.. взывалъ Кошкинъ.—Ты спишь?..

— Сплю... отвѣчалъ Кошкинъ, не смыкая глазъ.

— А вѣдь, чудакъ, наше дѣло хуже всѣхъ... Мнѣ все грезится, что намъ не сдобровать,—продолжалъ Кошкинъ.

— Ничево, значитъ, теперь не подѣлаешь... не надо было мѣшкать въ Поддорскомъ кабакѣ... утѣшалъ его товарищъ.

Такъ пробесѣдовали проѣзжіе сосѣди цѣлую ночь, вздыхая и крестясь, поворачиваясь съ бока на бокъ. Наконецъ, въ маленькое кабацкое окно блеснулъ первый, слабый лучъ осенняго утра, и Кляпинъ началъ будить хозяйку.

— Вотъ наказанье-то господне послано на меня севодни!.. ворчала хозяйка въ своей «казенкѣ»—небольшой комнатѣ, отгороженной досчатой перегородкой отъ общей комнаты.—И что это за нелегкое здымаетъ васъ?.. Всю-то ночь на пролетъ не дадутъ глазъ сомкнуть!..

— Да время ѣхать—свѣтъ!.. Надо пораньше домой,—отвѣчалъ заискивающимъ тономъ Кляпинъ.

— Чортъ васъ тискалъ—ночевать тутъ, и убирались бы съ вечера,—продолжала полушопотомъ хозяйка... Никто васъ и не держалъ!

— Ну—ладно; не сердись, зажги огонечку...

— Выдувайте сами въ ямкѣ... а нѣтъ—ждите Шустенка—онъ принесетъ,—проговорила съ дерзостью озлившаяся кабатчица, видимо кичившаяся авторитетомъ гостившихъ у нея разбойниковъ.

Дѣлать было нечего; Кляпинъ кое-какъ зажегъ фонарь и тихо, безъ шума отправился поить и запрягать лошадь. Покуда онъ ворочался на дворѣ, мазалъ телѣгу и запрегъ лошадь, разсвѣло настолько, что уже не было нужды въ фонарѣ. Кошкинъ сидѣлъ на лавкѣ и, крестя зѣвающій ротъ, посматривалъ съ нетерпѣніемъ въ окно, ожидая, когда подъѣдетъ къ окну телѣга. Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показались двѣ фигуры въ измятыхъ синихъ сибиркахъ, Шустенка и Соколова, въ сборкахъ платья которыхъ по мѣстамъ виднѣлось оставшееся сѣно; почему можно было догадаться, что они ночевали тутъ же гдѣ-нибудь на сѣновалѣ.

— А что господа купцы проѣзжіе, я спрошу васъ,—знаете вы Миколая Семенова Дьяконова?—спросилъ Соколовъ.

— Сосѣдъ,—какъ не знать,—отвѣтилъ Кошкинъ.

— Скажите, что ему дѣлать такъ не годится... Онъ пилъ наше же вино, нашимъ же добромъ угощался, да за хлѣбъ-за соль намъ и напакостилъ... Чтó мы ему сдѣлали, что онъ выдалъ нашъ притонъ въ Новичкахъ вашему исправнику?.. Мы ему этого по гробъ-жизни не забудемъ... Такъ ему и передайте,

что, молъ Шустовъ съ Соколовымъ велѣли тебѣ поклонъ отдать, да совѣтовали на дорогѣ имъ не попадаться...

— А вино повезетъ изъ Русы въ свой кабакъ, такъ скажите, что бочки съ виномъ не видать ему, какъ своихъ ушей..

—Такъ и скажите, подтвердилъ Шустенокъ. А сами-то начальству своему—ни слова!.. Видѣлъ—не видалъ; слышалъ—не слыхалъ!... А то—разсчетъ будетъ короткій...

— А отъ меня свезите записочку Ивану Ивановичу Томилину, и скажите ему, что обманывать добрыхъ людей нечестно... Онъ добра нашего не помнитъ; третій разъ наказываемъ, чтобы прислалъ денегъ, а онъ все жмется... А вѣдь постройка его цѣла... у другова — давно-бъ одни головешки были, а ему все спускается... Ну, да коли этотъ разъ заупрямится, такъ можетъ—не досчитается котораго ни на есть изъ братьевъ... вѣдь они, надо быть, скоро поѣдутъ изъ Питера,—пригрозилъ Соколовъ.

Въ это время къ окну выѣхала изъ двора телѣга, и Кошкинъ, распрощавшись съ добрыми людьми и гостепріимной хозяйкой, отправился съ Кляпинымъ въ Холмъ. Въ Новичкахъ, они передали и записку Соколова на имя Томилина и все, что видѣли и слышали въ Яблоновкѣ, надзирателю Изборскому.

Получивъ вечеромъ 10-го сентября эти свѣдѣнія, И. А. Волковъ предложилъ холмскимъ охотникамъ удовольствіе поохотиться на Шустенка съ Соколовымъ, и вмѣстѣ съ начальникомъ мѣстной команды отправились 11-го числа послѣ обѣда къ Яблоновкѣ. Компанію составляли кромѣ ихъ шесть человѣкъ охотниковъ, странникъ-прохожій и Дьяконовъ въ телѣгѣ съ наливкой и другими винами. Въ Новичкахъ присоединилась къ нимъ оставленная тамъ 8-го числа команда, объ отозваніи которой въ городъ уже былъ пущенъ слухъ. Нѣкоторые охотники вызвались играть роль гуртовщиковъ, торговали дорогой сѣно и луга для пастбищъ, а Дьяконовъ дѣлалъ видъ, что везетъ въ свой кабакъ различное «питіе». Чтобы замаскировать все дѣло, Дьяконову была передана записка отъ Челпанова къ Шустенку, въ которой онъ просилъ разбойника—помириться съ нимъ на половинѣ требуемой суммы и извинялся, что изъ страха встрѣтиться съ нимъ, не рискуетъ лично явиться къ нему на поклоненіе. Кромѣ письма, онъ долженъ былъ отъ Челпанова же имени преподнести разбойникамъ, въ видѣ особаго дара, двѣ бутылки коньяку и четверть наливки. Странникъ-прохожій и Дьяконовъ должны были прибыть въ яблоновскій кабакъ раньше всѣхъ, и еслибы нашли тамъ Шустенка съ его другомъ, то затѣять съ ними

пьянство; а въ противномъ случаѣ должны были послать за ними. Въ случаѣ неудачи — къ нимъ должны были заѣхать гуртовщики, и если бы предположенное пьянство устроилось, то, по условленному сигналу, должно было приступить къ поимкѣ злодѣевъ.

Но, «домашняя дума—въ дорогу не годится», говоритъ народная мудрость, и къ сожалѣнію эта пословица оправдалась вполнѣ. Не доѣзжая трехъ верстъ до Яблоновки, поимщики повернули съ дороги въ сторону и пѣшкомъ пробравшись къ самому кабаку, тихо усѣлись въ кустахъ, выжидать послѣдствій отъ первоначальнаго выполненія плана. Нетерпѣніе поимщиковъ росло съ каждымъ часомъ, и И. А. Волковъ, чтобы удостовѣриться, есть ли какая-нибудь надежда на успѣхъ, подходилъ тихо къ кабаку и подслушивалъ происходившій тамъ разговоръ.

— Ты меня и не морочь!.. кричала хозяйка; ты «сподсылу» пришелъ... Чортъ бы тебя понесъ въ этакую пору на поклонъ къ Шустенку...

— Да вѣдь намъ, я думаю, жалко свово-то доброво, — ты то посуди... Не приди я севодни,—завтра, можетъ быть, у меня дома ни кола ни двора не останется... По неволѣ идешь... Нѣтъ, голубушка, клинъ-то и не хочетъ въ щель, да лѣзетъ, коли обухъ гонитъ... Ужъ ежели нѣту ихъ тутъ, такъ послала-бъ; пусть бы пришли...

— Не звони пустова... отрѣзала сердито холмичка; — ты думаешь, я не знаю ничево, что въ Новичкахъ третёво-дни было... Накось тебѣ, какой умникъ... Добрыхъ-то людей не только Ѳома да Еремей; у насъ вѣдь проѣздная дорога, все знаю...

— Да знать, почитай, нечево... Извѣстно, постращали маленько, да все по пустякамъ,—пытался Дьяконовъ успокоить кабатчицу, но та была пуганая ворона.

— Что и говорить — по пустякамъ!.. Нѣтъ, дай Богъ здоровья поддорскому ямщику; старикъ возилъ ково-то вашихъ на Каменку — все вызналъ; прямо говоритъ: молодица, поопасись — поимка будетъ... Цѣлая, говоритъ, команда идетъ...

Надежда оказалась напрасной, какъ показали послѣдствія; вѣсть о предполагавшейся поимкѣ въ этихъ краяхъ разбойниковъ и объ обыскѣ въ яблоновскомъ кабакѣ проникла въ общество совершенно случайно. Крестьянинъ, привозившій къ исправнику письмо изъ Новичковъ отъ надзирателя, не нашелъ его дома и съ вѣстовымъ отправился искать его по городу, провозглашая всюду, что нуженъ исправникъ по очень важному дѣлу; что грабителей нашли въ Яблоновкѣ. Въ городѣ, конечно, заговорили, и слухъ разлетѣлся быстро. Кабатчица же яблонов-

ская, сама холмская мѣщанка, вдова Орѣхова, знавшая всѣхъ и каждаго, очевидно, не могла относиться безучастно ко всему творящемуся въ ея родномъ пепелищѣ.

Видя, что весь планъ, основанный на секретѣ, разлетѣлся отъ одного прикосновенія къ нему дѣйствительности, поимщики должны были измѣнить образъ дѣйствій, и, перебравшись всѣ къ самому кабаку, стали зорко наблюдать, не придетъ ли кто къ Орѣховой провѣдать — все ли тутъ тихо. Наблюденія на новой позиціи, если не открыли присутствія бродягъ, то все-таки были не безполезны тѣмъ, что открыли одного важнаго сообщника ихъ, на солидарность дѣйствій котораго съ Шустенкомъ никто бы не могъ разсчитывать. Часовъ въ двѣнадцать ночи, изъ Холма проѣзжалъ содержатель кабака въ селѣ Поддорьѣ съ содержательницею кабака въ деревнѣ Сокольскѣ. Проводникомъ у нихъ былъ изъ той же деревни крестьянинъ Илья, везшій водку; всѣ они были пьяны и, не стѣсняясь, шумѣли и спорили во весь голосъ. У кабака они остановились и, бросивъ телѣги, пошли въ кабакъ, оставивъ караульнымъ при лошадяхъ полевого сторожа, охраняющаго на большой дорогѣ ворота, крестьянина «Лукашку». Это былъ старикъ съ изуродованными ногами, горькій пьяница и самый искренній помощникъ въ дѣлахъ Шустова. Сидя у воротъ днемъ и ночью, въ шалашѣ, покрытомъ дерномъ, онъ высматривалъ бдительно, какъ волкъ по сторонамъ, и если замѣчалъ приближеніе проѣзжаго или пѣшехода, стучалъ палкою о ворота, и вѣчно запертыя на крюкъ двери кабака тотчасъ же отворялись, а Шустовъ съ Соколовымъ уходили изъ избы въ хлѣвъ, чтобы съ бóльшей предосторожностью высмотрѣть добычу. Стукомъ палки онъ извѣщалъ только о тѣхъ путникахъ, которыхъ не досматривалъ издали, а о дальнихъ, — непремѣнно ходилъ въ кабакъ рапортовать лично. Поддорскій кабатчикъ приглашалъ въ кабакъ и Лукашку, но старикъ, несмотря на страсть къ пьянству, не пошелъ; кабатчикъ хотѣлъ выслать водки на улицу, но упрямый дѣдъ грубо отказался; видно было, что онъ почему-то не нуждается въ любезности проѣзжаго кабатчика. Путники пробыли въ кабакѣ часа два, и въ теченіе этого времени вдова Орѣхова довольно часто выбѣгала къ Лукашкѣ и о чемъ-то съ нимъ шепталась. Далеко за полночь они отправились въ путь и, уѣзжая, кабатчикъ закричалъ Лукашкѣ: «Я Шустовыхъ вашихъ не боюсь, пусть выходятъ!.. Видали мы ихъ!..» Сопровождавшій же водку крестьянинъ Илья, отставъ отъ товарищей, о чемъ-то тихо и долго разговаривалъ съ Лукашкой. Затѣмъ старикъ полѣзъ въ свою придорожную нору и на дорогѣ наступила мертвая тишина.

Передъ свѣтомъ, надѣясь еще все, что, быть можетъ, разбойникамъ понадобится узнать положеніе дѣлъ въ ихъ притонѣ, И. А. Волковъ рѣшился обойти старика, а главнымъ образомъ, опасаясь, чтобы Шустенокъ не прошелъ къ шалашкѣ по другую сторону изгороди и не переговорилъ съ Лукашкой, онъ самъ пошелъ къ нему и нашелъ его сладко дремлющимъ. Костюмъ дозволялъ Волкову выдавать себя за мѣщанина, и онъ обратился къ дѣду съ словами, поддѣлываясь подъ нарѣчіе холмскихъ мѣщанъ.

— Что, дидушка, не спишь?—спросилъ онъ Лукашку, влѣзая въ шалашъ.

— Не сплю... а тебѣ што?.. отвѣтилъ онъ грубо.

— Да какъ,—можно-ль съ тобой погомонить по откровенности?..

— Гомони себѣ,—мнѣ штò...

— Да у тебя тутъ нѣту никого лишняго?..

— Какъ не быть? Развѣ евтакую тьму можно безъ лишняго?.. Есть колъ про вашего брата—проходимцевъ...

— Зачѣмъ же колъ?.. Либо и пригодимся другъ другу... Скажи-ка лучше, нельзя ли мнѣ поговорить съ Егоромъ Шустовымъ?.. Есть дѣло хорошее...

— Поди, поди... Какой тутъ Шустовъ!.. никакого я такого не знаю... Иди куда идешь...

— Ну, такъ вызови ко мнѣ Василису (кабатчицу).

— Не мое дѣло ввязываться въ ваши дѣла,—отвѣтилъ Лукашка такимъ тономъ, что, не зная его связи съ Шустенкомъ, нельзя бы было имѣть и тѣни подозрѣнія объ этой связи. Давши такой отвѣтъ, онъ затѣялъ-было кричать караулъ, но ладонь заградила ему сиплый органъ и въ одно мгновеніе старый плутъ былъ, съ зажатымъ ртомъ, оттащенъ отъ дороги въ сторону саженъ на двѣсти, изъ опасенія, чтобы крикомъ своимъ не обратилъ на поимщиковъ вниманія тѣхъ, кому менѣе всего нужно было знать о ихъ присутствіи здѣсь. Лукашка притворился недышущимъ и потерявшимъ сознаніе, но когда погрозились его выдрать, онъ не только проявилъ признаки жизни,—даже заговорилъ. Перебирая всѣхъ святыхъ, Богородицу и внучатъ своихъ, онъ клялся самыми страшными клятвами, что не только не знаетъ Шустенка и Соколова, но даже и не слыхивалъ о нихъ, и узнаётъ о существованіи ихъ только теперь...

На разсвѣтѣ явились Дьяконовъ и странникъ-прохожій, и загадка, изъ какихъ источниковъ Орѣхова узнала о предполагавшемся у нея обыскѣ—разъяснилась. Племянникъ ея, холмскій

же мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Примакинъ, бывши въ Каменкѣ (въ 7-ми верстахъ отъ Новичковъ, послѣдняя станція къ Холму), просилъ поддорскаго ямщика предупредить объ этомъ тетку. Такимъ образомъ, и эта поѣздка холмскихъ поимщиковъ не достигла цѣли; а между тѣмъ старорусская полиція благодушествовала въ бездѣйствіи; бывшій тогда становой приставъ Р..., какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній холмской полиціей, умышленно не замѣчалъ въ своемъ станѣ присутствія бѣглецовъ, и исключительно посвятивъ себя горькому пьянству, разъѣзжалъ по уѣзду и пилъ водку какъ воду, ковшемъ изъ таза, доказывая этимъ, что онъ непобѣдимъ для Бахуса. И. А. Волковъ, сносясь съ старорусскимъ исправникомъ, указывалъ ему на недостаточность вниманія мѣстной полиціи къ нуждамъ уѣзда, но все было напрасно. Наконецъ, спустя почти мѣсяцъ, когда Шустенокъ съ Соколовымъ, напуганные принятыми къ ихъ поимкѣ мѣрами, поставлены были въ необходимость покинуть большую дорогу и переселиться на Ловать къ Перегину, въ сосѣдство къ родинѣ Шустенка, гдѣ жила его жена, старорусская полиція нагрянула съ войскомъ и поселилась въ Перегинѣ, въ ожиданіи, когда придетъ туда Шустенокъ самъ. Конечно, онъ и не думалъ добровольно лишать себя свободы, а преспокойно, верстахъ въ трехъ отъ бдительныхъ преслѣдователей, опочивалъ каждую ночь благополучно въ деревнѣ Рахлицахъ, куда нерѣдко хаживала къ нему и его жена. Все Перегино было точно на военномъ положеніи. Если жителямъ было непріятно сосѣдство Шустенка, то еще болѣе не нравился имъ постой у себя солдатъ, безполезно проживавшихъ на счетъ крестьянъ. Представители полицейской власти, вѣроятно, предполагая, что Шустенка скрываютъ перегинскіе крестьяне, въ видѣ экзекуціи донимали ихъ подводной повинностью, постоемъ и долговременнымъ харчеваньемъ; жена Шустенка десятки разъ допрашивалась, усовѣщевалась и припугивалась тяжелой отвѣтственностью, если будетъ скрывать мѣстопребываніе мужа; но не помогала и эта мѣра. Время, однако, шло, а о Шустенкѣ не было ни слуха, ни духа; его и слѣдъ простылъ... Жители Перегина хорошо знали, гдѣ Шустенокъ, но никто не рисковалъ сдѣлаться его предателемъ, такъ какъ никто не довѣрялъ ловкости и даже добросовѣстности старорусской полиціи. Каждый думалъ, что Шустенокъ въ ея рукахъ— неуязвимъ для правосудія—и продолжалъ терпѣть экзекуцію, которая не могла быть пріятна вслѣдствіе слишкомъ чувствительнаго убытка, нравственнаго униженія и ежеминутнаго безпокойства за личную безопасность, ибо слова: «острогъ, кандалы и ка-

торга» раздавались въ каждой избѣ. Наша древняя полиція чрезвычайно походила на тѣхъ церковныхъ проповѣдниковъ, которые, не умѣя сказать своимъ слушателямъ двухъ-трехъ толковыхъ словъ, сейчасъ же запальчиво кричатъ съ каѳедры: «идите отъ меня проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его... и идутъ сіи въ муку вѣчную». Кто не помнитъ, какъ десять лѣтъ назадъ, становые пристава, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не хватало разума и имѣлась ревность не по разуму, въ каждомъ, въ сущности пустомъ обстоятельствѣ, запальчиво кричали на запуганныхъ и дрожащихъ мужиковъ: «я васъ!.. я васъ— ракаліи!.. въ тюрьму!.. въ каторгу!.. въ кандалы!.. Сгніете въ острогѣ»!.. и т. д. И все это дѣлалось съ цѣлью подслужиться правосудію, открыть преступленіе! Но чего достигали подобные господа, видно изъ перегинской исторіи. Незванные гости—солдаты и полиція, надоѣли крестьянамъ; чтобы отдѣлаться отъ нихъ, необходимо было выдать Шустова,—а какъ его выдать?.. Выдадутъ, а онъ, вдругъ, на другой же день явится опять въ ихъ краю и запалитъ со всѣхъ концовъ деревню, что нерѣдко дѣлывалъ родоначальникъ холмскихъ злодѣевъ «Слизкой»;—что тогда?.. Думали, думали крестьяне и придумали, взять Шустенка имъ самимъ и при себѣ же доставить его въ острогъ.

Не говоря ни слова о своемъ намѣреніи ни солдатамъ, ни полиціи, нѣсколько человѣкъ крестьянъ рѣшились его исполнить. Шустенокъ жилъ въ Рахлицахъ и собирался обезпечить себя на зиму тепломъ. Въ это время у него былъ уже въ качествѣ адъютанта молодой здоровый парень, о связи котораго съ разбойниками еще покуда не зналъ почти никто. Парень исполнялъ всѣ мелкія порученія Шустенка, который посылалъ его въ кабаки, въ деревни, и высматривать проѣзжихъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е сентября, Шустенокъ съ Соколовымъ ночевали въ Рахлицахъ, забравшись въ пологъ, повѣшенный въ задней избѣ въ домѣ крайняго жихаря. Они мечтали купить готовую избу и перевезть ее куда-нибудь въ безопасное мѣсто, чтобы не каждую ночь надоѣдать крестьянамъ. Вечеромъ, 22-го сентября, въ одномъ изъ домовъ въ Рахлицахъ, собрались крестьяне, и одинъ солдатикъ-гуляка, ушедшій изъ Перегина, сидѣли и болтали кто о чемъ, не очень уклоняясь, однако, отъ занимавшей всѣхъ мысли, какъ бы поймать Шустенка, да такъ, чтобы ни ружья, ни кинжалы разбойниковъ не пошли въ дѣло. Подъ шумокъ кто-то постучалъ вдругъ въ окно. Крестьяне переглянулись.

— Кто крещеный?.. спросилъ хозяинъ.

— Свои... отворите... отвѣтилъ голосъ съ улицы.

Дверь отворилась, и въ избу вошелъ молодой парень-франтъ, въ дубленомъ полушубкѣ и въ красной рубахѣ.

— Што-жъ, дядюшка... насчетъ избы-то?.. аль раздумалъ?.. спросилъ парень хозяина.

— Нѣтъ,—не отдумалъ... Да вѣдь надо бы избу-то поглядѣть хорошенько... такъ въ цѣнѣ не сойдемся...

— Не надо смотрѣть, повѣримъ и такъ, только возьми сто двадцать пять... боли не дадутъ,—промолвилъ парень.

— Кто не дастъ?—вмѣшался солдатъ.

— Кому надо... отвѣтилъ грубо парень.

— А можетъ и намъ надо парень отвѣтъ дать,—сказалъ хозяинъ.—Бери его, робяты... надпрокутили ёны намъ... Гомони, гдѣ Шустенокъ съ Тихашкинымъ,—крикнулъ онъ, схвативъ парня за воротъ. Парень струсилъ и сознался, что они въ крайней избѣ.

Не долго думая, всей артелью бросились къ крайней избѣ, вскочили въ нее и съ шумомъ обшарили всѣ углы и закоулки, но не нашли никого. Двое, болѣе смѣлыхъ, открыли «подъизбицу», т.-е., дверь на полу, ведущую подъ полъ, и къ великой радости, увидя тамъ оружіе разбойниковъ, закричали въ восторгѣ—«здѣсь»!.. Живо вытащивъ ружье, они захлопнули дверь, многіе стали на нее и велѣли палить въ окно изъ ружья, чтобы выстрѣломъ дать знать за три версты въ Перегино...

— Пали, Васька!.. Пали, жидъ!.. кричали обрадованные крестьяне.

— Зачимъ — робя — палить; зарядъ тратить, — возражалъ Васька.

— Пали!.. пусь солдаты идутъ... командовала толпа.

Васька отворилъ окно, и выстрѣлъ, направленный на воздухъ, огласилъ деревню... Черезъ минуту кто-то застучалъ дверью въ задней избѣ, дверь отворилась и удивленные крестьяне встрѣтили Соколова-Тиханова.

— Что вы братцы?.. Зачѣмъ тутъ?.. спросилъ Тихановъ, видимо теряя присутствіе духа.

— А такъ ты не тамъ!.. воскликнулъ Васька, вытаращивъ глаза на бродягу и указывая на полъ.—Стой робяты, Шустовъ уйдетъ!..

— Не уйдетъ!.. грозно остановилъ движеніе крестьянъ къ двери Соколовъ.—Что вамъ нужно?..

— Тебя да Шустенка!.. Въ Русу надо приставить... Будя! подуровали!.. кричитъ народъ.

— Если такъ,—берите—я сдаюсь... Эй, Шустовъ!.. Вставай братъ, попались,—закричалъ Тихановъ въ отворенную дверь.

— Живой не дамся!.. кричалъ Шустенокъ, входя въ избу и еще не зная въ чемъ дѣло. Но увидя, что съ цѣлой избой народа ничего не подѣлаешь, сдался и Шустенокъ.

— Ну, братцы, берите... Вамъ, значитъ, міру—сдаюсь; а будь полицья—ни въ жисть бы не отдался... Вѣдь полицья ловитъ нашева брата не затымъ, чтобъ порядокъ любила, а что ей за это хрестъ дадутъ... Такъ вотъ же ей, этой самой полицьи... Ни въ одной головы не повинюсь!.. И при этомъ, изобразивъ пальцами очень популярную въ народѣ фигуру, Шустенокъ ткнулъ ею въ воздухъ, по направленію къ Перегину.

На другой день огромная масса народа проводила двухъ пріятелей, называвшихъ себя братьями, Шустенка и Тиханова, подъ строгимъ карауломъ въ старорусскій острогъ.

III.

Старорусскій трактъ, по которому вели разбойниковъ въ острогъ, никогда не былъ такъ оживленъ и многолюденъ, какъ въ этотъ день. Старый и малый спѣшили взглянуть на людей, съ которыми никто бы не желалъ встрѣчи во время пребыванія ихъ на свободѣ. Весь городъ встрѣчалъ двухъ пріятелей съ какимъ-то нервнымъ любопытствомъ, а у воротъ тюрьмы негдѣ было упасть яблоку; полиція съ трудомъ очищала путь для знаменитыхъ людей, жизнь которыхъ не для однихъ Холмскаго и Старорусскаго уѣздовъ осталась поучительною, а слава жестокости которыхъ не умираетъ въ народѣ этихъ мѣстностей до сихъ поръ. Радостное извѣстіе о ихъ поимкѣ дошло до Холма гораздо раньше того времени, когда вздумалось старорусскому исправнику сообщить объ этомъ И. А. Волкову. Съ гордостью, достойной лучшей участи, старусская полиція приписывала громко себѣ честь поимки бродягъ, въ сущности не видя ихъ до тѣхъ поръ, покуда не вздумалось подслужиться въ этомъ дѣлѣ самимъ крестьянамъ. Едва извѣстіе о заарестованіи Шустова и Тиханова пронеслось по Холму, какъ И. А. Волковъ и множество любопытныхъ отправились въ Русу, взглянуть на такую знаменитость. По должности исправляющаго должность исправника, Волкову необходимо было отобрать отъ нихъ показаніе, и по пріѣздѣ въ Русу онъ немедленно же отправился въ тюрьму. Заарестованные разбойники сидѣли въ отдѣльныхъ, секретныхъ нумерахъ и къ первому,

какъ къ болѣе прямому и откровенному субъекту, Волковъ приступилъ къ Тиханову. Исторія его прошлаго была далеко не такъ интересна, какъ прошлое товарища его, Шустенка; но скрытность и молчаливость послѣдняго были извѣстны давно. Чтобы развязать языкъ угрюмаго и молчаливаго невольника, нужно было прежде заискать расположенія въ Тихановѣ; Волковъ понялъ это, и достигъ своей цѣли.

— Если хочешь, ваше благородіе, чтобъ братъ мой говорилъ съ тобой по откровенности, позволь мнѣ сказать ему два-три слова,—вызвался Тихановъ.

— Какой братъ?.. Развѣ Шустовъ братъ тебѣ?..

— По волѣ и неволѣ роднѣе всякаго родного брата... Егоръ меня, а я ево такъ слушаемъ и почитаемъ, что ежели бы, ваше благородіе, такое согласіе было въ семьяхъ, — пришлось бы полиціи закрывать... Повѣрь, ваше б—діе, что мои два слова: «братъ—говори правду», развяжутъ ему языкъ лучше всякихъ вымогательствъ и прижимокъ... Вы безъ меня съ Егоромъ помучаетесь, онъ твердый на слово...

Желая добиться истины, Волковъ приказалъ привесть Шустова.

— Братъ, говори правду!.. воскликнулъ Тихановъ, увидя Шустова; — не задерживай этого барина, онъ пріѣзжій...

Но Шустовъ не вдругъ сдѣлался откровеннымъ. Нѣсколько времени онъ отдѣлывался отъ вопросовъ обычными арестантскими оборотами, сводя отвѣты на «да» да «нѣтъ», но когда его познакомили съ началомъ показанія Тиханова, Шустовъ оживился, встряхнулъ головой; глаза его заискрились и проведя рукою по подбородку—прервавъ чтеніе, онъ началъ:

— Ладно, ваше бл — діе, будетъ!.. Видно пришла пора каяться; ужъ ежели братъ мой по откровенности,—не уступлю-жъ и я ему... Только не подставь, баринъ, свидѣтелей... да впрочемъ, ваше дѣло будетъ писать, а наше подписывать... Вотъ при частномъ, такъ ужъ не добился-бъ отъ меня слова, а для васъ!..

И заговорилъ Шустовъ, заговорилъ скоро, бойко и отчетливо, все чтó воскресло въ его памяти, не упоминая только о преступленіяхъ. Слушая его рѣчь, И. А. Волковъ спросилъ: «что тебя, Егоръ, заставило такъ жить?.. Какая причина привела на эту дорогу?»

— Это вы насчетъ того, зачѣмъ я состою въ евтой самой должности?.. перебилъ Шустовъ.—Изволите видѣть, лишняя душа въ Старорусскомъ уѣздѣ стала помѣхой для начальства... Когда, бывало, ни начнутъ считать души, — все одна оставалась лиш-

нею—значитъ, началъ выходилъ; ну, и рѣшили выбрать эту лишнюю душу, добра-молодца,—да такого, чтобы, ваше бл—діе, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, и подарить молодца царю, въ его службу царскую. Подарокъ-то захотѣли сдѣлать не попрежнему, не по приказу царскому, а просто задумали, да не въ зачетъ набора и надѣли мнѣ некрутскій чепчикъ,—по-просту—забрили въ солдаты... Такъ-то-ся я и служить попалъ. А въ службѣ, знамо, неволя; а къ неволи, какъ и сами изволите знать, ваше бл—діе, мы непривычны... ну, и убёгъ со службы... А случилось это, ваше бл—діе, — скажу вамъ, какъ грамотный, — въ первые дни 1857 года. Разскажу по порядку, какъ дѣло это произошло. Когда меня сдали въ Новѣгородѣ, вотъ я и началъ служить... Служилъ, служилъ... двѣ недѣли отслужилъ, да такъ ретиво, такъ, значитъ, ревностно, что черезъ недѣлю начали на меня и настоящую аммуницію припасать; только которую не примѣрю — все, значитъ, выходитъ не въ пору...; не по костямъ была некрутская одежа на мои бывалыя плечи. Бились, бились, да и говоритъ старшой, что надъ одежой поставленъ: «идишь ты какой!—говоритъ—на тебя и одежи не прибрать!.. Стой—снимутъ мѣрку!» Сняли. А портной и говоритъ: «давай — говоритъ — нитокъ!» — А я гдѣ возьму?.. дѣло, стало, некрутское; говорю: «нѣту». — «Есть — говоритъ — деньги?» — «Есть немного», говорю. — «Ну такъ ступай въ лавку и купи». Какъ пошелъ я, ваше бл—діе, за нитками-то, такъ вотъ такъ, до встрѣчи съ вашей милостью, и хожу... Только и была раза три маленькая перемежичка: разъ словили меня одного, отсчитали 300 дубинокъ и послали служить въ Кострому,—городъ такой есть. Прокутно показалось мнѣ и въ костромской командѣ. Бѣжалъ я и оттуда, хоть за нитками никто не посылалъ; да недѣли черезъ двѣ-три словили, анаѳемы, да въ острогъ; и началось мое мытарство. Изъ острога въ полкъ, изъ полка въ острогъ, по судамъ, да по полиціямъ разнымъ... мнѣ даже обидно стало!.. «Вотъ—думаю—таскаютъ!.. Бытто не все равно, что севодня, что завтра — въ Сибирь; ужъ рѣшали бы скорѣй...» Главная бѣда, ваше бл—діе, та, что кормятъ въ это время хуже, нежели свиней, какимъ-то водянымъ, помойнымъ супомъ... Наконецъ,—слава тебѣ Господи!—порѣшили меня на двѣнадцать годовъ въ мачиху-Сибирь, къ тетинькѣ-каторгѣ, на крѣпостныя работы; а для отсылки туда перевели въ новгородскій острогъ. Отсюда до Твери гнали насъ пѣшкомъ, съ Твери—по чугункѣ, да посадили съ поляками, которыхъ гнали тоже въ Сибирь видимо-невидимо... Это было, коли изволите помнить, ваше бл—діе, въ тотъ годъ, когда поляки бун-

а на дѣтей своихъ взглянуть захотѣлось... А какъ Иванъ былъ мнѣ землякъ и сусѣдъ по уѣзду, — сталъ я хвалить и ево сторону. Смотрю, затосковалъ и Иванъ. Ну, думаю, ужъ коли тоска напала, значитъ — на волю хочетъ. Я къ нему; что-жъ, говорю, нюни-то распускать; вѣдь въ другомъ мѣстѣ къ побѣгу такъ не приспособишься,—пойдемъ!.. «Пойдемъ,—говоритъ Иванъ, —отъ тебя, говоритъ, не отстану». Добрый человѣкъ намъ добылъ вольныя шапки, потому — неспособно въ арестантскихъ; да и опять же все — казна... выбрали мы потемнѣе ночьку, да подождливѣе, кинули казенную одежду, да въ однихъ рубахахъ и махнули изъ барака черезъ самыи тыи вороты, скрозь которыя я за виномъ ходилъ. Въ эту ночь мы не пошли далеко, а спрятались тутъ же вблизи къ бараку, потому слыхали, что начальство завсегда гонится за убѣгшимъ арестанцемъ по всѣмъ большимъ и дальнимъ трахтамъ, а тутъ, воблизь, не ищетъ: дескать, что-жъ за дуракъ бѣглецъ, что, убѣгши, будетъ держаться кольострога... Когда, утромъ, зашумѣли конвойные, да заругалось начальство, зачѣмъ мы не идемъ поздравить его съ добрымъ утромъ, мы навострили уши, сидимъ, да слушаемъ, куда велятъ ѣхать розыскивать насъ... Слышимъ, отряжаютъ все по большимъ трахтамъ въ разныя стороны къ Волгѣ отъ Нижняго, а объ одномъ — ни слова... Такъ мы тихимъ манеромъ, давши погони-то убраться подальше, — да на тотъ трахтъ, о которомъ забыло начальство, и хоть верстъ полтораста приняли кругу, да дѣлать было нечево... Такъ мы трои сутокъ, ни пивши, ни ѣвши, шли: страхъ на насъ напалъ такой, что все думалось — не гонятся ли солдаты... Однако, слава Богу!.. добрались на четвертыя сутки до Волги, а все не жравши, хоть и было у насъ шестьдесятъ четыре рубля денегъ... Не шла и ѣда на умъ... Какъ взглянули на Волгу-то, у насъ и душеньки замерли!.. Такъ это на ней, матушкѣ, хорошо, да привольно!.. Видимъ за Волгой лѣсъ и таково тамъ, знаешь, ласково мѣсто выглядываетъ, что хошь умри тамъ... Надо было ѣхать туда... А какъ ѣхать?.. Мѣсто такое пустое—ни души нигдѣ; да видно Богъ намъ дорогу указывалъ. Спустились мы съ Иваномъ подъ берегъ, — глядь — лодчонка; мы въ нее, да за рѣку. Только прiѣхали, походили по берегу, смотримъ, а тамъ дальше опять рѣка... И догадались мы, что сидимъ на острову, и жилья тамъ — никакова... А лодчонку-то, чтобъ скрыть свой слѣдъ, приставши къ берегу оттолкнули прочь и пошла она внизъ по матушкѣ по Волгѣ... Тоска напала на насъ; тошно стало; голодны, отощали... Надо бы плыть дальше на другой берегъ — не на чѣмъ; хотѣли-было пуститься вплавь,—

приди, — за первыхъ людей почтутъ... Теперь, Егоръ играетъ на гармоніи... Да что вся твоя музыка!.. Никому такъ не сыграть; я затяну пѣсню, плясать пойду — народъ толпой бѣжитъ послушать, да позѣвать; а дѣвки!.. Эхъ, ваше ба-ародіе, и говорить не остается!..

— А что, ваше благородіе, какъ насчетъ нашихъ доброжелателевъ-то, что изволили въ острогъ посадить?.. Новичковскіе-то?.. Вѣдь поди, и имъ хаживать по одной дорожкѣ съ нами?.. спросилъ Шустовъ.

— Вѣроятно на поселеніе уйдутъ, отвѣчалъ исправникъ.

— Ну, и лучше!.. По крайности—вздумается съ каторги кудануибудь прогуляться, такъ все же свои земляки будутъ поближе... Тогда ужъ въ Старорущину—ни ногой!.. Теперь еще я буду просить ваше благородіе объ одномъ дѣлѣ. Какъ приведутъ въ Холомской острогъ, прикажите не садить насъ вмѣстѣ съ Новичковскими... Смерть не люблю упрековъ; а отъ нихъ тамъ покоя не будетъ... Жены моей нѣтъ-ли тамъ?..

— Если жену взяли, то она должна быть здѣсь...

— Вотъ, ваше благородіе, изволили заговорить про Егорову жену, заговорилъ Тихановъ. И за что ее брать, чѣмъ баба виновата?.. Вѣдь Егоръ, хошь лыкомъ шитъ, хошь душегубъ, а все-жъ ей мужемъ доводится... Здѣшнее начальство налегло на бѣдную бабу: подавай, да подавай мужа. А легкое-ль дѣло—выдать женѣ мужа!.. вѣдь она человѣкъ, душа-то и въ ей не калѣка, такая-жъ какъ и у кажиннаго православнаго... Не поправедному поступаютъ наши начальники... Цѣлую недѣлю морили молодицу, все подговаривали: подведи — да подведи мужа... Видно у этого начальства вмѣсто души-то голикъ всунутъ... Ну, сами посудите, статочное-ли дѣло женѣ на мужа доносить?.. Пусть сторона доноситъ... А то сторона молчитъ, а жена пойдетъ подводить... Да ее міръ заѣлъ-бы, съ деревни-бъ согнали!..

— Ну, прощайте, братцы, остепенитесь, обратился къ нимъ И. А. Волковъ; если будете держать себя смирно, не будете стараться вновь бѣжать, — васъ начальство, если и не совсѣмъ помилуетъ, то все-таки смягчитъ наказаніе.

— Это въ былые годы смягчали, ваше благородіе, а ныньче нечего смягчать... Въ старые годы одинъ судъ постановитъ бѣглаго солдатишку плетюгой отстегать, а другой смягчитъ приговоръ, да велитъ палкой бить. Не берусь удостовѣрить, ваше благородіе, что мягче, — возразилъ Шустовъ. Слава Богу и дай Богъ здравствовать царю, нонѣ пальцемъ никого не тронутъ...

Впрочемъ, уйти Шустенку еще разъ не пришлось: новгородское начальство, зная, что старорусскій острогъ ветхъ и вообще неудобенъ для содержанія такихъ молодцовъ, какъ Шустенокъ, предписало перевесть ихъ въ кандалахъ и подъ строжайшимъ карауломъ въ новгородскій острогъ.

Осенью въ 1866-мъ году, оба преступника были высланы въ Белебельскую волость, въ которой числится родина Шустенка, деревня Перегина, и наказаны для примѣра, въ поученіе мѣстному населенію, плетьми черезъ палача, и затѣмъ сосланы въ каторжныя работы [1]. Но нельзя сказать, чтобы цѣль поученія была достигнута, и, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной цитаты «Московскихъ Вѣдомостей», ближайшаго къ намъ времени, почти отъ вчерашняго дня, безопасность въ провинціи не сдѣлала большихъ успѣховъ и въ семидесятыхъ годахъ.

О. Парровъ.

---

[1]) Насколько была важна поимка Шустенка и Тиханова для холмскихъ жителей, доказываетъ адресъ городского общества, преподнесенный И. А. Волкову, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

ПЛАНЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

Два года тому назадъ я издалъ брошюру „Сельско-Хозяйственное знаніе и Сельско-Хозяйственное образованіе", въ которой разсматривалъ основанія организаціи сельско-хозяйственной школы и отношенія ея къ общеобразовательной школѣ, и пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ. Преподаваніе въ сельско-хозяйственной спеціальной школѣ должно ограничиваться спеціальными и вспомогательными предметами,—послѣдними въ самонужнѣйшихъ размѣрахъ; а для осуществленія этого необходима реальная школа, которая выпускала бы въ сельско-хозяйственную школу молодыхъ людей, знакомыхъ уже съ основными предметами сельскаго хозяйства (то-есть естественными науками и началами политической экономіи). Такое раздѣленіе задачи настоящихъ сельско-хозяйственныхъ школъ между общеобразовательной реальной и спеціальной сельско-хозяйственной школами представляетъ, на мой взглядъ, нѣсколько существенныхъ выгодъ. Такъ, сельско-хозяйственная школа только въ этомъ случаѣ можетъ быть удобнѣе устроена внѣ города, въ связи съ хозяйствомъ, совершенно необходимымъ для сельско-хозяйственной школы; тогда какъ въ настоящее время такая связь, требующая помѣщенія школы внѣ города, крайне затрудняетъ пріобрѣтеніе хорошихъ преподавателей для основныхъ предметовъ, находящихъ себѣ болѣе соотвѣтствующую обстановку въ городахъ. Далѣе, при исключеніи изъ сельско-хозяйственной школы курсовъ реальной школы, молодой человѣкъ можетъ поступить въ сельско-хозяйственную школу въ такомъ возрастѣ и съ такой подготовкой, которыя позволятъ ему вполнѣ сознательно посвятить себя изученію сельско-хозяйственной спеціальности; изучая основные предметы безъ всякаго отношенія къ той или другой спе-

ціальности, онъ будетъ изучать ихъ полнѣе, основательнѣе и избѣгнетъ односторонности и узкости взгляда на общественную дѣятельность, свойственныхъ людямъ, которыхъ занятія спеціализируются слишкомъ рано. Наконецъ, преподаваніе основныхъ предметовъ сельскаго хозяйства въ общеобразовательныхъ реальныхъ школахъ, подготовляющихъ къ спеціальнымъ, сократитъ общее число лѣтъ подготовленія для спеціальной дѣятельности, чтó весьма важно въ настоящее время, когда бóльшая часть сельско-хозяйственныхъ спеціалистовъ не имѣетъ еще такого общественнаго положенія, которое бы оплачивало большое число лѣтъ подготовительнаго труда; оно удешевитъ устройство сельско-хозяйственныхъ школъ, такъ какъ значительную часть расходовъ въ бюджетѣ настоящихъ сельско-хозяйственныхъ школъ составляетъ преподаваніе основныхъ наукъ; оно дастъ большее единство всей организаціи спеціальной школы, отчего цѣль этой послѣдней будетъ достигаться полнѣе; оно уменьшитъ число учащихся въ спеціальной школѣ съ пользой для преподаванія и безъ ущерба числу выпускаемыхъ школой спеціалистовъ.

Кромѣ исключенія преподаванія основныхъ наукъ изъ сельско-хозяйственной школы, я ставлю въ сказанной брошюрѣ успѣхъ сельско-хозяйственнаго образованія въ зависимость отъ соединенія высшей сельско-хозяйственной школы съ опытной станціей; отъ нахожденія во главѣ школы спеціалиста сельскаго хозяйства, знакомаго съ хозяйствомъ практически и въ то же время преподавателя [1]); отъ практическихъ свѣдѣній преподавателей въ преподаваемыхъ ими предметахъ и завѣдыванія ими соотвѣтствующихъ учебныхъ пособій; отъ управленія, находящагося при заведеніи хозяйства, директоромъ или однимъ изъ преподавателей школы; отъ усиленія и систематизированія практическихъ занятій учащихся; отъ увеличенія, особенно въ виду этого послѣдняго, числа преподавателей-спеціалистовъ въ школѣ, и, наконецъ, отъ отдѣленія, не по мѣсту нахожденія непремѣнно, но въ административномъ отношеніи, сельско-хозяйственной школы отъ лѣсной.

Вотъ тѣ главныя основанія организаціи сельско-хозяйственной школы, которыя я только и разсматриваю въ сказанной брошюрѣ, въ томъ предположеніи, что прежде составленія детальнаго устава школы необходимо установленіе главныхъ основаній ея организаціи, такъ какъ многія изъ нихъ составляютъ еще спорный предметъ. Изложенныя мною основанія остались почти безъ обсужденія въ нашей литературѣ, почему, можетъ быть, я могъ бы и обождать болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ организаціи сельско-хозяйственной школы,

---

1) См. журналъ „Русское Сельское Хозяйство“ томъ VII, стр. 124—125, 1871 г.

не, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ нашей періодической печати продолжаютъ появляться заявленія о необходимости усилить у насъ средства сельско-хозяйственнаго образованія; тамъ же встрѣчаются нападки на существующія сельско-хозяйственныя школы, иногда справедливые, но чаще несправедливые, обличающіе своихъ авторовъ въ незнакомствѣ ни съ требованіями сельско-хозяйственнаго образованія, ни съ организацiей сельско-хозяйственныхъ школъ. Въ комитетѣ земледѣлія, состоящемъ при императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, обсуждается вопросъ о наилучшей организаціи у насъ сельско-хозяйственныхъ школъ, возбужденный двумя докладами относительно сельско-хозяйственнаго образованія, принадлежащими: одинъ М. В. Неручеву, другой І. Н. Шатилову; многія земства желаютъ, для своихъ соображеній, имѣть примѣрные уставы сельско-хозяйственныхъ школъ; наконецъ, недавно, послѣдовало Высочайшее утвержденіе уставовъ реальныхъ и городскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и опубликованъ обращенный къ начальникамъ учебныхъ округовъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, допускающій учрежденіе земствомъ, обществами, сословіями и частными лицами реальныхъ училищъ, принаровленныхъ къ инымъ промышленнымъ потребностямъ, кромѣ тѣхъ основныхъ, которыя должны имѣться въ виду при учрежденіи правительственныхъ реальныхъ училищъ, какъ по образцу рекомендуемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ плановъ, съ разрѣшенія попечителя округа, такъ и по *иному* плану съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Такъ что все это побуждаетъ меня теперь же войти въ болѣе подробное обсужденіе организаціи высшей, средней и низшей школы, замѣтивъ однако, предварительно, что я отнюдь не смѣшиваю между собой два совершенно различныя между собой, по моему мнѣнію, понятія о высшемъ, среднемъ и низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи съ одной,—и о высшей, средней и низшей сельско-хозяйственной школѣ—съ другой стороны. Степень спеціальнаго, а слѣдовательно и сельско-хозяйственнаго образованія опредѣляется, на мой взглядъ, степенью общаго образованія лица, которое посвящаетъ себя спеціальности: поэтому я не допускаю высшаго сельско-хозяйственнаго образованія безъ университетскаго, то-есть, безъ изученія науки, научнаго метода, которое должно, главнымъ образомъ, предшествовать изученію спеціальныхъ предметовъ, но можетъ и слѣдовать за нимъ. Высшая же школа, объ организаціи которой я намѣренъ говорить здѣсь, есть школа, довольствующаяся подготовкой поступающихъ въ нее молодыхъ людей въ среднемъ общеобразовательномъ реальномъ училищѣ. Высшая, средняя и низшая школы, объ организаціи которыхъ я поведу рѣчь, разли-

чаются по роду спеціалистовъ, которыхъ онѣ должны готовить. Между тѣмъ, какъ высшая сельско - хозяйственная школа должна приготовлять самостоятельныхъ управляющихъ-организаторовъ, крупныхъ администраторовъ, средняя имѣетъ назначеніе приготовлять управляющихъ-исполнителей даннаго хозяйственнаго плана, мелкихъ администраторовъ, а низшая—старостъ, смышленныхъ земледѣльческихъ работниковъ.

За этимъ я приступлю къ изложенію организаціи сказанныхъ трехъ сельско-хозяйственныхъ школъ, начиная съ высшей.

Высшая сельско-хозяйственная школа предназначается для спеціальнаго образованія самостоятельныхъ управляющихъ-организаторовъ, крупныхъ администраторовъ, и даетъ поступающимъ въ нее молодымъ людямъ теоретическія и практическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, послѣднія насколько это достижимо въ школѣ. Поэтому въ школѣ должны преподаваться:

А. Спеціальные предметы: 1) *Культура растеній:* Земледѣліе (общее и частное: огородничество, полеводство и луговодство), лѣсоводство и садоводство; 2) *культура животныхъ* (зоотехнія): скотоводство (общее и частное), пчеловодство, шелководство и рыбоводство; 3) *сельско-хозяйственная экономія* (организація хозяйства, администрація и счетоводство); 4) *исторія сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственная географія.*

В. Вспомогательные предметы: 1) земледѣльческія орудія и машины; 2) сельско-хозяйственныя постройки; 3) сельско-хозяйственное и инженерное искусство; 4) главнѣйшія техническія производства, соединяющіяся съ сельскимъ хозяйствомъ; 5) землемѣріе; 6) распознаваніе болѣзней домашнихъ животныхъ и поданіе первой помощи животнымъ, заболѣвающимъ какъ эпидемическими, такъ и спорадическими болѣзнями.

Для того, чтобы быть въ состояніи изучать эти предметы, поступающій въ сельско-хозяйственную школу необходимо долженъ имѣть основательныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ: въ химіи, съ практическимъ знаніемъ качественнаго и количественнаго химическаго анализа, въ физикѣ съ метеорологіей, въ минералогіи съ геогнозіей и геологіей, въ ботаникѣ и зоологіи, въ математикѣ и началахъ политической экономіи. Но такъ какъ эти свѣдѣнія будутъ пріобрѣтаться поступающимъ въ сельско-хозяйственную школу, главнымъ образомъ, въ общеобразовательномъ реальномъ училищѣ, которое не можетъ имѣть въ виду исключительно сельско-хозяйственную школу, то въ видахъ, съ одной стороны, особенной важности для сельскаго хозяина, занимающагося культурой растеній и животныхъ, знанія жизненныхъ отправленій растенія и животнаго и двухъ

главнѣйшихъ срединъ, въ которыхъ развивается растеніе: почвы и воздуха, съ другой — невозможности столь подробнаго, какъ это необходимо для сельскаго хозяина, изложенія этихъ частей въ общеобразовательномъ заведеніи, необходимо преподаваніе въ высшей сельско-хозяйственной школѣ *анатоміи и физіологіи растеній и домашнихъ животныхъ*, съ особеннымъ развитіемъ *питанія* ихъ, *почвовѣдѣнія* и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, *метеорологіи*.

Спеціальные и небольшая часть основныхъ предметовъ должны имѣть теоретическіе и практическіе курсы, сопровождающіе другъ друга; вспомогательные же предметы преимущественно практическіе.

Необходимыя для такого преподаванія учебныя пособія составляютъ:

1) Библіотека.

2) Сельско-хозяйственный кабинетъ по культурѣ растеній и животныхъ.

3) Коллекціи орудій и машинъ въ настоящую величину и различныхъ предметовъ, необходимыхъ для преимущественно практическаго изученія вспомогательныхъ предметовъ, поименованныхъ подъ литерой В.

4) Химическая и физіологическая лабораторія и метеорологическая обсерваторія, какъ пособіе при изученіи анатоміи и физіологіи растеній и животныхъ, почвовѣдѣнія и метеорологіи, равно какъ для производства сельско-хозяйственныхъ опытовъ учащими и учащимися школы.

5) Хозяйственно-ботаническій садъ для ознакомленія учащихся съ различными хозяйственными растеніями.

6) Плодовый садъ, питомникъ плодовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ и огородъ, какъ учебное пособіе при изученіи садоводства, лѣсоводства и огородничества.

7) Опытное поле для показанія различныхъ пріемовъ культуры полевыхъ растеній и для опытовъ.

8) Ферма—хозяйство съ полеводствомъ, луговодствомъ и скотоводствомъ, организованное сообразно мѣстнымъ условіямъ. Ферма должна служить пособіемъ для изученія пріемовъ культуры въ размѣрахъ, встрѣчающихся также въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ, которыми опредѣляется не только извѣстное техническое выполненіе ихъ, но и, главнымъ образомъ, экономическое пользованіе рабочею силой. Принимая во вниманіе сельско-хозяйственныя условія центральной Россіи, такая ферма должна бы была имѣть, по крайней мѣрѣ, отъ 150 до 200 десятинъ запашки.

9) Школа полезнымъ образомъ можетъ имѣть еще и другія пособія, напримѣръ, хотя небольшую лѣсную дачу, если возможно,

пчельникъ, шелководню, рыборазводное заведеніе, содержать тѣхъ изъ важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ содержаніе по мѣстнымъ условіямъ не входило бы въ хозяйственный планъ фермскаго хозяйства.

Преподаваніе въ школѣ названныхъ выше предметовъ должно распредѣляться на два-три года. Учебный годъ, начинающійся съ 1-го октября, удобно дѣлится на два полугодія: зимнее съ 1-го октября по 1-е апрѣля, и лѣтнее съ 1-го апрѣля по 1-е октября. Какъ въ зимнемъ, такъ и въ лѣтнемъ полугодіяхъ могутъ быть вакаціи, продолжающіяся каждый разъ не долѣе одного мѣсяца, во время, которое можетъ быть различно для различныхъ мѣстъ. Какъ въ зимнемъ, такъ и въ лѣтнемъ полугодіяхъ классное преподаваніе сопровождается практическимъ преподаваніемъ, соотвѣтствующимъ времени года; причемъ въ зимнемъ полугодіи усиливается первое, въ лѣтнемъ же — второе, такъ какъ въ это время должны преподаваться въ классахъ преимущественно тѣ предметы школьнаго курса, которые требуютъ демонстрацій въ полѣ.

Вотъ примѣрное распредѣленіе класснаго преподаванія и практическихъ занятій по предметамъ школьнаго курса на четыре полугодія [1]).

Первый годъ.

Семестры:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Почвовѣдѣніе и метеорологія	3	1) Земледѣліе, преимущественно общее	5
2) Анатомія и физіологія растеній	4	2) Зоотехнія (общая)	4
3) Анатомія и физіологія животныхъ	4	3) Сельско-хозяйственныя техническія производства	3
4) Земледѣльческія машины и орудія	2	4) Землемѣріе	2
5) Сельско-хозяйственныя техническія производства	2		14
6) Сельско-хозяйственныя постройки	3		
	18		

Практическія упражненія въ химическомъ анализѣ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, по анатоміи и физіологіи растеній и животныхъ, и уходу за скотомъ.

Практическія упражненія въ химическомъ анализѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній по анатоміи и физіологіи растеній и животныхъ, въ землемѣріи и полевыхъ работахъ.

[1]) На шесть полугодій, еслибы оказалось нужнымъ увеличеніе продолжительности школьнаго курса ученія, распредѣленіе занятій будетъ легче.

Второй годъ.

Семестры:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Земледѣліе	4
2) Зоотехнія	4
3) Сельско-хозяйственная экономія	3
4) Сельско-хозяйственная географія	2
5) Лѣсоводство	3
6) Болѣзни животныхъ	2
	18

Практическія упражненія въ химическомъ анализѣ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, по анатоміи и физіологіи растеній и животныхъ, работы въ усадьбѣ; уходъ за скотомъ, счетоводство.

Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Сельско-хозяйственная экономія	3
	3
2) Исторія сельскаго хозяйства	2
3) Огородничество	1
4) Садоводство	1
5) Лѣсоводство	2
6) Сельско-хозяйственное и инженерное искусство	3
7) Болѣзни животныхъ	2
	17

Практическія упражненія въ полевыхъ работахъ; организаціонныя работы; работа для выпускного экзамена.

Ближайшее распредѣленіе классного преподаванія, равно какъ и практическихъ занятій, между преподавателями и по времени, а также разсмотрѣніе и утвержденіе программъ преподаванія должно лежать на обязанности совѣта школы, такъ какъ это, между прочимъ, можетъ измѣняться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, которыя будутъ опредѣлять возможность имѣть то или другое число преподавателей. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы учащіеся не были вынуждены заниматься болѣе 10—12 часовъ въ день; въ томъ числѣ 3—4 часа въ аудиторіяхъ, 3—4 часа для усвоенія слышаннаго въ аудиторіи, и 4—5 часовъ практически; 10-же—12 часовъ занятій не можетъ быть обременительно для учащагося.

Въ числѣ практическихъ занятій необходимо обратить вниманіе на то, чтобы распоряженія по производству работъ на слѣдующій день, такъ-называемый нарядъ, производился завѣдывающимъ хозяйствомъ школы ежедневно въ присутствіи всѣхъ учащихся, преподавателей, директора и смотрителя школы. Это представляетъ ту выгоду, что при этомъ, во-первыхъ, всѣ хозяйственныя явленія могутъ подвергаться всестороннему весьма поучительному для учащихся обсужденію; во-вторыхъ, имѣющіяся въ распоряженіи школы рабочія силы могутъ быть съ большей экономіей сосредоточиваемы на наиболѣе необходимыхъ работахъ.

Полагая, что въ такой школѣ, особенно въ виду практическихъ занятій, нельзя занимать успѣшно болѣе 100 человѣкъ, слѣдуетъ принимать въ школу всѣхъ лицъ, желающихъ изучить сельское хозяйство, не моложе 17-ти лѣтъ, съ тѣмъ однако, что если число же-

ляющихъ поступить въ школу, превышаетъ число вакантныхъ мѣстъ, то отдавать при пріемѣ преимущество прежде всего окончившимъ курсъ въ заведеніи, дающемъ необходимую для школы подготовку, затѣмъ, выдержавшимъ съ бо́льшимъ успѣхомъ назначенное отъ школы испытаніе и, наконецъ, занимавшимся или занимающимся сельско-хозяйственной практикой.

Весьма хорошо было бы, если бы по ближайшемъ и всестороннемъ обсужденіи предстоящаго вопроса, можно было требовать отъ поступающихъ въ спеціальную школу, чтобы они, во всякомъ случаѣ, даже при окончаніи ими курса въ реальной школѣ, до поступленія въ сельско-хозяйственную школу проводили годъ въ хозяйствѣ, съ цѣлію испытать свою наклонность къ сельско-хозяйственной дѣятельности. Вынесшіе изъ такого испытанія убѣжденіе въ своемъ призваніи, конечно, тѣмъ успѣшнѣе проходили бы спеціальную школу и, какъ знакомые уже съ сельско-хозяйственными предметами, тѣмъ легче и полнѣе усвояли бы себѣ преподаваемое въ школѣ.

Учащіеся должны быть принимаемы въ школу одинъ разъ въ годъ, въ началѣ учебнаго года, и могутъ оставаться въ школѣ болѣе трехъ лѣтъ въ такомъ только случаѣ, если этимъ не мѣшаютъ поступленію въ школу новыхъ лицъ, имѣющихъ на то право на только-что указанныхъ основаніяхъ, или же, если это будетъ найдено полезнымъ со стороны совѣта школы. Кромѣ того, въ школу могутъ быть принимаемы по усмотрѣнію совѣта, безъ ущерба для интересовъ преподаванія, въ небольшомъ числѣ, желающіе пробыть въ школѣ лишь непродолжительное время для спеціальнаго изученія какой-либо части сельскаго хозяйства, напримѣръ, обращенія съ машиной, орудіемъ, ухода за скотомъ и т. д.

За ученіе въ школѣ учащіеся вносятъ по-полугодно впередъ извѣстную опредѣленную плату, отъ которой недостаточные учащіеся могутъ быть освобождаемы по усмотрѣнію совѣта.

Принимая во вниманіе число часовъ приведеннаго мною выше классенаго преподаванія—восьмнадцать въ недѣлю зимняго и четырнадцать лѣтняго семестра, разнообразіе предметовъ, практическія занятія и завѣдываніе учебными пособіями, я полагалъ бы необходимымъ для такой школы отъ 5-ти до 6-ти штатныхъ преподавателей. Для чтенія нѣкоторыхъ вспомогательныхъ предметовъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, вмѣсто штатныхъ преподавателей могутъ быть приглашаемы по найму лица изъ мѣстныхъ дѣятелей, напр., для чтенія о болѣзняхъ животныхъ — мѣстный ветеринаръ, для чтенія строительнаго искусства—мѣстный архитекторъ; преподаваніе же спеціальныхъ и такихъ вспомогательныхъ предметовъ, для преподаванія которыхъ нельзя было бы найти лицъ между мѣстными дѣятелями,

необходимо должно обезпечиваться преимущественно штатными преподавателями.

Мѣста штатныхъ преподавателей должны быть занимаемы преимущественно людьми, получившими высшее спеціальное образованіе, имѣющими одну изъ высшихъ ученыхъ степеней университета и знакомыхъ практически съ своимъ предметомъ. Избраніе лица на преподавательское мѣсто должно лежать на обязанности совѣта школы.

Преподаватели, кромѣ чтенія лекцій и производства испытаній, обязаны: 1) руководить практическими занятіями слушателей по преподаваемому ими предмету; 2) завѣдывать учебными по своему предмету пособіями; 3) по избранію совѣта школы, одинъ изъ преподавателей исполняетъ обязанности директора школы, другой — управляетъ состоящимъ при школѣ хозяйствомъ, третій—исполняетъ всѣ обязанности казначея, и четвертый — обязанности секретаря совѣта. 4) Занимаются изученіемъ состоянія мѣстнаго сельскаго хозяйства въ районѣ школы, его недостатковъ и мѣръ къ его усовершенствованію.

Штатные преподаватели въ вознагражденіе за свои труды получаютъ штатное жалованье, которое увеличивается періодическими прибавками; сверхъ того, долю изъ части сбора съ учащихся за преподаваніе и испытанія [1]) и долю изъ половины чистаго дохода отъ хозяйства [2]). Кромѣ того, исполняющіе обязанности директора, казначея и секретаря совѣта и завѣдывающій хозяйствомъ получаютъ соотвѣтствующія прибавки къ преподавательскому жалованью: первые трое—изъ штатной суммы, послѣдній—изъ доходовъ хозяйства прежде вычисленія чистаго дохода.

Занятія учащихся должны направляться, главнымъ образомъ, личнымъ руководствомъ преподавателей въ практическихъ занятіяхъ и испытаніями, которыя производятся каждое полугодіе во время свободное отъ чтенія лекцій и ближе опредѣляемое совѣтомъ. Къ испытаніямъ должны быть допускаемы всѣ желающіе подвергнуться оному, какъ учащіеся въ школѣ, такъ и постороннія лица, заявляя о своемъ желаніи директору школы, по крайней мѣрѣ, за недѣлю до наступленія экзаменаціоннаго времени и внося при этомъ впередъ извѣстную плату за испытаніе изъ каждаго предмета. Эта плата можетъ быть меньше для учащихся, значительнѣе для постороннихъ, но въ случаѣ невыдержанія экзамена не возвращается внесшему ее; въ случаѣ же выдержанія, можетъ быть возвращаема недостаточнымъ учащимся, по усмотрѣнію совѣта.

Испытаніе должно обнимать не одинъ теоретическій, но и практическій курсъ преподаванія. По окончаніи испытанія изъ каждаго

---

[1]) Другая часть идетъ на улучшеніе учебной части школы.

[2]) Другая половина идетъ на улучшеніе хозяйства.

отдѣльнаго предмета, подвергавшійся такому испытанію, въ случаѣ успѣшнаго окончанія имъ этого послѣдняго, получаетъ въ томъ надлежащее удостовѣреніе.

Учащійся же, 1) представившій удостовѣреніе объ успѣшномъ окончаніи имъ испытаній изъ всѣхъ предметовъ школьнаго курса, 2) удовлетворительно исполнившій работу для разрѣшенія заданнаго ему техническаго вопроса изъ области сельскаго хозяйства, и 3) исполнившій удовлетворительно работу по организаціи хозяйства,— пріобрѣтаетъ права, соединенныя съ окончаніемъ полнаго курса ученія въ школѣ.

Права, соединенныя съ окончаніемъ полнаго курса ученія въ школѣ, должны состоять: 1) въ правахъ возможно-свободнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ въ частной жизни, 2) въ правѣ на государственную службу, и въ 3) въ правѣ пріобрѣтенія, наравнѣ съ кандидатами университетовъ, высшихъ ученыхъ степеней въ университетѣ, по одному изъ основныхъ предметовъ сельскаго хозяйства, т.-е., по одной изъ естественныхъ наукъ или по политической экономіи.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, цѣль школы, объемъ и содержаніе преподаванія въ ней, составъ учащихъ и учащихся, способъ производства испытаній и права, пріобрѣтаемыя окончаніемъ полнаго курса ученія въ школѣ, скажу нѣсколько словъ объ управленіи школой и средствахъ, которыхъ можетъ потребовать устройство школы по предлагаемому мною плану.

Главное управленіе школой должно быть ввѣрено ея директору и совѣту, отъ которыхъ зависитъ какъ педагогическая, такъ и хозяйственная части школы; но чтобы послѣдняя не отвлекала отъ педагогическихъ занятій (преподаванія, завѣдыванія учебными пособіями и т. д.) преподавателей, а слѣдовательно и директора, необходимо отдѣльное лицо—смотритель школы, который завѣдывалъ бы хозяйственной частію школы (ремонтомъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ зданій, полицейской частію, наймомъ служителей и т. д.), на основаніи смѣты, утверждаемой совѣтомъ сообразно съ штатными назначеніями въ концѣ каждаго года на годъ впередъ, подъ личной отвѣтственностію за надлежащее веденіе дѣла и только подъ контролемъ директора, котораго подписью долженъ быть утвержденъ каждый расходный документъ смотрителя, превышающій извѣстную сумму, прежде нежели по немъ будутъ выплачены деньги казначеемъ. Въ извѣстные сроки въ году касса и имущество ревизуются избираемымъ для этого каждый разъ членомъ совѣта.

Еслибы обстоятельства потребовали, чтобы школа приняла на себя устройство помѣщенія и продовольствія учащихся, то это должно быть возложено на смотрителя школы. на такомъ же совер-

щенно основаніи, какъ и остальная хозяйственная часть школы, съ дополнительнымъ ему за это вознагражденіемъ, изъ платы учащихся за помѣщеніе и продовольствіе.

Конечно, при школѣ, которая должна находиться внѣ города, необходимы свои врачъ, фельдшеръ и больница, если эта потребность школы не можетъ удовлетворяться другими мѣстными учрежденіями этого рода.

Итакъ, преподаватели занимаются преподаваніемъ теоретическимъ и практическимъ, и завѣдываютъ учебными пособіями. Кромѣ того, по избранію совѣта, одинъ изъ нихъ исполняетъ обязанности директора, другой — секретаря совѣта, третій — казначея, четвертый завѣдываетъ хозяйствомъ фермы. Смотритель школы завѣдываетъ хозяйственною частью и особый врачъ, въ случаѣ надобности, медицинскою частію школы. Совѣтъ школы, котораго членами состоятъ всѣ преподаватели, а по вопросамъ, касающимся хозяйственной части, и смотритель школы, завѣдываетъ педагогическою частію, утверждаетъ смѣту ежегодныхъ расходовъ по хозяйственной части и контролируетъ послѣднюю чрезъ директора и одного изъ своихъ членовъ, избираемаго каждый разъ для срочной ревизіи. Директоръ же наблюдаетъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы всѣ члены заведенія въ точности исполняли свои обязанности въ смыслѣ устава, предписаній власти, которой подчинена школа, и постановленій совѣта; чтобы дѣятельность заведенія неуклонно слѣдовала по пути къ возможно полному достиженію цѣли заведенія, и потому на немъ лежитъ, главнымъ образомъ, иниціатива въ совѣтѣ обсужденія какъ мѣръ къ дальнѣйшему развитію заведенія, такъ и мѣръ къ устраненію нарушеній надлежащаго хода дѣлъ въ школѣ.

Школа такой организаціи потребовала бы примѣрно ежегодныхъ расходовъ:

	Одному:	Всѣмъ:
На жалованье шести штатнымъ преподавателямъ или же частію на плату приглашаемымъ для преподаванія по найму	2,500[1]	15,000
Преподавателю, избранному директоромъ . . .	1,000	1,000
» » секретаремъ совѣта	500	500
» » казначеемъ . . .	300	300
На жалованье смотрителю школы.	1,500	1,500
» письмоводителю.	800	800
На канцелярію		500
На церковныя потребности		300
На медицинское пособіе		800
На жалованье садовнику, лаборанту и другимъ		

[1] Какъ высшая норма съ пятилѣтними надбавками.

помощникамъ, завѣдывающимъ учебными пособіями	3,000
На лабораторіи химическую и физіологическую	2,000
На остальные кабинеты	1,000
На опытное поле, опытный скотъ, садъ	2,000
На ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе зданій	6,000
На наемъ служителей	2,000
	36,700
Кромѣ того, еслибы нужно было, на жалованье особымъ: врачу	900
фельдшеру	400
	38,000

Всѣ служащіе школы получаютъ квартиры натурой.

Въ этой смѣтѣ расходовъ я не привожу арендной платы за имѣніе: во-первыхъ, потому, что такая аренда должна выплачиваться изъ доходовъ хозяйства; во-вторыхъ, потому, что при значительности затратъ, которыхъ потребуетъ обзаведеніе такой школы, было бы желательно, чтобы ферма такой школы составляла земельную собственность учредителя школы, правительства, земства и т. д., и, слѣдовательно, неотъемлемую собственность школы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сумма, равная арендной платѣ за землю, могла бы поступать или въ возвратъ соотвѣтствующей части штатной суммы, отпускаемой правительствомъ, земствомъ и т. д., или же употребляться на дальнѣйшее развитіе учебной части самой школы. Половина платы за ученіе и испытанія поступаютъ на улучшеніе учебной части школы, а половина чистаго дохода отъ фермскаго хозяйства поступаетъ на улучшеніе фермскаго хозяйства.

Конечно, эти цифры могутъ подлежать нѣкоторому измѣненію сообразно мѣстнымъ условіямъ, напр., на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе зданій, на наемъ прислуги и т. д.

Успѣхъ высшей сельско-хозяйственной школы, организованной по предлагаемому плану, будетъ въ значительной степени обусловливаться тою подготовкой, которую будутъ приносить въ спеціальную школу молодые люди, поступающіе въ нее изъ общеобразовательнаго реальнаго училища, а слѣдовательно, отъ организаціи этого послѣдняго. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе организаціи общеобразовательнаго реальнаго училища, которое бы могло успѣшнымъ образомъ подготовить молодыхъ людей въ высшую спеціальную сельско-хозяйственную школу, замѣчу, что изъ проектированныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія реальныхъ училищъ рѣшило бы эту задачу наиболѣе успѣшно шестиклассное реальное училище, съ дополнительнымъ классомъ химико-технологическаго отдѣленія, еслибы усилить преподаваніе математики, естественной исторіи, физики (механики) и химіи, въ особенности въ дополнительномъ классѣ

на счетъ общаго строительнаго искусства и химической технологіи, которыхъ преподаваніе, если не совсѣмъ исключить, то, по крайней мѣрѣ, можно было бы значительно уменьшить.

Тѣ изъ кончившихъ курсъ въ высшей сельско-хозяйственной школѣ, которые пожелаютъ посвятить себя практической дѣятельности, довершаютъ свое спеціальное образованіе, поступая въ частную службу на субалтерныя мѣста подъ руководство опытныхъ и знающихъ сельскихъ хозяевъ. Въ такомъ помѣщеніи оканчивающихъ курсъ ученія, школа должна бы была имѣть свою долю участія.

Средняя сельско-хозяйственная школа приготовляетъ управляющихъ - исполнителей извѣстнаго хозяйственнаго плана, мелкихъ администраторовъ, и даетъ поступающимъ въ нее молодымъ людямъ, какъ и высшая школа, теоретическія и практическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, но преимущественно послѣднія, первыя же въ той лишь степени и въ томъ объемѣ, которые допускаются соотвѣтственно меньшей общеобразовательной подготовкой молодыхъ людей, поступающихъ въ среднюю сельско-хозяйственную школу. Поэтому въ средней школѣ преподаются тѣ же предметы, какъ и въ высшей, но въ другомъ лишь объемѣ. Въ среднюю школу поступаютъ молодые люди, имѣющіе всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ общеобразовательныхъ предметовъ: закона Божія, русскаго языка, математики, исторіи и географіи; слѣдовательно, кончившіе курсъ ученія, примѣрно, въ четырехъ-классномъ городскомъ училищѣ по новому проекту министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ они пріобрѣтаютъ и основанія изъ естествовѣдѣнія. Желательно, конечно, въ интересахъ сельско-хозяйственнаго образованія, чтобы названная городская школа давала своимъ учащимся хорошія, довольно полныя основы естествовѣдѣнія. При всемъ томъ, однако, средняя сельско-хозяйственная школа должна будетъ, имѣя въ виду особенную потребность въ свѣдѣніяхъ изъ естественныхъ наукъ для сельскаго хозяина, организовать преподаваніе спеціальныхъ предметовъ такъ, чтобы оно обнимало въ то же время необходимыя для каждаго спеціальнаго предмета дополнительныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, отчасти въ введеніи къ изложенію, отчасти въ самомъ изложеніи спеціальнаго предмета. Преподаваніе вспомогательныхъ предметовъ должно быть почти исключительно объясненіемъ того, что можетъ быть представлено учащемуся въ дѣйствительности, наученіемъ его необходимѣйшимъ для него пріемамъ изъ области этихъ предметовъ. Въ средней школѣ должно быть обращено особенное вниманіе на изученіе учащимися различныхъ пріемовъ сельско-хозяйственной практики.

Учебныя пособія средней школы могутъ быть значительно проще и ограничиваться: библіотекой, сельско-хозяйственнымъ кабинетомъ, коллекціей необходимѣйшихъ орудій и машинъ въ настоящую величину, въ дополненіе къ имѣющимся на фермѣ школы, небольшихъ размѣровъ садомъ, огородомъ, питомниками и опытнымъ полемъ, въ которыхъ учащійся могъ бы познакомиться не только съ соотвѣтствующими пріемами культуры мѣстныхъ растеній, но и съ характеромъ главнѣйшихъ культурныхъ растеній другихъ мѣстъ и, наконецъ, фермой, подобной фермѣ высшей школы; кромѣ того, однако. школа можетъ имѣть съ пользой нѣкоторые роды домашнихъ животныхъ, несодержимыхъ на фермѣ школы,—пчельникъ, шелководню и небольшую лѣсную дачу.

Преподаваніе въ школѣ должно распредѣляться на три года; учебный же годъ долженъ дѣлиться на полугодія, равно какъ и занятія распредѣляться въ теченіе года, точно такъ, какъ въ высшей школѣ.

Вотъ, примѣрно, распредѣленіе классныго преподаванія и практическихъ занятій по предметамъ школьнаго курса на шесть полугодій, составленное въ томъ предположеніи, что учащіеся въ первомъ году должны ознакомиться преимущественно съ пріемами сельско-хозяйственной практики, что классное преподаваніе должно начаться, главнымъ образомъ, со второго года и что учащіеся вообще должны имѣть возможно больше времени для практическихъ упражненій, въ числѣ которыхъ должны быть: 1) веденіе дневника всего того, что̀ было наблюдаемо учащимся при его практическихъ занятіяхъ; 2) ежедневное присутствіе на нарядѣ работъ въ присутствіи всѣхъ преподавателей и директора школы, и 3) письменные отвѣты на различнаго рода сельско-хозяйственные вопросы.

Эти послѣднія практическія занятія весьма полезны въ средней школѣ, въ виду той степени развитія, которое можно предположить въ большинствѣ учащихся въ школѣ.

Первый годъ.

Семестры:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Дополнительныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, какъ:		1) Дополнительныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, какъ:	
а) введеніе въ земледѣліе	4	а) введеніе въ земледѣліе	2
б) введеніе въ зоотехнію	2	б) введеніе въ зоотехнію	2
2) Сельско-хозяйственная ариеметика	2	2) Землемѣріе	2
	8		6

Практическія занятія: уходъ за скотомъ и другія работы въ усадьбѣ.

Практическія занятія по землемѣрію, работы огородныя, садовыя и полевыя.

Второй годъ.

Семестры:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Земледѣліе общее	4	1) Земледѣліе общее и полеводство	4
2) Зоотехнія общая и частная	4	2) Зоотехнія частная	4
3) Земледѣльческія машины и орудія	2	3) Сельско-хозяйственное инженерное искусство	2
4) Сельско-хозяйственныя техническія производства	2		10
5) Сельско-хозяйственныя постройки	2		
	14		

Практическія занятія: работы въ усадьбѣ.

Практическія занятія по землемѣрію и работы полевыя, луговыя и лѣсныя.

Третій годъ.

Семестры:

Зимній.	Число часовъ въ недѣлю.	Лѣтній.	Число часовъ въ недѣлю.
1) Организація хозяйства и счетоводство	6	1) Полеводство и луговодство	2
2) Лѣсоводство	2	2) Огородничество и садоводство	2
3) Болѣзни животныхъ	2	3) Лѣсоводство	2
	10	4) Болѣзни животныхъ	2
			8

Практическія упражненія: работы въ усадьбѣ, составленіе хозяйственныхъ учетовъ и веденіе книгъ.

Практическія занятія: полевыя, луговыя и лѣсныя работы.

Ближайшее распредѣленіе классн аго преподаванія и практическихъ занятій, а также разсмотрѣніе и утвержденіе программъ преподаванія должно лежать на обязанности совѣта школы, какъ и въ высшей школѣ; замѣчу здѣсь, однако, въ поясненіе предлагаемаго мной учебнаго плана для этой школы, что учащіеся поклассно могли бы весьма удобно быть освобождаемы совершенно отъ класснаго преподаванія въ теченіи извѣстнаго числа дней въ недѣлю; при трехъ классахъ, слѣдовательно въ теченіе двухъ дней въ недѣлю, съ тѣмъ чтобы въ эти дни исключительно заниматься работами по изученію сельско-хозяйственныхъ пріемовъ.

Учащіеся средней, какъ и высшей школы, при нѣкоторомъ разнообразіи занятій, могутъ быть заняты въ день отъ 10-ти до 12-ти часовъ.

Въ виду того, что занятіе съ учащимися средней школы требуетъ болѣе постояннаго участія преподавателей, чѣмъ занятіе съ учащимися въ высшей школѣ, я полагаю, что число учащихся въ средней школѣ не должно превышать 60—75 человѣкъ, по 20—25 человѣкъ въ классѣ. Въ числѣ учащихся средней школы могутъ быть принимаемы мальчики не моложе 15-ти лѣтъ и, какъ я уже сказалъ, окончившіе курсъ въ соотвѣтствующемъ подготовительномъ заведе-

нiи; но еслибы затѣмъ оставались вакантныя мѣста въ школѣ, то, по усмотрѣнiю совѣта школы, могли бы быть допускаемы въ школу и другiя лица для изученiя сельскаго хозяйства, въ размѣрахъ полнаго курса школы, или же только въ извѣстной части его, напримѣръ, для изученiя только нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ прiемовъ. Учащiеся должны приниматься въ школу разъ въ годъ, при началѣ учебнаго года, и имѣть право оставаться въ школѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, еслибы не было особенно уважительныхъ причинъ для совѣта школы отступить отъ этого правила.

Въ виду показаннаго мной въ учебномъ планѣ числа часовъ преподаванiя въ средней школѣ, я полагалъ бы необходимымъ для такой школы отъ 3-хъ до 4-хъ штатныхъ преподавателей, смотря потому, могутъ ли быть между мѣстными дѣятелями найдены преподаватели по найму, для преподаванiя нѣкоторыхъ частей школьнаго курса, преимущественно же вспомогательныхъ дисциплинъ, или нѣкоторыхъ второстепенныхъ спецiальныхъ. Преподавательскiя мѣста въ школѣ должны замѣщаться преимущественно лицами, кончившими курсъ высшей сельско-хозяйственной школы и занимавшимися въ теченiе по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ лѣтъ практически сельскимъ хозяйствомъ. Право избранiя преподавателя въ среднюю школу должно принадлежать или совѣту самой средней школы, или совѣту высшей школы.

Въ остальномъ организацiя средней сельско-хозяйственной школы можетъ быть совершенно сходна съ организацiей высшей школы, за исключенiемъ того, что испытанiя должны производиться здѣсь въ опредѣленное время, лучше всего въ концѣ лѣтняго семестра, какъ для перевода изъ класса въ классъ, такъ и для выпуска изъ школы.

Окончившiе въ школѣ полный курсъ ученiя учащiеся должны пользоваться преимущественно правомъ возможно свободнаго занятiя сельскимъ хозяйствомъ въ частной жизни.

Средняя школа, конечно, въ большей части случаевъ потребуетъ устройства при школѣ пансiона, въ которомъ бы могли жить учащiеся. Веденiе хозяйственной части пансiона, какъ и всей школы, должно лежать и здѣсь на обязанности смотрителя школы, подъ контролемъ директора и совѣта школы.

Средняя школа потребуетъ, примѣрно, слѣдующихъ ежегодныхъ расходовъ:

	Одному:	Всѣмъ:
На жалованье 4 штатнымъ преподавателямъ или также частiю преподающимъ по найму:	1,500	6,000
Добавочныхъ преподавателю, исполняющему обязанность директора. . . .	600	600
» преподавателю, исполняющему обязанность секретаря совѣта.	300	300

Добавочныхъ преподавателю, исполняющему обязанность казначея	150	150
Письмоводителю	600	600
На канцелярію	300	300
Смотрителю школы	800	800
На церковныя потребности	250	250
На медицинское пособіе: (докторъ, фельдшеръ и больница)	1,500	1,500
Садовнику	600	600
На учебныя пособія	1,500	1,500
На ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе	4,000	4,000
На наемъ прислуги	1,000	1,000
		17,600

Кромѣ того, квартиры служащимъ въ натурѣ.

Что касается средней школы, то хотя по сравнительной незначительности капитала, котораго потребуетъ обзаведеніе ея, она могла бы, скорѣе чѣмъ высшая школа, помѣщаться въ заарендованномъ имѣніи, особенно на болѣе продолжительный срокъ; тѣмъ не менѣе удобнѣе было бы заведеніе ея на собственномъ ея учредителя участкѣ, принадлежащемъ правительству или земству.

Низшая сельско-хозяйственная школа должна приготовлять старостъ, смышленыхъ земледѣльческихъ работниковъ,—и ея организація можетъ быть чрезвычайно проста.

Имѣя въ виду, что крестьянскій мальчикъ, посѣщающій народную школу, пріобрѣтаетъ то, что даетъ ему эта послѣдняя въ возрастѣ отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, и что въ 14-ть лѣтъ мальчикъ, большею частію, уже годенъ почти для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, по крайней мѣрѣ, я еще лѣтомъ нынѣшняго (1872) года имѣлъ случай видѣть весьма искуснаго 14-ти-лѣтняго плугатора [1],—я полагалъ бы полезнымъ заведеніе, гдѣ это возможно, при селахъ образцовыхъ огородовъ и садовъ, въ которыхъ крестьянскіе мальчики, окончившіе ученіе въ народной школѣ, могли бы до 14-ти-лѣтняго возраста заниматься изученіемъ пріемовъ садовой и огородной культуры, получая въ извѣстные дни, зимой чаще, лѣтомъ можетъ быть, рѣже, объясненіе того, что́ они дѣлаютъ въ саду и огородѣ. Такими объясненіями могли бы заниматься или сельскіе учителя, если они въ состояніи дѣлать это по своимъ познаніямъ и свободному времени, которымъ располагаютъ, или свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ спеціалисты изъ ближайшей мѣстности, или ведущій образцовый огородъ или садъ, за особое вознагражденіе, которое, конечно, не превыситъ 200—300 руб. въ годъ. Образцовый же садъ или огородъ, заведенный въ большомъ селѣ, можетъ окупать себя, принося въ то же время еще ту

[1] Въ Злынѣ, имѣніи А. В. Шереметева, Орловской губерніи Болховскаго уѣзда, управляемомъ М. В. Неручевымъ.

громадную пользу, что въ состояніи насадить въ мѣстности не то что улучшенное, но часто какое бы то ни было огородничество и садоводство.

Съ достиженіемъ 14—15-ти-лѣтняго возраста мальчики могли бы поступать въ собственно сельско-хозяйственныя школы, т.-е. въ хозяйства, которыя отличаются въ мѣстности своей раціональностію, стройностью и порядкомъ, ведутся хорошими хозяевами, преимущественно спеціально подготовленными для сельско-хозяйственной дѣятельности людьми, и въ которыхъ можетъ найтись незатѣйливое помѣщеніе для 20—30-ти мальчиковъ. Мальчики исполняютъ въ хозяйствѣ, которое имѣетъ еще и другого рода рабочихъ, всѣ работы подъ руководствомъ человѣка по возможности знающаго болѣе нежели одни манипуляціи, и получаютъ объясненіе того, что́ они дѣлаютъ въ извѣстные часы дня или извѣстные даже дни недѣли, когда они свободны отъ работъ. Эти объясненія съ дополненіями, приличными объясняемому случаю, должны составить курсъ сельскаго хозяйства, со всѣми необходимыми для сельскаго хозяина вспомогательными свѣдѣніями, такой курсъ, какого знаніе необходимо для земледѣльческаго работника. Въ такой школѣ мальчикъ можетъ оставаться отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, изъ коихъ въ первомъ году, примѣрно, онъ знакомится преимущественно съ уходомъ за животными, во-второмъ—съ полевой и луговой культурами, и въ третьемъ — съ учетомъ хозяйственныхъ работъ и отчетностью. Распредѣленіе занятій съ мальчиками въ такой школѣ можетъ быть весьма различно и должно быть предоставлено въ деталяхъ учителю, приглашаемому для такой школы преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ средней сельско-хозяйственной школѣ и занимавшихся затѣмъ практически сельскимъ хозяйствомъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ учителемъ низшей школы можетъ быть даже лицо, завѣдывающее хозяйствомъ или принадлежащее къ администраціи хозяйства, въ которомъ находится школа. Учитель долженъ получать вознагражденія, по крайней мѣрѣ, 600—800 рублей при готовой квартирѣ.

Ученики подвергаются ежегодно испытанію изъ усвоеннаго ими при объясненіяхъ учителя и изъ искусства въ исполненіи различныхъ сельско-хозяйственныхъ манипуляцій, въ присутствіи лица, спеціально для этого назначаемаго; а, по успѣшномъ окончаніи ученія въ школѣ и по ознакомленіи со всѣми важнѣйшими пріемами и явленіями сельско-хозяйственной практики, получаютъ надлежащія свидѣтельства, которыя, кромѣ права на лучшее вознагражденіе, никакого другого права не предоставляютъ владѣльцу его.

Учитель завѣдываетъ учебной частію школы, хозяйственная же часть лежитъ на обязанности администраціи хозяйства, въ которомъ

учреждается школа. Содержаніе учениковъ можетъ покрываться отчасти платой съ учениковъ, отчасти заработной платой, которую они получаютъ изъ хозяйства, частію штатной суммой. Цифры эти могутъ быть чрезвычайно различны, а потому неопредѣлимы даже приблизительно. Такая школа можетъ стоить съ учителемъ и учебными пособіями отъ 800 до 1000 руб. (600—800 учительскаго жалованья и 200 руб. на учебныя пособія).

Такъ какъ такого рода низшая школа, почти можно сказать, не имѣетъ своего инвентаря, то для нея нѣтъ надобности въ собственномъ земельномъ участкѣ; она можетъ всегда переселиться изъ одного въ другое хозяйство.

Заключая свое изложеніе уставовъ высшей, средней и низшей сельско-хозяйственныхъ школъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ, я долженъ прибавить, что устройство того или другого разряда школъ съ проектируемыми мною уставами, въ особенности же среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, по своимъ ежегоднымъ затратамъ, совершенно доступно средствамъ нѣкоторыхъ земствъ, насколько меня убѣждаютъ въ томъ заявленія земскихъ дѣятелей, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать по этому поводу. Гораздо значительнѣе единовременныя затраты на учрежденіе школъ, въ особенности высшей и средней, если оно къ тому же потребуетъ пріобрѣтенія земельнаго участка. Но и эти затраты, если онѣ будутъ дѣлаться людьми знающими дѣло, по хорошо заранѣе обдуманному, опредѣленному плану, людьми, имѣющими въ виду прежде всего общественный интересъ, умѣющими различить необходимое отъ безполезнаго, болѣе необходимое отъ менѣе необходимаго, удобство отъ роскоши,—могутъ быть не столь значительны, какъ это часто бываетъ, и какъ это можетъ казаться съ перваго раза; къ тому же, могутъ быть дѣлаемы постепенно, въ теченіи 3 — 5 лѣтъ, а не за разъ. Дѣло организаціи сельско-хозяйственныхъ школъ, которыя намъ необходимы въ значительномъ числѣ по свойству занимаемой нами земельной площади, подвинулось бы много впередъ, если бы правительство нашло возможнымъ придти на помощь земствамъ, желающимъ завести школы, хотя въ размѣрахъ одной половины необходимыхъ для устройства школы средствъ.

И. Стебутъ.

Ноябрь, 1872.
Петровское-Разумовское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря, 1872.

Вопросъ о начальномъ обученіи. — Новыя предположенія по наблюденію за нимъ, и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ. — Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій.—Роль земства и значеніе инспекціи. — Вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина. — Статистика потребленія спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей.—Собираніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.—Старая пѣсня «Московскихъ Вѣдомостей».— Что такое «Сцилла и Харибда?»

„Полезно-ли, нужно-ли вмѣшательство государства въ дѣлю народнаго обученія?—Да, если самое обученіе нужно и полезно... Государство въ этомъ дѣлѣ согласуетъ свою практику съ теоріею самою либеральною, ибо оно предоставляетъ въ немъ полную свободу, а само дѣлаетъ то, чего не можетъ сдѣлать свобода... Дѣятельность государства особенно необходима тамъ, гдѣ свобода оказывается безсильною; безсиліе же свободы проявляется двоякимъ образомъ: когда она обученія не производитъ, или когда обученіе ею производимое дурно; обученіе начальное есть то, для котораго свобода наименѣе дѣлаетъ". Это—слова Жюля Симона, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія во Франціи. Цитата эта не нами избрана; она поставлена эпиграфомъ къ одной статьѣ объ устройствѣ управленія начальными народными училищами, напечатанной въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія". Съ своей стороны, мы готовы присоединиться къ мнѣнію Жюля Симона, что въ дѣлѣ обученія нужна свобода, и что тамъ, гдѣ сама свобода оказывается безсильной произвесть потребное народу число хорошихъ начальныхъ школъ, за учрежденіе ихъ должно приняться само государство, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія,—съ тѣмъ вдобавокъ, чтобы оно «согласовало свою практику съ теоріею самою либеральною...» Наши читатели, вѣроятно, не удивились бы, еслибы мы сами выбрали такую

цитату и привели ее отъ себя въ назиданіе нашимъ руководителямъ педагогическаго дѣла. Но *мы* имѣли нѣкоторое право удивиться, усмотрѣвъ такой эпиграфъ во главѣ статьи оффиціальнаго органа нашего министерства, которая впрочемъ направлена къ тому, чтобы доказать необходимость въ Россіи не учрежденія государствомъ недостающихъ народныхъ школъ,—а умноженія еще 142-мя человѣками корпуса наблюдателей за школами; не какого-либо новаго шага къ согласованію практики съ «самой либеральной теоріей», но наоборотъ, полнѣйшаго централизованія дѣла начальнаго обученія, съ приданіемъ ему одноформенности, и съ полнымъ подчиненіемъ земскаго элемента въ немъ элементу бюрократическому; не новой, производительной затраты государства на снабженіе народныхъ школъ книгами, но возложенія новаго на государство расхода въ 400 тысячъ рублей исключительно для содержанія новыхъ 142 чиновниковъ инспекціи, и улучшеніе содержанія прежнихъ 34-хъ чиновниковъ инспекціи, и содержаніе 392-хъ канцелярій губернскихъ и уѣздныхъ учительскихъ совѣтовъ. Въ какой мѣрѣ къ *этому* подходитъ избранный неизвѣстнымъ авторомъ эпиграфъ изъ Жюля Симона? Или и Ж. Симонъ разумѣлъ «безсиліе свободы» въ смыслѣ недостатка не школъ, а чиновниковъ,—подъ практикой же, согласующейся съ «самой либеральной теоріей», понималъ прямо практику возвышенія окладовъ, состоящихъ въ пятомъ рангѣ лицъ?

Та же статья оффиціальнаго журнала сообщаетъ намъ, что министерствомъ народнаго просвѣщенія внесено въ государственный совѣтъ представленіе о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ измѣненію состава губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, и вообще управленія низшихъ училищъ вѣдомства этого министерства. Въ печати уже было заявлено, что представленіе это «направлено преимущественно къ тому, чтобы придать дѣйствительное значеніе инспекціи народныхъ училищъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія», и что представленіе это, въ настоящее время, обсуждается государственнымъ совѣтомъ. Представленіе это предполагаетъ для того, чтобы подвинуть у насъ дѣло народнаю образованія, принять слѣдующія мѣры: усилить наблюденіе за школами, назначивъ нынѣшнимъ инспекторамъ народныхъ училищъ въ 34-хъ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, усиленные оклады жалованья, и переименовавъ ихъ въ директоры народныхъ училищъ, а въ помощь имъ создать вновь 142 инспекторовъ; на обѣ эти новыя надобности требуется уже вновь триста тысячъ рублей; затѣмъ, училищные совѣты, губернскіе и уѣздные, которые доселѣ были самостоятельными учрежденіями, состояли первые подъ предсѣдательствомъ архіереевъ и съ участіемъ губернаторовъ, вторые съ выборными предсѣдателями—изъ членовъ

отъ земства и административныхъ вѣдомствъ, подчинить прямо инспекторамъ министерства просвѣщенія, которые будутъ въ нихъ предсѣдательствовать, а затѣмъ и попечителю, измѣнивъ притомъ составъ совѣтовъ такъ, чтобы преобладаніе въ нихъ получилъ элементъ бюрократическій. Сверхъ всего этого, предполагается поручить еще начальнику губерніи общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ начальнаго обученія въ губерніи.

Весь проектъ составленъ вполнѣ логично въ виду одной мысли о важности *наблюденія*. Оспаривать важность наблюденія нельзя, лишь бы не упускалось изъ виду главнѣйшее, а именно, что для наблюденія, какъ для всякаго дѣйствія, необходимъ прежде всего *объектъ*, предметъ наблюденія, то, есть необходимо, чтобы было приготовлено достаточное число учителей и учреждено достаточное число школъ. Но въ *этомъ* собственно отношеніи новый проектъ не представляетъ ничего, и если, напр., въ сельцѣ N въ настоящую минуту потребность просвѣщенія состоитъ въ томъ, что тамъ нужна школа, которой пока нѣтъ, то и за осуществленіемъ нынѣшняго проекта, положеніе останется тамъ совершенно то же самое. Вся разница въ томъ, что нынѣшній проектъ представляетъ сельцу N такую перспективу, что когда въ немъ современемъ какимъ-либо образомъ возникнетъ школа, то за этой школой будутъ наблюдать: 1) инспекторъ народныхъ школъ въ уѣздѣ, съ окладомъ 2,000 руб.; 2) уѣздный училищный совѣтъ, въ которомъ тотъ же инспекторъ состоитъ предсѣдателемъ; 3) директоръ народныхъ школъ въ губерніи, съ окладомъ въ 2,500 р., начальникъ уѣзднаго инспектора; 4) губернскій училищный совѣтъ, въ которомъ этотъ директоръ предсѣдательствуетъ и состоятъ еще члены отъ разныхъ вѣдомствъ, кромѣ земства; 5) попечитель учебнаго округа, начальникъ директора и инспектора; 6) начальникъ губерніи, въ которой будетъ находиться школа; начальнику губерніи предоставляется сообщать министру народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія о школѣ; и 7) министръ народнаго просвѣщенія. Наблюденіе въ самомъ дѣлѣ будетъ усиленное и успѣшное. Останется желать, чтобы сама школа—*была*. Учрежденіе же школы по-прежнему будетъ зависѣть исключительно отъ самихъ плательщиковъ податей: для нихъ вся перемѣна, предполагаемая нынѣшнимъ проектомъ, представится единственно тѣмъ, что на платежныя средства податной массы падетъ новый расходъ въ 399 тысячъ рублей, собственно на усиленіе наблюденія за школами и 392 канцеляріи, при помощи которыхъ это наблюденіе будетъ дѣйствовать.

Мы далеки отъ того, чтобы отрицать необходимость наблюденія въ школьномъ дѣлѣ, и замѣчанія наши по настоящему предмету

внушены намъ единственно желаніемъ, чтобы и другая потребность этого дѣла, главнѣйшая, прямая потребность его—попеченіе о самомъ образованіи учителей и созданіи народныхъ школъ, не оставалась въ тѣни. На этой точкѣ зрѣнія—въ сущности не составляющей никакой особой заслуги, такъ какъ она основана просто на аксіомѣ, что учителей и школъ мало, а онѣ крайне нужны—мы стояли еще въ декабрѣ 1868 года, когда въ первый разъ коснулись вопроса о народномъ обученіи, къ которому впослѣдствіи неоднократно возвращались, какъ къ самонужнѣйшему для Россіи, не терпящему никакого отлагательства дѣлу. Съ тѣхъ поръ и министерство, въ заботливости о ввѣренной ему части коснулось дѣла народнаго обученія нѣсколькими дѣйствіями. Возвращаясь къ этому предмету, мы каждый разъ только повторяли или развивали мысли, соотвѣтствовавшія первоначальной нашей точкѣ зрѣнія, и съ искреннимъ удовольствіемъ имѣли случай замѣтить, что министерство, съ своей стороны, въ дѣйствіяхъ своихъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣній отказывалось или по крайней мѣрѣ отдалялось. Выражая впослѣдствіи неоднократно наше несогласіе съ разными предположеніями министерства, относительно устройства *средняго* образованія, мы по отношенію къ начальному, народному обученію могли только заносить кратко въ эти столбцы свѣдѣнія объ успѣхахъ министерства въ слѣдованіи по пути, уклонявшемуся отъ первоначальныхъ его на это дѣло взглядовъ. Но теперь, когда предполагается вновь по этой отрасли мѣра довольно дорого-стоющая, а между тѣмъ, по убѣжденію нашему, для пользы дѣла не существенная, мы считаемъ обязанностью напомнить читателямъ, въ краткомъ, но уже связномъ очеркѣ, въ чемъ нынѣшнее министерство доселѣ дѣйствительно осуществило успѣхи, уклонясь отъ прежнихъ своихъ воззрѣній, и показать значеніе нынѣшней мѣры въ связи съ прочими.

Нашею исходной точкою въ сужденіи по вопросу о начальномъ обученіи, какъ въ декабрѣ 1868 года, такъ и впослѣдствіи была все одна и та же мысль: не оспаривать важности и пользы наблюденія министерства надъ начальнымъ обученіемъ, а напротивъ подтверждать важность и пользу его наблюденія, и вмѣстѣ доказывать необходимость прямого, производительнаго вмѣшательства его въ устройство начальнаго обученія. Съ самаго же начала мы высказывали мысль, что всѣ вообще народныя школы, какимъ бы вѣдомствомъ онѣ ни были основаны, слѣдовало бы подчинить непосредственному управленію министерства народнаго просвѣщенія, съ участіемъ представителей земства, и, сверхъ того, производительнымъ корнемъ всего дѣла правильной постановки народнаго обученія мы указывали учрежденіе, заботами министерства, учительскихъ семинарій для приготов-

ленія народныхъ учителей. Мысль эта, въ обоихъ своихъ развѣтвленіяхъ, казалось намъ, прямо истекала изъ очевидности. Сверхъ того, она соотвѣтствовала и бывшимъ уже начинаніямъ самого правительства: подчиненіе всѣхъ народныхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія было основнымъ принципомъ изданнаго прежнимъ министромъ Положенія 1864 года; имъ же было признано участіе представителей земства въ наблюденіи за школами, посредствомъ устройства даннаго въ то время училищнымъ совѣтамъ; наконецъ, необходимость начать производительную дѣятельность въ устройствѣ начальнаго обученія была признана тѣмъ, что прежнее же министерство впервые внесло въ смѣту на 1865-й годъ 200 т. рублей на народныя школы, для распредѣленія изъ нея части между училищными совѣтами, объявило конкурсы на составленіе учебниковъ, открыло при 15-ти уѣздныхъ училищахъ педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей и, наконецъ, внесло въ государственный совѣтъ проектъ учрежденія учительскихъ семинарій для приготовленія народныхъ учителей. Итакъ, мыслямъ нами высказаннымъ соотвѣтствовала не только апріорическая ихъ очевидность, но и прежнія начинанія самого правительства.

Не министерство, конечно, но читатели могутъ спросить здѣсь: почему же мы доказывали то, что было, во-первыхъ, очевидно; а во-вторыхъ, уже предпринято самимъ правительствомъ? Потому, отвѣтимъ, что нѣкоторыя изъ сейчасъ указанныхъ начинаній были, вслѣдъ за личною перемѣной въ управленіи вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, въ 1866-мъ году, оставлены, и то, что казалось очевиднымъ для насъ, нынѣшнему министерству народнаго просвѣщенія, при началѣ его дѣятельности, не только не представлялось очевиднымъ, но, напротивъ, вызывало съ его стороны полнѣйшее отрицаніе.

Относительно учрежденія учительскихъ семинарій для приготовленія народныхъ учителей, въ которомъ мы видѣли корень всего устройства народнаго обученія, нынѣшнее министерство вначалѣ держалось такихъ воззрѣній, что учреждать этихъ семинарій вовсе не нужно, что въ нихъ въ Россіи не чувствуется надобности, что наше духовенство само способно дать народному образованію нравственно-религіозное направленіе, и что, поэтому, учить въ школахъ должны священники, діаконы, неимѣющіе мѣстъ семинаристы, получая за это вознагражденія; что въ этихъ видахъ достаточно будетъ ввесть въ духовныхъ семинаріяхъ преподаваніе педагогики и дидактики; наконецъ, что народныя школы должны имѣть назначеніемъ не только распространеніе начальнаго образованія въ народѣ, но что, такъ-какъ за отмѣной крѣпостного права помѣщики уже не готовятъ по-прежнему ремесленниковъ изъ дворовыхъ людей, то дабы

Россія не осталась безъ ремесленниковъ, слѣдуетъ въ народныхъ школахъ *обучать ремесламъ*. Вотъ каковы были первоначальныя воззрѣнія нынѣшняго министерства собственно на вопросъ объ учрежденіи учительскихъ семинарій. А вотъ каковъ былъ окончательный результатъ, къ какому оно пришло по этому дѣлу впослѣдствіи: въ 1871-мъ году оно само обратилось къ учрежденію для приготовленія народныхъ учителей — учительскихъ институтовъ, по одному на учебный округъ.

Относительно вопроса о подчиненіи всѣхъ начальныхъ училищъ, какимъ бы вѣдомствомъ они учреждены ни были—министерству народнаго просвѣщенія, и о непосредственномъ участіи министерства въ учрежденіи народныхъ школъ, нынѣшнее управленіе министерства не могло первоначально расходиться съ тѣмъ взглядомъ на этотъ вопросъ, какой былъ высказанъ оберъ-прокуроромъ синода въ 1866-мъ году, а именно, что министерство это не должно завѣдывать народными школами, учреждаемыми духовенствомъ. Въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ уже въ то время дѣйствовало положеніе о народныхъ школахъ, въ силу котораго всѣ народныя школы, въ томъ числѣ и учрежденныя духовенствомъ, подчинены были дирекціямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Рѣчь была о томъ, чтобы дѣйствіе этого положенія распространить и на югозападныя губерніи Россіи, и противъ этого, какъ извѣстно было въ то время, оберъ-прокуроромъ заявлялось требованіе, чтобы въ юго-западномъ краѣ духовенство дѣйствовало совершенно независимо отъ министерства народнаго просвѣщенія, и это мнѣніе оберъ-прокурора было утверждено. Въ настоящее же время, то самое положеніе о подчиненіи народныхъ училищъ министерству въ сѣверо-западномъ краѣ, которое въ 1866-мъ году представлялось непримѣнимымъ къ юго-западному краю, выставляется какъ образцовое устройство, долженствующее быть примѣненнымъ ко всей имперіи. На эти школы, подчиненныя уже съ 1863 года министерству народнаго просвѣщенія, въ настоящее время ссылаются какъ на сильнѣйшій аргументъ въ подкрѣпленіе проекта нынѣ внесеннаго министерствомъ въ государственный совѣтъ. На устройство этихъ 2347-ми начальныхъ училищъ сѣверо-западнаго края, съ 68-ью тысячами учениковъ, авторъ статьи „Журнала Министерства“, быть можетъ незнающій, что оно когда-то казалось непримѣнимымъ для края юго-западнаго, указываетъ съ гордостью и приписываетъ лучшее ихъ (сравнительно съ прочими въ имперіи) положеніе слѣдующимъ условіямъ: „болѣе обезпеченному (т.-е. обезпеченному самимъ правительствомъ) состоянію ихъ, правильному и постоянному контролю надъ ними (свѣтскому, не-духовному) и замѣщенію учительскихъ мѣстъ лицами *спо-*

знающими своего дѣла обученія (т.-е. спеціалистами, а не семинаристами состоящими безъ мѣстъ)". Но вѣдь это и есть тѣ самыя условія, для осуществленія которыхъ по всей имперіи мы, и не одни мы, конечно, постоянно твердили: всѣ начальныя школы должны быть непосредственно подчинены министерству народнаго просвѣщенія; министерство это должно взять на себя иниціативу въ учрежденіи и самыхъ народныхъ школъ, такъ какъ земству не подъ силу достаточно обезпечить ихъ; для преподаванія въ школахъ нужны не семинаристы, занимающіеся ими въ ожиданіи мѣста, а способные спеціальные учителя, для приготовленія которыхъ нужно учредить учительскія семинаріи.

Относительно крайней недостаточности числа дѣйствительно существующихъ у насъ народныхъ школъ, и вытекающей отсетѣ настоятельной для министерства обязанности принять на себя въ этомъ дѣлѣ энергическій почипъ,—органы нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія первоначально утѣшали себя мыслью, что въ Россіи—по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія — только въ 33-хъ губерніяхъ есть *болѣе 14-ти тысячъ* начальныхъ училищъ министерства и духовнаго вѣдомства — цифра во всякомъ случаѣ почтенная. Къ сожалѣнію, скептики, къ числу которыхъ въ настоящемъ случаѣ принадлежали мы, неоднократно обращали вниманіе на то обстоятельство, что въ этой цифрѣ заключается: во-первыхъ, не малое число такихъ училищъ, которые въ дѣйствительности вовсе не существуютъ, а только показываются на бумагѣ, по донесеніямъ священниковъ о желаніи ихъ вслѣдствіе предписаній ихъ начальства открыть школы въ своемъ приходѣ; во вторыхъ—не малое число такихъ школъ, которыя школами быть названы не могутъ, а представляютъ просто временные, нерегулярно производимые и посѣщаемые классы, которые иными священниками были открыты у себя на дому, въ видѣ попытки открыть школу, но на самомъ дѣлѣ никто въ нихъ не прошелъ курса. Замѣчательно, что въ новѣйшее время оффиціальныя свѣдѣнія министерства, хотя и держатся по прежнему оптимизма, но говорятъ уже только о 10.000 начальныхъ школъ, нынѣ существующихъ въ помянутыхъ 33-хъ губерніяхъ. Свѣдѣніе „о болѣе 14-ти тысячахъ" школъ соотвѣтствовало 1867-му году; свѣдѣніе о „болѣе 10-ти тысячахъ" школъ соотвѣтствуетъ 1872-му году. Такъ какъ въ этомъ числѣ огромное большинство составляютъ предполагаемыя тысячи школъ основанныхъ духовенствомъ, то надо полагать, что въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ духовенство, вмѣсто того, чтобы умножать школы, уменьшило ихъ число почти на 4 тысячи школъ, стало-быть никакъ не оказалось состоятельнымъ въ веденіи этого дѣла, или что прежняя цифра была

въ государственный совѣтъ. Для доказательства необходимости двинуть дѣло народнаго образованія въ Россіи назначеніемъ 161 новыхъ чиновниковъ, стоющихъ казнѣ 322-хъ тысячъ рублей въ годъ (число это впослѣдствіи ограничено 142-мя новыми чиновниками, и 301-ою т. р. новаго расхода) и подчиненіемъ имъ, если не полнымъ устраненіемъ земства отъ этого дѣла, авторъ статьи „Журнала М. Н. П.“, и призываетъ себѣ въ помощь авторитетъ министра просвѣщенія французской республики. Съ той же цѣлью неизвѣстный авторъ ссылается, по его выраженію, на „извѣстнаго Виктора Кузена“; затѣмъ дѣлаетъ крайне поверхностный очеркъ управленія начальными училищами въ разныхъ европейскихъ государствахъ, и въ томъ фактѣ, что вездѣ болѣе или менѣе государство признало положительной обязанностью для себя непосредственно заботиться о народныхъ школахъ, не предоставляя этого дѣла одному *духовенству*, видитъ подтвержденіе своей мысли о необходимости назначить въ Россіи множество чиновниковъ для надзора за школами, и устранить отъ нихъ *земство*. Между тѣмъ, всѣ приводимые авторомъ иностранные примѣры доказываютъ нѣчто совершенно иное, а именно, что и у насъ слѣдовало неуклонно держаться мысли 1864 года, о невозможности возлагать все дѣло начальнаго образованія на одно духовенство. Сверхъ того, приводимые авторомъ иностранные примѣры доказываютъ еще и ту, нетребующую, впрочемъ, доказательствъ аксіому, что тамъ гдѣ самыя *школы* уже существуютъ въ достаточномъ числѣ, тамъ и можетъ быть рѣчь только о надзорѣ за ними; но тамъ, гдѣ самыхъ *школъ нѣтъ*, или есть крайне мало, тамъ прежде всего умѣстна забота объ учрежденіи школъ, и однимъ назначеніемъ полутораста новыхъ чиновниковъ для надзора за ними вопросъ рѣшенъ быть не можетъ.

Въ связи съ своеобразнымъ пониманіемъ иностранныхъ примѣровъ, авторъ означенной статьи прямо ставитъ факты „вверху ногами“, какъ выражаются нѣмцы, обвиняя наше Положеніе 1864 года о начальныхъ училищахъ въ слѣдующихъ ужасахъ: что имъ именно „правительство какъ бы устранилось отъ руководства начальнымъ народнымъ образованіемъ, отдавъ его на произволъ частной дѣятельности“; что „въ Россіи, гдѣ все просвѣщеніе было насаждено *и должно поддерживаться* почти исключительно *однимъ* правительствомъ“, оно само, Положеніемъ 1864 года, „какъ бы удалило себя отъ руководительства народною школою, этою колыбелью исторической будущности“. Затѣмъ, авторъ доказываетъ, что правительство не можетъ сложить съ себя тѣ нравственныя и политическія обязанности, которыя принадлежатъ ему какъ по праву (обязанности, которыя принадлежатъ по праву,—какая ясность и сила мышленія!), такъ и по

сознанію дѣйствительныхъ общественныхъ потребностей — именно энергически усиливать и направлять народное образованіе... „Русское правительство слишкомъ сильно — продолжаетъ авторъ — само по себѣ и всею предыдущею исторіей, чтобы выпустить изъ своихъ рукъ образованіе народа, или другими словами будущность Россіи“. Какъ все это сильно и убѣдительно сказано! Еслибы не знать „предыдущей исторіи“ самаго вопроса о начальномъ образованіи у насъ за послѣднія восемь лѣтъ, то можно бы подумать, что у насъ система 1866 года существовала прежде системы 1864 года; что сперва дѣло начальнаго образованія было выпущено правительствомъ изъ своихъ рукъ и предоставлено исключительно духовенству; что сперва не были сознаны ни обязанность, ни право государства насаждать, и поддерживать, и направлять образованіе народа, и уже только нынѣ явилась новѣйшая система, выразителемъ которой служитъ авторъ упомянутой статьи, и стала проводить мысль, что правительство не должно отрекаться отъ прямой дѣятельности въ этой сферѣ, не должно уклоняться отъ учрежденія и руководительства народныхъ школъ, не должно выпускать этого дѣла изъ своихъ рукъ, отстраняться отъ него, предоставляя его исключительно духовенству. Между тѣмъ, у насъ было въ дѣйствительности нѣчто совершенно противоположное: сперва Положеніе 1864 года утвердило, противъ всѣхъ противныхъ, весьма сильныхъ вліяній, фактъ, что всѣ начальныя школы, какимъ бы вѣдомствомъ онѣ основаны ни были, подчиняются (съ того именно времени, т.-е. съ 1864 года) министерству народнаго просвѣщенія; что, стало быть, школы, основанныя духовенствомъ, должны наравнѣ съ прочими подлежать контролю свѣтской правительственной власти. И если притомъ въ образованіе училищныхъ совѣтовъ, данное имъ положеніемъ 1864 года, вошли ограниченія власти министерства народнаго просвѣщенія, если въ губернскіе совѣты были призваны и архіерей, и губернаторъ, то это были невольныя уступки, сдѣланныя министерствомъ вліяніямъ противоположнымъ, уступки медліи противъ очевидной мысли системы 1864 года, но сдѣланныя потому, что безъ нихъ самая мысль о подчиненіи контролю свѣтской власти начальныхъ школъ, основанныхъ духовенствомъ, *не прошла бы*, въ виду положительнаго недовѣрія, съ какими относились противоположныя вліянія къ самому министерству народнаго просвѣщенія. Единственно благодаря такимъ уступкамъ, Положеніе 1864 года могло впервые установить начало, что всѣ народныя училища, въ томъ числѣ и учрежденныя духовенствомъ, состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и это есть огромная заслуга Положенія 1864 года. А между тѣмъ ему же нынѣ ставятъ въ вину, что у насъ правительство будто бы устранилось отъ дѣла начальнаго обученія, этой

училищъ, которыя имъ самимъ были основаны; что представители учебнаго вѣдомства не могли стать въ приличное отношеніе къ прочимъ членамъ въ училищныхъ совѣтахъ, особенно въ губернскихъ, гдѣ участвуютъ начальникъ губерніи, епархіальный архіерей и два члена отъ земства; что при нынѣшнемъ устройствѣ училищныхъ совѣтовъ дѣйствительнаго управленія начальными народными училищами почти не существуетъ, не существуетъ и надлежащаго надзора за ходомъ и направленіемъ преподаванія въ нихъ; что губернскіе училищные совѣты, составляющіе независимое отъ министерства учрежденіе, большею частью не собираются, потому что ни у губернатора, ни у архіерея нѣтъ времени на занятія въ нихъ, а сверхъ того надъ самими этими совѣтами нѣтъ контроля, который „возбуждалъ" бы ихъ къ дѣятельности; что уѣздные совѣты нерѣдко съ равнодушіемъ относятся къ своимъ обязанностямъ; что министерство, съ своей стороны, сдѣлало все, что могло для народныхъ училищъ, назначало имъ суммы, высылало имъ руководства, пособія и книги для чтенія, но всѣ эти усилія не принесли пользы, и *большая часть* суммъ обращена была въ доходъ казны *именно потому, что не была востребована*, а книги оставались нерѣдко безъ разсылки по училищамъ.

Приведя такое оффиціально-авторитетное мнѣніе, мы уже считаемъ неумѣстнымъ разсматривать отъ себя вопросъ, кто именно виноватъ въ томъ, что училища бѣдствовали безъ денегъ и книгъ, а между тѣмъ, земство, издерживавшее на нихъ малыя свои средства, не воспользовалось готовыми средствами, готовыми книгами. Но такъ какъ въ настоящую минуту дѣло сводится къ существенному измѣненію Положенія 1864 года и къ подчиненію училищныхъ совѣтовъ инспекторамъ министерства, число которыхъ предполагается довести до 175-ти пока, а современемъ и еще увеличить, то, стало-быть, существенный пунктъ состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть, при какихъ обстоятельствахъ возникло Положеніе 1864 года, какія условія и цѣли имѣлись въ виду при учрежденіи училищныхъ совѣтовъ, и насколько справедливо можно упрекать Положеніе 1864 года въ томъ, что оно устранило министерство народнаго просвѣщенія отъ вліянія на народныя школы.

Въ 1864-мъ году, тогдашнее управленіе народнаго просвѣщенія полагало непосредственное свое участіе въ устройствѣ народнаго образованія проявить въ насажденіи самаго корня его, именно — въ учрежденіи 15-ти учительскихъ семинарій. Что же касалось начальныхъ школъ, то, имѣя въ виду небольшое число ихъ, существовавшихъ въ дѣйствительности, и не утѣшая себя гадательными цифрами о 14-ти тысячахъ ихъ, будто бы учрежденныхъ уже, по большей части духовенствомъ, оно полагало ввести у насъ, со стороны пра-

вительства, систему *поощреній* и *пособій* учрежденію школъ, предоставляя бо́льшую *самостоятельность* земству, городскимъ и сельскимъ обществамъ въ дѣлѣ учрежденія училищъ и надѣясь этимъ именно средствомъ побудить общества къ увеличенію числа школъ. Все, къ чему могло стремиться тогдашнее управленіе въ дѣлѣ надзора за начальными школами, заключалось въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, провесть въ законодательство принципъ подчиненія всѣхъ этихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія. Требовать же предоставленія себѣ непосредственнаго и совершенно самостоятельнаго отъ другихъ вѣдомствъ управленія начальными школами, оно не могло уже и потому, что въ то время имѣло большое вліяніе стремленіе прямо и вполнѣ передать всѣ народныя школы *духовному вѣдомству*. То время принадлежитъ уже исторіи, и нынѣ, когда главные дѣятели, принимавшіе въ то время участіе въ обсужденіи этого вопроса, сошли со сцены, а многіе и умерли, нѣтъ причины не напомнить въ печати о томъ, что въ 1864-мъ году извѣстно было по слухамъ. Въ 1861-мъ году, министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ и тогдашній оберъ-прокуроръ синода графъ Александръ Толстой внесли въ государственный совѣтъ представленіе, въ которомъ полагалось оставить за министерствомъ народнаго просвѣщенія управленіе только учеными и высшими, а также средними учебными заведеніями, а все дѣло начальнаго образованія, всѣ школы народныя передать синоду, которому, по ихъ мнѣнію, исключительно слѣдовало заниматься народнымъ образованіемъ, во исполненіе евангельской заповѣди: „шедше убо научите всѣ народы“. При назначеніи министромъ Е. П. Ковалевскаго, представленіе это было возвращено. При дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, во время разныхъ сужденій въ различныхъ учрежденіяхъ объ устройствѣ народныхъ школъ, вплоть до 1864 года, стали въ свое время извѣстны слѣдующія мнѣнія, къ которымъ нельзя не возвратиться. Другой синодальный прокуроръ, Ахматовъ, поддерживалъ мысль своего предмѣстника, и въ доказательство, что духовенство вполнѣ въ состояніи вести дѣло народнаго обученія, ежемѣсячно представлялъ вѣдомости, въ которыхъ значилось, что духовенство учредило и содержитъ на свой счетъ *болѣе 22,000* народныхъ школъ. Онъ же указывалъ на мнимую антирелигіозность и крайнее свободомысліе самого преподавательскаго сословія министерства народнаго просвѣщенія. А. С. Норовымъ было высказано однажды такое мнѣніе, что „въ народную школу никого даже *пускать не слѣдуетъ*, кромѣ священниковъ“; Тогдашній начальникъ (нынѣ умершій) высшаго полицейскаго управленія отзывался, что преподаватели училищъ министерства отличались недостаткомъ религіозности и вреднымъ образомъ мыслей;

Даже такой замѣчательный государственный человѣкъ, какъ покойный гр. Блудовъ, высказывалъ убѣжденіе, что духовенство можетъ дать начальному образованію 35-ть тысячъ учителей; что, кромѣ священниковъ и діаконовъ, весьма благонадежныхъ для этой должности, есть около 7,000 безмѣстныхъ семинаристовъ, которые могутъ заниматься ученьемъ въ ожиданіи другой должности. Въ настоящее время, конечно, нѣсколько странно читать такія предположенія, и въ особенности непонятна увѣренность, что будто и изъ семинариста уже никакъ не можетъ выдти учитель ненадежный. Между тѣмъ мы припоминаемъ убѣжденіе, высказанное въ то время оберъ-прокуроромъ Ахматовымъ, что „самое одѣяніе православнаго духовенства, ношеніе рясы, не дозволитъ членамъ его излагать въ школѣ мысли антирелигіозныя, несмотря даже на внутреннія обѣщанія духовнаго лица". Въ „Голосѣ" недавно упоминалось о разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ „извѣстной посмертной записки графа Блудова, въ которой высказывалось предположеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ главнаго попечительнаго совѣта для высшаго управленія народными училищами". Незадолго до смерти, графъ Блудовъ, въ видѣ завѣщанія по государственнымъ дѣламъ, сообщилъ свои мысли изустно бывшему государственному секретарю Буткову, который составилъ по нимъ записку и внесъ ее, чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти Блудова, въ общее собраніе государственнаго совѣта. Въ этой запискѣ предлагалось передать всѣ народныя школы духовному вѣдомству, и для завѣдыванія ими учредить постоянный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ петербургскаго митрополита, а членами въ немъ быть нѣсколькимъ архіереямъ, министру народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурору синода, и нѣсколькимъ особо довѣреннымъ лицамъ. Учителями въ народныхъ школахъ должны были быть исключительно лица духовнаго сословія, а всѣ суммы, какія признано бы было возможнымъ ассигновать на дѣло начальнаго образованія, должны были, по мнѣнію гр. Блудова, идти на добавочное содержаніе духовенству, за труды его по народнымъ школамъ, и такимъ образомъ эти деньги достигали бы разныхъ цѣлей: развивая народное образованіе, онѣ улучшали бы и матеріальное положеніе духовенства, а между тѣмъ дѣти народа получали бы образованіе въ духѣ православія.

Мнѣніе это утверждено *не было*. Но можно представить себѣ, легко ли было проводить въ 1864 году прямо противоположныя мысли при такихъ условіяхъ въ собраніи, которое вполнѣ съ естественнымъ уваженіемъ слушало завѣщаніе своего покойнаго предсѣдателя, чрезъ нѣсколько дней по его кончинѣ. Вотъ при какихъ условіяхъ, вотъ при какой обстановкѣ возникло въ 1864-мъ году то Положеніе о народныхъ школахъ, которое поставило ихъ всѣ *въ вѣдѣніе мини-*

стерства народнаго просвѣщенія. Вполнѣ ли справедливо въ настоящее время упрекать это Положеніе за то, что оно не провело принципъ совершеннаго самостоятельнаго управленія министерства начальными училищами, когда и то, что́ этимъ положеніемъ *сдѣлано*, въ свое время было дѣломъ въ высшей степени труднымъ и остается неоспоримою его заслугою? Слишкомъ ясно, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, при тогдашнемъ недовѣріи многихъ вліятельныхъ лицъ, съ одной стороны къ самому составу министерства народнаго просвѣщенія, а съ другой и къ земству, котораго дѣятельность еще была впереди, Положеніе о начальныхъ школахъ должно было быть такъ составлено, чтобы оно, не принося вреда самому дѣлу, то-есть развитію народнаго образованія, могло быть однако утверждено. Вотъ почему и возникла мысль объ учрежденіи смѣшанныхъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, которые могли бы приносить пользу въ случаѣ счастливаго состава, а въ противномъ случаѣ *не могли* бы приносить вреда. Училищные совѣты въ нынѣшнемъ своемъ видѣ и были предположены министерствомъ 1864 года для *покровительства* школамъ, *для попеченія о нихъ,* а не для прямого и независимаго управленія ими, о которомъ не могло быть и рѣчи въ виду изложенныхъ выше затрудненій. Только при предложенныхъ министерствомъ просвѣщенія условіяхъ, что въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ будетъ предсѣдательствовать архіерей и участвовать въ качествѣ члена губернаторъ, тогдашній оберъ-прокуроръ синода и тогдашнее министерство внутреннихъ дѣлъ, и согласились на учрежденіе этихъ совѣтовъ. Министерство народнаго просвѣщенія того времени, если мы не ошибаемся, даже само предваряло названныя сейчасъ вѣдомства, что, по его мнѣнію, архіерей и губернаторъ, занятые другими дѣлами, не будутъ интересоваться дѣламъ народнаго образованія, и что губернскіе совѣты будутъ бездѣйствовать. Если на дѣлѣ оно отчасти и вышло такъ, то въ этомъ не виноваты, конечно, ни намѣренія министерства 1864 года, ни искреннія желанія земства. А между тѣмъ, именно вслѣдствіе вынужденнаго, такъ-сказать, введенія въ этотъ совѣтъ такихъ лицъ, какъ архіерей и губернаторъ, совѣты эти и сдѣлались независимыми отъ попечителей и отъ министерства. При законодательномъ разсмотрѣніи проекта Положенія 1864 года, условіе, чтобы жалобы на эти совѣты могли быть приносимы министру просвѣщенія, встрѣтило препятствіе со стороны все того же недовѣрія, и министръ былъ замѣненъ сенатомъ, и еще уменьшено участіе попечителей въ дѣлахъ училищныхъ совѣтовъ. Замѣтимъ еще, что нынѣ, когда на одно управленіе народными школами по мнѣнію министерства слѣдовало бы назначить болѣе 800 тысячъ рублей, и уже только въ видѣ крайне

умѣреннаго расхода ходатайствуется о назначеніи на этотъ предметъ вновь 899-ти тысячъ, вдобавокъ къ ассигнуемымъ съ тою же цѣлью съ 1870 года 68-ми тысячъ рублей,—справедливость требовала бы опредѣлить дѣятельность училищныхъ совѣтовъ такъ: одни изъ нихъ приносили большую пользу, другіе не приносили пользы и не дѣлали вреда, но какъ тѣ, такъ и другіе—*ничего государству не стоили* и не мѣшали земству, обществамъ и частнымъ лицамъ учреждать школы, не навязывали учителямъ единообразнаго для всѣхъ губерній плана ученія, распредѣленія времени и опредѣленныхъ учебниковъ, не вводили въ школы однообразнаго порядка занятій, наказаній и наградъ, но допускали необходимое въ педагогическомъ дѣлѣ разнообразіе и самодѣятельность учителя; не обременяли учителей требованіемъ отъ нихъ письменныхъ отчетовъ, вѣдомостей, таблицъ. Какъ проявитъ себя во всѣхъ этихъ отношеніяхъ централизованная, бюрократическая инспекція, если подчинитъ себѣ училищные совѣты—это мы еще увидимъ современемъ, если проектъ пройдетъ.

Мы держимся того мнѣнія, что еслибы суммы, ассигнованныя въ пособіе школамъ, не поступали обратно въ доходъ казны, и еслибы министерство озаботилось пораньше устройствомъ побольше учительскихъ семинарій, то Положеніе 1864 года и теперь не требовало бы измѣненія. Училищные совѣты принесли бы больше пользы, еслибы прежде встрѣтили болѣе сочувствія со стороны нынѣшняго управленія. Сами епархіальные архипастыри едва ли отнеслись бы равнодушно къ своей обязанности предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, еслибы знали, что этого желаетъ нынѣшнее управленіе министерства, связанное съ управленіемъ дѣлами духовнаго вѣдомства. Во всякомъ случаѣ, училищные совѣты по крайней мѣрѣ не охлаждали усердія къ дѣлу народнаго образованія со стороны земства; мы будемъ очень рады, если то же можно будетъ сказать объ инспекціи народныхъ училищъ. Предположеній въ этомъ отношеніи дѣлать не станемъ, но вотъ, между прочимъ, примѣръ только-что бывшій: Ростовская—на Дону—уѣздная земская управа предположила учредить должность *земскаго* инспектора народныхъ училищъ, съ платою отъ земства; но попечитель одесскаго округа предложилъ такія условія, что уѣздное земское собраніе, разсмотрѣвъ ихъ, нашло, что условія эти „не соотвѣтствуютъ предназначенной земствомъ цѣли и клонятся къ учрежденію должности не земскаго дѣятеля, а совершенно неподвѣдомственнаго земству чиновника министерства народнаго просвѣщенія, содержаніе котораго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято на счетъ земства,—не изъявило согласія на учрежденіе помянутой должности на такихъ условіяхъ". Было бы весьма прискорбно, еслибы съ предполагаемымъ нынѣ полнымъ подчиненіемъ земскаго элемента

къ дѣлѣ завѣдыванія школами элементу бюрократическому, земства взглянули съ такой же точки и на самое учрежденіе школъ, которыми они завѣдывать не будутъ; весьма прискорбно, говоримъ, потому что самое дѣло учрежденія и содержанія начальныхъ школъ все-таки предполагается оставить на попеченіи земства, а между тѣмъ въ завѣдываніи школами, имъ учрежденными и содержимыми, земство было бы совершенно подчинено чиновникамъ, ничѣмъ несвязаннымъ съ мѣстностью, чиновникамъ, которые сегодня направляютъ школы въ одномъ уѣздѣ или губерніи, а черезъ мѣсяцъ или годъ—въ другомъ уѣздѣ и губерніи, заботясь болѣе всего о правильности своихъ собственныхъ отношеній къ мѣстному и центральному начальству. Когда намъ говорятъ, что земство мало сдѣлало для школъ, то мы можемъ только возразить, что вѣдь и впредь, главнымъ образомъ, на земствѣ же оставляется забота о ихъ учрежденіи и содержаніи. Очень вѣроятно, что въ этой, какъ и въ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности земство сдѣлало бы болѣе, еслибы, во-первыхъ, оно располагалось бо́льшими *средствами*, а во-вторыхъ, пользовалась полной *гласностью* своихъ собраній. Но, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что самая недостаточность результатовъ, достигнутыхъ доселѣ земствомъ въ дѣлѣ *учрежденія* школъ, никакъ не можетъ быть восполнена назначеніемъ 175-ти чиновниковъ для *наблюденія* за школами. Вѣдь на одну сумму 467-мь тысячъ рублей, во что̀ будетъ обходиться по нынѣшнему проекту одно *наблюденіе* за начальными школами, можно бы учредить и содержать новыхъ тысячи двѣ начальныхъ школъ. Каждый инспекторъ будетъ стоить столько, сколько стоили бы десять школъ, а каждый директоръ могъ бы быть замѣненъ двѣнадцатью школами.

Впрочемъ, мы придаемъ такое значеніе дѣлу развитія народнаго образованія, что готовы даже подчинить свое личное убѣжденіе видамъ министерства народнаго просвѣщенія и не намѣрены положительно оспаривать пользы всѣхъ его начинаній по этому предмету. Пожелаемъ только, чтобы усиленная инспекція не внесла въ школьное дѣло убійственной одноформенности, которая была одною изъ причинъ упадка образованія во французскомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи въ Германіи держалась пока совершенно противоположная система. И нынѣ германскіе педагоги считаютъ это органическое разнообразіе и просторъ для школьнаго дѣла столь важнымъ, что по заявленіямъ ихъ само политическое единство, нынѣ осуществляемое въ этой странѣ, было бы куплено слишкомъ дорогой цѣной, еслибы послѣдствіемъ его явилась мертвенная одноформенность всѣхъ школъ Германіи и бюрократическое ихъ единообразіе.

Инспекторы министерства могутъ принесть пользу,—если они избираемы будутъ изъ опытныхъ педагоговъ, а не изъ заурядныхъ

чиновниковъ, и если имъ будетъ внушено являться въ школу друзьями учителя и земства, школы учреждающаго. Но, разумѣется, они будутъ вредны, если въ составъ ихъ будутъ случайно попадать такія лица, которыя отличились только полицейскими способностями, а тѣмъ болѣе, еслибы имъ было предписано обратить, главнымъ образомъ, свою дѣятельность на полицейскій надзоръ за школами и на разузнаванiе степени политической благонадежности учителей, оставляя въ сторонѣ незнакомыя такимъ дѣятелямъ требованія педагогіи. Во всякомъ же случаѣ, казалось бы, достаточно бы ограничиться *одной* степенью инспекціи, тѣмъ болѣе, что по новому проекту училищные совѣты прямо подчиняются инспекторамъ, которые подчинены попечителямъ, а сверхъ того еще и начальнику губерніи поручается общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ начальнаго обученія. Къ чему тутъ еще посредствующая инстанція директоровъ надъ инспекторами—совершенно непонятно, а между тѣмъ съ упраздненіемъ этихъ 34-хъ директоровъ, которые будутъ служить только къ усложненію и замедленію хода дѣлъ, новый весьма значительный расходъ казны на инспекцію уменьшился бы на 85-ть тысячъ рублей!

По слухамъ, министерство финансовъ выработало еще въ началѣ нынѣшняго года проектъ важнаго измѣненія въ дѣйствующемъ уставѣ о питейномъ сборѣ, и вопросъ о внесеніи этого измѣненія въ законодательство долженъ разрѣшиться вскорѣ. Рѣчь идетъ не о какихъ-либо новыхъ правилахъ контроля надъ продажею питей, а тѣмъ менѣе о предоставленіи земству права ограничивать число питейныхъ заведеній въ данной мѣстности, или о передачѣ содержанія кабаковъ въ селеніяхъ въ руки самихъ сельскихъ обществъ—мѣрахъ, о которыхъ не разъ разсуждалось въ нашей печати. Предполагается только отмѣна *обязательной крѣпости* продаваемаго вина. Въ самомъ положеніи 1861 года о питейномъ сборѣ было сперва постановлено, что опредѣленной крѣпости для вина, водокъ и другихъ питей въ продажѣ не назначается, и что напитки могутъ быть продаваемы всякой крѣпости. Но вскорѣ явилось опасеніе, что на первыхъ порахъ послѣ отмѣны откуповъ, торговля крѣпкими напитками сосредоточится въ рукахъ лицъ занимавшихся этимъ дѣломъ при откупахъ, и что, вслѣдствіе того, въ числѣ разныхъ откупныхъ злоупотребленій они могутъ и при новой постановкѣ дѣла спекулировать на продажу вина низкопробнаго; поэтому, начиная съ 1862 года и по 1868-й г., издано было нѣсколько временныхъ постановленій различно опредѣлявшихъ, для двухъ разныхъ полосъ Россіи, обязательную мѣру крѣпости продажнаго вина. Наконецъ, въ 1868-мъ году установленъ законъ нынѣ дѣйствующій, которымъ опредѣлена

повсемѣстно однообразная крѣпость вина не ниже 40° по спиртомѣру Траллеса, причемъ водки и другіе напитки, приготовленные изъ вина и спирта на водочныхъ заводахъ, могутъ быть произвольной крѣпости. Это послѣднее изъятіе допущено для водокъ вслѣдствіе невозможности измѣрять посредствомъ спиртомѣра крѣпость напитковъ, содержащихъ въ себѣ кромѣ алкоголя еще примѣси.

Прямымъ послѣдствіемъ такого изъятія собственно водокъ отъ обязательной крѣпости—было умноженіе водочныхъ заводовъ. Вмѣсто 912-ти такихъ заводовъ, существовавшихъ въ 1866-мъ году, въ 1869-мъ году ихъ дѣйствовало 1656-ть, а въ 1870-мъ году было уже 1707-мь водочныхъ заводовъ. Въ то же время оказывается, что большая часть водочныхъ заводовъ устраиваются единственно съ той
...одажу подъ видомъ водокъ простое
...ю низшей крѣпости, чѣмъ та, кото-
...кону. Оказывается, что многіе водоч-
...требляютъ перегонныхъ аппаратовъ,
...дѣлка высшихъ сортовъ напитковъ.
...вино, выпускаемое съ заводовъ подъ
...ч дешевле того хлѣбнаго вина, кото-
...званіемъ и потому должно имѣть опре-
...ьтатѣ выходитъ, что хорошее хлѣбное
...ки дурнымъ, такъ что въ цѣлыхъ мѣст-
...вовсе не держатъ 40-градуснаго хлѣб-
...ое вино, подъ именемъ водокъ, съ при-
...ыхъ, иногда даже и вредныхъ, эссенцій.
...й крѣпости вина, такимъ образомъ, обхо-
...амая повѣрка крѣпости вина представляетъ
...ость для акцизнаго управленія, которое имѣетъ
...я обязанности по надзору за винокуреніемъ и т. д.
...кой пользы, законъ объ обязательной крѣпости вина
...къ возникновенію множества дѣлъ спеціально по
открытымъ его нарушеніямъ, и число такихъ дѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ превзошло *сорокъ тысячъ*.

Вотъ причины, побудившія министерство финансовъ подвергнуть пересмотру вопросъ объ обязательной крѣпости вина. Управляющіе акцизными сборами, которые были спрошены по этому предмету, высказали два противоположныхъ мнѣнія. Одни, полагая, что съ отмѣною обязательной крѣпости для вина въ продажѣ появится вино низкаго качества, содержащее всего незначительное количество спирта, и что такое пониженіе достоинства вина непремѣнно явится уже потому, что народъ обращаетъ болѣе вниманія на количество, чѣмъ на качество вина, такъ что привлекать покупателей всего легче именно

дешевизною. По этому мнѣнію, слѣдовало бы не только удержать въ силѣ постановленіе о крѣпости вина, но распространить его дѣйствіе и на издѣлія водочныхъ заводовъ, чтобы такимъ образомъ пресѣчь спекуляціи на пониженіе достоинства вина—возможность обходить законъ. Другіе же управляющіе, и именно *большинство* ихъ, выразили убѣжденіе въ пользѣ отмѣны обязательной крѣпости, полагая, что едвали послѣдствіемъ этой отмѣны будетъ вообще пониженіе достоинства продаваемаго вина, но что если бы это и произошло, то такое явленіе будетъ только мѣстное и временное, и естественная конкурренція между торговцами неизбѣжно устранитъ его. При тѣмъ же, по этому мнѣнію, такъ какъ опредѣленіе крѣпости водокъ и т. п. напитковъ, содержащихъ посторонія примѣси, можетъ быть производимо только посредствомъ перегонки ихъ, что требуетъ и много времени, и особыхъ снарядовъ, а потому крайне затруднительно,—то установлять обязательной крѣпости для издѣлій водочныхъ заводовъ нельзя по трудности акцизнаго контроля; а если ихъ оставить безъ опредѣленія обязательной крѣпости, то незачѣмъ сохранять и законъ, опредѣляющій крѣпость простого хлѣбнаго вина, такъ какъ его по прежнему будутъ обходить, продавая слабое вино подъ именемъ водокъ.

Министерство финансовъ съ своей стороны склонилось къ этому послѣднему мнѣнію, между прочимъ, и въ виду примѣра царства польскаго, гдѣ обязательной крѣпости вина не установлено, а между тѣмъ потребленіе вина оказывается не только не меньше, но даже больше чѣмъ въ имперіи, по разсчету на число жителей. Въ этомъ соображеніи министерство стало на исключительно-фискальную точку зрѣнія: его озабочиваетъ болѣе всего вопросъ, не уменьшится ли самое потребленіе вина отъ пониженія его достоинства въ продажѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не упадетъ ли и государственный доходъ. Для сравненія же въ интересахъ не казны, а потребителей, надо бы имѣть свѣдѣніе, не представляется ли продажное вино въ царствѣ вообще въ низшемъ достоинствѣ, чѣмъ въ имперіи. Но и независимо отъ фискальнаго соображенія министерства финансовъ, самый интересъ потребителей, конечно, достаточно обезпечивался бы конкурренціей, и едва ли можно полагать, что народъ безусловно предпочтетъ количество качеству. Но, здѣсь возникаютъ два весьма существенныхъ вопроса. Конкурренція, дѣйствительно, можетъ поддерживать достоинство вина и безъ казенной мѣры его крѣпости; это такъ. Но вѣдь для успѣшнаго дѣйствія конкурренціи прежде всего необходимъ для нея полный просторъ; надо, чтобы, если въ одномъ кабакѣ вино продается дурное, рядомъ съ нимъ могъ тотчасъ же открыться другой кабакъ, спекулирующій на приманку потребителей высшимъ достоин-

ствомъ вина. Но вѣдь, такимъ образомъ, охраненіе достоинства вина предполагаетъ неограниченный просторъ его продажи. А это—идетъ прямо въ разрѣзъ со всѣми сознаваемой потребностью ограничить продажу, положить предѣлы числу кабаковъ, отъ котораго несомнѣнно зависитъ распространеніе пьянства. Однимъ фискальнымъ соображеніемъ тутъ утѣшать себя—совершенно неправильно уже потому, что пьянство изсушаетъ источники всякихъ государственныхъ доходовъ, стало быть и въ фискальномъ отношеніи представляетъ перспективу не утѣшительную.

Необходимость ограниченія продажи мы разумѣемъ не въ смыслѣ передачи питейныхъ заведеній въ руки сельскихъ обществъ. Отъ устройства такихъ общественныхъ кабаковъ мы никакой пользы не ожидаемъ, такъ какъ выборное управленіе кабакомъ едва ли устранитъ какое-либо злоупотребленіе, а между тѣмъ общественный кабакъ сдѣлается въ селѣ первенствующимъ учрежденіемъ, настоящей общественной силой: банкомъ въ соединеніи съ биржею и съ мірскимъ сходомъ. Выборный кабатчикъ будетъ важнѣе старосты въ селѣ. Но, по нашему мнѣнію, было бы весьма полезно предоставить земству право ограничивать число питейныхъ заведеній въ мѣстности. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина необходимо не полагаться на просторъ конкурренціи въ продажѣ и не строить на ней ничего, такъ какъ просторъ полезно бы стѣснить. Затѣмъ, желательно бы серьезно взвѣсить вопросъ, нельзя ли сперва испытать въ теченіе нѣскольких лѣтъ подведеніе *и водокъ* подъ условіе обязательной крѣпости, для того, чтобы законъ о крѣпости простого вина менѣе удобно было обходить. Затруднительность повѣрки перегонкою не можетъ же быть непреодолима, и чѣмъ болѣе ограничено будетъ число мѣстъ продажи, тѣмъ все дѣло акцизнаго управленія станетъ легче. Однимъ словомъ, при обсужденіи этого дѣла не мѣшало бы принять въ соображеніе и другіе поводы, кромѣ фискальныхъ. Если прямымъ послѣдствіемъ закона 1868 года, освободившаго водочныя издѣлія отъ обязательной крѣпости, было огромное увеличеніе числа водочныхъ заводовъ, спекулировавшихъ именно на пониженіе достоинства хлѣбнаго вина переименованіемъ его въ водки, то послѣдствіемъ полной отмѣны размѣра обязательной крѣпости, какъ для водокъ, такъ и для вина, и совершеннаго превращенія всякой отвѣтственности торговцевъ за адультерацію ихъ товара (потому что адультерація означаетъ вообще порчу, обманъ на качествѣ, а не только употребленіе вредныхъ примѣсей),—не будетъ ли новое значительное умноженіе числа кабаковъ? Это было бы бѣдствіе, потому что кабакъ самъ по себѣ есть язва. Мы, впрочемъ, не намѣрены высказываться прямо противъ отмѣны

обязательной крѣпости хлѣбнаго вина. Мы только желали бы, чтобы къ тѣмъ аргументамъ, которые показались достаточно убѣдительными министерству финансовъ, были присоединены имъ отзывы на только-что указанные нами сомнѣнія *въ интересъ потребителей*. Аргументы же, которые убѣдили министерство финансовъ, состоятъ только въ затруднительности повѣрки крѣпости вина и водокъ, какъ для акцизнаго управленія, такъ и для самихъ виноторговцевъ, и въ безопасности отмѣны нормальной крѣпости — для государственнаго дохода.

Между тѣмъ, излишне и доказывать, что вопросъ объ условіяхъ потребленія вина имѣетъ и другую важную сторону, кромѣ административной или хотя бы фискальной. Потребленіе вина въ Россіи постоянно возрастаетъ. Это видно не только изъ цифръ поступившаго въ казну акцизнаго дохода, который съ 111,490,285 рублей за 1865-й годъ, въ 1870-мъ году дошелъ до 138,060,969 рублей, и изъ соотвѣтственнаго возрастанія итога потребленнаго въ годъ безводнаго спирта (100° Траллеса), которое съ 24½ милліоновъ ведеръ, за 1865-й г., возрасло въ 1870-мъ году до 25,867,240 ведеръ,—но и изъ разсчета количества потребленія по годамъ на душу. По разсчету на душу приходилось вина въ годъ, считая ведрами и принимая вино въ 40° Траллеса, по имперіи:

въ	1865-мъ году. . .	0,92 ведра.
—	1866 — . . .	0,90 —
—	1867 — . . .	0,94 —
—	1868 — . . .	0,94 —
—	1869 — . . .	0,96 —
—	1870 — . . .	0,98 —

Замѣтимъ, что такъ какъ въ дѣйствительности потребляется вино болѣе въ видѣ водокъ, то-есть низшей крѣпости, но съ примѣсями, иногда одуряющаго свойства, то приведенныя цифры все-таки не даютъ понятія о томъ, сколько потребляется въ дѣйствительности „хмѣльнаго зелья“ на душу въ Россіи. Приведенный разсчетъ нисколько не измѣнился бы, если бы было доказано, что вино въ средней степени потребляется не 40-а, а 25-градуснаго достоинства; разсчетъ потребленныхъ градусовъ спирта все-таки остался бы тотъ же. Но дѣло въ томъ, что для сообщенія слабому вину одуряющаго свойства, требуемаго потребителями, чѣмъ слабѣе спиртомъ будетъ продаваемое вино, тѣмъ болѣе къ нему будетъ примѣшано стручковаго перца, опія и т. п. А затѣмъ и число *ведеръ одуряющихъ напитковъ*, въ дѣйствительности потребляемое народомъ, можетъ далеко превосходить число ведеръ 40-градуснаго вина, которое вошло въ эти напитки.

Вотъ это соображеніе и представляетъ второй вопросъ, возникающій при обсужденіи дѣла объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина.

Сколько намъ извѣстно, медицинскій совѣтъ, при разсмотрѣніи этого дѣла, сталъ именно на эту точку зрѣнія и высказалъ мнѣніе, что слишкомъ разведенное вино, подъ видомъ продажной водки, оказывается *особенно вреднымъ*, по причинѣ заключающихся въ немъ примѣсей, которыми замѣняются или замаскировываются натуральный вкусъ и крѣпость хорошаго хлѣбнаго вина. Поэтому, медицинскій совѣтъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ мы слышали, высказался *противъ* отмѣны обязательной крѣпости вина и въ пользу распространенія его дѣйствія также на издѣлія водочныхъ заводовъ, для чего указалъ для облегченія повѣрки крѣпости водокъ на спиртомѣръ, изобрѣтенный докторомъ Раковичемъ. Вслѣдствіе того, по соглашенію министерства финансовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ настоящее время отмѣна обязательной крѣпости испрашивается не въ видѣ окончательной мѣры, но въ видѣ опыта.

Подготовка законодательныхъ мѣръ происходитъ у насъ по разнымъ частямъ управленій, а министерства наши, за исключеніемъ военнаго, не имѣютъ каждое въ себѣ законодательныхъ коммиссій, которымъ бы принадлежало общее направленіе и согласованіе законодательныхъ мѣръ по одной части управленія. Мѣры эти обыкновенно вырабатываются отдѣльными коммиссіями, такъ что иногда въ одно и то же время, даже въ одномъ управленіи предполагается осуществить въ законѣ принципы взаимно несогласные. Еще чаще бываетъ при такой разбросанности законодательнаго почина, что мѣра, менѣе нужная, обгоняетъ мѣру нужнѣйшую. Такъ, всѣмъ извѣстна необходимость измѣненія паспортной системы въ Россіи, которая крайне стѣсняетъ народъ. Всѣ согласны и въ томъ, что реформа по этому предмету должна быть направлена въ смыслѣ упрощенія формальностей и отмѣны краткосрочности паспортовъ. Мы сами имѣли случай предлагать съ этой цѣлью установленіе безсрочныхъ видовъ и для податныхъ сословій, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ вносить подати на мѣстѣ своего пребыванія, покупкою марки извѣстнаго денежнаго достоинства, и затѣмъ наклеивалъ такую марку на свой видъ, а обществамъ было бы предоставлено право требовать на родину только тѣхъ, кто не прислалъ имъ по почтѣ квитанціи въ уплатѣ имъ податей на мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ.

Неизвѣстно еще когда крайне необходимая реформа паспортнаго устава *для русскихъ* подданныхъ состоится, а между тѣмъ ее обгоняетъ на дѣлѣ внесенная уже въ законодательномъ порядкѣ реформа паспортныхъ постановленій *для иностранцевъ*, живущихъ въ Россіи. Чѣмъ вызывается измѣненіе паспортныхъ постановленій объ иностранцахъ, мы не можемъ угадать, но знаемъ, что едва ли оно

нужнѣе, чѣмъ реформа общаго паспортнаго устава въ видахъ упрощенія формальностей и отмѣны обременительной краткосрочности видовъ. Къ тому же, какъ мы слышали, измѣненіе въ паспортныхъ условіяхъ для иностранцевъ предположено въ смыслѣ прямо противоположномъ этимъ двумъ требованіямъ, то-есть именно въ новыя паспортныя правила вводится усложненіе формальностей и установленіе сроковъ тамъ, гдѣ они вовсе не были положены.

По дѣйствующимъ нынѣ законамъ, иностранцы, пріѣзжая въ Россію, должны имѣть для пропуска или паспортъ отъ русскихъ миссій и консульствъ за границею, или свой національный паспортъ, засвидѣтельствованный русскими миссіями и консульствами, при чемъ иностранцамъ дозволяется проживать въ Россіи и послѣ истеченія сроковъ, означенныхъ въ паспортахъ, съ которыми они прибыли, если паспорты эти были срочные. Теперь, какъ мы слышали, предполагается измѣнить эти постановленія такъ, что иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Россію со срочными паспортами, будетъ дозволено жить въ Россіи только до истеченія сроковъ, а тѣмъ иностранцамъ, которые пріѣхали съ паспортами безсрочными, будетъ вмѣнено въ обязанность представлять *каждыя пять лѣтъ* документы, удостовѣряющіе принадлежность ихъ къ иностранному подданству. Затѣмъ требованіе нынѣшняго закона, чтобы иностранецъ собственно *на жительство* въ имперіи бралъ ежегодно паспортъ отъ русскихъ начальствъ, предполагается оставить въ силѣ, но съ тѣмъ, чтобы паспорты на жительство выдавались только до сроковъ, означенныхъ въ первоначальныхъ, заграничныхъ паспортахъ, или если таковые безсрочны—только въ продолженіи пяти лѣтъ. Иностранецъ, неимѣющій на основаніи такихъ новыхъ условій права на полученіе русскаго паспорта на жительство, будетъ обязанъ или принять русское подданство, или выѣхать изъ Россіи. При этомъ, если не ошибаемся, имѣется еще въ виду объявить всѣмъ иностранцамъ, проживающимъ въ имперіи, что тѣ изъ нихъ, которые до 1-го января 1874 года не представятъ національныхъ паспортовъ своего правительства, должны будутъ или получить дозволеніе водвориться въ Россіи (принять подданство), или *выѣхать изъ предѣловъ Россіи*. Это послѣднее требованіе представляетъ какъ-бы единовременную повѣрку, рецензированіе всѣхъ пребывающихъ въ Россіи иностранцевъ.

Можно себѣ представить, какія затрудненія все это создастъ многочисленному сословію людей, въ которыхъ Россія весьма нуждается! Всѣ иностранцы, состоящіе въ службѣ тракціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, на нашихъ заводахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ торговлѣ и промышленности всякаго рода, должны будутъ каждыя пять лѣтъ уѣзжать для полученія документовъ, удостовѣряющихъ

ихъ принадлежность къ иностранному подданству... Вѣдь полученіе такихъ документовъ заграницею, гдѣ паспортная система вообще мало практикуется, гдѣ иной и метрическое-то свидѣтельство вытребываетъ только тогда, когда хочетъ жениться, потребуетъ немалыхъ трудовъ, немалаго времени; а чрезъ пять лѣтъ опять та же работа. Каково будетъ сѣвероамериканскимъ или бразильскимъ подданнымъ удовлетворять такимъ условіямъ? Возможно ли исполнить ихъ подданнымъ азіатскихъ государствъ? Скажутъ—пусть требуютъ себѣ документы чрезъ свои посольства. Но развѣ иностранныя посольства и консульства захотятъ исполнять обязанности, какъ-бы налагаемыя на нихъ нашимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, развѣ они захотятъ обременять себя громадной перепиской и увеличивать свои штаты для того только, чтобы исполнялись тѣ требованія формальностей, какія мы признали нужнымъ установить у себя? Что сказать о шведскихъ подданныхъ, которыхъ въ Петербургѣ живутъ тысячи въ качествѣ скромныхъ мастеровъ и работниковъ по механической части; легко ли имъ будетъ каждыя пять лѣтъ уѣзжать въ Швецію, то-есть бросать мѣсто на нѣсколько мѣсяцевъ, стало быть періодически навѣрно лишаться его. Наконецъ, и эта общая мѣра ревизированія всѣхъ иностранцевъ уже живущихъ нынѣ въ Россіи, требованіемъ, чтобы всѣ они въ теченіи предстоящаго года достали себѣ національный паспортъ, или приняли подданство въ Россіи или выѣхали изъ нея — такая мѣра, которая произведетъ массу справедливыхъ жалобъ на невозможное требованіе, жалобъ, которыми огласится Европа. Иной иностранецъ, положимъ медикъ, живетъ и практикуетъ въ Россіи лѣтъ двадцать-тридцать; русскаго подданства онъ принять не желаетъ, положимъ для того, чтобы не лишить правъ прусскаго или австрійскаго подданства своихъ дѣтей, которыя могутъ имѣть и виды на наслѣдство отъ родственниковъ за границею; наконецъ, мало ли какія семейныя условія могутъ препятствовать человѣку перемѣнить подданство. И вдругъ, этого почтеннаго человѣка, который принесъ несомнѣнную пользу въ провинціи, гдѣ даже и фельдшера порядочные рѣдки, заставляютъ выѣзжать изъ Россіи, чтобы отыскивать себѣ паспортъ на родинѣ, гдѣ, быть можетъ, ему за давностью времени будетъ просто невозможно отыскать какіе-либо документы удостовѣряющіе личность, кромѣ того самаго безсрочнаго паспорта, съ которымъ онъ нѣкогда пріѣхалъ въ Россію, и по которому ему долѣе жить въ ней не дозволяютъ. Не странно ли будетъ положеніе такого человѣка, который явится въ Саксонію просить позволенія на проживаніе въ Россіи, гдѣ онъ уже прожилъ тридцать лѣтъ, имѣетъ семейство и домъ?

Кромѣ нареканій на Россію, которыя неизбѣжно возникли бы изъ этой мѣры, кромѣ существеннаго неудобства и переполоха, соединенныхъ съ выселеніемъ, быть можетъ, значительнаго числа полезныхъ дѣятелей съ нашихъ фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, которыхъ на первое время и замѣнить будетъ некѣмъ,— намъ кажется, предположенная мѣра представляетъ еще и то неудобство, что ее въ слишкомъ многихъ случаяхъ окажется *просто невозможнымъ* исполнить, а затѣмъ, вслѣдствіе допущенія множества исключеній, она сдана будетъ въ архивъ и только увеличитъ собою существующій у насъ особый кодексъ законовъ не отмѣненныхъ, но неприменяемыхъ. Въ виду такихъ соображеній казалось бы не лишнимъ—что вѣроятно и будетъ сдѣлано при законодательномъ движеніи этого проекта — по крайней мѣрѣ спросить мнѣнія о немъ законодательнаго отдѣла канцеляріи Его Величества и министерство юстиціи.

Рядъ разсматриваемыхъ нами на этотъ разъ административныхъ предположеній заключимъ указаніемъ на одно курьёзное дѣло, возникшее вслѣдствіе пожара 1869 года, въ городѣ Саранскѣ, на которомъ сгорѣли принадлежащія тамошнему Петропавловскому монастырю лавки. Саранскій Петропавловскій монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ каменною оградой, въ которой устроены каменныя сплошныя лавки, вблизи существующихъ монастырскихъ церквей, изъ которыхъ одна церковь устроена тутъ же въ самой оградѣ. Когда лавки эти сгорѣли, то пензенское губернское правленіе воспретило возобновленіе ихъ, на томъ основаніи, что строительный уставъ запрещаетъ входить съ представленіями объ устройствѣ при церквахъ лавокъ или церквей и колоколенъ при лавкахъ. Но монастырь, а за нимъ и духовное вѣдомство возстали противъ такого запрещенія, и стали доказывать, что приведенный законъ касается церквей, но не *монастырей;* что для монастырей существуетъ особый законъ, которымъ не запрещается имъ отдавать въ наемъ ненужныя имъ самимъ земли и угодья, не воспрещая и устройство на этихъ земляхъ и угодьяхъ торговыхъ заведеній, лишь бы только заведенія эти не устроивались отъ самихъ монастырей. Въ доказательство различія, которое дѣлаетъ законъ между правами монастырей и архіерейскихъ домовъ съ одной стороны и церквей съ другой, приводится еще тотъ фактъ, что права учрежденій каждаго изъ названныхъ двухъ родовъ изложены въ двухъ разныхъ отдѣлахъ тома IX, при чемъ въ отдѣлѣ о церквахъ и церковныхъ земляхъ воспрещается въ церковныхъ домахъ и на церковныхъ земляхъ заводить трактирныя и питейныя заведенія, а въ отдѣлѣ о правахъ монастырей такого запрещенія для монастырскихъ и архіерейскихъ подворій не содержится.

Въ общемъ собраніи сената, большинство членовъ признало правильнымъ постановленіе губернскаго правленія, какъ основанное на законѣ, но вслѣдствіе разногласія съ синодомъ дѣло перешло въ государственный совѣтъ. Сколько намъ извѣстно, дѣло въ настоящее время направляется въ смыслѣ согласномъ съ мнѣніемъ духовнаго вѣдомства, при чемъ принято еще во вниманіе и то обстоятельство, что самый законъ, на которомъ основало свое распоряженіе губернское правленіе, не дозволяя заводить лавки при церквахъ вновь, не требуетъ однако уничтоженія такихъ лавокъ, если онѣ уже существовали до изданія этого запрещенія, а лавки при Петропавловскомъ монастырѣ существовали прежде. Такимъ образомъ, какъ слышно, предполагается, согласно съ мнѣніемъ синода, предоставить монастырю возобновить его лавки.

Мы приводимъ этотъ случай въ примѣръ тѣхъ недоразумѣній, которыя въ дѣлѣ самомъ простомъ могутъ возникать именно вслѣдствіе многообразія законовъ, массы частныхъ и вмѣстѣ недостатка общихъ опредѣленій, которыми вообще страдаетъ наше законодательство. Саранское же дѣло само по себѣ просто: различіе между церквами и монастырями, находимое въ законахъ, вовсе не существенно въ настоящемъ случаѣ, потому именно, что различіе это касается монастырскихъ *земель*, архіерейскихъ *подворій*, но не монастырскихъ *церквей*, которыя прежде всего — церкви, а стало быть къ нимъ примѣнимо все то, что закономъ установлено для соблюденія благочинія вообще вокругъ церквей. Если законъ запрещаетъ учреждать лавки при церквахъ изъ уваженія къ церквамъ, то какой же смыслъ имѣло бы съ его стороны допущеніе меньшаго уваженія къ церквамъ монастырскимъ? Въ этомъ смыслѣ есть законъ (ст. 1711 Св. Зак. т. X, ч. I), который не дѣлаетъ даже никакого различія между внутренними монастырскими и церковными зданіями, запрещая одинаково какъ тѣ, такъ и другія отдавать въ наемъ подъ *торговыя* и трактирныя помѣщенія. То, что закономъ не воспрещается для монастырскихъ земель и архіерейскихъ подворій, тѣмъ самымъ вовсе еще не разрѣшается *церквамъ* монастырскимъ и внутреннимъ монастырскимъ зданіямъ.

Очевидное равенство условій благоустройства для церквей какъ приходскихъ, такъ и монастырскихъ, признается самой синодальной инструкціей 1828 года благочиннымъ монастырей, въ которой сказано: „за благоустройствомъ монастырскихъ церквей, благочинный монастырей имѣетъ наблюденіе примѣняясь къ тому, что предписано благочинному приходскихъ церквей, въ его инструкціи“. А благочинному приходскихъ церквей, въ инструкціи 1859 — 60 года, предписано имѣть въ виду слѣдующее: „тѣмъ паче не должно быть

близъ церкви никакихъ строеній, могущихъ служить соблазномъ и опасностью для храмовъ, какъ-то торжищъ, бань, кузницъ и т. п.", А такъ какъ лавки при Петропавловскомъ монастырѣ въ Саранскѣ были устроены вблизи монастырскихъ *церквей*, въ самой оградѣ, въ которой устроена и одна изъ церквей, да еще *и внутри монастыря*, какъ то видно изъ самаго синодальнаго опредѣленія, то не можетъ быть и сомнѣнія на счетъ полной правильности постановленія пензенскаго губернскаго правленія. Что же касается соображенія, что законъ не требуетъ уничтоженія существующихъ при церквахъ лавокъ, а только воспрещаетъ заводить новыя, то вѣдь это — игра словъ. Лавки сгорѣли, стало-быть онѣ не существуютъ, и ходатайствуется именно о томъ, чтобы устроить ихъ вновь. Сюда вполнѣ примѣнимъ примѣръ постановленій, запрещающихъ возводить деревянныя постройки въ какой-либо мѣстности, но не требующихъ уничтоженія существующихъ. На Невскомъ проспектѣ есть доселѣ одинъ деревянный домъ, открытый съ улицы. Еслибъ онъ сгорѣлъ, развѣ дозволили бы отстроить его вновь деревяннымъ на томъ основаніи, что онъ существовалъ до изданія воспрещенія деревянныхъ построекъ въ этомъ мѣстѣ? Такъ и лавки вблизи церквей саранскаго монастыря. Законъ дѣйствительно не требовалъ ихъ уничтоженія, пока онѣ существовали; но теперь, когда онѣ существовать перестали, законъ воспрещаетъ возобновлять ихъ.

Говоря въ предшествующемъ „Внутреннемъ обозрѣніи" о трудахъ юридической коммиссіи, осматривавшей наши волостные суды и обсуждающей въ настоящее время вопросъ о степени удовлетворительности и необходимости удержанія волостного суда, руководствующагося народнымъ *обычаемъ*, мы старались обратить вниманіе на фактъ, что самый *обычай* въ смыслѣ матеріальнаго, гражданскаго, а частью и уголовнаго народнаго права, остается совершенно неизвѣстнымъ, и указывали на необходимость, для основательнаго и окончательнаго рѣшенія вопроса о волостныхъ судахъ, собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Вслѣдъ затѣмъ мы получили отъ самарскаго губернскаго статистическаго комитета программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Программа эта составлена, по приглашенію комитета, членомъ окружнаго суда, г. Матвѣевымъ, который принялъ за основаніе программу, изданную въ 1864 году съ той же цѣлью Русскимъ географическимъ обществомъ. Г. Матвѣевъ не только облегчилъ исполненіе этой программы, упростивъ ее, но еще, какъ опытный юристъ, сообщилъ ей практически-юридическое направленіе, и программа имъ составленная, по поучительности приведенныхъ въ

ней въ видѣ примѣровъ указаній точности и практичности своихъ требованій, можетъ служить образцовою. Рекомендуемъ ее не только нашимъ статистическимъ комитетамъ и земствамъ, но и самой юридической коммиссіи, спеціально занимающейся вопросомъ о волостныхъ судахъ. Собираніе полныхъ свѣдѣній по этому предмету есть дѣло долгаго времени и дѣло науки: оно можетъ быть исполнено только попеченіемъ земства и статистическихъ комитетовъ. Но для основательнаго рѣшенія вопроса о волостныхъ судахъ казалось бы необходимымъ, чтобы коммиссія, отсрочивъ его года на два, поручила свѣдущимъ юристамъ, хотя въ каждой губерніи, составить по программѣ подобной той, которая выработана г. Матвѣевымъ, подробный обзоръ народныхъ юридическихъ обычаевъ, хоть одной мѣстности въ каждой губерніи; изъ свода этихъ обзоровъ получилось бы разъясненіе *практическаго* вопроса: насколько народный обычай у насъ представляетъ своеобразныхъ уклоненій отъ общаго законодательства и насколько такія уклоненія, во-первыхъ, существенны, во-вторыхъ, распространены, — чтобы существованіе ихъ вызывало и оправдывало существованіе спеціальнаго сословнаго суда для крестьянъ, судящаго именно по обычаю, а не по произволу, измѣняющему рѣшающій принципъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Кончимъ нашу хронику тѣмъ, чѣмъ начали ее, а именно вѣчнымъ вопросомъ объ образованіи. Какъ бы мы ни признавали настоятельнымъ и важнымъ „народное" образованіе, но оно нисколько не упраздняетъ заботъ объ образованіи „общественномъ", даже, можно сказать, оно въ сильной степени обусловливается послѣднимъ. Кальхасы „Московскихъ Вѣдомостей" по поводу статьи, помѣщенной у насъ въ сентябрьской книгѣ, подъ заглавіемъ: „Виды и соображенія" министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ, вновь приказали подать въ редакцію кровельное желѣзо для произведенія громовъ въ передовой статьѣ № 269. Привычное ухо читателей само могло различить, откуда идутъ эти громы, и потому мы не дали себѣ труда писать комментарій къ этимъ громамъ, тѣмъ болѣе, что авторы, сами того не замѣчая, отпарировали свои, повидимому, неотразимые удары. Желая доказать, что наше уваженіе къ прусскимъ реальнымъ училищамъ напускное и ни на чемъ не основанное, они приводятъ взглядъ компетентныхъ людей въ самой Пруссіи на положеніе ея реальныхъ училищъ. „Въ 1869-мъ году — такъ гремятъ „Московскія Вѣдомости" — прусскою палатою депутатовъ была назначена коммиссія для разсмотрѣнія учебныхъ проектовъ. Въ средѣ коммиссіи — какъ гласитъ ея отчетъ — было вообще

признано, что нынѣшнее состояніе реальныхъ школъ есть состояніе *болѣзненное* (krankhaft)". Но надобно авторамъ той передовой статьи быть самимъ въ болѣзненномъ состояніи, чтобы приводить доводъ противъ себя и самимъ не замѣчать того нисколько. Въ 1869-мъ году, коммиссія палаты признаётъ прусскія реальныя училища находящимися въ „болѣзненномъ" состояніи; а что дѣлаетъ вслѣдствіе того прусское правительство въ 1870-мъ году? По смыслу гг. Каткова и Леонтьева, прусское правительство должно было бы или закрыть эти училища, или преобразовать ихъ по программѣ издателей „Московскихъ Вѣдомостей". Между тѣмъ, прусское правительство, въ 1870-мъ году, расширяетъ права реальныхъ училищъ, возвышаетъ ихъ назначеніе и даетъ воспитанникамъ ихъ право поступать въ университетъ. Какъ же бы это могло случиться, еслибы прусское правительство подъ „болѣзненностью" реальныхъ училищъ разумѣло негодность и безцѣльность ихъ обученія?! Неужели это могло бы служить основаніемъ расширенія правъ учащихся въ реальныхъ училищахъ? Какъ думаютъ на этотъ счетъ наши Кальхасы? Впрочемъ, та же коммиссія, какъ не безъизвѣстно „Московскимъ Вѣдомостямъ", объясняетъ въ чемъ дѣло, и почему именно надобно было ожидать, что прусское правительство, на основаніи „болѣзненнаго" состоянія реальныхъ училищъ, дастъ имъ право на университетъ: „Становится вопросомъ, *не увлечены ли искусственно* реальныя школы (въ Пруссіи) отъ ихъ первоначальнаго назначенія давать *общее образованіе* для практической дѣятельности, и имѣютъ ли граждане въ теперешней реальной школѣ I-го разряда вообще такое заведеніе, существованіе котораго обусловливалось бы потребностями промышленной и индустріальной жизни новаго времени". Все это перестало быть теперь въ Пруссіи вопросомъ, послѣ того, какъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ открытъ путь къ научному самоусовершенствованію въ университетѣ, что, разумѣется, не дозволитъ „отвлекать искусственно реальныя школы отъ общаго образованія, какъ того видимо опасалась коммиссія, и въ чемъ именно она видѣла признаки „болѣзненности" реальныхъ училищъ. Въ вышеупомянутой нашей статьѣ, на которую ополчились „Московскія Вѣдомости", не высказано ничего болѣе, какъ то же опасеніе въ отношеніи нашихъ реальныхъ училищъ, какое выражала коммиссія относительно прусскихъ реальныхъ школъ, а именно, чтобы онѣ не были увлечены искусственно отъ главной цѣли, высказанной въ ихъ уставѣ, то-есть, давать *общее* образованіе, подъ предлогомъ, весьма хорошимъ, но не педагогическимъ, — удовлетворить промышленнымъ и индустріальнымъ требованіямъ новаго времени.

Къ чему же послѣ этого „Московскія Вѣдомости" наполняютъ свои „передовыя" недостойными выходками противъ автора той

статьи (называя его даже по имени, хотя та статья не подписана), въ родѣ слѣдующихъ: „съ нашею Пиѳіею происходитъ удивительная вещь: она настолько впиваетъ въ себя одуряющихъ испареній изъ-подъ своего треножника, что различіе между будущимъ и прошедшимъ теряется для нея, и истое прорицаніе начинаетъ течь изъ ея устъ въ видѣ ложной исторіи." Пусть гг. Катковъ и Леонтьевъ оглянутся около себя, не сидятъ ли они сами на какомъ-нибудь треножникѣ съ „одурившими" ихъ испареніями; это послужило бы, по крайней мѣрѣ, смягчающимъ обстоятельствомъ для того, кто захотѣлъ бы еще обвинить ихъ въ недобросовѣстномъ отношеніи къ противному имъ мнѣнію.

Главнымъ средствомъ къ тому, чтобы морочить нашу публику, „Московскія Вѣдомости" избрали увѣреніе, что мы о прусскихъ реальныхъ училищахъ говоримъ „съ напускнымъ энтузіазмомъ", что въ Пруссіи-де самой ими очень недовольны, и что прочія европейскія общества и правительства только и думаютъ о томъ, какъ-бы уничтожить совсѣмъ реальное образованіе и замѣнить его строго-классическимъ. Мы сейчасъ видѣли, съ какимъ іезуитизмомъ эта газета ссылается на мнѣніе коммиссіи въ Берлинѣ о „болѣзненности" реальныхъ училищъ, и ссылается теперь, когда въ Пруссіи удаленъ пресловутый министръ народнаго просвѣщенія ф.-Мюлеръ и вся его клерикальная клика, и когда въ отвѣтъ на тотъ отзывъ коммиссіи права реальныхъ училищъ были значительно расширены прусскимъ правительствомъ. Но у „Московскихъ Вѣдомостей" есть еще другое „колѣно": онѣ увѣряютъ, что лучшіе умы въ западной Европѣ утверждаютъ то же самое, что мнитъ эта газета. Относительно другихъ странъ западной Европы, мы можемъ читателямъ напомнить, изъ ноябрьской книги нашего журнала, отзывъ нашего корреспондента изъ Парижа о новой реформѣ во Франціи среднихъ учебныхъ заведеній, совершённой министромъ народнаго просвѣщенія Жюлемъ Симономъ.

„Я счастливъ—говоритъ г. Н.,—что могу противупоставить имъ (экономическимъ неудачамъ французскаго правительства) хотя совсѣмъ въ иной, но не менѣе важной сферѣ, нѣчто весьма удачное, на мой взглядъ, и весьма блестящее; я говорю про реформы, введенныя недавно министромъ народнаго просвѣщенія въ методы и способы преподаванія во второстепенныхъ (среднихъ) заведеніяхъ. Тутъ остается только хвалить. Эта реформа представляется мнѣ наилучшей и наиразумнѣйшей изъ всѣхъ реформъ, какія только совершены правительствомъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы *удовлетворить требованіямъ современнаго* и практическаго воспитанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвести *законное* и *полезное* мѣсто изученію древнихъ языковъ (le problème était de suffire aux exigence d'une éducation vraiment moderne et pratique, tout en laissant aux langues anciennes une place légitime et utile). Министръ руководился тѣмъ принципомъ, что древ-

нихъ писателей изучаютъ для того, чтобы читать ихъ, а не подражать имъ. Никому въ девятнадцатомъ столѣтіи не предстоитъ писать латинскихъ стиховъ, ни даже латинской прозы. Поэтому министръ отмѣнилъ скучныя занятія стопосложеніемъ и риѳмоплетствомъ, которыя были такъ дороги университетской рутинѣ, но приводили съ большой потерей времени только къ развитію особеннаго языка, вполнѣ незнакомаго Цицерону и Квинтиліану, и который зовется у насъ „кухонной латынью". Время, выгаданное вслѣдствіе отмѣны этой рутины, посвящается, съ одной стороны объясненію древнихъ писателей, что собственно только и нужно, съ другой стороны, изученію живыхъ языковъ, которое, наконецъ, перейдетъ въ дѣйствительность. Географія, изученіе которой сведено было на-нѣтъ не только въ лицеяхъ, но и въ спеціальныхъ заведеніяхъ, каковы Сен-Сирское училище, получитъ то значеніе, какое ей приличествуетъ, и въ которомъ мы убѣдились горькимъ опытомъ въ послѣднюю войну, когда многіе изъ нашихъ генераловъ и офицеровъ не умѣли нигдѣ оріентироваться, и когда генералы, которымъ поручена была защита Парижа, не знали топографіи его окрестностей. Реформа Жюля Симона есть дѣло прилежнаго и методичнаго ума, который проникъ въ самую суть своего предмета, руководясь всѣми уроками опыта. Сочиненіе молодого и талантливаго профессора въ *Collège de France* Мишеля Бреаля, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и разбирало вопросъ со всѣхъ сторонъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла, очевидно, оказало ему большую услугу. Но дѣло еще не кончено. Въ виду реформы, университетъ (l'université, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія) раздѣлился на два лагеря, которые можно назвать въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ молодымъ и старымъ. Молодые рукоплещутъ и выказываютъ большое усердіе, старые горюютъ и неохотно содѣйствуютъ организаціи и успѣху новаго преподаванія. Предстоитъ борьба, которая можетъ продлиться нѣсколько лѣтъ".

Чтобы придать весь авторитетъ сказаннымъ словамъ, намъ стоило бы только назвать имя нашего корреспондента, но мы не имѣемъ на то права, а потому для назиданія „Московскимъ Вѣдомостямъ" ссылаемся на другую статью, только-что появившуюся въ «Revue des deux mondes» (15 nov. 1872): «Les réformes dans l'enseignement sécondaire, par. M. Paul Janet, de l'Institut de France». Статья французскаго академика Поля Жанэ, извѣстнаго своими филологическими трудами, посвящена разбору той же новѣйшей реформы среднихъ учебныхъ заведеній, о которой упоминаетъ и нашъ корреспондентъ г. Н. Вотъ вступленіе П. Жанэ, которое выражаетъ вполнѣ его взглядъ на эту реформу:

„Декабрьское постановленіе 1802 года, которымъ учреждались лицеи имперіи, гласило такъ: «on enseignera essentiellement dans les lycées le latin et les mathématiques» (въ лицеяхъ [то-есть въ гимназіяхъ] будутъ обучать главнымъ образомъ латинскому языку и математическимъ наукамъ). Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго

вѣка,—а такъ было и въ теченіе всего прошедшаго столѣтія,—обученіе ограничивалось почти исключительно латинскимъ языкомъ, въ которому присоединяли, предъ окончаніемъ курса, философію и математику; въ ту эпоху не думали, что нужно учиться многому другому, чтобы сдѣлаться человѣкомъ полезнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно то, что въ этой классической школѣ сформировались могучія поколѣнія революціи и имперіи: нѣкоторые и даже самые блестящіе умы реставраціи учились не большему, но потребности измѣняются вмѣстѣ съ временемъ. Вовсе не всегда необходимо учиться тому же, и часто приходится изучать новыя вещи (il n'est pas toujours nécessaire d'apprendre les mêmes choses, et il devient souvent nécessaire d'apprendre des choses nouvelles)... Если было необходимо новому европейскому обществу, въ эпоху возрожденія, проникнуться и очиститься изученіемъ классической литературы и связать ею цѣпь цивилизаціи, порванную вторженіемъ варваровъ, то столько же необходимо теперь, не разрывая священныя преданія, приготовиться къ новымъ условіямъ современной цивилизаціи. Три главныхъ факта характеризуютъ эту цивилизацію: изумительное развитіе положительныхъ наукъ и промышленности въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, — установленіе политическихъ учрежденій болѣе или менѣе свободныхъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы,—распространеніе путей сообщенія, и вслѣдствіе того, международныхъ сношеній. Все это факты не новые для міра; но въ наши дни они приняли такіе размѣры, что ими можно характеризовать наше общество. Какимъ образомъ школа можетъ оставаться чуждою фактовъ и идей, управляющихъ міромъ, и гдѣ же она найдетъ себѣ помѣщеніе въ этомъ новомъ мірѣ? Науки, на которыя долго смотрѣли, какъ на умственную гимнастику, сдѣлались теперь необходимымъ элементомъ культуры. Какъ допустить въ наше время тотъ предразсудокъ, что можно быть образованнымъ, не зная ничего о міровой системѣ и изумительныхъ открытіяхъ послѣднихъ двухъ вѣковъ? Конечно, многое пріобрѣтается чтеніемъ и личнымъ изученіемъ; но это личное изученіе невозможно безъ строгаго приготовленія и безъ солиднаго общаго образованія".

Далѣе, П. Жанэ замѣчаетъ, что Франція, упорствуя въ своей классической системѣ, не разъ была наказана тѣмъ, что начала замѣтно отставать отъ германскаго и англо-американскаго міра въ ихъ успѣхахъ и дѣлаться „une nouvelle Chine"; вслѣдствіе того министерство народнаго просвѣщенія во Франціи давно уже начало дѣлать уступки требованіямъ новаго времени и вводить въ гимназическій курсъ новые предметы. „Но — говоритъ П. Жанэ, — давая имъ мѣсто, оставляли неприкосновеннымъ обученіе древнимъ язы-

камъ. Все прибавляли, ничего не уменьшая, и предметы укладывались, какъ могли; ученики схватывали во всемъ верхушки, и такой порядокъ вещей могъ бы длиться долго, такъ какъ нигдѣ охотно не перемѣняютъ систему образованія. Нужно было произойти чему-нибудь чрезвычайному, что разбудило бы общественный духъ и вынудило бы администрацію ступить на почву серьезной реформы. Такою чрезвычайностью и была война 1870 года. Насъ спросятъ, какое отношеніе имѣетъ послѣдняя война къ латинскимъ стихамъ: это отношеніе не бросается въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ... Г. Жюль-Симонъ, человѣкъ предусмотрительный и консервативный, далъ себѣ время на размышленіе; но имѣя умъ здравый и справедливый, онъ увидѣлъ, что новый порядокъ не можетъ имѣть успѣха, если не пожертвовать съ другой стороны (т.-е. со стороны изученія классическихъ языковъ)".

Вотъ что говоритъ П. Жанэ въ своемъ вступленіи къ статьѣ, на которую нельзя не обратить самаго серьёзнаго вниманія. Изложивъ сущность самой реформы гимназій во Франціи, академикъ заключаетъ свою статью слѣдующимъ соображеніемъ:

„У насъ боятся, что новая реформа пожертвовала духовными интересами въ пользу матеріальныхъ,—но должно сознаться, что въ такомъ страхѣ есть преувеличеніе. Французскій народъ образованъ, но онъ не обученъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; намъ вообще недостаетъ положительныхъ знаній и точнаго взгляда на вещи. Потому, нѣтъ ничего худого въ томъ, что наше классическое обученіе дастъ болѣе широкое мѣсто реальному, и притомъ всегда необходимо жертвовать избыткомъ; я не говорю, что такое пожертвованіе нужно дѣлать безъ сожалѣнія, но въ жизни случается часто приносить въ жертву личные вкусы; и признаться сказать, пожертвованіе латинскими стихами—еще не самая тягостная жертва! Что же касается до тѣхъ, которые по поводу новой реформы подняли крикъ, какъ монсиньоръ епископъ орлеанскій Дюпанлу, и возопили, что умственное образованіе во Франціи погибло съ этой минуты, то это — преувеличеніе столь очевидное, что его можно объяснить только политическими страстями".

Но чѣмъ мы объяснимъ крики нашихъ „монсиньоровъ" Каткова и Леонтьева, неустанно вопіющихъ о погибели умственнаго образованія въ Россіи, если ихъ идеи не восторжествуютъ до конца? Впрочемъ, это и не наше дѣло: мы привели отрывки изъ статьи П. Жанэ съ тою цѣлью, чтобъ опровергнуть главный доводъ «Московскихъ Вѣдомостей», а именно, будто онѣ представляютъ собою выраженіе господствующихъ взглядовъ на дѣло средняго образованія въ западной Европѣ. Надѣемся, что нынѣшній разъ эта газета

благоразумно промолчить, если не рѣшится объявить и П. Жанэ, и Ж. Симона, и самого Тьера—врагами отечества, которые стремятся унизить Францію и убить въ ней «истинно-европейское» образованіе.

Если разъ, по винѣ „Московскихъ Вѣдомостей", зашла опять рѣчь о классицизмѣ, то будетъ кстати упомянуть здѣсь отзывъ о классическихъ гимназіяхъ, помѣщенный на-дняхъ въ „Гражданинѣ", № 28-й, поющемъ съ голоса „Московскихъ Вѣдомостей", и ревностнымъ защитникомъ классицизма. Дѣло идетъ о желаніи городской думы въ гор. Прилукахъ основать классическую прогимназію. Что же!? Слава Богу, спасибо городской думѣ, въ добрый часъ!—Вотъ все, что скажемъ мы, несмотря на то, что „Московскія Вѣдомости" увѣряютъ публику въ нашемъ недоброжелательствѣ классицизму. Но что̀ говоритъ „Гражданинъ" устами одного изъ своихъ сотрудниковъ?! Онъ не совѣтуетъ думѣ тратить такимъ непроизводительнымъ образомъ деньги, во-первыхъ, потому что есть уже гимназія въ Нѣжинѣ, всего (!!) въ 67-ми верстахъ (по его мнѣнію, вѣроятно, это—небольшое пространство, напримѣръ, для вольно-приходящихъ), а во-вторыхъ... Но это — классическое мѣсто, которое мы и приведемъ ipsissimis verbis:

„Прогимназія, въ объемѣ своего преподаванія, не представляетъ въ себѣ ничего цѣльнаго-законченнаго; въ силу чего, окончившіе прогимназію должны доканчивать свое образованіе въ гимназіяхъ, что, конечно, не каждому удастся, *въ силу возрастающихъ требованій въ знаніи греческаго и латинскаго языковъ, непосильныхъ для громаднаго большинства.* Такимъ образомъ, въ *наше* время окончить гимназію не только дорого, но и *не всегда возможно*, такъ какъ намъ извѣстны гимназіи, которыя не умѣютъ приготовить своихъ воспитанниковъ къ окончанію курса. Какую же—спрашиваетъ этотъ господинъ,—принесетъ пользу для края прогимназія, когда даже тѣ, которые блистательно оканчиваютъ гимназіи, не могутъ обойтись безъ универсальнаго (вѣроятно, университетскаго) образованія? И кто, при *такихъ* (т.-е. современныхъ) условіяхъ можетъ воспитывать своихъ дѣтей въ прогимназіи? Только нѣсколько *богачей*, которые, *не жалѣя силъ своихъ дѣтей*, поведутъ ихъ тѣмъ путемъ, который *едва ли не труднѣе перехода между Сциллой и Харибдой*?"

Вотъ доводы, которыми наши классики, въ родѣ „Гражданина", отговариваютъ гражданъ основывать классическія гимназіи и прогимназіи: это-молъ хорошо для богатыхъ, да и то̀ не для всѣхъ, а только для тѣхъ, кому-молъ своихъ дѣтей не жаль; да и классицизмъ-то будетъ потруднѣе плаванія между Сциллой и Харибдой,— а извѣстно, что для классиковъ и до сихъ поръ этотъ проливъ представляетъ неимовѣрныя затрудненія, вовсе незнакомыя совре-

меннымъ морякамъ. Въ виду всего этого мы можемъ только удивляться нашимъ классикамъ, такъ плохо рекомендующимъ то, что̀ они съ такою ревностью защищали въ проектѣ.

„Гдѣ же воспитывать дѣтей людямъ малосостоятельнымъ, которыхъ, конечно, въ Прилукскомъ уѣздѣ, какъ и повсюду, громадное большинство?“—вопрошается въ „Гражданинѣ“.

Вопросъ, дѣйствительно, любопытный и близкій къ сердцу многихъ родителей. Вотъ на вопросъ и отвѣтъ:

„Не лучше-ли, вмѣсто (?) прогимназіи, которая ежегодно будетъ выпускать нѣсколькихъ ученыхъ пролетаріевъ, неприготовленныхъ ни къ какому занятію, — открыть сельско-хозяйственную, техническую, или, наконецъ, хоть ремесленную школу? По моему,— заключаетъ статья органа кн. В. Мещерскаго — пусть дѣти мои будутъ не учеными, но дѣльными механиками, столярами, сапожниками, чѣмъ учеными-бездѣльниками (!) неспособными ни къ какому самостоятельному труду ни дѣла, ни мысли“. Такова, значитъ, логика автора этой статьи: если человѣкъ не вышелъ дѣльнымъ механикомъ, столяромъ или сапожникомъ, то онъ непремѣнно будетъ ученымъ бездѣльникомъ. Хочетъ ли намъ сказать авторъ, что онъ самъ очень состоятельный человѣкъ и не пожалѣетъ своихъ дѣтей, а потому охотно даетъ менѣе состоятельнымъ совѣтъ обратить своихъ дѣтей въ „дѣльныхъ сапожниковъ“ и т. п.; или онъ и самъ несостоятельный человѣкъ,—но тогда мы позволимъ себѣ заподозрить искренность его рвенія къ тому, чтобы получить въ лицѣ своихъ дѣтей, можетъ быть весьма талантливыхъ и любознательныхъ юношей, — „дѣльныхъ столяровъ, сапожниковъ“ и т. п. Если въ гор. Прилукахъ и повсюду будетъ исполненъ совѣтъ „Гражданина“, то мы будемъ имѣть много „мастеровыхъ“, а „мастеровъ“ придется выписывать все-таки изъ-за границы. Вотъ почему мы, несмотря на то, что не состоимъ въ числѣ классиковъ, однако думаемъ, что прилукская дума сдѣлаетъ несравненно лучше, если не послѣдуетъ совѣтамъ „Гражданина“ и, не боясь „Сциллы и Харибды“, которыми ей угрожаютъ, построитъ у себя классическую прогимназію, что̀, конечно, не помѣшаетъ думѣ затѣмъ завести и ремесленныя школы, стоющія относительно дешево. Взгляды же „Гражданина“ на классическія гимназіи, какъ на мѣсто воспитанія однихъ богатыхъ дѣтей, куда притомъ отдаютъ „не жалѣя силъ ихъ“, и на классическое образованіе, какъ на прохожденіе Улиссомъ Сциллы и Харибды,—все это мы оставляемъ на отвѣтственности нашихъ классиковъ, произнесшихъ такую премудрость, — конечно, въ своей безграничной „простотѣ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря 1872.

Кризисъ во Франціи. — Посланіе президента. — Запросъ Шангарньé.—Коммиссія Кердреля. — Національныя несогласія въ Австріи. — Взглядъ на сеймы.— Случай въ Тиролѣ.—Сеймъ прусскій.—Реформа въ прусской народной школѣ.— Избраніе Гранта.

Франція ожидала открытія сессіи національнаго собранія съ напряженіемъ и тревогой, предвидя, что въ этой сессіи должна рѣшиться ея участь на цѣлый періодъ времени, который, впрочемъ, можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ. Возобновленіе сессіи произошло 11-го ноября совершенно тихо. Но чрезъ два дня явился въ собраніе президентъ республики и прочелъ свое посланіе; первая часть посланія представляетъ обзоръ матеріальнаго положенія Франціи, а вторая—касается положенія политическаго. Такъ какъ это происходило ровно мѣсяцъ тому назадъ, то мы не станемъ подробно излагать посланія президента. О первой части его достаточно сказать, что матеріальное положеніе Франціи рисуется имъ въ весьма благопріятномъ, быть можетъ, слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. Извѣстно искусство Тьера въ группированіи цифръ. Но общій благопріятный смыслъ этихъ цифръ подтверждается обстоятельствами даже и независящими, каковы—большое превышеніе ввоза вывозомъ и превосходный урожай, въ особенности урожай винограда на югѣ Франціи, обѣщающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землевладѣльцамъ до 30-ти процентовъ дохода. Въ этой счастливой странѣ, „sunny France", какъ ее называютъ англичане, солнце въ самомъ дѣлѣ работаетъ за людей, помогая имъ уплатить тяжелую контрибуцію. Въ послѣдней части своего посланія, Тьеръ отнесся къ политическому вопросу весьма рѣшительно, какъ того и можно было ожидать послѣ указанныхъ нѣсколько разъ симптомовъ, что республика дѣлаетъ во Франціи успѣхи въ убѣжденіяхъ общества. Теченіе мысли президента въ посланіи было такое: собраніе вполнѣ исполнитъ свою задачу, испол-

нить призваніе, возложенное на него страной, когда, возвративъ странѣ сперва миръ, потомъ порядокъ, далѣе—ея могущество, оно наконецъ дастъ ей правильный образъ правленія. Тьеръ призналъ за собраніемъ вполнѣ учредительное право, учредительную власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему понять, что этимъ правомъ, этой властью оно должно воспользоваться не произвольно, а въ согласіи съ реальными обстоятельствами времени. „Событія,—читалъ онъ, — основали республику; возвращаться теперь къ причинамъ, создавшимъ ее и подвергать ихъ обсужденію было бы предпріятіемъ равно опаснымъ и безполезнымъ. *Республика существуетъ*, она есть законное правленіе страны, и желаніе замѣнить ее чѣмъ-либо инымъ вызывало бы новый переворотъ, страшнѣе всѣхъ бывшихъ. Не станемъ терять времени на провозглашеніе ея, но посвятимъ наше время на то, чтобы сообщить ей желательныя и необходимыя свойства... Я по своей обязанности постоянно слѣжу за отношеніемъ къ намъ Европы и объявляю вамъ, господа, что Франція не изолирована, что отъ нея самой зависитъ имѣть довѣрчивыхъ и полезныхъ друзей. Пусть она будетъ спокойна (paisible) при республикѣ, и она не удалитъ ею отъ себя никого. Пусть она волнуется подъ колеблющеюся монархіей, и отъ нея устранятся всѣ, несмотря на форму правленія. Мы приближаемся къ рѣшительной минутѣ. Форма этой республики была доселѣ форма случайная, данная обстоятельствами... Но всѣ ждутъ, всѣ спрашиваютъ себя, какой день и какую форму вы изберете, чтобы сообщить республикѣ ту консервативную силу, безъ которой она существовать не можетъ... „Ларошфуко́, герцогъ де-Бизаччіа кричитъ: „да мы не хотимъ ея!“ Виконтъ де-Лоржериль кричитъ: „а бордоскій договоръ?“ Но Тьеръ настойчиво продолжаетъ свое чтеніе, и заключаетъ его слѣдующими словами: „передъ вами открывается сессія великая, *рѣшающая;* съ нашей стороны вы можете разсчитывать на всякое уваженіе, преданность, содѣйствіе и энергію, для успѣха предстоящаго вамъ дѣла, которое да благословитъ Богъ, да завершитъ и въ особенности да упрочитъ его, давъ намъ то, чего намъ недоставало съ самаго начала текущаго вѣка!“

Итакъ, Тьеръ поставилъ вопросъ совершенно ясно, весьма рѣшительно; о бордоскомъ договорѣ уже ни слова; самое существованіе республики онъ считаетъ уже не подлежащимъ обсужденію, а вызываетъ починъ собранія только для сообщенія ей окончательныхъ формъ и какой-то „консервативной силы“, подъ именемъ которой едва ли не слѣдуетъ разумѣть вторую палату, предполагаемую президентомъ. Въ продолженіи всего чтенія Тьера, которое длилось часъ и двадцать минутъ, лѣвая сторона усиленно рукоплескала всѣмъ заявленіямъ посланія какъ о благосостояніи Франціи, такъ и въ

пользу республики. Правая же сторона, то-есть большинство, хранило „ледяное молчаніе“; даже тогда, когда была рѣчь о благодѣяніяхъ Провидѣнія, консерваторы сердито безмолвствовали, по замѣчанію „Temps“—„какъ-будто недовольные самимъ Провидѣніемъ за то, что оно излило свои милости на правительство столь мало ихъ достойное“. Но когда Тьеръ приходилъ къ концу, въ особенности когда онъ опровергъ любимую тему монархистовъ (и графа Шамбора), что республика будто бы устранитъ отъ Франціи всякіе союзы—правая сторона не могла долѣе сдерживать своего негодованія. Ропотъ ея прерывалъ, мѣстами покрывалъ голосъ Тьера. Когда же чтеніе окончилось, на правой сторонѣ разразилась буря. Ларошфуко́ двинулся къ трибунѣ: „Мы протестуемъ противъ посланія президента республики“, произнесъ онъ; за нимъ двинулись еще нѣсколько членовъ правой стороны и закричали: „Мы всѣ протестуемъ!“ Въ запальчивости своей, правая сторона тотчасъ дала промахъ. Посланіе Тьера вѣдь не есть тронная рѣчь, за которою долженъ слѣдовать отвѣтный адресъ; со стороны большинства политичнѣе всего было не отвѣчать на посланіе: пусть себѣ Тьеръ ожидаетъ учредительнаго почина собранія, а собраніе такъ и устранитъ всякія учредительныя предложенія простыми переходами къ очередному порядку. Но въ первую минуту раздраженія, легитимистъ де-Кердрель взошелъ на трибуну и предложилъ „назначить коммиссію для *разсмотрѣнія* посланія“. Въ рѣчи своей Кердрель объяснилъ, что „разсмотрѣніе“ онъ разумѣетъ въ смыслѣ суда или приговора (jugement). Но тѣмъ самымъ онъ сдѣлалъ неизбѣжнымъ отвѣтъ палаты на посланіе, стало быть обсужденіе учредительныхъ мыслей Тьера. И Тьеръ самъ тотчасъ присоединился къ предложенію Кердреля, а президентъ собранія Греви искусно предложилъ автору предложенія другую редакцію, которая уже отняла у него характеръ призыва къ „суду“: „назначить коммиссію для составленія проекта *отвѣта* президенту республики“. Предложеніе Кердреля было принято собраніемъ, и такимъ образомъ большинство, враждебное Тьеру, само доставило ему то, что ему было нужно: положило составить нѣчто въ родѣ адреса на тронную рѣчь, отвѣтъ, въ которомъ нельзя было обойти рѣшенія относительно упроченія республики. Такимъ образомъ, произошелъ тотъ кризисъ, который составилъ примѣчательнѣйшее политическое событіе прошлаго мѣсяца.

Кризисъ въ сущности не былъ созданъ ни предложеніемъ Кердреля, ни докладомъ Батби по этому предложенію, ни запросомъ Шангарнье по гренобльской рѣчи Гамбетты и результатомъ голосованія, бывшаго вслѣдствіе этого запроса,—хотя всѣ эти обстоятельства придали кризису такъ-сказать „острый“ характеръ. Но кризисъ, оче-

видно, заключался въ самомъ положеніи и былъ только повтореніемъ прежнихъ кризисовъ, въ которыхъ неопредѣленность существующаго во Франціи порядка выразилась въ борьбѣ между монархистами и республиканцами съ одной стороны, между большинствомъ собранія и Тьеромъ съ другой. Смыслъ положенія въ томъ, что монархистское большинство собранія не хочетъ окончательнаго установленія республики, а между тѣмъ, раздѣленное на три внутреннія партіи, не можетъ ничѣмъ замѣнить республику. Если бы оно имѣло дѣло съ одними республиканцами, то роль большинства была бы довольно легка: отсрочивать рѣшеніе вопроса, отвергать мысль о распущеніи собранія, отклонять всякіе учредительные проекты, клонящіеся къ упроченію или хотя бы къ признанію республики. Но роль большинства утрачиваетъ свойства легкости и ясности въ виду того обстоятельства, что Тьеръ, по указанію своего практическаго смысла и патріотизма во-первыхъ, и своего властолюбія во-вторыхъ, считаетъ неизбѣжнымъ окончательное признаніе и провозглашеніе республики существующей на дѣлѣ, а Тьеръ—имѣетъ за собой большія заслуги, большую популярность и представляется единственнымъ человѣкомъ, который, будучи *временнымъ* правителемъ, можетъ имѣть вѣсъ, какъ въ самой Франціи, такъ и въ Европѣ. Въ предшествующихъ обозрѣніяхъ и помѣщенныхъ нами корреспонденціяхъ изъ Парижа, указывалось шагъ за шагомъ то явленіе, все болѣе выдававшееся впередъ, что Тьеръ окончательно высказывается не только въ пользу республики, но въ смыслѣ необходимости безотлагательнаго ея провозглашенія и упроченія. Въ своемъ посланіи онъ уже прямо поставилъ передъ собраніемъ этотъ вопросъ. Присоединясь самъ къ предложенію Кердреля, онъ принялъ вызовъ сдѣланный ему со стороны правой стороны. Наконецъ, въ своей двукратной рѣчи по запросу Шангарньé, онъ ловко воспользовался предоставленнымъ ему противниками поводомъ, для того чтобы вытребовать себѣ новое выраженіе довѣрія еще предварительно обсужденія учредительнаго вопроса, и тѣмъ самымъ предрѣшить этотъ вопросъ въ пользу республики. Въ самомъ дѣлѣ, что же значило бы выраженіе довѣрія къ нему со стороны собранія, послѣ того, какъ имъ была заявлена необходимость упроченія республики? Оно, очевидно, должно было имѣть смыслъ перваго, весьма замѣтнаго шага собранія къ признанію неизбѣжности упроченія республики. А такой шагъ уже связывалъ бы собраніе и впослѣдствіи, при обсужденіи самого учредительнаго вопроса. Побѣда была бы уже подготовлена успѣхомъ въ такой предварительной схваткѣ, въ которой всѣ шансы казались на сторонѣ Тьера. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ, по поводу запроса о рѣчи Гамбетты, который не состоитъ членомъ правительства, и къ тому же—рѣчи, которой Тьеръ

уже высказалъ осужденіе передъ постоянной коммиссіею собранія — нельзя было по такому поводу отказать въ требованіи того человѣка, который заключилъ миръ, побѣдилъ мятежъ, очистилъ большую часть занятой территоріи отъ чужеземныхъ войскъ, чтобы ему было выражено еще разъ довѣріе. Нельзя было при такихъ обстоятельствахъ выразить недовѣріе Тьеру, который не виноватъ былъ въ рѣчи Гамбетты.

Но большинство, хотя оно не имѣетъ своего готоваго правительства для замѣны Тьера, имѣетъ однако искусныхъ въ парламентской борьбѣ вождей, и въ такихъ случаяхъ, когда оно согласно въ виду общаго интереса, можетъ одерживать побѣды даже надъ такимъ превосходнымъ парламентскимъ тактикомъ, каковъ Тьеръ.

Такая побѣда и была одержана большинствомъ надъ Тьеромъ въ засѣданіи 18-го ноября, послѣ преній о запросѣ Шангарньѐ. Засѣданіе это интересно не по мыслямъ произнесенныхъ въ немъ рѣчей; напротивъ, въ отношеніи глубины мысли и даже блеска слова, рѣчи эти, неисключая рѣчей Тьера, были довольно слабы. Но турниръ тѣмъ не менѣе былъ весьма интересенъ, именно какъ турниръ. Ловкость состязавшихся была въ самомъ дѣлѣ замѣчательна, и равное ей умѣнье можно найти только въ палатѣ общинъ и въ палатѣ представителей въ Вашингтонѣ, но ни въ одномъ изъ представительныхъ собраній другихъ странъ, менѣе опытныхъ въ парламентскомъ дѣлѣ. Старикъ генералъ Шангарньѐ говорилъ пустяки, если смотрѣть на его рѣчь съ точки зрѣнія достоинства политической мысли. Но какъ изощрена была даже рѣчь этого генерала, въ смыслѣ *оружія!* Онъ „ближе Тьера стоитъ къ тому дню, когда придется дать отвѣтъ предъ Богомъ, и потому онъ не можетъ уже увлекаться властолюбіемъ, не пылаетъ къ власти старческой страстью"... Онъ „столько любилъ и еще любитъ Тьера", и не понимаетъ, чѣмъ онъ могъ обидѣть Тьера, пригласивъ его еще разъ повторить свое убѣжденіе, осудить разрушительныя теоріи Гамбетты; вѣдь онъ только проситъ президента „предпочитать своихъ давнишнихъ, преданныхъ друзей—друзьямъ новымъ, ненадежнымъ (то-есть, радикаламъ)". А между тѣмъ, онъ тутъ же мимоходомъ вставляетъ фразу, что „нынѣшній порядокъ только временный", а далѣе замѣчаетъ, что надо успокоить пугливыхъ, робкихъ, но честныхъ людей, которымъ могло показаться, что правительство отнеслось къ радикаламъ нерѣшительно, что оно какъ будто выказало колебаніе предъ тѣмъ, что почтеннымъ людямъ внушаетъ справедливое опасеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ свелъ рѣчь Шангарньѐ къ сущности, къ фразѣ о „временности" нынѣшняго порядка и уже прямо отвергъ эту мысль, и объявилъ, что такъ какъ глава правленія носитъ названіе президента республики, то и сомнѣнія не можетъ быть,

что во Франціи существуетъ республика. Тогда герцогъ Брольи, еще недавно бывшій посланникомъ этой самой республики, а теперь главный вождь монархистскаго большинства въ этомъ сраженіи, объясняетъ запросъ Шангарньè необходимостью потребовать отчета въ смыслѣ словъ Гамбетты, встревожившихъ страну, а стало быть и неизбѣжностью сдѣлать по этому предмету запросъ правительству, такъ какъ парламентскіе обычаи не дозволяютъ потребовать отчета у самого Гамбетты, а онъ въ собраніи упорно молчитъ („и будетъ упорствовать въ молчаніи", вставка Гамбетты). На трибуну является Тьеръ и не говоритъ ничего замѣчательнаго по мысли, но весьма ловко парируетъ ударъ, и затѣмъ хочетъ изъ нападковъ на себя немедленно извлечь для себя же выгоду. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ:—Вамъ совсѣмъ не нужно знать, что̀ я думаю о рѣчи Гамбетты въ Греноблѣ, потому что вы это уже знаете и я уже ясно высказался въ постоянной коммиссіи; но вы теперь хотите „посадить меня на скамью подсудимыхъ" и думаете, что я приму эту роль, являюсь подсудимымъ, и такимъ образомъ стану въ то положеніе относительно васъ, которое вамъ нужно для дальнѣйшихъ вашихъ дѣйствій. Но я не признаю за вами нравственнаго права сажать меня на скамью подсудимыхъ, съ тѣмъ чтобы потомъ командовать мною; вотъ почему я вамъ ничего не скажу сегодня о рѣчи Гамбетты, и вдобавокъ, такъ какъ самый вашъ запросъ и сопровождавшія его рѣчи обнаруживаютъ недовѣріе, то я вслѣдствіе вашихъ же нападокъ долженъ настоять на томъ, чтобы вы формально выразили свое довѣріе ко мнѣ; иначе я откажусь отъ управленія; я не искалъ этого случая—вы сами мнѣ его дали, и вотъ я не могу поступить иначе, какъ прося васъ теперь же заявить ваше довѣріе ко мнѣ. „Вы хотите, чтобы правительство дѣйствовало рѣшительно—такъ дѣйствуйте рѣшительно сами, и произнесите свое рѣшеніе о насъ, да, произнесите... Вы жалуетесь на *временное* правленіе; такъ сдѣлайте правленіе окончательное"... Страна была спокойна двѣ недѣли тому назадъ... Шангарньè говорилъ о зачинщикахъ мятежей; да, есть мятежныя партіи, да, *это* правда... Объяснитесь же передъ страной, какъ объясняюсь я. Шангарньè и Брольи возражали мнѣ, что „непарламентарно" съ моей стороны ставить тотчасъ личный вопросъ, и напоминали, что я же при имперіи защищалъ парламентское правленіе... Прекрасно! „Но вотъ что еще менѣе парламентарно, это — *удерживать власть вопреки желанію страны;* парламентарно, наоборотъ—требовать безпрестанно у страны подтвержденія ея довѣрія". Въ этихъ послѣднихъ, двусмысленныхъ словахъ, Тьеръ въ то же время и оправдывалъ совершенно правильно свое желаніе получить выраженіе довѣрія или отказаться отъ власти въ

противномъ случаѣ,— и наносилъ безошибочный ударъ большинству, которое именно удерживаетъ власть въ своихъ рукахъ, вопреки, очевидно, измѣнившемуся построенію страны.

Изъ сдѣланнаго нами анализа разсужденія Тьера въ двухъ его рѣчахъ видно, что глубиною мысли, внутренней логикою онѣ не были особенно сильны. Аргументы его были подтасованы; напримѣръ: „вы жалуетесь на правленіе временное, такъ сдѣлайте правленіе окончательное“... Какъ будто правая сторона жаловалась на Тьера за то, что его правленіе временное; совсѣмъ наоборотъ, она не хочетъ, чтобы онъ упрочилъ свое правленіе. Итакъ, заключеніе вовсе не слѣдуетъ изъ посылки. Но подтасованы они ловко и изъ нихъ выходитъ, если не—quod demonstrandum erat, то—quod maxime opportet. Ему думали напомнить, что онъ — только приказчикъ собранія, заставивъ его оправдываться. А онъ поставилъ вопросъ такъ, что надо было или предоставить ему побѣду надъ собраніемъ послѣ его заявленій въ пользу республики, или — сдѣлать невозможное, то-есть, отказать ему въ выраженіи довѣрія за то только, что Гамбетта произнесъ гдѣ-то рѣчь, которую Тьеръ уже и осудилъ тогда же.

Но у большинства, повторимъ, есть вожди тоже искусные въ парламентской борьбѣ: герцоги Одиффре и Брольи. Формула перехода къ очереднымъ занятіямъ, предложенная графомъ Бенуа-д'Ази: „осуждая теоріи, высказанныя въ Греноблѣ и присоединяясь къ порицанію ихъ президентомъ республики, собраніе переходитъ“ и т. д. —была именно отказомъ въ выраженіи довѣрія, котораго требовалъ Тьеръ. Брольи поддерживалъ *эту* формулу; но противъ нее подано было 377 голосовъ, а за него только 279. За этимъ оставалось или выбрать одно изъ предложеній о простомъ переходѣ, или о переходѣ съ выраженіемъ довѣрія Тьеру, но безъ порицанія Гамбеттѣ (предложеніе адмирала Жореса) и о переходѣ съ порицаніемъ Гамбеттѣ и съ выраженіемъ довѣрія Тьеру (Меттетаhя). Правительство въ лицѣ Дюфора, полагая, что это послѣднее предложеніе легче согласитъ правый и лѣвый центры, объявило себя за формулу Меттеталя. Оно и было принято, и иначе быть не могло, такъ какъ прочія формулы, за исключеніемъ предложенной графомъ Бенуа-д'Ази, были радикальнѣе, чѣмъ формула Меттеталя, и всѣ поочередно были уже отвергнуты. Но вожди большинства посовѣтовали ему такую уловку, чтобы выдти изъ затрудненія выразить довѣріе и въ то же время обратить эту побѣду Тьера въ ничто: а именно—воздержаться части большинства отъ участія въ баллотировкѣ. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ баллотированіи по прежнимъ формуламъ принимали участіе 636, даже 656 членовъ, въ баллотированіи по формулѣ Тьера приняли участіе только 379 членовъ. Выраженіе довѣрія Тьеръ

получилъ, такъ какъ противъ формулы Меттеталя подано было 116, а въ пользу его 263 голоса. Но такъ какъ эти 263 составляютъ меньшинство, даже довольно слабое въ сравненіи съ числомъ до 660-ти присутствовавшихъ депутатовъ, то результатъ этотъ получилъ смыслъ скорѣе отказа въ выраженіи довѣрія, или по меньшей мѣрѣ *уклоненіе* отъ выраженія довѣрія, которое было между тѣмъ поставлено Тьеромъ въ видѣ условія дальнѣйшей его дѣятельности.

Результатомъ этого безплоднаго, но искусно веденнаго съ обѣихъ сторонъ турнира 18-го ноября, было то, что хроническій *кризисъ* вступилъ въ условіе кризиса „остраго". Министры Лефранъ, Дюфоръ и Гуляръ—иные говорили что только первый и послѣдній—подали въ отставку, которой Тьеръ имъ впрочемъ не далъ. Между тѣмъ въ коммиссію для составленія отвѣта на посланіе избрано было большинство членовъ правой стороны, а сама коммиссія избрала своимъ президентомъ одного изъ вождей большинства — герцога Одиффрè-Пакьè, а своимъ секретаремъ—личнаго врага Тьера—Рауля Дюваля. Тьеръ два раза являлся въ коммиссію для объясненій и настаивалъ на тѣхъ объясненіяхъ, которыя даны имъ были въ собраніи. Дѣлать было нечего—отвѣтъ на учредительныя мысли требовался, и вотъ консерваторы въ коммиссіи придумали не обходить этого затрудненія, но изъ него самого сдѣлать оружіе противъ Тьера, а именно повесть дѣло такъ, чтобы не только не укрѣпить, но напротивъ — ослабить положеніе президента, лишивъ его возможности оказывать личное давленіе на палату и угрожать ей подачею въ отставку въ случаѣ порицанія съ ея стороны дѣйствій правительства. Для этого они стали поддерживать такую мысль, что изъ всѣхъ учредительныхъ мѣръ самая необходимая Франціи въ настоящее время есть—установленіе закона о министерской отвѣтственности; что отвѣтственное министерство отстранитъ возможность всякихъ столкновеній главы исполнительной власти съ собраніемъ, такъ какъ въ собраніи будутъ являться и произносить рѣчи только министры, а не самъ президентъ, и въ случаѣ порицанія или несогласія со стороны собранія, министры выйдутъ въ отставку, какъ то принято въ парламентскихъ странахъ, а президентъ не будетъ имѣть и повода видѣть въ такомъ фактѣ знакъ недовѣрія къ себѣ, и стало быть не будетъ „принужденъ" подавать въ отставку самъ. О преніяхъ происходившихъ въ средѣ коммиссіи неизвѣстно ничего достовѣрнаго, такъ какъ члены ея взаимно обѣщали соблюдать тайну. Извѣстно только, что Тьеръ возсталъ противъ подобнаго приступа къ учредительству, доказывая, что хотя отвѣтственность министровъ и есть вещь необходимая, но уже только тогда, когда положеніе самой власти, министровъ назначающей, достаточно упрочено и опредѣленно; пока же самъ глава

исполнительной власти есть не болѣе какъ уполномоченный собранія, котораго оно каждый день можетъ смѣнить и призвать къ отчету, ясно, что отвѣтственнымъ останется самъ президентъ и что нѣтъ никакого смысла лишать уполномоченнаго собранія права лично объясняться и защищаться передъ нимъ. Коммиссія избрала своимъ докладчикомъ Батби, 9-ю голосами противъ 6-ти, которые были поданы за Ластэри, приверженца Тьера.

Батби внесъ въ собраніе докладъ, въ которомъ правая сторона удерживала неизмѣнно свою точку зрѣнія. Докладъ отказываетъ въ признаніи консервативной республики въ то время, когда Тьеръ состоитъ въ связяхъ съ радикалами, отрицаетъ необходимость рѣшать въ настоящее время вопросъ между республикою и другими формами правленія, стало быть оставляетъ „открытымъ" тотъ вопросъ о существованіи республики, который въ посланіи Тьера выставленъ неподлежащимъ уже и разбору, такъ какъ онъ рѣшенъ фактомъ. Затѣмъ, докладъ Батби признаетъ наиболѣе необходимою въ настоящее время одну учредительную мѣру—установленіе отвѣтственности министровъ, и предлагаетъ назначить коммиссію изъ 15-ти членовъ для составленія закона собственно по этому предмету. Докладъ Батби былъ внесенъ въ собраніе въ засѣданіе 26-го ноября. Намъ уже извѣстно, что послѣ рѣчи Тьера въ духѣ крайне консервативномъ, собраніе приняло, большинствомъ 370 противъ 344 предложеніе правительства о назначеніи коммиссіи изъ 30-ти членовъ для составленія проекта *нѣсколькихъ* учредительныхъ мѣръ, а не одного закона объ отвѣтственности министровъ. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ результатѣ мы еще не имѣемъ, но мысль о соглашеніи подобнаго рода была заявлена въ газетахъ уже съ недѣлю передъ тѣмъ, и сторонники Тьера относились къ ней не особенно благопріятно. Въ осуществленіи ея они видѣли только продолженіе кризиса, и это вѣрно, такъ какъ затѣмъ въ коммиссіи будетъ продолжаться споръ о томъ, какія учредительныя мѣры нужны, а какія—нѣтъ. Приверженцамъ Тьера хотѣлось, чтобы прежде всего собраніе ясно выразило президенту свое довѣріе, то-есть исправило свою демонстрацію 18-го ноября. Но Тьеръ, соглашаясь на избраніе коммиссіи для приготовленія нѣсколькихъ учредительныхъ мѣръ, вѣроятно имѣлъ въ виду оставить всѣ наружныя выгоды положенія, всякое внѣшнее торжество на сторонѣ собранія, съ тѣмъ чтобы, удовлетворивъ свое самолюбіе, собраніе не рѣшилось пойти противъ него въ рѣшительныхъ, вещественныхъ требованіяхъ, на которыхъ онъ будетъ настаивать, угрожая выдти въ отставку. Съ этой цѣлью онъ, вѣроятно, и смирился, и произнесъ „крайне консервативную" рѣчь, въ видѣ покаянія. Лишь бы только ему удалось учредить вторую палату, тогда

онъ перемѣнитъ тонъ! А передъ угрозой Тьера объ отставкѣ собраніе, вѣроятно, все-таки отступитъ въ концѣ концовъ. Послѣ прочтенія посланія, когда только-что началась борьба, прошелъ слухъ, что большинство намѣрено въ случаѣ необходимости замѣнить Тьера военнымъ тріумвиратомъ, то-есть генералами Макъ-Магономъ, Шангарньé и Ладмиро́. Но этотъ слухъ вызвалъ взрывъ столь не двусмысленнаго негодованія со всѣхъ сторонъ, что можно только порадоваться обнаруженію такого намѣренія. Намѣреніе это, говорятъ, дѣйствительно было, но, въ виду дурного впечатлѣнія произведеннаго слухомъ о немъ—оставлено. Это значило бы уже прямо вступать на путь Испаніи. А безъ генераловъ, „партія герцоговъ", управляющая большинствомъ, не замѣнитъ никѣмъ Тьера, развѣ президентомъ собранія — Греви́. „Вотъ, еслибы всѣ были такіе республиканцы, какъ нашъ почтенный президентъ,—сказалъ недавно одинъ изъ членовъ праваго центра,—то можно бы подать голосъ за упроченіе республики". Но Греви, какъ бы смиренъ онъ ни былъ,—все-таки республиканецъ. Герцогъ Омальскій, повидимому, отказался отъ своего кандидатства на смѣну Тьера, потому что иначе теперь, менѣе чѣмъ когда-либо, было бы умѣстно разсмотрѣніе требованій орлеанскихъ принцовъ о возвращеніи имъ конфискованныхъ у нихъ имуществъ. Это требованіе крайне непопулярно, и если орлеанскіе принцы настаиваютъ на немъ въ настоящую минуту, то этимъ самымъ они едва ли не доказываютъ, что надежду вступить на престолъ они уже *потеряли*.

Среди этихъ бурь, почти незамѣченною, по крайней мѣрѣ внѣ Франціи, прошла одна законодательная мѣра, которая направлена къ „сообщенію республикѣ консервативной силы", по выраженію Тьера. Мы говоримъ объ измѣненіи порядка составленія списковъ присяжныхъ. Проектомъ этимъ Дюфо́ръ, министръ юстиціи, повидимому имѣлъ въ виду услужить правой сторонѣ; но услуга эта, хотя и оцѣненная консервативнымъ большинствомъ, пропала да́ромъ для правительства, такъ какъ буря поднятая посланіемъ Тьера совершенно поглотила и стушевала значеніе этой мѣры, хотя большинство и утвердило ее съ удовольствіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ. По существовавшему доселѣ закону, списки присяжныхъ составлялись въ управленіи округа (canton) коммиссіею изъ мѣстнаго члена генеральнаго совѣта, мирового судьи и нѣсколькихъ членовъ общинныхъ совѣтовъ, то-есть такою коммиссіею, въ составѣ которой положительно преобладалъ элементъ выборный. Въ списки присяжныхъ заносился одинъ человѣкъ на 200 жителей. По закону Дюфора, въ списки заносится только одинъ на 600 жителей, а самые списки составляются уже не въ округѣ, но въ уѣздѣ (arrondissement), совѣтомъ, состоящимъ изъ членовъ генеральнаго совѣта, принадлежащихъ

къ уѣзду и изъ всѣхъ мировыхъ судей. Такъ какъ каждый округъ имѣетъ по одному члену генеральнаго совѣта и по одному мировому судьѣ, то въ совѣтѣ этомъ число административно-выборныхъ лицъ и число лицъ судебнаго сословія будутъ равны; но предсѣдателемъ, притомъ съ голосомъ рѣшающимъ, въ этомъ совѣтѣ будетъ президентъ мѣстнаго гражданскаго суда. Такимъ образомъ, въ законѣ Дюфора судебное сословіе получаетъ болѣе вліянія на составленіе списковъ присяжныхъ. Законъ этотъ былъ встрѣченъ большинствомъ сочувственно и утвержденъ собраніемъ.

Финансовое положеніе Франціи въ настоящее время, по цифрамъ приведеннымъ въ посланіи президента, представляется въ слѣдующемъ видѣ: поступило платежей по займу на 1.770 милл. фр.; пріобрѣтено векселей на Германію на 1.500 милл. для уплаты контрибуціи; 800 милл. уже уплачены вновь, 200 милл. будутъ уплачены въ декабрѣ; затѣмъ векселей останется еще на 500 милл. для слѣдующихъ уплатъ. Металлическій фондъ въ французскомъ банкѣ и теперь составляетъ 900 милл. фр. Возможность такой удивительной операціи, какъ это скорое внесеніе громадной контрибуціи, объясняется громадностью торговыхъ оборотовъ Франціи, которые за годъ превзошли сумму *семи* мильярдовъ. Недоборъ въ поступленіи доходовъ на сумму 132 милл. въ текущемъ году былъ предусмотрѣнъ и покрывается разрѣшенными вновь налогами; затѣмъ въ будущемъ году, по увѣренію Тьера, дефицита вовсе не будетъ, и на 1874-й годъ онъ обѣщаетъ превышеніе расходовъ доходами.

Конституціонная система въ Австріи все еще не можетъ прочно установиться на одномъ принципѣ: она все еще колеблется между дуализмомъ, который осуществленъ въ двухъ государственныхъ сеймахъ монархіи, и федерализмомъ, который представляется областными сеймами. Въ земляхъ венгерской короны все еще происходятъ ни къ чему не приведшіе доселѣ переговоры о соглашеніи Кроаціи и Славоніи съ венгерскою короной; сверхъ того, въ самомъ венгерскомъ сеймѣ произошелъ случай, который вызвалъ министерскій кризисъ. Въ наслѣдственныхъ земляхъ австрійской короны открыты были 5-го ноября сессіи областныхъ сеймовъ, и представили весьма мало утѣшительнаго; федерализмъ въ нихъ снова заявилъ себя самыми разнообразными явленіями и соглашеніе съ короною не только представляется по прежнему далекимъ въ Богеміи и Галиціи, но даже поколебалось въ „вѣрномъ Тиролѣ", въ томъ преданномъ Тиролѣ, котораго храбрые жители, по выраженію Гейне, какъ только узнали, что у нихъ императоръ въ новомъ мундирѣ (французскомъ) тотчасъ поголовно возстали на защиту „любезнаго стараго бѣлаго мундира и

древнихъ, любезныхъ синихъ панталонъ". Однимъ словомъ, истекшій мѣсяцъ обнаружилъ въ цѣломъ составѣ габсбургской монархіи прежній разладъ въ полной его силѣ, разладъ, которому трудно даже придумать исходъ. Утѣшительно и весьма важно, впрочемъ, что при всемъ этомъ разладѣ въ Австріи живется гораздо свободнѣе, чѣмъ во многихъ странахъ и порядокъ, въ смыслѣ охраны личности и собственности, вполнѣ удовлетворителенъ. Это, во всякомъ случаѣ, не мало. Но это не все. Недостаетъ все-таки того нравственнаго спокойствія за будущность страны, которое необходимо для правильнаго хода развитія, и котораго общество не можетъ имѣть до тѣхъ поръ, пока остается какъ-бы подъ сомнѣніемъ самъ основной принципъ государственной жизни. Упрочится-ли, наконецъ, въ Австріи дуализмъ или смѣнится федерализмомъ?—вотъ вопросъ, который продолжаетъ тяготѣть надъ австрійскими патріотами (такіе „австрійскіе" патріоты находятся въ гораздо бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ то обыкновенно думаютъ). И что̀ если будущность не за дуализмомъ и не за федерализмомъ, — а просто за разложеніемъ Австріи, силою того плачевнаго преувеличенія національныхъ инстинктовъ, которое повсемѣстно замѣчается въ настоящее время?!

Дуализмомъ, нынѣ существующимъ въ имперской конституціи, довольны только тѣ *duo*, которые стоятъ во главѣ его: нѣмцы и мадьяры. Да и изъ нѣмцевъ, тирольцы, подъ вліяніемъ клерикаловъ, склоняются на сторону федерализма. Естественно, что такъ какъ дуализмъ выраженъ въ конституціи, то клерикальныя и реакціонерныя вліянія, ненавидящія многія изъ основъ конституціи, вступаютъ въ союзъ съ федерализмомъ потому только, что федерализмъ подкапываетъ *существующую* конституцію. А такъ какъ вліянія эти далеко не безсильны при самомъ дворѣ — то понятно, что областные сеймы, стремящіеся къ національной автономіи, могутъ тѣмъ успѣшнѣе затруднить окончательное установленіе дуализма. Система дуализма логично поступила бы, еслибъ въ самомъ началѣ вовсе не допустила областныхъ національныхъ сеймовъ, которые должны были представлять начало ей враждебное. Дуализмъ есть, по сущности своей, диктатура двухъ народностей надъ прочими; зачѣмъ же было диктатурѣ вступать съ кѣмъ-либо въ соглашеніе, и какъ могла диктатура надѣяться, что съ нею кто-либо примирится при нынѣшнемъ возбужденіи національныхъ страстей? Одинъ сеймъ для Транслейтаніи—сеймъ венгерскій, одинъ сеймъ для Цислейтаніи—сеймъ австрійскій; въ тотъ и другой сеймъ—прямые выборы; затѣмъ никакихъ областныхъ сеймовъ — это было бы логично, и просто. Или же — равное значеніе всѣхъ національныхъ сеймовъ, а въ Вѣнѣ общая делегація ихъ; однимъ словомъ, федерализмъ; это тоже было бы логично, хотя и менѣе

просто, а то, пробуя согласить вмѣстѣ и историческое право Венгріи, и національныя стремленія всѣхъ народностей, и дѣйствительную необходимость значительной роли для образованнѣйшей народности, то-есть для нѣмцевъ, и принципъ децентрализаціи, и фактъ неизбѣжности все-таки сильной центральной власти въ Вѣнѣ, въ виду централизованныхъ сосѣднихъ государствъ — создали нѣчто такое, что можно опредѣлить только словами: организація взаимныхъ противорѣчій.

Лучшій примѣръ того, какъ трудно дѣйствовать этой сложной системѣ децентрализаціи вмѣстѣ съ централизаціею, представился въ прошломъ мѣсяцѣ на тирольскомъ сеймѣ. Тутъ даже національный вопросъ не является въ видѣ почти непреодолимаго затрудненія, какъ въ другихъ мѣстахъ; стало-быть, тутъ если система не дѣйствуетъ, то въ этомъ проявляется уже чисто неудовлетворительность ея самой. Въ инспрукскомъ университетѣ, какъ и во многихъ другихъ, ректоръ выбирается по-очередно изъ профессоровъ каждаго изъ четырехъ факультетовъ. Нынѣ очередь была за факультетомъ богословскимъ, которымъ управляетъ коллегія іезуитовъ. Такъ какъ преподаватели этого факультета не имѣютъ ученыхъ степеней, стало-быть не могутъ быть признаваемы профессорами въ академическомъ смыслѣ, то прочіе факультеты признали, что magnificus не можетъ быть избираемъ изъ ихъ числа, и избрали ректоромъ свѣтскаго профессора, доктора Уллымана. Такъ какъ ректоръ университета, есть, по праву, членъ тирольскаго сейма, то д-ръ Уллыманъ и явился на сеймъ. Будь въ Австріи проведена въ самомъ дѣлѣ федеральная система, ректора не утверждалъ бы центральный министръ, и большинство сейма, если не хотѣло признать избраніе законнымъ, могло бы не допустить Уллымана къ участію въ сеймѣ, — тѣмъ дѣло бы и кончилось. Или будь въ Австріи строго проведена система централизаціи, то-есть не будь въ Тиролѣ вовсе областного сейма, то съ утвержденіемъ Уллымана въ званіи ректора министромъ вопросъ также былъ бы рѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, остался бы вопросомъ университетскимъ, не принялъ бы значенія политическаго, не сталъ бы неожиданнымъ препятствіемъ между страною и правительствомъ.

Но, благодаря нынѣшней системѣ, вышло вотъ что: министръ Штремайръ утвердилъ ректора въ должности, стало-быть принялъ уже на правительство отвѣтственность введенія его въ тирольскій сеймъ, становясь самъ, такимъ образомъ, мишенью для оппозиціи по этому дѣлу. Тогда 30 членовъ сейма заявили запросъ правительству въ томъ смыслѣ, что избраніе Уллымана было незаконно и что, поэтому, онъ не долженъ быть допущенъ къ присягѣ какъ членъ

сейма. Запросъ этотъ поставилъ министра въ затруднительное положеніе, а централизація, при всемъ этомъ множествѣ сеймовъ, все-таки такъ сильна, что министры Штремайръ и Лассеръ, какъ только узнали о запросѣ, тотчасъ сочли нужнымъ поѣхать съ докладомъ къ императору въ Пештъ, чтобы испросить по этому дѣлу высочайшее повелѣніе. Императоръ, разумѣется, поддержалъ министерство и разрѣшилъ принять всѣ мѣры. Возвратясь въ Вѣну, министры дали знать тирольскому намѣстнику, графу Таафе, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о присягѣ Улльмана. Такимъ образомъ, дѣло Улльмана изъ чисто-мѣстнаго университетскаго вопроса сдѣлалось вопросомъ объ автономіи Тироля по отношенію къ коронѣ, вопросомъ между Тиролемъ и верховной властью. Намѣстнику предоставлялось, въ случаѣ, если сеймъ воспротивится этому распоряженію, закрыть сеймъ. Графъ Таафе и отвѣчалъ на запросъ сообразно буквѣ полученнаго имъ предписанія, что избраніе ректора не подлежитъ обсужденію сейма. Тогда одинъ изъ членовъ клерикальной оппозиціи предложилъ отсрочить засѣданіе для того, чтобы члены сейма могли переговорить между собою насчетъ отвѣта правительства. Ясно, что еслибы намѣстникъ искренно желалъ со всею энергіею осуществить волю министерства, то онъ не допустилъ бы отсрочки засѣданія, а настоялъ бы на немедленномъ совершеніи обряда присяги Улльмана. Но здѣсь является еще одна изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ практикуемой въ Австріи системы, именно та, что графу Таафе не только было вполнѣ ясно оффиціальное предписаніе, присланное министерствомъ, но еще и тотъ фактъ, что при дворѣ есть вліянія, которыя иногда оказываются сильнѣе самого министерства, что тирольцы пользуются особымъ благорасположеніемъ съ этой стороны и что, исполнивъ свою обязанность, онъ никакъ не долженъ усердствовать въ этомъ случаѣ чрезмѣрно. Поэтому онъ согласился на отсрочку засѣданія; а какъ только оно закрылось, то всѣ клерикальные члены сейма и прислали заявленіе, что они болѣе въ засѣданіяхъ сейма присутствовать не будутъ. Вслѣдствіе того, сеймъ былъ лишенъ законнаго числа членовъ, засѣданія больше не могли возобновиться, Улльманъ не могъ вступить въ должность члена сейма, а намѣстникъ, исполняя вторую часть своего порученія, объявилъ сеймъ закрытымъ. Вѣнскія конституціонныя газеты были внѣ себя отъ досады на графа Таафе. Неудача министерства приписывается исключительно ему, что́ не совсѣмъ справедливо, и онъ обвиняется въ настоящей измѣнѣ, что́ еще менѣе справедливо, конечно. Да впрочемъ, при существующемъ въ Австріи множествѣ властей, которыя въ своихъ направленіяхъ противорѣчатъ одна другой, политическому человѣку трудно избѣгнуть об-

виненія въ измѣнѣ съ которой-нибудь изъ сторонъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ въ настоящую минуту, министерство Ауэрсперга рѣшилось настоять на „охраненіи своего достоинства" и рѣшило смѣнить графа Таафе. Спрашивается еще: согласится ли на это императоръ. Если же онъ не согласится, то министерству останется тогда или выдти въ отставку, или признать свое ничтожество, и въ такомъ исходѣ дѣла болѣе всѣхъ виновато было бы само же министерство.

Другіе цислейтанскіе сеймы въ нынѣшнюю сессію тоже не представили ничего утѣшительнаго для упроченія австрійскаго государственнаго зданія. Въ галиційскомъ сеймѣ предложеніе о прямыхъ выборахъ, поддержанное червонорусскою партіею, было отвергнуто. Это предложеніе внесено было депутатомъ Ковальскимъ, который могъ разсчитывать только на 25 голосовъ; но при окончательномъ голосованіи за предложеніе Ковальскаго подано было только 19 голосовъ, стало быть и изъ малороссіянъ шестеро отпали; противъ же предложенія оказались остальные 131 голосъ. Затѣмъ, малороссіяне вышли изъ сейма. Вообще, въ Австріи національная оппозиція возобновила польскую практику „срыванія сеймовъ": то изъ галиційскаго сейма выходятъ червоноруссы, то изъ чешскаго—нѣмцы; въ далматскомъ сеймѣ было недавно такое прелестное явленіе, что къ тому же средству прибѣгали приверженцы, защитники конституціи, потому только, что они составляли меньшинство. По отношенію же къ рейхсрату разныя области поочередно, а иногда вмѣстѣ, отказываются послать туда своихъ представителей. Смыслъ этой тактики, во-первыхъ, въ томъ, что отсутствіе нѣкотораго числа депутатовъ иногда лишаетъ данный сеймъ законнаго числа членовъ. Это и есть совершенно то же, что польское veto, разница только въ томъ, что его произноситъ не одинъ человѣкъ, а нѣсколько. Во-вторыхъ, удаленіе изъ сейма представителей извѣстной національности есть протестъ ея противъ силы всѣхъ дальнѣйшихъ постановленій сейма; если даже рѣшенія эти и будутъ приняты законнымъ числомъ голосовъ, то все-таки національность, считающая себя обиженною, можетъ впослѣдствіи заявлять, что она протестовала противъ этихъ рѣшеній, стало быть они для нея и не обязательны. Однимъ словомъ, нынѣшняя сеймовая практика въ Австріи сводится къ отрицанію того условія, безъ котораго представительное правленіе вообще немыслимо, къ отрицанію принципа *большинства* въ смыслѣ рѣшающей силы, и къ замѣнѣ его принципомъ *единогласія*, котораго выраженіемъ и было польское veto. Нѣтъ спору, что съ точки зрѣнія отвлеченной теоріи права этотъ принципъ выше принципа большинства: только всеобщее соглашеніе, единодушіе и можетъ создать безусловно чистое

право; примѣнять къ кому-либо такія обязательства, которыхъ онъ принять на себя не желалъ, которыя противны его внутреннему убѣжденію, есть, дѣйствительно, не что иное, какъ насиліе. И самый принципъ большинства есть принципъ силы, который не имѣетъ ничего общаго съ чистымъ понятіемъ о правѣ. Но, съ одной стороны, здравый смыслъ говоритъ намъ, что постоянное единогласіе невозможно и что, придерживаясь принципа единогласія, мы тотчасъ придемъ къ анархіи, къ невозможности дѣйствія даже и однажды установленныхъ законовъ, къ отрицанію даже личныхъ договоровъ. Съ другой стороны, мы знаемъ, что все въ природѣ основано на силѣ, что право положительное всегда было продуктомъ силы и что единственное раціональное требованіе къ этой силѣ, создающей право, можетъ быть только то, чтобы она была сила реальная, а не продуктъ недоразумѣнія; такимъ образомъ и приходимъ къ неизбѣжному выводу, что источникомъ права должна быть реальная сила— воля большинства. Національность, по самой своей неопредѣленности уже, не есть юридическое лицо; но даже признавая нынѣшнюю австрійскую практику, если мы станемъ видѣть въ національностяхъ юридическія лица, то все-таки должны будемъ признать, что точка зрѣнія каждой изъ національныхъ оппозицій: „я не хочу признать обязательными для себя такія и такія постановленія, которыя безъ моего согласія сдѣланы"—есть точка зрѣнія нелѣпая. Между тѣмъ, она, именно эта точка зрѣнія, составляетъ основной принципъ всей этой—если позволено такъ выразиться—размазни, которая преобладаетъ на конституціонномъ пиршествѣ, къ которому призвали Австрію императоръ Францъ-Іосифъ, а еще болѣе его—пораженіе 1859 и 1866 годовъ. Напомнимъ, впрочемъ, еще разъ, что въ Австріи все-таки и теперь жить привольно: порядокъ не нарушается, а личность вполнѣ обезпечена.

Чешскій сеймъ въ послѣднее время занимался еще новой усобицей, разладомъ уже въ средѣ самой національной чешской партіи: борьбою молодой Чехіи со старою Чехіей по школьному вопросу. Краинскій сеймъ разошелся не приведя ни къ какому результату. По ту сторону Лейты переговоры о „соглашеніи" съ кроатами продолжаются и тоже ни къ чему пока не приводятъ, потому что кроатскіе патріоты требуютъ слишкомъ многаго: и уменьшенія участія въ общихъ расходахъ венгерской короны, и самостоятельнаго законодательства, и самостоятельнаго распредѣленія воинской повинности, и особаго министра въ Пештѣ для „тріединаго" королевства, кромѣ бана съ его министрами въ Аграмѣ. Мы сказали: кроатскіе „патріоты". Попробуемъ опредѣлить, въ какомъ видѣ представится патріотизмъ кроата, въ случаѣ если бы ему удалось осуществить всѣ свои поли-

тическіе идеалы. Понятіе о патріотизмѣ соотвѣтствуетъ понятію о государственности. Итакъ, кроатъ былъ бы, въ случаѣ полнаго удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, прежде всего „кроатскимъ“ патріотомъ, конечно, такъ какъ Кроація есть „королевство“; затѣмъ, онъ былъ бы „тріединымъ патріотомъ“, такъ какъ въ этомъ и особенность королевствъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи, что, будучи тремя королевствами, они вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ одно королевство—тріединое, trinum et unum; послѣ этой мистеріи, кроату предстоялъ бы еще патріотизмъ, общій для всѣхъ земель „королевства св. Стефана и соединенныхъ съ нимъ земель“, то-есть патріотизмъ обще-венгерскій. Наконецъ, и какъ будто всего этого еще мало, онъ долженъ будетъ на высшей степени политическаго сознанія пылать еще патріотизмомъ австрійскимъ, потому что сколько бы ни говорили венгры объ исключительно „личной связи“ ихъ отечества съ Австріею, они все-таки должны будутъ защищать не только короля Венгріи, но и эрцгерцога Австріи, и короля Богеміи, и графа Тироля, и графа Гёрцскаго, такъ какъ и предки ихъ выражали желаніе умереть pro rege nostro Maria Theresia, хотя у этого regis отнимали не венгерскую корону, но Австрію, Богемію и Силезію, которыя находятся съ Венгріею только въ Personal-Union. Не тяжело ли будетъ патріоту кроатскому подъ бременемъ всѣхъ этихъ патріотизмовъ вмѣстѣ взятыхъ, не перевѣситъ ли это бремя самой способности, какою одаренъ человѣкъ къ ощущенію патріотизма?

Наконецъ, какъ будто для довершенія картины австрійской конституціонной неурядицы, самъ венгерскій сеймъ, хвалящійся политической выдержкою, парламентскими способностями своихъ людей. самъ венгерскій сеймъ, которому уже нéчего желать, такъ какъ онъ получилъ все, чего желалъ и возбуждаетъ зависть самихъ нѣмцевъ въ Австріи—какъ нарочно сталъ вести себя недобропорядочно. Въ прошлую сессію, оппозиція противъ министерства прибѣгла къ употребительной и въ Англіи уловкѣ „заговаривать“ сессію, то-есть нарочно дѣлать такія предложенія, которыя замедляютъ обсужденіе, и произносить нескончаемыя рѣчи, которыя ни къ чему не ведутъ,—съ цѣлью, чтобы извѣстная мѣра не могла состояться въ извѣстную сессію. Но то, что въ Англіи дѣлается до извѣстныхъ предѣловъ, въ Венгріи дѣлалось внѣ всякихъ предѣловъ, съ обращеніемъ преній въ игру, а парламента—въ посмѣшище. Ныньче этого не было, но случился особый казусъ. Одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, Чернотони, сталъ говорить о скандалёзномъ обогащеніи нѣкоторыхъ министровъ. Это касалось прямо министра-президента, графа Лоньяя. Здѣсь необходимо оговорить въ противность тому, чтò приходится читать теперь нерѣдко, что графъ Лоньяй обогатился не въ должности президента

совѣта, въ которую онъ вступилъ послѣ Андраши, но еще прежде. Лоньяй участвовалъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ еще до вступленія своего въ министерство и былъ уже богатъ. Но сдѣлавшись министромъ финансовъ, онъ продолжалъ свою коммерческую дѣятельность и сдѣлался милліонеромъ. Когда онъ занялъ мѣсто Андраши, то въ этомъ видѣли нѣкоторый подвигъ съ его стороны, такъ какъ всѣ считали неподлежащимъ сомнѣнію, что ему придется затѣмъ отказаться отъ своего участія въ дѣлахъ промышленныхъ, то-есть отказаться отъ огромныхъ доходовъ. Но Лоньяй, какъ то слѣдуетъ заключить изъ выходки Чернотони, вовсе не думалъ совершать такого подвига, за который его уже благодарили современники. Выходка Чернотони вывела его изъ себя, такъ что Лоньяй даже заболѣлъ. Партія Деака, который въ сущности есть настоящій король Венгріи, покарала чѣмъ могла Чернотони за выраженное имъ полное презрѣніе къ дисциплинѣ, изъ которой до нѣкоторой степени не выходила доселѣ и самая оппозиція; его заклеймили названіями шпіона и вора, приведя разныя свѣдѣнія о томъ, что онъ дѣлалъ въ то время, когда еще былъ въ эмиграціи. Въ сущности изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній оказалось, впрочемъ, только то, что Чернотони писалъ въ разныхъ газетахъ несогласно съ убѣжденіями эмиграціи, и во французскихъ газетахъ своими оппозиціонными статьями компрометтировалъ положеніе венгерской эмиграціи передъ Наполеономъ III. Самъ Лоньяй, возражая Чернотони на сеймѣ, могъ только сказать, что „подобный человѣкъ" заслуживаетъ единственно презрѣніе. Однако, деакисты условились дать министру удовлетвореніе. Такъ какъ уставъ сейма уже въ прошлой сессіи оказался недостаточнымъ, то предложено измѣненіе этого устава, и вотъ въ то же предложеніе вставлена была оговорка, выражавшая сожалѣніе палаты о случившемся. Но самъ Чернотони, запуганный угрозами со всѣхъ сторонъ, извинился передъ министромъ на сеймѣ, то-есть, собственно говоря, выразилъ сожалѣніе о случившемся. Лоньяй вслѣдствіе того объявилъ себя удовлетвореннымъ и не призналъ излишнею извинительную оговорку со стороны собранія въ проектѣ измѣненія сеймового устава. Тѣмъ не менѣе продолжали говорить, что Лоньяй принужденъ будетъ подать въ отставку.

Сессія прусскаго сейма возобновилась послѣ краткаго перерыва, вынужденнаго отклоненіемъ окружнаго закона верхней палатою. Въ новой сессіи, министерство предложило палатѣ депутатовъ прежній законъ, только съ нѣкоторыми измѣненіями, и просило утвердить его въ этой формѣ, обѣщая затѣмъ провесть его и въ палатѣ господъ безъ дальнѣйшихъ измѣненій. Этому предмету посвящена корреспон-

денція изъ Берлина, помѣщаемая ниже, и потому мы здѣсь не будемъ распространяться о немъ. Замѣтимъ только, что ожиданіе наше по отношенію къ „господамъ" оправдалось: господа Клейстъ-Рецовъ и другіе предводители феодаловъ въ рѣшительный моментъ покинули поле битвы: они взяли продолжительные отпуски, чтобы не присутствовать въ палатѣ при выраженіи ею покорности, но остались въ Берлинѣ, чтобы агитировать въ придворныхъ кружкахъ противъ предположеннаго назначенія значительнаго числа новыхъ членовъ для „усиленія" палаты господъ. Это „усиленіе" съ прямою цѣлью ослабленія крайне непріятно феодаламъ, и что въ особенности произвело въ аристократическомъ кругу сильное волненіе, это слухъ о намѣреніи правительства „усилить" палату господъ представителями капитала, науки и т. п. не-рыцарскихъ элементовъ. Такіе члены, которые сами „не-господа", крайне исказили бы палату господъ, и вотъ „Крестовая газета" рядомъ умилительныхъ статей стала доказывать, что послѣдствіемъ такого „усиленія" было бы искаженіе вѣрнѣйшей опоры престола, представительства прусскаго рыцарства. Впрочемъ, буря эта утихла, когда стало извѣстно, что хотя „усиленіе" все еще предполагается, въ видѣ исправительной мѣры, но что исправленіе будетъ исполнено любящею рукой, которая никакъ не желаетъ погибели грѣшника, а потому никакихъ представителей капитала и проч. „на этотъ разъ" назначено не будетъ.

За вопросомъ политическимъ, и въ Пруссіи, какъ во Франціи, довольно незамѣтно прошла реформа, имѣющая характеръ общественный, а именно отмѣна знаменитыхъ штилевскихъ училищныхъ регулативовъ 1-го, 2-го и 3-го октября 1854 года, съ ихъ позднѣйшими дополненіями. Новый министръ народнаго просвѣщенія разослалъ училищнымъ начальствамъ новыя постановленія о начальномъ обученіи, бюргерскихъ и городскихъ школахъ, учительскихъ семинаріяхъ и испытаніяхъ для народныхъ учителей (Allgemeine Bestimmungen über das Volksschul- Präparanden- und Seminarwesen). Состоявшаяся въ Пруссіи отмѣна реакціонерныхъ учебныхъ инструкцій для народныхъ школъ представляетъ и для насъ большой интересъ. Мы оставимъ въ сторонѣ измѣненія, касающіяся городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій и приведемъ въ короткихъ словахъ только то, что относится къ начальному обученію (Allgemeine Verfügung über die Einrichtung, Aufgabe und Ziel der preussischen Volksschule). Образцомъ для народной школы указывается школа трехклассная, по тремъ возрастамъ, такъ что и одноклассная школа должна быть раздѣляема по возрастамъ на три отдѣленія. Знаменитыя „регулативы" указывали главной цѣлью народной школы религіозно-нравственное развитіе народа, но къ достиженію этой цѣли онѣ стремились весьма

своеобразно, а именно подавляли въ ней весь курсъ собственно религіознымъ преподаваніемъ, отводя закону божію главную часть времени и ведя его механическимъ вытверживаніемъ всего катихизиса, массы текстовъ (Sprüche) и молитвы (Lieder). Другимъ предметамъ оставлялось слишкомъ мало времени, такъ что ученики знакомились съ исторіею и географіею преимущественно только изъ книгъ для чтенія, а не изъ систематическаго изложенія этихъ свѣдѣній. Сверхъ того, самыя книги для чтенія и даже собранія ариѳметическихъ задачъ составлены были такимъ образомъ, что и обученіе родному языку, и даже сложеніе и вычитаніе представлялись средствами къ затверживанію опять-таки религіозныхъ свѣдѣній—числа лѣтъ жизни библейскихъ патріарховъ и т. п. Все это намѣренное искаженіе школы неестественной подтасовкою ученія, хотя и въ религіозно-нравственныхъ видахъ, нынѣ въ Пруссіи признано негоднымъ по педагогическимъ соображеніямъ и отмѣняется. Преподаваніе закона божія сокращается съ 6-ти до 5-ти и даже до 4-хъ часовъ; двѣ главы катихизиса изъ школьнаго преподаванія исключаются и предоставляются непосредственно духовному преподаванію (приготовленію къ конфирмаціи); запрещается проходить болѣе 20-ти молитвъ (Lieder) всего, и притомъ предписывается обращать вниманіе не столько на заучиваніе ихъ на память, сколько на объясненіе ихъ и упражненіе въ осмысленной ихъ передачѣ (извѣстно, что кромѣ молитвы господней и символа вѣры у протестантовъ нѣтъ молитвъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, а только духовныя пѣсни или псалмы, которые при богослуженіи поются всѣми присутствующими). При преподаваніи катихизиса и священной исторіи новыя правила предписываютъ избѣгать „обремененія памяти“ (Überladung des Gedächtnisses); вообще при религіозномъ обученіи указывается избѣгать „безсмысленнаго затверживанья“ (geistloses Einlernen), священную исторію учить не буквально, а такъ, чтобы разсказывать собственными словами, при чемъ учитель обязывается объяснять религіозное и нравственное значеніе священныхъ разсказовъ, для того чтобы они приносили пользу. Научнымъ же предметамъ, которые въ одноклассныхъ школахъ при дѣйствіи штилевской регулативы не проходились иначе какъ по книгѣ для чтенія, или если и преподавались, то никакъ не болѣе 3-хъ часовъ въ недѣлю, теперь отводится 6 часовъ, и требуется, чтобы они преподавались какъ самостоятельные предметы курса, при чемъ нѣсколько расширяются и предѣлы преподаванія исторіи и географіи. Вотъ побѣда, которая безспорно важнѣе того или иного рѣшенія вопроса о назначеніи новыхъ членовъ въ палату господъ. Съ этой побѣдою надъ реакціею, безсмысленно искажавшею народную школу,

можно поздравить Пруссію: побѣда эта важнѣе иной изъ одержанныхъ прусскимъ оружіемъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Грантъ будетъ избранъ вновь президентомъ сѣвероамериканскаго союза. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки формальное избраніе его еще не состоялось, но это и есть только формальность. Въ дѣйствительности избраніе его состоялось тѣмъ фактомъ, что изъ 366-ти выборныхъ, которые должны избрать его, двѣ трети обязались подать голоса за него и избраны именно съ тѣмъ, чтобы вотировать за Гранта. Предшествующіе избранію этихъ выборовъ или электоровъ по всѣмъ штатамъ, мѣстные выборы въ Пенсильваніи обыкновенно принимаются уже за симптомъ избранія президента: на выборахъ въ Пенсильваніи отражается то относительное положеніе партій, при которомъ будутъ происходить выборы электоровъ. Пенсильванскіе выборы и предсказали торжество Гранта. И въ дѣйствительности избраніе его есть уже теперь фактъ, хотя и не формальный, но вполнѣ реальный, такъ какъ никогда не было и не можетъ быть, чтобы выборной уполномоченный для избранія одного кандидата подалъ свой голосъ въ пользу другого. Поэтому результатъ рѣшительной побѣды Гранта при избраніи электоровъ и былъ принятъ вездѣ, какъ фактъ избранія самого президента, и иностранныя правительства прислали Гранту свои поздравленія. Формальное избраніе состоится въ первую среду декабря, а провозглашеніе результата избранія—въ первую среду февраля. Впрочемъ, все это не имѣетъ уже значенія, такъ какъ президентъ уже избранъ и избранъ тотъ же, который былъ президентомъ доселѣ.

Въ особой статьѣ, посвященной Гранту и Грили, мы взвѣсили шансы обоихъ кандидатовъ послѣ балтиморскаго конвента, и притомъ должны были признать, что вѣроятность побѣды была на сторонѣ Гранта. Нынѣшніе выборы показали тотъ утѣшительный результатъ, что сочувствовавшая невольничеству демократическая партія значительно упала, а партія республиканская возросла. На первыхъ выборахъ Гранта за грантистскихъ электоровъ было подано 300-ми тысячъ голосовъ болѣе, чѣмъ за электоровъ противной стороны; теперь — 400-ми тысячъ голосовъ. Между тѣмъ, при первомъ избраніи Грантъ еще не нажилъ себѣ личныхъ враговъ и былъ въ полномъ блескѣ своей военной славы; въ его пользу служили еще такія обстоятельства, какъ недостойное убійство, окончившее жизнь Абраама Линкольна, и непопулярность Андру Джонсона. Теперь ни одного изъ этихъ побочныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ нѣтъ; республиканская партія раздѣлилась; часть ея подавала голоса за Грили (такъ-называемые либеральные республиканцы съ

Шурцомъ и Сомнеромъ) въ союзѣ съ демократами. А между тѣмъ Грантъ побѣдилъ своего противника 400-ми тысячъ голосовъ; значитъ, республиканская партія сильно возросла за послѣдніе четыре года, а демократическая соотвѣтственно упала.

Вторичное избраніе президентомъ Соединенныхъ Штатовъ есть великая честь: изъ 18-ти бывшихъ досел ѣ президентовъ ея удостоились только шестеро: Уашингтонъ (1789—97), Джефферсонъ (1801—1809), Мадисонъ (1809—17), Монро (1817—25), Джэксонъ (1829—37), Линкольнъ (1861—65). Но по прошествіи новыхъ четырехъ лѣтъ, Грантъ долженъ будетъ уступить свое мѣсто другому лицу. Примѣра, чтобы одно лицо было президентомъ три раза, *не было*, потому что самъ Уашингтонъ, когда его хотѣли выбрать президентомъ въ третій разъ, объявилъ, что такая безсмѣнность президента была бы опасна для республики, и что поэтому онъ не явится кандидатомъ. Примѣръ, поданный этимъ великимъ человѣкомъ, „первымъ гражданиномъ Америки“, обратился въ ненарушимый принципъ. Бѣдный „чаппакскій мудрецъ“, какъ называютъ Грили, понесъ полнѣйшее пораженіе; къ тому же онъ потерпѣлъ домашнее несчастіе: жена его умерла незадолго до выборовъ. Мы и не принадлежимъ къ числу тѣхъ писателей, которые поздравляютъ Соединенные Штаты съ тѣмъ, что главою ихъ не сдѣлался журналистъ, какъ будто американская республика все равно, что европейскія монархіи; другое дѣло Пруссія: тамъ и тайнаго совѣтника Вагенера не пускаютъ съ докладомъ къ королю, потому только, что онъ былъ журналистомъ („Крестовой газеты!“). Но дѣло въ томъ, что союзъ Грили съ демократами поставилъ бы его въ полную зависимость отъ „мѣдныхъ головъ“, отдалъ бы въ ихъ руки дальнѣйшее направленіе дѣла бывшихъ невольниковъ; вышло бы, что въ угоду личнымъ неудовольствіямъ Сомнера и нѣмецкимъ фантазіямъ Шурца, союзъ получилъ бы президента, обязаннаго управлять при помощи той самой политической партіи (демократовъ), о которой онъ нѣкогда говорилъ, что „въ ней состоятъ всѣ мошенники и воры всего края“. Вотъ, съ устраненіемъ такого именно нелѣпаго результата и можно поздравить Америку.

ЗАМѢТКА О СОСТОЯНІИ МОРСКИХЪ СИЛЪ ГЕРМАНІИ.

Bourelly, Marine militaire de l'Allemagne. Paris. 1872.

Еще недавно французы вполнѣ справедливо заслуживали упрекъ въ томъ, что самодовольно тѣшились своимъ могуществомъ и считали себя вправѣ вовсе не знать того, что дѣлается у ихъ ближайшихъ сосѣдей. Этою характеристическою чертою отличалось не только общество, не только почти вся политическая пресса, но и правительство. Всѣмъ памятно, какъ часть донесеній бар. Стоффеля, военнаго агента въ Берлинѣ, найдена была послѣ въ кабинетѣ Наполеона III-го даже нераспечатанною, несмотря на то, что донесенія эти получены были за долго до войны, и заключали въ себѣ весьма важныя разоблаченія, принять къ свѣдѣнію которыя очень и очень не мѣшало. Но теперь, просматривая списки вновь выходящихъ въ Парижѣ брошюръ и книгъ политическаго содержанія, нельзя не замѣтить явленія противоположнаго, т.-е., стремленія изучить своего сосѣда-побѣдителя, насколько можно, во всѣхъ отношеніяхъ. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ и та, которая теперь лежитъ передъ нами, книга, написанная знатокомъ своего дѣла, книга, сообщающая свѣдѣнія небезъинтересныя и для Россіи, которая не можетъ игнорировать морского возрастанія сосѣда, предназначеннаго самою природою распускать свой флагъ, главнымъ образомъ, на тѣхъ водахъ, которыя имѣютъ громадное значеніе для нашего отечества.

Мысль о необходимости создать сильный флотъ существовала въ Пруссіи еще за долго до Фридриха Великаго, но за недостаткомъ денежныхъ средствъ она не осуществилась ни до него, ни при немъ. Поэтому, серьёзное движеніе впередъ по этому пути можно отнести къ годамъ, слѣдующимъ за паденіемъ могущества Наполеона I-го. По мѣрѣ того, какъ Пруссія, благодаря главнымъ образомъ таможенному союзу, выдвигалась на первый планъ и становилась во главѣ маленькихъ германскихъ государствъ, она стала развивать и морскую силу. Скоро флагъ ея можно было встрѣтить на водахъ Техаса и Индіи, на берегахъ Бразиліи. Нѣсколько позже, прусское правительство, сильно заинтересованное вопросомъ о преуспѣяніи своего торговаго флота, выслало на его защиту первый двѣнадцати-

пушечный военный корабль „Амазонку". Это было въ 1844-мъ году. Въ то же время правительство готовилось сдѣлать Данцигъ центромъ разныхъ корабельныхъ мастерскихъ, но революція 1848 года, равно какъ и приспѣвшая къ этому времени блокада южныхъ портовъ Балтійскаго моря датчанами, остановили дѣло, однако лишь на время. Въ слѣдующемъ году образована была, подъ предсѣдательствомъ принца Адальберта, коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о защитѣ береговъ, прусское правительство купило часть военнаго матеріала, принадлежавшаго бывшему германскому флоту, и въ Штеттинѣ закипѣла работа. Кажется, что пережитая борьба съ датчанами убѣдила еще болѣе прусское правительство въ безотлагательности вопроса о береговой защитѣ.

Сначала была попытка сдѣлать этотъ вопросъ вопросомъ обще-германскимъ, но успѣха она не имѣла, благодаря, во-первыхъ, равнодушію чисто-континентальныхъ нѣмецкихъ государствъ, во-вторыхъ—подозрительности Австріи, зорко слѣдившей за всѣми маневрами Пруссіи, въ третьихъ—благодаря несговорчивости Ганновера, мечтавшаго о морской гегемоніи въ Германіи. При такихъ условіяхъ вопросъ видоизмѣнился и съ обще-германской почвы былъ перенесенъ на почву прусскую. Пріобрѣтеніе за деньги порта въ сѣверо-западномъ углу залива Яде въ 1853-мъ году, потомъ занятіе Шлезвигъ-Гольштиніи и нѣкоторые второстепенные факты укрѣпляютъ шаги Пруссіи на новомъ для нея пути. Далѣе, униженіе Австріи при Садовѣ и потомъ присоединеніе Ганноверскаго королевства дѣйствовали еще болѣе въ томъ же духѣ. „Честолюбіе Пруссіи,—говоритъ французскій авторъ—въ этомъ отношеніи значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ Германія побѣдила Францію; можно смѣло сказать, что въ настоящее время первая и думаетъ только о томъ, чтобы поставить свой флагъ наравнѣ съ флагами первостепенныхъ морскихъ державъ". Вообще, замѣтимъ мимоходомъ, Бурелли не особенно милостиво относится къ Пруссіи и старается при каждомъ удобномъ случаѣ выставить на видъ ея завоевательныя стремленія. Правъ онъ, или нѣтъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что тѣ данныя, которыя приводитъ самъ Бурелли, и которыя читатель найдетъ ниже, носятъ на себѣ, по нашему мнѣнію, характеръ пока противуположный: они производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы Пруссія стремилась до сихъ поръ только обезпечить интересы своего торговаго флота и пріобрѣсти увѣренность въ недоступности своихъ береговъ для непріятеля.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію положенія и дѣятельности морскихъ центровъ Пруссіи, являющейся, конечно, и на морѣ, какъ и на сушѣ, главою военной силы Германіи.

Главнымъ пунктомъ на берегахъ Нѣмецкаго мóря является Яде. Еще Наполеонъ I-й, въ 1811-мъ году, выразился очень одобрительно объ этомъ пунктѣ съ точки зрѣнія морского дѣла. Адмиралы Вертмель и Винтеръ приглашены имъ были для изысканій въ виду устройства здѣсь военной гавани. Но планы Наполеона I-го, благодаря походу на Россію и его послѣдствіямъ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1853-мъ году Пруссія завела переговоры съ герцогомъ Ольденбургскимъ на счетъ уступки ей территоріи при заливѣ Яде, и за 1,875,000 франковъ купила эту территорію въ 309 гектаровъ съ 109-ю жителями. Предстояло еще войти въ соглашеніе съ ганноверскимъ королемъ на счетъ соединенія Яды съ линіями прусскихъ желѣзныхъ дорогъ; но Ганноверъ, не отказываясь прямо отъ согласія на предложеніе, затягивалъ дѣло, такъ что до 1866 года Пруссія не могла извлечь никакой пользы изъ своей покупки. Но когда Ганноверъ былъ присоединенъ къ Пруссіи, то работа закипѣла, и къ концу 1867 года желѣзная дорога была готова, а два года спустя явился уже сильно укрѣпленный военный портъ, устройство котораго стоило 36 милліоновъ франковъ. Новый портъ получилъ имя Вильгельмсгафена. Собственно портъ имѣетъ 375 метровъ длины, отъ 220-ти до 235-ти ширины и 9 глубины, и можетъ весьма удобно совмѣстить въ себѣ десять военныхъ кораблей самаго большого размѣра. Плаваніе по Яде безопасно, но непремѣнно нуждается въ разныхъ сигналахъ, въ морскихъ фонаряхъ, безъ которыхъ доступъ къ берегу чрезвычайно труденъ. Стратегическое значеніе Вильгельмсгафена французскій писатель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Положеніе его таково, что военный флотъ, вышедшій изъ названнаго пункта, сравнительно весьма скоро доходитъ до открытаго моря, занимаетъ у Гельголанда очень выдающуюся позицію и господствуетъ оттуда надъ всѣми устьями“.

Другой важный пунктъ на Нѣмецкомъ морѣ—устье рѣки Эльбы, т.-е. Куксгафенъ (на лѣвомъ берегу) и Брунсбюттель (на правомъ), доступное для большихъ судовъ. Береговыя укрѣпленія снабжены нарѣзными пушками, способными подвергнуть перекрестному огню каждый корабль, пытающійся прорваться силою къ Гамбургу, который, впрочемъ, значенія самостоятельнаго военнаго центра не имѣетъ, такъ-какъ глубина его гавани не превышаетъ пяти метровъ. Даже большіе коммерческіе корабли принуждены оставаться въ Брунсбюттелѣ и Куксгафенѣ.

Вотъ центры прусскаго флота на Нѣмецкомъ морѣ,—морѣ едва ли не важнѣйшемъ для сѣверной Германіи. Ихъ немного, но благонадежность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ Яде и Эльбы, есть еще второстепенные центры, которыхъ мы не перечисляемъ, но

о которыхъ Буредли даетъ самые похвальные отзывы на счетъ ихъ укрѣпленій. Притомъ, для непріятельской высадки южный берегъ Нѣмецкаго моря совсѣмъ неудобенъ; неудобство это заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что вездѣ, за исключеніемъ укрѣпленныхъ пунктовъ, у береговъ море очень мелко. Непріятелю пришлось бы остановить свои корабли очень далеко и пересаживать солдатъ на маленькія суда, что дало бы возможность защитникамъ, благодаря обилію прибрежныхъ желѣзныхъ дорогъ, сосредоточить значительные отряды войска тамъ, гдѣ явится въ нихъ надобность. Притомъ, берега повсюду отличаются низменностью, такъ что дессантный корпусъ, если предположить даже возможность вполнѣ удачной высадки, не могъ-бы найти прочнаго базиса для своихъ дѣйствій, а первая неудача повлекла бы за собою полное пораженіе. Этими-то обстоятельствами, а не слабостью и нераспорядительностью французскихъ адмираловъ, авторъ объясняетъ ту жалкую роль, которую игралъ французскій флотъ въ послѣднюю войну.

Балтійское море имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ Нѣмецкое, какъ потому, что оно замерзаетъ, такъ и потому, что оно море закрытое. Тѣмъ не менѣе и оно обладаетъ портомъ, который не уступитъ Вильгельмсгафену, именно — Килемъ. Достаточная глубина (12 метровъ), просторъ, раннее освобожденіе его отъ льда и обиліе возвышенностей, сильно укрѣпленныхъ, — вотъ обстоятельства, дѣлающія кильскій портъ очень важнымъ мѣстомъ. Но Киль обладаетъ еще однимъ преимуществомъ, которое едва ли не важнѣе исчисленныхъ: отъ Эйдера идетъ каналъ, служащій какъ-бы продолженіемъ этой рѣки; онъ проходитъ мимо Рендсбургской крѣпости и кончается въ Кильскомъ заливѣ, въ районѣ дѣйствія кильскихъ баттарей. Правда, этотъ водный путь изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское пока недоступенъ для военныхъ судовъ, такъ какъ глубина его не доходитъ даже до 3-хъ метровъ, но углубленіе весьма возможно. Объ этомъ уже была рѣчь въ Гаштейнѣ въ 1865-мъ году, а теперь проектъ начинаетъ осуществляться. Слѣдствія отъ его выполненія громадны: Пруссія будетъ въ состояніи весьма легко и вполнѣ безопасно во время войны соединять и раздѣлять свой флотъ по усмотрѣнію, а слѣдовательно, можетъ держать меньшее количество военныхъ кораблей; она освободится отъ необходимости проходить поминутно по опаснымъ водамъ вблизи мыса Скагена и, наконецъ, отниметъ изъ рукъ скандинавскихъ народовъ ключи Балтійскаго моря. „Торговыя выгоды,—продолжаетъ авторъ,—отъ этого новаго сообщенія весьма значительны не только для Германіи, но и для Россіи; достаточно посмотрѣть на карту, чтобы убѣдиться, что сношенія по-

слѣдней съ Англіею и Голландіею, сильно развившіяся въ послѣднее время, выиграютъ отъ сокращенія пути".

Второе мѣсто послѣ Киля на Балтійскомъ морѣ занимаетъ Любекъ. Что же касается до острова Рюгена, то онъ имѣетъ значеніе какъ сильно выдающійся впередъ операціонный базисъ. Штеттинъ, Штральсундъ, Данцигъ и Мемель имѣютъ лишь второстепенное значеніе въ военномъ отношеніи, что понимаетъ и прусское правительство, переведшее въ послѣднее время главныя корабельныя мастерскія и арсеналы изъ Штеттина и Данцига въ Киль. О Данцигѣ, когда послѣдній принадлежалъ еще Польшѣ, Фридрихъ В. говаривалъ: „Дайте мнѣ этотъ городъ, и я готовъ сейчасъ же сказать, что уже имѣю флотъ". И въ самомъ дѣлѣ, почти до послѣдняго времени Данцигъ былъ едва ли не важнѣйшимъ пунктомъ Пруссіи на Балтійскомъ морѣ: онъ по крайней мѣрѣ занималъ видное мѣсто между гаванями, въ которыхъ происходятъ постройки кораблей, такъ какъ большинство военныхъ судовъ Пруссіи, особенно судовъ построенныхъ не за границею, вышло изъ данцигскаго рейда. Однако льды, покрывающіе устья Вислы очень долго, дѣлаютъ названный портъ не важнымъ въ военномъ отношеніи.

„Рожденный только вчера, военный флотъ Германіи уже достигъ значительныхъ размѣровъ. Флотъ этотъ, правда, по численности уступаетъ французскому и англійскому, но по совершенству своему весьма замѣчателенъ и достоинъ изученія". Въ настоящее время онъ состоитъ: изъ 7-ми военныхъ парусныхъ кораблей, 5-ти пароходовъ старой системы, 5-ти пароходовъ новой системы безъ брони, 6-ти броненосцевъ, 3-хъ подводныхъ военныхъ судовъ (bateaux-torpilles), 3 авизо и 22 канонирскихъ лодокъ. На этихъ судахъ находится всего 440 орудій.

Парусныя суда, имѣя въ настоящее время весьма ограниченное военное значеніе, употребляются главнымъ образомъ для учебныхъ командъ. Пароходы старой системы служатъ исключительно охранителями торговаго флота. Но за то пароходы новой системы, хотя и безъ брони, имѣютъ громадное военное значеніе. Они, по мнѣнію автора, имѣютъ преимущество предъ броненосцами по быстротѣ хода, по возможности плавать въ отдаленныя моря жаркаго пояса, по способности носить на себѣ орудія, болѣе значительныя какъ по калибру, такъ и по числу. Авторъ замѣчаетъ, что у нѣмцевъ сравнительно мало панцырныхъ судовъ, и что незамѣтно даже особенно сильнаго стремленія къ ихъ постройкѣ. Хотя онъ и того мнѣнія, что броненосцы мало пригодны для защиты береговъ, а главнымъ образомъ нужны для того, кто нападаетъ, однако въ этомъ оборонительномъ смыслѣ не хочетъ истолковать недостатокъ ихъ во флотѣ,

который онъ считаетъ дѣтищемъ самыхъ самолюбивыхъ завоевательныхъ плановъ. Вотъ какое объясненіе даетъ по этому поводу французскій авторъ: „Очень желая развить свои морскія силы, Пруссія однако не накидывается опрометью на постройку ихъ (броненосцевъ). Ея не страшать расходы, потому что передъ денежною жертвою она, какъ извѣстно, не отступаетъ нигдѣ, если видитъ свою пользу даже въ будущемъ; ея не поколебала въ этомъ отношеніи пресса, враждебная увеличенію военнаго флота, которая постоянно выставляетъ на видъ ничтожность результатовъ, добытыхъ послѣднимъ во время войны съ Франціею. Но, кажется, что прусское правительство боится, чтобы будущія изобрѣтенія не произвели значительнаго переворота въ военномъ дѣлѣ на морѣ... Въ концѣ-концовъ Пруссія кажется какъ-бы еще не рѣшившеюся, слѣдуетъ ли на войнѣ предпочитать броненосцы съ тяжелыми машинами, такіе, которые теперь строятъ повсюду, или корабли изъ дерева и желѣза, безъ брони, обладающіе бо́льшею легкостью и скоростью, и имѣющіе орудія большого калибра“.

Суда, которыя мы назвали подводными (bateaux-torpilles), явленіе, исключительно принадлежащее прусскому военному флоту и нигдѣ болѣе не встрѣчающееся. Это суда (они построены въ Данцигѣ) изъ желѣза, имѣющія длины 20 метровъ, ширины 2½. Въ переднемъ концѣ—руль, который защищенъ стѣнкою, имѣющею отверстіе въ 26 квадратныхъ миллиметровъ. Оно даетъ возможность рулевому все видѣть впереди. Труба не широка и низка, помѣщается въ задней части; двойная броня защищаетъ какъ ее, такъ и палубу. Экипажа всего четыре или даже три человѣка. Топка производится посредствомъ петролеума, который не даетъ ни дыма, ни искръ. Эти необыкновенныя суда предназначены къ тому, чтобы незамѣтно (чему способствуетъ ихъ цвѣтъ, ихъ сильное погруженіе въ воду, ихъ топка, ихъ малая величина), особенно ночью, подходить къ непріятельскому кораблю и ударять въ него. Способъ нанесенія удара хранится въ тайнѣ прусскими моряками, которые впрочемъ убѣждены, по мнѣнію автора, въ томъ, что такой ударъ разрушителенъ для всякаго непріятельскаго судна.

Прусская система военной службы, примѣненная къ морскому дѣлу, даетъ правительству въ случаѣ надобности 45,000 человѣкъ моряковъ. Съ другой стороны, можно предположить, что въ случаѣ войны своихъ торговыхъ судовъ въ портахъ будетъ по крайней мѣрѣ половина всего количества, слѣдовательно и отсюда можно привлечь еще подъ оружіе около 7,000 человѣкъ и такимъ образомъ получить 52,000 — цифру весьма почтенную. Число находящихся на дѣйствительной флотской службѣ увеличивается съ году на годъ, сообразно

съ возрастаніемъ самого флота. Особенно заботится прусское правительство о томъ, чтобы имѣть всегда подъ руками достаточное число хорошихъ офицеровъ, которыхъ бы хватило на случай призыва къ дѣлу резерва и зеевера. Вотъ какъ увеличивается число служащихъ въ прусскомъ военномъ флотѣ: въ 1853-мъ году было нижнихъ чиновъ около 1.000, офицеровъ 66; въ 1860-мъ первыхъ было около 2½ тысячъ, вторыхъ 107; въ 1865—первыхъ столько же, вторыхъ—141; въ 1869-мъ—первыхъ 5½ тысячъ, вторыхъ 416.

Морской бюджетъ возрастаетъ тоже, хотя и не особенно значительно: въ 1870-мъ году онъ заключалъ въ себѣ 11,744,805 франковъ на расходы нормальные, и 15,750,000 экстренныхъ; въ 1871-мъ бюджетъ равнялся 13,487,375 нормальныхъ и 16,512,975 экстренныхъ издержекъ.

П—чъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ АѲИНЪ.

Ноябрь 1872.

Парламентская жизнь въ Греціи.

Если бы кто слишкомъ увлекся представительными формами правленія, какъ всемірною панацеею противъ всяческихъ общественныхъ золъ, какъ талисманомъ, разгоняющимъ вдругъ страхъ и невѣжество, забывъ при этомъ, что на свѣтѣ существуетъ политическая неспособность,—тому стоитъ пожить въ Греціи или хоть въ Румыніи, и онъ быстро отрезвится. И тутъ, и тамъ представительное правленіе упало съ неба, и до сихъ поръ никакъ не можетъ пустить свои корни въ почву. Такъ, весьма недавно для Соединенныхъ Княжествъ испекли конституцію, правда, на скорую руку, но по всѣмъ правиламъ искусства. Результаты вышли неутѣшительные. Пока дѣло ограничивалось однимъ внутреннимъ сумбуромъ и кое-гдѣ придушенными жидами, добродушная Европа снисходительно смотрѣла на шалости своихъ юныхъ питомцевъ, но когда, въ дѣлѣ Струсберга, возрожденная Румынія занесла неблагодарную руку на европейскіе кошельки, опираясь на такъ заботливо внушенную ей святость народной воли,—со всѣхъ сторонъ посыпались на нее горькіе и, по моему мнѣнію, незаслуженные упреки. Виноваты ли румыны въ томъ, что ихъ міросозерцаніе все-таки не европейское, а румынское, и что чуждыя и тем-

ныя для нихъ понятія они старались объяснить себѣ на свой національный ладъ?

Какъ разъ въ то же время, по странному совпаденію, возникъ въ Греціи указанный мною въ предыдущемъ письмѣ, въ іюнѣ, вопросъ о лавріумскихъ рудникахъ, имѣющій съ дѣломъ доктора Струсберга разительное сходство. И здѣсь простодушно-циническая корысть облеклась въ парламентскія формы, подобно тому какъ дикіе островитяне натягиваютъ на голую спину выброшенные на берегъ европейскіе мундиры. Такіе же точно вопли негодованія со стороны либеральной Европы, задѣтой за существенную струну! Впрочемъ, на бѣдную Грецію уже давно махнули рукой. А между тѣмъ было время, когда весь образованный людъ устремлялъ жадно-пытливые взоры на новорожденное королевство и на его игрушечный парламентъ, одно изъ первыхъ издѣлій паровой фабрики конституцій. Французъ-доктринёръ съ высоты трибуны, нѣмецкій профессоръ въ пыли кабинета — заранѣе рукоплескали, выжидая минуты, когда воскреснутъ Периклы, загремятъ Демосѳены и Гипериды. Разочарованіе пришло очень скоро. И либералы, и ученые напустились на неповинную націю, одни за то, что она не съумѣла сразу понять *immortels princip'*овъ, послѣдніе за неудачу классической интермедіи, которою они думали потѣшить себя на самомъ театрѣ древней исторіи. Быть можетъ, этотъ урокъ и многіе другіе послѣдовавшіе за нимъ эксперименты и послужатъ имъ въ прокъ, заставивъ призадуматься надъ неудобствами политической прививки. Но каково несчастнымъ націямъ, попавшимся имъ подъ руку и обреченнымъ на незавидную роль anima vilis. Свободный ростъ ихъ задержанъ; онѣ бьются и задыхаются посреди чуждыхъ и не по ихъ мѣркѣ скроенныхъ учрежденій, и судорожными, болѣзненными усиліями инстинктивно стараются вытравить парализующее ихъ движенія постороннее тѣло. Вотъ въ немногихъ словахъ исторія Греціи за послѣднее сорокалѣтіе, съ тѣхъ поръ какъ благодѣтельныя феи, засѣдавшія у ея колыбели, подарили ее и нѣмецкимъ королемъ и хитрымъ нѣмецкимъ государственнымъ устройствомъ, который въ 1843-мъ г. уже сами греки взялись исправить и дополнить по заданному имъ уроку. Трудно не почувствовать глубокаго состраданія къ народу, безвинно терпящему за наши заблужденія; и можно ли строго осуждать безобразныя проявленія того зла, котораго мы сами причиной? Къ несчастію, большинство грековъ еще не доросло до сознанія настоящей причины своихъ бѣдствій, и такъ же горячо защищаетъ свое право на чужеземныя учрежденія, льстящія его ребяческому самолюбію, какъ дикарь отстаиваетъ густые эполеты, попавшіе къ нему отъ кораблекрушенія. Притомъ, археологическія бредни филэллинизма двадца-

тыхъ годовъ оставили здѣсь неизгладимый и не менѣе пагубный слѣдъ. Самые филэллины уже давно исчезли, и на разбитыя мечтанія ихъ смотрятъ въ Европѣ какъ на историческій курьезъ. Лишь однихъ грековъ не коснулось всеобщее разочарованіе. Каждый изъ нихъ все еще видитъ въ себѣ внука и наслѣдника по прямой линіи всѣхъ Плутарховыхъ великихъ людей, и, посреди умственной и матеріальной нищеты, въ немъ продолжаетъ таиться пучина непомѣрнаго тщеславія, рисующаго ему привлекательный миражъ какого-то колоссальнаго присужденнаго ему историческаго призванія.—*L'Hellénisme, monsieur, ce n'est pas une nationalité, c'est une idée humanitaire!* довѣрительно объяснялъ мнѣ одинъ грекъ — таможенный чиновникъ. Мудрено ли, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ грезъ, имъ, какъ непонятымъ героямъ нашей романтической эпохи, сфера настоящаго гражданскаго труда кажется удушливой тюрьмою.

Въ первомъ моемъ письмѣ я старался показать—насколько позволяли мнѣ размѣры бѣглыхъ путевыхъ записокъ—какимъ образомъ кроющіеся въ греческомъ обществѣ элементы внутренняго разлада выразились въ характерѣ и взаимныхъ отношеніяхъ политическихъ партій, споривших за власть на выборахъ нынѣшней весны. Такими же болѣзненными симптомами изобилуетъ и минувшая парламентская сессія.

Еще 27-го марта король открылъ палату тронной рѣчью, въ которой указывалъ на разрѣшеніе вопроса о Лауріумѣ, какъ на существенную задачу новаго собранія, и, между прочимъ, сдѣлалъ строгій намёкъ на безпорядки и насильственныя сцены, ознаменовавшія избраніе депутатовъ во многихъ мѣстностяхъ.

Дѣйствительно, даже въ Греціи, гдѣ подобныя избирательныя продѣлки не въ диковинку, наглая безцеремонность, преобладавшая на послѣднихъ выборахъ, показалась явленіемъ исключительнымъ. Разсказы о безобразныхъ подкупахъ, о вмѣшательствѣ мѣстныхъ войскъ, о кровавой расправѣ между приверженцами враждебныхъ кандидатовъ—слышались всюду, наполняли столбцы всѣхъ газетъ. Читателю уже извѣстна изъ того же предыдущаго моего письма скандальная полемика, завязавшаяся по поводу выборовъ между министрами юстиціи и военнымъ, изъ которыхъ первый въ оффиціальномъ циркулярѣ приглашалъ обвинительную власть безпощадно предавать суду всѣхъ членовъ военнаго сословія, принявшихъ противузаконное участіе въ электоральной борьбѣ, а другой такимъ же циркуляромъ благодарилъ войска за спокойствіе и невмѣшательство, соблюденныя ими во время выборовъ. По городу ходилъ слухъ, будто король, принимая нѣкоторыхъ депутатовъ, сказалъ имъ: „надѣюсь, что вы сами будете просить палату кассировать ваше избраніе“. Оппозиція точила ножи

и готовила громовыя обличенія. Къ тому же, хотя министерство и одержало, повидимому, избирательную побѣду, но въ немъ самомъ таились зачатки неминуемаго распаденія. Отношенія между кое-какъ сплоченными составными частями его до такой степени отзывались въ послѣднее время глухою враждой и взаимнымъ раздраженіемъ, что, казалось, достаточно было малѣйшаго несогласія, чтобы разорвать искусственную связь и привести къ рѣшительному кризису. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ публика съ особенно-тревожнымъ интересомъ выжидала предстоявшей повѣрки выборовъ, которою, какъ и всегда, должны были начаться труды новаго собранія.

Чтобы уяснить по возможности читателю физіономію этого собранія и точнѣе опредѣлить условія, въ какихъ начиналась борьба, я считаю нужнымъ вкратцѣ резюмировать и отчасти дополнить сказанное мною въ первомъ моемъ очеркѣ, о главныхъ характерическихъ чертахъ и относительной силы каждой изъ партій, призванныхъ играть нѣсколько видную роль въ парламентскихъ преніяхъ.

Вокругъ Булгариса группируются бо́льшею частію одряхлѣвшіе обломки оппозицій оттоновскихъ временъ. Ряды ихъ съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ, но они тѣмъ тѣснѣе жмутся къ своему старому вождю, чувствуя себя одинокими и забытыми посреди опередившей ихъ молодежи. Преданія двадцатилѣтней почти дисциплины привязываютъ ихъ къ герою октябрьскихъ дней, съ которымъ они когда-то дѣлили и бури революціи, и патріархальную диктатуру, который такъ щедро умѣетъ награждать заслуги преданныхъ ему приверженцевъ. Это—партія прошедшаго, и сѣдыя кудри ея предводителя, съ его вышедшей изъ моды національной фустаннеллой, служатъ ей очень удачной вывѣской. Но не въ этихъ ветеранахъ надо искать главной силы Булгариса и разгадку того авторитета, который онъ отчасти сохранилъ еще въ странѣ. Онъ принадлежитъ къ приматской фамиліи съ о-ва Гидры, споконъ вѣка пользовавшейся нераздѣльнымъ и неограниченнымъ вліяніемъ посреди населенія Сароническихъ острововъ, откуда большая часть греческихъ судовъ набираетъ свои экипажи. Поэтому, вся буйная ватага матросовъ, наводняющихъ греческіе портовые города и самыя Аѳины, слѣпо предана Булгарису и, по малѣйшему знаку его, готова разнести и дворецъ, и палату. Она-то и составляетъ въ его рукахъ могущественное оружіе, негласную силу, съ которою всѣ партіи должны считаться, потому что никто легче Булгариса не можетъ произвести революцію. Но часто прибѣгать къ столь крайнему средству ему, конечно, нельзя; къ тому же и самыя лѣта естественно ослабили въ немъ демагогическія наклонности и внушаютъ ему желаніе возстановить свою расшатавшуюся популярность болѣе мирными путями. Однако усилія его остаются до сихъ

поръ тщетными. Незавидная роль Булгариса въ кандійскомъ вопросѣ, кажется, нанесла его партіи рѣшительный ударъ и, хотя она пока еще и занимаетъ второе мѣсто по численности, ей суждено съ каждымъ днемъ истлѣвать и уменьшаться.

Не далѣе какъ два года тому назадъ, другое лицо, Кумундуросъ пользовался въ Греціи такимъ громаднымъ вліяніемъ, что предъ нимъ стушевывались всѣ остальные политическіе дѣятели, и въ палатѣ ему удалось однажды составить себѣ неслыханное здѣсь и единогласное большинство. Эта популярность была отчасти заслужена. Кумундуросъ не обладаетъ широкимъ кругозоромъ, ни смѣлостью теоретика, но за то въ немъ бездна простого и вѣрнаго здраваго смысла; эта практическая складка и помогаетъ ему подчасъ вѣрнѣе другихъ угадывать насущныя нужды страны и пріискивать для нихъ не затѣйливыя, не радикальныя, но безспорно дѣйствительныя средства. Я назвалъ политическихъ друзей Булгариса — партіею прошедшаго; Кумундуросъ же въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ настоящаго, то, что́ французы называютъ un homme d'expédients. Въ послѣднее время авторитетъ его значительно поколебался. Многочисленная партія, такъ недавно толпившаяся вокругъ него, распалась и теперь немногимъ превышаетъ партію Булгариса. Это объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, о его личномъ безкорыстіи возникли въ обществѣ самые невыгодные, хотя можетъ быть и преувеличенные слухи; дошло до того, что стали указывать на приближенную къ нему личность, чрезъ посредство которой будто бы происходили противозаконныя сдѣлки. Съ другой стороны, онъ не съумѣлъ, будучи первымъ министромъ, снискать расположеніе короля, и потому встрѣчалъ отъ послѣдняго систематическій отказъ всякій разъ, какъ дѣло шло о повышеніяхъ, наградахъ и прочихъ подачкахъ. Приходилось возвращаться къ голоднымъ друзьямъ съ пустыми руками и задобривать ихъ новыми обѣщаніями. Но терпѣнію есть и предѣлъ. Образовался лагерь недовольныхъ. Къ нему примкнуло небольшое число оригиналовъ съ щекотливою совѣстью, которымъ не по вкусу пришлись приписываемыя ихъ патрону неоффиціальныя продѣлки, и такимъ образомъ возникла партія Трикупи-Ломбардо, о которой я ниже буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ. Впрочемъ, Кумундуросъ еще выплыветъ, лишь бы нашлось у него чѣмъ платить за содѣйствіе своимъ приверженцамъ. Безусловная честность для государственныхъ людей Греціи не принадлежитъ къ числу непремѣнныхъ требованій, а знаніемъ дѣла онъ стоитъ замѣтно впереди своихъ соперниковъ.

Третье мѣсто въ ряду политическихъ партій занимаетъ партія Делигеорги, болѣе богатая надеждами чѣмъ численностью. Назовемъ ее партіей будущаго. Дѣйствительно, блестящій ораторъ, герой аѳин-

ской молодежи довольно вѣрно отражаетъ въ себѣ не только ея неоспоримыя дарованія и юношескую честность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неопредѣленныя, а подъ-часъ дикія стремленія. Ему суждено было въ концѣ этой сессіи играть самую неожиданную и странную роль. Какой-то таинственный законъ справедливаго возмездія опредѣлилъ ему, въ свою очередь, безнадежно биться надъ разрѣшеніемъ того самаго вопроса, изъ котораго онъ же, ради популярности, когда-то ухитрился сдѣлать нѣчто въ родѣ *кассъ-тета*.

Довольно трудно пріискать какое-либо прозвище партіи Заимиса. Она существуетъ только потому, что г. Заимису хочется быть первымъ министромъ; а все-таки она существуетъ, и даже числомъ адептовъ поспоритъ съ партіей Делигеорги. Самъ Заимисъ развѣ годенъ для политическихъ *utilités* и можетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ наполнить пробѣлъ парламентскаго междуцарствія. Онъ, говорятъ, честенъ, не совсѣмъ бездаренъ, но и не особенно даровитъ; короче, вполнѣ безцвѣтная личность.

Мы видѣли, что отъ партіи Кумундуроса отдѣлилась въ прошломъ году фракція, образовавшая самостоятельную группу. Ее окрестили *cinquième partie*, или партіей Ломбардо - Трикупи, по именамъ двухъ наиболѣе извѣстныхъ ея представителей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы новорожденная партія, какъ и прочія, воплощала свои надежды и интересы въ одной, или по крайней мѣрѣ въ двухъ личностяхъ. Она организована скорѣе на федеративномъ основаніи и составляетъ въ греческомъ политическомъ мірѣ исключительное явленіе еще и потому, что избрала себѣ извѣстную программу и, одна между здѣшними, преимущественно личными партіями, представляетъ довольно точно опредѣленные принципы. Зло, главнымъ образомъ парализующее государственную жизнь Греціи, она видитъ въ недостаточномъ разграниченіи политическихъ факторовъ страны и требуетъ коренной переработки конституціи на началахъ крайняго парламентаризма, и на счетъ королевской прерогативы. „Пятая“ партія возникла такъ недавно, что неуспѣла еще упрочить за собою замѣтнаго вліянія; тому мѣшаетъ пока ея численная слабость. Но можно смѣло обѣщать ей въ близкомъ будущемъ видную роль. Выборъ опредѣленнаго политическаго знамени даетъ ей, посреди другихъ партій, важное преимущество. Сверхъ того, при скромномъ численномъ составѣ, она безспорно богата талантами. Всего рельефнѣе выдаются между ними личности Ломбардо и Трикупи, почему публика окрестила и самую партію ихъ именами. Ломбардо, родомъ изъ Занте, пользуется громадною популярностью въ Іоническихъ островахъ, гдѣ прозвали его *докторомъ бѣдныхъ*, такъ какъ свои медицинскія познанія онъ исключительно посвятилъ даро-

вому леченію неимущаго класса. Во главѣ національной партіи, онъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ нанесъ рѣшительный ударъ англійскому владычеству на Семи-Островахъ. Трикупи же, напротивъ, принадлежитъ къ старинной греческой фамиліи, въ которой съ давнихъ поръ держалась традиціонная преданность англійской политикѣ; въ Англіи онъ получилъ и свое воспитаніе. Кандійскій вопросъ отчасти поколебалъ его вѣру въ семейный фетишъ; англійское вліяніе тѣмъ не менѣе оставило глубокіе слѣды на его политическихъ воззрѣніяхъ. Превосходное образованіе и замѣчательныя способности даютъ ему, между корифеями пятой партіи, первое мѣсто, хотя онъ и уступаетъ Ломбардо въ ораторскомъ талантѣ. Общая черта между обоими—страстная преданность своимъ убѣжденіямъ и непоколебимая честность, но Ломбардо болѣе демагогъ, Трикупи — болѣе государственный человѣкъ. Пока длится для ультра-парламентаристовъ ихъ, такъ-сказать, завоевательный періодъ, Ломбардо суждено играть самую блестящую роль; но если пятая партія когда-либо призвана будетъ управлять судьбами страны, то первенство вліянія естественно и неминуемо перейдетъ къ Трикупи.

Чтобы закончить этотъ бѣглый очеркъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о династической партіи, образовавшейся здѣсь изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кромѣ горсти лично преданныхъ королю людей и придворнаго штата, который, изъ отечественныхъ учрежденій, весьма естественно, дорожитъ между прочимъ и *liste civile*,— сюда примкнули въ Греціи небольшое число фанаріотовъ, неуспѣвшихъ помириться съ гибелью ихъ олигархическихъ мечтаній, а на Іоническихъ островахъ остатки дворянской партіи, когда-то отстаивавшей англійскій протекторатъ. Эта пестрая кучка такъ численно слаба и такъ непопулярна, что врядъ ли заслуживаетъ названія партіи, но можетъ принести большой вредъ, если не странѣ, то королю, поддерживая въ немъ несбыточныя надежды и наводя на опасныя покушенія противъ конституціи, дающей ему такъ мало простора. Георгій I надѣленъ отъ природы недюжинными способностями. Несмотря на свою молодость, онъ, говорятъ, довольно вѣрно понимаетъ дѣйствительныя нужды ввѣренной ему судьбою страны и чувствуетъ, что государственныя формы, установившіяся въ ней за послѣднее сорокалѣтіе, чужды и не по росту его полуобразованному народу. Но, чтобы измѣнить существующій порядокъ вещей, нужна болѣе сильная рука и средства, которыми онъ не располагаетъ; а какъ растолковать все это молодому и самолюбивому государю? До сихъ поръ, король ограничивался затаенной, подземной борьбой противъ непріятныхъ ему учрежденій. Если вѣрить ходящимъ здѣсь толкамъ, планъ его, лишенный остроумія, заключался въ томъ, чтобы разнуздавъ до

безобразія борьбу партій, ослабить въ народѣ вкусъ къ представительнымъ формамъ и заставить его призадуматься о преимуществахъ патріархальнаго правленія. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ съ одинаковой покорностью принималъ всѣ навязываемыя ему министерства, но съ одинаковымъ же упорствомъ отказывалъ каждому изъ нихъ въ своей поддержкѣ. Парализуя ихъ подъ рукою и безжалостно отдавая при первомъ случаѣ на съѣденіе врагамъ, онъ надѣялся обнаружить такимъ образомъ ихъ общую несостоятельность и, одну за другою, погубить въ общественномъ мнѣніи всѣ существующія партіи. Этотъ смѣлый планъ, ловко задуманный и систематически выполненный, не принесъ однако до сихъ поръ желаемыхъ плодовъ. Министерства смѣнялись съ калейдоскопическою быстротой, партіи грызлись пуще прежняго, но охотниковъ отдохнуть отъ парламентскихъ бурь подъ сѣнью патріархальности отыскивалось все-таки мало. Король, наконецъ, потерялъ терпѣніе и, повидимому, не прочь переступить за порогъ своихъ конституціонныхъ правъ на почву болѣе крутыхъ, насильственныхъ мѣръ. Роль его въ министерскомъ кризисѣ, заключившемъ сессію 1872 года, не отзывается уже прежней сдержанностью. Мы еще будемъ имѣть случай подробнѣе познакомиться съ этой первой, робкой попыткой Георгія I высвободиться изъ тѣсной рамки легальности,—попыткой, въ которой многіе видятъ предвѣстіе замышляемаго coup d'état. Достаточно будетъ пока замѣтить, что въ опасеніяхъ, высказываемыхъ по этому поводу, кроется много, и можетъ быть намѣреннаго, преувеличенія. При условіяхъ, въ которыя поставлена королевская власть въ Греціи, неосуществимость насильственнаго переворота въ ея пользу до такой степени очевидна, что, не взирая на свойственную его лѣтамъ самоувѣренность и на близорукіе совѣты придворной камарильи, Георгій I врядъ ли отважится поставить на столь рискованную карту будущность своей династіи. Измѣненіе въ королевской тактикѣ объясняется гораздо проще и правдоподобнѣе. Король не могъ не убѣдиться въ безплодности изолированной борьбы *contra omnes* и, по всѣмъ вѣроятіямъ, пытается теперь перспективою нераздѣльнаго преобладанія привлечь на свою сторону одну изъ сильнѣйшихъ партій; помощью ея, онъ надѣется составить себѣ въ парламентѣ преданное большинство, готовое на нѣкоторыя уступки въ пользу монархической власти. Эта надежда далеко не такъ несбыточна, какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣйствительно, между исчисленными нами партіями нѣтъ ни одной, которая бы интересовалась поддержаніемъ существующаго порядка. Мы видѣли, что изъ нихъ двѣ послѣднія открыто ему враждебны. Что же касается тѣхъ партій, которыя, за недостаткомъ характеристическихъ принциповъ, я назвалъ *личными*, то каждая изъ нихъ,

очевидно, отдастъ предпочтеніе такому устройству, при которомъ конкурренція была бы устранена, а власть обезпечена за нею. Это совершенное отсутствіе консервативныхъ элементовъ и составляетъ отличительную, оригинальную черту политической жизни въ Греціи.

Упомянувъ о династической партіи, я съ намѣреніемъ остановился на отношеніи, въ которомъ король вначалѣ нынѣшней весны стоялъ къ прочимъ политическимъ группамъ, потому что въ немъ, по моему, лежитъ единственный ключъ къ загадочной развязкѣ минувшей парламентской сессіи.

Чтобы заключить этотъ обзоръ главныхъ элементовъ собравшагося въ мартѣ 1872-го года народнаго представительства, необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи стоявшаго предъ лицомъ его министерства.

Въ концѣ прошлаго года, король пригласилъ къ себѣ трехъ политическихъ корифеевъ: Булгариса, Кумундуроса и Делигеорги, и внушивъ имъ, что при борьбѣ трехъ почти равносильныхъ партій устойчивое министерство невозможно, предложилъ подать другъ другу руку и образовать то, что на парламентскомъ языкѣ называется ministère de fusion. Делигеорги, чувствуя, что при сравнительной численной слабости онъ осужденъ будетъ въ подобной комбинаціи на второстепенную роль, и не желая служить орудіемъ въ чужихъ рукахъ, уклонился; Булгарисъ же и Кумундуросъ согласились соединить свои такъ долго враждебныя силы и вкупѣ трудиться для блага родной страны, на началахъ полнаго равенства и взаимнаго довѣрія. Но для всякаго, отчасти знакомаго съ политическими нравами въ Греціи, очевидно было, что согласіе между новыми друзьями будетъ продолжаться лишь до первой кости. Что на первыхъ же порахъ эти опасенія вполнѣ оправдались, читателямъ „Вѣстника Европы“ извѣстно изъ прошлаго моего письма. Кумундуросъ вѣжливо уступилъ почтенному старцу, Булгарису, президентскія почести, надѣясь взамѣнъ упрочить за собою главные портфели, но почтенный старецъ надулъ и, забравъ львиную часть, предоставилъ ему лишь ненужную мелочь. Въ такомъ-то нѣжномъ настроеніи, союзники приступили къ выборамъ. Каждый изъ нихъ, разумѣется, надѣялся, эксплуатируя вліяніе другого, составить себѣ подъ рукою преданное большинство и затѣмъ сломать пріятелю шею. Какъ эта глухая вражда въ послѣдніе дни, предшествовавшіе собранію парламента, перешла въ открытую схватку и обнаружила въ коалиціонномъ министерствѣ симптомы неминуемаго разрыва, я уже сказалъ выше.

Съ самаго же начала сессіи стало ясно, что какъ Булгарисъ, такъ и Кумундуросъ, ошиблись въ своихъ разсчетахъ; ни тотъ, ни другой не вышелъ изъ избирательнаго испытанія настолько крѣп-

кимъ, чтобы простымъ счетомъ голосовъ задавить соперника. Силы были почти равныя: отъ 50-ти до 60-ти голосовъ на каждаго [1]). Къ партіи Делигеорги примкнули пять-шесть голосовъ обиженнаго общимъ забвеніемъ Заимиса; образовавшаяся такимъ образомъ оппозиція располагала всего голосами 30-тью, но надѣялась яростью нападеній искупить недостатокъ численной силы. Пятая партія, приславшая около 15-ти депутатовъ, образовала изолированную группу и, не чувствуя себя въ состояніи играть самостоятельную роль, разсчитывала поддержать ту, или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Остальные голоса, до 20-ти приблизительно, не имѣли опредѣленнаго цвѣта и должны были, какъ и во всѣхъ представительныхъ собраніяхъ, сдѣлаться добычею сильнѣйшаго.

Не ранѣе послѣднихъ дней мая удалось мнѣ попасть на засѣданіе парламента и познакомиться съ его внѣшней физіономіей. Въ день открытія я не рѣшился подвергнуть себя испытаніямъ неразлучной съ подобными церемоніями давки; затѣмъ, вскорѣ настали вакаціи по случаю страстной и святой недѣли, а по минованіи праздниковъ предварительная работа по отдѣленіямъ. Когда собраніе приступило, наконецъ, къ своимъ публичнымъ занятіямъ, я улучилъ свободный день, и часамъ къ девяти утра (засѣданія начинаются въ 8-мь и длятся обыкновенно до 12-ти часовъ), отправился полюбоваться на представителей возрожденной Эллады. Въ Аѳинахъ въ эту пору уже стояли лѣтніе жары. Но въ этотъ день воздухъ показался мнѣ какъ-то особенно нестерпимо душнымъ. На темно-голубомъ небѣ ни облака. Ослѣпительная, однообразная бѣлизна накаленныхъ знойнымъ солнцемъ домовъ болѣзненно раздражала зрѣніе. Порывы южнаго вѣтра по временамъ приносили не прохладу, а густые клубы жгучей, каменистой пыли. Прищуря глаза и тяжело дыша, я не шелъ, а бѣжалъ по пустыннымъ улицамъ; кое-гдѣ натыкался я на спѣшившаго въ свое министерство чиновника. На перекресткѣ уныло стоялъ, отмахивая хвостомъ мухъ, тощій оселъ, нагруженный до изнеможенія разными мѣстными овощами; онъ лишь изрѣдка вздрагивалъ и пугливо озирался, когда хозяинъ его, сѣдой албанецъ въ фустанеллѣ, съ отчаяннымъ усиліемъ выкрикивалъ свой товаръ. Тамъ-и-сямъ изъ полуоткрытаго окна высовывалась сонная, повязанная бѣлымъ платкомъ, голова какой-нибудь горничной и хриплымъ голосомъ звала проходящую торговку съ козьимъ молокомъ; но, при приближеніи моемъ, голова мгновенно пряталась и стыдливо захлопывался ставень. Потъ катился съ меня градомъ, когда я наконецъ добрался

---

[1]) Числовыя данныя, приведенныя въ моемъ прошломъ письмѣ и основанныя на первоначальныхъ слухахъ о результатѣ выборовъ, оказались отчасти ошибочными.

до воротъ палаты. У входа полицейскій солдатъ, повидимому равнодушный къ политикѣ, заботливо штопалъ ту часть своей одежды, для которой на дамскомъ языкѣ не существуетъ названія; это домашнее занятіе настолько приковывало его вниманіе, что онъ даже не оглянулся на меня, когда я, свернувъ въ ворота, чрезъ большой дворъ, заваленный разной дрянью, направился къ жалкому зданію, гдѣ помѣщается народное представительство. Тутъ же, въ двухъ шагахъ, виднѣется еще наполовину неоконченное строеніе, въ которомъ палата современемъ найдетъ себѣ болѣе удобный и нѣсколько приличный пріютъ. Размѣры его удовлетворительны, но наружный фасадъ отличается крайнимъ безобразіемъ, какъ и всѣ вообще публичныя постройки въ Аѳинахъ. Въ ожиданіи будущихъ благъ, депутатамъ отвели что-то среднее между конюшней и пожарнымъ депо; такого убожества мнѣ и не снилось увидѣть...

Нагнувъ низко голову, чтобы не стукнуться о притолку крошечной двери, я чрезъ темныя, грязныя сѣни, вверхъ по досчатой лѣстницѣ взобрался на устроенную для публики досчатую галлерею съ нѣсколькими рядами деревянныхъ скамей. Зрителей было мало, всего человѣкъ десять, такъ что я безъ труда пріискалъ себѣ мѣсто въ первомъ ряду около какой-то полной дамы въ черномъ платьѣ и чепцѣ. Монументальная грудь ея, мѣрно колыхавшаяся надъ самой головой президента, была украшена или, быть можетъ, защищена гигантскимъ камеемъ. Сосѣдка моя, повидимому, забралась сюда гораздо раньше меня и сильно страдала отъ жары; она то-и-дѣло вытаскивала изъ обширнаго кармана платокъ сомнительной чистоты и судорожно терла имъ свое заплывшее и потное лицо. Усѣвшись, я окинулъ любопытнымъ взглядомъ арену, гдѣ подъ-часъ кипятъ такія бурныя страсти. Внутреннее убранство соотвѣтствовало наружному впечатлѣнію. Какимъ-то грязно-скареднымъ нищенствомъ отзывалась эта непривѣтливая зала. Въ прежнее время въ ней, должно быть, помѣщался манежъ. Прилѣпили къ стѣнамъ на скорую руку сколоченныя изъ досокъ клѣтки, кое-гдѣ перетянули краснымъ кумачемъ, разставили стулья—и все тутъ. Положимъ, что Греція страна небогатая, а самое помѣщеніе—лишь временное; все же можно было бы, помоему, устроить его немного приличнѣе, не на манеръ ярмарочнаго балагана. Направо отъ меня надъ входомъ тянулась галлерея, отличавшаяся отъ нашей только тѣмъ, что вмѣсто скамей въ ней поставлены были стулья: она носитъ громкое названіе дипломатической трибуны. Рядомъ съ нею придворная ложа, богато отдѣланная краснымъ кумачемъ. Слѣва тоже какія-то клѣтки, въ которыхъ, кажется, помѣщаются члены синода, журналисты и пр. За депутатскими мѣстами посреди залы—скамья министровъ. Напротивъ, какъ разъ подъ

нами, на эстрадѣ президентское мѣсто, и ниже трибуна, на которой въ эту минуту мямлилъ и заикался какой-то тщедушный господинъ съ подвязанной щекою. Собранію онъ замѣтно надоѣлъ, потому что въ разныхъ углахъ залы образовались кучки и весьма довольно громкій разговоръ. Между уродливыми европейскими сюртуками ѳивской или спартанской работы, глазъ пріятно отдыхалъ на живописномъ національномъ костюмѣ, но расшитая куртка и волнообразная фустанелла попадались только на немногихъ величавыхъ старикахъ, вѣроятно, помнившихъ славные годы отечественной войны. Длинный сѣдой усъ придавалъ ихъ смуглымъ чертамъ что-то суровое и подчасъ свирѣпое; выпрямивъ свой стройный еще станъ и гордо подбоченившись, они съ видимымъ призрѣніемъ смотрѣли на жужжавшее вокругъ нихъ обмельчавшее поколѣніе. Тамъ-и-сямъ мелькалъ бородатый попъ въ уродливой шляпѣ, похожей на черный грибъ, или гремѣлъ шпорами щеголеватый офицеръ. Все это шумѣло, выходило, снова входило, словомъ, вело себя совершенно безцеремонно. Замѣтивъ, что роскошная сосѣдка моя оживленно перемигивалась съ однимъ изъ депутатовъ лѣвой стороны, смирно сидѣвшимъ на своемъ мѣстѣ, я предполагалъ въ ней близкое знакомство съ парламентскимъ міромъ и рѣшился просить ея милостиваго руководства. Предпріятіе было легко задумано, но при исполненіи явились неожиданныя трудности. Пришлось собирать скудныя крупицы моихъ познаній въ греческомъ языкѣ. Послѣ усиленнаго умственнаго труда, мнѣ удалось, наконецъ, соорудить фразу, за которой мое авторское самолюбіе признало даже нѣкоторую долю изящества. Я смѣло поднесъ это литературное произведеніе моей Аріаднѣ *in spe*, и она, какъ показалось мнѣ, приняла посвященіе довольно благосклонно; но не успѣли мы обмѣняться двумя словами, какъ въ разговоръ вмѣшался какой-то сидѣвшій позади французикъ съ остроконечной бородкой, и немедленно монополизировалъ его. Онъ осадилъ меня такимъ потокомъ вопросовъ, что я едва успѣвалъ вставить слово, да и не нужно было: онъ и спрашивалъ, и отвѣчалъ самъ, изрѣдка покалачивая меня пріятельски по плечу. —Monsieur est étranger? Je l'ai aussi reconnu à son accent! Elle est diablement difficile, la langue du pays, hein? Monsieur est sans doute Français? Non? c'est bien dommage! Anglais, peut-être?... Russe! ah!... un beau pays, Monsieur!... On aime beaucoup les Russes chez nous!... Nous sommes nés pour être amis... je l'ai toujours dit, moi!... ah, Monsieur, la guerre de Crimée était une bien grande faute... Oui, madame,— тутъ французъ быстро обернулся къ толстой дамѣ и внушительно, даже строго, посмотрѣлъ на нее,—si nous avions eu la Russie avec nous, il y a deux ans!...—Онъ глубоко вздохнулъ и потупилъ голову, забывъ договорить начатую фразу; моя сосѣдка такъ и не узнала, что бы

вышло изъ этой дипломатической комбинаціи. Но самая гражданская скорбь не могла надолго привязать неутомимый языкъ моего новаго пріятеля. Чрезъ минуту, онъ, встряхнувъ курчавой головой, уже продолжалъ: Pour moi, je suis Français, Monsieur l'a deviné... de Tarbes... et je ne m'en vante pas du train dont ça va chez nous!.. je suis dans les affaires,... employé chez Philip... Philip frères, Vous savez? rue d'Hermes... Oh! je connais beaucoup son Excellence Monsieur le Ministre de Russie,... il se fournit chez nous... и т. д. — и расходившійся комми уже собирался подробно изложить мнѣ свои глубокомысленныя, яро-бонапартистскія соображенія по поводу послѣдней войны; но я перебилъ его. У меня нешутя заболѣла голова; къ тому же, мнѣ жаль стало бѣдной сосѣдки. Она сначала снисходительно относилась къ неугомонной болтовнѣ моего француза и даже умильно улыбалась, когда ему случалось къ ней обращаться, хотя, повидимому, не понимала ни слова. Но, когда въ залѣ раздался шумъ и тотъ самый депутатъ, съ которымъ она обмѣнивалась телеграфическими знаками, кажется, мужъ ея, торопливо взбѣжалъ на трибуну и, махая длинными, костлявыми руками, началъ съ большою горячностью нести какую-то чепуху, толстая дама мгновенно вся превратилась въ слухъ. Между тѣмъ, французъ все трещалъ у ней надъ ухомъ, и за его визгливымъ голосомъ трудно было что-нибудь разобрать. Сосѣдка стала обнаруживать признаки явнаго нетерпѣнія; взгляды ея, по временамъ обращаемые къ неистощимому говоруну, выражали въ первыя минуты лишь трогательную мольбу, но, подъ конецъ, стали дышать положительной злобой. Я рѣшился спасти ее и себя, и, прервавъ политическія размышленія рьянаго Alfred Lecoq'а, шопотомъ попросилъ его показать мнѣ въ толпѣ тѣ личности, которыхъ имена всего чаще слышались мнѣ въ послѣднее время. Нисколько не обидѣвшись, онъ тотчасъ принялся отыскивать мнѣ глазами парламентскихъ корифеевъ. Послѣдуемъ за нимъ.

Въ залѣ, въ это время, говоръ, бѣготня и гамъ кипѣли пуще прежняго; ни дать, ни взять, еврейскій шабашъ. Горячившагося съ трибуны оратора слушала одна лишь жена. Особеннымъ оживленіемъ отличалась группа, собравшаяся вокругъ полнаго пожилыхъ лѣтъ господина въ очкахъ. Несмотря на свирѣпыя рыжеватыя съ просѣдью усы, черты его выражали скорѣе добродушно-плутоватый юморъ. Онъ, повидимому, неудостоивалъ большого вниманія толки спорившихъ и только изрѣдка, согнувъ толстую шею, разсѣянно моталъ головой; пронырливые глазки его, между тѣмъ, чрезъ очки слѣдили за движеніями маленькаго Заимиса, который что-то суетился на другомъ концѣ залы...—Не Кумундурусъ ли?—спросилъ я на-угадъ, и, дѣйствительно, не ошибся. Въ двухъ шагахъ отъ этой группы, при-

слонясь къ окну, въ граціозной позѣ, одиноко рисовался Делигеорги; любуясь на его сухопарую фигурку съ острымъ носикомъ и жиденькой бородкой, на его томно закатившіеся подъ потолокъ зрачки, мнѣ почему-то казалось, что онъ вотъ сейчасъ откашляется, чтобъ прочистить голосъ и запоетъ: *Raggio dé amor parea*, или что-нибудь подобное... На самомъ краю скамьи министровъ, обернувшись почти спиною къ трибунѣ, сидѣлъ Булгарисъ и сухо, отрывисто давалъ какія-то инструкціи смиренно стоявшему предъ нимъ депутату. Съ перваго взгляда, судя по гладко-выбритому лицу его, по мѣховой душегрѣйкѣ и болтавшейся до пятокъ шелковой, полосатой юбкѣ, его можно было-бы принять за толстую, приземистую старуху, если-бъ не длинный сѣдой усъ и не суровые глаза, въ которыхъ изъ-подъ густыхъ бровей по временамъ сверкала мрачная, грубая энергія... Шумъ въ залѣ началъ стихать. Удушливая жара, постепенно усиливавшаяся съ приближеніемъ полдня, производила свое притупительное дѣйствіе. Мужъ моей сосѣдки, истощивъ наконецъ принесенный имъ на трибуну запасъ доводовъ, уже сидѣлъ въ совершенномъ изнеможеніи на своемъ прежнемъ мѣстѣ и, утирая раскраснѣвшееся лицо, безсмысленно смотрѣлъ на галлерею, откуда восторженная подруга жизни слала ему цѣлый градъ мимическихъ поощреній. Дѣло, какъ оказалось, шло о повѣркѣ какихъ-то выборовъ, кажется, въ Пелопоннезѣ, гдѣ кандидатъ— булгаристъ—отличился особенною безцеремонностью. Пренія приходили къ концу. По ступенькамъ эстрады не взошелъ, а скорѣе взбѣжалъ быстрыми, неровными шагами какой-то депутатъ, очень смуглый, но благовидной наружности, съ черными какъ смоль усами и бородкой, и въ изящномъ глубокомъ траурѣ. Его желчныя, нервныя черты и безпокойные глаза выражали досаду, и небольшая рука въ натянутой черной перчаткѣ нетерпѣливо стучала по столику, пока онъ шепталъ что-то на ухо нагнувшемуся къ нему президенту. Тотъ кивнулъ ему головой и въ свою очередь пробормоталъ нѣсколько словъ, съ которыми господинъ въ траурѣ и поспѣшилъ къ ждавшему его, зѣвая, высокому, худощавому и сѣдому какъ лунь старику.—Кто это? спросилъ я француза.—C'est le vieux Lombardo... et l'autre en deuil, c'est Monsieur de Tricoupi... 'Un bon client!... Не успѣлъ онъ договорить, какъ раздался президентскій звонокъ. Разбредшіеся депутаты лѣниво возвращались къ своимъ мѣстамъ. Приступили къ подачѣ голосовъ, но я не дождался ея результата; жара и спертый воздухъ становились положительно невыносимы. Простившись съ сосѣдкой и съ словоохотливымъ комми и спустившись по узкой лѣстницѣ, я снова вышелъ на палящее солнце, которое, послѣ удушливой атмосферы, показалось мнѣ блаженствомъ. На другой день я узналъ по газетамъ, что булгаристъ *à poigne*

блистательно выдержалъ искусъ и прошелъ значительнымъ большинствомъ.

Впрочемъ, этотъ успѣхъ отнюдь не былъ единственной, ни первой побѣдой Булгариса вначалѣ сессіи. Повѣрка выборовъ оказалась для него непрерываемымъ торжествомъ, чѣмъ онъ, конечно, обязанъ недостатку единства и разрозненности интересовъ между явными и тайными его врагами. Пятая партія немедленно открыла противъ него ожесточенную борьбу, обвиняя перваго министра и его клевретовъ въ безстыдной манипуляціи избирательной урны. Но одинъ въ полѣ не воинъ! Не надѣясь собственными средствами выиграть дѣло, она рѣшилась протянуть руку такъ недавно покинутому ею Кумундуросу, гарантируя ему свое содѣйствіе, если онъ согласится разорвать всякую связь съ Булгарисомъ и соединенными силами требовать кассированія тѣхъ выборовъ, въ которыхъ за друзьями эксдиктатора обнаружились самыя грязныя продѣлки. Кумундуросъ колебался. Съ одной стороны, это сближеніе было для него несомнѣнно выгодно; дѣйствуя съ нѣкоторою ловкостью, онъ могъ надѣяться вновь завербовать подъ свое знамя признанныя дарованія и не запятнанное имя вожаковъ этого кружка, и уничтожить въ своей партіи сѣмя опаснаго раскола. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предвидѣлъ, что Булгарису, какъ представителю власти, легко будетъ захватить въ свои руки бóльшую часть блуждающихъ голосовъ, которыхъ всегда и вездѣ тянетъ къ сильнѣйшему,—и боялся начать битву въ невыгодныхъ условіяхъ. Даже въ союзѣ съ ультра-парламентаристами, успѣхъ казался ему сомнительнымъ. Пока онъ медлилъ, палата утверждала, одно за другимъ, самыя скандальныя избранія булгаристской партіи, и непріятельскія силы росли съ каждымъ днемъ. Между тѣмъ, очередь дошла до повѣрки нѣкоторыхъ выборовъ, въ которыхъ депутаты изъ кумундуристовъ тоже, говорятъ, не совсѣмъ чисто завоевали себѣ мѣста въ парламентѣ. Союзники до тѣхъ поръ шли еще довольно дружно и въ числѣ голосовъ, отстоявшихъ спорныя права булгаристовъ, были и всѣ почти голоса, принадлежавшія Кумундуросу. Но тутъ произошелъ въ ихъ отношеніяхъ разительный переворотъ. Партія Булгариса, какъ одинъ человѣкъ, подала голосъ противъ дѣйствительности кумундуристскихъ выборовъ и нашла себѣ неожиданную поддержку въ лицѣ своего заклятаго врага, Делигеорги, который, со всѣми своими, перешелъ на ея сторону. Видѣть блестящаго вождя оппозиціи въ рядахъ министерскаго большинства казалось многимъ до такой степени страннымъ, что, разсчитывая на немедленный кризисъ, приписывали Делигеорги намѣреніе принять наслѣдство Кумундуроса и, вмѣстѣ съ Булгарисомъ, образовать новую правительственную комбинацію. Подобныя заключенія оказались

однако преждевременными. Гораздо естественнѣе объяснить этотъ фактъ желаніемъ напортить въ одно и то же время Кумундуросу, ослабивъ его нѣсколькими голосами, и Булгарису, озлобивъ противъ него кумундуристовъ. Если таковъ былъ разсчетъ Делигеорги, то онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Хотя между вождями коалиціи и не произошло немедленнаго разрыва, а напротивъ, Кумундуросъ, чувствуя свое безсиліе, повидимому, даже тѣснѣе сблизился съ первымъ министромъ, но всякій безъ труда могъ понять, что это сближеніе было лишь наружнымъ. Мнѣ пришлось въ это самое время встрѣчаться въ одномъ греческомъ домѣ съ двумя-тремя депутатами изъ его партіи, которые открыто выражали свое негодованіе по поводу вѣроломства булгаристовъ, и не иначе отзывались о своихъ союзникахъ, какъ съ положительною ненавистью.

Въ общемъ, эта передовая стычка не отозвалась значительными результатами на взаимныхъ отношеніяхъ парламентскихъ партій. Булгарисъ вышелъ изъ нея замѣтно крѣпче, а силы Кумундуроса упали въ обратной пропорціи; но, несмотря на явные признаки внутренняго разлада и вражды, соединенное министерство продолжало еще существовать. Делигеорги далъ лишь временный *coup d'épaule* Булгарису и затѣмъ немедленно вернулся на скамью оппозиціи. Пятая же партія осталась въ прежнемъ, изолированномъ положеніи.

На публику исходъ повѣрки выборовъ произвелъ впечатлѣніе неблагопріятное. Злоупотребленія были такъ гласны, такъ возмутительны, что снисходительность къ нимъ палаты могла, по справедливости, показаться странною, если не хуже. Чего можно было ожидать отъ собранія, которое съ такимъ радушіемъ принимало въ свои объятія людей, подлежавшихъ уголовному суду, укрывая ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Болѣе всѣхъ негодовалъ король. Въ его глазахъ и министерство, и палата, заклеймившіе себя подобными начинаніями, не заслуживали болѣе ни довѣрія, ни особенныхъ съ ними церемоній. Чуть ли не съ этой минуты созрѣлъ въ его умѣ тотъ рѣшительный планъ, съ которымъ мы познакомимся впослѣдствіи.

7-го іюня, палата приступила къ избранію себѣ президента. Партіи, будто, устали послѣ ожесточенной двухнедѣльной борьбы и заключили временное перемиріе. По крайней мѣрѣ въ этотъ день не видно было ни кумундуристовъ, ни делигеоргистовъ; собраніе, казалось, слилось въ одну душу и дружно, съ энтузіазмомъ, провозгласило президентомъ Спиро Миліо. Трогательная картина! Но кто же, спросятъ меня, этотъ счастливецъ, этотъ добродѣтельный гражданинъ, настолько пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, что при имени его умолкаютъ враждебныя страсти? Генералъ Спиро Миліо, видите ли, не кто иной, какъ тотъ самый Спиро Миліо, который, будучи воен-

нымъ министромъ въ горячую эпоху кандійскаго вопроса, а именно когда Греція готовилась обнажить свой игрушечный мечъ въ защиту страждущихъ братій,—долженъ былъ оффиціально признаться, что суммы, предназначенныя для покупки скорострѣльнаго оружія, употреблены имъ на болѣе мирные домашніе расходы.

Къ несчастію, въ слѣдующее же засѣданіе стало ясно, что одно лишь поголовное сознаніе заслугъ этого доблестнаго мужа могло вынудить самые непріязненные лагери къ единогласію. На очереди былъ выборъ вице-президентовъ. Всѣ кандидаты, выставленные большинствомъ, проходили благополучно; но, какъ только дѣло дошло до Кризіотти, единственнаго кандидата изъ кумундуристовъ, партія Булгариса, повторяя прежній маневръ, пристала къ оппозиціи и забаллотировала его. Это было тѣмъ болѣе нагло, что предварительное назначеніе кандидатовъ состоялось по обоюдному соглашенію. Терпѣніе Кумундуроса, наконецъ, лопнуло, и онъ въ тотъ же день объявилъ своему мнимому союзнику, что, въ виду подобнаго образа дѣйствій, о продолженіи коалиціи не можетъ быть и рѣчи. Булгарисъ, повидимому, не ожидалъ такой быстрой развязки. Одумавшись, онъ, вѣроятно, разсчелъ, что его министерству трудно будетъ устоять, если къ оппозиціи съ пятой партіей присоединятся еще 50 голосовъ Кумундуроса. Ему удалось-таки склонить послѣдняго на примиреніе, и, чтобы загладить свою вину, онъ на другой день самъ предложилъ палатѣ вторичную баллотировку Кризіотти, который на этотъ разъ прошелъ блистательно.

На слѣдующей недѣлѣ, новый президентъ и вице-президенты оффиціально представились королю, который, между тѣмъ, находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ парламентской повѣрки выборовъ. Принимая поданный ему отвѣтный адресъ палаты, онъ, говорятъ, очень сухо замѣтилъ президенту, что собраніе могло бы добросовѣстнѣе отнестись къ избирательному вопросу. Употребленныя имъ при этомъ выраженія были до такой степени рѣзки, что Спиро Миліо не рѣшился взять на себя передачу королевскихъ словъ и, отзываясь плохою памятью, просилъ Георгія сообщить палатѣ ихъ сущность письменно. Король согласился. Въ препровожденномъ имъ на другой день посланіи, форма была значительно смягчена, но даже въ этомъ видѣ оно возбудило между депутатами громкій ропотъ. Въ преніяхъ, возникшихъ по этому поводу, высказался довольно небрежный взглядъ народнаго представительства на права монархической власти. Булгарису, какъ первому министру, приходилось, по конституціоннымъ принципамъ, отстаивать неприкосновенность королевскаго посланія противъ нападокъ враждебной критики, но онъ съ замѣтной холодностью отнесся къ своей обязанности; да и мудрено было

ему осуждать палату за утвержденіе противузаконныхъ выборовъ, когда въ этомъ дѣлѣ она была лишь его орудіемъ. Дѣло кончилось ничѣмъ; но размолвка между королемъ съ одной стороны, министерствомъ и парламентомъ съ другой, теперь еще рѣзче обозначилась.

Не успѣло собраніе отдохнуть послѣ этого эпизода, какъ неотвязчивый вопросъ объ избирательныхъ злоупотребленіяхъ поднялъ въ немъ новую бурю. Главную роль играла на этотъ разъ пятая партія. Мы видѣли, что попытка ультра-парламентаристовъ путемъ прямыхъ переговоровъ съ Кумундуросомъ добиться распаденія ненавистной министерской коалиціи—не увѣнчалась успѣхомъ. Она рѣшилась измѣнить теперь свою тактику и повести аттаку на самого Кумундуроса и его друзей, разсчитывая, что булгаристы, по прежнимъ примѣрамъ, выдадутъ своихъ союзниковъ головою, и что слабая нить, еще связывающая пока составныя части министерства, наконецъ, не выдержитъ. Ближайшей мишенью былъ выбранъ Метакса, министръ юстиціи изъ кумундуристовъ, о которомъ мнѣ уже случилось упоминать по поводу его циркулярной полемики съ военнымъ министромъ. Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, Ломбардо вдругъ потребовалъ отъ него объясненія, почему за его управленіе министерствомъ оказывается совершенно безпримѣрное количество представленій о помилованіи, многія изъ которыхъ не оправдываются никакими законными основаніями, и почему бóльшая часть этихъ представленій совпадаетъ съ эпохой выборовъ? Взятый въ расплохъ Метакса смѣшался и, не вполнѣ отрицая справедливость взведеннаго противъ него обвиненія, старался отдѣлаться лишь намекомъ, будто самъ Ломбардо, когда былъ министромъ юстиціи, представилъ вдвое болѣе его преступниковъ къ помилованію. Завязалась ожесточенная борьба, длившаяся цѣлую недѣлю и въ которой перевѣсъ, очевидно, остался на сторонѣ Ломбардо. Онъ доказалъ Метаксѣ письменными документами неосновательность и недобросовѣстность его наговоровъ и заставилъ его самого сознаться въ томъ, что при нѣкоторыхъ представленіяхъ онъ упустилъ изъ виду требуемыя закономъ формальности. Булгаристы только того и ждали. Самымъ ярымъ изъ ихъ партіи уже со времени повѣрки выборовъ казалось, что они теперь въ силахъ обойтись безъ Кумундуроса и его друзей. Зачѣмъ же дѣлиться добычей съ ненужными союзниками? Зачѣмъ долѣе оставлять въ ихъ рукахъ портфели, правда незначительные, но для которыхъ найдутся охотники и между булгаристами. *Ubi robur, ibi potestas*! Самъ Булгарисъ, какъ мы видѣли, не искалъ пока рѣшительнаго разрыва, но онъ не могъ болѣе сдерживать завистливо-корыстныя побужденія своихъ приверженцевъ. Чтобы они вырвались наружу, достаточно было искры, и эта искра какъ разъ нашлась. Булгаристы, какъ голодные волки,

вцѣпились въ бѣднаго Метаксу, предполагая съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что оскорбленные въ его лицѣ министры союзной партіи обидятся и подадутъ въ отставку. Депутатъ Петмеза предложилъ собранію выразить строгое неодобреніе противузаконныхъ поступковъ министра юстиціи, и упомянуть между прочимъ, что неодобреніе это падаетъ на одного лишь Метаксу, а не распространяется на остальныхъ членовъ министерства. Чуя ударъ, Кумундуросъ горячо вступился за принципъ министерской солидарности, доказывая, что подобное различіе было бы противно всѣмъ парламентскимъ традиціямъ и что за административныя ошибки каждаго изъ министровъ долженъ отвѣчать предъ палатою не онъ одинъ, а весь кабинетъ цѣликомъ. Вслѣдъ за нимъ всталъ Николопуло, министръ внутреннихъ дѣлъ, зять Булгариса и его правая рука. Всѣ эти обстоятельства должны были придать его словамъ особенный интересъ; всякій не безъ основанія видѣлъ въ нихъ оффиціальное заявленіе булгаристской фракціи министерства и самого Булгариса. Кумундуристы разсчитывали встрѣтить въ немъ содѣйствіе; примиреніе было такъ свѣжо, обѣщанія Булгариса такъ положительны, что имъ не вѣрилось въ возможность новой измѣны. Дѣйствительно, въ началѣ своей рѣчи, Николопуло, ради приличій, сказалъ нѣсколько небрежныхъ словъ въ защиту административной дѣятельности Метаксы, но затѣмъ немедленно объявилъ за себя и за своихъ товарищей, что каждый министръ, по ихъ мнѣнію, дѣйствуетъ въ своей сферѣ совершенно самостоятельно и долженъ нести за свои дѣйствія отдѣльную отвѣтственность; поэтому какъ онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, такъ и прочіе члены правительства изъ партіи Булгариса, единогласно отклоняютъ отъ себя всякую солидарность съ министромъ юстиціи и приписываемыми ему противузаконными поступками. Въ заключеніе, Николопуло коварно просилъ палату не клеймить Метаксу своимъ неодобреніемъ, а, закончивъ пренія по этому вопросу, перейти къ очереднымъ занятіямъ. Его предложеніе было тутъ же баллотировано и принято большинствомъ голосовъ.

Это засѣданіе 22-го іюня—особенно знаменательно въ хроникѣ минувшей сессіи. Оно имѣло на судьбы министерства и самой палаты большое вліяніе, и въ немъ слѣдуетъ видѣть, по-французскому выраженію, *le commencement de la fin*. До тѣхъ поръ коалиція, несмотря на направленныя противъ нея усилія и на симптомы внутренняго разлада, еще кое-какъ держалась; на поверхности союзъ оставался неприкосновеннымъ. Рѣчь Николопуло нанесла ему рѣшительный ударъ. Съ этой минуты дѣло быстрыми шагами приближается къ окончательной развязкѣ.

Въ лагерѣ кумундуристовъ господствовало, между тѣмъ, совершенное смятеніе. Всѣхъ ближе затронутъ былъ Метакса, который немедленно и подалъ въ отставку. Но, отправившись на слѣдующій день въ Татой (загородное королевское помѣстье, въ которомъ въ то время находился дворъ), чтобы доложить королю о причинахъ принятаго имъ рѣшенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ ему подробную оправдательную записку съ изложеніемъ всего хода дѣла; содержаніе ея въ то же время сообщено было и мѣстнымъ газетамъ. Записка эта проливаетъ довольно неблаговидный свѣтъ на тактику булгаристовъ, со стороны которыхъ не появилось на приводимые факты никакого печатнаго опроверженія; изъ нея, между прочимъ, оказывается, что тѣ представленія о помилованіи, за которыя Николопуло такъ ядовито слагалъ съ себя и своихъ товарищей всякую отвѣтственность, сдѣланы были не съ единоличнаго рѣшенія Метаксы, но по коллективному распоряженію совѣта министровъ, въ которомъ булгаристы, какъ извѣстно, имѣли перевѣсъ, а самъ Николопуло игралъ не послѣднюю роль.

Прочіе члены правительства изъ кумундуристовъ готовы были послѣдовать примѣру министра юстиціи и возвратить свои портфёли, но предводитель ихъ былъ другого мнѣнія. Удалиться теперь—значило для него признаться побѣжденнымъ. Онъ не могъ не сознавать, что коалиція фактически распалась, но ему хотѣлось лишь на нѣсколько дней продлить ея оффиціальное существованіе. На очереди стоялъ вопросъ о Лауріумѣ, при рѣшеніи котораго Булгарисъ долженъ былъ столкнуться не только съ народнымъ чувствомъ, но даже съ закоренѣлыми предубѣжденіями многихъ депутатовъ изъ его собственной партіи. Тутъ-то предстоялъ Кумундуросу случай разорвать съ нимъ союзъ въ болѣе выгодныхъ, и даже блестящихъ условіяхъ. Переходя въ оппозицію не изгнанникомъ, а защитникомъ интересовъ страны, онъ могъ сразу возвратить своему имени прежнюю популярность, обратить теперешнее торжество Булгариса въ постыдное пораженіе и, по всѣмъ вѣроятіямъ, обезпечить за собой его наслѣдство. Планъ былъ конечно не дуренъ. Руководствуясь имъ, Кумундуросъ удержалъ на время свою партію отъ рѣшительнаго взрыва, оставилъ за своими друзьями (кромѣ злополучнаго Метаксы) мѣста занимаемыя ими въ министерствѣ, а въ отношеніи Булгариса ограничился пока краткимъ, но многозначительнымъ заявленіемъ. Замѣтивъ ему, что, въ виду демонстраціи 22-го іюня, коалиція не можетъ долѣе существовать на прежнихъ условіяхъ, онъ предупредилъ перваго министра, что не будетъ впредь считать себя безусловно связаннымъ его парламентской политикой, и предоставляетъ по нѣкоторымъ вопросамъ себѣ и своей партіи извѣстную свободу дѣйствій. На другой

же день, по поводу гидріотскаго вознагражденія, возникло между союзниками разногласіе, и Кумундуросъ отказался поддерживать министерскій проектъ. Вотъ дѣло въ двухъ словахъ.

Нѣкоторыя семейства съ острововъ Гидры, Спецціи и Псары пожертвовали въ 20-хъ годахъ большую часть своего имущества на поддержаніе народнаго возстанія. Греція стала свободною, но многіе изъ жертвователей, разорившись кругомъ, потребовали вознагражденія. Да и прочіе (кто себѣ врагъ?) находили справедливымъ, чтобы благодарное отечество возмѣстило имъ израсходованныя суммы, пожалуй и съ лихвою. Грекъ, какъ всѣмъ извѣстно, горячій патріотъ, но, съ другой стороны, и человѣкъ коммерческій. Когда эти островитяне не задумываясь бросали сотни тысячъ на святое дѣло, они, конечно, не разсчитывали на отдаленный, а въ то время даже очень сомнительный шансъ вернуть свои деньги. Но, какъ только явилась возможность получки, они немедленно принялись представлять аптекарскіе счеты съ процентами, коммиссіей, косвенными убытками, и проч. Между ними, впрочемъ, встрѣчались и такіе аферисты, которые, не истративъ ровно ничего, призывали всѣхъ угодниковъ въ свидѣтели, что положили послѣднюю копѣйку на алтарь отчизны. Бюджетъ былъ обложенъ правильной осадой. Чтобы отдѣлаться, наконецъ, отъ докучливыхъ благодѣтелей, греческое правительство рѣшилось нарядить коммиссію для приблизительной оцѣнки безспорныхъ претензій. Ихъ оказалось на сумму около 20-ти милліоновъ, и съ этой-то суммы положено было выдавать жертвователямъ по 1% въ годъ, т.-е. 200,000 драхмъ. Процентъ, дѣйствительно ничтожный, но ничтожны и средства страны! А если принять въ соображеніе, что существуютъ другіе кредиторы (напр. владѣльцы заемныхъ облигацій 1824-го и 1825-го годовъ), которымъ Греція по сіе время не платитъ ни капитала, ни процентовъ, — и вспомнить притомъ, что пожертвованія островитянъ были совершенно добровольны, то участь ихъ покажется сравнительно завидною. Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, большинство страны; но не таково мнѣніе гидріотовъ, спецціотовъ, и псаріотовъ, принужденныхъ довольствоваться столь скудной подачкой. Я выше упомянулъ, что Булгарисъ родомъ изъ Гидры, и что политическій авторитетъ его главнымъ образомъ основывается на томъ вліяніи, которымъ онъ пользуется между населеніемъ упомянутыхъ острововъ. Для него, слѣдовательно, вопросъ этотъ имѣетъ интересъ личный, домашній, тѣмъ болѣе, что семейство Булгарисовъ, а равно и многочисленная ихъ родня, принадлежитъ къ числу главныхъ кредиторовъ правительства. Подъ вліяніемъ такихъ-то хозяйственныхъ побужденій, первый министръ изготовилъ проектъ закона о возвышеніи уплачиваемой ежегодно суммы до 4%, т.-е. 800,000

драхмъ. Проектъ этотъ представленъ былъ на разсмотрѣніе палаты, но встрѣтилъ въ ней убійственно-холодный пріемъ. Большинство депутатовъ не стѣснялось громко выражать свое негодованіе. Въ такую ли минуту думать о рыцарскихъ щедротахъ, когда средствъ страны не достаетъ на самыя существенныя ея нужды, когда со всѣхъ сторонъ возникаютъ новыя, безотлагательныя потребности? Самые отъявленные булгаристы (конечно, не изъ островитянъ) сознавались, что патронъ ихъ хватилъ черезъ край! Кумундуросъ, какъ мы видѣли, наотрѣзъ объявилъ, что со всею своей партіей подастъ голосъ противъ новаго закона. Видя подобное настроеніе, Булгарисъ счелъ за лучшее взять назадъ свой проектъ.

Этотъ характеристическій эпизодъ прошелъ, однако, почти незамѣченнымъ. Общее вниманіе было поглощено другимъ, капитальнымъ вопросомъ, который не сегодня-завтра долженъ былъ поступить на публичное обсужденіе собранія, — вопросомъ о лауріумскихъ рудникахъ. Въ первомъ моемъ письмѣ, я старался въ главныхъ чертахъ изложить исторію этого вопроса по самый день открытія палаты: какъ возникъ онъ, какъ сдѣлался орудіемъ политическихъ интригъ и какъ, наконецъ, изъ чисто фискальной сферы перешелъ на почву международную. Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ ходѣ его до описываемой мною теперь минуты.

Въ этотъ промежутокъ времени, лауріумское дѣло, повидимому, значительно подвинулось къ окончательному разрѣшенію. Французское и итальянское правительства не настаивали на предложенномъ ими, въ концѣ 1871-го года, третейскомъ судѣ и изъявляли готовность на всевозможныя уступки греческому народному чувству, лишь бы уважены были законныя требованія компаніи Серпіери-Ру. Съ своей стороны, коалиціонный кабинетъ, находившійся во главѣ управленія, казалось, понялъ, что, упорствуя въ самовольномъ присвоеніи чужого добра, онъ можетъ навлечь на Грецію второе изданіе исторіи Пацифико, и тѣмъ легче склонялся на мысль о мировой сдѣлкѣ, что самый предметъ спора — *гальды* (рудоносныя земли) потеряли для него часть своихъ очарованій. Дѣйствительно, розысканія берлинскаго эксперта барона Дюкера привели къ заключенію, что общая цѣнность ихъ простирается не болѣе какъ милліоновъ на 25 франковъ. Что же касается компаніи, то она расположена была принять даже наиболѣе выгодныя для Греціи условія, лишь бы какъ-нибудь покончить. Отсрочка рѣшенія отзывалась на ея дѣлахъ большимъ ущербомъ, потому что *скоріи* (остатки прежней эксплуатаціи), составлявшія главный источникъ ея доходовъ, во многихъ мѣстностяхъ перемѣшаны съ гальдами, и секвестръ, наложенный на послѣднія, парализовалъ разработку даже и самыхъ скорій.

Итакъ, оставалось только найти способъ соглашенія, который бы удовлетворялъ по возможности компанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ не противорѣчилъ бы закону 1871-го года, объявлявшему гальды народною собственностью. Такихъ способовъ представлялось два: 1) пріобрѣтеніе греческимъ правительствомъ у компаніи ея концессіонныхъ правъ, со включеніемъ, конечно, и притязаній ея на гальды, но безъ упоминанія ихъ въ условіи; либо 2) ассоціація между греческимъ правительствомъ и компаніей, причемъ доходы съ разработки всего минеральнаго богатства, находящагося въ Лауріумѣ, дѣлились бы между ними поровну. Первый проектъ казался наименѣе выгоднымъ для Греціи, такъ какъ для покупки концессіи ей приходилось сдѣлать заемъ, и притомъ, врядъ ли на очень легкихъ условіяхъ. На немъ-то греческое министерство, Богъ знаетъ почему, и предпочло остановиться. По этому поводу даже ходили въ враждебномъ лагерѣ довольно неблаговидныя догадки. Какъ бы то ни было, обѣ стороны условились на принципѣ, но касательно суммы вышло между ними разнорѣчіе. Компанія просила 20 милліоновъ; министерство же, основываясь на составленной имъ оцѣнкѣ, давало всего 12 милліоновъ драхмъ—около 3 милліоновъ рублей. За эту, сравнительно-ничтожную сумму Греція должна была пріобрѣсть не только гальды и скоріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленныя постройки, сдѣланныя компаніей, всю ея движимость и даже устроенную ею на мѣстѣ желѣзную дорогу! Куда дѣвались сотни милліоновъ, когда-то приснившіеся экспертамъ первой коммиссіи и возбудившіе такой азартъ въ греческомъ обществѣ? Однако компанія не подавалась на такую значительную сбавку. Булгарисъ рѣшился, наконецъ, помириться на 16-ти милліонахъ и составилъ съ концессіонерами проектъ условія, который въ теченіе недѣли предполагалъ представить на обсужденіе и окончательную санкцію палаты. Въ поддержкѣ Кумундуроса онъ и не думалъ сомнѣваться. Всѣ предшествовавшіе переговоры ведены были съ вѣдома его союзника и, въ большинствѣ случаевъ, даже съ личнымъ его участіемъ. На заявленіе его послѣ рѣчи Николопуло, Булгарисъ смотрѣлъ какъ на временную вспышку, немогущую имѣть серьёзнаго вліянія на солидарность ихъ по лауріумскому вопросу. Каково же было его удивленіе, когда Кумундуросъ, выждавшій наконецъ желанную минуту, объявилъ ему, что не хочетъ знать другой цифры какъ ту, которая опредѣлена министерской оцѣнкой, что сумму въ 16-ть милліоновъ находитъ чрезмѣрно преувеличенною, а такъ какъ министерство уже связано съ компаніей положительными обязательствами, то, не видя возможности устранить разногласіе, онъ разрываетъ союзъ, друзья его выходятъ изъ кабинета и, при баллотировкѣ проекта, присоединятся къ оппозиціи.

Булгарисъ совершенно растерялся. Отступить было невозможно, потому что со всѣхъ сторонъ его понуждали и торопили. Концессіонеры напоминали ему данныя обѣщанія, французскій и итальянскій министры слали угрожающія ноты, наконецъ, самъ король настаивалъ на скорѣйшемъ рѣшеніи вопроса. Ему оставался послѣдній шансъ: вести дѣло на приступъ, и дружнымъ напоромъ своей партіи, съ прибавкой, можетъ быть, десятковъ двухъ перебѣжчиковъ и безцвѣтныхъ голосовъ, пронести законъ хотя-бы самымъ ничтожнымъ большинствомъ. На другой день, а именно 1-го іюля, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ депутатовъ, слѣдовавшихъ въ палатѣ за его знаменемъ, намѣреваясь воодушевить ихъ предъ рѣшительнымъ боемъ. Но здѣсь ждало его другое, еще горшее разочарованіе. Мнѣ уже случилось мимоходомъ сказать, что многіе изъ булгаристовъ по лавріумскому вопросу раздѣляли въ душѣ народныя страсти и предубѣжденія. Въ представленномъ имъ проектѣ условія они увидѣли не что иное, какъ замаскированную покупку гальдъ, то-есть покушеніе на ихъ палладіумъ—законъ 1871 года, и точь-въ-точь паппенгеймскіе кирасиры въ извѣстной сценѣ „Валленштейна“ съ грустью, но на отрѣзъ отказались поддерживать своего стараго вождя въ его анти-патріотическомъ предпріятіи. Такихъ диссидентовъ оказалось около 30-ти.

Дѣло казалось безвозвратно проиграннымъ, но въ сердцѣ Булгариса еще жилъ слабый лучъ надежды. Ему не вѣрилось, чтобы цвѣтъ его арміи, давшій ему столько доказательствъ безграничной преданности и послушанія, могъ серьёзно помышлять объ измѣнѣ. Ужъ черезъ-чуръ имъ, бѣднымъ, жарко стало въ Аѳинахъ,—думалъ онъ,—оттого они и выбились изъ рукъ! Попробую распустить ихъ по домамъ на лѣтнія вакаціи! быть можетъ, къ осени они вернутся уступчивѣе!—И, рѣшившись подвергнуть своихъ заблудшихъ овецъ такому физіологическому опыту, онъ поѣхалъ къ королю, который, между тѣмъ, при первой вѣсти о министерской неурядицѣ прискакалъ въ городъ. Король очень холодно выслушалъ его докладъ о случившемся разногласіи и даже не улыбнулся, говорятъ, на остроумное предложеніе: лечить оппозицію деревенскимъ воздухомъ. — Вы просите трехмѣсячной отсрочки, чтобы убѣдить вашихъ друзей, — отвѣтилъ онъ на доводы перваго министра, — а я даю вамъ не болѣе трехъ дней! Распорядитесь какъ знаете, но проектъ долженъ быть въ этотъ срокъ представленъ палатѣ!—„Но, ваше величество, невозможно...“—Я этого требую! — „Мы принуждены будемъ подать въ отставку!“—Что же, подавайте; только поскорѣе!—Таковъ, по городскимъ толкамъ, былъ общій смыслъ, если не буквальное содержаніе этого любопытнаго разговора. Очевидно, король пріѣхалъ съ предвзятымъ намѣреніемъ

не спасти министерство, а сломать ему шею. Покончивъ съ Булгарисомъ, онъ немедленно послалъ за Делигеорги и поручилъ ему составить новый кабинетъ. На другой день, въ воскресенье 2-го іюля списокъ лицъ, вошедшихъ въ составъ его, уже ходилъ по рукамъ. Первымъ министромъ и внутреннихъ дѣлъ, конечно, самъ Делигеорги, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій временно завѣдывать министерствомъ юстиціи, министромъ иностранныхъ дѣлъ — Ипсиланти, финансовъ — Христидесъ, исповѣданій и народнаго просвѣщенія—Замбелла, военнымъ министромъ — Гривасъ, морскимъ — Дроссосъ.

Эта неожиданная развязка упала какъ громовой ударъ посреди страстей, надеждъ и ожиданій, возбужденныхъ послѣдними событіями парламентской сессіи. Не менѣе глубокое впечатлѣніе произвела она и на общество. Въ продолженіи трехъ дней, городъ былъ въ тревожномъ состояніи, на улицахъ собирались оживленныя группы, слышались толки, шушуканья. Никто не понималъ, что̀ произошло, и почему? Многіе съ безпокойнымъ любопытствомъ уже готовились быть свидѣтелями какой-нибудь рѣшительной, насильственной катастрофы. Все вниманіе устремлено было на народное собраніе. Что̀ скажетъ оно? Какъ отнесется къ случившемуся?... 6-го іюля палата, наконецъ, собралась, при многочисленномъ стеченіи публики. Въ залѣ было тише обыкновеннаго. Депутаты безмолвно заняли свои мѣста. Враждебные лагери обмѣнивались недовѣрчивыми взглядами. Всѣ какъ-будто чего-то ждали, изрѣдка перешептываясь. Полчаса, по крайней мѣрѣ, прошло въ этомъ неестественномъ, тяжеломъ молчаніи, и никто еще не рѣшался произнести рѣшительное слово, пока первый не всталъ неукротимый Ломбардо. Не обращаясь прямо ни къ кому, онъ въ немногихъ словахъ, но съ злобною точностью поставилъ тотъ вопросъ, который былъ у всѣхъ на языкѣ.—Не найдетъ ли кто-либо нужнымъ почтить насъ хотя какимъ-нибудь объясненіемъ? Мы узнаемъ изъ газетъ и городскихъ сплетень, что, помимо собранія и безъ всякаго его въ томъ участія, упало прежнее министерство, а на мѣсто его такимъ же образомъ возникло новое! Что же наконецъ происходитъ? Надѣюсь, что со стороны народнаго представительства вопросъ не покажется нескромнымъ!—Булгарисъ взошелъ на трибуну и, отвѣчая на вызовъ зантскаго депутата, произнесъ длинную рѣчь, въ которой съ видимой горечью и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ складывалъ всю вину на короля: министерство,—говорилъ онъ,—пользовалось до сихъ поръ довѣріемъ палаты, которая постоянно поддерживала его большинствомъ голосовъ. Если въ послѣдніе дни и возникло, можетъ быть, разногласіе, то оно носило совершенно неоффиціальный характеръ, и не выразившись еще ни въ одномъ публичномъ засѣданіи, могло быть легко устранено. Слѣдовательно, не

палата смѣнила министерство, а одинъ король. Король своимъ необъяснимымъ упорствомъ сдѣлалъ дальнѣйшее существованіе министерства невозможнымъ. Король, въ противность всѣмъ конституціоннымъ принципамъ, лично вмѣшался въ разрѣшеніе парламентскаго вопроса. Король же, наконецъ, затруднилъ на долго по лауріумскому дѣлу всякое соглашеніе, тогда какъ онъ, Булгарисъ, просилъ на то лишь три мѣсяца сроку. — За нимъ поднялся Делигеорги и объявилъ палатѣ, что участь ея и министерства была рѣшена въ умѣ короля еще со времени повѣрки выборовъ, а Булгарисъ напрасно клеплетъ на лауріумскій вопросъ, потому что ему, Делигеорги, король далъ по этому вопросу, равно какъ и въ прочихъ дѣлахъ, полную свободу дѣйствій. Завязалось страстное и шумное преніе. Съ обѣихъ сторонъ перекидывались обвиненіями. Кумундуросъ, взбѣшенный, что плоды его трудовъ пожинаетъ другой, старался теперь увѣрить палату, что между нимъ и его почтеннымъ другомъ, Булгарисомъ, никогда не было, да и не могло быть существеннаго разногласія, а развѣ *une brouille d'amoureux*, которою король не имѣлъ никакого права воспользоваться. Бывшій министръ финансовъ тоже сказалъ какую-то рѣчь, но его ужъ никто не слушалъ. Засѣданіе закрылось посреди всеобщей кутерьмы. На другой день собраніе какъ будто успѣло одуматься и держало себя не только спокойнѣе, но даже съ ангельскою кротостью. Предчувствуя свою неминуемую участь, оно можетъ быть надѣялось подобнымъ поведеніемъ умилостивить торжествующаго врага и отвлечь отъ своей головы Дамокловъ мечъ распущенія. Прочтенъ былъ проектъ бюджета на 1873-й годъ, и та же самая палата, которая потратила два мѣсяца на личныя препирательства, въ какіе-нибудь полчаса безпрекословно и почти единогласно утвердила его цѣликомъ! Вотъ какъ ведутся дѣла въ Греціи! Еще любопытная подробность. Бюджетъ этотъ не былъ произведеніемъ Делигеорги, а перешелъ къ нему въ наслѣдство отъ прежняго министерства, которое въ свою очередь унаслѣдовало его отъ Заимиса. Три министерства смѣнились, и болѣе года прошло между составленіемъ бюджета и его утвержденіемъ.

Но напрасно палата мечтала примѣрнымъ благонравіемъ заслужить себѣ пощаду. Ничто не могло спасти ее, и распущеніе уже было рѣшено въ принципѣ, а въ ожиданіи декрета (не вышедшаго, между прочимъ, и до сихъ поръ), депутатамъ разрѣшено было немедленно воспользоваться лѣтними вакаціями, тѣми вакаціями, увы! на которыя Булгарисъ еще такъ недавно возлагалъ всѣ свои надежды.

Таковъ былъ плачевный конецъ эфемерной, но бурной сессіи 1872 года. Пробѣжавъ предшествующій очеркъ ея, читатель можетъ

бить согласится, что мои заключенія объ органической болѣзни, заѣдающей государственную жизнь Греціи, не лишены нѣкотораго основанія.

Роль короля въ послѣднемъ переворотѣ, виды, побудившіе его на такой рѣшительный шагъ, долго были предлогомъ самыхъ разнообразныхъ комментаріевъ. Я выше имѣлъ случай высказать ту догадку, которая кажется мнѣ всѣхъ правдоподобнѣе: а именно, что, чувствуя невыгоди своего одинокого положенія, онъ хочетъ теперь опереться на одну изъ партій и, давъ ей исключительное преобладаніе въ странѣ, тѣмъ склонить ее на уступки въ пользу королевской прерогативы. Для осуществленія своихъ цѣлей, онъ избралъ Делигеорги и такъ спѣшилъ передать власть въ его руки, что, въ торопяхъ, даже вышелъ за строгую границу своихъ конституціонныхъ правъ; изъ этого факта можно заключить, что онъ возлагаетъ на бывшаго вождя оппозиціи большія надежды. Существуетъ ли между ними что-нибудь въ родѣ положительнаго условія — рѣшить невозможно; но не даромъ же досталась Делигеорги та безграничная свобода дѣйствій, которою онъ хвалился на трибунѣ! Другое указаніе на подобный, негласный договоръ можно, пожалуй, найти въ самомъ первоначальномъ составѣ новаго кабинета. Извѣстный всѣмъ какъ ярый демократъ, Делигеорги къ общему удивленію предложилъ портфель иностранныхъ дѣлъ — князю Ипсиланти, представителю одной изъ главныхъ фанаріотскихъ фамилій и греческому посланнику въ Вѣнѣ, а министерство народнаго просвѣщенія — іоническому графу, Замбеллѣ. Оба потомъ отказались и были замѣщены другими, но фактъ тѣмъ не менѣе знаменательный, если видѣть въ немъ попытку къ сближенію съ главными составными элементами династической партіи.

Вполнѣ ли удаченъ выборъ молодого короля, покажетъ время. Но не трудно покамѣстъ понять, почему онъ предпочелъ остановиться на Делигеорги, который изъ вождей трехъ главныхъ партій возрастомъ, незапятнаннымъ именемъ и, наконецъ, европейскимъ складомъ своимъ стоитъ къ нему всѣхъ ближе и, конечно, долженъ казаться ему симпатичнѣе грубоватыхъ и плутоватыхъ парламентскихъ ветерановъ. Несмотря на сравнительно слабую пока численность своего политическаго кружка, въ тѣсномъ смыслѣ, Делигеорги пользуется въ странѣ громадною популярностью. Онъ непомѣрно тщеславенъ и честолюбивъ, а эти слабости можно легко эксплуатировать, если только ему дѣйствительно предназначена Полиньяковская роль. Смѣлости у него даже болѣе чѣмъ нужно. Къ тому же, своего политическаго міросозерцанія ему до сихъ поръ не случалось формулировать съ особенной опредѣленностью; онъ не связанъ въ прошедшемъ какою-либо

рѣзкой *profession de foi* и можетъ безъ явнаго ренегатства работать въ пользу монархической власти.

Но, съ другой стороны, Делигеорги представляетъ и важный недостатокъ, могущій повредить если не успѣху предпріятія, то по крайней мѣрѣ его прочности. Чтобы народъ могъ помириться съ властью, посягнувшей на его свободу, необходимо, чтобы онъ нашелъ въ ней, взамѣнъ, разумную и крѣпкую администрацію, и, вмѣсто утраченныхъ политическихъ правъ — новыя и лучшія гарантіи для своихъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Вотъ почему роль узурпатора не легка и тамъ, гдѣ административная машина заведена уже изстари и дѣйствуетъ механически, по навыку. Еще труднѣе ему въ странѣ, гдѣ приходится все создавать за-ново. Между тѣмъ, изъ личностей, игравшихъ самую блестящую обличительную роль въ рядахъ оппозиціи, не многія выходятъ хорошими администраторами, а Делигеорги, который управляетъ Греціей не въ первый разъ, уже успѣлъ доказать, что не принадлежитъ къ числу подобныхъ исключеній. Безусловно разсчитывать на его популярность также нельзя. Популярность—вещь ненадежная и измѣнчивая. Историческій опытъ показалъ, что рѣдкому политическому перебѣжчику удается сохранить въ своей партіи прежній авторитетъ и увлечь ее за собою. Похищая у непріятеля его лучшее оружіе, власть все-таки мало выигрываетъ, потому что въ ея рукахъ оно большею частью ломается или становится негоднымъ; стóитъ лишь вспомнить свѣжій примѣръ Эмиля Олливье. Но если даже предположить, что партія Делигеорги послѣдуетъ за своимъ вождемъ *per fas et nefas*,—она такъ еще слаба въ сравненіи съ соединиенными противъ нея двумя старыми партіями, къ которымъ, по принципу, вѣроятно примкнутъ и ультра-парламентаристы, что врядъ ли можетъ разсчитывать на легкую побѣду. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что пока новое правительство связано международными компликаціями по лауріумскому вопросу, оно не можетъ съ полной свободой относиться къ внутренней политикѣ.

Тактика Делигеорги отличалась до послѣдняго времени чрезвычайной сдержанностью. Онъ замѣтно избѣгалъ всякихъ объясненій насчетъ своей программы или плана дѣйствій. Административная же дѣятельность іюльскаго кабинета, со времени вступленія его въ управленіе — довольно безцвѣтна. Потративъ болѣе двухъ недѣль на пополненіе своего личнаго состава (вслѣдствіе упомянутаго мною отказа Ипсиланти и Замбелли), онъ вслѣдъ затѣмъ немедленно принялся за безчисленныя смѣщенія, перемѣщенія и назначенія по гражданскому и, въ особенности, по военному вѣдомству. Около того же времени, роясь въ бумажномъ хламѣ, оставшемся отъ послѣдняго

министерства, чтобы отыскать противъ него обвинительные пункты, онъ напалъ на слѣдъ оригинальной избирательной продѣлки Булгариса. Оказалось, что стипендіи, предназначенныя на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ различныхъ школахъ, раздаваемы были предъ выборами лицамъ, неимѣющимъ на то никакого права, напр. на имя восьмидесятилѣтнихъ стариковъ, или грудныхъ младенцевъ! Исторія, дѣйствительно, грязная, но новый кабинетъ увлекся ею ужъ черезъчуръ исключительно. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, въ министерскихъ органахъ не попадалось ни строки, которая бы не была посвящена новымъ открытіямъ, или просто ядовитымъ разсужденіямъ по дѣлу о злополучныхъ стипендіантахъ. Такое однообразіе подъ конецъ утомило вниманіе публики, такъ что министерствомъ, возбудившимъ въ первые дни такую тревогу, совсѣмъ перестали заниматься и, казалось, забыли о его существованіи. Лишь въ началѣ сентября Делигеорги какъ будто ожилъ и разразился тѣмъ мемуаромъ по лауріумскому дѣлу, о которомъ пошло столько толковъ въ европейскихъ газетахъ. Нельзя назвать особенно удачною эту первую попытку іюльскаго кабинета выйти на болѣе дѣятельную почву. Отъ переговоровъ, такъ долго тянувшихся между первымъ министромъ и заинтересованными сторонами, всѣ ждали рѣшительнаго, практическаго результата, а не подогрѣтыхъ софизмовъ насчетъ неретроактивности закона 1871 года. Въ лауріумскомъ вопросѣ Делигеорги, какъ видно, ничего не забылъ и ничему не научился. Мемуаръ свой онъ заключаетъ тѣмъ, что, отвергая законность международнаго вмѣшательства, приглашаетъ компанію обратиться къ мѣстнымъ судамъ, представляющимъ, по его мнѣнію, всевозможныя гарантіи независимости. Мысль не новая. Не далѣе какъ въ прошломъ году, греческое правительство проповѣдывало на ту же тему; ему, однако, не удалось никого убѣдить въ безпристрастіи греческихъ судовъ, которые, правда, не зависятъ отъ исполнительной власти, но за то служатъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ партій. Въ Парижѣ и въ Римѣ мемуаръ Делигеорги произвелъ, говорятъ, самое неблагопріятное впечатлѣніе. Какими послѣдствіями разразится оно надъ Греціей—трудно предугадать. Поговаривали о французской эскадрѣ, но извѣстіе оффиціально не подтверждается. Достовѣрно въ такомъ случаѣ только то, что министерство, накликавшее на страну вооруженное вмѣшательство, не доживетъ до осуществленія возлагаемыхъ на него, быть можетъ, тайныхъ надеждъ.

В. М—въ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) ноября, 1872.

Оппозиція палаты господъ и ея реформа.

Ровно десять мѣсяцевъ тому назадъ я сообщилъ вамъ о реформѣ окружнаго управленія, внесенной въ ландтагъ $^{18}/_{1}$ декабря прошлаго года [1]. Врядъ ли въ то время кто-либо могъ думать, что реформа эта такъ затянется, и навѣрно никому не приходило въ голову, что она послужитъ предлогомъ къ коренному преобразованію всей государственной жизни, какъ это случилось на дѣлѣ. Законодательная дѣятельность парламента есть нѣчто весьма прекрасное, благородное, почетное, но и многотрудное; тѣмъ не менѣе нѣтъ надобности быть врагомъ парламентаризма, чтобы усмотрѣть нѣкоторую несообразность въ затратѣ силъ на этотъ родъ дѣятельности въ Пруссіи. Если бы возможно было точно сосчитать, напримѣръ, все время, потраченное на окружное положеніе, то сумма получилась бы громадная. Законъ прежде всего выработывается въ министерствѣ подлежащими совѣтниками, куда приглашаются для совѣщаній спеціалисты. Толстый отчетъ появляется по окончаніи трудовъ министерства. Каждая изъ палатъ ландтага передаетъ законъ въ коммиссіи, которыя снова пишутъ толстые отчеты и, наконецъ, законъ поступаетъ на обсужденіе собранія въ его полномъ составѣ. Несмотря на то, что коммиссія, состоявшая изъ 21-го члена, превосходно разработала предметъ, и что депутаты были хорошо знакомы съ нимъ изъ предшествовавшихъ преній, несмотря на все это, палатѣ депутатовъ потребовалась 5 полныхъ сессій, отъ 16—23-го марта, а палата господъ совѣщалась цѣлыхъ 9 сессій; на этой недѣлѣ палата депутатовъ снова примется за тотъ же предметъ. Столь необычайно тугой ходъ дѣла былъ бы простителенъ, еслибы черезъ это выработывался образцовый законъ или вообще образцовое законоположеніе, но дѣйствительность показываетъ иное, и самые рьяные защитники закона сознаются, что имъ не вполнѣ ясны послѣдствія практическаго примѣненія его, и предвидятъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, мало утѣшительнаго. Имперское законоположеніе, которое вообще считается болѣе совершеннымъ, нежели прусское, имѣетъ также свои

[1] См. „Вѣстникъ Европы", февраль, 1872, стр. 815 и слѣд.

слабыя стороны. Такъ, недавно было указано на одинъ возмутительный случай. Въ германскомъ уложеніи о наказаніяхъ, отъ 15-го мая 1871, которое по своей мягкости и точности опредѣленій разсматривается всѣми, какъ трудъ достойный удивленія и большой прогрессъ въ дѣлѣ законодательства, въ 19-мъ отдѣлѣ, § 247, находится слѣдующее опредѣленіе: кто укралъ или утаилъ что-либо у своихъ родственниковъ, опекуновъ, воспитателей или такихъ лицъ, у которыхъ состоитъ на жалованьи и содержаніи, преслѣдуется только по требованію, то-есть, по требованію пострадавшагѣ. Недавно, въ провинціи Саксоніи, случилось, что у одного офицера, послѣ его смерти, не оказалось цѣнныхъ бумагъ, нумера и литеры которыхъ были у него записаны. Слуга его былъ задержанъ при продажѣ этихъ бумагъ, но освобожденъ судомъ на томъ основаніи, что воровство могло быть совершено имъ и не *послѣ смерти*, а при жизни умершаго, а въ послѣднемъ случаѣ преслѣдованіе воровства имѣло бы мѣсто только по *требованію* пострадавшаго. Юристы единогласно признаютъ, что судъ поступилъ совершенно правильно и согласно буквѣ и смыслу закона, а между тѣмъ несомнѣнный мошенникъ живетъ совершенно открыто на украденныя деньги. Я упомянулъ объ этомъ между прочимъ. Человѣческое произведеніе не бываетъ совершенно,—не трудно, наконецъ, и измѣнить одинъ неудачный параграфъ въ громадномъ сводѣ законовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи сущности окружнаго положенія, я буду придерживаться рѣчи творца и лучшаго знатока его, депутата Фриденталя,—рѣчи, которую онъ держалъ къ своимъ избирателямъ этой весной, и которая представляетъ ясную и краткую картину этого положенія. Слѣдуетъ оговориться, что я буду излагать законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ палатой депутатовъ 23-го марта; въ своемъ же прежнемъ письмѣ, въ прошломъ январѣ, я представилъ его, какимъ онъ былъ *предложенъ* правительствомъ. Пункты, измѣненные въ новѣйшее время, а также тѣ, на которыхъ сосредоточилась оппозиція реакціонерной партіи, будутъ указаны позже, потому что они будутъ вполнѣ понятны только послѣ ознакомленія съ закономъ.

Законъ объ окружномъ управленіи, предназначаемый только для *шести восточныхъ провинцій монархіи* (въ Познани онъ пока еще не будетъ введенъ) состоитъ изъ 7-ми главъ, а каждая глава изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: *первый отдѣлъ* заключаетъ въ себѣ постановленія относительно измѣненій границъ округа, которыя производились до сихъ поръ на основаніи административныхъ распоряженій, впредь же будутъ подчинены закону: измѣненія границъ округа тѣсно связаны съ правами отдѣльныхъ личностей, а гдѣ измѣняются права,

тамъ необходимъ законъ. Изъ округовъ выдѣляются города, насчитывающіе болѣе 25,000 жителей. Относительно выдѣленія извѣстнаго числа большихъ городовъ изъ окружныхъ управленій всѣ согласны: разногласіе произошло только относительно величины выдѣляемыхъ городовъ. Палата депутатовъ получила петиціи, въ которыхъ требовалось право выдѣленія для городовъ въ 10.000 жителей, а въ палатѣ господъ, при послѣднемъ обсужденіи закона, норма эта установлена въ 15.000. Города, равняющіеся по величинѣ округу, совершенно справедливо должны получить самостоятельность; слишкомъ же понижать цензъ самостоятельности не слѣдуетъ, потому что правильное развитіе округовъ обусловливается именно взаимодѣйствіемъ городского и сельскаго элементовъ. Округамъ, состоящимъ только изъ сельскаго населенія, будетъ недоставать стремленія къ прогрессу, подвижнаго элемента, и наоборотъ города, предоставленные только самимъ себѣ, зайдутъ слишкомъ далеко, что представляетъ опасность; все населеніе государства распалось бы при этомъ на двѣ группы, двигающіяся не ровнымъ шагомъ впередъ и такимъ образомъ неизбѣжно утрачивающія изъ виду общую цѣль.

Второй отдѣлъ *опредѣляетъ права* и *обязанности лицъ, принадлежащихъ къ округу*. Всякій принадлежащій къ округу обязанъ безплатно служить, подъ страхомъ лишенія другихъ правъ въ округѣ и даже уплаты возвышеннаго налога. Какъ извѣстно, совершенно подобное постановленіе, весьма неудобное для плохихъ гражданъ, существуетъ и для городского управленія. Вотъ что говоритъ вышеупомянутый депутатъ къ своимъ избирателямъ по этому поводу:

„Считать *самоуправленіе* за свободу, съ правомъ ничего не дѣлать и предаваться праздной жизни—большое заблужденіе. Самоуправленіе и свобода требуютъ напротивъ *напряженія силъ:* если государство предоставляетъ своимъ гражданамъ широкое полномочіе, то въ то же время вмѣняетъ имъ въ обязанность пользоваться имъ добросовѣстно. Прусскій народъ называютъ вооруженнымъ народомъ. Право носить оружіе обусловливается всеобщею воинскою *повинностью*, которая *принуждаетъ* исполнять свою обязанность тѣхъ, кто не высоко ставитъ свою *честь*. То же самое примѣнимо и къ гражданскимъ дѣламъ. Прежняя прусская армія, состоявшая изъ набранныхъ солдатъ, уступила мѣсто народному войску,—армія, состоящая *исключительно* изъ чиновниковъ по призванію, должна уступить мѣсто *народу въ государственной службѣ*".

Въ томъ же отдѣлѣ трактуется объ организаціи окружныхъ сборовъ. До настоящаго времени, округа сами назначали размѣры и систему сборовъ. Такой порядокъ, разумѣется, не можетъ считаться правильнымъ, и обусловливался непониманіемъ разницы между *само-*

управленіемъ и *автономіей*. Самоуправленіе примѣняетъ законы, автономія—создаетъ ихъ, и послѣднее безспорно должно принадлежать государству. Въ силу новаго окружнаго положенія, окружные сборы будутъ распредѣляться, до изданія общаго закона о коммунальныхъ сборахъ, въ видѣ надбавокъ на прямые налоги. Размѣръ надбавокъ предоставляется опредѣлять самимъ округамъ, однако съ извѣстными ограниченіями, такъ, напримѣръ, налоги на промышленныя заведенія не могутъ быть увеличены бо́льшей процентной надбавкой, чѣмъ налоги на землю, зданія и т. д. Подробности этого дѣла не могутъ быть интересны для русскаго читателя, интересенъ принципъ. Правительство съ самаго начала держалось этого принципа, и въ объяснительной запискѣ къ проекту, предложенному 13/1-го декабря, значилось:

„Коммунальные сборы должны быть включены въ систему государственныхъ податей такъ, чтобы они въ основныхъ чертахъ не удалялись отъ послѣднихъ; такое законоположеніе, удовлетворяющее требованіямъ государственнаго единства, становится тѣмъ необходимѣе, чѣмъ бо́льшимъ просторомъ пользуется самоуправленіе въ смыслѣ исполнительный власти. Всякій членъ государства долженъ быть гарантированъ отъ самостоятельной дѣятельности окружныхъ парламентовъ, дѣятельности на основаніи принциповъ собственной финансовой политики, на ряду съ существующими финансовыми законами страны“.

Основныя положенія правительства были настолько научны и разумны, что не вызвали ни одного возраженія, достойнаго замѣчанія, и только разъ была сдѣлана попытка „правой“ палаты господъ открыть борьбу противъ нихъ. Весьма важны постановленія о привлеченіи къ участію въ окружныхъ сборахъ юристовъ, акціонерныя общества, горнозаводскія общества и т. д., участіе которыхъ въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ было весьма неопредѣленное. Казенныя имѣнія также могутъ быть привлечены къ участію въ окружныхъ сборахъ, но такъ какъ здѣсь представляются большія затрудненія для оцѣнки чистаго дохода (изъ дохода съ лѣса, напримѣръ, пришлось бы вычитать не только расходы по его управленію, но и нѣкоторую часть стоимости всего государственнаго управленія), то они должны быть освобождены отъ надбавки на подоходный налогъ въ пользу общины, въ замѣнъ чего платитъ на 50% бо́льшую надбавку, противъ другихъ владѣльцевъ, за землю и зданія.

Вторая глава содержитъ постановленія относительно *общинныхъ управленій*: они избираются самими общинами изъ числа своихъ членовъ, а не назначаются мѣстнымъ начальствомъ, какъ было прежде. Выборы утверждаются ландратомъ, но отказъ ландрата требуетъ

одобренія окружнаго комитета, избираемаго изъ числа всѣхъ принадлежащихъ къ округу лицъ, и состоящаго изъ 6-ти членовъ. Кругъ дѣятельности общинныхъ управленій расширяется. Онѣ составляютъ первую полицейскую инстанцію, приказанія которой въ извѣстныхъ предѣлахъ должны исполняться подъ страхомъ наказанія. Дѣятельность ихъ подлежитъ правильному контролю ряда инстанцій: первую инстанцію составляетъ окружной комитетъ, вторую *провинціальный административный судъ (Verwaltungsgericht der Provinz)*, состоящій изъ трехъ лицъ: жителя провинціи, выбраннаго провинціальнымъ сеймомъ, судьи и члена администраціи. Учрежденіе высшаго административнаго суда *(Verwaltungsgerichthof)* для всей монархіи отложено на будущее время.

Когда принципъ выбора мѣстныхъ управленій былъ установленъ, оставалось упразднить институтъ *наслѣдственныхъ старостъ (Erbschultzen)*. Этотъ пунктъ вызвалъ впослѣдствіи особенно горячія пренія въ палатѣ господъ, о которыхъ, если позволите, упомяну здѣсь же. Наслѣдственные старосты, какъ извѣстно, суть личности, которымъ въ прежнія времена, когда экономическая жизнь была мало развита, предоставлялось въ пользованіе имѣніе съ обязательствомъ исполнять за то полицейскую и, насколько нужно, судейскую обязанность въ деревнѣ. Закономъ, изданнымъ еще въ началѣ столѣтія, разрѣшено отчужденіе имѣній наслѣдственныхъ старостъ, и съ тѣхъ поръ, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о наслѣдственности. Кто покупаетъ имѣніе наслѣдственнаго старосты, тотъ и есть наслѣдственный староста, пока не продастъ его. Что̀ общаго въ этомъ обстоятельствѣ съ консервативнымъ принципомъ, трудно понять, тѣмъ не менѣе консерваторы прицѣплялись къ именамъ и боролись съ отчаяніемъ. Въ шести восточныхъ провинціяхъ 26,294 сельскія общины, изъ которыхъ 4745, т.-е. пятая часть имѣетъ своихъ наслѣдственныхъ старостъ, распредѣленныхъ весьма не равномѣрно. Въ уѣздѣ Гумбиненъ, напримѣръ, на 3225 общинъ приходится всего 2 имѣнія наслѣдственныхъ старостъ, въ Бреславлѣ же, Потсдамѣ и другихъ почти третья часть общинъ имѣетъ наслѣдственныхъ старостъ. Представители правительства и защитники закона опираются прежде всего на принципъ, основанный на государственномъ правѣ, а именно, что продленіе существующей связи между начальническими правами и обладаніемъ извѣстными имѣніями, не разбирая достоинствъ личности, не можетъ быть допущено, потому что должностной авторитетъ въ монархическомъ и конституціонномъ государствѣ не долженъ обусловливаться какими бы то ни было собственными правами, а долженъ исходить отъ государства. *Помѣщичья полиція*, подобно наслѣдственнымъ старостамъ, новымъ закономъ отмѣняется. Противъ

этого не нашла ничего сказать даже палата господъ, хотя она и старалась, косвеннымъ путемъ, удержать для помѣщиковъ право имѣть полицію. Законъ опредѣляетъ слѣдующее: для отправленія полиціи и исполненія другихъ общественныхъ дѣлъ, каждый округъ дѣлится, за выключеніемъ городовъ, на *станы* или *волости* (*Amtsbezirk*). Если община или помѣстье можетъ изъ собственныхъ средствъ организовать полицейское управленіе, то такая община или такое помѣстье объявляется отдѣльнымъ станомъ. Всѣ остальныя общины и помѣстья соединяются по два или болѣе въ одинъ станъ. Во главѣ стана начальникъ его отправляетъ полицейскую обязанность—почетное званіе безъ жалованья, которая кромѣ того пользуется многими важными правами. Начальникъ стана назначается оберъ-президентомъ провинціи изъ числа тѣхъ личностей, на которыя укажетъ ему окружной сеймъ, какъ на пригодныхъ. На практикѣ выйдетъ, что въ помѣстьяхъ, составляющихъ самостоятельныя волости, начальникомъ стана будетъ самъ помѣщикъ, а гдѣ помѣстье соединено съ общинами, опять-таки помѣщикъ, по всей вѣроятности, будетъ наиболѣе пригоднымъ лицомъ для занятія почетной должности. Палата депутатовъ для осуществленія идеи закона требовала ограниченія числа волостей или становъ для того, чтобы волости не были слишкомъ малы; палата же господъ хочетъ, чтобы каждое помѣстье, какъ бы оно ни было мало, могло быть объявлено станомъ, а число становъ, состоящихъ изъ общинъ, не было ограничено. На этомъ пунктѣ правительство разошлось съ палатой депутатовъ: оно не желаетъ ограниченія числа становъ опредѣленнымъ *minimum* или *maximum*. Палата депутатовъ уступила.

Ландратъ, который до сихъ поръ выбирался изъ помѣщиковъ округа и утверждался королемъ, по новому закону будетъ *назначаться* королемъ, при чемъ окружному сейму предоставляется право, при замѣщеніи мѣста ландрата, предлагать кандидатовъ изъ числа землевладѣльцевъ и начальниковъ стана въ округѣ. Этотъ пунктъ послужилъ также камнемъ преткновенія для палаты господъ; она требовала, чтобы кандидатами на мѣсто ландрата могли быть только *крупные* землевладѣльцы.

Слѣдующій отдѣлъ трактуетъ о *Zwangsverfahren*. До сихъ поръ это былъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ. Либеральная партія утверждала до сихъ поръ, что обыкновенный судъ долженъ рѣшать всѣ административныя дѣла. Напротивъ того, консервативная партія не хотѣла слышать про судебный контроль надъ административными дѣлами. Ясно, что въ первомъ случаѣ споры были бы безконечны, администрація чрезвычайно туга и неповоротлива; во второмъ же, который до сихъ поръ и составлялъ правило, отводилось широкое

поприще произволу. Первый, кто сдѣлалъ мягче и уступчивѣе обѣ партіи, поглощенныя своими односторонними теоріями, былъ Гнейстъ, а именно своими глубокомысленными изслѣдованіями о сущности самоуправленія. Тогда принялись искать спасенія въ золотой серединѣ и нашли ее, или будемъ надѣяться что нашли, въ *административныхъ судахъ*, въ которыхъ засѣдаютъ частныя лица, юристы и члены администраціи, такъ что въ нихъ равно представлены какъ требованія юриспруденціи, такъ и интересы практической жизни.

Третья глава опредѣляетъ составъ окружнаго сейма, который мало измѣненъ противъ той схемы, которую я сообщилъ въ январскомъ письмѣ. Для выбора депутатовъ въ окружной сеймъ образуется три избирательныхъ кружка: кружокъ крупныхъ землевладѣльцевъ, кружокъ сельскихъ общинъ и городовъ. Между первымъ и вторымъ кружками вся разница въ суммѣ поземельнаго налога, которую они платятъ, между тѣмъ какъ въ прежнемъ предложеніи крупные землевладѣльцы, имѣющіе болѣе 6000 талеровъ чистаго дохода, отдѣлялись въ особый избирательный кружокъ. Теперь же, кружокъ крупныхъ землевладѣльцевъ состоитъ изъ такихъ, которые платятъ въ общей сложности не менѣе 75 талеровъ налога съ имущества, находящагося въ районѣ округа. Число городскихъ депутатовъ опредѣляется отношеніемъ количества городского населенія къ сельскому, и ни въ какомъ случаѣ не должно превышать половины общаго числа представителей сельскихъ избирательныхъ кружковъ.

Представители крупныхъ землевладѣльцевъ перваго избирательнаго кружка выбираются непосредственно самими землевладѣльцами, представители же сельскихъ общинъ и мелкихъ имѣній—*избирателями*, которые въ свою очередь выбираются общинами. Этотъ пунктъ возбудилъ жаркія пренія. Правительство предложило, чтобы избирателями были старосты, а либеральная партія настаивала на избирательномъ правѣ общинъ, на чемъ правительство и принуждено было сдѣлать уступку.

Для того, чтобы получить наглядное понятіе о результатахъ преобразованія окружнаго сейма, лучше всего взять для примѣра какой-нибудь округъ. Окружной сеймъ округа Нейсе въ Силезіи состоитъ теперь изъ 6-ти городскихъ депутатовъ (2 отъ Нейсе, 2 отъ Пачкау и 2 отъ Цигенгольсъ), 6-ть депутатовъ отъ крестьянъ и 79-ть отъ владѣтелей рыцарскими имѣніями. Послѣ реформы, сеймъ этого округа будетъ состоять изъ 37-ми депутатовъ, 10-ть городскихъ (6 отъ Нейсе, 2 отъ Пачкау, и 2 отъ Цигенгольсъ) и 27 сельскихъ, изъ которыхъ 13½ приходится на крупныхъ помѣщиковъ и 13½ на сельскія общины. Въ сосѣднемъ округѣ Гродкау окружный сеймъ насчитываетъ 76 представителей, изъ нихъ 66 помѣщи-

ковъ, 4 городскихъ представителя и 6 отъ крестьянъ [1]). На будущее время онъ будетъ состоять изъ 28-ми депутатовъ, 5-ти городскихъ и по 11½ для сельскихъ избирательныхъ кружковъ [2]).

Въ обоихъ сельскихъ избирательныхъ кружкахъ можетъ быть выбранъ всякій, кто владѣетъ землею, не разбирая много или мало у него земли; въ городахъ, гдѣ выборы происходятъ въ соединенномъ засѣданіи магистрата и депутатовъ, можетъ быть выбранъ каждый бюргеръ.

Кругъ дѣйствія окружнаго сейма значительно расширенъ. Предметомъ его дѣятельности можетъ быть все, что́ касается интересовъ округа.

Новое и весьма характерное для всей реформы учрежденіе—это *окружный комитетъ*. Въ немъ сосредоточивается коммунальное управленіе (самоуправленіе); въ то же время комитетъ, какъ высшее административное учрежденіе, заступаетъ мѣсто уѣзднаго управленія (высшаго правительственнаго управленія въ каждомъ изъ 28-ми уѣздовъ прусской монархіи). Вѣдѣнію его подлежатъ дѣла по вспомоществованію бѣднымъ, по постройкѣ дорогъ, по осушенію и обводненію, по земледѣлію и промысламъ, по постройкамъ и пожарамъ, по санитарной части, по поселеніямъ, по народному образованію и по юридической администраціи, такъ какъ имъ составляются списки присяжныхъ засѣдателей. Окружный комитетъ учреждается „для управленія дѣлами округа и исполненія постановленій общаго народнаго представительства“, то-есть, для двоякой дѣятельности: какъ о́рганъ самоуправленія и какъ о́рганъ правительства. Онъ состоитъ изъ ландрата и 6-ти членовъ, выбираемыхъ изъ числа постоянныхъ жителей округа абсолютнымъ большинствомъ голосовъ; кромѣ того, имѣетъ право, по мѣрѣ надобности, приглашать спеціалистовъ и юристовъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ.

Какъ будетъ функціонировать окружный комитетъ—это загадка; во всякомъ случаѣ, въ его организаціи ясно видно стремленіе расширить кругъ дѣятельности для самоуправленія, а законъ, по которому дѣйствія присутственныхъ мѣстъ могутъ быть обжалованы въ судѣ, имѣетъ чрезвычайную важность для всей политической жизни. Вопросы, по которымъ окружный комитетъ дѣйствуетъ какъ судъ, принадлежатъ, конечно, къ области коммунальнаго управленія; судопроизводство совершенно сходно съ общимъ судопроизводствомъ въ судахъ: подается жалоба, стороны приглашаются, для словеснаго

---

[1]) Нейсе насчитываетъ до 20,000 жителей, кромѣ войска; остальные два маленькіе городка.

[2]) Въ случаѣ дробныхъ чиселъ, жребій рѣшаетъ, которому изъ двухъ сельскихъ кружковъ имѣть лишняго представителя.

разбирательства, снятіе свидѣтельскихъ показаній производится при содѣйствіи присяжнаго, протоколиста, и рѣшеніе, основанное на свободномъ убѣжденіи, вынесенномъ изъ всего хода разбирательства, объявляется въ открытомъ засѣданіи. Въ случаѣ принесенія жалобы на какое-нибудь казенное управленіе (на практикѣ это будетъ случаться весьма часто, такъ какъ окружный комитетъ есть аппелляціонная инстанція) производство въ сущности не измѣняется, но жалоба отсылается въ обжалованное управленіе для представленія письменныхъ объясненій.

Дѣлая краткій обзоръ этого объемистаго закона, я старался выдвинуть на первый планъ тѣ пункты, на которыхъ яснѣе всего выступаетъ принципъ самоуправленія и отвѣтственности управленій за ихъ дѣйствія. Чиновники, исполняющіе свою обязанность безъ вознагражденія, должны будутъ являться передъ судомъ; несомнѣнно, что когда этотъ принципъ будетъ примѣненъ на практикѣ и привьется къ жизни, то отвѣтственность распространится на всѣхъ чиновниковъ государства, а это послужитъ самымъ рѣшительнымъ разрывомъ со всѣми традиціями стараго абсолютнаго государства.

Палата господъ, какъ было уже упомянуто, обсуждала окружное положеніе не менѣе девяти дней. Правительство разсчитывало на поправки закона въ умѣренно-консервативномъ смыслѣ и на то, что затѣмъ палата депутатовъ приметъ его въ желаемой правительствомъ формѣ. Такой разсчетъ былъ основанъ на отношеніи весною палаты господъ къ закону о надзорѣ за училищами, противъ котораго она сначала рѣзко возставала, но въ концѣ концовъ приняла въ предложенной формѣ, частью вслѣдствіе личнаго вмѣшательства въ пренія князя Бисмарка, употребившаго все свое вліяніе и авторитетъ, чтобы склонить къ уступчивости большинство, частью, вслѣдствіе образованія въ палатѣ новой фракціи либераловъ, съ графомъ Мюнстеромъ и герцогомъ Ратиборомъ во главѣ фракціи, уравновѣсившей прежнее большинство. Но когда палаты снова собрались 10-го (22-го) октября, положеніе совершенно измѣнилось, правая усилилась, а лѣвая упала духомъ и была численно слаба. Правительство разсчитывало, что на мѣсто умершаго во время каникулъ президента, графа Эбергарда Арльберга, будетъ выбранъ графъ Отто Штольбергъ; но правая выставила князя Путбуса, и графъ Штольбергъ былъ выбранъ большинствомъ только *одного* голоса. Но при самомъ началѣ совѣщаній положеніе дѣлъ оказалось еще худшимъ: правая имѣла за собой громадное большинство, большинство около двухъ третей всѣхъ голосовъ, и она пользовалась этимъ большинствомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Вначалѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ и его коммиссаръ,

тайный совѣтникъ Треіусъ ограничивались весьма мягкими возраженіями на предложеніе коммиссіи, передѣлавшей весь законъ, но наконецъ, когда дошло дѣло до вышеупомянутаго вопроса о наслѣдственныхъ старостахъ, которыхъ коммиссія предложила не упразднять, министръ объявилъ, что подобнаго рѣшенія правительство принять не можетъ, на что Клейстъ-Ретцовъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ реакціонеровъ и настоящій коноводъ правой, вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ: «Я полагаю, что нами уже постановлено немало рѣшеній, которыя правительство считаетъ неудобнымъ принять, и надѣюсь, что будетъ постановлено еще больше такихъ рѣшеній». Такія слова изъ устъ человѣка, извѣстнаго своимъ „благонамѣреннымъ" направленіемъ, были совершенно неожиданны, и оффиціозная «Provinzial Correspondenz» по этому поводу замѣчаетъ: *«Такъ не подобаетъ говорить консервативной партіи въ Пруссіи съ правительствомъ короля!»* Большинство принимаетъ однако рѣшеніе, которое, по заявленію министра, не можетъ быть принято правительствомъ, и продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, совершенно измѣняя весь законъ. Лѣвая боролась до послѣдней минуты безъ всякой надежды и совершенно безплодно; она рѣшилась даже при заключительной подачѣ голосовъ принять весь законъ цѣликомъ, чтобы онъ снова поступилъ въ палату депутатовъ; но это показалось ей слишкомъ противно здравому смыслу, и она соединилась съ правой, недовольной закономъ, даже съ тѣми измѣненіями, которыя сама сдѣлала: законъ отвергнутъ большинствомъ 145-ти голосовъ противъ 18-ти, принадлежащихъ министрамъ и нѣкоторымъ приверженцамъ ихъ. Вслѣдъ затѣмъ правительство закрыло сессію и созвало сейчасъ же ландтагъ,—мѣра необходимая потому, что на основаніи конституціи *отклоненный* законъ не можетъ быть предложенъ второй разъ въ той же сессіи.

Причины такого упорства со стороны палаты господъ до сихъ поръ не вполнѣ разъяснены. Частнымъ образомъ говорятъ и стараются распространить слухъ, будто князь Бисмаркъ не одобряетъ законъ, но я полагаю, что распространители подобныхъ слуховъ сами очень хорошо знаютъ, что онъ не вѣренъ и дѣлаютъ это съ цѣлью поддержанія духа въ своей партіи. Даже весьма рѣзкое замѣчаніе палатѣ господъ, сдѣланное графу Брюлю, представлявшемуся королю вмѣстѣ съ двумя другими президентами съ выраженіемъ сочувствія по поводу смерти принца Альбрехта,—не произвело ни малѣйшаго дѣйствія.

Безъ сомнѣнія, большинствомъ палаты господъ руководили матеріальныя соображенія. Отчетъ коммиссіи, на которомъ основывается рѣшеніе палаты, весьма основательно и тонко разработанъ. Конечно,

консерваторы, отстаивая существующій порядокъ вещей, въ то же время отстаивали и свои интересы и привилегіи. Это неизбѣжно, когда представительство основано на кастовыхъ интересахъ, а не на простомъ избирательномъ правѣ. Защитники палаты господъ ссылаются, въ извѣстномъ отношеніи справедливо, на англійскую верхнюю палату, которая зачастую еще гораздо круче относилась къ реформамъ, безъ того, чтобы ей самой сейчасъ грозили реформой. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что реформа окружнаго управленія въ Пруссіи уже 20 лѣтъ стоитъ на очереди и что правительство именно въ настоящее время можетъ провести эту реформу на гораздо болѣе консервативныхъ началахъ, чѣмъ когда-либо въ будущемъ.

Палата господъ сдѣлала цѣлый рядъ ошибокъ, которыя теперь на нее и обрушиваются, такъ какъ правительство пришло къ сознанію необходимости ея реформы. Нѣтъ *политическаго учрежденія*, которое было бы прочно не взирая на недостатокъ политической мудрости. Такой недостатокъ политической мудрости былъ выказанъ палатою господъ во времена внутреннихъ столкновеній. Простой человѣческій разумъ долженъ былъ тогда подсказать ей, что пришелъ моментъ упрочить свою силу на далекое будущее. Правительство и палата депутатовъ вели, какъ извѣстно, ожесточенный споръ о взаимныхъ правахъ и о толкованіи конституціи. *Duobus litigantibus tertius gaudet*—латинская поговорка, которую всякій крестьянинъ примѣняетъ въ обыденной жизни, и всякій дипломатъ въ отношеніяхъ государствъ между собою,—палата депутатовъ не примѣнила. Если признавать необходимость двухъ палатъ, то существованіе верхней оправдывается не только тѣмъ, что она регулируетъ ходъ законоположеній, но также и тѣмъ, что она вѣрно охраняетъ права страны и въ спорныхъ случаяхъ является посредникомъ и примирителемъ между правительствомъ и нижней палатой. Англійскіе лорды въ старыя времена не разъ проливали кровь за конституціонныя права и обрѣли тѣмъ заслуги, которыми теперь пользуются. Приведу примѣръ, который особенно рельефенъ. Въ 1640 году Карлъ I-й созвалъ парламентъ, но вскорѣ затѣмъ распустилъ его. Между тѣмъ военныя дѣйствія противъ шотландцевъ шли плохо, и король предвидѣлъ необходимость снова созвать парламентъ. „Оставалось еще одно последнее средство,—говоритъ Маколей,—которое, какъ утѣшалъ себя король, могло избавить его отъ несчастія стать лицомъ къ лицу съ новою палатою общинъ. Къ палатѣ общинъ онъ не чувствовалъ такого отвращенія. Епископы были преданы ему; и хотя свѣтскіе перы были вообще недовольны его управленіемъ, однако, какъ классъ, они были такъ сильно заинтересованы въ сохраненіи порядка и въ не-

неизмѣнности древнихъ учрежденій, что отъ нихъ почти нельзя было ожидать широкихъ реформъ. *Отступившіи отъ непрерывнаго вѣковаго обычая,* онъ созвалъ великій совѣтъ, состоявшій изъ однихъ лордовъ. *Но лорды были слишкомъ благоразумны, чтобы принять противныя конституціи обязанности, которыя онъ желалъ возложить на нихъ.* Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что король нарушилъ не законъ, а обычай. Какъ же поступила прусская палата господъ? Въ 1862 году палата депутатовъ исключила изъ смѣты сумму, назначавшуюся на реорганизацію арміи. Смѣта поступила въ палату господъ, которая уполномочена конституціей принять или отвергнуть не иначе какъ всю смѣту. Но палата совершаетъ чудовищное дѣло: она обсуждаетъ и *принимаетъ* не ту смѣту, которая поступила изъ палаты депутатовъ, а ту, которая была внесена въ эту послѣднюю правительствомъ. Такая выходка въ угоду правительству была тѣмъ болѣе нелѣпа, что правительство вовсе не того желало: оно желало кассированіе смѣты, исправленной палатою депутатовъ. Подобный случай не предвидѣнъ конституціей; конституціонная практика научаетъ однако, что при такихъ обстоятельствахъ существуетъ только два исхода: или министерство подаетъ въ отставку, или палата депутатовъ распускается, и правительство беретъ на свою отвѣтственность передъ будущей палатой требуемые расходы, которые между тѣмъ и производитъ. Что же касается до поступка палаты господъ, противнаго конституціи, то онъ остался для правительства безплоднымъ, никакихъ выгодъ оно изъ него не могло извлечь. Вторая грубая ошибка палаты господъ была сдѣлана въ іюнѣ 1865 года; въ то время, когда всякій сколько-нибудь проницательный политикъ уже могъ предвидѣть развязку внутренняго столкновенія, она потребовала отъ правительства ограниченія свободы рѣчи для нижней палаты. Это только доказываетъ, въ какія заблужденія могутъ впадать партіи подъ вліяніемъ страстей; имъ не приходитъ въ голову, что обстоятельства могутъ измѣниться и наступитъ день, когда право, отнятое у противной партіи, по ихъ иниціативѣ, съ цѣлью нанести ей ударъ, будетъ отнято и у нихъ. Удайся палатѣ господъ въ 1865-мъ году провести отвѣтственность депутатовъ передъ судомъ за рѣчи въ парламентѣ, весьма вѣроятно, что многіе изъ *ея* членовъ стояли бы теперь передъ судомъ, такъ какъ они не стѣснялись выражаться весьма рѣзко и обидно для правительства. Ошибки палаты господъ неисправимы, потому что она не имѣетъ корней въ народѣ, не пользуется *популярностью*, безъ которой всякое могущество на землѣ не можетъ быть прочно. Потому-то, въ настоящее время палатѣ господъ и приходится имѣть удовольствіе выслушивать со всѣхъ сторонъ предложенія и разсужденія о реформѣ, которыя какъ будто означаютъ

fiat experimentum in corpore vili! Предложенія весьма разнообразны, но всѣ сходятся въ одномъ, а именно въ томъ, что „высокая палата“ въ теперешнемъ ея видѣ никуда не годна. Хотя такой приговоръ относится только къ цѣлому институту, каждый членъ котораго въ отдѣльности можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые не преминули принять его на свой счетъ. При обсужденіи вопроса о реформѣ палаты господъ, естественно возникъ общій вопросъ, насколько цѣлесообразна вообще двух-камерная система; *National-Zeitung* почти ежедневно съ большимъ талантомъ разработываетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія безполезности двухъ камеръ. Эта газета утверждаетъ, что двук-камерная система привилась въ Европѣ подъ вліяніемъ сочиненія Монтескьё *Esprit des lois*, и что Монтескьё, пропагандируя въ пользу англійскихъ учрежденій, невѣрно понималъ ихъ. Это во всякомъ случаѣ парадоксъ, потому что въ дѣйствительности причина тому, что англійскія учрежденія были приняты за образецъ во всѣхъ новѣйшихъ конституціяхъ, заключается въ превосходствѣ ихъ, доказанномъ на практикѣ.

Творецъ палаты господъ подражалъ англійскимъ учрежденіямъ. Онъ уже имѣлъ передъ собою опытъ въ *соединенномъ сеймѣ*, соединившемъ въ себѣ въ 1847-мъ году всю аристократію страны. Этотъ сеймъ былъ раздѣленъ на двѣ куріи, изъ которыхъ первая, насчитывавшая 80 голосовъ, соединяла въ себѣ сословіе князей, графовъ и господъ. Вторая состояла изъ депутатовъ отъ рыцарства, городовъ и сельскихъ общинъ: рыцари имѣли 231 голосъ, города 18 голосовъ и сельскія общины 124 голоса. Извѣстно, какъ мало успѣха имѣло это учрежденіе; неуспѣхъ его объясняется частью ничтожнымъ полномочіемъ сейма, частью же тѣмъ, что, вслѣдствіе тогдашняго демократическаго стремленія, господствовавшаго въ образованномъ классѣ и особенно между молодежью, сословія, вмѣстѣ собранныя, представляли пестроту стиля рококо.

Когда, по окончаніи революціи, король Фридрихъ Вильгельмъ IV-й приступилъ къ учрежденію палаты господъ, то онъ обѣщалъ какъ высокому дворянству, такъ и сельскому дворянству старыхъ провинцій важное вліяніе въ новомъ учрежденіи; это-то вліяніе и сказалось на палатѣ господъ: оно сдѣлало неизбѣжнымъ его реформу.

Еще въ 1852-мъ году *Шталь* и *Альвенслебенъ* внесли предложеніе въ тогдашнюю первую палату (состоявшую изъ выбранныхъ депутатовъ), которое указывало на необходимость преобразованія первой камеры и въ которомъ особенно настаивалось на привлеченіи *старыхъ* и *прикрѣпленныхъ къ мѣсту* землевладѣльцевъ. Реформа первой камеры подвигалась медленно впередъ и, наконецъ, была предоставлена королю. Тогда послѣдовалъ знаменитый указъ, отъ

12-го октября 1854 года. Этотъ указъ опредѣлялъ, что первая камера должна состоять изъ трехъ категорій: принцевъ королевскаго дома, право призванія которыхъ король оставляетъ себѣ (этого до сихъ поръ не случилось), членовъ наслѣдственныхъ и членовъ пожизненныхъ (назначаемыхъ королемъ). Ко второй категоріи принадлежатъ главы княжескихъ домовъ Гогенцоллернъ-Гехингенъ и Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ и другіе князья, графы и господа, которые, на основаніи указа отъ 3-го февраля 1847 года, были созываемы въ соединенный сеймъ. Король, сверхъ того, можетъ въ особыхъ указахъ даровать и другимъ лицамъ наслѣдственное право засѣдать въ палатѣ. Къ третьей категоріи, категоріи пожизненныхъ членовъ, принадлежатъ представители отъ евангелическихъ братствъ *(Stift)*, представители отъ имѣющаго образоваться *кружка* графовъ, поселившихся въ провинціяхъ въ своихъ рыцарскихъ имѣніяхъ, представители отъ родовъ, обладающихъ большими фамильными помѣстьями, представители кружковъ старыхъ и укрѣпленныхъ къ мѣсту землевладѣльцевъ, личности, которыхъ король призываетъ по *особенному довѣрію*, представители университетовъ и городовъ, получившихъ на то особенное право (въ настоящее время такихъ 40; каждый присылаетъ по одному депутату). Относительно членовъ третьей категоріи существуетъ замѣчательное недоразумѣніе: они пожизненные члены, но, въ то же время, ихъ полномочіе прекращается, если они оставляютъ то мѣсто, которое имъ давало право засѣдать въ палатѣ господъ. Если бургомистръ, напримѣръ, выбираемый на 12 лѣтъ, не будетъ выбранъ вторично по истеченіи этого срока, то онъ хотя и пожизненный членъ палаты, а не имѣетъ права засѣдать. Ѳто просто смѣшно. Что касается остальныхъ подраздѣленій третьей категоріи, то желаніе провести романтично-феодальныя идеи и исчерпать всѣ выгоды положенія и интересы партіи было такъ велико, что правительство даже не справлялось, возможно ли выполнить всѣ его желанія. Подъ *старыми* землевладѣльцами подразумѣвались такіе, которые владѣютъ въ теченіи 100 лѣтъ своими имѣніями. Когда стали приводить законъ въ исполненіе, то оказалось, что изъ тогдашнихъ 12,543 рыцарскихъ имѣній прусскаго государства только 394 *старыхъ имѣнія* въ смыслѣ указа, и только 937, укрѣпленныхъ майоратами, фидеикоммиссами и субституціями. Такимъ образомъ, только *десятая часть* рыцарскихъ имѣній получила право высылать тѣхъ 90 представителей въ палату господъ, которые одни составляли въ ней абсолютное большинство. Не справились также предварительно о томъ, какъ распредѣлены эти 1,331 рыцарское имѣніе въ монархіи; нѣкоторымъ уѣздамъ, въ которыхъ *совершенно не было имѣній*, подходящихъ подъ выборный законъ, предоставлено выслать

бо́льшее число представителей, чѣмъ такимъ, въ которыхъ было, по крайней мѣрѣ, требуемое закономъ число ихъ. Въ другихъ уѣздахъ число имѣющихъ право быть выбранными—мало до смѣшного, а число годныхъ и желающихъ служить по выборамъ — еще меньше. Такое положеніе дѣлъ, разумѣется, несовмѣстимо съ нормальнымъ развитіемъ великаго государственнаго учрежденія.

Министерство Ауэрсвальда первое затронуло реформу; оно измѣнило избирательный уставъ съ цѣлью уменьшить число представителей отъ старыхъ и закрѣпленныхъ имѣній. Графъ Шверинъ (министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Ауэрсвальда), указомъ отъ 5-го ноября 1861 года, уменьшилъ требуемый срокъ владѣнія имѣніемъ до 50-ти лѣтъ, чѣмъ значительно расширилъ кругъ избирателей; онъ затруднилъ возможность попасть въ палату, возвысивъ законное число избирателей для производства выборовъ и, наконецъ, уменьшилъ число представителей отъ старыхъ и укрѣпленныхъ имѣній съ 90-та до 41-го, при чемъ лишніе 49 представителей не исключались изъ палаты, а должны были выбывать понемногу, по мѣрѣ своей смерти. Палата господъ и вообще реакціонеры подняли страшный гвалтъ противъ этой мѣры; она-то и была главной причиной содѣйствія палаты господъ къ паденію министерства. Затѣмъ наступило *внутреннее столкновеніе*, и въ награду за услуги, оказанныя палатой депутатовъ, правительство отмѣнило постановленія Шверина и возстановило прежнее число 90 представителей отъ старыхъ и укрѣпленныхъ имѣній; было кромѣ того постановлено, что на будущее время измѣненія въ составѣ палаты господъ могутъ производиться не иначе, какъ посредствомъ изданія новаго закона, одобреннаго обѣими палатами ландтага. Но при этомъ назначенія *по особому довѣрію* (упомянутыя выше, при третьей категоріи, число которыхъ въ настоящее время болѣе 70-ти) не были ограничены, и на основаніи этого права могло всегда состояться назначеніе новыхъ перовъ. Правда, при современномъ положеніи дѣлъ, назначенія по особому довѣрію могутъ принести пользу, а именно помочь осуществить преобразованіе палаты господъ, которымъ вѣроятно и будетъ ограничено право коронпаго назначенія, потому что это право, будучи не ограничено, дѣлаетъ лишнимъ всякое другое органическое представительство. Даже газета „*Deutsches Wochenblatt*“ (органъ свободно-консервативной партіи), которая ревностно отстаиваетъ назначеніе перовъ, одобряетъ ограниченіе такого права короля. Въ этой газетѣ обсуждается планъ реформы, принадлежащій, что́ не составляетъ тайны, Бисмарку. Въ статьѣ высказывается желаніе чтобы палата господъ была усилена: 1) элементомъ, образованнымъ изъ *штатсратовъ*, высшихъ чиновниковъ до оберъ-президентовъ про-

винцій, устраненныхъ въ настоящее время если не фактически, то на дѣлѣ, и 2) выборомъ изъ среды провинціальнаго представительства. Превосходно разработанъ вопросъ о первой камерѣ, не для одной Пруссіи, но и вообще, въ книгѣ, появившейся два года тому назадъ безъ имени автора [1],—которое тѣмъ не менѣе извѣстно: докторъ Гефкенъ,—и принадлежитъ бывшему представителю свободныхъ городовъ при прусскомъ дворѣ и теперешнему профессору страсбургскаго университета. Франція дала первый примѣръ верхней камеры, составленной изъ нотаблей; несмотря на то, что послѣ іюльской революціи всѣ лучшія силы камеры депутатовъ, каковы Роже-Коллāръ, Гизо, Тьеръ и талантливый докладчикъ Беранже, отстаивали наслѣдственность перовъ, французамъ это не нравилось, и они приняли систему пожизненныхъ перовъ, представивъ королю 22 категоріи нотаблей, изъ которыхъ могутъ быть выбраны кандидаты, главнымъ образомъ, высшіе чиновники, также долгосрочные депутаты, знаменитые ученые и крупные промышленники. Въ этихъ категоріяхъ разсчитывали найти матеріалъ для либеральной палаты перовъ. Но чтобы ограничить корону отъ слишкомъ большого произвола въ выборѣ, было издано особое постановленіе о срокѣ службы различныхъ кандидатовъ. Черезъ это палату перовъ превратили въ убѣжище почти всѣхъ высшихъ чиновниковъ; іюльскіе перы вели ничтожную жизнь и нашли безславный конецъ. Наполеонъ III былъ не вполнѣ не правъ, когда сказалъ въ предисловіи къ конституціи 1852 года: «*La chambre des pairs n'était que le pâle reflet de la chambre des députés, répétant, à quelques jours d'intervalle, les mêmes discursions sur un autre ton*».

Точно такъ и итальянскій сенатъ, который созданъ по тому же образцу, не проявилъ до сихъ поръ никакой примѣрной политической силы, и это не трудно себѣ объяснить, потому что административная карьера не образуетъ ни политическихъ голосовъ, ни политическихъ характеровъ. Другимъ путемъ для образованія сената служатъ выборы и именно выборы, основанные на иныхъ началахъ, чѣмъ выборы въ депутаты. Такъ, въ Америкѣ и въ Швейцаріи сенаторы и кантональные совѣты представляютъ принципъ *отдѣльныхъ штатовъ*. Въ народную палату производятся поголовные выборы; въ сенатъ же посылаетъ каждый штатъ, а въ (швейцарскій) кантональный совѣтъ каждый кантонъ, все равно великъ онъ или малъ,—двухъ членовъ. Бельгійскіе сенаторы избираются на 8 лѣтъ изъ числа граждань, которымъ сорокъ лѣтъ отъ роду и которые платятъ 200 франковъ прямыхъ налоговъ. Въ члены первой шведской палаты избира-

[1]) Die Reform der preussischen Verfassung. Leipzig, 1870.

ются поземельные владѣльцы, собственность которыхъ можетъ быть оцѣнена въ 30,000 талеровъ, или же получающихъ 1,500 талеровъ дохода. Избирательный періодъ продолжается 9 лѣтъ. Нельзя утверждать, чтобы составленныя такимъ путемъ корпораціи дѣйствовали хуже всякихъ другихъ. Онѣ также представляются наилучшимъ исходомъ, потому что въ этихъ странахъ не существуетъ крупной поземельной аристократіи, какъ въ Англіи, а за Англіей слѣдуетъ въ этомъ отношеніи Пруссія. Но есть однако и весьма существенное различіе. Въ Англіи высшая аристократія пережила всю исторію страны вмѣстѣ съ народомъ, и даже большею частію сама *продѣлала* эту исторію. Отдѣльные роды, которые еще существуютъ, ведутъ свою родословную отъ Вильгельма-Завоевателя. Напротивъ того, въ Германіи *высшее дворянство* состоитъ, какъ уже сказано, изъ медіатизированныхъ владѣтельныхъ князей. И хотя, конечно, между ними былъ баронъ *Штейнъ*, который занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нѣмецкихъ государственныхъ людей, но большинство этихъ медіатизированныхъ владѣльцевъ, послѣ паденія наполеоновскаго владычества, ничего не дѣлало, какъ только испрашивало сначала у правительства различныя привилегіи, а затѣмъ, наслаждаясь данными привилегіями, пребывало въ состояніи *dolce far niente*. Весьма немногіе составляютъ исключеніе, какъ, напр., Гогенлоэ въ Пруссіи, и въ Баваріи Штольберги, но которыхъ все же только Бисмаркъ привлекъ къ политической жизни.

Къ этимъ соображеніямъ присоединяется еще и то, что значеніе крупнаго землевладѣнія весьма измѣнилось, и даже въ средѣ высшаго дворянства немного есть такихъ лицъ, которыя бы могли потягаться съ крупными промышленниками или князьями биржи. Ежегодно число милліонеровъ растетъ, и несомнѣнно, что ими дѣлаются не поземельные собственники. Между тѣмъ, у *parvenus* могутъ быть всѣ добродѣтели, но только политическаго смысла за ними большею частью не водится.

Одинъ князь—простите мнѣ этотъ анекдотъ—спросилъ за обѣдомъ у одного изъ своихъ гостей: какимъ образомъ можно пустить рыбу въ наполненный до краевъ сосудъ съ водой, такъ, чтобы не расплескать воду. Присутствующіе терялись въ остроумныхъ соображеніяхъ о возможныхъ причинахъ этого страннаго явленія, пока кому-то не пришло въ голову *провѣрить* его сначала на опытѣ, при чемъ, разумѣется, оказалось, что вода проливается. Точно такъ всякому обсужденію реформы палаты господъ слѣдовало бы предпослать вопросъ: дѣйствительно ли такъ необходимо существованіе палаты господъ? Прежде необходимость бороться съ палатой господъ считалась аксіомой у нѣмецкой демократіи; въ новѣйшее время, когда

конституція германской имперіи доказываетъ, что существованіе *одного* только представительнаго корпуса отнюдь не разорительно, какъ то принимали почитатели конституціонныхъ шаблоновъ, возвышаются голоса въ пользу такого порядка, но усилія ихъ въ настоящую минуту, по многимъ причинамъ, останутся безплодными. Также на практикѣ, рейхстагъ уравновѣшивается союзнымъ совѣтомъ, между тѣмъ какъ обособленное мѣстное представительство въ Пруссіи всегда будетъ непосредственно наталкиваться на министровъ и корону. Одно только неоспоримо, что съ 1867 г. *аристократія* въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза и въ германскомъ рейхстагѣ, куда она можетъ проникать лишь посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ прусской палатѣ депутатовъ и гораздо вліятельнѣе, чѣмъ въ прусской палатѣ господъ.

Не столь видное мѣсто, какъ окружное положеніе и реформа палаты господъ, занимаетъ законъ объ элементарныхъ школахъ, который принятъ теперь министромъ народнаго просвѣщенія. Передъ войной я часто писалъ о знаменитомъ (*Regulative*) регламентѣ Штиля, введенномъ въ октябрѣ 1854 г. (въ томъ самомъ мѣсяцѣ и годѣ, въ которомъ возникла и палата господъ), и кромѣ того „*Вѣстникъ Европы*" напечаталъ пространный и весьма обстоятельный очеркъ о томъ же предметѣ, принадлежащій другому перу, въ декабрѣ прошлаго года, слѣдовательно незадолго до того времени, какъ отставка Мюлера подала сигналъ къ давно желанной и настоятельно необходимой реформѣ школьныхъ порядковъ. Послѣ того, какъ палъ Мюлеръ, Штиль тоже сталъ невозможнымъ.

Хотя онъ и употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы удержаться на мѣстѣ и даже еще весною принималъ участіе въ конференціяхъ компетентныхъ людей, которыхъ созывалъ министръ просвѣщенія, чтобы выслушать ихъ мнѣніе на счетъ реформы элементарныхъ школъ, но все же ему невозможнымъ оказалось оставаться. Онъ взялъ отпускъ, отпускъ этотъ затянулся и, наконецъ, окончился отставкой. Въ помощники статсъ-секретаря Фалькъ назначилъ бывшаго совѣтника министерства торговли, д-ра Ахендаха, очень еще молодого человѣка и одного изъ свѣтилъ чиновнаго міра, и эти два лица главнымъ образомъ посвятили себя задачѣ провести законъ о *надзорѣ за училищами* (который, какъ вамъ извѣстно, ландтагъ рѣшилъ принять на послѣдней своей сессіи), переработать регламентъ (*Regulative*) и подготовить тотъ рядъ законовъ, которые должны сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ всякое превышеніе власти со стороны ультрамонтановъ. Объ энергіи этихъ мѣръ можно судить по тому законо-проекту, который уже внесенъ въ палату и направленъ противъ злоупотребленій духовной власти. Такъ, напримѣръ, онъ угрожаетъ штрафомъ

въ 1000 талеровъ или двухлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ за отлученіе отъ церкви—такого рода вещами, которыя могутъ устрашить даже непогрѣшимо-настроенныхъ епископовъ, до сихъ поръ воображавшихъ, что это право составляетъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Съ 15-го октября нынѣшняго года оконченъ трудъ г. Фалька, которымъ отмѣняется и замѣняется регламентъ, и 30-го октября онъ былъ уже разосланъ къ учебному начальству. Названіе придумано другое, вѣроятно потому, что слово „регулатива" уже очень опротивѣло. Настоящій регламентъ называется: „Общія постановленія о народныхъ приготовительныхъ школахъ и семинаріяхъ". Новыя постановленія распадаются на пять группъ, изъ которыхъ первая, такъ-сказать общая часть, содержитъ главныя, руководящія идеи. Самое рѣзкое различіе отъ стараго регламента заключается въ отношеніи къ преподаванію закона божія; число учебныхъ часовъ ограничено съ 6-ти на 5, библейскіе разсказы свободно передаются и толкуются согласно ихъ нравственному и религіозному содержанію. Изъ псалмовъ, не болѣе 20-ти будутъ заучиваться наизусть, и вообще избѣгается обременять память. Эти пункты бросаются въ глаза и всего болѣе характеризуютъ духъ новыхъ постановленій. Но въ принципѣ столько же важно еще и то, что въ то время какъ регламентъ Штиля ставилъ за правило одноклассную школу и ограничивалъ елико возможно реальныя училища,— въ постановленіяхъ Фалька трехклассная школа принимается за правило, а въ реальныхъ училищахъ вмѣсто трехъ отводится теперь 6 учебныхъ часовъ, и кромѣ того въ нихъ будутъ преподаваться, какъ самостоятельные предметы, такіе, которые до сихъ поръ преподавались лишь вскользь и въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ (въ томъ числѣ исторія, географія и всеобщая космологія). Ничто такъ глубоко не раздражало и такъ не питало оппозиціи противъ регламента Штиля, какъ исключеніе изъ семинарій нѣмецкихъ классиковъ. По новымъ постановленіямъ изгнаннымъ-было писателямъ отведена подобающая честь, и въ семинаріяхъ предполагается знакомить какъ съ сочиненіями классиковъ, такъ и съ твореніями выдающихся поэтовъ и народныхъ писателей. Знакомство съ нѣкоторыми произведеніями, какъ, напр., „Минна фонъ-Барнгельмъ" Лессинга, „Валленштейнъ" Шиллера, „Германъ и Доротея" Гёте, „Лienгардтъ и Гертруда" Песталоцци сдѣлано обязательнымъ. Я касаюсь здѣсь лишь нѣкоторыхъ пунктовъ. При томъ интересѣ, съ какимъ „Вѣстникъ Европы" слѣдитъ за всеобщимъ прогрессомъ въ образованіи и необходимѣйшими основами преподаванія, въ немъ, вѣроятно, будетъ посвященъ болѣе подробный обзоръ этому вопросу. Но уже поверхностное знакомство показываетъ, что здѣсь дѣйствительно существуетъ прогрессъ, хотя и не скороспѣлый, не необдуманный, но

въ высшей степени осмотрительный и немогущій встревожить даже самаго яраго консерватора. Да и реформа произведена своевременно потому, что хотя дурныя последствія регламента Штиля и сказываются во многомъ, но поколѣніе старыхъ учителей, которые воспитались въ свободномъ духѣ, все еще было настолько сильно, что не могло допустить полнаго порабощенія умовъ, бывшаго цѣлью регламента, да и кромѣ того нельзя истребить однимъ взмахомъ руки, и даже въ 18 лѣтъ, традиціи нѣсколькихъ поколѣній, которыя живутъ не только въ школѣ, но и въ семьѣ; еще труднѣе бороться съ духомъ времени и народа. Единственные люди, понимающіе это — іезуиты съ ихъ истинно изумительной и до совершенства доведенной системой образованія. Кто попадетъ въ ихъ руки, того они такъ перевоспитаютъ, что онъ безусловно принимаетъ ихъ міровоззрѣніе. Поэтому-то борьба, въ которую вступило прусское правительство съ іезуитизмомъ, должна въ высшей степени интересовать всѣхъ приверженцевъ умственной свободы.

Совсѣмъ недавно общественное вниманіе у насъ возбуждено было важнымъ литературнымъ явленіемъ. Оно въ эту минуту еще такъ ново, что я едва успѣлъ пробѣжать его. Но такъ какъ мнѣ давно уже не приходилось говорить съ вами о чемъ-нибудь замѣчательномъ въ литературѣ, то я сообщу вамъ хотя краткія извѣстія о вышеупомянутой литературной новинкѣ. Прежде всего тутъ играетъ роль имя автора, котораго почти все современное поколѣніе признаетъ за великаго мастера: онъ далъ по крайней мѣрѣ два творенія, которымъ предстоитъ считаться весьма долгое время сокровищами нѣмецкой литературы. Я говорю о Густавѣ Фрейтагѣ, авторѣ лучшаго новѣйшаго нѣмецкаго романа: "*Soll und Haben*" („Приходъ и Расходъ") и лучшей новѣйшей нѣмецкой комедіи: „*Die Journalisten*" („Журналисты"), и не менѣе замѣчательномъ историкѣ, который подарилъ своему народу „*Bilder aus der deutschen Vergangenheit*" („Картины изъ нѣмецкаго прошлаго"). Въ послѣдніе годы онъ напечаталъ большой романъ „*Die verlorne Handschrift*" („Затерянная рукопись"), который очень хвалятъ и много читаютъ, хотя я вижу на немъ ясные слѣды старческаго возраста, когда фантазія уже оскудѣваетъ. Новое произведеніе автора называется „*Die Ahnen*" („Предки") и [1]) первая досихъ-поръ появившаяся часть его—„*Ingo und Ingraban*" („Инго и Инграбанъ")—два имени, которыхъ, говоря мимоходомъ, никакъ не могу запомнить, такъ что всякій разъ, какъ привожу ихъ, должень сначала справиться съ книгой. «Это произведеніе,—говоритъ авторъ въ предисловіи сочиненія, посвященнаго имъ супругѣ кронъ-принца,—

---

[1]) *Leipzig, 1872. S. Hirzel.*

должно содержать цѣлый рядъ вымышленныхъ разсказовъ, въ которыхъ будетъ передаваться исторія судьбы одного отдѣльнаго поколѣнія. Она начинается съ отдаленнѣйшихъ предковъ и будетъ, если автору не измѣнятъ силы и удовольствіе продолжать свой трудъ, доведена до позднѣйшаго потомка, молодого человѣка, который еще живетъ и дѣйствуетъ подъ лучами нѣмецкаго солнца, не особенно заботясь о дѣяніяхъ и страданіяхъ своихъ предковъ. Книга будетъ содержать поэзію, а не исторію. Разумѣется, нельзя ожидать отъ этого предпріятія особенной краткости. О томъ, какимъ образомъ всѣ отдѣльные разсказы будутъ связаны въ одно цѣлое, авторъ желалъ бы умолчать до поры до времени». Этимъ молчаніемъ авторъ по всей вѣроятности желаетъ приготовить для читателей сюрпризъ, но который едва ли станетъ раздражать чье-нибудь любопытство, потому-что или разсказы будутъ ведены послѣдовательно, или же между ними будутъ промежутки. Первое было бы по истинѣ жестоко, ибо надъ первой главой стоитъ 357-й годъ по Р. Х., и слѣдовательно автору, если онъ желаетъ прослѣдить исторію до послѣдняго внука, пришлось бы пробѣжать, шутка сказать! цѣлыхъ 15-ть столѣтій.

Къ счастію уже годъ, выставленный надъ разсказомъ „Инграбанъ", 724-й показываетъ, что авторъ перескакиваетъ черезъ цѣлыя столѣтія. Первый разсказъ переноситъ читателя въ эпоху незадолго до переселенія народовъ, когда римляне и нѣмцы съ перемѣннымъ счастіемъ сражались другъ съ другомъ, второй же въ эпоху распространенія христіанства и борьбы между германцами и славянами. Когда авторъ заранѣе предупреждаетъ, что намѣренъ предложить читателямъ не исторію культуры, а поэтическое произведеніе, то онъ сильно заблуждается, потому что предлагаетъ главнымъ образомъ исторію культуры. Но это можно оспаривать лишь въ томъ отношеніи, что въ разсказахъ происходитъ вымышленное дѣйствіе и даже разыгрывается любовная исторія. Но совершенно невыносимъ ходульный слогъ, которымъ авторъ думаетъ придать своему разсказу характеръ сѣдой старины; всего же нестерпимѣе онъ въ разговорахъ. Хотя при переводѣ сглаживаются нѣкоторыя особенности, которыя заключаются въ томъ, что авторъ употребляетъ устарѣлыя слова и обороты, которые должны выразить ту эпоху, когда еще совсѣмъ не говорили по-нѣмецки, а говорили по-готски,—но даже и въ переводѣ, полагаю, признаютъ невозможность, чтобы обитатели Тюрингіи за 500 лѣтъ передъ симъ разговаривали такъ, какъ это здѣсь изображено. Вотъ, напримѣръ:

„Онъ перебросилъ поводья черезъ шею коня; послушный какъ собака послѣдовалъ этотъ послѣдній за человѣкомъ; также и для

жеребца неровная дорога казалась игрушкой. Довольными глазами измѣрилъ стражникъ сильный прыжокъ, которымъ чужеземецъ перескочилъ черезъ ручей и затѣмъ поглядѣлъ на слѣдъ, оставшійся на мягкомъ грунтѣ.—Ты шибко шагаешь для усталаго человѣка,—сказалъ онъ; мнѣ сдается, что тебѣ случалось уже раньше дѣлать еще болѣе широкіе прыжки по кровавому полю. По твоему слѣду вижу я, что ты изъ нашего народа, потому что кончикъ ноги выворочень наружу и мякоть крѣпко вдавлена. До того я считалъ тебя по говору за чужеземца. Видалъ ли ты когда-нибудь римскіе шаги?

— Они шагаютъ маленькими ногами и короткими шагами всею ступней, какъ усталые люди.

— Такъ говорили мнѣ и наши молодцы, бывавшіе на западѣ. Я до сихъ поръ видалъ лишь однихъ безоружныхъ торгашей изъ чернокудраго народа, — прибавилъ онъ, какъ-бы извиняясь.

— Пусть ворожеи отдалятъ отъ вашей почвы слѣды римлянъ, отвѣчалъ пришлецъ.

— Ты говоришь какъ наши старики; но мы, молодые, думаемъ, что если они не придутъ къ намъ, то мы пойдемъ къ нимъ, потому что чудна должна быть ихъ страна, всѣ дома́ изъ пестраго ка́мня, круглый годъ солнце свѣтитъ и зимой земля темнѣетъ; сладкое вино обыкновеннѣе чѣмъ жидкое пиво; изъ серебра кресла и скамьи, дѣвушки пляшутъ въ золотыхъ уборахъ и шелковыхъ одеждахъ, и воинъ господинъ всего этого великолѣнія".

Нѣсколько далѣе читаемъ, когда они оба подходятъ къ селенію:

— Кто эти женщины, вонъ тамъ, въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ?—спросилъ пришлецъ, когда они остановились вблизи просѣки, на одномъ холмѣ и заглянули за изгородь.

— Гей!—вскричалъ стражникъ,—дѣвушки вернулись съ господскаго двора, вонъ тамъ бурая корова Фриды, слышишь ли ты прекрасный колокольчикъ, который виситъ у нея на шеѣ, а вонъ и сама дѣвушка.

Его покраснѣвшее лицо выдавало, что встрѣча ему пріятна.

— Видишь ли ветхую хижину? въ ней живетъ коровій пастухъ; лѣтомъ деревенскихъ коровъ выгоняютъ на лѣсныя поляны, куда уходятъ и наши дѣвушки и отправляютъ работы по погребу, послѣ работы на господскомъ дворѣ. Но вонъ тамъ, въ буковомъ лѣсу живетъ пастухъ свиней съ своими подданными: не существуетъ лучше откормленныхъ свиней въ странѣ, гдѣ только свѣтитъ солнце.—Они вошли въ просѣку, стражникъ раздвинулъ колья, которыя загораживали входъ въ коровій загонъ и пришлецъ въѣхалъ въ загороженное пространство, вокругъ котораго коровы бѣгали мыча, между тѣмъ какъ жена пастуха, съ своими прислужницами, носила сосуды

съ молокомъ въ прохладный погребъ, сложенный изъ камня и выложенный мхомъ, и расположенный въ сторонѣ отъ солнца, и въ которомъ стояли длинные ряды горлачей съ молокомъ.

— Доброй удачи, чужеземецъ,—всврикчалъ стражникъ,—дитя нашего господина, сама Ирменгарда здѣсь, чтобы присмотрѣть за стадомъ; если она окажется къ тебѣ милостива, то ты можешь разсчитывать на хорошій пріемъ".

Тутъ конецъ моей цитатѣ. Гдѣ тутъ природа? гдѣ тутъ правда?

К.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РЕЗУЛЬТАТЫ АМЕРИКАНСКАГО ПРОТЕКЦІОНИЗМА.

Cobden Club essays, second series, 1871-2. By Emile de Laveleye; the hon. George C. Brodrick; W. Fowler, M. P.; T. E. Cliffe Leslie; Herr Julius Faucher; Herr John Prince Smith; Joseph Gostick; James E. Thorold Rogers; the hon. David A. Wells, L. L. D., *of the United States*.—Second Edition. Cassell, Petter, and Galpin, *London, Paris, and New-York*. 1872. (Сборникъ статей *Кобденскаго клуба*, второй томъ за 1871—2).

Кобденскій клубъ—это политическій клубъ англійскихъ либераловъ съ широкими прогрессистскими взглядами; клубъ этотъ основанъ года три-четыре тому назадъ въ память извѣстнаго вождя такъ-называемой „манчестерской школы", прославившагося въ современной европейской исторіи заключеніемъ знаменитаго торговаго договора 1860 года между Англіей и Франціей—того договора, который сталъ дѣятельнымъ проводникомъ принципа свободы торговли въ семью европейскихъ государствъ. Самъ Кобденъ былъ не фритрэдеромъ только, но либеральнымъ политикомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; въ программу его политической агитаціи входили всѣ великіе вопросы свободы личной и артельной дѣятельности на всѣхъ поприщахъ жизни. Назвавши свой клубъ именемъ этого великаго „радикала" прежнихъ временъ—временъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ,—нынѣшніе либералы приняли въ свою программу всѣ дальнѣйшія цѣли Кобдена, всѣ идеалы прежняго поколѣнія, но придали имъ болѣе ясныя, болѣе опредѣленныя формы, соотвѣтствующія потребностямъ новаго времени и успѣхамъ современной науки. То, о чемъ Кобденъ говаривалъ только слегка, какъ-бы мимоходомъ, опа-

саясь дать своимъ политическимъ противникамъ предлогъ къ обвиненію его въ пропагандѣ „революціонныхъ началъ",—это нынѣшніе послѣдователи Кобдена разбираютъ и раскрываютъ передъ публикою въ цѣлыхъ статьяхъ, въ которыхъ самыя широкія реформы являются передъ вами разработанными до мелкихъ подробностей. Сборникъ Кобденскаго клуба состоитъ именно изъ такихъ статей и можетъ служить, — поэтому, указателемъ того, насколько подвинулись впередъ политическія потребности либеральной половины британскаго народа въ продолженіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій. Девять статей, помѣщенныхъ въ этомъ второмъ томѣ, касаются вопросовъ о предупрежденіи военныхъ столкновеній между цивилизованными народами, о поземельномъ владѣніи, о податяхъ, о рабочихъ союзахъ, о заключеніи торговыхъ договоровъ, объ управленіи колоніями. Кобденъ, вступая въ область этихъ вопросовъ, добивался лишь отдѣльныхъ уступокъ; члены Кобденскаго клуба принимаютъ всѣ его предложенія въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Такъ, Кобденъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы Англія не вмѣшивалась ни въ какія европейскія распри и избѣгала войны, и чтобы она побудила другія державы прибѣгать, въ случаѣ серьёзнаго спора, къ третейскимъ рѣшеніямъ, — теперь же, бельгіецъ Лавелэ, указывая на вашингтонскій трактатъ съ женевскимъ судомъ, прямо настаиваетъ на томъ, чтобы Англія вмѣстѣ съ Соединенными Штатами побудила другія державы созвать конгрессъ дипломатовъ и юристовъ, для составленія новаго кодекса международныхъ отношеній, и чтобы затѣмъ былъ учрежденъ особый третейскій судъ, который долженъ заявлять свое мнѣніе во всѣхъ распряхъ между правительствами разныхъ государствъ. Судъ этотъ не долженъ имѣть за собою никакой военной силы, такъ какъ пока „время еще не пришло для учрежденія федераціи всѣхъ націй съ такимъ верховнымъ судомъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, рѣшенія котораго проводятся съ авторитетомъ власти" (стр. 35, 36). Предложеніе свое Лавелэ дѣлаетъ весьма серьёзно, подкрѣпляя его аргументами современной исторіи и стараясь придать ему практическій характеръ. Третейскій судъ долженъ состоять изъ дипломатовъ и юристовъ всѣхъ державъ, по равному числу отъ каждой, и засѣдать въ какомъ-нибудь маленькомъ нейтральномъ государствѣ, въ родѣ Бельгіи или Швейцаріи. Составъ его долженъ быть постоянный, но съѣздъ его полагается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда является серьезное дѣло. Положеніе этого суда должно быть обставлено всѣмъ, что можетъ внушать ему высокій нравственный авторитетъ передъ лицомъ всѣхъ націй, такъ чтобы его мнѣніе встрѣчало поддержку въ общественномъ мнѣніи всѣхъ націй. Лавелэ увѣренъ, что „будь публикѣ извѣстно,

что 23-й протоколъ трактата 1856 года нравственно побуждалъ Францію, въ ея спорѣ съ Пруссіей, обратиться къ добрымъ услугамъ другихъ державъ прежде, чѣмъ къ оружію,—и общественный голосъ вѣроятно заставилъ бы французскаго императора сдѣлать этотъ шагъ, при чемъ война, можетъ быть, и не состоялась бы" (стр. 36).

Въ поземельномъ вопросѣ Кобденъ совѣтовалъ только отмѣнить ту майоратную систему, которая передаетъ землю изъ рукъ владѣльца прямо въ руки перворожденнаго внука, часто еще нородившагося при жизни завѣщателя. Теперь же Бродрикъ, самъ землевладѣлецъ, рѣшительно осуждаетъ всю систему первородства, и законы, и обычаи ея, и не только съ политической, соціальной и экономической точекъ зрѣнія, но также съ нравственной и въ интересахъ семейнаго начала (стр. 100—101), а членъ парламента Фоулеръ находитъ въ ней причины того, что англійская земля до сихъ поръ кормитъ только двѣ-трети своего населенія, и что англійскій земледѣльческій рабочій находится въ столь дурномъ положеніи, что оно „скандализируетъ" всю британскую цивилизацію. Фоулеръ предлагаетъ также уничтожить всякія другія юридическія стѣсненія, которыми обставленъ переходъ земли изъ рукъ въ руки. *Полная свобода поземельнаго владѣнія,* нестѣсняемая никакими косвенными налогами,—вотъ принципъ Кобденскаго клуба.

Въ свободѣ торговли Кобденъ добивался лишь отмѣны всѣхъ такъ-называемыхъ „протекціонистскихъ пошлинъ", допуская фискальныя. Но Кобденскій клубъ, въ лицѣ нѣмца Фаухера, желаетъ ввести и акцизы въ число предметовъ—международныхъ переговоровъ о торговыхъ сношеніяхъ, а въ лицѣ Клиффе Лезли, возстаетъ противъ таможенъ и акцизовъ вполнѣ, указывая на возможность — покрыть всѣ государственные расходы Англіи подоходнымъ налогомъ и налогомъ съ наслѣдствъ. Послѣдняго вопроса, то-есть наслѣдственнаго, Кобденъ касался только въ общихъ выраженіяхъ; — Клиффе Лезли признаетъ, что принципъ, лежащій въ основѣ наслѣдственнаго права, имѣетъ въ виду развитіе промышленнаго духа и бережливости, а слѣдовательно увеличеніе національнаго богатства. Въ самой сильной степени принципъ этотъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, когда у него есть жена и дѣти. „Но этотъ мотивъ очевидно ослабѣваетъ пропорціонально съ отдаленностью родственныхъ связей, такъ что въ случаяхъ весьма дальняго родства или не-родственниковъ онъ столь слабъ, что уничтожьте всѣ права наслѣдованія, никакого замѣтнаго уменьшенія въ національномъ богатствѣ не произойдетъ, между тѣмъ, какъ нація будетъ въ выигрышѣ, если получитъ возможность „потребить" оставшуюся собственность къ уменьшенію налоговъ или государственнаго долга (стр. 261). Замѣчательно, что самъ нынѣшній

министръ финансовъ Лоу обратилъ уже вниманіе на налоги съ наслѣдствъ, значительнымъ повышеніемъ которыхъ онъ намѣренъ составить доходную статью для государства.

Рабочимъ вопросомъ, то-есть, отношеніемъ капиталистовъ къ рабочимъ, и вопросомъ объ управленіи колоніями Кобденъ занимался сравнительно мало, но придерживаясь всегда принципа свободной дѣятельности. И колоніямъ, и рабочимъ, и капиталистамъ онъ желалъ предоставить полную свободу въ ихъ дѣлахъ. Нынѣшніе англійскіе либералы уже хлопочутъ о томъ, чтобы указать пути къ разрѣшенію рабочаго вопроса; Гостикъ, въ своей статьѣ о рабочихъ союзахъ, прямо объявляетъ, что мало совѣтовать рабочимъ придерживаться Мальтусовскаго принципа въ брачныхъ отношеніяхъ, что нужно способствовать распространенію кооперативнаго начала въ средѣ рабочихъ, и что самимъ капиталистамъ слѣдуетъ принять участіе въ этомъ распространеніи.

Вопросъ объ управленіи колоніями разбирается въ сборникѣ Кобденскаго клуба оксфордскимъ профессоромъ политической экономіи Торольдомъ Роджерсомъ. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что Англія не должна вмѣшиваться во внутреннюю жизнь своихъ колоній, и что ей слѣдуетъ стараться лишь о томъ, чтобы всѣ ея колоніи, вмѣстѣ съ Соединенными Штатами, стремились къ образованію съ Англіей одной громадной федераціи англо-саксонскаго племени. Эта послѣдняя идея находитъ отголосокъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ видно изъ участія въ Кобденскомъ клубѣ американца Уэлльза (Wells), бывшаго спеціальнымъ коммиссаромъ при Грантовомъ министрѣ финансовъ Мак-Коллокѣ.

Статья Уэлльза имѣетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ въ ней мы находимъ драгоцѣнныя данныя для опредѣленія американской финансовой политики вообще и результатовъ американскаго протекціонизма въ особенности. У насъ, въ Россіи, заблужденія протекціонизма стараются найти себѣ оправданіе въ примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ. Когда нашъ журналъ однажды замѣтилъ, что протекціонизмъ можетъ быть защищаемъ только отсталыми, ретроградными партіями, такъ какъ посредствомъ протекціонизма преслѣдуются интересы отдѣльныхъ монополистовъ-производителей на счетъ всего общества, то наши протекціонисты *либеральнаго* лагеря тотчасъ сослались на американскую республиканскую партію, которая, какъ извѣстно, составляла душу сѣверныхъ штатовъ, стремившихся отмѣнить невольничество. Наши либеральные протекціонисты любятъ, сверхъ того, поиграть цифрами американской заработной платы, которыя дѣйствительно весьма высоки. Что среди американскихъ радикаловъ, засѣдающихъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ, есть много

лицъ, подающихъ свои голоса вмѣстѣ съ завзятыми протекціонистами,—это фактъ неоспоримый, но изъ него никакъ не слѣдуетъ, что всѣ эти члены американской палаты представителей и сената могутъ служить авторитетами въ финансовыхъ вопросахъ;—эти члены могутъ быть, пожалуй, либералами въ томъ или другомъ политическомъ вопросѣ, но никакъ не въ финансовыхъ. Что же касается до высоты заработной платы, то и она весьма обманчива бываетъ: въ вопросѣ заработной платы важно знать не то — сколько тѣхъ или другихъ монетныхъ знаковъ получаетъ рабочій, но много ли вещей можетъ онъ купить на свое жалованье, хорошо ли, или дурно сводятся въ его хозяйствѣ концы съ концами.

Разсматривая американскій протекціонизмъ не съ точки зрѣнія своекорыстной агитаціи въ пользу монополіи и во вредъ общественнымъ интересамъ, а съ точки зрѣнія общей пользы всѣхъ слоевъ общества и согласно съ требованіями современной науки, мы найдемъ въ немъ лучшія доказательства несостоятельности покровительственной системы, какъ въ дѣлѣ удовлетворенія промышленныхъ и финансовыхъ потребностей страны, такъ и въ поддержаніи довольства среди рабочихъ классовъ. Данныя, представляемыя статьею Уэлльза изъ американскаго опыта послѣднихъ временъ, подробно объяснятъ намъ и то другое.

До междоусобной войны между Сѣверными и Южными Штатами, вся американская финансовая система покоилась на таможенныхъ пошлинахъ, и вопросъ о пониженіи или повышеніи этихъ пошлинъ считался поэтому вопросомъ первостепенной важности. Въ тѣ времена не было ни акцизовъ, ни штемпелей, ни прямыхъ налоговъ вообще, ни подоходнаго въ частности. Кромѣ таможенныхъ доходовъ государство получало еще очень небольшія суммы съ продажи земель. Такъ какъ вся страна занималась до самой войны преимущественно политическими вопросами, и въ особенности невольничьимъ, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что экономическіе вопросы, которые занимали собою лишь немногихъ людей, не приняли ни малѣйшаго соціальнаго оттѣнка. Государству нужны были доходы, эти доходы доставляла таможня, — и вотъ, весь экономическій вопросъ сосредоточивался въ томъ, какъ бы такъ хорошо устроить сборъ таможенныхъ пошлинъ, чтобы онъ, наполняя ежегодно государственную казну, способствовалъ въ то же время, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ развитію національныхъ промышленныхъ силъ. О рабочемъ вопросѣ, объ отношеніи труда къ капиталу, о вліяніи тѣхъ или другихъ налоговъ на экономическую и общественную жизнь страны въ тѣ счастливыя времена толковали только слегка, но въ этихъ бесѣдахъ не видѣли ничего важнаго. Единственный экономи-

ческій споръ, раздѣлявшій тогда людей на партіи, вращался такимъ образомъ около тарифовъ; споръ этотъ занимаетъ въ тогдашней литературѣ Сѣверныхъ Штатовъ такое же важное мѣсто, какое въ литературѣ Южныхъ Штатовъ занималъ вопросъ рабовладѣнія. Какъ южные рабовладѣльцы создали для своей личной пользы новую антропологію негра, которая учила, что черный человѣкъ долженъ жить въ вѣчномъ рабствѣ у бѣлаго, такъ промышленные монополисты сѣвера старались о пропагандѣ своей „американской“ политической экономіи, которая утверждаетъ, подобно Вольтеровскому доктору Панглосу, что въ этомъ „лучшемъ изъ міровъ“ всѣ интересы гармоничны, и что однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ устройству гармоніи на землѣ служитъ именно протекціонизмъ. Такъ какъ Адамъ Смитъ, съ его ученіемъ о свободѣ торговли, былъ слишкомъ твердъ въ своихъ экономическихъ аргументахъ, то американскіе протекціонисты пустили противъ него въ ходъ аргументы политическіе: національныя страсти у американцевъ, со временъ войны за независимость, господствовали, и до сихъ поръ еще существуетъ не то зависть, не то ненависть къ Англіи, и вотъ это-то низкое чувство постарались сѣверные протекціонисты, съ Генри Кэри во главѣ, пустить противъ доводовъ Адама Смита, и это имъ удалось до извѣстной степени, благодаря невысокому уровню общаго научнаго образованія и малому распространенію экономическихъ знаній въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ послѣднее время Кэри и его сотоварищи совѣтовали своимъ соотечественникамъ повоевать съ Англіей, увѣряя, что такая война дастъ славный толчокъ американской промышленности; но американцы, какъ кажется, уже довольно наслушались сладкихъ рѣчей протекціонизма и не намѣрены слагать свои головы изъ-за интересовъ разныхъ монополистовъ.

Факты противъ протекціонизма существовали и прежде, но политическіе вопросы столь сильно занимали умы американцевъ, что на эти факты не обращали тогда достаточнаго вниманія. Только теперь, когда протекціонизмъ сдѣлалъ крупный опытъ, воспользовавшись замѣшательствомъ, въ которомъ находилось американское общество во время междоусобной войны, — только теперь, указывая на нынѣшнія неудачи протекціонизма, притянули къ общественному суду и его прежніе неуспѣхи, особенно фіаско тарифа 1842 года, составленнаго протекціонистами, успѣвшими въ то время пріобрѣсть въ свои руки законодательную власть въ странѣ. Уже въ 1846-мъ году государствомъ стала управлять опять прежняя партія, которая признавала за таможенными пошлинами исключительно фискальный характеръ, но отнюдь не покровительство отечественной промышленности. Протекціонный тарифъ налагалъ на всѣ товары, подлежавшіе

пошлинѣ, 33 процента съ цѣны, и онъ давалъ государственной казнѣ, въ періодъ 1840—46 г., по 26 милліоновъ долларовъ ежегодно; съ 1846 года по 1857-й, тарифъ съ ввоза простирался лишь до $24^1/_2$ процентовъ, между тѣмъ какъ получали по 46 милліоновъ долларовъ ежегодно. Въ послѣдніе три года до войны: въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, когда тарифъ понизился до 18—20 процентовъ, „сравнительный ростъ и прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ американскаго ремесла, торговли и промышленности, оказались сильнѣе всѣхъ другихъ періодовъ, раннихъ и позднихъ, въ исторіи націи“ (стр. 466). Именно въ этотъ періодъ морская торговля Соединенныхъ Штатовъ даетъ самую высокую цифру тоннъ: 5,353,868 въ 1859—60 годахъ, и 5,539,813 — въ 1860-61; въ 1869-70 гг. она простиралась лишь до 4,246,507. Вывозъ американскихъ издѣлій въ эти три года достигаетъ своего максимума, и въ этотъ же періодъ времени нація потребляетъ въ бо́льшемъ количествѣ сахаръ, кофе и сукно. „Пауперизмъ, за исключеніемъ большихъ городовъ, былъ тогда почти неизвѣстенъ; богатство распредѣлено было довольно равномѣрно, способы къ образованію были доступны для всѣхъ, а въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ образованіе давалось въ полной мѣрѣ. Короче сказать, процвѣтаніе народа, вслѣдствіе пользованія громадными природными запасами и дѣятельности самаго населенія, а также постояннаго наплыва людей и капитала другихъ странъ, было столь велико, что оно само въ себѣ заключало *преграду къ реформѣ*“ (стр. 467). Пользуясь матеріальнымъ благосостояніемъ, американцы, повидимому, и не понимали даже, что можетъ явиться передъ ними, да еще застать въ расплохъ какой-нибудь другой вопросъ, кромѣ политическаго. Матеріальное довольство дотого изнѣжило американцевъ сѣвера, что, по мнѣнію нашего автора, не начни Южные Штаты своей рабовладѣльческой войны, невольничество, „со всѣми, или только съ нѣкоторыми изъ своихъ ужасовъ, пережило бы нынѣшнее столѣтіе“. А вмѣстѣ съ невольничествомъ жилъ бы себѣ еще цѣлый вѣкъ и таможенный тарифъ, и споръ о выгодахъ протекціонизма.

Но война сразу разбила всю финансовую систему великой республики, и американскіе законодатели вдругъ увидѣли передъ собою цѣлый рядъ экономическихъ вопросовъ, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ у нихъ не было ни опыта, ни необходимыхъ знаній; и вотъ, они написали цѣлую „курьезную главу въ политико-экономической исторіи“, какъ называетъ Уэлльзъ весь періодъ финансовой дѣятельности вашингтонскаго конгресса за 1860—1865-й г. Мы не станемъ здѣсь разсказывать о всѣхъ колебаніяхъ страшнаго кризиса, который пережила американская республика во время своей междоусобной войны, но намъ нельзя пройти мимо нѣкоторыхъ фи-

нансовыхъ мѣръ, которыя усиливали замѣшательство вашингтонскаго правительства, и могли такъ или иначе отзываться на состояніи всѣхъ отраслей американской промышленности. Въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій, единственнымъ источникомъ государственной казны была, какъ мы сказали выше, таможня, а, между тѣмъ, война прежде всего навела страхъ на иностранную торговлю, и тѣмъ сразу уменьшила таможенный доходъ. Самъ этотъ доходъ, впрочемъ, былъ сравнительно съ потребностями военнаго времени, крайне ничтоженъ. Оставалось броситься въ займы, и съ 1860 по 1862-й годъ государственный долгъ Соединенныхъ Штатовъ возросъ съ 64-хъ милліоновъ до 500 милліоновъ долларовъ. Къ концу 1861 года и правительство, и частные банки прекратили размѣнъ своихъ билетовъ на золото, но продолжая въ то же время выпускать свои бумаги, которыя переполняли рынокъ и сильно подняли цѣну на золото и серебро, такъ что вскорѣ не только золото, но и вся мелкая серебряная монета исчезла изъ обращенія, а вмѣсто мелкихъ денегъ стали ходить почтовыя марки и затѣмъ мелкія ассигнаціи. Американскіе финансисты, вмѣсто того, чтобы постараться возвратить страну къ денежному обращенію, все продолжали выпускать разные кредитные билеты, процентные и безпроцентные, причемъ лажъ на золото все шелъ выше и выше, и въ іюнѣ 1864 года достигъ до 98-ми. Конгрессъ и правительство все еще не понимали въ чемъ дѣло, и надѣялись остановить это повышеніе цѣнности золота особыми законодательными мѣрами. Въ одинъ прекрасный день конгрессъ вдругъ провелъ законъ о запрещеніи торговли золотомъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ", разумѣя подъ этою торговлею банкирскія спекуляціи въ Нью-Йоркѣ и другихъ городахъ; но этотъ законъ произвелъ, разумѣется, не пониженіе лажа на золото, а только еще сильнѣе поднялъ его, такъ что онъ вдругъ достигъ страшной цифры 285. Самъ конгрессъ испугался своей мѣры и взялъ ее назадъ. Тогда лажъ снова сталъ понижаться, и къ 1-му марта 1865 года былъ уже 100; затѣмъ окончилась война, всѣ дѣла стали приходить въ порядокъ, но потрясеніе денежнаго рынка было столь сильно, что еще въ 1871 году, 6-7 лѣтъ по окончаніи войны, лажъ на золото стоялъ 12, тогда какъ въ іюнѣ 1862 г., то-есть до нелѣпыхъ мѣръ вашингтонскаго конгресса, онъ былъ только 2½. Понятно также, что всѣ колебанія цѣнъ на золото служили выгодными моментами для разныхъ спекулянтовъ и биржевыхъ игроковъ, что многіе интересы сильно пострадали отъ этихъ колебаній, и что промышленность вообще получила отъ нихъ сильный ударъ въ своемъ развитіи.

Но кромѣ денежнаго замѣшательства, финансовая политика конгресса и протекціонистскихъ министровъ Линкольна наносила еще

болѣе жестокіе удары промышленности своею безобразною системою разныхъ налоговъ, акцизовъ и новыхъ таможенныхъ пошлинъ, такъ что, если страна не погибла подъ экономическими ошибками своихъ правителей, то лишь благодаря всеобщему патріотическому возбужденію американскаго народа. Всѣ сами требовали, чтобы налоги взимались со всякой вещи, со всякаго пользованія, и при широкой возможности обмануть сборщика податей, обманы совершались, въ продолженіе всей войны, только въ рѣдкихъ случаяхъ. За то при окончаніи военныхъ дѣйствій многіе воспользовались возможностью нажиться посредствомъ разныхъ обходовъ конгрессиаго законодательства по финансовымъ статьямъ; въ то время даже въ самомъ конгрессѣ составилась цѣлая партія ловкихъ людей, которая успѣла, по разсчетамъ Уэлльза, нажить не менѣе 50 милл. долларовъ на одномъ только акцизѣ съ спиртныхъ напитковъ. Какъ бы то ни было, къ концу войны въ Соединенныхъ Штатахъ не было такого предмета, который бы не подлежалъ тому или другому налогу: платили налогъ не только за новыя вещи, но и за поправку старыхъ; „короче сказать, около каждой отдѣльной вещи или національнаго продукта точно граница какая протянулась, черезъ которую ничто не могло пройти не подвергшись налогу, взимаемому во всѣхъ концахъ". Нью-йоркская ассоціація издателей книгъ и памфлетовъ увѣряла, что прежде чѣмъ книга доходитъ до читателя, ей приходится платить до 15—20 разныхъ налоговъ; кромѣ того, издатели платили еще за патентъ на книжную торговлю, да еще подоходный налогъ въ 5—10 процентовъ съ прибыли. Зонтики, мужскіе и дамскіе, прежде чѣмъ появлялись на рынокъ, выносили слѣдующіе налоги и пошлины: за палку, за ручку на палкѣ, если она была изъ другого дерева или кости и т. п., за все, что въ нихъ было желѣзнаго или мѣднаго: за верхніе концы, за ребра, за матерію, изъ которой сдѣланъ зонтикъ, за эластическій снурокъ, которымъ скрѣпляется зонтикъ, за пуговку, къ которой пристегивается снурокъ, и за весь зонтикъ вообще, а если которая-либо частъ его состояла изъ иностраннаго продукта, то онъ несъ еще и таможенныя пошлины. Вся эта мелочная система налоговъ, вмѣстѣ съ огромными таможенными пошлинами и подоходнымъ налогомъ въ 73 милл. долларовъ, подняли доходъ государства съ 42 милл. до 310-ти (въ 1866-мъ г.), не выше; между тѣмъ, подоходный налогъ, показываетъ, что въ тотъ же 1865-й годъ люди, ему подлежащіе, получили доходъ въ 780 милліоновъ. Такъ какъ къ этому разряду людей принадлежало всего 250 тысячъ гражданъ изъ 37-ми милліоновъ всего населенія Соединенныхъ Штатовъ, и такъ какъ налогу не подлежали всѣ доходы ниже 600 долларовъ,—то понятно, что въ общей системѣ налоговъ подоходная подать играла весьма

незначительную роль въ такое важное время, какъ война, и что будь финансисты вашингтонскаго конгресса благоразумнѣе и болѣе свѣдущими въ политико-экономическихъ вопросахъ, и не создавай они среди себя партію корыстныхъ монополистовъ и промышленниковъ на всѣ руки, то вся промышленность въ странѣ избавилась бы отъ тѣхъ безчисленныхъ акцизныхъ и таможенныхъ путъ, въ которыхъ она очутилась въ 1866-мъ году. Но американскіе законодатели рѣшаютъ свои финансовые вопросы иначе, и когда пришлось отмѣнять всевозможные налоги, которыми они обременили свою страну, они постарались прежде всего сократить подоходный налогъ и организовать его такимъ образомъ, что онъ едва приноситъ свои издержки взиманія. Всего долѣе держали они такіе налоги, которые давали возможность нѣкоторымъ монополистамъ обманывать государственную казну. Какъ бы то ни было, къ 1871-му году число акцизовъ сократилось весьма значительно, и налогу подлежали лишь спиртные напитки, табакъ, банки и банкиры, газъ, денежные чеки, патентованныя лекарства, спички; взимались также штемпельныя пошлины. Таможенный тарифъ остается все такимъ же высокимъ, какимъ создали его конгрессные протекціонисты, воспользовавшись военнымъ временемъ,—и вотъ этому-то обстоятельству радуются всѣ наши протекціонисты и всѣ французы тьеровской школы: какъ извѣстно, Тьеръ ссылался на Соединенные Штаты, какъ на доказательсто неудачи подоходнаго налога, между тѣмъ какъ подоходный налогъ оттого только не удается тамъ, что американскимъ капиталистамъ, какъ въ вопросѣ протекціонизма, такъ и здѣсь, желательно всю тяжесть государственныхъ налоговъ свалить на рабочіе классы, на все общество, находящееся внѣ міра крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ всякаго рода.

Американскіе протекціонисты любятъ увѣрять, что рабочіе классы въ сѣверныхъ штатахъ нисколько не пострадали ни отъ войны, ни отъ нелѣпой системы финансоваго управленія. Въ ихъ газетахъ находились также борзописцы, которые утверждали, что и государственный долгъ есть нѣчто въ родѣ небеснаго благословенія, и что пожаръ въ Чикаго „способствовалъ много къ украшенію“ этого города, потому именно, что эти два національныя бѣдствія служатъ стимулами къ промышленности, открываютъ новые рынки! И такія вещи пишутся въ нью-йоркской газетѣ „Tribune“, издаваемой подъ главной редакціей того самаго Грили, который недавно выступилъ кандидатомъ въ будущіе президенты американской республики! Тотъ фактъ, что рабочіе классы держали себя во время войны совершенно спокойно и не заявляли никакихъ крупныхъ жалобъ на свое положеніе, защитники протекціонизма объясняли въ стѣнахъ самаго конгресса

простымъ повышеніемъ—таможенныхъ тарифовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ нашли даже, что сама война, „разсматривая ее съ чисто-матеріальной точки зрѣнія“, была въ дѣйствительности благословеніемъ, и что процвѣтаніе страны нисколько не ослабло отъ ея ударовъ. Что рабочіе классы не жаловались во время войны на излишнія страданія и лишенія — это фактъ несомнѣнный, но объясняется онъ совершенно иначе. Прежде всего, удаленіе цѣлаго милліона рабочихъ людей въ ряды арміи увеличило въ значительной мѣрѣ шансы на трудъ для всѣхъ, кто прежде имѣлъ, сравнительно говоря, мало работы и получалъ небольшой заработокъ. Затѣмъ, тѣ, которые служили подъ знаменами, получали много денегъ и отсылали ихъ своимъ семьямъ и родственникамъ. Далѣе,—рабочіе *до* войны всегда имѣли работу и хорошую заработную плату, и получая вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе хорошее первоначальное образованіе, умѣли устроиваться съ нѣкоторымъ комфортомъ, такъ что нищеты почти не было. Нѣтъ никакого сомнѣнія,—и ниже мы докажемъ это цифрами—что война сильно ограничила комфортъ американскаго рабочаго, но такъ какъ самъ рабочій привыкъ пользоваться всѣми правами свободнаго гражданина въ своей странѣ и цѣнить гражданскую свободу, — то понятно, что онъ нашелъ возможнымъ и съузить свой домашній комфортъ ради высокой патріотической цѣли. Но онъ приносилъ эту жертву безъ жалобъ и напрасныхъ оханій на тяжелыя времена, и вотъ его самоотверженіе стало уже въ глазахъ протекціонистовъ аргументомъ въ пользу войны, давшей имъ возможность внести въ американское законодательство свои завѣтные интересы! Между тѣмъ, если сравнить потребленіе нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ для жизни рабочаго, въ годы военнаго времени, съ потребленіемъ ихъ въ прежнее время, то сразу открывается передъ нами цѣлая картина разныхъ лишеній и бѣдствій, которымъ подвергались всѣ рабочіе и всѣ небогатые люди. Населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1860 г. по 1866-й увеличилось на 4 милліона душъ, а потребленіе хлопка для промышленныхъ цѣлей уменьшилось съ 978,043 кипъ до 655,200. Производство хлопчато-бумажныхъ произведеній въ восемь лѣтъ съ 1860 по 1868, сравнительно съ ихъ производствомъ въ восемь предыдущихъ лѣтъ (1853—1860), уменьшилось на 33 процента. Въ шесть лѣтъ *до* войны Соединенные Штаты истребили 1.228 милл. фунтовъ кофе, а въ шесть лѣтъ *послѣ* объявленія войны только 751 милліонъ. Въ 1859-мъ году потреблено сахару 431,184 тонны, а въ 1864 только 221,980. Статистика башмачнаго, сапожнаго и шляпочнаго производства даетъ такія же цифры, а по нѣкоторымъ даннымъ изъ штата Массачузетса можно заключить, что въ настоящее время бѣдные люди даже занимаютъ меньшія квартиры: въ этомъ штатѣ со-

ставляются списки избирателей по домамъ, въ которыхъ они живутъ, и перепись 1868 года показала, что на каждую сотню домовъ въ томъ штатѣ живетъ девятью избирателями больше, чѣмъ въ 1860-мъ году.

Но кромѣ этихъ косвенныхъ доказательствъ того, что американскій рабочій понесъ вслѣдствіе войны и дурного финансоваго управленія значительный ущербъ въ своемъ домашнемъ комфортѣ, прямое сравненіе нынѣшнихъ цѣнъ на всѣ потребности жизни и заработной платы съ заработною платою и цѣнъ прежняго времени показываетъ совершенно ясно, что какъ война, такъ и протекціонизмъ—явленія крайне вредныя рабочему классу. Мы знаемъ, что нашимъ протекціонистамъ либеральной школы легко можетъ придти въ голову свалить всю вину на одни военныя бѣдствія, но, во-первыхъ, такъ не поступаютъ сами американскіе протекціонисты, которые и самую войну берутъ подъ свое покровительство [1]), а во-вторыхъ, Уэльзъ представляетъ въ своемъ сравненіи цифры за 1871-й годъ, когда уже войны давно не было и только продолжается протекціонизмъ. Цифры его получены изъ одного большого промышленнаго города при Атлантическомъ океанѣ. Сравненіе дѣлается заработной платы, платы за квартиру и цѣнъ на первые потребности жизни (мука, мясо, масло, баранина, свинина, картофель, кофе, сахаръ и чай) за 1860-й годъ и 1871-й. Общій выводъ изъ этого сравненія тотъ, что при еженедѣльной заработной платѣ въ 12 долларовъ на рабочую семью, въ 1860-мъ году, рабочій могъ купить себѣ разныхъ продуктовъ на два процента больше, чѣмъ на заработную плату въ 20 долларовъ, которую онъ получалъ въ 1871 году (ср. стр. 510, 511). Но рабочій людъ, особенно всѣ кустарные промышленники, понесли отъ протекціонизма сильныя стѣсненія еще другимъ способомъ, болѣе непосредственнымъ. Увеличеніе таможенныхъ пошлинъ съ разныхъ орудій производства: машинъ, инструментовъ и сырого матеріала, заставило многихъ изъ нихъ совсѣмъ бросить самостоятельное производство своего ремесла и идти въ наемъ къ большимъ

---

[1]) Война оставила между прочимъ громадный государственный долгъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ разсуждалъ объ этомъ явленіи одинъ изъ важнѣйшихъ протекціонистскихъ писателей Самюэль Уилькинсонъ, членъ редакціи нью-йоркской „Tribune“: „Отвержденный долгъ Соединенныхъ Штатовъ есть, въ дѣйствительности, прибавленіе трехъ мильярдовъ къ реализованному прежде національному богатству. Это три мильярда, прибавляемые къ активному капиталу, находящемуся въ распоряженіи націи. Уплатить этотъ долгъ значило бы уничтожить этотъ капиталъ и лишиться этого богатства. Уничтожить этотъ капиталъ и лишиться этого богатства было бы величайшимъ (inconceivably great) національнымъ бѣдствіемъ“. Замѣчательно, что о распространеніи памфлета Уилькинсона много старалось само правительство Линкольна. А теперь Грантъ старается главнымъ образомъ о томъ, какъ бы поскорѣе уничтожить государственный долгъ.

фабрикантамъ, частію потому, что у нихъ не хватало капиталу, частію же оттого, что теперь конкурренція съ крупными промышленниками стала опаснѣе и труднѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что повысивъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ цѣны на иностранные товары, крупные американскіе капиталисты и сами повысили цѣны на тѣ же товары своего произведенія, но это повышеніе цѣнъ шло соразмѣрно съ требованіями крупнаго капитала, а не съ прибылями мелкихъ ремесленниковъ; и такъ какъ крупный фабрикантъ можетъ для своего домашняго обихода довольствоваться сравнительно небольшимъ процентомъ съ своего капитала, то мелкій ремесленникъ, которому приходится брать тотъ же процентъ или даже меньшій, можетъ очутиться въ одинъ прекрасный день въ такомъ положеніи, что его капиталъ не станетъ давать ему столько прибыли, сколько нужно для житейскихъ потребностей его семьи.

Въ самой промышленной жизни Соединенныхъ Штатовъ есть теперь серьёзные симптомы дурного положенія рабочихъ людей,—симптомы прежде небывалые: это частыя стачки, образованіе рабочихъ союзовъ и появленіе на сцену американской политики даже „международнаго общества". Этихъ фактовъ нельзя скрыть: они несомнѣнно утверждаютъ, что въ экономической системѣ Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на природныя богатства страны и на всевозможныя удобства для труда личнаго и артельнаго, есть кое-какія важныя погрѣшности, и одна изъ наиболѣе крупныхъ, разумѣется,—протекціонизмъ, такъ какъ онъ препятствуетъ свободному развитію промышленности, торговли и земледѣлія.

Протекціонисты утверждаютъ совершенно противное,—въ таможенной регламентаціи они видятъ именно единственное могучее средство для развитія промышленныхъ силъ страны, и они много говорятъ о томъ, что не слѣдуетъ ставить страну въ зависимость отъ иностранцевъ. Между тѣмъ, въ Соединенныхъ Штатахъ произошло явленіе прямо противоположное ожиданіямъ сторонниковъ высокаго тарифа. Когда въ финансовой коммиссіи 1868 года спросили подъ присягою Окса Эмса (Oakes Ames), одного изъ наиболѣе видныхъ и успѣшныхъ фабрикантовъ лопатъ и сельско-хозяйственныхъ орудій, какое вліяніе произвелъ тарифъ 1864 года на знакомыя ему отрасли промышленности, то онъ признался, что первымъ эффектомъ его было „оживленіе почти всѣхъ отраслей", но—прибавилъ онъ—„спустя немного мѣсяцевъ увеличившаяся стоимость производства и повышеніе цѣнъ на трудъ и на продукты труда были уже выше увеличенія тарифа, такъ что дѣла шли не лучше, если даже производство оставалось въ столь же хорошемъ положеніи, въ какомъ оно было прежде повышенія тарифа". Такимъ образомъ, усиленная стоимость производства

при высокомъ тарифѣ оставляетъ за собою только высокія (сравнительно) цѣны на предметы національнаго производства, а высокія цѣны если и приносятъ хорошій барышъ промышленникамъ на счетъ потребителей, то-есть всего общества, за то всегда ставятъ извѣстные предѣлы развитію разныхъ отраслей производства, отчасти потому, что уменьшаютъ шансы успѣшной борьбы на иностранныхъ рынкахъ, и отчасти потому, что принуждаютъ потребителя къ лишенію себя многихъ вещей, которыми онъ пользовался бы при дешевизнѣ,—въ этомъ послѣднемъ отношеніи протекціонизмъ, ослабляя комфортъ гражданъ, является прямымъ препятствіемъ къ цивилизаціи. Статистика ввоза и вывоза разныхъ товаровъ дѣйствительно показываетъ, что американская торговля много ослабла отъ своей финансовой системы, и мы могли бы привести изъ статьи Уэлльза нѣсколько доказательствъ того, что нѣкоторыя отрасли производства дошли тамъ до послѣдняго предѣла своего развитія и дальше развиваться не могутъ по той простой причинѣ, что рынки страны не чувствуютъ потребности въ этомъ развитіи, хотя цѣлые милліоны американскаго населенія нуждаются въ продуктахъ этихъ отраслей промышленности.

Что касается до ввоза и вывоза, Уэлльзъ приводитъ всѣ цифры ихъ за 20 лѣтъ сряду, съ 1851 по 1871-й. Въ нихъ мы видимъ, что въ первое десятилѣтіе, то-есть *до* войны, вывозъ превышалъ ввозъ слишкомъ на 60 милліоновъ долларовъ (вывозъ 2,754 милліоновъ ввозъ: 2,694), между тѣмъ какъ въ слѣдующее десятилѣтіе (1861—1871-й) уже ввозъ взялъ верхъ надъ вывозомъ на 245 милліоновъ (вывозъ: 8,107 мил., ввозъ: 8,352). Итакъ, ввозъ иностранныхъ товаровъ растетъ гораздо быстрѣе вывоза продуктовъ домашняго производства, но въ самомъ ростѣ вывоза играетъ главную роль не фабрика и мастерская, а сельскія произведенія и сырые матеріалы вообще: до войны фабричныя издѣлія составляли 10 процентовъ всего вывоза, а въ 1870—1871-мъ на 562 мил. вывозныхъ товаровъ фабричныя издѣлія составляли лишь 33 милліона, то-есть, не болѣе 6 процентовъ. Еще яснѣе упадокъ американской промышленности является при сравненіи торговли Соединенныхъ Штатовъ съ тѣми странами, съ которыми они торговали до войны и торгуютъ теперь. Уэлльзъ приводитъ сравнительныя цифры торговли съ важнѣйшими странами: Великобританіей, Вест-Индіей (испанскою и шведскою), Мехикой, Сандвичевыми островами и Канадою, и всѣ онѣ говорятъ одно и то же, всѣ онѣ утверждаютъ фактъ упадка. Британскимъ владѣніямъ въ Америкѣ и самой Англіи, напримѣръ, Соединенные Штаты продавали въ 1860-мъ году на бо́льшія суммы, чѣмъ сами покупали отъ нихъ; теперь же (1870-мъ г.) имѣется обратное вліяніе, особенно въ Ка-

надѣ, которая продаетъ Соединеннымъ Штатамъ вдвое болѣе, чѣмъ покупаетъ у нихъ, хотя суммы американскаго ввоза уменьшились весьма немного.

Еще мрачнѣе смотритъ на протекціонизмъ статистика американской морской торговли; всѣ ея цифры указываютъ на ослабленіе торговли: въ 1860—1862-мъ году вмѣстимость торговыхъ кораблей опредѣлялась въ 539,813 тоннъ, а въ 1869—1870-мъ только 4,246,507; прибрежная торговля, охраняемая спеціальнымъ закономъ, тоже пала съ 2.657,292 тоннъ до 2.595,328. Сравненіе съ Англіей придаетъ этимъ цифрамъ еще болѣе мрачный колоритъ: до 1862 года вмѣстимость (въ тоннахъ) американскихъ судовъ, входившихъ въ порты Британской имперіи, превосходила вдвое вмѣстимость англійскихъ, входившихъ въ порты Соединенныхъ Штатовъ, но съ 1868 года тоже превосходство является уже на сторонѣ англійскаго торговаго флота. Въ сравненіи съ другими иностранцами, торговавшими съ Англіей, Соединенные Штаты тоже потеряли весьма много: въ 1860-мъ году въ британскихъ судоходныхъ книгахъ записано 924 американскихъ судна и 613 принадлежавшихъ другимъ націямъ, а въ 1869-мъ году американскихъ оказалось только 365, а другихъ иностранныхъ было 1.391.

Всѣ эти цифры ввоза, вывоза и морского судоходства безспорно доказываютъ, что протекціонизмъ даетъ какъ разъ противоположные результаты тѣмъ, которые были обѣщаны американскими протекціонистами: морская торговля пала, иностранные товары продолжаютъ успѣшно конкуррировать съ американскими на американскихъ же рынкахъ, а американскіе, напротивъ, теряютъ покупателей заграницею. А дома, между тѣмъ, происходитъ странный феноменъ „over-production“, на который жалуются всѣ главныя отрасли американской промышленности. Эта *„излишняя производительность“* состоитъ вотъ въ чемъ. — Высокая стоимость производства, вызванная протекціонною системою, заставляетъ фабрикантовъ ставить столь высокія цѣны на товары, что американская промышленность не можетъ конкуррировать на заграничныхъ рынкахъ съ промышленностью разныхъ иностранцевъ, и особенно Англіи. Запертая такимъ образомъ въ своемъ собственномъ рынкѣ, каждая отрасль промышленности можетъ развиваться лишь согласно съ потребностями нѣкоторыхъ слоевъ потребителей, способныхъ платить за товары требуемую фабрикантами цѣну; при высшихъ цѣнахъ кругъ этихъ потребителей весьма ограниченъ, а такъ какъ увеличенный тарифъ на ту или другую отрасль производства сразу привлекаетъ къ ней капиталъ, причемъ легко можетъ случиться, что привлеченный капиталъ произведетъ гораздо больше вещей, чѣмъ могутъ купить потребители за ту цѣну, какую

желалъ бы получать капиталъ при данныхъ экономическихъ обстоятельствахъ, и вотъ является феноменъ „overproduction", если капиталисты не захотятъ понизить свои цѣны: у нихъ останутся вещи, которыхъ никто не покупаетъ по установленнымъ цѣнамъ. Такіе факты были въ послѣднее время у фабрикантовъ хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, у сапожниковъ и башмачниковъ, у владѣльцевъ каменноугольныхъ и соляныхъ копей и желѣзныхъ рудниковъ, у фабрикантовъ писчей бумаги: всѣ эти промышленники собирались на митинги разсуждать о томъ, какъ бы избѣжать этой „излишней производительности", и нѣкоторые изъ нихъ рѣшили сократить число рабочихъ часовъ на своихъ фабрикахъ. Эти рѣшенія ясно показываютъ, почему въ исторіи американскихъ стачекъ удачи бываютъ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ: прекратить работы на своей фабрикѣ на нѣкоторое время американскій фабрикантъ находитъ даже весьма полезнымъ. Вотъ къ какимъ славнымъ результатамъ ведетъ американскій протекціонизмъ! Нашъ авторъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ такого вліянія протекціонизма; изъ нихъ особенно характеристиченъ фактъ съ солью, нѣкоторыя странныя подробности котораго могутъ быть интересны и для русскаго читателя, особенно же для нашихъ „либеральныхъ" протекціонистовъ.

Соединенные Штаты очень богаты солью: ее можно добывать тамъ и непосредственно изъ богатыхъ копей, и выпариваніемъ изъ морской воды. До войны, таможенная пошлина на соль была лишь номинальная: по $2^1/_2$ до 3-хъ центовъ съ куля; добыча соли развивалась повсюду довольно успѣшно, и всѣ жители Соединенныхъ Штатовъ пользовались прекрасною солью по $1^1/_2$ доллара за боченокъ. Во время войны, ловкіе монополисты успѣли провести въ конгрессѣ законы о повышеніи пошлины съ соли, сперва на 12, а потомъ и на 18 центовъ со 100 фунтовъ, а затѣмъ и до 24 центовъ. Въ то же самое время федеральныя войска разрушили на время богатыя соляныя копи въ Кенавѣ (въ Виргиніи) и блокировали Миссиссипи, по которой прежде подымалась въ западные штаты иностранная соль. Монополисты воспользовались всѣми этими обстоятельствами для того, чтобы поднять цѣну на соль съ $1^1/_2$ доллара за боченокъ до 5 долларовъ. Окончилась война, и монополисты снова обращались къ конгрессу увеличить тарифъ до 30 и даже 42 центовъ съ 100 фунтовъ: палата представителей утвердила это прошеніе 86-ю голосами противъ 32-хъ, но у сената не хватило времени обсудить его, и тарифъ остался прежній. Но вотъ что между тѣмъ происходило съ добычею соли. Когда громадные барыши, которые получили ловкіе промышленники, стали извѣстны по всей странѣ, много людей бросилось рыть новые колодцы и строить новыя машины для выпариванія, при

чемъ не обращали никакого вниманія на то, есть ли въ той мѣстности хорошій и удобный сбытъ соли, и есть ли въ карманѣ у самого новаго производителя достаточно денегъ для соперничества съ тѣми, кто уже успѣлъ пріобрѣсть опытность въ этомъ дѣлѣ. Скоро на американскихъ рынкахъ появилась соль всѣхъ сортовъ, и самая грубая въ томъ числѣ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ предложеніе соли стало превышать спросъ, а такъ какъ заработную плату уменьшить было нельзя, то слабые производители скоро обанкрутились, а крупные работали съ нѣкоторымъ урономъ и стали снова кричать о необходимости дальнѣйшаго повышенія тарифа. Ассоціація крупныхъ промышленниковъ на рѣкѣ Огайо, чтобы удержать свои высокія цѣны въ западныхъ штатахъ, арендовала Кенавскія копи въ Виргиніи за 75,000 долларовъ ежегодной платы, съ единственною цѣлью закрыть ихъ, несмотря на то, что въ этихъ копяхъ существуютъ всѣ условія успѣшной и обильной добычи соли. Итакъ, вмѣсто открытія и разработки новыхъ источниковъ естественнаго богатства страны, протекціонизмъ ведетъ даже къ закрытію старыхъ источниковъ, — вмѣсто развитія промышленности и торговли, протекціонизмъ только губитъ ихъ...

Въ нашей статьѣ мы привели только небольшую часть тѣхъ фактовъ, которые даетъ Уэльзъ, но и эти немногіе факты возбуждаютъ невольно вопросъ, да какъ же американцы терпятъ подобныя нелѣпости въ своихъ финансахъ?... Уэльзъ самъ дѣлаетъ этотъ вопросъ, и, по его мнѣнію, только война и политика мѣшали американцамъ понять весь вредъ протекціонизма и уже давно изгнать его изъ законодательства своей страны. Уэльзъ убѣжденъ, „что не пройдетъ и *десяти* лѣтъ, какъ уже всякій слѣдъ стѣснительнаго и монополистскаго законодательства исчезнетъ изъ національныхъ статутовъ" (стр. 540), и если судить по тому интересу, который возбуждаютъ въ нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатахъ финансовые вопросы, и по тому живому движенію, которое обнаруживается среди американскаго рабочаго класса, а также благодаря усиленію солиднаго образованія въ высшихъ школахъ и университетахъ, гдѣ вездѣ преподается не „американская" политическая экономія, а научная, то весьма можно согласиться съ Уэльзомъ, что протекціонизмъ въ Америкѣ доживаетъ свое послѣднее время. Такого незавиднаго мнѣнія о своемъ твореніи держатся повидимому и сами защитники протекціонизма. Такъ, напримѣръ, въ 1866-мъ году, Генри Кэри, когда узналъ о смерти Кобдена (1865 года), высказалъ на публичномъ митингѣ замѣчательныя слова, изъ которыхъ ясно видно, сколь слабымъ считалъ онъ самъ основные аргументы протекціонизма. Онъ заявилъ на митингѣ, что въ смерти Кобдена слѣдуетъ видѣть руку Провидѣнія, покровительствующаго Соединеннымъ Штатамъ. Когда изумленные слушатели

спросили оратора, почему онъ видитъ въ этой смерти благодѣтельную для американцевъ руку Провидѣнія, то Кэри отвѣчалъ, что Кобденъ обѣщалъ, незадолго до своей смерти, посѣтить Соединенные Штаты, и при этомъ посѣщеніи онъ, разумѣется, воспользовался бы уваженіемъ американцевъ къ его личности для того, чтобы устроить бесѣды о свободѣ торговли; „массы народа вездѣ собирались бы толпами слушать его (Кобдена), и изъ этого въ результатѣ могъ бы быть нанесенъ сильный ударъ (detriment) дѣлу протекціонизма“. Вотъ какъ крѣпки основы американскаго протекціонизма: одинъ лучъ научнаго свѣта, брошенный въ массы народа красворѣчивымъ ораторомъ, наноситъ имъ странное потрясеніе, за избавленіе отъ котораго Кэри и ему подобные возсылаютъ молитвы къ небу!...

И въ дѣйствительности, основы протекціонизма даже на политическомъ рынкѣ становятся крайне шаткими; теперь уже нѣтъ ни одного штата въ американской республикѣ, гдѣ бы не существовала широкая фритрэдерская агитація. Въ штатахъ Новой Англіи избиратели жалуются на дороговизну каменнаго угля, на югѣ кричатъ о стѣсненіяхъ торговли земледѣльческими орудіями и недостаткѣ дешеваго платья для рабочихъ. Западные штаты рѣшительно не хотятъ продавать всѣ свои произведенія по однимъ цѣнамъ слишкомъ низкимъ, и покупать нужныя для себя вещи непремѣнно въ другихъ штатахъ по цѣнамъ слишкомъ высокимъ; наконецъ, штатамъ при Тихомъ океанѣ желательно было бы избавиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя мѣшаютъ имъ добывать соль, въ изобиліи скопленную на прибрежныхъ островахъ. Чтобы всѣ эти недовольства не возбудили новую междоусобную войну, американцы должны, по мнѣнію нашего автора, вернуться къ „основному принципу всякаго истинно-свободнаго правленія, то-есть, къ *наименьшему вмѣшательству въ свободу личности*. Что эта доктрина значитъ (прибавляетъ Уэлльзъ) относительно свободы мысли, рѣчи и личной дѣятельности,—это извѣстно всему народу Соединенныхъ Штатовъ, но что она значитъ относительно ремесла, торговли и индустріи—этому американцы еще должны хорошенько поучиться, и они учатся теперь въ суровой и дорогой школѣ опыта“.

Итакъ, протекціонизмъ, какъ вездѣ, такъ и въ Америкѣ, вовсе не составляетъ высшей мудрости, передъ которою слѣдуетъ поклоняться и которою можно пользоваться какъ историческимъ аргументомъ, — напротивъ, и въ Америкѣ онъ является такимъ же вреднымъ заблужденіемъ, какимъ былъ вездѣ; и тамъ онъ сѣетъ только раздоры между разными частями государства и приноситъ пользу однимъ лишь монополистамъ, готовымъ всякими способами эксплуатировать какъ своихъ собственныхъ рабочихъ, такъ и все общество вообще.

La science des religions, par *Emile Burnouf*, directeur de l'école française d'Athènes. Paris, Maisonneuve et C-ie, 1872. (Наука вѣроученій, соч. *Эмиля Бюрнуфа*).

Религія долго оставалась внѣ предѣловъ научнаго изученія, но въ этомъ пренебреженіи виноваты не люди науки, а сами проповѣдники религіи, потому что приложеніе научнаго метода къ изученію существующихъ религій было обставлено многими внѣшними затрудненіями. Критика существующихъ религій, до самаго послѣдняго времени, была предметомъ даже самыхъ жестокихъ политическихъ преслѣдованій во многихъ государствахъ западной Европы. Современная наука отдѣляетъ церковь отъ религіи, и подвергая строгой критикѣ разные обряды и обычаи церкви, имѣетъ въ виду не уничтожать религію, какъ инсинуируютъ защитники оффиціальныхъ вѣроученій, но разъяснять ея значеніе въ средѣ индивидуальной человѣческой жизни и въ исторіи всего человѣчества. Впрочемъ, преслѣдованіе науки со стороны церкви (то-есть, духовенства) въ этомъ дѣлѣ — фактъ весьма естественный, такъ какъ духовенство не можетъ отказаться ни отъ одного изъ своихъ заблужденій, не обличивъ въ то же самое время самого себя. Формула *non possumus*, которою столько дразнили папу, присуща многимъ существующимъ религіямъ. Само собою разумѣется, что подорви науки тотъ или другой догматъ въ какой-нибудь религіи, имѣющей культъ и приверженцевъ, и вотъ вся религія должна измѣнить всѣ свои формы, то-есть, перестать быть самой собою. Такъ какъ научныя изслѣдованія грозили, повидимому, такими подрывами каждой изъ существующихъ крупныхъ церквей, то понятно, что духовенство старалось повсюду противодѣйствовать появленію научной критики всѣми средствами, находившимися въ его распоряженіи. И наука оплакала многихъ мучениковъ, прежде чѣмъ реформація положила первый камень критики въ религіозныхъ вопросахъ. Но такъ какъ реформація произвела въ политическомъ отношеніи только расколъ въ католицизмѣ, и потомъ сама старалась окаменѣть въ нѣсколькихъ новыхъ формахъ государственной церкви, то ученые все еще лишь съ большимъ трудомъ и среди серьёзныхъ опасностей отваживались на изученіе религіи отдѣльно отъ церкви. Съ другой стороны, писатели политическаго закала, борцы за свободу противъ церковнаго авторитета, бросились въ бойкую полемику съ существовавшимъ въ то время духовенствомъ, и съ азартомъ увлекаясь своимъ бичеваніемъ злоупотребленій и лицемѣрія разныхъ членовъ духовной іерархіи, ошибочно отождествляли церковь съ религіей вообще и вмѣсто того, чтобы примѣнить къ изученію религіи научный методъ, прямо и рѣзко отрицали не только политическую власть духовен-

ства, но и самую религію. Какъ бы то ни было, эта политическая пропаганда, направленная не противъ духовенства только, но противъ религіи вообще, сказалась довольно сильно въ томъ широкомъ переворотѣ, который произвела въ умахъ цивилизованнаго міра французская революція XVIII вѣка. Страшное потрясеніе, которое потерпѣли тогда отъ этого переворота всѣ западныя церкви, было главною причиною тому, что научной критикѣ удалось войти и упрочиться въ области религіозныхъ вопросовъ. Къ научному изслѣдованію были привлечены и іудаизмъ, и исламизмъ, и само христіанство; только при помощи этихъ изслѣдованій и посредствомъ сравненій ихъ съ религіями Востока могла, наконецъ, создаться и такая наука, о которой написалъ свою книгу Эмиль Бюрнуфъ.

Наука вѣроученій, наука религій — есть твореніе нашего вѣка. Было время, когда церковь имѣла въ своихъ рукахъ и право, и политику, и нравственность, и философію; теперь наука не только отняла всѣ эти области умственной дѣятельности человѣка, не только стала предметомъ первостепенной важности въ частной жизни, въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, — но даже зашла въ храмы и стала доискиваться истиннаго смысла обрядовъ и догматовъ. Задача науки въ изученіи религій состоитъ именно въ опредѣленіи тѣхъ „законовъ, которымъ повинуются священныя учрежденія, причинъ ихъ возникновенія, процвѣтанія и паденія“. Но, имѣя въ виду эту задачу, наука отрѣшается отъ всякой полемики съ церковью; вся ея вина передъ церковью можетъ состоять лишь въ томъ, что она разбираетъ христіанство точно также безпристрастно, какъ всякую другую религію, но оттого-то она и наука, а не та или другая теологія. Бюрнуфъ не находитъ науку врагомъ даже божественности Іисуса Христа: „У нея—говоритъ онъ—нѣтъ орудія ни противъ подобной доктрины, ни за нея, такъ какъ это предметъ вѣры, а не фактъ научнаго спора“. „Что касается до меня, — прибавляетъ нашъ авторъ—я не одобряю ни проповѣдниковъ, ни писателей, старающихся доказывать божественность Христа человѣческими аргументами: если ихъ доводы хороши, то вѣра лишается всего своего достоинства, ибо не за что хвалить допущеніе теоремы всѣми рѣшаемой; если же они плохи, то, подрывая вѣру въ умахъ, они только компрометтируютъ религію“. Наука при всѣхъ доводахъ подобнаго рода остается ни причемъ: не ея дѣло разбирать, которая изъ историческихъ личностей болѣе достойна божественнаго качества,— „ея роль ограничивается признаніемъ того, что каждая религія имѣетъ своего Бога, изложеніемъ согласно съ фактами той идеи, какую составляютъ себѣ вѣрующіе о каждомъ вѣрованіи, и преслѣдованіемъ хода этой идеи въ исторіи“ (стр. 23).

Наука религій достигаетъ своихъ выводовъ тѣмъ же путемъ, какимъ совершается изслѣдованіе въ другихъ наукахъ. Здѣсь тоже главную роль играетъ анализъ фактовъ, представляемыхъ самими религіями, съ ихъ богословіемъ, догматами и обрядами, и исторія ихъ. Сравненіе всѣхъ религій между собою и ихъ совмѣстное или послѣдовательное происхожденіе другъ изъ друга, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, природныхъ и историческихъ, даютъ ключъ ко всѣмъ выводамъ относительно происхожденія какъ самой идеи о божествѣ, такъ и истекающимъ изъ нея догматамъ и обрядамъ. Тѣми же способами опредѣляется живучесть и сила того или другого представленія о божествѣ, и причины паденія религій.

Бюрнуфъ излагаетъ свою науку талантливо и просто, нигдѣ не вдаваясь въ преувеличеніе общественнаго значенія научныхъ выводовъ, и всегда оставаясь на почвѣ научныхъ фактовъ. Опасаясь, чтобы тѣ или другія его объясненія не были истолкованы во враждебномъ къ религіознымъ вѣрованіямъ смыслѣ, онъ часто останавливается для полемики съ подобными извращеніями научныхъ результатовъ. По мнѣнію нашего автора, между религіей и наукой не должно быть никакой вражды, такъ какъ обѣ онѣ „тождественны въ своемъ методѣ и въ своемъ ученіи". Причины, почему нѣкоторыя господствующія церкви подымаютъ войну противъ науки, „причины временныя и неимѣющія ничего общаго съ религіею". Обвинять ученыхъ во враждѣ къ Богу, Христу и человѣчеству, какъ это сдѣлалъ кардиналъ Матьё въ своей безансонской рѣчи въ 1863 г., крайне несправедливо; „ученые—возражаетъ Бюрнуфъ—въ настоящее время первые и самые полезные люди, какими были священники въ то время, когда имъ ненужно было защищать мірскіе интересы и когда истина была единственнымъ предметомъ ихъ изученія". Какъ въ началѣ исторіи человѣчества религія является вмѣстѣ съ тѣмъ и наукою, какъ тогда между ними не было никакого раздвоенія, такъ и при совершенствованіи науки между нею и религіей не было бы раздвоенія, еслибъ между ними не становились интересы духовной касты—интересы, неимѣющіе ничего общаго съ религіозными представленіями и вѣрованіями людей. Церковь должна также совершенствоваться, какъ наука, согласно съ открытіями и выводами послѣдней, а не съ тѣми или другими соображеніями политическаго или какого-нибудь другого не-научнаго и даже противунаучнаго характера. Исторія религій доказываетъ, что всѣ онѣ падали какъ только приходили въ столкновеніе съ справедливыми выводами научной мысли. Въ настоящее время авторъ видитъ всю западную Европу въ періодѣ *научномъ*, который даетъ себя чувствовать многими путями. Прежде всего мы видимъ разрывъ между церквами и государствами, вслѣд-

ствіе котораго распадаются церкви съ бòльшею или мѐньшею скоростью, а изъ этого распаденія выходитъ возвращеніе людей къ индивидуальной религіи (въ которой они пребывали до появленія вѣроученій въ исторіи), а индивидуальная религія даетъ свободу въ дѣлахъ вѣры. Государство, отдѣляясь отъ церкви, возлагаетъ на каждую церковь или секту заботы о своемъ собственномъ существованіи, а церкви и секты, распадаясь, предоставляютъ каждой личности его личныя вѣрованія. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ авторъ, уже пускаясь въ мечтанія о будущемъ,—храмы опустѣютъ или станутъ служить мѣстомъ для новыхъ собраній, а внѣ ихъ будетъ царить миръ въ душахъ, свѣтъ въ умахъ, дѣятельность въ общественныхъ силахъ, однимъ словомъ наука, вокругъ которой сгруппируются отдѣльныя личности и цѣлые народы“ (стр. VI).

Распаденіе церквей и сектъ, о которомъ говоритъ авторъ, происходитъ теперь въ значительныхъ размѣрахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ и храмы часто обращаются въ театры или жилые дома. Бюрнуфъ предвидитъ быстрое распаденіе римскаго католицизма въ Европѣ: отдѣленіе армянской церкви отъ папства и непризнаніе новаго догмата непогрѣшимости въ значительной части Европы служатъ тому серьезными предзнаменованіями.

Но главная цѣль науки религій заключается не въ туманныхъ предсказаніяхъ будущаго распаденія церквей и возвращенія людей къ свободѣ личныхъ вѣрованій, а въ опредѣленіи тѣхъ законовъ, въ силу которыхъ первоначальное религіозное чувство приняло столь разнообразныя формы внѣшняго богопочитанія, и еще другихъ, въ силу которыхъ это разнообразіе формъ вновь стремится найти свое единство въ свободѣ личнаго культа. На эти оба вопроса наука даетъ уже болѣе или менѣе положительные отвѣты.

Есть цѣлые народы, цѣлыя племена, въ которыхъ не замѣчали никакого понятія о божествѣ. Бюрнуфъ увѣряетъ, что ни негры, ни желтыя расы не обладаютъ въ своемъ умѣ такою тонкостью анализа, чтобы додуматься до идеи божественной силы, и что эта идея есть созданіе бѣлыхъ людей, причемъ арійское племя, какъ обладающее болѣе широкими аналитическими способностями, чѣмъ семиты, ушло въ философскія разсужденія о сущности вещей и создало себѣ боговъ изъ силъ природы, между тѣмъ какъ семиты остановились на божествѣ, какъ на существѣ, обладающемъ произвольною властью. И вотъ уже въ самомъ началѣ развитія религій становится сразу вопросъ о томъ, составляютъ ли религіи непосредственное, произвольное и обдуманное дѣло тайной силы, дарующей ихъ людямъ въ извѣстные моменты ихъ исторіи, или онѣ суть не что иное, какъ случайныя произведенія обыкновенныхъ силъ природы, являю-

щіяся другъ за другомъ въ извѣстной постепенности при условіяхъ, доступныхъ человѣческому пониманію. „Въ первомъ случаѣ, — говоритъ нашъ авторъ—не было бы никакихъ причинъ нападать на какую-либо религію, представляя ее созданіемъ злого духа. Тогда религіозная нетерпимость заслуживала бы осужденія во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ всѣ люди, какъ дѣти Бога, равны передъ Нимъ, и было бы противно всѣмъ простѣйшимъ и справедливѣйшимъ естественнымъ чувствамъ предположить въ отцѣ желаніе несчастія своимъ дѣтямъ. Слѣдовало бы, поэтому, допустить, какъ учатъ нѣкоторые умные брамины въ Индіи, что каждая религія создана для тѣхъ, кто ее исповѣдуетъ, что всѣ онѣ дѣло одного благодѣтельнаго существа, и что, такимъ образомъ, исторія человѣчества въ наиболѣе важныхъ явленіяхъ своихъ движется рядомъ божественныхъ чудесъ. Во второмъ случаѣ, эти внезапныя вмѣшательства неуловимой силы не имѣютъ мѣста. Богъ не передѣлываетъ и не исправляетъ своего дѣянія. Въ немъ видятъ не вызывающую причину религій, но только формальную. Онъ уже не работникъ, но только образецъ; дѣйствительнымъ работникомъ является самъ человѣкъ. Тотъ самый человѣкъ, который строитъ храмы, возводитъ алтари, учреждаетъ церемоніи, приноситъ жертвы, составляетъ молитвы и произноситъ ихъ среди собравшагося народа, — онъ же служитъ истолкователемъ религіозной мысли, пророкомъ, ее возвѣщающимъ, разумомъ, ее разоблачающимъ... Происхожденіе религіи не мистерія. Это явленіе общей психологіи, не заключающее въ себѣ никакого чуда, то-есть, никакого, ни мѣстнаго, ни чрезвычайнаго вмѣшательства какой-нибудь высшей силы. То, чтó нѣкоторыя религіи — и между ними Зороастрова и браминская—называютъ откровеніемъ, слѣдуетъ принимать не иначе, какъ въ смыслѣ словъ четвертаго Евангелія: „Это свѣтъ, просвѣщающій людей“... Это откровеніе происходитъ въ личной мысли каждаго человѣка; это то самое, чтó проповѣдуютъ въ двадцати мѣстахъ авторы Веды. Не только они провозглашаютъ самихъ себя „изобрѣтателями боговъ“, изобрѣтателями жертвы, творцами символовъ и священныхъ формулъ, но, отождествляя съ своею собственною мыслью мыслящее существо, съ своею индивидуальною жизнью общее начало жизни, и съ огнемъ, который они предполагаютъ вездѣ, всѣ явленія теплоты и движенія, они чувствуютъ и возвѣщаютъ, что это они сами открываютъ эти истины“ [1]). Противно ученію Боссюэта о первоначальномъ откровеніи, наука религій отдаетъ преимущество сообщеніямъ авторовъ Веды, которые откровенно передаютъ намъ происхожденіе буддизма. Какъ тамъ, въ

[1]) Ср. стр. 193—194, 403—404.

Азіи, идея о божествѣ исходила изъ наблюденія надъ явленіями природы, такъ и въ другихъ мѣстахъ, разность въ окружающей природѣ и уровень аналитическихъ способностей въ населеніи опредѣлили все разнообразіе религій. Идея о божествѣ есть продуктъ человѣческихъ размышленій надъ своими отношеніями къ природѣ, и чѣмъ лучше и умнѣе опредѣлялись эти отношенія въ томъ или другомъ народѣ, тѣмъ выше и точнѣе опредѣляется въ немъ само понятіе о Богѣ. Съ развитіемъ цивилизаціи совершенствовалось въ умахъ людей представленіе о Верховномъ Существѣ; чѣмъ больше цѣнили люди уваженіе къ человѣческой свободѣ и любовь къ ближнему, тѣмъ болѣе милостивымъ и возвышеннымъ является въ ихъ глазахъ самъ Богъ. Римскій католицизмъ, съ его папскою непогрѣшимостью, становится въ наше время невозможнымъ просто потому, что онъ осуждаетъ именемъ Бога всѣ лучшія пріобрѣтенія человѣческаго ума, всѣ вольности тѣхъ самыхъ народовъ, среди которыхъ живетъ католицизмъ. Но эти народы не могутъ уже отказаться ни отъ выводовъ науки, ни отъ своихъ правъ, пріобрѣтенныхъ ими лишь съ большимъ трудомъ, и вотъ они не понимаютъ, какимъ образомъ Богъ можетъ требовать того, чего хочетъ папа, какимъ образомъ Богъ, котораго онъ всегда представлялъ Существомъ добрымъ и разумнымъ, станетъ вдругъ требовать, чтобы люди отказались отъ всѣхъ правъ своихъ и перестали признавать несомнѣнныя истины науки. У мірянъ запада не тѣ понятія о Богѣ, что у папы, — вотъ гдѣ главная причина разрыва, и такъ какъ католицизмъ не можетъ уступить, не переставая быть самимъ собою, то ему предстоитъ неминуемое паденіе или, по крайней мѣрѣ, раздвоеніе.

Въ цѣлой главѣ о „законѣ раздвоенія“ Бюрнуфъ показываетъ, какъ этотъ законъ повторяется со всѣми религіями каждый разъ, какъ онѣ приходятъ въ столкновеніе съ новыми идеями о божествѣ, возникающими отъ времени до времени среди народовъ. Въ концѣ концовъ законъ раздвоенія религій ведетъ къ возстановленію личной религіи, посредствомъ удаленія всякаго политическаго элемента изъ религіозныхъ учрежденій. Религіозныя общины, основанныя на іерархіи, увѣряетъ нашъ авторъ, заключаютъ сами въ себѣ причину собственнаго разрушенія. Ни армія, ни союзы, никакая человѣческая помощь не можетъ задержать этого разрушенія, такъ какъ законы природы незыблемы. Возьмите опять папство; оно само себѣ врагъ, такъ какъ оно покоится на политическомъ принципѣ.

L'Internationale remplacée. Lettre aux chambres législatives belges sur l'intervention des pouvoir publics dans la question ouvrière, par *Un publiciste en retraite*. Bruxelles, Victor Devaux et C-ie. 1872. (Замѣщенный Интернасіоналъ).

Небольшая брошюра (55 страницъ) съ этимъ страннымъ заглавіемъ написана, очевидно, умнымъ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ рабочимъ вопросомъ. Пользуясь тѣмъ смущеніемъ бельгійскаго парламента, въ которомъ тотъ очутился послѣ паденія парижской коммуны 1871 года, когда начались запросы французскаго правительства къ бельгійскому по поводу скрывшихся въ Бельгіи членовъ интернасіонала, — неизвѣстный авторъ предлагаетъ членамъ обѣихъ законодательныхъ палатъ Бельгіи остроумный планъ борьбы съ интернасіоналомъ; жаль только, что этотъ планъ не обратилъ на себя должнаго вниманія. Исходя изъ того вѣрнаго положенія, что интернасіоналъ есть отчасти созданіе самихъ обстоятельствъ, среди которыхъ живутъ рабочіе люди въ Европѣ—результатъ ихъ недовольства не матеріальнымъ положеніемъ только, но преимущественно политическимъ, почтенный публицистъ находитъ только одно средство уничтожить интернасіоналъ—именно создать правительственными руками такую центральную ассоціацію рабочихъ, которая, будучи представителемъ всѣхъ рабочихъ мирнаго характера, могла бы предлагать парламенту мѣры, необходимыя для улучшенія быта рабочихъ людей, и которая имѣла бы прямыя сношенія не только съ министерствомъ, но хотя однажды въ годъ съ самимъ королемъ. Сама центральная ассоціація рабочихъ должна создаться изъ разныхъ рабочихъ обществъ, необладающихъ революціоннымъ темпераментомъ, образованію и распространенію которыхъ правительство должно способствовать всѣми мѣрами, „согласными съ тѣми божественными и человѣческими законами, на которыхъ покоится общественный и государственный порядокъ". Еслибъ парламентъ серьёзно принялся за осуществленіе этой идеи, то-есть, другими словами, сталъ искать среди самихъ рабочихъ ключа къ разрѣшенію рабочаго вопроса, тогда, разумѣется, интернасіоналъ лишился бы одного изъ важнѣйшихъ орудій своей пропаганды и главной основы своего существованія, ибо рабочіе становятся членами этого общества именно вслѣдствіе того, что видятъ въ правительствѣ страны еще мало заботы объ интересахъ людей труда. „Рабочій — говоритъ нашъ авторъ — жалуется не на то исключительно, что не можетъ бороться съ матеріальными затрудненіями существованія. Нѣтъ, онъ испытываетъ страданіе болѣе благородное; онъ страдаетъ оттого, что его считаютъ ни во что, что онъ составляетъ лишь пассивное орудіе въ рукахъ его нанимателей, между тѣмъ какъ онъ, путемъ образованія, посред-

ствомъ печати, лекцій и сходокъ, успѣлъ развить въ себѣ живое чувство собственнаго достоинства... Рабочіе хотятъ быть не механическою силою только, не *руками*, которыя то пускаются въ движеніе, то пріостанавливаются по чужой волѣ. Эти орудія сознаютъ себя людьми и хотятъ, чтобы съ ними обращались какъ съ людьми; они хотятъ имѣть голосъ всякій разъ, когда идетъ дѣло объ ихъ интересахъ. Они считаютъ себя такими же гражданами, и ихъ возмущаетъ мысль, что они не пользуются ни правами, ни уваженіемъ, которые присущи этому титулу, хотя они несутъ, сравнительно говоря, самыя тяжкія повинности, возлагаемыя на гражданина" (стр. 48—49).

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что для правительства рабочій вопросъ, даже и при самыхъ благихъ его намѣреніяхъ, представляетъ несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ для кого бы то ни было, такъ какъ правительство, по своему отвѣтственному характеру, не можетъ рѣшать подобные вопросы путемъ одной фантазіи, а должно принять въ соображеніе практическую осуществимость каждой новой мѣры.

Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat. A series of memoirs, by *John Tyndall*. London, 1872. (Вклады въ молекулярную физику, въ области лучистой теплоты. Рядъ статей *Джона Тиндалля*.

Этотъ большой томъ сочиненій знаменитаго физика заключаетъ въ себѣ лишь перепечатки изъ двухъ ученыхъ англійскихъ журналовъ, съ небольшими добавленіями. Два года тому назадъ онъ издалъ свои статьи объ изслѣдованіяхъ въ области діамагнетизма и магнокристаллическихъ явленій, а въ настоящій томъ вошли всѣ тѣ изслѣдованія о лучистой теплотѣ, какъ орудіи для изученія молекулярнаго состоянія тѣлъ, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ столь громкое имя въ наукѣ, и которое онъ мастерски изложилъ въ популярной формѣ въ извѣстномъ его сочиненіи: „Heat, a mode of motion" (теплота—видъ движенія).

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 9-го октября 1872 года.

1) Принято съ благоговѣйною благодарностью извѣщеніе о пожалованіи Обществу изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 р., Ея Императорскимъ Величествомъ 300 и Ихъ Императорскими Высочествами Государями Великими Князьями Владиміромъ и Алексѣемъ Александровичами 300 р.

2) Отклонено ходатайство вдовы писателя о пособіи на воспитаніе ея дочери, такъ какъ она уже получила пособіе на этотъ предметъ изъ другого источника.

3) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

4) Выдано 50 р. въ пособіе вдовѣ писателя, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

5) Назначена ежегодная пенсія въ 240 р. вдовѣ извѣстнаго въ свое время писателя.

6) Продолжено на 1 годъ пособіе, по 10 р. въ мѣсяцъ, на воспитаніе дѣтей покойнаго писателя.

7) Изъявлена благодарность В. А. Камышеву за сообщеніе извѣстія объ отказѣ въ пользу общества 1,200 р., по духовному завѣщанію покойнаго дѣйст. ст. сов. Ф. Г. Тимоѳеева.

Отчетъ казначея за сентябрь.

Къ 1-му сентября состояло на лицо 55,562 р. 81 к.—На приходъ поступило: годовые взносы 4-хъ членовъ 70 р. и единовременно отъ А. А. Карасева 10 руб.—Израсходовано: на пенсіи 7-ми семействамъ 531 р., на воспитаніе 4-хъ дѣтей 245 р., на единовременныя пособія 5-ти лицамъ 425 р., всего 1,201 р.—Къ 1-му октября въ кассѣ 54,441 р. 81 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 руб., на текущемъ счету 1,300 р. и деньгами 1 р. 81 к.

II. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній.

На педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ *при 2-й С.-Петербургской Военной Гимназіи*, имѣется въ настоящее время *двѣ вакансіи* кандидатовъ-педагоговъ по русскому языку и словесности.

Эти вакансіи могутъ быть замѣщены окончившими курсъ въ университетѣ по историко-филологическому факультету, или въ духовной академіи.

Кандидаты-педагоги во время пребыванія на педагогическихъ курсахъ, продолжающихся два года, пользуются стипендіею въ 600 руб., если принадлежатъ къ получившимъ университетское образованіе, и въ 500 руб., если окончили образованіе въ одной изъ Духовныхъ Академій; сверхъ того неженатые пользуются, если пожелаютъ, и безвозмезднымъ помѣщеніемъ въ казенномъ зданіи.

Окончившіе успѣшно занятія на педагогическихъ курсахъ опредѣляются въ военныя гимназіи, по распоряженію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, штатными преподавателями русскаго языка и словесности и обязаны прослужить въ этомъ званіи не менѣе трехъ лѣтъ; по окончаніи означеннаго срока обязательной службы, лицамъ этимъ засчитывается въ дѣйствительную учебную службу все время, проведенное ими на педагогическихъ курсахъ.

Просьбы о пріемѣ на педагогическіе курсы слѣдуетъ представлять въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, прилагая: 1) метрическія свидѣтельства; 2) установленные дипломы и аттестаты, или удостовѣренія, замѣняющія эти документы, и 3) свидѣтельство о поведеніи отъ надлежащихъ начальствъ.

Для болѣе подробныхъ справокъ по вопросамъ объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ можно обращаться въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній или же во 2-ю петербургскую военную гимназію.

ПОПРАВКИ.

Въ ноябрьской книгѣ просятъ исправить слѣдующее:

Стран.	Стрк.	Напечатано:	Вмѣсто:
26	6 св.	извѣстно	очевидно
27	25 сн.	только что	только, когда
38	14 св.	чиханіе	гиканье
263	16 „	представить	представивъ
277	12 „	содѣлать	содѣвать
279	7 сн.	аексинская	лексинское
280	11 „	выголѣксинскія	выголѣксинскія
288	19 св.	съ самаго	съ самаго начала
298	18 и 22 св.	тентанъ	тейтанъ
299	12 св.	покорнится	покорится

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1872 году.

Въ 1872-мъ году, экземпляры Вѣстника Европы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Абобьернеборг. губ.
(310,111 жит.) экз.
Або. 1
1

Акмолинская обл.
(226,788 жит.)
Омскъ. 25
Акмолинскъ 2
Петропавловскъ . . . 6
Атбасарская 2
35

Амурская обл.
(22,297 жит.)
Благовѣщенскъ . . . 5
Албазинъ 2
Михайлово-Семеновская. . 1
8

Архангельская губ.
(275,779 жит.)
Архангельскъ. . . . 21
Шенкурскъ. 1
Сороцкая 1
Онега. 1
Пинега. 1
Мезень. 1
Холмогоры. 1
Кочманская 1
28

Астраханская губ.
(573,954 жит.)
Астрахань 24

экз.
Сѣроглазинская . . . 1
Черный-Яръ 5
Царевъ. 2
32

Бакинская губ.
(486,229 жит.)
Баку 19
Каромарьянская. . . 1
Ленкорана. 2
Шемаха. 2
Куба. 5
29

Бессарабская обл.
(1.952,013 жит.)
Кишиневъ 52
Сороки 3
Атаки. 2
Бричаны 4
Секурянская 3
Банежская. 2
Оргѣевъ. 3
Скуляны 7
Бѣльцы 9
Новоселица 1
Глинная. 1
Купчинская 4
Липканы 2
Сталинештенская . . 1
Хотинъ 9
Аккерманъ. 6
Бендеры 5

экз.
Камратъ 2
116

Варшавская губ.
(925,639 жит.)
Варшава. 58
Гроецъ. 1
Мщоновъ 1
Ново-Дворъ 5
Минскъ. 3
Скерневицы 2
Кутно 2
Александровъ. . . . 2
Влоцлавскъ 4
Ловичъ 3
81

Виленская губ.
(973,574 жит.)
Вильно 41
Свенціяны 2
Беждацы 1
Ландварово 2
Жосли 1
Дисна 1
Троки 1
Вилейка. 2
Щучинъ. 1
Лида. 2
Ошмяны. 2
Молодечно. 1
57

Витебская губ.
(838,046 жит.)

	экз.
Витебскъ	17
Усвятъ	2
Городокъ	1
Невель	1
Зарѣчье	1
Рѣжица	1
Динабургъ	7
Лепель	3
Полоцкъ	11
Велижъ	1
Суражъ	1
	46

Владимирская губ.
(1.239,051 жит.)

Владиміръ	19
Переславль-Залѣсскій	3
Рязанцево	1
Меленки	1
Гавриловъ посадъ	1
Судогда	1
Суздаль	1
Юрьевъ-Польскій	3
Вознесенскій посадъ	8
Борисоглѣбская	1
Муромъ	5
Вязники	5
Ковровъ	3
Нехайковская	1
Озябликово	2
Киржачъ	1
Покровъ	2
Александровъ	5
Болдино	1
Гороховецъ	3
Орѣховская	1
Шуя	2
Мошка	1
	71

Вологодская губ.
(974,585 жит.)

Вологда	20
Григорьевская	1
Грязовецъ	1
Вогваздинская	1
Устьсысольскъ	2
Великій-Устюгъ	2
Вельскъ	2
Кадниковъ	1
Тотьма	1
Никольскъ	1
	32

Волынская губ.
(1.648,261 жит.)

	экз.
Житоміръ	20
Владиміръ-Волынскій	1
Ковель	4
Дубно	1
Кременецъ	3
Радзивиловъ	3
Луцкъ	4
Клевань	1
Копачевская	1
Новоградъ-Волынскій	2
Гощанская	1
Корецъ	2
Купель	1
Старо-Константиновъ	2
Верховская	1
Острогъ	9
Ровно	2
Любарская	3
Овручъ	1
Фасова	1
Волочискъ	1
	64

Воронежская губ.
(2.068,998 жит.)

Воронежъ	44
Бестужевская	2
Задонскъ	8
Нижнедѣвицкъ	2
Бутурлиновка	1
Песковская	2
Новохоперскъ	6
Быковская	3
Павловскъ	8
Бирючъ	7
Богучаръ	4
Валуйки	6
Землянскъ	12
Коротоякъ	2
Острогожскъ	12
Бобровъ	12
	131

Выборгская губ.
(262,577 жит.)

Выборгъ	4
Сальмисъ	1
	5

Вятская губ.
(2.347,796 жит.)

Вятка	14
Орловъ	3
Яранскъ	1
Слободской	3
Глазовъ	2
Сунская	1
Елабуга	6
Воткинскій-заводъ	3
Ижевскій-заводъ	1
Сарапуль	5
Нолинскъ	2
Сюмсиможгинская	1
Уржумъ	3
Малмыжъ	3
	48

Гродненская губ.
(958,852 жит.)

	экз.
Гродно	16
Соколка	1
Ружаны	1
Волковыскъ	1
Слонимъ	2
Бѣльскъ	1
Клещели	1
Бѣлостокъ	8
Дрогичинъ	1
Кобринъ	1
Брестъ-Литовскій	10
	45

Дагестанская обл.
(449,096 жит.)

Дербентъ	5
Гунибъ	3
Дашлагарская	1
Темиръ-Ханъ-Шура	17
Петровское укр.	6
Чиръ-Юртъ	2
	34

Екатеринославская губ.
(1.281,482 жит.)

Екатеринославъ	31
Никополь	5
Александровскъ	15
Верхнеднѣпровскъ	18
Канцерополь	2
Нейнбургъ	2
Топильная	4
Павлоградъ	9
Новомосковскъ	10
Царещепино	3
Азовъ	2
Нахичевань	4
Ростовъ-на-Дону	25
Таганрогъ	34
Благодатная	5
Ивановская	2
Луганскій заводъ	8
Маріуполь	8
Марченская	3
Михайловская	2
Славяносербскъ	4
Бахмутъ	7
Гришенская	1
Лозовая	1
Гавриловка	2
Константиновская	1
Никитовка	4
Покровская	1
Чумбурская	1
	214

Елисаветпольская губ.
(503,282 жит.)

Елисаветполь	5
Шуша	5
Тертерская	1

	экз.
Новоакстафинская	1
	12

Енисейская губ.
(350,848 жит.).

Красноярскъ губ. гор.	9
Канскъ	2
Енисейскъ	3
Каргино	2
Минусинскъ	5
Ачинскъ	1
	22

Забайкальская обл.
(419,843 жит.).

Чита обл. гор.	4
Нерчинскъ гор.	4
Нерчинскій заводъ	4
Городищенская	1
Кайдановская	1
Срѣтинскъ	2
Верхнеудинскъ	4
Баргузинъ	1
Петровскій заводъ	1
Горбица	1
	23

Иркутская губ.
(372,833 жит.).

Иркутскъ	44
Качугская пристань	1
Жигаловская	1
Кяхта	10
Нохтуйская	8
Троицкосавскъ	2
Усть-Кутская	1
Хоготская	1
Бирюмская	1
Тельминская	1
	70

Казанская губ.
(1.670,337 жит.).

Казань	76
Воробьевка	1
Козьмодемьянскъ	3
Свіяжскъ	1
Лаишевъ	1
Чистополь	5
Мамадышъ	3
Спасскъ	7
Тетюши	3
	100

Калишская губ.
(601,029 жит.).

Калишъ	9
Конинъ	1
Слупца	2
Серадзъ	2
Верушевъ	1
Велюнь	2
Прашка	1
Ленчица	1
	19

Калужская губ.
(984,255 жит.).

Калуга	26
Александровскій хуторъ	1
Крапивенская	1
Перемышль	2
Брынь	1
Сухиничи	1
Жиздра	5
Зубово	1
Козельскъ	3
Лихвинъ	4
Мещовскъ	1
Мосальскъ	2
Роговичская	1
Серпейскъ	1
Михѣевская	2
Мало-Ярославецъ	3
Полотняный заводъ	1
Мединь	3
Боровскъ	2
Таруса	3
	64

Кіевская губ.
(2.144,276 жит.).

Кіевъ	146
Бердичевъ	6
Самгородокъ	1
Умань	14
Черкасы	4
Смѣла	9
Тальное	3
Чигиринъ	7
Шпола	7
Звенигородка	4
Богуславъ	4
Лысянская	1
Таращa	3
Бѣлая-Церковь	8
Жорнище	1
Липовецъ	5
Ружинъ	2
Сквира	6
Васильковъ	1
Гуровщины	1
Каневъ	3
Коростышевская	2
Радомысль	6
Фасово	1
Вровки	1
Казатинъ	1
	247

Ковенская губ.
(1.131,248 жит.).

Ковно	13
Поневѣжъ	1
Шкуды	1
Тельши	2
Кейданы	3
Юрбургъ	1
Россіены	7
Таурогенъ	5
Шавли	2
Бейсагола	1
Щенсливская	1
Вилкомиръ	1
Ново-Александровскъ	4
	42

Костромская губ.
(1.101,099 жит.).

Кострома	20
Галичъ	5
Вичуга	3
Лухъ	1
Плесъ	1
Кинешма	8
Александровская	1
Унжа	1
Макарьевъ	1
Судиславль	2
Буй	2
Кологривъ	1
Солигаличъ	2
Чухлома	1
Нерехта	5
Варнавинъ	1
Баки	1
Ветлуга	3
Юрьевъ-Повольскій	1
	60

Куопіоская губ.
(215,019 жит.).

Куопіо	1
	1

Кубанская обл.
(599,969 жит.).

Екатеринодаръ	19
Ейскъ	10
Уманская	2
Крымское укр.	2
Новороссійскъ	5
Темрюкъ	2
Майкопъ	4
Прочный-Окопъ	3
Усть-Лабинская	5
Туапсе	1
Анапа	1
	54

Курляндская губ.
(597,283 жит.).

Митава	4
Либава	2
Баускъ	1
Виндава	1
Полангенъ	1

	экз.
Туккумъ	1
Фридрихштадтъ	1
Иллукста	1
	12

Курская губ.
(1.868,859 жит.).

Курскъ	29
Короча	1
Обоянь	2
Грайворонъ	4
Миропольe	1
Новый-Осколъ	6
Старый-Осколъ	4
Тимъ	4
Фатежъ	7
Щигры	8
Борисовка	1
Бѣлгородъ	8
Золотухино	1
Полевая	1
Никольская	2
Веселая-Лопань	1
Ворожба	1
Глушково	1
Иванино	2
Коренево	1
Льговъ	7
Путивль	3
Рыльскъ	12
Суджа	5
Дмитріевъ	5
	117

Кутаисская губ.
(653,394 жит.).

Кутаисъ	15
Озургеты	1
Поти	6
Ахалцыхъ	3
	25

Кѣлецкая губ.
(470,300 жит.).

Кѣльцы	4
Пилица	1
Мѣховъ	1
Пинчевъ	4
Прошовице	1
	11

Лифляндская губ.
(990,784 жит.).

Рига	18
Дерптъ	6
Перновъ	1
	25

Ломжинская губ.
(456,429 жит.).

Ломжа	11
Граево	1
Щучинъ	1
Пултускъ	2
	15

Люблинская губ.
(659,483 жит.).

	экз.
Люблинъ	11
Ивангородъ	2
Грубешовъ	1
Томашевъ Замосцкій	3
Замосць	1
Красноставъ	1
Яновъ	1
Новая Александрія	1
Хелмъ	3
	24

Минская губ.
(1.136,588 жит.).

Минскъ	23
Лоевъ	3
Борисовъ	4
Свислочь	1
Мозырь	2
Слуцкъ	2
Рѣчица	2
Якимовичи	1
Бобруйскъ	9
Пинскъ	1
Несвижъ	3
Новогрудокъ	3
	54

Могилевская губ.
(908,858 жит.).

Могилевъ	19
Климовичи	4
Гомель	9
Рогачевъ	1
Быховъ	1
Сидоровичи	1
Чаусы	1
Чериковъ	5
Чечерскъ	2
Горн-Горки	3
Копысь	1
Мстиславль	2
Сѣнно	1
Орша	2
Дворецъ	1
	58

Московская губ.
(1.678,784 жит.).

Москва:	
Чрезъ Газ. Экспед.	115
Чрезъ книжн. магазинъ Соловьева	403
Волоколамскъ	4
Клинъ	4
Воскресенскъ	3
Звенигородъ	1
Руза	3
Завидово	1
Подсолнечная	1
Сергіевъ Посадъ	7
Пушкино	1
Хотьковская	1
Сергіевскій-Посадъ ст.	1
Можайскъ	4
Верея	4
Дмитровъ	5
Богородскъ	3
Подольскъ	3
Лопасня	1
Серпуховъ	7
Бронницы	1
Коломна	1
Павловскій-Посадъ	2
	576

Нижегородская губ.
(1.262,913 жит.).

Нижній-Новгородъ	42
Горбатовъ	2
Кунавино	1
Макарьевская	1
Павлово	1
Починки	7
Лукояновъ	4
Стексово	1
Арзамасъ	5
Мѣдниково	2
Балахна	4
Васильсурскъ	2
Воскресенское	1
Семеновъ	1
Ардатовъ	4
Княгининъ	2
Лысково	3
Сергачь	2
Мангушево	1
	86

Новгородская губ.
(1.016,414 жит.).

Новгородъ	21
Бѣлозерскъ	3
Череповецъ	8
Кириловъ	4
Устюжна	5
Бахмаровская	1
Боровичи	9
Валдай	4
Крестцы	1
Медвѣдь	2
Демьянскъ	1
Старая-Руса	4
Чудово	1
Сомина	1
Тихвинъ	2
Кукуйская	1
Подберезье	1
Спасская-Полисть	4
Бологое	1
Торбино	2
Трегубова	1
	77

Область Войска Донского.
(1.010,135 жит.).

Новочеркаскъ	24
Новониколаевка	1

	экз.
Есауловская	2
Харцызская	4
Амвросіевка	1
Успенская	4
Матвѣевъ-Курганъ	3
Синявская	1
Усть-Медвѣдицкая	3
Урюпинская	2
Константиновская	2
Нижнечирская	3
Боковская	2
Цимлянская	1
Шалаевская	5
Грушевская	1
Кагальницкая	1
Каменская	4
	82

Олонецкая губ.
(302,490 жит.).

Петрозаводскъ	16
Повѣнецъ	1
Каргополь	1
Вытегра	4
Олонецъ	2
	24

Оренбургская губ.
(840,704 жит.).

Оренбургъ	39
Коельская	1
Устьуйская	1
Троицкъ	4
Челябинскъ	4
Верхнеуральскъ	1
Орская	3
Илецкая-Защита	2
Уральская	1
Шарлаковій-Янъ	1
Калмыковская	1
Нижнеуральскъ	9
	67

Орловская губ.
(1,578,013 жит.).

Орелъ	39
Трубчевскъ	3
Брянскъ	6
Карачевъ	6
Хотынецъ	4
Елецъ	17
Упоройская	1
Дмитровскъ	2
Кромы	1
Толстодубово	1
Сѣвскъ	4
Ливны	18
Болховъ	4
Мценскъ	9
Дросково	1
Мало-Архангельскъ	7
Александровская	1
Змѣевка	1
Становый-Колодезь	1
Золотарево	1

	экз.
Измайлково	3
	125

Пензенская губ.
(1.197,393 жит.).

Пенза	28
Керенскъ	2
Наровчатъ	3
Нижній-Ломовъ	7
Чембаръ	7
Городище	1
Борисовская	2
Каменка	2
Инсаръ	3
Нечаевскій-Уметъ	1
Исса	2
Царевщинская	1
Саранскъ	7
Мокшаны	2
	68

Пермская губ.
(2.173,501 жит.).

Пермь	29
Оса	2
Оханскъ	2
Рождественская	1
Богословскій заводъ	3
Верхотурье	2
Далматовъ	1
Ирбитъ	4
Каменскій	3
Кушвинскій заводъ	7
Куяшская	1
Невьянскій заводъ	3
Нижнетагильскій	8
Шадринскій	5
Сысертская	1
Екатеринбургъ	27
Камышловъ	3
Ачитская	1
Кунгуръ	4
Билимбаевскій заводъ	2
Веретія	1
Красноуфимскъ	1
Соликамскъ	3
Чердынь	1
	115

Петроковская губ.
(635,473 жит.).

Петроковъ	7
Згрѣжъ	1
Пабіанице	1
Лодзь	1
Радомскъ	2
Рава	1
Ченстохова	5
Домброва	1
	19

Плоцкая губ.
(442,626 жит.).

Плоцкъ	5
Цѣхановъ	1

	экз.
Прасвышъ	1
Млава	1
Плонскъ	1
Липно	1
Серпецъ	1
	11

Подольская губ.
(1.946,760 жит.).

Каменецъ-Подольскъ	21
Ямполь	3
Могилевъ	3
Ушица (Новая Ушица)	3
Баръ	2
Хмѣльникъ	2
Ярмолинцы	1
Летичевъ	3
Литинъ	1
Меджибожъ	1
Проскуровъ	2
Дунаевцы	1
Немировъ	4
Винница	9
Гайсинъ	8
Ольгополь	6
Тульчинъ	4
Брацлавъ	1
Гнивань	1
Жмеринка	2
Рахны-Лѣсовскія	1
Вапнярка	1
Крыжополь	1
Попелюхи	1
Борщи	1
Проскуровъ	1
Балта	11
Кривое-Озеро	2
	97

Полтавская губ.
(2.002,118 жит.).

Полтава	44
Борисполь	2
Переяславль	7
Золотоноша	13
Опошня	3
Зеньковъ	4
Градижскъ	2
Семеновская	2
Хороль	9
Гадячь	8
Лохвица	7
Миргородъ	6
Ромны	13
Яготинская	2
Пирятинъ	7
Лубны	10
Прилуки	18
Кременчугъ	20
Кобеляки	4
Рѣшетиловская	2
Гановка	2
Голещина	1

	экз.
Искровка	2
Бутенковская-Гробля	1
Карловка	4
Константиноградъ	7
	200

Приморская обл.
(43,320 жит.).

Николаевскъ обл. г.	7
Софійскъ	1
Хабарово	4
	12

Псковская губ.
(717,816 жит.).

Псковъ	27
Боровичи	2
Порховъ	7
Ашева	1
Вѣжаницы	1
Великіе-Луки	4
Опочка	3
Торопецъ	5
Новоржевъ	3
Холмъ	2
Островъ	5
Тяполовская	1
	61

Радомская губ.
(498,852 жит.).

Радомъ	7
Сандомержъ	2
Козеницы	2
Илжа	1
Конскіе	2
	14

Рязанская губ.
(1.438,292 жит.).

Рязань	26
Зарайскъ	5
Сапожокъ	4
Ряжскъ	3
Касимовъ	8
Михайловъ	6
Спасскъ	5
Пронскъ	4
Скопинъ	4
Борки	1
Гавриловское	1
Данковъ	5
Егорьевскъ	3
Луховицкая	1
Окулово	1
Раненбургская	1
Раненбургъ	3
	81

Самарская губ.
(1.743,422 жит.).

Самара	28
Балаково	2
Бугульма	3
Зимникова	2
Сорочинская	1
Бузулукъ	5
Бугурусланъ	1
Дергачевская	1
Марьевская	2
Николаевскъ	4
Павловская	1
Сергіевскія мин. воды	2
Красноярская	2
Мелекесъ	6
Ставрополь	3
Черадклинская	1
	64

Саратовская губ.
(1.725,478 жит.).

Саратовъ	48
Царицынъ	5
Каленская	1
Балашевъ	7
Аткарскъ	4
Камышинъ	9
Таловка	1
Каминкеръ	2
Петровскъ	8
Кондалъ	5
Кузнецкъ	8
Сердобскъ	7
Ключи	1
Вольскъ	11
Хвалынскъ	5
	122

Семипалатинская обл.
(208,994 жит.).

Семипалатинскъ	5
Токмакъ	2
Кокбекты	1
Павлодаръ	1
	9

Семирѣченская обл.
(221,924 жит.).

Вѣрное обл. г.	7
Иссыкуль	1
Сергіополь	1
Копалъ	1
Бухтарма	1
	11

Симбирская губ.
(1.192,510 жит.).

Симбирскъ	36
Юрловка	3
Красносенская	8
Пиловальные заводы	1
Алатырь	1
Андреевская	1
Ардатовъ	6
Тагай	2
Уренско-Карлинская	2
Корсунь	6
Курмышъ	8
Промзино (городище)	1
Болховская	2
Буинскъ	5
Сингилей	1
Сызрань	10
Теренгульская	8
Шумовская	2
Ясашно-Ташлинская	1
	89

Смоленская губ.
(1.163,594 жит.).

Смоленскъ	25
Коски	1
Разрытое	1
Знаменское	1
Рославль	5
Ельня	4
Михайловская	1
Ечеистова	1
Дорогобужъ	4
Пречистенская	1
Духовщина	5
Порѣчье	3
Бѣлый	7
Красный	1
Ивановская	1
Куприно	1
Починокъ	6
Рябцово	1
Полуево	2
Вязьма	8
Сычовка	2
Александровская	2
Гжатскъ	1
	84

С.-Михельская губ.
(666,666 жит.).

Іоройсъ	1
	1

С.-Петербургская губ.
1.160,930 жит.).

С.-Петербургъ:	
1) по город. почтѣ	976
2) чрезъ книжный магазинъ Базунова	808
3) чрезъ книжный магазинъ Исакова	19
4) въ редакціи	28
	1831
Гдовъ	2
Нарва	2
Ямбургъ	4
Тупичино	1
Гатчино	5
Луга	2
Елизаветино	1
Любань	1
Тосна	2
Павловскъ	2
Царское-Село	20
Стрѣльна	1
Петергофъ	4
Ораніенбаумъ	2

	экз.
Красное-Село	1
Кронштадтъ	22
Новая-Ладога	4
Шлиссельбургъ	1
Усть-Ижора	1
	1909

Ставропольская губ. (371,422 жит.).

Ставрополь	29
Медвѣжье	4
Средне-Егорлыкская	3
Прасковея село	1
Пятигорскъ	13
Лабинская	2
Тифлисска,я	2
	54

Сувалкская губ. (511170 жит.).

Сувалки	9
Выштинецъ	1
Кальварія	1
Маріамполь	1
Кибарты	1
Мавруци	1
Августово	1
Сейны	1
	16

Сѣдлецкая губ. (504,606 жит.).

Сѣдльцы	8
Луковъ	1
Бяло	4
Мендзыржецъ	2
	15

Сыръ-Дарьинская обл. (865,461 жит.).

Ташкентъ	15
Казалинскъ	2
Хонжентъ	1
Джизакъ	1
Самаркандъ	6
	25

Тавастгустская губ. (161,175 жит.).

Тавастгустъ	1
Ойсъ	1
	2

Таврическая губ. (658,549 жит.).

	экз.
Симферополь	29
Карасубазаръ	2
Ялта	18
Керчь	21
Θеодосія	11
Балаклава	1
Севастополь	19
Алушта	2
Бахчисарай	1
Евпаторія	4
Судакъ	1
Перекопъ	3
Алешки	5
Армянскъ	1
Каховка	4
Геническъ	1
Елань-Загачъ	1
Сирогозская	3
Мелитополь	6
Орѣховъ	16
Бердянскъ	7
Большой Токмакъ	1
	157

Тамбовская губ. (2.055,778 жит.).

Тамбовъ	45
Толстиковская	3
Елатьма	1
Темниковъ	2
Новочеркутино	2
Козловъ	11
Спасскъ	2
Шацкъ	3
Моршанскъ	11
Грязи	3
Коргашино	4
Кулики	2
Лебедянь	5
Липецкъ	5
Муравьево	3
Усмань	7
Чириково	1
Мордово	1
Токаревка	2
Алешки	1
Кирсановъ	13
Борисоглѣбскъ	13
Окры	1
Разсказово	1
	142

Тверская губ. (1.521,577 жит.).

	экз.
Тверь	23
Селижарово	1
Осташковъ	2
Вышній-Волочекъ	4
Осташковская	3
Спирово	2
Торжекъ	14
Неганово	1
Весьегонскъ	2
Кашинъ	8
Кесьма	1
Красный-Холмъ	5
Старица	6
Бѣжецкъ	6
Зубцовъ	6
Калязинъ	4
Кимры	1
Корчева	3
Ржевъ	14
Савелино	1
Максатиха	1
Троицкая	1
Мста	1
	110

Терская обл. (447,307 жит.).

Владикавказъ	24
Грозная кр.	4
Хасавъ-Юртъ	4
Шелкозаводская	1
Моздокъ	7
Екатериноградъ	1
Кизляръ	2
Нальчикъ	2
Прохладная	1
Слѣпцовская	2
Георгіевская	3
	51

Тифлисская губ. (596,784 жит.).

Тифлисъ	117
Джульфы	1
Сурамская	1
Гори	2
Зугдиды	1
Сухумъ-Кале	7
Ахалкалаки	1
Бѣлый-Ключъ	1
Делижанъ	1
Закаталы	3
Караклисская	1
Царскіе-Колодцы	2
Душетъ	1
	139

Тобольская губ. (1.105,855 жит.).

Тобольскъ	10
Абатская	1
Ишимъ	3
Рыбинская	1
Тора	3
Курганъ	3
Устьламинская	1
Ялуторовскъ	3
Туринскъ	1
Тюмень	6
	32

Томская губ. (784,268 жит.).

Томскъ	21
Змѣиногорскій рудникъ	5
Маріинскъ	2
Бійскъ	1
Барнаулъ	9
	38

Тульская губ. (1.154,292 жит.).

Тула	41
Бѣлевъ	4
Веневъ	5
Ефремовъ	7
Кашира	6
Лопатково	1

	экз.
Епифань	5
Богородицкъ	6
Лукояновская	2
Алексинъ	4
Доробино	3
Одоевъ	9
Кадное	1
Сергіевское	2
Войновскіе-Выселки	1
Новосиль	6
Чернь	7
Крапивна	1
Скуратова	1
Ясенки	1
	113

Уфимская губ. (1.297,577 жит.)

Уфа	18
Мензелинскъ	3
Бирскъ	1
Златоустовскій заводъ	5
Стерлитамакъ	7
Саткинскій заводъ	3
Белебей	3
Кашкалашинская	1
	41

Харьковская губ. (1.681,486 жит.).

Харьковъ	120
Лебединъ	9
Ахтырка	7
Боромля	2
Сумы	19
Валки	7
Люботинъ	1
Алексѣевка	1
Водолагская	1
Бѣловодская	7
Старобѣльскъ	11
Ново-Екатеринославъ	3
Сеньковская	1
Славянскъ	8
Изюмъ	8
Волохоярская	3
Теплинская	1
Чугуевъ	11
Купянскъ	9
Рогань	1
Богодуховъ	6
Волчанскъ	11
Зміевъ	1
Мерефа	2
Краснопавловка	1
Барвенково	1
Ставраково	3
Дружковка	1
	256

Херсонская губ. (1.497,995 жит.).

Херсонь	35
Новомиргородъ	8
Очаковъ	1
Николаевъ	25
Одесса	121
Дубоссары	3
Липецкая	1
Яновская	1
Марьяновская	3
Ананьевъ	5
Водяная	1
Максимовская	5
Бобринецъ	3
Ларіевская	1
Елизаветградъ	33
Вознесенскъ	7
Константиновская	1
Ольвіополь	5
Григоріополь	1
Тирасполь	6
Новая-Прага	8
Песчаный-Бродъ	1
Новогеоргіевскъ	2
Александрія	13
Бирзула	1
Жеребково	2
Ивановка	1
Новоукраинка	4
Раздѣльная	1
Павлышъ	1
Знаменка	2
Бериславль	4
Дудчанская	1
Нововоронцовская	10
	317

Черниговская губ. (1.560,378 жит.).

Черниговъ	22
Городня	2
Клинцы	2
Почепъ	6
Суражъ	2
Мглинъ	2
Авдѣевка	3
Понуровская	1
Новгородъ-Сѣверскъ	9
Еліонское	1
Климовъ-Посадъ	3
Новозыбковъ	2
Погаръ	3
Стародубъ	5
Сосница	6
Красненская	1
Новый-Ропскъ	1
Козелецъ	7
Березна	2
Рѣпки	3
Глуховъ	6
Алтыновская	1
Воронежъ	1
Кролевецъ	5
Шостенская	1
Батуринъ	3
Конотопъ	13
Нѣжинъ	11
Бахмачь	3
Бобрикъ	1
Борзна	4
Грузское	1
Красное	1
Плиски	5
Бобровицы	1
Карабутовская	1
	141

Эриванская губ. (435,658 жит.).

Эривань	10
Нахичевань	3
Вагаршапатская	1
Александрополь	5
Новый-Баязетъ	1
	20

Эстляндская губ. (322,668 жит.).

Гапсаль	1
Ревель	12
Пантиферъ	1
Везенбергъ	1
Іевве	1
	16

Нюландская губ. (666,666 жит.).

Гельсингфорсъ	9
Свеаборгъ кр.	2
	11

Якутская обл. (228,363 жит.).

Якутскъ обл. гор.	4
	4

Ярославская губ. (999,383 жит.).

Ярославль	31
Сулинская	1
Молога	3
Рыбинскъ	14
Любимъ	1
Пошехонье	4
Романовъ-Борисоглѣб.	3
Угличъ	3
Петровскъ	1
Ростовъ	6
Борисоглѣбскія слободы	1
Козьмодемьянскъ ст.	1
Родіоновская	1
	70

За границею:

Германія	55
Франція	14
Италія	8
Швейцарія	10
Турція	4
Китай	1
Англія	3
Греція	3
Молдавія	1
Бельгія	2
Японія	1
	102

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонская .	317	30. Иркутская .	70	59. Лифляндская	25
2. Харьковская	256	31. Пензенская .	68	60. Сыръ-Д. об.	25
3. Кіевская . .	247	32. Оренбургск .	67	61. Люблинская.	24
4. Екатериносл.	214	33. Волынская .	64	62. Олонецкая .	24
5. Полтавская .	200	34. Калужская .	64	63. Забайкальск.	23
6. Таврическая	157	35. Самарская .	64	64. Енисейская .	22
7. Тамбовская .	142	36. Псковская .	61	65. Эриванская .	20
8. Черниговск .	141	37. Костромская.	60	66. Калишская .	19
9. Тифлисская .	139	38. Московская .	58	67. Петроковск .	19
10. Воронежская	131	39. Виленская .	57	68. Сувалкская .	16
11. Орловская. .	125	40. Минская . .	54	69. Эстляндская.	16
12. Саратовская.	122	41. Ставропол. .	54	70. Ломжинская.	15
13. Курская. . .	117	42. Кубанск. об.	54	71. Сѣдлецкая .	15
14. Бессараб. об.	116	43. Могилевская	53	72. Радомская. .	14
15. Пермская. .	115	44. Терск. обл.	51	73. Елизаветпол.	12
16. Тульская . .	113	45. Вятская . .	48	74. Курляндская	12
17. Тверская . .	110	46. Витебская. .	46	75. Примор. обл.	12
18. Казанская. .	100	47. Гродненская	45	76. Кѣлецкая. .	11
19. Подольская .	97	48. Ковенская. .	42	77. Плоцкая . .	11
20. Симбирская .	89	49. Уфимская. .	41	78. Семирѣч. об.	11
21. Нижегород. .	86	50. Томская. . .	38	79. Нюландская.	11
22. Смоленская .	84	51. Акмолин. об.	35	80. Семипалатин.	9
23. Обл. В. Дон.	82	52. Дагест. обл.	34	81. Амурск. обл.	8
24. Варшавская.	81	53. Астраханск .	32	82. Выборгская .	5
25. Рязанская. .	81	54. Вологодск. .	32	83. Якутская об.	4
26. С.-Петерб. .	78	55. Тобольская .	32	84. Тавастгуст. .	2
27. Новгородск .	77	56. Бакинская .	29	85. Абобьернеб. .	1
28. Владимірск .	71	57. Архангельск.	28	86. Куопіосская .	1
29. Ярославск. .	70	58. Кутаисская .	25	87. С.-Михельск.	1
					5552

II. Въ С.-Петербургѣ	1831
III. Въ Москвѣ	518
IV. За границею.	102
Всего: экз.	8003

А. Хомиховскій

Экспедиторъ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ",

въ 1872 году.

А. Короткій отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» (янв., 424).

Альминскій, П. Алексѣй Слободинъ (окт., 559; ноябрь, 98; дек., 437).

Б., А. Рекрутскій наборъ. Очерки (іюль, 5; авг., 477).

Бокъ, И. Письмо къ редактору (ноябрь, 429).

Бушенъ, А. Письмо къ редактору (ноябрь, 427).

Буренинъ, В. П. Дочь воздуха, пер. изъ Кальдерона (мартъ, 73).—Изъ русскихъ былинъ: 1) Чурило Пленковичъ, 2) Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ (апр., 758).—Микула Селяниновичъ (май, 649).—Ролла, Ал. де-Мюссе (окт., 481).

Буссе, Н. В. Русскіе и японцы на Сахалинѣ (окт., 513).

В., Е. Пять дней на выставкѣ въ Москвѣ (сент., 337).

W., Международный статистическій конгрессъ (авг., 759; окт., 761).

Вейнбергъ, П. И. Къ дочери моей возлюбленной, изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне (нояб., 258).

Веселовскій, А. Н. Калики перехожіе и богомильскіе странники (апр., 682).—Двѣ варшавскія диссертаціи (окт., 902).

Гончаровъ, И. А. Милліонъ терзаній (мартъ, 429).

Головачевъ, А. А. Десять лѣтъ реформъ (янв., 296; февр., 696; мартъ, 289; май, 327).

Герье, В. И. Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго (май, 19; іюнь, 461).

Гильфердингъ, А. Ѳ. Олонецкая губернія и ея народные рапсоды (мартъ, 83).

Глинка, С. Н. Изъ записокъ, 1825—1829 г. (сент., 239).

Д. Первые археологическіе съѣзды въ Россіи и ихъ труды (февр., 854).

D. G. Корреспонденція изъ Флоренціи: Итальянскіе реакціонеры и клерикалы (янв., 374).—Женское образованіе въ Италіи (апр., 875).—Флоренція послѣ перенесенія столицы (іюнь, 404).—Италія и ея внѣшнія отношенія (окт., 893).

Де-Пуле, М. Ѳ. Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ Великомъ (май, 63).

Жуковскій, Ю. Г. Желѣзныя дороги, какъ предметъ экономіи (янв., 245).—Кэри и его теорія (окт., 611).

К. Корреспонденція изъ Берлина: Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи (февр., 815).—Борьба переходнаго времени въ Германіи (апр., 851).—Великая борьба между Римомъ и Германіею (іюнь, 830).—Германія послѣ заключенія мира (авг., 826).—Берлинскіе праздники и внутренняя политика (окт., 873).—Оппозиція палаты господъ и ея реформа (дек., 832).

Кавелинъ, К. Д. Задачи психологіи (янв., 130; февр., 480; мартъ, 5; апр., 473).

Кауфманъ, И. И. Государственные долги (сент., 265).

К—нъ, И. И. Точка зрѣнія политико-экономической критики у К. Маркса (май, 427).

Ковалевскій, П. М. Стихотворенія: 1) Гроза, 2) А—вѣ, 3) Сирени (февр., 637).—Стих.: 1) Чего-то ждетъ! 2) Обновленіе, 3) Ш—ѣ, 4) Предчувствіе смерти, 5) Послѣдній лучъ (декабрь, 543).

Корфъ, баронесса Марія. Мрачный публицистъ женскаго вопроса (май, 449).

Корфъ, бар. Н. А., Объ обязательности обученія въ Россіи (янв., 216).

Костомаровъ, Н. И. Отвѣтъ на бранное посланіе г. Погодина (февр., 859).—Великорусская народная пѣсенная поэзія (май, 535).—Кто виноватъ въ смутномъ времени (сент., 5).

L. Прусскіе и русскіе финансы (март., 324; іюль, 289).

Левитовъ, А. И. Сельское ученіе, степная идиллія (февр., 431).

Ларошъ, Г. А. Русская опера, «Каменный гость» Даргомыжскаго (апр., 883).

Ломачевскій, А. И. Записки жандарма (март., 242; апр., 723; май, 296).

М. Почтовая замѣтка по поводу пересылки книгъ по почтѣ (мартъ, 464).—Новые статистическіе труды въ Россіи (іюнь, 797).

Майковъ, Л. Письмо къ редактору (ноябрь, 431).

Марковъ, Евг. Л. Пещерные города Крыма (іюнь, 654; іюль, 169).

Масловъ, Евг. Современныя желанія, стих. (май, 207).

Мейеръ, А. Л. О старомъ зимнемъ дворцѣ и палатѣ, въ коей скончался Государь Императоръ Петръ Великій (май, 5).

Мечниковъ, Ил. Ил. Экскурсія на островѣ Тенерифе (май, 254).

М—овъ, В. Корреспонденція изъ Аѳинъ: Политическіе дѣятели и открытіе палаты (іюнь, 852). — Парламентская жизнь въ Греціи (дек., 803).

Морошкинъ, М. Я. Возсоединеніе уніи (апр., 606; май, 588; іюль, 60; авг., 524; сент. 35).

Н. Корреспонденція изъ Парижа: Тьеръ и національное собраніе (янв., 385).—Смутное время во Франціи (мар., 409). — Поворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи (сент., 491).—Тьеръ и фракція національнаго собранія (іюль, 414).—Признаки возрожденія Франціи (сент., 427). — Шансы республики на упроченіе (ноябрь, 370).

Н., А. Некрологъ П. П. Пекарскаго (сент., 471).

Назарьевъ, В. Н. Современная глушь (февр., 604; мартъ, 141).

Н., Л. М. Изъ Томаса Гуда: Золото (февр., 695).

О., В. (Б. И. Утинъ) Изъ судебнаго міра (февр., 763).

Отъ редакціи. Поправка къ некрологу Н. И. Тургенева (янв., 429). — Кому были написаны философическія письма Чаадаева (февр., 867).

П. Русскія пѣсни въ англійскомъ переводѣ г. Ральстона (апр. 919).

Н., А. Некрологъ: Александръ Өедоровичъ Гильфердингъ (авг., 902).

Н., В. Некрологъ: Николай Алексѣевичъ Милютинъ (мартъ, 461).

П., Л. Дѣтство и молодость Диккенса (іюнь, 685).

П—чъ. Gasparin: La France. Nos fautes, nos périls, notre avenir (сент., 467).—Польская пресса въ 1871-мъ г. (ноябрь, 420).—Замѣтка о состояніи морскихъ силъ въ Германіи (дек., 797).

Нарвовъ, О. Шустенокъ (декабрь, 684).

Полонскій, Л. А. Нѣсколько дней въ Финляндіи (апр., 766). — Исторія Бисмарка, въ связи съ исторіею его страны (дек., 548).

Полонскій, Я. П. Стихотвореніе: Что съ ней? (янв., 170).—Стихотвореніе: Тяжелая минута (апр., 680).

Прокофьевъ, М. Податная сила Новгородской губерніи (янв., 418). — Опыты земской статистики (іюль, 372).

Пыпинъ, А. Н. Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ (янв., 174; февр., 561; іюль, 244; ноябрь, 47). — Характеристики литературныхъ мнѣній (май, 145; ноябрь, 47; дек., 618).—Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ (авг., 707).

Р., С. Петербургская духовная академія до гр. Протасова (іюль, 219; авг., 664; сент., 152).

Розовъ, А. И. (псевдонимъ). Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ (нояб., 260 дек., 519).

Ромеръ, Ө. Э. Диллетанты (апр., 534; май, 93; іюнь, 709).

Рудановскій, Н. В. По поводу воспоминаній Н. В. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 г. (авг., 907).

Рудченко, И. Я. Чумакъ въ народныхъ пѣсняхъ (сент., 208; окт., 661).

С. По поводу объясненія, сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія (февр., 864).

С—ій, А. Желѣзная дорога на Риги-Кульмъ (окт., 862).

С., М. Некрологъ Б. И. Утина (іюль, 469).—«Виды» и «Соображенія» министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ (сент., 383).

Свербеевъ, А. Воспоминанія о московскихъ пожарахъ (ноябрь, 303).

Сообщено. Объясненіе, по требованію народнаго министерства народнаго просвѣщенія (янв., 422).

Спасовичъ, В. Д. Польскія фантазіи на славянофильскую тему (августъ, 738).

Стебутъ, И. Планъ сельско-хозяйственной школы (дек., 718).

С—т—х, Д. Отецъ Варѳоломей (сент., 74).

Сѣченовъ, Ив. М. Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Задачи психологіи“ (ноябрь, 386).

Т. Замѣтка по поводу новой инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ (янв., 347).

Т—овъ, М. Восточная политика Германіи и обрусеніе (февр., 640; мартъ, 183; апр., 644; май, 210).

Трефолевъ, Л. Сонъ, стих. изъ Гейне (іюль, 214).

Тургеневъ, Ив. С. Вешнія воды (янв., 5).—Конецъ Чертапханова. Изъ записокъ охотника (ноябрь, 5).

Утинъ, Е. И. Англія въ книгѣ Тэна (сент., 124; октябрь, 691; ноябрь, 186).

Z. Англійское мнѣніе о русскомъ флотѣ (сент., 416).

Циммерманъ, Эд. Отъ Атлантическаго до Тихаго океана (окт., 736).

Ч., В. Вторая имперія въ романѣ Эмиля Золя: «Les Rougon-Mackart» (іюль, 112; авг., 594).

Чижовъ, В. П. Послѣдніе годы Гоголя (іюль, 432).

Щ—на, Е. Историческіе этюды, изъ Гейбеля (дек. 679).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Январь: Московская печать о судебной реформѣ.—Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды.—Новость въ дѣлѣ начальнаго образованія.—Льготная отмѣна адресныхъ билетовъ. — Новыя постановленія о почтѣ.—Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей. — Женское перворазрядное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ (стр. 326). — Февраль: Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между Mittelschule и Realschule. — Мнѣніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи.—Актъ въ рижской реальной гимназіи.—Государственная роспись на 1872 годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870-й годъ.—Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ частными лицами (734 стр.). — Мартъ: Финляндія наканунѣ третьяго сейма. — Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе. — Составъ сейма и кругъ его дѣйствій.—Предметы его работъ въ нынѣшнемъ году и петиціи городовъ. — Новѣйшій эпизодъ съ „Московскими Вѣдомостями“ (371 стр.). — Апрѣль: Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. — Обстоятельства дѣла. — Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ. — Ходатайство русскаго общества пароходства о помильной платѣ. —Новые штаты телеграфныхъ станцій.—Письмо въ редакцію, по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ (803 стр.). — Май: Распространеніе судебной реформы на царство польское. — Цѣли политическія и юридическія.—Основанія русской политики въ царствѣ. — Національность, какъ новое орудіе въ „борьбѣ за существованіе“.—Земскія сельско-хозяйственныя училища.—Земское училище въ Ваткѣ.—Циркуляръ г. управляющаго морскимъ министерствомъ.—Письмо г. Громницкаго въ редакцію (363 стр.).—Іюнь: Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба.—30-ое мая 1672 года—30-ое мая 1872 года (770 стр.).—Іюль: Политехническая выставка и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи.—Наше свеклосахарное производство.—Новое положеніе о немъ.—Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думѣ. — Роль пьянства въ экономической жизни страны.—Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ. — Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ (343 стр.).—Августъ: Новый законъ о печати и его мотивы.—Проектъ акціонернаго устава. — Гарантія правъ и регламентація.—Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ.—Ревизія судебнаго дѣлопроизводства. — Измѣненіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. — Смѣты и раскладка государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе (771 стр.).—Сентябрь: Учрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи.—Будущее значеніе и практика ея ученицъ. — Ученицы цюрихскаго университета. — Привилегіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій.—Развитіе холеры и условія благопріятныя для нея въ С.-Петербургѣ. — Холера 1872 года. — Мѣры пресѣченія эпидеміи. — Устройство помѣщенія для прибывающихъ рабочихъ.—Правила о примѣненіи городового положенія къ столицамъ. — Денежныя средства Петербурга и главныя его потребности (357 стр.). — Октябрь: Столѣтній юбилей воспитательнаго дома въ С.-Петербургѣ. — Взглядъ на исторію этого учрежденія.—Новѣйшія преобразованія въ немъ.—Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. — Докладъ кн. А. Васильчикова.—Отчеты товариществъ.—Нынѣшнее положеніе этого дѣла (811 стр.). — Ноябрь: Денежный кризисъ.—Наши знаки цѣнности. — Банки государственные и частные.—О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразованіе коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ.—Привилегія представительства. — Вопросъ объ отмѣнѣ волостного суда. — Выводы коммиссіи.—Тѣлесныя наказанія въ волости.—Еще о воспитательномъ домѣ (345 стр.).—

Декабрь: Вопросъ о начальномъ обученіи.—Новыя предположенія по наблюденію за нимъ, и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ.—Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій.—Роль земства и значеніе инспекціи.—Вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина.—Статистика потребленія спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей.—Собираніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.—Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей“.—Что такое „Сцилла и Харибда?“ (737 стр.).

II. Иностранное Обозрѣніе.—**Январь:** Возобновленіе сессіи во Франціи.—Посланіе президента.—Орлеанскіе принцы.—Законъ объ арміи.—Законъ объ ученіи.—Бюджетъ.—Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ.—Уменьшеніе налоговъ.—Циркуляръ графа Андраши.—Выборы въ Австріи.—Открытіе австрійскаго рейхсрата.—Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ.—Бюджетъ министра Селлы.—Новое министерство въ Испаніи.—Открытіе и сессіи сѣверо-американскаго конгресса (354 стр.).—**Февраль:** Двоякое значеніе Тьера для Франціи.—Пренія о налогахъ.—Правительственный кризисъ.—Увольненіе прусскаго министра фонъ-Мюлера и взглядъ на его дѣятельность.—Д-ръ Фалькъ.—Австрійское правительство, Галиція и Кроація.—Англо-французскій торговый трактатъ.—Возмущеніе въ Индіи.—Дѣло Элебемы.—Требованія Америки.—Распущеніе испанскихъ кортесовъ.—Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ (798 стр.).—**Мартъ:** Борьба французскаго правительства съ бонапартизмомъ.—Законы о безопасности.—Роялисты и графъ Шамборъ.—Законъ о надзорѣ надъ училищами въ прусскомъ сеймѣ.—Рѣчи князя Бисмарка.—Новые пэры.—Циркуляръ Фалька.—Запросъ Леве.—Подозрѣнія въ покушеніи противъ канцлера.—Поляки въ Галиціи.—Открытіе англійскаго парламента.—Дѣло Элебемы.—Испанія, какъ контрастъ Пруссіи (394 стр.).—**Апрѣль:** Новое устройство мѣстнаго управленія въ Пруссіи и главныя черты его.—Письмо Виндгорста.—Процессъ соціалистовъ.—Распущеніе чешскаго сейма.—Законъ противъ международнаго общества.—Французскій бюджетъ.—Процессъ Ла-Мотта.—Прекращеніе трактата 1860 года.—Брошюра Граммона.—Дѣло Элебемы.—Англійскій бюджетъ.—Предложеніе Дилька.—Мадзини.—Министерскій вопросъ въ Италіи.—Испанскія дѣла (832 стр.).—**Май:** Международный процессъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англіею (391 стр.).—**Іюнь:** Возстаніе карлистовъ въ Испаніи.—Маршалъ Серрано и новый кабинетъ.—Прежніе донъ-Карлосы и нынѣшній донъ-Карлосъ.—Герцогъ Омальскій.—Герцогъ Одифре-Пакье и военное хозяйство второй имперіи.—Руэ и Гамбетта.—Судъ надъ генералами.—Князь Бисмаркъ.—Элебемское дѣло.—Банкетъ англійскаго литературнаго фонда.—Національная агитація нѣмцевъ въ Америкѣ и Швейцаріи.—Проектъ реформы уложенія швейцарскаго союза (808 стр.).—**Іюль:** Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ.—Новый трактатъ съ Германіею.—Новые налоги и бюджетъ.—Военный законъ.—Закрытіе германскаго сейма.—Законъ объ іезуитахъ.—Отношеніе къ нему партій.—Епископы Кременцъ и Намчановскій.—Новыя заявленія папы.—Министерство Сорильи въ Испаніи.—Австрійскія дѣла.—Элебемскій вопросъ.—Ballot.—Новая программа тори (383 стр.).—**Августъ:** Грантъ или Грили? (805 стр.).—**Сентябрь:** Сорокъ три мильярда.—Учредительные планы Тьера.—Сессія генеральныхъ совѣтовъ.—Тьеръ въ Трувиллѣ.—Парламентская сессія въ Англіи.—Положеніе министерства.—Ballot на практикѣ.—Бельфастскіе безпорядки.—Митинги.—Уѣдетъ ли папа изъ Рима?—Муниципальные выборы въ Италіи.—Тьеръ о Викторѣ Эммануилѣ.—Толки о берлинскомъ свиданіи.—Министерскій кризисъ въ Турціи (395 стр.).—**Октябрь:** Свиданіе трехъ императоровъ.—Оффиціальные отзывы и слухи.—Заявленіе графа Андраши.—Панславистскія стремленія.—

Новый великій визирь. — Болгарскій вопросъ.—Совершеннолѣтіе кн. Милана. — Сербскія дѣла. — Маріенбургскій праздникъ.—Баварское министерство. — Третейскій судъ въ Женевѣ. — Французскіе монархисты. — Письмо К. Перье.—Адресы.—Коммиссія собранія.—Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Гаврѣ (838 стр.).—Ноябрь: Выборы во Франціи. — Письмо гр. Шамбора.—Письмо принца Наполеона.—Рѣчь Гамбетты. — Выселеніе изъ Эльзаса. — Открытіе прусскаго сейма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Манифестъ германскихъ епископовъ.—Опредѣленіе константинопольскаго собора.—Паденіе Мидхата-паши. — Рѣчь Ботта объ Ирландіи. — Статья маркиза Сэльсбэри о партіи тори.—Испанскія дѣла.—Бунтъ въ Ферролѣ (345 стр.). — Декабрь: Кризисъ во Франціи.—Посланіе президента.—Запросъ Шангарньé.—Коммиссія Кердреля.—Національныя несогласія въ Австріи. — Взглядъ на сеймы.—Случай въ Тиролѣ.—Сеймъ прусскій. — Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта (775 стр.).

III. Русская Литература. — Январь: Литература мемуаровъ. — *Девятнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, изд. П. Бартенева, книга 1-я* (402 стр.). — Февраль: Екатерина II, по ея письмамъ. *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ седьмой* (837 стр.). — Апрѣль: Арсеньевскія бумаги. *Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ*, — изд. академикомъ Пекарскимъ (899 стр.). — Августъ: Ораторское искусство въ Россіи. *Рѣчи произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872 г.* — Сентябрь: Новости изъ нашей старины. *Архивъ кн. Воронцова, кн. 4 и 5. Девятнадцатый вѣкъ, изд. Бартенева, кн. 2-я.*

IV. Новыя книги.—Январь: Поэзія славянъ, *Н. В. Гербеля.*—Библіотека современныхъ писателей: *Гл. Успенскій.*—Раззоренье; нравы Растеряевой улицы; Очерки и разсказы.—А. Л.—Русскій календарь на 1872 г. *А. Суворина.*—Техническій календарь на 1872 г. *Н. М. Бихеле.* — *Л—б—ъ.* (409 стр.).—Февраль: Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ, *Ив. Кущевскаго.* — Внукъ Обломова, *Л. Ф. Привольскаго.*—Русскіе и иностранные современные романисты. Сост. и изд. *В. Радищевымъ.*—Изъ жизни, педагогическія наблюденія, *И. Бѣлова* (846 стр.).—Апрѣль: Кочевая жизнь въ Сибири, *Дж. Кенана*, пер. Ад. Кондратьевой.—Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, соч. *Дж. Леббока.*—Юнкерскія училища, историческое обозрѣніе ихъ развитія и дѣятельности, генералъ-маіора *П. О. Бобровскаго* (912 стр.). — Май: Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, сост. *Гиппо.*—Швейцарія и швейцарцы, соч. *Диксона.*—Станиславъ Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ, соч. *М. де-Пуле.*—Историческіе этюды *С. С. Шашкова* (436 стр.).—Августъ: Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, 1870 г., *Ю. Гюбнера.*—Италія, *Викто ра Гена.* — Лень и Псковская губернія, *И. И. Василева.* — Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. III. — Театральное искусство, *П. Д. Боборыкина.*—Сочиненія и переписка *Рылѣева* (856 стр.). — Сентябрь: Сочиненія *Державина* Т. VII.—Объ отношеніи Государства къ народному образованію, *А. Окольскаго.*—Городскіе общественные банки Россіи, *В. Ососова.* — Повѣсти и разсказы. *Д. Григоровича* (455 стр.).—Октябрь: Статистическій временникъ Россійской Имперіи, сессія вторая (918 стр.)

V. Иностранная литература. — Іюнь: Вопросы народнаго образованія во Франціи. — Quelques mots sur l'instruction publique en France, par M. Breál. L'instruction republicaine, par Am. Guillemin. — Les Crimes de l'éducation française, par M. Laurentie. (868 стр.). Іюль: Новѣйшій цезаризмъ во Франціи.—Le dernier des Napoleon. (449 стр.).—Августъ: Образованіе женщинъ, его направленіе и цѣли. — Mädchenerziehung und Frauenleben, von Kreyenborg.—Essais and Lectures on social and politi-

cal subjects, by Henri Fawcett and Garret Fawcett (868 стр.).—Декабрь: Результаты американскаго протекціонизма.—Cobden Club Essays, second series (854 стр.).

VI. Новыя Книги.—Іюнь: Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waits.—Les pretendants: les Bourbons, les d'Orleans, l'Empire, la commune, la republique, par Alb. Delpit. — Manuel republicain, par Jules Barni (885 стр.). — Іюль: Essais sur les formes de gouvernement dans les sociétes modernes, par Em. Lavelaye (465 стр.). — Августъ: Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus. — Du suffrage universel et de la maniere de voter par H. Taine. — Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwickelung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russichen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870. (892 стр.). — Декабрь: La science des religions, par Barnouf.—L'Internationale remplacée. — Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by Tyndal (872).

VII. Библіографическій Листокъ.—Январь: 1) Сборникъ Русскаго Историческаго общества, Т. VII. Первый томъ бумагъ Импер. Екатерины II, собраны и изданы академикомъ Пекарскимъ. — За много лѣтъ, В. Спасовича.—Политическая исторія новѣйшаго времени, В. Мюллера.—Государство, общество и право, гр. Симоненко. — Народное изданіе, ф.-д.-Флита и Кочетова. — Февраль: 1) Военная библіотека, томъ седьмой. — 2) Архивъ Судебной медицины и общественной гигіены. — 3) Зодчій, журн. изд. Обществомъ архитекторовъ. — 4) Сказки кота-мурлыки, Николая Вагнера, изд. Стасовой и Трубниковой.—5) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. Ключевскаго.—Мартъ: 1) Вырожденіе Польши Θ. М. Уманца.—2) Швейцарскія альпы и альпійская жизнь Берленша.—3) Отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію, Н. Огородникова.—4) Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ, Л. К. Попова.—5) Спиритуализмъ и наука, І. Крукса, сост. перев. и изд. А. Аксаковъ. — Апрѣль: 1) Древняя русская исторія до монгольскаго ига, М. Погодина. — 2) Испанія девятнадцатаго вѣка, А. Трачевскаго. — 3) Новое руководство нѣмецкаго языка по практико-теоретическому методу Робертсона, Авг. Больца. — 4) О средствахъ къ увеличенію числа врачей въ Россіи, Я. С. Кремянскаго.—Май: 1) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, Ив. Забѣлина. — 2) Меря и Ростовское княжество, Д. Корсакова. — 3) Далекая Россія, Алябьева.—4) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, А. Веселовскаго.—5) Постоянный желѣзнодорожникъ Россіи и Европы, изд. А. Ильина.—Іюнь: 1) Письма Александра Ивановича Тургенева.—2) Кредитъ и общественные банки, Н. Шимановскаго. — 3) Задачи Психологіи, К. Кавелина.—4) Малайскій Архипелагъ, соч. Уэлласа. — 5) Многострадальные, В Н. Никитина. — 6) Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь, Я. Грахова.—Іюль: 1) Севастопольскій сборникъ. Т. I. — 2) Предшественники Шекспира, Н. Стороженка. — 3) Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, Гюбнера. — 4) Сборники литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому, Тихомирова.—Августъ: 1) Сочиненіе Державина съ объяснительными примѣчаніями, Я. Грота. — 2) Евреи въ Россіи, И. Г. Оршанскаго. — 3) Древняя русская литература, В. Водовозова. — Сентябрь: 1) Учебный Атласъ всеобщей географіи, А. Линберга. — 2) Тайны палермскихъ монастырей, Оскара Піо, пер. И. А. Петрова. — 3) Общій элементарный курсъ практической механики, Евг. Котельникова.—4) Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ, В. Ухова.—5) Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества, А. В. Яковлева. — Октябрь: 1) На досугѣ, Э. А. Россмесслера, пер. съ нѣм., П. Андреевскаго.—2) Столѣтіе Ро-

	экз.
Красное-Село	1
Кронштадтъ	22
Новая-Ладога	4
Шлиссельбургъ	1
Усть-Ижора	1
	1909

Ставропольская губ.
(871,422 жит.).

Ставрополь	29
Медвѣжье	4
Средне-Егорлыкская	3
Прасковея село	1
Пятигорскъ	13
Лабинская	2
Тифлисска,я	2
	54

Сувалкская губ.
(511170 жит.).

Сувалки	9
Выштинецъ	1
Кальварія	1
Маріамполь	1
Кибарты	1
Мавруци	1
Августово	1
Сейны	1
	16

Сѣдлецкая губ.
(504,606 жит.).

Сѣдльцы	8
Луковъ	1
Бяло	4
Мендзыржецъ	2
	15

Сыръ-Дарьинская обл.
(865,461 жит.).

Ташкентъ	15
Казалинскъ	2
Хонжентъ	1
Джизакъ	1
Самаркандъ	6
	25

Тавастгуетская губ.
(161,175 жит.).

Тавастгустъ	1
Ойсъ	1
	2

Таврическая губ.
(658,549 жит.).

	экз.
Симферополь	29
Карасубазаръ	2
Ялта	18
Керчь	21
Ѳеодосія	11
Балаклава	1
Севастополь	19
Алушта	2
Бакчисарай	1
Евпаторія	4
Судакъ	1
Перекопъ	3
Алешки	5
Армянскъ	1
Каховка	4
Геническъ	1
Елань-Загачъ	1
Сирогозская	3
Мелитополь	6
Орѣховъ	16
Бердянскъ	7
Большой Токмакъ	1
	157

Тамбовская губ.
(2.055,778 жит.).

Тамбовъ	45
Толстиковская	3
Елатьма	1
Темниковъ	2
Новочеркутино	2
Козловъ	11
Спасскъ	2
Шацкъ	3
Моршанскъ	11
Грязи	3
Коргашино	4
Кулики	2
Лебедянь	5
Липецкъ	5
Муравьево	3
Усмань	7
Чириково	1
Мордово	1
Токаревка	2
Алешки	1
Кирсановъ	13
Борисоглѣбскъ	13
Окры	1
Разсказово	1
	142

Тверская губ.
(1.521,577 жит.).

	экз.
Тверь	23
Селижарово	1
Осташковъ	2
Вышній-Волочекъ	4
Осташковская	3
Спирово	2
Торжекъ	14
Неганово	1
Весьегонскъ	2
Кашинъ	8
Кесьма	1
Красный-Холмъ	5
Старица	6
Бѣжецкъ	6
Зубцовъ	6
Калязинъ	4
Кимры	1
Корчева	3
Ржевъ	14
Савелино	1
Максатиха	1
Троицкая	1
Мста	1
	110

Терская обл.
(447,307 жит.).

Владикавказъ	24
Грозная кр.	4
Хасавъ-Юртъ	4
Шелкозаводская	1
Моздокъ	7
Екатериноградъ	1
Кизляръ	2
Нальчикъ	2
Прохладная	1
Слѣпцовская	2
Георгіевская	3
	51

Тифлисская губ.
(596,784 жит.).

Тифлисъ	117
Джульфы	1
Сурамская	1
Гори	2
Зугзиды	1
Сухумъ-Кале	7
Ахалкалаки	1
Бѣлый-Ключъ	1
Делижанъ	1
Закаталы	3
Караклинская	1
Царскіе-Колодцы	2
Душетъ	1
	139

Тобольская губ.
(1.105,855 жит.).

Тобольскъ	10
Абатская	1
Ишимъ	3
Рыбинская	1
Тора	3
Курганъ	3
Устьламинская	1
Ялуторовскъ	3
Туринскъ	1
Тюмень	6
	32

Томская губ.
(784,268 жит.).

Томскъ	21
Змѣиногорскій рудникъ	5
Маріинскъ	2
Бійскъ	1
Барнаулъ	9
	38

Тульская губ.
(1.154,292 жит.).

Тула	41
Бѣлевъ	4
Веневъ	5
Ефремовъ	7
Кашира	6
Лопатково	1

	экз.
Епифань	5
Богородицкъ	6
Лукояновская	2
Алексинъ	4
Доробино	3
Одоевъ	9
Кадное	1
Сергіевское	2
Войновскіе-Выселки	1
Новосиль	6
Чернь	7
Крапивна	1
Скуратова	1
Ясенки	1
	113

Уфимская губ.
(1.297,577 жит.)

Уфа	18
Мензелинскъ	3
Бирскъ	1
Златоустовскій заводъ	5
Стерлитамакъ	7
Саткинскій заводъ	3
Белебей	3
Кашкалашинская	1
	41

Харьковская губ.
(1.681,486 жит.).

Харьковъ	120
Лебединъ	9
Ахтырка	7
Боромля	2
Сумы	19
Валки	7
Люботинъ	1
Алексѣевка	1
Водолагская	1
Бѣловодская	7
Старобѣльскъ	11
Ново-Екатеринославъ	3
Сеньковская	1
Славянскъ	8
Изюмъ	8
Волохоярская	3
Теплинская	1
Чугуевъ	11
Купянскъ	9
Рогань	1
Богодуховъ	6
Волчанскъ	11
Зміевъ	1
Мерефа	2
Краснопавловка	1
Барвенково	1
Ставраково	3
Дружковка	1
	256

Херсонская губ.
(1.497,995 жит.).

Херсонъ	35
Новомиргородъ	8
Очаковъ	1
Николаевъ	25
Одесса	121
Дубоссары	3
Липецкая	1
Яновская	1
Марьяновская	3
Ананьевъ	5
Водяная	1
Максимовская	5
Бобринецъ	3
Ларіевская	1
Елизаветградъ	33
Вознесенскъ	7
Константиновская	1
Ольвіополь	5
Григоріополь	1
Тирасполь	6
Новая-Прага	8
Песчаный-Бродъ	1
Новогеоргіевскъ	2
Александрія	13
Бирзула	1
Жеребково	2
Ивановка	1
Новоукраинка	4
Раздѣльная	1
Павлышъ	1
Знаменка	2
Бериславль	4
Дудчанская	1
Нововоронцовская	10
	317

Черниговская губ.
(1.560,378 жит.).

Черниговъ	22
Городня	2
Клинцы	2
Почепъ	6
Суражъ	2
Мглинъ	2
Авдѣевка	3
Понуровская	1
Новгородъ-Сѣверскъ	9
Еліонское	1
Климовъ-Посадъ	3
Новозыбковъ	2
Погаръ	3
Стародубъ	5
Сосница	6
Красненская	1
Новый-Ропскъ	1
Козелецъ	7
Березна	2
Рѣпки	3
Глуховъ	6
Алтыновская	1
Воронежъ	1
Кролевецъ	5
Шостенская	1
Батуринъ	3
Конотопъ	13
Нѣжинъ	11
Бахмачъ	3
Бобрикъ	1
Борзна	4
Грузское	1
Красное	1
Плиски	5
Бобровицы	1
Карабутовская	1
	141

Эриванская губ.
(435,658 жит.).

Эривань	10
Нахичевань	3
Вагаршапатская	1
Александрополь	5
Новый-Баязетъ	1
	20

Эстляндская губ.
(322,668 жит.).

Гапсаль	1
Ревель	12
Пантиферъ	1
Везенбергъ	1
Іевве	1
	16

Нюландская губ.
(666,666 жит.).

Гельсингфорсъ	9
Свеаборгъ кр.	2
	11

Якутская обл.
(228,363 жит.).

Якутскъ обл. гор.	4
	4

Ярославская губ.
(999,383 жит.).

Ярославль	31
Суминская	1
Молога	3
Рыбинскъ	14
Любимъ	1
Пошехонье	4
Романовъ-Борисоглѣбскъ	3
Угличъ	3
Петровскъ	1
Ростовъ	6
Борисоглѣбскія слободы	1
Козьмодемьянскъ ст.	1
Родіоновская	1
	70

За границею:

Германія	55
Франція	14
Италія	8
Швейцарія	10
Турція	4
Китай	1
Англія	3
Греція	3
Молдавія	1
Бельгія	2
Японія	1
	102

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

стр.

Алексѣй Слободинъ.—Семейная исторія.—Часть третья.—I-X. — П. АЛЬМИНСКАГО 437

Странники или Бѣгуны въ русскомъ расколѣ.—II. Распространеніе секты.—А. И. РОЗОВА 519

Стихотворенія.—I. Чего-то ждетъ!—II. Обновленіе.—III. Ш—ѣ.—IV. Предчувствіе смерти.—V. Послѣдній лучъ.—П. М. КОВАЛЕВСКАГО 543

Исторія Бисмарка въ связи съ исторією его страны. — I - VII. — Д. А. ПОЛОНСКАГО 548

Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ.—Историческіе очерки. VI. Славянофильство.—Продолженіе.—А. Н. ПЫПИНА 618

Историческіе этюды.—Изъ Гейбеля.—Перев. Е. Ш—ИНОЙ 679

Шустенокъ.—Разсказъ изъ народной жизни.—I-III. — О. ПАРВОВА 684

Хроника.—Планъ сельско-хозяйственной школы.—И. СТЕБУТА 718

Внутреннее Обозрѣніе.—Вопросъ о начальномъ обученіи. — Новыя предположенія по наблюденію за нимъ и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ.—Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій. — Роль земства и значеніе инспекціи. — Вопросъ объ отмѣнѣ обязательной крѣпости вина.—Статистика потребленія спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей. — Собираніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. — Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей“. — Что́ такое „Сцилла и Харибда?“ 737

Иностранное Обозрѣніе.—Кризисъ во Франціи.—Посланіе президента.—Запросъ Шангарнье́. — Коммиссія Кердреля. — Національныя несогласія въ Австріи.—Взглядъ на сеймы. — Случай въ Тиролѣ.—Сеймъ прусскій. — Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта. 775

Замѣтка о состояніи морскихъ силъ въ Германіи.—Bourelly, Marine militaire de l'Allemagne.—П—ЧЪ. 797

Корреспонденція изъ Аѳинъ.—Парламентская жизнь въ Греціи.—В. М—ОВЪ. 803

Корреспонденція изъ Берлина. — Оппозиція палаты господъ и ея реформа.—К. 832

Иностранная Литература. — Результаты американскаго протекціонизма.—Cobden Club Essays, second series 854

Новыя Книги.—La Science des religions, par Em. Burnouf.—L'Internationale remplacée, par un publiciste en retraite.—Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by John Tyndall 872

Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній: о двухъ вакансіяхъ кандидатовъ-педагоговъ по русскому языку 880

Матеріалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1872 г. 882

Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1872 годъ 891

Библіографическій Листокъ.

Конецъ седьмого года.

олитика, какъ наука. Сочиненіе *Стронина.* Спб. 1872. стр. 530. Ц. 1 р. 75 к.

Теорія автора извѣстна изъ его „Исторіи и
Іетоды“. Настоящій трудъ является какъ при-
ѣненіе этой теоріи къ одной изъ соціальныхъ
аукъ, а именно къ политикѣ, разсматриваемой
мъ не какъ искусство, а какъ научное изло-
еніе законовъ, дающихъ возможность каждому
е только для „діагностики“, но и для „прог-
остики“ каждаго общества. Предметомъ такой
олитики служитъ, по оригинальному выраже-
ію автора, „первый процессъ общества“, ко-
орый въ общественномъ организмѣ также тё-
енъ и гадателенъ, какъ первый процессъ вся-
аго организма. Дѣло внимательной критики рѣ-
ить вопросъ: насколько этотъ новый трудъ г.
тронина бросилъ свѣта въ ту дѣйствительно
рную область изслѣдованія. Программа же его
акова: объяснивъ съ своей точки зрѣнія строе-
е общества, онъ излагаетъ послѣдовательно его
олитику“, т.-е. общія отправленія человѣче-
аго общества и частные процессы интеллиген-
и, правительства и гражданства. Въ заключе-
е труда приводится попытка автора примѣ-
ить свою теорію къ Россіи, а именно „распо-
нать“ (геогностика) и „предпознать“ (прогно-
тика) ся настоящій и предстоящіе процессы.
то въ послѣднихъ вопросахъ почтенный ав-
ръ не избѣгнулъ общей судьбы „предпозна-
щихъ“, и не составилъ исключенія изъ извѣ-
наго правила: nul n'est prophète, — это вид-
, напримѣръ, изъ того, что, въ силу своей
оріи, онъ утверждаетъ, будто „высокое раз-
тіе личности для насъ (русскихъ) уже дѣй-
вительно недоступно“, что наша „треть или
творть жизни во всякомъ случаѣ прожита,
о періода прогрессивности остается намъ ско-
е меньше, чѣмъ больше прожитаго“, и что
этомъ отношеніи „безбрежныя надежды
ть одна изъ тѣхъ утопій, для которыхъ за-
нъ не писанъ“. Но едва-ли есть писанные за-
ны и для такихъ „безбрежныхъ“ утвержденій,
едва-ли можно рискнуть на такую прогности-
, чтобы вмѣстѣ съ авторомъ на многое у насъ
ахнуть рукою“. Но діагностика автора пред-
авляетъ много любопытныхъ указаній и дан-
ыхъ для размышленія.

достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ. Разсужд. д-ра *Θ. Вислоцкаго.* Варшава, 1872. Стр. 175.

Авторъ, находя, что, со времени введенія ин-
итута присяжныхъ, судебно-мед. экспертиза
итается болѣе или менѣе упраздненною, такъ
къ дѣло рѣшается по совѣсти, предпринялъ
казать, что такая экспертиза можетъ и теперь
ѣть новыя и существенныя основанія для при-
оенія себѣ юридическаго значенія, а въ за-
юченіе разбираетъ причины неудовлетвори-
льности ея въ настоящей практикѣ. Важность
днятаго вопроса авторомъ несомнѣнна: отъ
авильности суд.-мед. экспертизы зависитъ ча-
сто честь людей и ихъ благосостояніе, и пото-
му безъ сомнѣнія трудъ г. Вислоцкаго обратитъ
на себя все вниманіе спеціалистовъ.

Первобытная культура. Соч. *Эд. Тейлора.* Пер. съ англ. п. р. *Д. А. Коропчевскаго.* Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Спб. 1872. Стр. 383 и 77. Ц. 3 р.

Настоящій трудъ Тейлора составляетъ продолженіе извѣстныхъ его изслѣдованій древнѣйшей исторіи рода человѣческаго, а именно, въ области языка, миѳологіи и понятій о языкѣ. Авторъ, какъ и прежде, проводитъ въ исторіи культуры начало „послѣдовательнаго“ развитія, которое охотно допускается всѣми при изученіи неодушевленной природы или низшихъ отправленій человѣческой жизни, но оспаривается всякій разъ, когда дѣло идетъ о высшихъ процессахъ нашего чувства, мысли, языка и т. д. Помимо такой попытки автора, его огромная начитанность, свѣтлый умъ, дѣлаютъ настоящій его трудъ въ высшей степени любопытнымъ, какъ огромную сокровищницу вѣковыхъ наблюденій надъ продуктами духовной жизни человѣка, въ разныя времена и у разныхъ народовъ.

Земля. Описаніе жизненныхъ явленій земнаго шара. Соч. *Элизе Реклю.* I. Суша. Съ хромолитографіями. Перев. съ 2-го изданія. Спб. 1872. Стр. 615. Ц. 4 р.

Сочиненіе Э. Реклю пользуется большою извѣстностью въ Европѣ и составляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ сводовъ всего существеннаго, что было писано по физической географіи, съ присоединеніемъ обширныхъ личныхъ наблюденій автора надъ важнѣйшими моментами и пунктами жизни земли. При русскомъ переводѣ помѣщенъ хромолитографическій атласъ, исполненный въ картографическомъ заведеніи г. Ильина и не уступающій нисколько иностраннымъ изданіямъ того же рода.

Теорія промышленнаго права. Переводъ съ фр. *И. Граціанскаго.* Спб. 1873. Стр. 151. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій переводъ составляетъ извлеченіе изъ обширнаго труда библейскаго ученаго Вэльбрёка, а именно, двѣ первыя главы перваго тома его „Cours de droit industriel“; въ одной главѣ авторъ изслѣдуетъ право вмѣшательства государства въ область труда вообще, а во второй, болѣе обширной — въ область мануфактурной промышленности. Поставляя политическую экономію въ связь съ философіею спиритуалистовъ, авторъ считаетъ назначеніемъ государства вмѣшиваться въ промышленность однимъ путемъ устраненія препятствій для человѣка къ развитію своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, и съ этой точки зрѣнія излагаетъ всю свою теорію промышленнаго права для конкуррентовъ, хозяевъ и рабочихъ, хозяевъ и потребителей, и т. д.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп. — 2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III. — **Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV. — **Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб. — въ *Германію и Австрію;* b) **3** р. — въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества:* c) **4** р. — во *Францію* и *Данію;* d) **5** р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію;* e) **6** р.—въ *Швейцарію;* f) **7** р. въ *Италію.*

---

1 — *ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20) съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія,* его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2 — *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3 — *ЖАЛОБА,* въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно списаться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность условіямъ подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

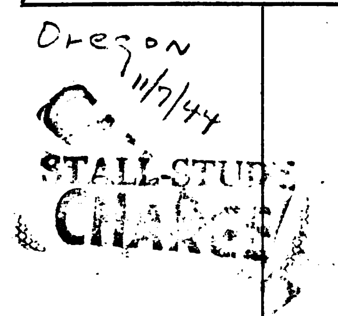
М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Экземпляры 1872-го года разошлись всѣ по подпискѣ.

Oregon
11/7/44

